

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»

И.Х. Тхамокова

**ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
(XVI – начало XX в.)**

**Нальчик
2017**

УДК 94:39 (470.6)
ББК 63.5 (531)
Т92

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Научный редактор
доктор исторических наук *С.И. Акиева*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *А.Х. Абазов*
кандидат исторических наук *Д.Н. Прасолов*

Тхамокова И.Х.

Т92 Терское казачество в этнокультурном пространстве Северного Кавказа (XVI – начало XX в.). – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 460 с.

Терские казаки живут на Северном Кавказе с XVI в. В монографии рассматривается история формирования и изменения этой группы с момента ее появления до начала XX в., участие и влияние народов Кавказа на эти процессы. Исследуются также традиции казачества, их обряды, материальная и духовная культура, которые сложились во взаимодействии с соседними народами и группами. Это позволяет ответить на вопрос, кем являлись терские казаки в прошлом – народом, этнографической группой или же социальной группой, частью сословия. Книга предназначена в первую очередь для ученых, занимающихся исследованием истории и этнографии не только казаков, но и народов Северного Кавказа, а также русских и украинцев. Она может представлять интерес и для аспирантов, студентов и самого широкого круга читателей.

УДК 94:39 (470.6)
ББК 63.5 (531)

Tkhamokova I.Kh.

The Tersky Cossacks in ethnocultural space of the North Caucasus (16th – the beginning of the 20th century). – Nalchik: Editorial-publishing department of the IHR KBSC RAS. – 460 p.

Tersky Cossacks live in the North Caucasus from the 16th century. In this monograph the history of formation and changes of this group is considered from the moment of its emergence until the beginning of the 20th century, as well as the participation and influence of the other nations of the Caucasus on these processes. The traditions of the Cossacks, their ceremonies, material and spiritual culture which developed in interaction with the neighboring nations and groups are investigated. It allows to answer a question: what the Tersky Cossacks were in the past – the nation, an ethnographic group or a social group, a part of the estate. The book is intended first of all for the scientists researching history and ethnography not only of the Cossacks, but of the other nations of the North Caucasus and also Russians and Ukrainians. It can be of interest also to post-graduates, students and the most wide range of readers.

© Тхамокова И.Х., 2017
© ИГИ КБНЦ РАН, 2017

ВВЕДЕНИЕ

О казаках, в том числе и о терских, написано множество научных и научно-популярных книг и статей, однако одни из них нередко противоречат другим. Не существует единого мнения о том, когда казаки появились на Кавказе, откуда они пришли, кем они были. На эти вопросы даются самые разные ответы, что делает необходимым продолжение исследований. Применительно к терскому казачеству одна из основных задач заключается в том, чтобы определить его место в этнокультурном пространстве Северного Кавказа среди народов, этнографических и социальных групп региона.

Статус казачества долгое время является предметом дискуссий. Казаков считают народом, сословием, субэтносом или этнографической группой (группами), этносословными или локальными культурно-территориальными группами¹.

Для ответа на вопрос, кем являлись терские казаки в XVI – начале XX в. следует прежде изучить историю формирования этой группы с момента его появления на Северном Кавказе. Это покажет, являлась ли она по своему происхождению однородной или имела сложный состав, достаточно ли времени у нее было для завершения процессов этнической консолидации. Не менее важные проблемы – роль государства и значение народов Кавказа в становлении казачества.

Для решения этих задач необходимо заново проанализировать уже известные исторические источники и дополнить их вновь выявленными материалами. К новым выводам также приводит обобщение всех имеющихся сведений, исследование не отдельных периодов и не отдельных групп, а всего терского казачества в целом на протяжении всей истории его становления со второй половины XVI в. до начала XX в.

Терское казачество изучается в тех границах, которые были проведены в 1860 г. при создании Терского казачьего войска. Все группы казачества, размещавшиеся на этой территории в XVI – начале XX в. являются предметом исследования, независимо от их происхождения названия или статуса. Это позволяет сопоставить количество станиц и приблизительную численность казачества в этом регионе в XVII, XVIII, в первой и во второй половине XIX в., что не было сделано до настоящего времени.

Не менее важной задачей является изучение традиционной культуры терского казачества. Она исследуется в сравнении с культурой других групп восточнославянского населения как Северного Кавказа, так и иных регионов страны. Еще одна важная особенность исследования – изучение терского казачества в контексте этнографии народов Северного Кавказа. Они принимали непосредственное участие в формировании терского казачества, они же оказали влияние на его традиционную культуру. Об этом писали многие авторы, но до настоящего времени этнокультурные контакты народов региона остаются недостаточно изученными.

Исследование покажет, являлась ли традиционная культура терского казачества единой в этническом отношении. Только в таком случае можно говорить о нем как об этнографической или этнословной группе. Если же этнические границы проходили внутри казачества, то оно может являться сословной или иной социальной, но не этнографической группой.

Для решения поставленных задач привлекается обширный комплекс разноплановых источников. Прежде всего, использованы документы, хранящиеся в нескольких архивах. В Российском государственном архиве древних актов это документы из фондов 115 – «Кабардинские дела», 121 («Кумыцкие и Тарковские дела»), 123 («Сношения России с Крымом»), 127 («Сношения России с ногайскими татарами») и др. Наибольший интерес среди них представляет переписка терских воевод с Москвой и с Астраханью. Хотя казаки упоминаются в письмах нечасто, но все же в них можно найти некоторые сведения о казачьих городках и казачьих атаманах, об отношениях казаков с воеводами и с народами Кавказа. Большая часть этих документов давно известна и даже опубликована, но и в них можно найти информацию, которая по разным причинам не использовалась до настоящего времени. В фонде 141 («Приказные дела старых лет») есть материалы расследований по жалобам на терских воевод, дополняющие сведения других фондов о терских и гребенских атаманах и казаках первой половины XVII в.

Наряду с этим в РГАДА есть менее известные (с точки зрения истории терского казачества) документы. Они хранятся, в частности, в фонде 9 (Разряд IX. «Кабинет Петра I и его продолжение»). Среди документов этого фонда есть письма Казанских и Астраханских губернаторов Петру I. Поскольку город Терки относился первоначально к Казанской, а затем к Астраханской губернии, в этих документах можно найти сведения о казаках Северного Кавказа. В этом фонде есть также письма генералов, участвовавших в Персидском походе. Эти документы сообщают о нападениях кавказских «владельцев» на казачьи

городки и о походах русской армии против этих «владельцев». Кроме того, фонд 9 включает письма кабардинского князя Эльмурзы Бековича (Черкасского), помогающие понять, каким образом и почему он получил командование над терскими казаками².

В фонде 248 («Сенат и его учреждения») хранятся письма, донесения из Казанской и Астраханской губерний первой четверти XVIII в. В них содержатся, в частности, данные о численности гребенского казачества в 1720 г., т.е. вскоре после похода А. Бековича (Черкасского) в Хиву, в котором принимали участие и гребенские казаки и из которого многие из них не вернулись. Они позволяют уточнить потери казаков в этом походе. Документы этого фонда передают также содержание челобитных гребенских казаков царю и их письма к донским казакам с призывами о помощи и с сообщениями о многочисленных нападениях соседних «владельцев» на гребенские городки.

Среди документов фонда 371 («Преображенский и Семеновский приказы») есть материалы о стрелецком восстании 1705 г. в Астрахани и в Терках. Их использовали ученые, занимавшиеся исследованием социально-политической истории России или русско-дагестанских отношений³, но они не менее важны для истории казачества, поскольку содержат краткие, но ценные сведения о количестве гребенских городков в тот период.

В фонде 23 РГАДА («Кавказские дела») сосредоточены документы по истории казачества второй половины XVII. Они содержат сведения о переселении на Кавказ волжских казаков, о создании Азово-Моздокской линии, об отношениях казаков с народами Кавказа в тот период.

В архиве Санкт-Петербургского института истории хранятся документы, которые дополняют материалы Российского государственного архива древних актов. Они сосредоточены в фонде 178 («Астраханская приказная палата») и содержат сведения о казачьих городках и атаманах, о других должностных лицах терско-гребенского казачьего войска, об отношениях казаков с народами Кавказа и с царскими воеводами, о переселении на Кавказ донских казаков-раскольников. Эти документы использовались немногими из историков казачества⁴.

В Государственном архиве Астраханской области также находятся документы Астраханской приказной палаты (ф. 1010). Кроме того, другие источники по истории терского казачества хранятся в фонде 394 этого архива («Астраханская губернская канцелярия») и в фонде 599 («Астраханская губернская духовная консистория»). По материалам этого архива несколько статей написал П.Л. Юдин более ста лет назад⁵, но после него историки при изучении терского казачества очень редко обращались к этим источникам.

Большой массив документов по истории терских казаков сконцентрирован в Российском государственном военно-историческом архиве, и значительная часть этих материалов еще не использовалась учеными. В фонде 13 («Казачья экспедиция канцелярии военной коллегии») содержатся интересные сведения о терско-кизлярских, терско-семейных и гребенских казаках XVIII в., в том числе статистические материалы 1744 г., переданные в военную коллегию Астраханским губернатором. В тот период эту должность занимал один из основоположников российской исторической науки В.Н. Татищев, который получал информацию, видимо, от Кизлярского коменданта. Несмотря на некоторые неточности и противоречия, эти документы дают представление о численности и составе населения казачьих станиц. Кроме того, в этом фонде хранятся материалы о вернувшихся из плена гребенских казаках, участвовавших в хивинском походе, о казачьих атаманах и казачьем войсковом круге. Есть также сведения о кумских казаках, не входивших в состав ни одного казачьего войска, о попытках государства и церкви бороться с гребенскими казаками-старообрядцами и т.д.

В других фондах военно-исторического архива также содержится много материалов по истории казачества (преимущественно XIX в.), особенно в фондах: 330 («Главное управление казачьих войск»), 846 («Военно-учетный архив»), 1058 («Кавказское линейное казачье войско»), 13454 («Военное управление на Кавказской линии и в Черномории»). Большая часть информации относится к военным действиям, в том числе и к участию в них казачества. Кроме того, в документах можно найти также статистические сведения – данные о численности казачества и составе населения станиц, о демографических процессах, о земледелии, скотоводстве и других отраслях хозяйства. Есть также материалы о появлении новых казачьих станиц и зачислении в состав казачества различных социальных и этнических групп.

В ЦГА Республики Дагестан документы о казачестве сосредоточены, главным образом, в фондах 335 («Комендант крепости Терки»), 339 («Походная канцелярия генерал-лейтенанта А.П. Девица»), 379 («Кизлярский окружной начальник Терской области»), 382 («Комендант крепости Святой крест»). Документы этого архива более использовал П.Л. Юдин⁶, но впоследствии их привлекали для исследования истории казачества только ученые Дагестана⁷.

Электронные копии более 100 дел этого архива (ф. 339 и 379) есть в ЦГА Кабардино-Балкарии (Ф. Р-1209. Оп. 17 доп.). Эти документы датируются, главным образом, 40–70 гг. XVIII в. Среди них – переписка кизлярских комендантов и кизлярской канцелярии с казачьими атаманами, со служившими на Тереке офицерами, с кабардинскими, тарковскими,

андреевскими, аксайскими, брагунскими и другими правителями, а также статистические материалы о численности казаков тех или иных станиц, о получении жалованья, протоколы допросов вышедших из плена людей, беглых рабов и т.д. Эти документы позволяют расширить и дополнить сведения по некоторым вопросам истории казачества, особенно об отношениях казаков с соседними народами, о военной службе и об источниках пополнения казачества в середине XVIII в., о структуре и системе управления казачьих войск того периода.

В Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания документы по истории казачества хранятся в фондах 2 («Управление наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска»), 3 («Канцелярия наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска»), 13 («Войсковое правление Терского казачьего войска») и др. Все они относятся к XIX в. и позволяют углубить наши знания, касающиеся изменения численности казачества в целом и населения отдельных станиц, хозяйственной деятельности казаков, их семейного быта, появления новых станиц и упразднения старых, зачисления в состав казачества и отчисления из него.

Архивные документы, известные на сегодняшний день, содержат ценные сведения по истории терского казачества. Вместе с тем они требуют тщательного анализа, сопоставления и проверки. При этом необходимо учитывать время составления документа, осведомленность или позицию его автора (авторов) по тем или иным вопросам. Это касается, в частности отношений казачества с народами Кавказа. В XVII–XVIII вв. казаки постоянно жаловались на враждебные действия соседних «владельцев», а эти «владельцы» – на казаков. Поэтому необходимо как можно более полно использовать имеющиеся источники, сопоставлять их и учитывать различные точки зрения.

Некоторые из документов, относящихся к казачеству, были опубликованы еще в XIX в. Это были «Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею»⁸, «Акты, собранные в библиотеках и архивах археографическою экспедициею Императорской академии наук»⁹. Хотя целью этих изданий являлась публикация источников по истории России в целом, но они содержат некоторые сведения о терских казаках: об их участии в событиях Смутного времени, об их отношениях с царскими воеводами и с соседними народами, о появлении на Куме донских казаков-раскольников и т.д.

С 1866 по 1904 г. были изданы «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею» в 12 томах¹⁰. В них были представлены документы из архива главного управления наместника кавказского. Большая часть из них касалась военных действий в конце XVIII – первой

половине XIX в., но были также материалы об учреждении новых станций, о системе землепользования казаков и др.

В 1889 С.А. Белокуров издал сборник документов из архива министерства иностранных дел об отношениях России с народами Кавказа в 1578–1613 гг.¹¹ Среди них важное место занимают материалы посольств, направлявшихся из Москвы в Грузию и из Грузии в Москву. Их сопровождали казаки, жившие в городе Терки, и терские «вольные» казаки, благодаря чему можно узнать об их службе царю. Есть также информация о гребенских городках и казачьих атаманах, о столкновениях казаков с ногайцами и кумыками, об участии казаков в разгроме войск И. Заруцкого в Астрахани. Издание С.А. Белокурова стало одним из важнейших источников по истории терского казачества, хотя и охватывает довольно короткий исторический период.

Публикация материалов по истории взаимоотношений России с народами Кавказа продолжалась в советское время. В 1957 г. был издан двухтомник «Кабардино-русские отношения»¹², содержащий документы XVI–XVIII вв., в 1958 г. – сборник «Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.»¹³. Значительно позже, в 1988 г., к нему прибавился том об отношениях России и народов Дагестана в XVIII – начале XIX в.¹⁴ Еще позже, в 1997 г. вышел из печати сборник документов о русско-чеченских отношениях¹⁵. Помимо сведений о межнациональных контактах, эти издания сообщают также о месте расположения казачьих городков и численности их жителей, о казачьих атаманах и о взаимодействии казаков с терскими воеводами и с кизлярскими комендантами. При подготовке этих документов к публикации была проделана большая предварительная работа: многие из них были впервые выявлены и датированы, были составлены подробные комментарии, что облегчает работу историков. Значительная часть этих документов хранится в РГАДА, но есть также документы из Архива внешней политики Российской империи и других архивов.

Среди других источников можно отметить опубликованный М.О. Косвенюк документ XVIII в. из фондов РГАДА о гребенских казаках¹⁶. Несмотря на свою краткость, он содержит интересные сведения о местах первоначального расселения этой группы, о некоторых особенностях ее хозяйства и материальной культуры. Эта информация использовалась многими учеными, которые, однако, не всегда учитывали, что этот документ был написан значительно позже времени появления казаков на Кавказе, поэтому имеющимися в нем сведениями о первоначальном их расселении следует пользоваться с осторожностью. Необходимо проверять их другими источниками и учитывать,

что они могут относиться не к XVI, а к значительно более позднему периоду. В этом же документе содержатся некоторые сведения о материальной культуре гребенских казаков – их станицах, жилищах и одежде. По непонятной причине эти материалы фактически не использовались, хотя других источников по этнографии гребенского казачества XVIII в. почти нет.

Сборник документов «Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века» был издан еще в 2004 г.¹⁷, однако до настоящего времени историки казачества к нему не обращались. Причина, скорее всего, заключается в том, что в названии сборника ни казаки, ни Кавказ не упоминаются. Тем не менее, он содержит ценные материалы по истории гребенского казачества, в том числе в одном из документов перечислены казачьи городки, существовавшие в 1705 г. Ни в каком другом источнике этого периода подобных сведений нет.

Опубликованные статистические документы по своему содержанию близки к статистическим материалам, хранящимся в архивах. Это списки населенных мест Терской области, в которых указана численность населения в селах и станицах, а также есть сведения об особенностях их хозяйства¹⁸, материалы переписи населения 1897 г.¹⁹, содержащие информацию о численности и этническом составе казачества, отчеты начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска²⁰. Но и эти материалы могут содержать ошибки, поэтому требуют проверки и сопоставления с другими источниками.

Среди изданий нормативных актов особое значение имеет много томное «Полное собрание законов Российской империи»²¹, опубликованное в XIX в. – известный и широко используемый исторический источник. Однако для изучения истории терского казачества использовались только отдельные законы, входящие в это собрание. Значительная часть нормативных актов, содержащих сведения по этой проблеме, остается неисследованной.

ПСЗРИ содержит сведения о времени появления многих терских станиц, причем эти сведения значительно более точны, чем народные легенды и предания, на которых основывали свои труды некоторые историки казачества.

Как ни один другой источник, ПСЗРИ показывает важную роль государства в формировании терского казачества в XVIII–XIX вв. Именно государство зачислило тысячи людей в состав терского казачества, но оно же и отчисляло из казачьего войска. Оно образовало десятки станиц, переселило многие тысячи людей на Кавказ, объединяло отдельные группы казачества и разъединяло их по своему усмотрению.

Но в то же время содержащиеся в ПСЗРИ сведения по истории терского казачества не являются полными и исчерпывающими. Несмотря на название этого собрания, оно содержит не все законы Российской империи. Особенно много законодательных актов не включено в тома, относящиеся к XVIII в. Этот источник не содержит никаких материалов по истории многих терских станиц. Кроме того, между принятием того или иного указа и его выполнением проходило некоторое время, иногда довольно значительное. По этой причине ПСЗРИ необходимо дополнять и подтверждать другими источниками.

Помимо истории формирования терского казачества, Полное собрание законов Российской империи содержит ценные материалы по истории казачьей общины, системе землепользования казачества, самоуправлению и судопроизводству в станицах Терского казачьего войска во второй половине XIX – начале XX в. Этот источник показывает влияние государства на казачью общину того периода. Кроме того, в ПСЗРИ есть документы, регламентирующие военную форму терского казачества, т.е. содержащие информацию об одежде этой группы.

Другую группу составляют нарративные источники. Среди них – записки купцов, путешественников, ученых, офицеров, чиновников и дипломатов о Кавказе.

Самые ранние нарративные источники относятся к XVII в. Это сочинения Текандера, принимавшего участие в посольстве, направленном императором Священной Римской империи Рудольфом в Персию²², русского купца Ф. Котова²³, голштинского посла А. Олеария²⁴, турецкого путешественника Эвлия Челеби²⁵. Они дополняют сообщения других источников. Иногда не меньшее значение, чем содержащиеся в нарративных источниках материалы, имеют отсутствующие в них сведения. Тот факт, что ни один из них не упоминает о Трехстенном казачьем городке в устье Терека, является серьезным аргументом против существования этого городка, точнее, аргументом в пользу того, что Трехстенный городок – это одно из названий города Терки.

В первой половине XVIII в. появились новые сочинения, содержащие сведения о казаках и их городках, об упразднении города Терки, о строительстве крепости Святого креста и о переселении к ней терских и донских казаков, об участии казаков в походах в Иран и в Дагестан и т.д. Их авторами были офицеры, участники персидского похода – П.Г. Брус, Ф.И. Соймонов, А. Маркович, В.П. Шереметев и др.²⁶ Их краткие заметки о казаках основаны на личных наблюдениях и дополняют сведения других источников о казачьих городках, о поселении казаков рядом с крепостью Святого креста, об участии казаков в военных действиях против правителей нескольких областей Дагестана. Их

работы интересны как свидетельства очевидцев, но и в них встречаются сомнительные сведения. Например, сообщение П. Бруса о численности терского гарнизона, в том числе и казаков²⁷, противоречит материалам Верховного тайного совета²⁸ и архивным документам, обнаруженным П.Л. Юдиным²⁹. В случаях подобных противоречий приходится сравнивать сведения, содержащиеся в разных источниках, анализировать их и решать, какие из них заслуживают большего доверия.

Из источников XVIII в. особое значение имеет книга А. Ригельмана о донских казаках³⁰, в которой он пишет также и о гребенских, терско-семейных и терско-кизлярских казаках: об их происхождении, времени появления на Кавказе, местах их расселения, о некоторых особенностях их хозяйственной деятельности и семейных отношений, об их участии в войнах и в социальных движениях. Ригельман побывал на Кавказе в середине XVIII в. Многие из того, что он пишет – результаты его собственных наблюдений, которые заслуживают доверия и имеют большую ценность для изучения казачества. Однако, когда он сообщает о событиях прошлого, то он опирается отчасти на какие-то документы, а отчасти – на рассказы местных жителей. Поэтому его версия происхождения казачества и его первоначального расселения на Кавказе является не столько источником для изучения истории терского казачества, сколько источником для изучения представлений казаков XVIII в. о своей истории. Она требует осторожности и сопоставления с другими источниками.

Во второй половине XVIII в. по Кавказу путешествовали ученые – И. Гильденштедт, П. Паллас. В работах первого из них приведены краткие сведения о появлении станиц волжских казаков на Кавказе, о земледелии и об особенностях одежды казачества того периода, а также о Трехстенном городке, о том, что когда-то казаки жили на реке Топли и т.д.³¹ П. Паллас сообщил информацию о многочисленных русских селах, появившихся на Северном Кавказе в конце XVIII в. Со временем некоторые из этих сел превратятся в станицы³². В дневнике путешествия подполковника Штедера содержится часто повторяемое многими историками сообщение о том, что гребенские казаки жили когда-то на реке «Русский Форган», притоке Сунжи³³.

В начале XIX в. появилось «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний»³⁴. Это едва ли не единственный источник информации о хозяйстве и некоторых элементах материальной культуры казачества Терека начала XIX в. К сожалению, в этой книге содержатся лишь фрагментарные сведения об одежде или жилище, но и они имеют большую ценность, потому что другие материалы того времени почти не сохранились.

Об участии казаков в Кавказской войне можно найти информацию в многочисленных мемуарах офицеров и генералов русской армии, в том числе генерала А.П. Ермолова³⁵.

Среди нарративных источников второй половины XIX – начала XX в. особенную ценность для изучения этнографии терского казачества имеют многочисленные краеведческие и статистические работы. Их авторами часто были учителя, работавшие в станицах или же казаки, уроженцы этих станиц, получившие образование. Они хорошо знали предмет своего исследования и в своей работе использовали опросы жителей станиц и результаты включенного наблюдения. Среди краеведческих работ часто встречаются историко-этнографические очерки отдельных станиц. Они обычно содержат краткую информацию по истории станицы, статистические сведения и материалы по хозяйству, материальной культуре, обрядам и обычаям. Особенно много такого рода статей было напечатано в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа»³⁶. Иногда основное внимание авторы уделяли именно обрядам и обрядовым песням³⁷. Эти материалы имеют огромное значение для изучения этнографии терского казачества, поскольку многие из существовавших в те времена обрядов и других компонентов традиционной культуры давно исчезли и не были зафиксированы никакими другими источниками.

Столь же большое значение для изучения проблем хозяйственной деятельности терских казаков имеют статистические описания нескольких станиц, собранные в сборнике «Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска», изданном в 1881 г. во Владикавказе. Авторы этой работы (О.В. Марграф, П.И. Линтварев, Ф. Бузилов, Ф. Томаревский и Ф. Головчанский) провели подворную перепись в 12 терских станицах, которая и легла в основу их исследования. Это позволило получить интересные материалы о хозяйственной деятельности, демографических процессах и общественном быте казачества. Кроме того, в «Статистических монографиях» содержатся также сведения о материальной культуре, религиозных верованиях, семейных отношениях казачества. Это делает издание одним из самых ценных источников по этнографии терского казачества.

В краеведческих музеях Северного Кавказа (в том числе и в музеях нескольких казачьих станиц) представлены предметы материальной культуры казачества – одежда, домашняя утварь, некоторые сельскохозяйственные орудия. Они являются ценными этнографическими источниками, хотя музеи были созданы сравнительно в недавнее время, когда традиционная культура казачества была уже во многом разрушена.

В музеях хранятся также изобразительные и фотоматериалы, которые служат важным дополнением их коллекций и источником для изучения материальной культуры казачества.

В музеях за пределами Северного Кавказа также хранятся изобразительные и фотоматериалы, отражающие историю и этнографию терского казачества. Часть подобных материалов была опубликована в XVIII–XIX вв, некоторые из переиздаются в настоящее время. Среди них особое значение имеют рисунки казачек 70 гг. XVIII в. из книги И. Гильденштедта³⁸, изображение гребенского казака и казачки начала XIX в. (Е.М. Корнеева)³⁹ и рисунки князя Г. Гагарина середины XIX в., запечатлевшие гребенских казаков и казачек⁴⁰. Они дают общее представление о казачьей одежде тех времен, хотя и не дают возможности установить точный покрой ее.

Еще один тип источников составляют полевые этнографические материалы, собиравшиеся на протяжении многих лет, начиная с 1986 г. преимущественно в станицах Кабардино-Балкарии. На территории республики представлены разные по происхождению группы казачества: волжские казаки, переселенные на Кавказ (станция Екатериноградская), однодворцы (ст. Приближная и Солдатская), отставные солдаты (Солдатская, Котляревская, Александровская), «малороссийские казаки» (ст. Пришибская), бывшие украинские крестьяне (ст. Прохладная, Солдатская, Котляревская, Александровская). Получены довольно полные сведения о традиционной культуре русского и украинского населения республики, начиная с 20-х гг. О более раннем периоде могли что-либо сообщить очень немногие из информаторов в первые годы исследования. Но полевые этнографические материалы можно использовать для частичной реконструкции культуры конца XIX – начала XX в., поскольку многие из ее элементов еще сохранились в 20-х гг.

Кроме казаков, были опрошены также жители русских сел Кабардино-Балкарии, что позволяет сопоставить традиции казачества и других групп восточнославянского населения региона, чего не делал почти никто из этнографов.

Что же касается фольклорных материалов, которые используются некоторыми историками при изучении раннего периода истории казачества, то это очень ненадежный источник, который требует тщательной проверки и сопоставления с другими материалами. В то же время фольклорные тексты содержат важную информацию о традиционной культуре, верованиях, самосознании народа. Совсем недавно был опубликован небольшой сборник пословиц, легенд, сказок казаков Кабардино-Балкарии⁴¹. Помещенные в этом издании легенды о переселении гребенских казаков из Червленого яра на Кавказ, об Андреевом городке

и атамане Андрее подозрительно близки к тексту некоторых книг по истории казачества и, скорее всего, являются их пересказом.

Использованные источники позволяют исследовать поставленные проблемы, хотя не все периоды истории казачества и не все этапы развития культуры отражены в них с одинаковой полнотой. Очень мало сведений сохранилось о происхождении казачества, его появлении на Кавказе, о численности и территории его расселения во второй половине XVI – начале XVII в. Каждый последующий период истории казачества обеспечен источниками лучше предыдущего. Поэтому о численности, составе, расселении и пополнении терского казачества в XIX в. сохранилась довольно подробная информация. Что касается традиционной культуры казачества, то больше всего сведений о ней также содержат источники второй половины XIX – начала XX в. При этом некоторые компоненты культуры (например, свадебная обрядность) известны значительно лучше чем другие (похоронные или календарные обряды). По этой причине иногда предоставляется возможность глубже исследовать особенности культуры терского казачества и отдельных его групп, но в некоторых случаях такой возможности нет.

Примечания

1. *Ткачев Г.А.* О казачьем землепользовании. Владикавказ, 1917. С. 17; *Харламов П.К.* Казаки. Париж, 1956. С. 4; *Губарев Г.В.* Казачий словарь-справочник. М., 1992; *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 33; *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (сер. XVI – нач. XX в.): Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 117, 226; Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 169; Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 2003. С. 123.

2. См. *Тхамокова И.Х.* Новые материалы о жизни генерал-майора Эльмурзы Черкасского (Бековича) // Вестник КБИГИ. 2017. № 3. С. 41–46.

3. *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982; *Касумов Р.М.* Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII века: дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999.

4. *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). Издание второе, исправленное и дополненное. СПб., 2002; *Сень Д.В.* Новые источники по истории казачества на Северном Кавказе конца XVII века // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2 (41); *Его же:*

Источники по истории казачьего населения Дона и Северного Кавказа конца XVII – начала XVIII в.: проблемы поиска и интерпретации // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 12 (74).

5. Юдин П.Л. Астраханский губернский архив и его материалы: [читано 2 июля 1911 г. на заседании Терского общества любителей казачьей старины]. Б.м., 1911. Извлечено из № 147, 148 и 149 «Тер. вед.» за 1911 г.; *Его же*. Из-за старой веры (к истории религиозных движений в Гребенском казачестве) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 13. Владикавказ, 1915. С. 5–33; *Его же*. В низовом корпусе (из прошлого кавказского казачества) // Там же. С. 94–141.

6. Юдин П.Л. Материалы Кизлярского архива // Сборник общества любителей казачьей старины. № 6. Владикавказ, 1912. С. 3–19; *Его же*. Из-за старой веры...; *Его же*. В низовом корпусе...

7. Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д. Российская имперская армия на Кавказе в XVIII веке: история кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала, 2011; *Гарунова Н.Н.* Казачьи городки и крепости в низовьях Терека в XVII–XVIII вв.: мифы и реальность. Махачкала, 2016.

8. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1–5. СПб., 1841–1842; Дополнения. Т. 1–12. СПб., 1846–1875.

9. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 1–4. СПб., 1836.

10. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. 1–12. Тифлис, 1866–1904.

11. Сношения России с Кавказом : Материалы, извлеч. из Моск. глав. архива М-ва иностр. дел С.А. Белокуровым. М., 1889. Вып. 1.

12. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Нальчик, 1957.

13. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала, 1958.

14. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. документов / сост. В.Г. Гаджиев и др. М., 1988.

15. Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. док. / выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. М., 1997.

16. *Косвен М.О.* Описание гребенских казаков XVIII века // Исторический архив. 1958. № 5. С. 181–184; *Его же*: Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 245–248.

17. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века / подгот. Н.Б. Голикова. М., 2004.

18. Список населенных мест Терской области (по данным к 1-му июля 1914 г.). Владикавказ, 1915.

19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXVIII. Терская область. СПб., 1905.

20. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии Области и войска. Владикавказ, 1891–1914.

21. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1. 1649–1825 г. Т. 1–45. СПб., 1830; Собрание 2. Т. 1–55. СПб., 1830–1885; Собрание 3. Т. 1–33. СПб., 1885–1916.

22. *Какаш и Тектандер*. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1896. Кн. 2.

23. *Котов Ф.* Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958.

24. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

25. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). В. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.

26. *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря. О походе Петра I к лежащим при Каспийском море персидским провинциям в 1722 году // *Рахаев Дж.Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг. Российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII в. М., 2012. С. 689–709; *Маркович Я.* Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859; Воспоминания Петра Генри Бруса, эскайдера, офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, с рассказом о путешествиях по Германии, России, Татари, западной Индии и т.д. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 148–150; *Шереметев П.С.* Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. М., 1914.

27. *Брус П.Г.* Указ. соч. С. 148.

28. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 / ред. Н.Ф. Дубровин. Т. 1. (февраль–июль 1726 г.) // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 55. СПб., 1886. С. 335.

29. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе... С. 129.

30. *Ригельман А.* История или повествование о Донских казаках. М., 1846.

31. *Гильденштедт И.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 28, 47, 50, 52–63.

32. *Палас П.-С.* Путешествия по южным провинциям Российской империи // *Аталиков В.М.* Наша старина. Нальчик, 1996. С. 205–208.

33. *Штедер.* Дневник путешествия в 1781 году от крепости Моздок во внутренние области Кавказа // *Аталиков В.А.* Указ. соч. С. 190.

34. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809.

35. *Ермолов А.П.* Записки Алексея Петровича Ермолова. В 2 т. М., 1865–1868.

36. *Бутова Е.* Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее – СМОМПК). В. 7. Тифлис, 1889. Отд. I. С. 3–156; *Бутова, Лысенко.* Станица Ищерская // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 16. Отд. 1. С. 37–56; *Афанасьев М.* Станица Терская // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. Отд. 1. С. 101–133; *Кикоть В.* Описание ст. Умахан-Юртовской, Терской области, Кизлярского отдела // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. Отд. 1. С. 68–84; *Востриков П.А.* Станица Наурская, Терской области // СМОМПК. В. 33. Отд. 2. С. 102–309; *Губанов Г.П.* Хуторская жизнь в Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 33. Отд. 72. С. 35–101; *Урусов С.М.* Станица Екатериноградская Терской области Моздокского отдела // СМОМПК. Тифлис, 1904. В. 33. Отд. 2. С. 1–34; *Семенов П.* Станица Слепцовская, Терской области, Владикавказского округа // СМОМПК. В. 5. Тифлис, 1886. С. 172–208.

37. *Головчанский С.Ф.* Станица Прохладная Терской области Пятигорского округа // СМОМПК. Тифлис, 1893. В. 15. Отд. 1. С. 1–36; *Рогожин Т.* Нечто из верований, поверий и обычаев жителей ст. Червленной, Кизлярского отдела, Терской области // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. Отд. 1. С. 57–67; *Гусев А.* Поверия, праздники, песни и сказки в ст. Ардонской. Терской области // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. Отд. 1. С. 317–366; *Семенов П.* Несколько страничек из жизни казаков ст. Слепцовской // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. Отд. 1. С. 317–366; *Гребенец Ф.С.* Из быта гребенских казаков // СМОМПК. В. 40. Тифлис, 1909. Отд. 2. С. 9–47.

38. *Güldenstädt J.A.* Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, hrsg. von P.S. Pallas. I. SPb., 1787. Platte IV, V; *Гильденштедт И.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 54–55, 58–59.

39. Народы России. Рисунки Е.М. Корнеева / ред.-сост. А. Пантилеева, вст. ст. Р. Алдонова. М., 2017. С. 15.

40. См. напр. Scènes, paysages, mœurs et costumes du Caucase dessiné d'après nature par le prince Grégoire Gagarine. 5 Livraison. Paris, 1845; *Коркмасов М.* Кавказский художник князь Г. Гагарин. Махачкала, 1993.

41. *Бурда Э.В.* Сборник пословиц и поговорок, примет и сказок, собранных по казачьим станицам Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2016.

Глава 1

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И ТРАДИЦИЙ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Изыскания XVIII – начала XX в.

Научные работы о терском казачестве могут быть предметом отдельной монографии. В рамках этой главы основное внимание уделяется трудам, касающимся истории формирования терского казачества, их материальной и духовной культуры, традиций.

Одну из первых попыток собрать и обобщить сведения о терских и гребенских казаках предпринял в 1728 г. И. Гербер, офицер, служивший в русской армии и принимавший участие в Персидском походе. В своих записках о народах и землях, находящихся на западном берегу Каспийского моря, И. Гербер очень кратко описывает казаков и сообщает об их происхождении. По его словам, гребенские казаки «сначала состояли из беглых российских людей и казаков, которые... из России ушли и около здешних мест воровством питались, однакож по объявленному прощению явились...». И. Гербер также объясняет, почему эти казаки получили свое название: они раньше жили «под не далеко отсюда лежащими острыми горами, или гребнем, отчего их называют казаками гребенскими»¹. Мнение о том, что казаки первоначально враждовали с государством, но затем были прощены царем, разделяли многие историки казачества.

Как объясняет И. Гербер, аул Эндирей был построен «из давних лет от беглых российских людей и Козаков, которые здесь воровством питались»². Такую информацию он мог получить от самих казаков или от чиновников и офицеров. В период пребывания И. Гербера на Кавказе такое представление о происхождении этого аула было, видимо, очень распространенным. Петр I в одном из документов писал об ауле Эндирей: «...та земля изстари Гребенских казаков»³. Вслед за Петром I и И. Гербером это утверждение повторяли многие авторы, начиная с XVIII в. и до настоящего времени.

Терские казаки, по мнению И. Гербера, происходят, главным образом, от донских, но он отмечает также и участие местных жителей в их формировании: «При строении крепости Терки оные из донских

казаков здесь жить определены были, и после того некоторые татары терские, которые веру христианскую приняли, между их в службу приняты»⁴.

Г.Ф. Миллер в своей статье о происхождении казачества касается и вопроса о появлении гребенских казаков. Он считал, что они жили на Кавказе уже при Иване Грозном. По его мнению также, донские, яицкие и гребенские казаки входили в состав гарнизона Терского города⁵, что не подтверждается документами.

В.Н. Татищев в своем обобщающем труде по истории упоминает и о казаках. Как уже говорилось, сведения он мог получать непосредственно от них самих или от кизлярского коменданта. Мог В.Н. Татищев пользоваться и какими-то письменными источниками. Он пишет о «запустелом» каменном городе на реке Сулак, который назывался Андреевым. В.Н. Татищев считал, что это название город получил от имени атамана Андрея Шадры, который возглавлял донских казаков, ушедших на Кавказ во время взятия Астрахани⁶. То есть он воспроизводит версию И. Гербера, но в дополнение к ней называет также имя и фамилию казачьего атамана.

Материалы по истории и этнографии терского казачества содержатся также в книге А. Ригельмана «История или повествование о донских казаках», написанной в 1778 г., но изданной много позже. Как следует из ее названия, целью автора являлось изучение истории донского казачества. О терских и гребенских казаках он упоминает только постольку, поскольку они были связаны с донскими. А. Ригельман выдвинул версию происхождения гребенских казаков от донских, бежавших на Кавказ во времена Ивана Грозного от преследования царского стольника Мурашкина. И впоследствии, по А. Ригельману, гребенское казачество пополнялось донскими казаками в Смутное время, а также после начала церковного раскола, во время восстания Разина и т.д.⁷

А. Ригельман, как и В.Н. Татищев, тоже пишет об «Андреевой деревне» (ауле Энديرей). И по его мнению, она получила свое название от имени атамана Андрея. Только фамилия его, по Ригельману, не Шадра, а Килбак, и был он на Кавказе не в XVI в., после взятия Астрахани, а в XVII в., в Смутное время⁸. Версия А. Ригельмана тоже, видимо, основана на легендах.

Кроме того, Ригельман приводит сведения о местах первоначального расселения казаков на Кавказе. Многие историки казачества будут пытаться найти эти места: Голый гребень, Павлово и Кошлаковское ущелье, Пимонов дуб. Татартупово ущелье и приток реки Урух привлекут значительно меньшее внимание, хотя их расположение не

вызывает сомнений. При написании своей книги Ригельман явно использовал летописи и другие документы по истории казачества, но когда он касается вопросов о происхождении и расселении гребенских казаков, то, видимо, опирается на их предания или же сообщения соседних народов. Он сам ссылается на слова «тамошних» жителей и «гребенских старожилов»⁹. Однако он собирал эту информацию спустя много лет после описываемых им событий, поэтому она могла содержать ошибки и неточности, что требовало критического к ней отношения и проверки ее другими источниками. Но А. Ригельман, как и многие последующие авторы, полностью ей доверял. Помимо гребенских он пишет также о происхождении терских казаков, которые вошли в состав терско-кизлярского войска. По его мнению, их присылали на службу в Терский город из других российских городов по указам царей, начиная с Ивана Грозного¹⁰. То есть, по мнению А. Ригельмана, терские казаки, в отличие от гребенских, были служилыми казаками, присланными на Кавказ государством. Появившиеся в регионе в XVIII в. терско-семейные, волжские и моздокские казаки также были переведены с Дона и Волги на Кавказ по указам царей¹¹, что хорошо известно А. Ригельману. В целом история казачества Северного Кавказа изложена А. Ригельманом очень кратко, но она достаточно информативна и доведена до того времени, когда он писал свою книгу. А.И. Ригельман также сообщает некоторые сведения об одежде и обычаях казаков, живших на Тереке.

Легенда об атамане Андрее и о донских казаках как родоначальниках гребенских повторяется в изданном в конце XVIII в. «Описании всех обитающих в Российском государстве народов», составленном И. Георги¹² и в «Древней Российской вивлиофике» Н. Новикова¹³, в сочинении И. Болтина¹⁴.

До второй половины XIX в. никто не занимался специально изучением истории терского казачества, не говоря уже об этнографии этой группы. Однако многие из историков в той или иной мере затрагивали темы, связанные с терским казачеством. Н.М. Карамзин упоминал о терских и гребенских казаках лишь в тех случаях, когда они были каким-то образом связаны с государственной политикой на Кавказе. Так, он пишет о том, что в заброшенной русской крепости на Тереке поселились волжские казаки¹⁵. Особое внимание он уделяет действиям терских казаков в Смутное время, их самозванцу «царевичу Петру»¹⁶. Эти сведения основаны на документах – летописях, дипломатической переписке – и не вызывают сомнений. Но проблемы происхождения терского или гребенского казачества и его расселения на Кавказе Карамзина, что понятно, не занимали.

В труде С.М. Соловьева так же, как и у Н.М. Карамзина, приведены только некоторые факты, касающиеся казачества Северного Кавказа – появление русских крепостей на Тереке¹⁷, действия терских казаков в Смутное время¹⁸, их участие в 1614 г. в походе на Астрахань (против И. Заруцкого и Марины Мнишек)¹⁹, нападения гребенских казаков на иранских купцов²⁰, стрелецкое восстание 1705 г. в Астрахани и Терках и отношение к нему гребенских казаков²¹, и др. Его исследование также основано на документах. Такие вопросы как время и место появления казаков на Кавказе, их происхождение его тоже не очень интересовали. Можно обнаружить в его работе и неточности, касающиеся терского казачества. Он считал, что в 1723 г. было 1800 терских казаков²². В данном случае он использовал недостаточно надежные источники. Согласно архивным документам, обнаруженным П.Л. Юдиным, в этот период в городе Терки насчитывалось только 200 казаков²³.

К числу наиболее известных сочинений по истории Северного Кавказа XVIII в. относится книга П.Г. Буткова. Он работал над ней, видимо, в начале XIX в., однако не завершил ее, и она была издана много позже, уже после смерти автора²⁴. Сочинение П.Г. Буткова основано на многочисленных и разнообразных источниках, включая статьи, в том числе и газетные. Он не всегда был достаточно критичен по отношению к этим источникам, что привело к некоторым ошибкам и неточностям, касающимся истории казачества. Вызывает сомнение сообщение П.Г. Буткова о том, что накануне Персидского похода 1722 г. в предместье г. Терки жили 500 пеших и 500 конных казаков²⁵, а после переселения к крепости Святого креста их якобы было в 1725 г. даже 1800 человек²⁶. Возможно, что П.Г. Бутков или же его источники (предположительно это были записки П. Бруса и наказания терско-кизлярских казаков Екатерининской законодательной комиссии)²⁷ перепутал терских казаков с другими группами казачества. Казаки могли также помнить лучшие времена города Терки, когда при нем служили сотни пеших и конных стрельцов (но не казаков).

Неверно также, что терские казаки у крепости Святого креста основали свои поселения по реке Аграхань. По Аграхани жили переведенные с Дона казаки, а терские казаки жили вместе с «окочанями» и «новокрещенными» в слободке, в которой насчитывалось, по свидетельству самого П.Г. Буткова, всего около 300 семей²⁸. К 1735 г., по словам П.Г. Буткова, подтвержденным и другими источниками, при крепости Святого креста оставалось всего 100 терских казаков²⁹. Это доказывает, что первоначальную их численность он сильно завысил. Более точные сведения о численности казачества приводятся в книге П.Г. Буткова,

начиная с 1735 г., когда терские и «семейные» казаки были переведены к Кизляру³⁰. Эти данные извлечены из архивных документов.

Книга И. Дебу³¹ является скорее научно-популярной, чем строго научной. Она была предназначена для служивших на Кавказе офицеров и чиновников и должна была помочь им в их деятельности. Сведения по истории казачества автор извлек «из разных сочинений», не всегда достоверных, в архивах он не работал. Отсюда в его книге немало пробелов и неточностей. Он повторил мнение Г.Ф. Миллера о том, что город Терки (в дельте Терека) был заложен во время царствования Ивана Грозного³². По мнению И. Дебу, гребенские казаки были выходцами с Дона, однако он признавал, что причины и время переселения их на Кавказ в источниках «показываются не единообразно», поэтому их трудно «определить в точности»³³. В городе Терки, по его мнению, служили бывшие донские, гребенские и яицкие казаки, подчинявшиеся воеводам³⁴ (и в этом он, возможно, следует Г.Ф. Миллеру). Ему было известно, что терские казаки были переведены в крепость Святого креста на Сулаке, а оттуда – в Кизляр³⁵. Историю появления на Кавказе терско-семейных, моздокских, волжских и хоперских казаков, образование Кавказской линии И. Дебу описывает кратко, но более точно, поскольку в этом случае он пользовался более надежными источниками.

Ссылаясь на «Географический словарь Российского государства», И. Дебу пишет о том, что до 1711 года гребенские казаки жили на правом берегу Терека при устье Сунжи, «но в оном году переселены Генерал-Адмиралом Апраксиным на сей берег в пяти станицах: Курдюковской, Старогладковской, Новогладковской, Шадринской и Червленской»³⁶. После И. Дебу это повторяли едва ли не все авторы, писавшие о гребенских казаках, однако никто из них не смог найти ни одного документа, подтверждающего это событие. В приведенном тексте И. Дебу есть одна явная ошибка – станица Новогладковская появилась только в 1725 г., т.е. в момент предположительного переселения казаков ее еще не существовало. Известно также, что некоторые станицы находились на левом берегу Терека задолго до 1711 г., поэтому ряд ученых ставит под сомнение сообщение И. Дебу³⁷. Представляют интерес собранные И. Дебу сведения о численности и составе населения казачьих станиц³⁸.

В «Хозяйственном описании Астраханской и Кавказской губерний»³⁹, изданном в 1809 г., И.В. Равинский рассматривает не только расселение казаков, их численность, основные характеристики хозяйственной деятельности, но и особенности одежды. Книга написана на

основании личных наблюдений и, видимо, имевшихся в распоряжении автора статистических материалов.

Изучением хозяйственной деятельности терского казачества, в том числе и проблемой ее адаптации к природным условиям Северного Кавказа, много занимались исследователи второй половины XIX в. Это были краеведы, многочисленные статьи которых были опубликованы в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа». Но особенно много сделали для разработки этой темы О.В. Маргграф и его соавторы (П.И. Линтварев, В. Бузилов, Ф. Томаревский и С. Головчанский), издавшие в 1881 г. «Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска». Эти работы основаны на изучении станичных архивов и на полевых материалах авторов, которые выезжали в станицы, беседовали с казаками, и результаты опросов потом обобщали в своих статьях. Эти работы отличает добросовестность и профессионализм.

Они не только собрали ценные материалы по особенностям хозяйства, материальной культуры, семьи и общины терского казачества во второй половине XIX в., но и сделали важные выводы, сохранившие свою значимость до настоящего времени. Прежде всего, О.В. Маргграф обратил внимание на тот факт, что «все особенности и разнообразие хозяйств Терского казачьего населения находятся... в полной зависимости от тех условий местности, в которых поселены станицы. И в этом отношении они распадаются на четыре главные типа, между которыми есть, конечно, несколько второстепенных, переходных типов»⁴⁰. Говоря языком современной науки, О.В. Маргграф отметил адаптацию системы хозяйства терских казаков к природным условиям различных регионов Северного Кавказа, и это явилось крупным вкладом в этнографию казачества.

Разумеется, каждая из станиц Терского казачьего войска имела какие-то свои особенности хозяйства, отличавшие ее от всех остальных станиц, что также было отмечено в статмонографиях. Основные выводы О.В. Маргграфа совершенно справедливы.

О. В. Маргграф и его соавторы обратили внимание на особенности землепользования отдельных казачьих станиц, связанные с местными условиями хозяйствования. В одних, многоземельных, станицах существовала «вольная заимка» земель⁴¹. В других же, малоземельных, ее делили между казаками⁴². При этом лучшую землю отводили зажиточным казакам. В некоторых станицах существовало «смешанное» землепользование, т.е. часть земли делили, а второй частью каждый мог пользоваться на правах «вольницы»⁴³.

Авторы «Статистических монографий» выявили также важные особенности семейной организации терского казачества. Они обратили внимание на несовпадение количества семей и количества дворов во многих станицах, чего не замечали некоторые этнографы XX в. и что совершенно в новом свете представляет казачью семью.

В том, что касается материальной культуры терского казачества, О.В. Маргграф отмечал стремление гребенских казаков сделать жилища хотя бы внешне похожими на традиционные русские избы, что заставляло их строить дома из распиленных вдоль бревен. «Статистические монографии» внесли большой вклад в изучении этнографии терского казачества.

В 1877 г. была издана работа Г. Михайловского о гребенских казаках-старообрядцах. Автор собрал много материалов по своей теме и хорошо разбирался в ней⁴⁴. Его вывод о том, что долгое время гребенские казаки-старообрядцы не вступали в конфликт с государством, поддержан многими учеными.

В 70 гг. XIX в. усилился интерес к истории казачества в связи с приближающимся юбилеем Терского казачьего войска. Начало службы этого войска принято было считать (в соответствии с указом Александра II) с 1577 г., когда терские казаки напали на крымское войско на Сунже. Стали появляться статьи на эту тему. Автор одной из них, Г. Абрамов, пытался доказать, что гребенские казаки появились на Кавказе значительно раньше⁴⁵.

В 1880 г. была напечатана книга И.Д. Попко «Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Выпуск 1. Гребенское войско» – это первая крупная специальная работа по истории формирования гребенского казачества – одной из групп, вошедших в состав терского казачьего войска. Взгляды автора этой монографии, его подходы к решению сложных проблем определялись, главным образом, двумя обстоятельствами:

1) Он не был профессиональным ученым. И.Д. Попко много лет служил в Черноморском (затем Кубанском) казачьем войске, завершил военную службу в чине генерал-лейтенанта.

2) Он писал свою работу по поручению командования Терского казачьего войска.

Особенно большое влияние оказали эти обстоятельства на изучение раннего периода истории гребенского казачества, его происхождения и времени его появления на Кавказе. И.Д. Попко не мог самостоятельно выявлять и изучать архивные документы XVI–XVII вв., т.е. важнейшие исторические источники были ему недоступны. В своей работе он опирался на материалы нескольких видов:

1. На опубликованные к тому времени документы. Таковых было немного – «Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией», «Акты, собранные археографической экспедицией» содержали некоторые сведения по истории Северного Кавказа XVI–XVII в., но казачество упоминается в них нечасто.

2. На документы, которые цитировали в своих научных трудах историки: Н. М. Карамзин, С.Н. Соловьев, Н. Костомаров, Д. Иловайский и др. Но для всех этих исследователей история гребенского казачества не была основной целью работы, поэтому и источников, которые бы как-то касались этой темы, они приводят мало.

3. На рукописный сборник исторических материалов, составленный П.Г. Бутковым.

4. На сведения, приведенные в книгах И. Дебу, С. Броневского и других авторов. Но в том, что касается раннего периода истории гребенского казачества, у них очень мало материалов и эти материалы не всегда достоверны.

5. На исторические предания самих казаков и народов Кавказа – не самый надежный источник, особенно когда речь идет о событиях далекого прошлого.

Всех использованных И.Д. Попко источников совершенно недостаточно для того, чтобы решить проблему происхождения казачества и времени его появления на Кавказе. Но и признать невозможность ответа на поднятые вопросы автор, видимо, тоже не мог, поскольку это разочаровало бы его заказчиков. Ему оставалось только восполнять пробелы источников собственными предположениями, догадками и домыслами.

Один из наиболее наглядных примеров: И.Д. Попко считал «нео-проверяемым историческим фактом» переселение рязанских казаков Червленого Яра на Кавказ «во второй четверти XVI в.», что и положило, по его мнению, начало гребенскому казачеству⁴⁶. Однако ни одного документа в доказательство этого факта он привести не смог. Вся его уверенность основывалась, во-первых, на анализе общей ситуации в Рязанском княжестве после его окончательного подчинения Москве и, во-вторых, на историческом предании гребенских казаков. Историки неоднократно писали о том, что некоторые жители Рязанского княжества, не желавшие мириться с московской властью, покидали его, однако нет никаких свидетельств того, что они переселялись именно на Кавказ, а не в другие, более близкие и более доступные для них места.

Что же касается гребенского предания, то если даже оно и основано на реальных событиях, то, как и большинство фольклорных произведений,

оно не дает возможности точно датировать эти события, чего не отрицает и И.Д. Попко⁴⁷. То есть переселение, о котором идет речь, могло состояться не во второй четверти, а в конце XVI в. или даже в XVII в.

Против предложенной И.Д. Попко датировки можно выдвинуть много возражений, и прежде всего то, что переселение крупной группы казаков вместе с их семьями вниз по Волге, а затем по Каспийскому морю к Тереку в тот период, когда еще существовали Казанское и Астраханское ханства, было очень нелегкой и опасной задачей. И это было понятно уже современникам И.Д. Попко, например, И. Кравцову, который на этом основании отрицал возможность переселения гребенских казаков на Кавказ в указанный Попко период⁴⁸.

Обращение с источниками также показывает недостаток профессионализма у И.Д. Попко. Он не опубликовал точный текст предания, он не сдал его в архив, а хранил у себя дома, и после его смерти оно бесследно исчезло, что лишило историков казачества возможности самостоятельно изучать этот источник. Но и при своей жизни И.Д. Попко не позволил И. Кравцову ознакомиться с оригиналом этого предания⁴⁹, так что тот подозревал И.Д. Попко в искажении или даже в фальсификации источника.

И.Д. Попко не указал, кто, где, когда и у кого записал эту легенду. Он также не приводит в своей книге точные цитаты из текста предания, а пересказывает его, поэтому очень трудно судить о том, где заканчивается предание и начинаются авторские догадки и предположения. Сложно понять, говорилось ли в этом предании о переселении именно из Червленого Яра или это вывод, сделанный И.Д. Попко на основании сходства названий Червленый Яр и станица Червленая. Во всяком случае, до настоящего времени никаких подтверждений этой версии не найдено. Вместо «неопрровергаемого исторического факта» И.Д. Попко выдвинул очень спорный и слабо аргументированный тезис.

Еще одно предположение И.Д. Попко – об участии новгородских ушкуйников в переселении казаков Червленого Яра на Кавказ – основано только на том, что в Кизляро-Гребенском казачьем полку среди многих старинных знамен хранились два стяга с новгородским гербом⁵⁰. Но этот герб (чего не знал И.Д. Попко) был известен в Новгороде только со второй половины XVII в., т.е. значительно позже предполагаемого переселения ушкуйников на Кавказ. Еще И. Кравцов выяснил, что в XVIII в. казакам выдавались старые знамена, особенно часто – бывших стрелецких полков⁵¹, что подтверждается и источниками. Такие знамена с новгородским гербом могли попасть и к гребенским казакам.

И.Д. Попко также писал о том, что переселившись на Кавказ, казаки тут же основали городки Червлёный, Шадрин, Курдюковский, два Гладковских⁵². В станицах под такими же названиями жили гребенские казаки в XVIII–XIX вв. И.Д. Попко полагал, что они существовали с момента появления казаков на Кавказе. Никакими историческими источниками И.Д. Попко свою версию не подтверждает, и до настоящего времени такие источники не обнаружены. Более того, есть факты, опровергающие ее. Атаман Иван Шадр, по фамилии которого, был назван Шадрин городок, и атаман Курдюк Иванов, от имени (или прозвища) которого получил название городок Курдюковский, жили в XVII в. и упоминаются в документах за 1645, 1646 и последующие годы⁵³. Их городки появились, очевидно, в тот же период или несколько ранее, но они никак не могли возникнуть во второй и даже в третьей четверти XVI в., за много лет до рождения этих атаманов. Червлёный городок впервые упоминается в документах 1628 г.⁵⁴ Гладковский городок (не говоря уже о Новогладковском) фиксируется источниками значительно позже всех остальных городков. Но поскольку И.Д. Попко не был знаком с документами XVII в., то его ошибка вполне объяснима.

Стремясь доказать, что гребенские казаки жили на Северном Кавказе уже в середине XVI в., И.Д. Попко «обнаруживает» их в тех документах, которые ничего о них не сообщают. Так, он пишет о том, что в 1555 г. вместе с кабардинским посольством в Москву «приходила и от гребенских казаков станица бить челом царю-надеже о своей покорности и о царской милости к далекому Гребенскому войску»⁵⁵. Однако летописи, сообщающие о посольстве 1555 г., ни разу не упоминают гребенских казаков (на что обратил внимание еще И. Кравцов в 1882 г.)⁵⁶. Более того, как доказали советские историки, в 1555 г. в Москву приезжало посольство не от кабардинцев, а от западных адыгов, живших далеко от Терека и Сунжи⁵⁷. Так что участие в этом посольстве гребенских казаков очень маловероятно, если бы даже они и жили в тот период на Кавказе. Где же почерпнул И.Д. Попко красочные подробности встречи гребенских казаков с Иваном Грозным? Не из документов, а из казачьей песни, в которой говорится о том, что царь «пожаловал» казаков Терек⁵⁸. Но песня – это не очень надежный исторический источник. В фольклоре исторические события легко переносятся из одной эпохи в другую. И.Д. Попко не смутил тот факт, что царь отдает гребенским казакам реку Терек, хотя, по его же мнению, первоначально они жили не на Тереке, а на Сунже и в «гребенях», т.е. в горах. Тот же И. Кравцов обратил внимание на

то, что приведенная И.Д. Попко гребенская песня очень похожа на песню донских казаков и, скорее всего, была заимствована у них: она «составляет не более как вариант, подражание древней песне, переделанной на новый лад...»⁵⁹.

Еще один пример подхода И.Д. Попко к изучению истории: он пишет о том, что «в 1559 году было послано на шамхала царское войско, при котором должны были находиться гребенские казаки, и этот акт позволительно считать за начало их службы государству»⁶⁰. То есть документы ничего не говорят об участии гребенских казаков в этом походе, но, по мнению автора, они «должны были» там находиться, и этого достаточно, чтобы отсчитывать от этого похода начало их службы. Относительно других походов на шамхала И.Д. Попко пишет, что гребенские казаки «не могли не участвовать в этих движениях»⁶¹ – и это его единственный аргумент.

Можно согласиться с оценкой, данной И. Кравцовым: И.Д. Попко «без малейшего колебания присоединяет гребенцов всюду, где ему это нужно: и в первый поход дагестанский, и при построении города Терки и в кабардинскую депутацию, словом везде, где летописи не говорят об них ни одного слова»⁶². Попытки «дополнить» таким способом материалы источников наглядно демонстрируют нехватку профессионализма.

Еще одна тема, которую затрагивает в своей книге И.Д. Попко – это происхождение терского казачества. По мнению автора, терские казаки переселились на Кавказ не из Рязанского княжества (как гребенские), а с Дона и Волги. Он считал, что в 1579 г., спасаясь от царских гонений, одна часть волжских казаков во главе с Ермаком отправилась в Сибирь, вторая – на Яик, третья – к Тереку. «Здесь русские казаки сошлись с подобными им кабардинскими и кумыцкими сходцами и при впадении одного из рукавов Терека в море построили крепкий городок с пристанью. Городок этот имел обширный окоп в виде треугольника, почему и назывался Трехстенным». Когда царские воеводы прибыли в 1588 г. для строительства города Терки, то казаки Трехстенного городка якобы «явились к ним с повинною и оказали добрые услуги при построении царского города»⁶³. Так, по мнению И.Д. Попко, было положено начало терскому или, как называли его другие авторы «низовому терскому казачьему войску».

Однако в архивных документах конца XVI–XVII вв. не только не упоминается ни разу Трехстенный городок (это можно было бы объяснить тем, что он носил иное название), но и вообще нет никаких сведений о крупном казачьем городке в дельте Терека рядом с городом

Терки. Каким-то образом терские воеводы не замечали этот городок на протяжении приблизительно 80 лет его существования, хотя дагестанский город Тарки или аул Эндирей, расположенные намного дальше от города Терки, упоминались в документах многократно.

Скорее всего, в легендах о Трехстенном городке отразились воспоминания казаков о городе Терки. Трехстенный городок имеет много общего с Терками: оба поселения были относительно крупными и хорошо укрепленными, оба находились в дельте Терека, оба появились примерно в одно время, оба были покинуты жителями одновременно после наводнения, оба имели национально-смешанное население, в обоих жили казаки. Разница заключалась в том, что казаки города Терки не были «вольными», это были городские («жилицкие» или «беломестные») казаки, служившие царям. Кроме них, в городе Терки жили также стрельцы и «дети боярские», а управлялся город царскими воеводами. Но со временем эти детали могли забыться, и город Терки превратился в памяти казаков в казачий Трехстенный городок⁶⁴. Эта версия попала даже в некоторые документы XVIII–XIX вв. Повторяет ее и И.Д. Попко, а вслед за ним и многие другие авторы.

И.Д. Попко считал, что гребенское войско в XVI–XVII вв. «отличалось большей домовитостью, более заметным культурным настроением, чем другие казачьи войска того времени». Он полагал, что в отличие от донских казаков, которые долгое время не занимались земледелием и кормились даровым хлебом, привозимым из Москвы, «гребенцы не ели московского хлеба, сами его производили, сеяли просо и кукурузу, руками жен сукна и галуны ткали, даже насаживали шелковичное дерево и виноградную лозу... Все это сохранилось у гребенских казаков доньне, и все это, несомненно, было у их отдаленнейших предков»⁶⁵. Документы опровергают мнение И.Д. Попко.

Выдержки из источников, приведенные им же самим в другой главе, показывают, что гребенские казаки в 1623 г. получали, кроме денежного, также и «хлебное» жалованье: атаманы по две четверти муки, а рядовые казаки – «по три осьмины муки человеку на год»⁶⁶, т.е., говоря словами И.Д. Попко, они все же «ели московский хлеб». Однако он почему-то не заметил это противоречие. Не только в XVII, но и в XVIII и даже в XIX в. гребенские казаки продолжали получать «хлебное жалованье», т.е. не могли самостоятельно обеспечить себя продовольствием.

И.Д. Попко в своей монографии кратко описывает традиционную материальную культуру и обычаи гребенских казаков – одежду и воинское снаряжение, обстановку жилища, пахотные орудия и средства

передвижения, разделение труда в семье – и влияние на них народов Кавказа. Особенно подчеркивает И.Д. Попко воздействие кабардинской культуры на казаков и несколько недооценивает роль других народов в процессах этнокультурного обмена. Это приводит его к некоторым фактическим ошибкам. Еще одна причина ошибок – слабое знание этнографии народов Кавказа.

Справедливо отмечая совпадение мужской одежды, вооружения и конской сбруи казаков и кабардинцев, И.Д. Попко полагает, что казаки также переняли у кабардинцев и женскую одежду и украшения, в том числе ожерелья из золотых и серебряных монет⁶⁷. Но кабардинки никогда не носили такие украшения, они явно были заимствованы казаками у других народов.

Еще одна ошибка: И.Д. Попко почему-то считал, что кабардинцы возделывали землю при помощи легкого плуга и что такой плуг переняли у них гребенские казаки. Но кабардинцы жили на равнинах и пахали тяжелым плугом. Легкие пахотные орудия использовались в горных районах Кавказа. И гребенские казаки во времена И.Д. Попко пахали тяжелым «малороссийским» плугом. Судя по его названию, он был заимствован отнюдь не у кабардинцев. Что же касается раннего периода истории казачества, то о пахотных орудиях того времени ничего не известно, и сам факт существования в те времена земледелия у гребенских казаков не доказан.

И.Д. Попко также обнаруживал сходство между семейным бытом гребенских казаков и кабардинцев. С ним можно лишь отчасти согласиться: в обоих случаях большая часть домашней работы лежала на плечах женщин. Но его утверждение, что мужчины совсем ничего не делали дома, не является верным ни по отношению к кабардинцам, ни по отношению к казакам. Всегда существовали мужские виды труда, от которых были избавлены лишь высшие слои общества. Существовало и серьезное различие между казаками и кабардинцами во внутрисемейном разделении труда. Важной отраслью хозяйства гребенских казаков являлось виноградарство. Большую часть работ в виноградниках выполняли женщины, что создавало для них дополнительную нагрузку, от которой были избавлены кабардинки, как и женщины многих других народов Кавказа, не занимавшихся виноградарством. Различия в разделении труда создавали основу для различий во внутрисемейных отношениях.

Еще одна проблема, которой автор уделяет внимание – общественные структуры и военная организация гребенского казачества. По его мнению, и то и другое было унаследовано от далекого прошлого:

социальные институты были основаны «на древнерусском общинно-вечевом начале» и проникнуты «сильным духом русской земщины», а «военное гребенское устройство, судя по его простоте, должно было вести свое начало от дружин древнекняжеских»⁶⁸. Считать казаков наследниками или потомками княжеских дружинников – это явное упрощение, на что обращали внимание уже современники И.Д. Попко⁶⁹.

Наиболее обстоятельный и подробный критический анализ монографии И.Д. Попко принадлежит И. Кравцову. Он совершенно справедливо отметил, что «рязанская» версия происхождения гребенских казаков и их переселения на Терек во второй четверти XVI в. не подтверждена документами и что И.Д. Попко нередко «дополнял» сведения источников собственными домыслами.

И. Кравцов противопоставляет предположениям И.Д. Попко версию донского происхождения гребенских казаков и их переселения на Терек около 1584 г. в результате преследования их воеводой Мурашкиным⁷⁰. Различные варианты этой версии изложены, по его мнению, в работах А. Ригельмана, И. Дебу, В. Броневого и других авторов, которые независимо друг от друга излагают довольно близкие мнения. По словам И. Кравцова, их труды являются «единственным достоверным письменным источником о действительном происхождении гребенских казаков»⁷¹ в отличие от монографии И.Д. Попко. Но И. Кравцов не учитывает, что все указанные им авторы писали в XVIII–XIX вв. т.е. спустя много лет после появления казаков на Кавказе. При этом, как он и сам понимает, они не пользовались никакими документами, а опирались исключительно на легенды и предания, сохранившиеся в памяти казаков. Однако фольклор нельзя считать надежным историческим источником, особенно когда речь идет о событиях далекого прошлого. И даже если легенду или предание записывают, они не становятся от этого более достоверными. И сколько бы авторов ни повторяли одну и ту же ошибку, она все равно остается ошибкой. То есть и в данном случае речь идет не о «достоверном письменном источнике», а только о представлениях самих казаков об их происхождении, которые не подтверждены никакими документами.

Еще одним критиком работы И.Д. Попко стал И. Бентковский. Он тоже опровергал «рязанскую» версию происхождения гребенских казаков, тоже обратил внимание на то, что утверждение И.Д. Попко об участии гребенских казаков в походах на шамхала не подтверждается источниками. И. Бентковский поддержал мнение о том, что гребенские казаки переселились на Кавказ с Дона после 1582 г. (тогда же, когда Ермак вместе с отрядом казаков ушел в Сибирь), что возглавлял это

передвижение атаман Андрей Шадр⁷². Но в отличие от других авторов, он не считает, что гребенские казаки жили в ауле Эндирей, он даже знает, что название этого аула, вероятно, происходит не от имени Андрей, а от кумыкского слова, означающего место молотбы, ток. Однако при всем том он не смог полностью отказаться от предания об этом атамане и именно с ним связывал переселение гребенцов. Эта версия так же, как и мнение И.Д. Попко о переселении гребенских казаков из Червленого яра, источниками не подтверждается. В известных на сегодняшний день документах атаман Андрей Шадр ни разу не упоминается. Был, как уже говорилось, атаман Иван Шадр, но он жил в XVII в.

И. Бентковский установил, что в XVI – начале XVII в. гребенские казаки ни разу не появляются «на страницах русской истории»⁷³. Пытаясь дать этому объяснение, он даже не рассматривает самую простую и очевидную версию: о гребенских казаках нет никаких сведений в источниках потому, что их тогда еще не существовало. Нет, И. Бентковский не может поставить под сомнение общепринятые в его время представления о появлении гребенских казаков на Кавказе в XVI в. Он считает, что они долгое время не были известны вследствие их отчужденности и малочисленности⁷⁴. Не очень убедительный аргумент: терские «вольные» тоже жили в отдаленных местах и тоже были малочисленны, тем не менее, в источниках конца XVI – начала XVII в. они упоминаются многократно.

Свою версию появления казаков на Кавказе И. Бентковский подкрепляет, кроме легенды, ссылкой на географические названия⁷⁵. Он нашел в «Книге большому чертежу» сведения о том, что на Дону есть горы, которые назывались Гребенными, и считал, что гребенские казаки именно оттуда переселились на Кавказ и сохранили в своем названии память об этих горах. Однако не только на Дону, но и на Кавказе в XVI–XVII в. горы называли «гребенями». Так что гребенские казаки могли получить название по тем горам, у которых они жили, и совершенно не обязательно предполагать, что это название каким-то образом связано с Доном.

Кроме того, Бентковский писал также о станице Бабуковской⁷⁶ и о моздокских кабардинцах и осетинах.

Несмотря на критику, монография И.Д. Попко приобрела широкую известность и поддержку. Высказанное в ней мнение о происхождении и ранней истории гребенских казаков неоднократно повторялось другими авторами. В 1881 г. были опубликованы материалы к 300-летию Терского казачьего войска, составленные С. Писаревым⁷⁷. В качестве исторического раздела в это издание была включена вводная часть труда И.Д. Попко. На тех же материалах основана историческая

часть очерков о терском казачьем войске, составленных А. Ржевуским⁷⁸. В 1890 г. Е. Максимов при подготовке своей работы о Терском казачьем войске тоже опирался на сочинение И.Д. Попко⁷⁹. В 1899 г. К.К. Абаза в своем научно-популярном издании о казаках, предназначенном для чтения в войсках, семье и школе, повторил идеи И.Д. Попко о происхождении и переселении казаков на Кавказ⁸⁰. То же самое относится и к очерку Ф.Г. Чернозубова об участии терских казаков в разгроме И. Заруцкого под Астраханью, напечатанном в 1912 г.⁸¹ То есть взгляды И.Д. Попко на долгое время стали едва ли не общепринятыми.

В конце XIX – начале XX в. появилось несколько работ о переселении «малороссийских» казаков на Кавказ, о бывших военных поселениях, превращенных в станицы⁸². Их авторы собрали много материалов о происхождении нескольких групп терского казачества.

В 1912 г. была опубликована книга В.А. Потто «Два века терского казачества». В.А. Потто многое объединяет с И.Д. Попко: они оба были генералами и оба писали свои книги по заказу командования Терского казачьего войска. Это предопределило направление их поисков. Они пытались доказать как можно более раннее появление казаков на Кавказе. Но их работы разделяют тридцать с лишним лет. За это время было выявлено и даже опубликовано немало новых документов по истории казачества Северного Кавказа. Прежде всего, это относится к сборнику документов, изданному в 1889 г. С.А. Белокуровым и содержащему много сведений о терских казаках. То есть в распоряжении В.А. Потто было значительно больше источников, чем мог использовать И.Д. Попко. В.А. Потто, несомненно, был знаком и с критикой труда И.Д. Попко, но, тем не менее, он в своей монографии повторил все основные положения работы И.Д. Попко о раннем периоде истории казачества.

Это относится, в частности, к «рязанской» версии происхождения гребенских казаков. Вслед за И.Д. Попко В.А. Потто попытался доказать, что гребенские казаки переселились на Кавказ из Червленого яра, хотя и не смог найти новые источники, подтверждающие эту версию.

Он ссылается в своей работе на содержащееся в некоторых документах XVI в. известие о том, что черкесы были когда-то царскими холопами и жили в рязанской земле, а потом бежали оттуда на Кавказ⁸³. Вся эта история совершенно недостоверна и является либо ошибкой, результатом неправильного понимания летописных материалов, либо сознательным использованием не соответствующих действительности сведений для обоснования прав царя на земли Северного Кавказа. Но даже в этих документах не сказано ни слова о гребенских казаках. Тем

не менее, В.А. Потто полагает, что они могли вместе с кабардинцами переселиться из Рязанского княжества на Кавказ⁸⁴, т.е., продолжая традицию И.Д. Попко, он тоже «обнаруживает» гребенских казаков там, где источники ничего о них не говорят.

Для доказательства «рязанской» версии В.А. Потто привлекает также работу С. Герберштейна, в которой сказано о живущих за Кубанью черкасах-христианах, совершающих богослужение на славянском языке⁸⁵. Герберштейн никогда на Кавказе не был, все сведения об этом регионе он получил в Москве. Скорее всего, он просто перепутал кубанских черкесов с днепровскими черкасами, которые действительно были христианами и говорили на славянском языке. Но в любом случае он ничего не сообщает о гребенских казаках. Однако В.А. Потто считал, что именно гребенские казаки, а не черкесы были теми христианами, молившимися на славянском языке о которых писал Герберштейн и попытался объяснить их пребывание на Кубани содержащимися в преданиях кабардинцев воспоминаниями о том, как их туда перевел Крымский хан⁸⁶. Это предание, скорее всего, связано с событиями XVII в. и не имеет никакого отношения к временам С. Герберштейна. Попытка использовать его книгу для доказательства переселения казаков на Кавказ в начале XVI в. или даже раньше – это явная натяжка.

Но все же отчасти В.А. Потто учел критику монографии И.Д. Попко. Он согласился с тем, что переселение казаков из Червленого яра на Кавказ по Волге в тот период, когда существовали Астраханское и Казанское ханства, было невозможно. Но какой из этого следует вывод? Логично было бы предположить, что переселение состоялось позднее. Однако В.А. Потто выдвигает совершенно иную версию – казаки отправились на Кавказ именно в указанные И.Д. Попко сроки, но передвигались они не по рекам, а степными дорогами⁸⁷. Не говоря уже о том, что сухопутный переход едва ли был в тот период намного безопаснее речного, и переселение казаков вместе с семьями и всем имуществом было почти невыполнимой задачей, оно не подтверждается никакими источниками. В.А. Потто ссылается на то же самое предание, которое использовал И.Д. Попко. Однако в этом предании совершенно определенно говорится о путешествии жителей Червленого яра по Волге и Каспийскому морю, но не по степным дорогам. В.А. Потто легко обходит это препятствие, объявляя Волжский путь плодом народной фантазии, но при этом не ставя под сомнение сам факт переселения с Червленого яра на Кавказ. То есть, те сведения источника, которые соответствуют его взглядам, он объявляет достоверными, а то, что

противоречит им – отвергает. И то и другое делается без какого бы то ни было источниковедческого анализа и убедительных доказательств. Подобное обращение с источниками является признаком нехватки профессионализма.

А. Потто повторяет версию И.Д. Попко о Трехстенном городке и низовом терском казачьем войске и даже пытается подтвердить ее двумя документами⁸⁸, в которых упоминается этот городок. Он не учел только того, что один из этих документов был составлен во время правления Екатерины II, а другой еще позже, т.е. спустя много лет после описываемых ими событий. В основе их лежат те же самые устные предания, только записанные в XVIII – начале XIX в. Значительно более убедительными источниками были бы документы, современные Трехстенному городку, но такие документы В.А. Потто найти не удалось. Поэтому версия И.Д. Попко не была доказана. В преданиях о Трехстенном городке, как уже говорилось, отразились воспоминания казаков о городе Терки, а «низовое Терское казачье войско» – это миф.

После работ И. Бентковского и И. Кравцова В.А. Потто не мог обойти вопрос о том, почему гребенские казаки, если они появились на Кавказе в первой половине XVI в., ни разу не упоминаются в документах XVI – начала XVII в. Он объясняет это очень просто: царские воеводы путали гребенских казаков с терскими⁸⁹. Однако терские воеводы, которые непосредственно контактировали с казаками, едва ли могли допускать такую ошибку на протяжении нескольких десятилетий.

Как и многие его предшественники, В.А. Потто в своей книге повторяет предание о том, как во времена Ермака группа донских казаков во главе с атаманом Андреем пришла на Кавказ и на берегу реки Акташ заняла заброшенный городок, названный именем этого атамана, которое сохранилось и в названии появившегося позже на этом месте кумыкского аула Эндирей. Но, в отличие от многих других авторов, В.А. Потто не считал, что это событие положило начало гребенскому казачеству, по его мнению, гребенские казаки появились на Кавказе раньше.

При этом В.А. Потто были прекрасно известны факты, опровергающие предание. Как и И. Бентковский, он знал, что название Эндирей происходит, возможно, не от имени Андрей. Ему также было известно, что уже в 1589 г., т.е. спустя всего несколько лет после ухода Ермака с Дона, Андреевский городок штурмовали и сожгли терские воеводы в ходе одного из походов в Дагестан, и что жили там не казаки, а кумыки, как и в последующие годы. Тем не менее, миф оказался для него убедительнее фактов. Он считал, что казаки все же жили в «Андреевской

деревне», но «по всей вероятности очень недолго»⁹⁰. В подтверждение своей версии В.А. Потто приводит только два доказательства: 1) что эта деревня во всех документах на протяжении трех веков называется Андреевской. Но если ее название происходит не от имени атамана, то оно ничего не доказывает. А если все же оно произведено от имени атамана, то непонятно, почему оно сохранялось столь долго, если казаки жили там всего насколько лет. 2) что Петр I не разрешил брату шамхала поселиться в Эндирее, потому, что «та земля изстари Гребенских казаков»⁹¹. Однако Петр I был на Кавказе спустя много лет после появления там гребенских казаков, и его слова доказывают только то, что в его время эта точка зрения существовала и пользовалась поддержкой государства. Они никак не могут доказать того, что казаки когда-то жили в селении Эндирей, и что оно получило название от имени их атамана.

Как и И.Д. Попко, В.А. Потто тоже считал, что существовавшие в XIX в. гребенские станицы появились еще в XVI в. и даже приводит точные даты основания двух из них: 1567 г. (ст. Червленная) и 1569 г. (ст. Щедринская)⁹². Однако точность эта мнимая – приведенные даты не подтверждаются документами, а ссылка на Терский областной статистический комитет не может считаться в данном случае убедительным доказательством, тем более, что ее опровергает Г.А. Ткачев⁹³. Как уже говорилось, в 1569 г. не только не появился Шадринский городок, но и атаман Иван Шадр, по чьей фамилии он назван, еще не родился.

Вслед за И.Д. Попко В.А. Потто тоже пишет об изначальной «домовитости» гребенских казаков, их успехах в земледелии и ремеслах, что якобы отличало их от других групп казачества. При этом он ссылается на мнение двух немецких ученых, С. Фрича и Г. Герольта, присланных из Москвы на Кавказ в 1628 г. для поисков серебряной и медной руды⁹⁴. Тем самым В.А. Потто вводит в заблуждение даже некоторых современных исследователей. В действительности эти иностранцы ничего подобного не писали и писать не могли, потому что они никогда не бывали в гребенских городках, а доехали только до города Терки. Подлинные документы об их путешествии давно найдены и даже опубликованы⁹⁵. Настоящий источник сведений В.А. Потто о хозяйстве гребенских казаков – работа И.Д. Попко.

Вопрос о месте расположения первых гребенских городков занимал В.А. Потто значительно больше, чем его предшественников. При этом он руководствуется ориентирами, содержащимися в труде И. Ригельмана (Голый гребень, Пимонов дуб, Павлова щель и Кошлаковское ущелье), и, как и многие другие авторы, пытается определить их

расположение. По мнению В.А. Потто, все они находились в междуречье Терека и Сунжи: Голый гребень – напротив станиц Калиновской и Николаевской (мнение Г. Ткачева), Пимонов дуб – против станицы Щедринской, Павлова щель – напротив станицы Червленной. Еще две станицы, по его мнению, находились в ущелье реки Нефтянки и поблизости от будущего аула Старый Юрт⁹⁶. При анализе текста Ригельмана В.А. Потто, видимо, опирается на статью Г.А. Ткачева⁹⁷ и старается учесть стратегическое положение указанных мест. Расположение гребенских станиц в указанных местах вполне вероятно, однако необходимо принимать во внимание тот факт, что Ригельман был на Кавказе в середине XVIII в., и его свидетельство может относиться не к первоначальному периоду пребывания казаков на Кавказе, а к значительно более позднему времени. Упоминает В.А. Потто также и о поселениях казаков на правом берегу Сунжи, основываясь при этом исключительно на преданиях казаков и чеченцев⁹⁸.

В.А. Потто вслед за И.Д. Попко также пишет о переселении казаков с «гребеней» на берег Терека и относит эти события к 80 гг. XVII в.⁹⁹ Причину того, что казаки покинули правобережье Сунжи и значительные территории междуречья Терека и Сунжи он видит в ухудшении отношений казачества с соседними народами, что соответствует общепринятым взглядам.

Довольно подробно В.А. Потто описывает также появление на Кавказе донских казаков-раскольников и их взаимоотношения с жителями региона¹⁰⁰. При этом он использует многочисленные документы, которые к этому времени уже были опубликованы, поэтому его рассказ не вызывает особых возражений.

При изучении последующих периодов истории терского казачества В.А. Потто также опирался на документы, как опубликованные, так и хранившиеся в архивах, что придает его тексту значительно большую точность и достоверность.

Вслед за С.М. Соловьевым В.А. Потто пишет о стрелецком восстании 1705 г. в Астрахани и в Терках, и об отношении гребенских казаков к нему.

Как и его предшественники, В.А. Потто сообщает о том, что в 1712 г. гребенские городки были перенесены на левый берег Терека, но он тоже не может подтвердить это мнение документами и даже считает «нужным оговорить, что никаких исторических актов относительно переселения Гребенских казаков не имеется, так как, по-видимому, все дело велось на словах...»¹⁰¹. Найти доказательства правильности или ошибочности этой даты пока не удается.

В.А. Потто уделяет внимание также злосчастной экспедиции А. Бековича (Черкасского) в Хиву и участию гребенских казаков в этом походе. Он приводит официальную цифру – в Хиву отправилось 500 гребенских казаков¹⁰². Однако эту цифру обоснованно ставят под сомнение современные историки. В тот период (и даже позднее) гребенских казаков, находившихся на службе и получавших царское жалованье, было всего 500 человек. Они не могли уйти в поход в полном составе. Так что приведенная цифра относится к планировавшемуся первоначально числу гребенских казаков – участников похода, фактическое же было намного меньше.

Одну из ошибок В.А. Потто повторяет вслед за П.Г. Бутковым, когда утверждает, что в 1724 г. к крепости Святого креста, на реку Аграхань, переселилась из города Терки тысяча казаков¹⁰³. Это приводит его еще к одной ошибке: он пишет, что к 1735 г. из этой тысячи казаков остались в живых только сто человек¹⁰⁴. Как уже говорилось, на Аграхани поселилась тысяча казаков, переведенных на Кавказ с Дона, а терских казаков было значительно меньше, соответственно и потери их были хотя и большими, но не столь огромными, как это получилось у В.А. Потто: их численность уменьшилась примерно вдвое.

Автором еще одной известной работы по истории казачества был М.А. Караулов – атаман Терского казачьего войска. В своей книге он очень кратко описывает историю создания этого войска. При этом он во многом повторяет И.Д. Попко и В.А. Потто: гребенские казаки появились на Кавказе в первой половине XVI в., у них «на первых же порах» было развито скотоводство, хлебопашество, садоводство и виноградарство, терские казаки жили в Трехстенном городке в низовьях Терека под управлением кабардинских князей и т.д.¹⁰⁵

В том, что касается первоначального расселения гребенских казаков на Кавказе, М.А. Караулов предполагал, что они «заняли своими поселениями гребень Терского хребта между Терekom и нижней Сунжей...»¹⁰⁶, что вполне вероятно.

Рассматривая вопрос о происхождении гребенских казаков, М.А. Караулов использовал в качестве источника собранные им материалы по их языку. По его мнению, «особенности гребенского казачьего говора, резко отличающие Гребенцов от остальной части Терского казачества, дают возможность с полной уверенностью отрицать какую бы то ни было ближайшую кровную связь их с Донцами и, наоборот, указывают на близость к казакам Уральским (до конца XVIII века называвшимися Яицкими). Поэтому более вероятным приходится признавать старинное предание Гребенцов, по которому они составляют смесь рязанских казаков Червленого Яра с новгородскими «ушкуйниками»¹⁰⁷.

М.А. Караулов совершенно прав в том, что говор гребенских казаков отличался как от других терских, так и от донских говоров. Этот вывод вполне подтверждается последующими исследованиями специалистов. Однако при интерпретации этого факта он не учитывает историю развития русского языка в целом и его отдельных говоров. Говор донских казаков в XVI в., когда гребенские казаки переселились на Кавказ, мог отличаться от их же говора XIX–XX вв. При этом гребенские казаки, как и уральские, вполне могли сохранить особенности старого донского говора, утраченные со временем на Дону. Именно этим можно объяснить сходство говоров гребенских и уральских казаков. Но могут быть и иные объяснения особенностей говора гребенских казаков. В их формировании могли принимать участие не только донские казаки или выходцы из Рязанского княжества, но и другие группы русских.

Если М.А. Караулов продолжал линию И.Д. Попко и В.А. Потто, то некоторые из его современников применяли другие подходы в исследовании истории казачества. К их числу можно отнести П.Л. Юдина.

В отличие от большинства авторов того времени, писавших о терском казачестве, он придавал главное значение в историческом исследовании изучению архивных документов. Он долгое время исследовал документы, хранившиеся в Кизлярском¹⁰⁸ и Астраханском архивах¹⁰⁹, работал также и в московских архивах (министерства юстиции, иностранных дел, оружейной палаты). П.Л. Юдин выявил в архивах и изучил много документов по истории казачества и, основываясь на них, написал ряд статей.

Одним из ярких примеров его подхода к историческим исследованиям является статья «Была ли Андреевка колыбелью Терцев»¹¹⁰, в которой он рассмотрел приводимое многими авторами предание о том, что Андреевский аул (Эндирей) был основан казаками и назван по имени их атамана. Изучив различные варианты этой легенды, П.Л. Юдин установил, что они во многом противоречат друг другу: различаются как фамилия атамана, так и дата переселения казаков на Кавказ. Это привело его к выводу о недостоверности предания, и необходимости при изучении истории казачества опираться, в первую очередь, на документы: «... никоим образом нельзя доверять перечисленным сказаниям, а тем более основывать на них происхождение терцев. Чтобы представить свою историю точной и правдивой, нужно разыскивать более ценные архивные документы или те печатные первоисточники, которые сходятся с последними и подтверждаются показаниями современников»¹¹¹. Этот призыв сохраняет свою актуальность и в настоящее время.

В другой статье – о появлении казаков на Кавказе – П.Л. Юдин отверг не только версию об атамане Андрее (о чем писали Татищев, А.И. Ригельман, И.Д. Попко, И. Кравцов, И. Бентковский, В.А. Потто и др.), но и версию И.Д. Попко (поддержанную В.А. Потто) о происхождении гребенских казаков от казаков Червленого яра¹¹². П.Л. Юдин подверг резкой критике фактически все, что было написано к тому времени о происхождении казачества Северного Кавказа. По его мнению, во всех этих работах высказаны всего лишь предположения их авторов, но не факты. Он противопоставил им свою собственную версию появления казачества на Кавказе, основанную на изучении архивных документов. П.Л. Юдин ссылается на два таких документа. Первый – это грамота Ивана Грозного турецкому султану 1571 г. (в статье ошибочно указан 1581 г.), в которой речь идет о появлении и последующем упразднении Терского города. В этом документе нет упоминаний о казаках, и Юдин сделал вывод о том, что их тогда на Кавказе не было. Нельзя полностью исключать возможность того, что казаки все же жили в тот период на Кавказе, но по каким-то причинам не были упомянуты. Но никаких доказательств их пребывания в регионе документ не дает – в этом отношении Юдин прав. Второй документ – грамота царя Федора Ивановича султану от 1584 г. В ней царь пишет о том, что на Тереке живут воры волжские казаки. Это дает основание Юдину утверждать, что казаки появились на Кавказе до 1584 г., и что они переселились туда с Волги. Это действительно можно считать установленным фактом, а не просто предположением. И хотя выводы П.Л. Юдина основаны на минимальном количестве источников, другие версии происхождения терского и гребенского казачества не были подтверждены ни одним документом. В своем исследовании П.Л. Юдин упустил один документ, который уже был известен в его время – это статейный список русского посла Луки Новосильцева¹¹³, который будет использован в другой статье этого же автора. Он датирован 1585 г., но речь в нем идет о событиях более раннего времени – о постройке второй Терской крепости в 1578 г. и о нападении терских казаков на войско крымского царевича. Это позволяет утверждать, что казаки уже жили на Тереке в тот период, т.е. на несколько лет раньше, чем можно было предположить, исходя из предыдущего источника. Однако этот документ не содержит сведений о том, какие это были казаки – «вольные» или городовые, откуда она переселились на Кавказ и остались ли они там после вторичного упразднения крепости. П.Л. Юдин предположил, что казаки появились на Кавказе после упразднения первой Терской крепости в устье Сунжи, т.е. в 1572 г. и

что вызвал их с Волги Иван Грозный «для охраны кавказского рубежа», и что для этой цели лучше всего подходили именно «вольные» казаки, чтобы в случае недовольства Турции их действиями можно было объявить их «ворами», за которых государство не несет ответственности¹¹⁴. Это один из возможных вариантов объяснения происходивших в XVI в. событий, но никаких доказательств того, что волжские казаки переселились на Кавказ по воле царя, а не по собственной инициативе, в источниках нет.

Анализ архивных документов был положен в основу и других статей П.Л. Юдина: об участии казаков в событиях Смутного времени¹¹⁵, о численности и составе казачьих войск во второй половине XVIII в.¹¹⁶, об отношениях казаков с соседними народами¹¹⁷, о службе казаков во время Персидского похода 1722 г. и после его окончания¹¹⁸, о старообрядчестве гребенских казаков¹¹⁹, об объединении гребенского и терско-семейного войск в середине XVIII в. и последующем их разъединении¹²⁰, о переселении волжских¹²¹ и хоперских казаков на Кавказ¹²² и др. Из документов астраханского архива П.Л. Юдин узнал, что «казаки Гладковские получали в 1722 г. жалованье только на одну эту станицу, но в 1725 г. требовали они его на две: Старогладковскую и Новогладковскую»¹²³. Тем самым он впервые установил дату основания одной из пяти гребенских станиц.

Некоторые из выводов П.Л. Юдина сохраняют свою значимость и в настоящее время, другие – вызывали возражения сразу же, как были опубликованы, но невозможно отрицать его большой вклад в изучение истории формирования терского казачества.

П.Л. Юдин в одной из своих статей справедливо указывает на то, что «вольные» казаки Северного Кавказа «не разделялись на особые войска: Гребенское и Терское, а составляли одну сомкнутую военную общину»¹²⁴. Этот вывод вполне подтверждается документами, и с ним согласны некоторые из современных исследователей. В данном случае П.Л. Юдин сделал шаг вперед по сравнению с И.Д. Попко и со многими другими авторами.

Но когда далее он пишет о казаках Терека: «Как казаки Волжские и Яицкие, никакой войсковой организации они не имели подобно войску Донскому, а управлялись только станичными атаманами», то в этом с ним трудно согласиться. Войско терских и гребенских «вольных» казаков неоднократно упоминается в документах XVII в. В данном случае, видимо, более прав Г.А. Ткачев, который в свое время возражал Юдину¹²⁵. Впрочем, Г.А. Ткачев явно недооценивал работы П.Л. Юдина, когда советовал ему сосредоточиться на издании архивных документов и не пытаться писать научные работы по истории терского казачества.

Спорным является также предположение П.Л. Юдина о том, что в событиях Смутного времени принимали участие только казаки Терского города, а «вольные» казаки к ним не присоединились. Вполне вероятно, что «царевича Петра» сопровождали и те, и другие. Но когда П.Л. Юдин сомневается в том, что вместе с самозванцем с Терека на Волгу отправились 4 тысячи казаков, то в этом с ним вполне можно согласиться¹²⁶.

П.Л. Юдин поторопился с выводами, когда писал о том, что не позднее 1586 г. у терских казаков были две станицы, одна из которых называлась Нижней¹²⁷. В том документе, на который он ссылается, нет речи о станицах. Это челобитная терских казаков, содержащихся в тюрьме в Нижнем Новгороде – «из Нижней из темницы»¹²⁸.

Совершенно справедливо П.Л. Юдин пишет о том, что в городе Терки первоначально служили «жилецкие» казаки, затем их сменили «беломестные». К концу XVII в. и эта группа исчезла после того как в 1678 г. последние 9 человек их были зачислены в стрельцы»¹²⁹. Юдин полагал, что казаки города Терки XVIII в. «вели свое начало от тех правительственных казаков, которые вместе со стрельцами и семьями своими были «водворены на Терке» по грамоте 1659 года»¹³⁰. Однако в приведенном им же документе 1678 г. никаких сведений об этих казаках нет. Возможно, что упомянутые в нем несколько беломестных казаков и являлись остатками этих переселенцев. В таком случае казаки терского города XVIII происходят не от них, вопреки мнению П.Л. Юдина, а от каких-то иных групп.

Спорным является его утверждение и о другой группе казачества Северного Кавказа: «К концу XVII столетия окончательно стусевывается название Терских вольных казаков. По документам Лефортовского архива можно видеть, что в 1701 году были одни только вольные казаки под общим названием Гребенских, которым требовалось жалованье на пятисотное же число»¹³¹. С ним можно согласиться лишь отчасти: в большинстве документов конца XVII – начала XVIII в. «вольные» казаки действительно называются гребенскими, хотя к этому времени никто из них уже не жил в горах, они все переселились на Терек. Но иногда, все же, использовалась и старая формула – «терские и гребенские атаманы и казаки»¹³². Потребовалось еще около ста лет для того, чтобы она окончательно была забыта.

П.Л. Юдин по архивным документам определил численность казаков города Терки к концу 1722 г. – 167 человек. В 1723 г. их численность возросла до 200 человек после зачисления в их состав «конных солдат», служивших в Терках¹³³. Тем самым Юдин впервые доказал,

ссылаясь на архивные документы, что уже при Петре I началось зачисление солдат в казачество, что станет обычной практикой в XIX в. Юдин также исправил ошибку П.Г. Буткова, писавшего о 1000 терских казаков (за ним это повторяли многие другие авторы). П.Л. Юдин выступил еще против одной распространенной ошибки – утверждения, что терские казаки были переведены на Аграхань и зачислены в Аграханское войско¹³⁴.

В своей статье о переселении волжских казаков на Кавказ в 1777–78 гг. П.Л. Юдин допустил ошибку, которую повторяли и многие другие авторы: он написал о том, что одна из станиц была построена при крепости Екатеринодарской на Малке¹³⁵. Крепость на Малке никогда не называлась Екатеринодарской. Первоначально она носила название крепости св. Екатерины или Екатерининской, затем была преобразована в город Екатериноград, а после упразднения города стала именоваться Екатериноградской.

Постоянным оппонентом П.Л. Юдина был Г.А. Ткачев, библиотекарь Терского общества любителей казачьей старины. Он прекрасно знал книги и статьи по истории казачества, а также изданные к тому времени сборники документов. Ему были не понаслышке известны обычаи и образ жизни казачества, поскольку он вырос в гребенской станице Шадринской. Однако, в отличие от П.Л. Юдина, он не работал в архивах, т.е. не выявлял самостоятельно новые источники и, может быть, по этой причине он не столь критически относился к работам своих предшественников и основывал свои выводы не только на документах, но и на преданиях.

В одной из своих работ Г.А. Ткачев попытался установить место расположения аграханского казачьего войска¹³⁶. Основным источником для него явились «Материалы» П.Г. Буткова, которым он полностью доверял и потому повторил содержащиеся там ошибки. Г.А. Ткачев тоже пишет о том, что терские казаки поселились на реке Аграхань, и что их было 1000 человек – 500 конных и 500 пеших. Он считает, что они построили 5 городков (хотя этого нет ни у П.Г. Буткова, ни в других источниках)¹³⁷. Его не смущает то, что ни одного названия этих городков он не может привести, хотя названия трех городков донских казаков, поселившихся на Аграхани и Сулаке ему известны¹³⁸. Его не останавливает также и то обстоятельство, что к моменту переселения в Кизляр в 1735 г. терских казаков насчитывалось всего 100 человек. По его мнению, в течение 13 лет численность терских казаков уменьшилась в 10 раз¹³⁹, что он объясняет высокой смертностью в результате эпидемий.

Книга Г.А. Ткачева «Гребенские, терские и кизлярские казаки», была предназначена «для чтения в станичных и полковых школах,

библиотеках и командах»¹⁴⁰. В ней автор повторил популярные в его время мифы о происхождении и ранней истории казачества: о том, что первыми казачьими городками были Шадрин, Гладков и Курдюков¹⁴¹, о казачьем Трехстенном городке, об атамане Андрее Шадре, по имени которого якобы был назван аул Эндирей, а по фамилии – станица Шадринская или Щедринская. По мнению автора, казаки под его командованием переселились на Кавказ в 1577 г., спасаясь от преследований воеводы Мурашкина¹⁴². Как уже говорилось, письменными источниками эти предания не подтверждаются. Атаман Андрей Шадр ни в каких документах не упоминается, а в названии станицы Шадринской, скорее всего, сохранилась память об атамане Иване Шадре, жившем в XVII в.

Г.А. Ткачев, как и В.А. Потто, также приводит рассказ о немецких ученых Герольде и Фриче, посетивших в 1628 г. гребенские городки¹⁴³, что не соответствует действительности.

Можно было бы не останавливаться столь подробно на всех ошибках и неточностях научно-популярной книги, но многие современные авторы считают именно ее главной работой Г.А. Ткачева и часто ссылаются на нее в своих исследованиях.

В своих последующих статьях Г.А. Ткачев несколько изменил свою позицию. Возможно, на него все же оказал влияние П.Л. Юдин, с которым он постоянно дискутировал, а, может быть, в «Записках общества любителей казачьей старины» можно было высказывать более смелые взгляды, чем в научно-популярной книге, но Г.А. Ткачев стал придавать большее значение документальным источникам. Относительно переселения гребенских казаков на Кавказ, он писал в одной из своих статей: «Сколько бы ни вели историки споров о времени возникновения Гребенцов, несомненно одно: что они в начале XVII ст. (1614 год) уже жили на своих затерченных Гребнях, на которых их застала история...»¹⁴⁴. То есть историю этой группы казачества он начинает с того момента, когда она впервые упоминалась в документах, и не рассматривает легенды и мифы как достоверный исторический источник. Такая позиция не вызывает возражений и с точки зрения современной науки. Он также пишет в этой статье, что первыми гребенскими городками, упомянутыми в документах в 1614 г., были городки атаманов Якова Гусевского и Овдодима Мещеряка¹⁴⁵.

В другой своей статье Г.А. Ткачев писал о том, что городище Трехстенный городок – это развалины города Терки¹⁴⁶, который неоднократно переносился с одного места на другое, он уже не вспоминает о том, что этот городок якобы был казачьим и был построен раньше города Терки¹⁴⁷.

Ткачев писал также о земельной собственности казачества и обвинениях казаков в том, что они заняли земли народов Кавказа¹⁴⁸. По

его мнению, у казаков не было такого избытка земли, как принято было считать. Лучшие казачьи земли были отданы в собственность офицером, а затем перепроданы и потеряны для казачества. Что же касается поземельных отношений с народами Кавказа, то Г.А. Ткачев считал, что «если какой народ и потерпел в Терской области умаление земельных прав от водворения русских, так это не осетины, не ингуши, не чеченцы, а только кабардинцы. На принадлежавшей кабардинцам земле по Малке, по Куме, по Золке и Подкумку – раскинута самые лучшие, «цветущие» станицы Терского войска: Прохладная, Солдатская, Павловская, Зольская, Незлобная, Эссентуки и пр. На кабардинских же землях живут плоскостные ингуши, осетины и ... верхне-Теречные станицы»¹⁴⁹.

В другой работе Г.А.Ткачев продолжил тему отношений казаков с соседними народами, особенно с чеченцами и ингушами¹⁵⁰. В начале XX в. вражда между ними настолько обострилась, что стала даже предметом обсуждения в Государственной Думе. Книга Г.А. Ткачева и была написана в связи с этим обсуждением. В этом конфликте Ткачев целиком и полностью поддерживает казаков.

В XIX – начале XX в. было написано немало работ по истории формирования Терского казачества. Выдвигались различные теории его происхождения и ранней истории. В ряде случаев они были основаны на недостаточно надежных источниках, но постепенно историки казачества изучили обширный круг документов, и вместо мифов и легенд некоторые из них выдвигали более обоснованные научные предположения. Обобщающей работы по истории становления терского казачества еще не существовало: И.Д. Попко в своей книге ограничился изучением только гребенских казаков, а В.А. Потто не успел завершить свой труд и довел его только до начала XIX в. Что же касается этнографии терского казачества, то многие работы XIX в. могут служить источниками для ее изучения, однако научное осмысление собранных материалов только начиналось. Исследование Р. О. Маргграфа и его соавторов внесло несомненный вклад в развитие этнографической науки.

Исследования советского и постсоветского периодов

Февральская революция 1917 г. отменила все сословные привилегии и ограничения. Над казачеством нависла угроза исчезновения, его идеологи начали искать выход из этого тупика. И именно в 1917 г. Г.А. Ткачев сформулировал свой тезис: «Казачество не есть сословие, которое можно уничтожить, а народ, хотя и говорящий на одном языке

с народом русским, уже поэтому оно не может быть уничтожено»¹⁵¹. Эта теория появилась не на пустом месте. Известно, что казаки, в том числе и терские, не называли себя не русскими, а называли просто казаками¹⁵², что могло дать основания для того, чтобы считать их особым народом. Однако в период существования Российской империи подобные взгляды не имели поддержки государства. После февральской революции эта идеология приобрела актуальность и стала свободно распространяться. Она пользовалась влиянием среди казаков, покинувших Россию в годы Гражданской войны, и проявилась в изданных за рубежом книгах по истории казачества¹⁵³.

Советское государство, однако, никак не могло с нею согласиться. Признать казаков особым народом – значило поддержать их сепаратистские настроения, которые явно проявились в годы Гражданской войны. К официальному мнению присоединилась и та часть казачества, которая выступила на стороне новой власти. В 1920 г. в решении Первого Всероссийского съезда Трудовых казаков было записано, что «казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа. Поэтому ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России, к чему стремятся казачьи верхи, тесно спаянные с помещиками и буржуазией, не может быть и речи...»¹⁵⁴. Можно было бы согласиться с тем, что казачество никогда не было особой народностью или нацией, что большинство казаков являлось неотъемлемой частью русского народа, хотя были среди них и представители многих других народов. Но, необходимо отметить, что, решая вопрос о статусе казачества, как сами казаки, так и Советская власть руководствовались не результатами научных изысканий, а собственными политическими интересами. Место казачества в Советской России определялось не в ходе научных дискуссий, а в ходе Гражданской войны.

Большевистские лидеры готовы были ликвидировать казачество, запретить называться казаками и депортировать их¹⁵⁵. После окончания гражданской войны власть стала более терпимо относиться к казачеству. Лозунг «расказачивания» был снят. Тем не менее, для новой власти изучение истории и этнографии казачества не было актуальным. Хотя в 20 гг. П.Л. Юдин жил во Владикавказе, но его глубокие знания истории терских казаков и большой опыт архивной работы оказались невостребованными в новых условиях. Изучением терского казачества почти никто не занимался, а уже изданные книги и статьи оказались надолго забыты. Только сравнительно недавно специалисты по истории терского казачества вновь открыли для себя работы П.Л. Юдина. Его

цитируют в современных научных трудах, о нем написан ряд статей и даже защищена диссертация¹⁵⁶.

В советское время активно изучалась история народов Северного Кавказа. В архивах выявлялись и издавались документы по истории региона, в которых были неизвестные ранее материалы и по истории казачества. К числу наиболее важных сборников документов относится двухтомник о кабардино-русских отношениях и издание материалов о русско-дагестанских отношениях. В те же годы М.О. Косвен опубликовал документ XVIII в., обнаруженный в архиве древних актов в «портфелях» Г.Ф. Миллера¹⁵⁷. Тем самым расширялась источниковая база для будущих исследований истории казачества. Он также нашел и проанализировал документы о побегах к горцам казачьего офицера (сотника) С. Атарщикова¹⁵⁸.

Долгое время терские казаки не являлись предметом специальных научных исследований советских историков или этнографов. О них писали лишь в связи с другими научными проблемами. Так, Г.А. Кокиев упоминал о гребенских казаках в своей работе о колониальной политике России на Северном Кавказе¹⁵⁹. При этом он опирался на книги И.Д. Попко и П. Буткова. Статьи П.Л. Юдина ему, видимо, не были известны. И. Карачайлы писал об отношениях казаков с горцами, отмечал участие народов Кавказа в формировании казачества¹⁶⁰. М.С. Тютчев писал продолжал изучение этой темы, используя труды дореволюционных авторов¹⁶¹. Его вывод о том, что до появления Кавказской линии у казаков и народов Кавказа не было серьезных конфликтов, несколько упрощает сложную историю их взаимоотношений, хотя это очень распространенная точка зрения. В книге Н.А. Смирнова о политике России на Кавказе казаки упоминаются несколько раз в связи с их отношениями с народами региона¹⁶². А.В. Фадеев в своей работе об экономическом развитии степного Предкавказья писал о казачьей колонизации этого региона, о хозяйственной деятельности казачества¹⁶³. Его исследование основано на изучении архивных документов, хранящихся в Центральном Государственном историческом архиве, в Государственном архиве Ставропольского края и других. В.С. Гальцев также затрагивал историю заселения казачеством Северного Кавказа¹⁶⁴.

В одной из работ Н.П. Гриценко рассматривается тот же вопрос¹⁶⁵. В том, что касается происхождения и ранней истории казачества, автор опирается преимущественно на труды дореволюционных авторов. По его мнению, «в первой половине, но не позднее середины XVI века, появились на Тереке казаки, известные под именем «терских». Часть их поселилась на возвышенностях между Терекем и Сунжею на «гребнях», положив основание гребенскому казачеству»¹⁶⁶. Он также пишет

о казачьем «Трехстенном городке» и о переходе чеченцев в казачьи станицы¹⁶⁷, и очень кратко – о некоторых заимствованиях в материальной культуре казачества¹⁶⁸. Затрагивает он также проблему развития казачьего хозяйства, основываясь как на книге И.Д. Попко, так и на документах архива Чечено-Ингушетии, которые он выявил и ввел в научный оборот¹⁶⁹.

В другой своей работе Н.П. Гриценко более подробно рассматривал проблемы экономических и культурных связей казаков с народами Кавказа¹⁷⁰. Это исследование основано на трудах П.Г. Буткова, И.Д. Попко, В.А. Потто, М.О. Косвена и других авторов, а также на документах, опубликованных Белокуровым, изданных в двухтомнике «Кабардино-русские отношения» и хранившихся в архиве Чечено-Ингушетии. Автор исследует контакты казаков с чеченцами, начиная с XVI в., с совместных походов казаков и «окочан» во главе с Ушаром-Мурзой и Ших-Мурзой¹⁷¹. Пишет он также об обороне Сунженского острога в 1653 г. казаками, князем Муцалом и «окочанами», об участии чеченцев, кабардинцев и казаков в походах Каспулата Муцаловича¹⁷², о службе «окочан» в терско-кизлярском войске¹⁷³.

Автор также уделяет внимание торговым отношениям – работе меновых дворов, например, в станице Червленной, о станичных ярмарках, на которые съезжались соседние народы, бегству некоторых чеченцев в станицы, а казаков – в горы, обычаю куначества, взаимовлияниям в материальной и духовной культуре¹⁷⁴.

Истории формирования терского казачества касается в своих работах С.А. Чекменев¹⁷⁵. Он пишет о заселении казачеством Кавказской линии в конце XVIII – первой половине XIX в. Его выводы основаны на нормативных документах (Полном собрании законов Российской империи), на «Актах Кавказской археографической комиссии» и архивных источниках. Автор также рассматривает землевладение и землепользование казачества, отмечает, что многоземелье этой группы «носило более условный, чем действительный характер. Им пользовались, как правило, казачьи верхи...»¹⁷⁶. Он отмечает отсутствие на протяжении длительного времени правильного размежевания земель, земельные споры между казаками и соседними народами¹⁷⁷. Основное внимание автор уделяет проблемам развития сельского хозяйства (в том числе и казачьего), промышленности и торговли в регионе.

Статья В.Б. Виноградова и Т.С. Магомадовой о местах первоначального расселения гребенских казаков¹⁷⁸ была одной из первых после долгого перерыва попыток самостоятельного исследования этой проблемы. Основным и фактически единственным историческим источником,

использованным в этой работе, является «Описание гребенских казаков», хранящееся в архиве древних актов в фонде Г.В. Миллера и опубликованное в свое время М.О. Косвенном¹⁷⁹.

В.Б. Виноградов и Т.С. Магомадова ставят вопрос об авторстве этого источника. Основываясь на многочисленных совпадениях ее текста с известной книгой А. И. Ригельмана о казаках, они делают вывод о том, что автором записки был А. И. Ригельман. Это вполне вероятно, хотя возможны и другие объяснения указанного сходства: например, Ригельман мог знать и использовать в своей книге эту записку.

Но в любом случае профессиональные историки должны были бы поставить вопрос о том, можно ли использовать столь поздний источник для определения места первоначального поселения гребенских казаков, насколько он достоверен и точен. Авторы статьи проявили чрезмерный оптимизм, когда утверждали, что «в 30–40-е годы XVIII в. память о событиях XVI в. была, хотя и сглажена временем, но еще достаточно свежа, чтобы предания старожилов могли рассматриваться как правдивый рассказ о первых годах истории их предков на Северном Кавказе»¹⁸⁰. Дело не только в том, что какие-то события со временем забываются, но еще и в том, что другие «события» сочиняются задним числом, что едва ли может помочь ученому. Для того, чтобы уменьшить вероятность ошибок и неточностей, авторы могли бы сопоставлять сведения, содержащиеся в «Описании», с материалами других источников. Однако они этого не сделали. Хотя в их статье и есть ссылки на несколько сборников документов, но и эти документы почти не использованы, никакие сравнения их с «Описанием» не проведены. Непубликованные архивные документы XVI–XVII вв. тем более не привлекаются. Слабость источниковой базы – основной недостаток статьи.

Для того, чтобы выяснить, где находилось место первоначального расселения гребенских казаков, авторы попытались объяснить название «Кашлановского» ущелья, в котором, согласно «Описанию», когда-то жили казаки. По мнению В.Б. Виноградова и Т.С. Магомадовой, оно происходит от слова «каш», заимствованного чеченцами у тюркоязычных народов и означающего могилу¹⁸¹. Они отождествили это ущелье с Аргунским. Однако еще Е.Н. Кушева обратила внимание на одну их ошибку: у А.И. Ригельмана это ущелье названо Кошлаковским, а не Кашлановским. В одном из документов 1628 г. также упоминается Кошлаковский казачий городок, т.е. объяснять следовало именно это название, а не искаженную его форму¹⁸².

Но даже у Е.Н. Кушевой не было сведений о происхождении этого названия. Ей не был известен еще один документ 1628 г., в котором

упоминается казачий атаман Иван Кошлаков¹⁸³. Кошлаковское ущелье, как и Кошлаковский городок, скорее всего, были названы по его фамилии. Нет никакой необходимости искать другую этимологию. Достаточных оснований для отождествления этого ущелья с Аргунским тоже нет.

В своих попытках доказать, что гребенские казаки проживали когда-то в высокогорных районах Кавказа, В.Б. Виноградов и Т.С. Магомадова допускают ряд натяжек и неточностей. Так, трудно согласиться с их утверждением, что «в русских документах и представлениях второй половины XVI – начала XVII в. «гребни» («гребени») – это высокогорье, и чаще всего – северные склоны Кавказского хребта»¹⁸⁴. В доказательство своей точки зрения они ссылаются на документы, в которых, действительно, под гребнями понимались отроги Главного Кавказского хребта. Однако это не означает, что «гребнями» не могли называть также и сравнительно невысокие Терский и Сунженский хребты. Это фактически признали и сами авторы в другой своей статье, в которой приводятся выдержки из документа 1614 г. о приезде в Терский город атамана Якова Гусевского «из Гребеней с Теплые реки». В.Б. Виноградов и Т.С. Магомадова пришли к выводу, что в данном случае «гребенями» назван Терский хребет¹⁸⁵. Однако и во многих других документах этот термин мог иметь такое же значение.

В своей попытке доказать, что гребенские казаки проживали в горах, авторы обратились к такому упомянутому в «Описании» ориентиру как Павлово ущелье. При этом они прекрасно знали, что еще в XIX в. И. Кравцов отождествлял это ущелье с «Павловой щелью», хорошо известной по документам XVIII в. и находившейся на правобережье Терека¹⁸⁶. Однако В.Б. Виноградов и Т.С. Магомадова попытались доказать, что существовало другое Павлово ущелье, и именно оно упоминается в «Описании». При этом название ущелья они производили не от имени Павел, а от чеченского слова, означающего башню, и отождествляли его с ущельем реки Хулхулау, в котором было много башен. Это явная натяжка. Доказать факт проживания казаков в этом ущелье авторы попытались ссылкой на предания, которые свидетельствуют о тесных связях казаков станицы Червленой и чеченцев-гуноевцев, проживавших в этом ущелье¹⁸⁷. Однако каковы бы ни были взаимоотношения казаков и чеченцев, они никак не могут доказывать того, что казаки проживали именно в ущелье реки Хулхулау.

Еще один ориентир, упоминаемый в «Описании», это «Голый гребень». Авторы отождествляют его с так называемыми Черными горами,

хотя не могут привести никаких доказательств, кроме преданий о том, что когда-то эти горы не были покрыты лесами, и поэтому их могли называть Голым гребнем. Если бы они обратились к документам XVII в., то легко нашли бы там это название, причем относилось оно отнюдь не к Черным горам. Так, в 1643 г. кабардинские князья, собравшись в поход, стояли «по Терку на Голом гребне»¹⁸⁸, т.е. этот гребень находился недалеко от Терека, а совсем не в Черных горах. Г. А. Ткачев и В.А. Попко отождествляли Голый гребень с безлесным хребтом напротив станиц Николаевской и Калиновской, что лучше согласуется с материалами источников¹⁸⁹.

Из всех упоминаемых в «Описании» мест первоначального проживания гребенских казаков только река Балсур или Орган может предположительно считаться правым притоком Сунжи, но и это требует дополнительных исследований. Убедительными доказательствами в данном случае могут служить только архивные документы, которые авторами статьи не были найдены и проанализированы.

Эта статья вызвала возражения, в частности, со стороны М.Б. Мужухоева и А.А. Плиева, которые поставили под сомнение ряд ее положений. Они справедливо указали на то, что появление «беглых российских людей» на Тереке во второй четверти XVI в. (о чем писали В.Б. Виноградов и Т.С. Магомадова) не подтверждается ни археологическими, ни письменными источниками¹⁹⁰.

Тесные связи чеченцев с гребенскими казаками, происхождение некоторых казачьих фамилий из Чечни Мужухоев и Плиев вполне обоснованно объясняют обычаями гостеприимства и переселением отдельных людей из станиц в горы и из гор в станицы¹⁹¹, а не тем, что гребенские казаки якобы когда-то проживали в горах, как пишут В.Б. Виноградов и Т.С. Магомадова.

М.Б. Мужухоев и А.А. Плиев критикуют этимологию нескольких топонимов, предложенную В.Б. Виноградовым и Т.С. Магомадовой, указывая, что нет никаких оснований отождествлять Кашлановское ущелье с Аргуном, а Павловское – с рекой Хулхулау¹⁹².

Другая статья В.Б. Виноградова и Т.С. Магомадовой – о заселении гребенскими казаками левого берега Терека¹⁹³ – вызвала значительно меньше споров и возражений. Она была основана на многочисленных документах, опубликованных к тому времени в различных сборниках. Это позволило авторам достаточно убедительно обосновать их выводы, с большинством из которых можно согласиться.

Вполне вероятно, что Теплой рекой, на которой располагался казачий городок, называли «горячие ключи в окрестностях современной

станции Горячесточненской»¹⁹⁴, хотя нельзя исключать возможность и другой ее локализации. Совершенно справедливо указано на ошибку И.Д. Попко и В.А. Потто относительно посещения гребенских городков минерологами Фричем и Герольтом¹⁹⁵. Не вызывает сомнений, что казачьи городки с давних пор находились как на правом, так и на левом берегу Терека, хотя место расположения отдельных городков может еще уточняться¹⁹⁶. Большой интерес представляют записанные со слов старожилов сведения о расположении Щавелева озера и Щавелева бугра, в названии которых, видимо, сохранилась память о Шевелеве казачьем городке и его атамане.

В книге Н.Г. Волковой «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в.» терскому казачеству уделено немного места. Автор повторяет мнение В.Б. Виноградова и Т.С. Магомадовой о проживании казаков в горных районах Чечни. Она отождествляет упоминавшуюся в описании гребенских гребенских казаков реку Балсур или Ортан с притоком Сунжи Фортангой¹⁹⁷. Упомянуты также случаи переселения чеченцев в станицы, о чем писали и другие авторы, в частности, Б.А. Калоев¹⁹⁸.

Большой вклад в изучение истории казачества внесла Е.Н. Кушева, известный советский историк, специалист по истории народов Северного Кавказа. Она принимала участие в подготовке к изданию сборников документов о кабардино-русских, русско-дагестанских и русско-чеченских отношениях. Она также является автором монографии по истории народов Северного Кавказа¹⁹⁹. В ходе своей многолетней работы в архиве она выявила новые документы и по истории казачества. Несколько этих документов положены в основу статьи «О местах первоначального расселения гребенских казаков». Е.Н. Кушевой удалось выявить неизвестные ранее места расположения казачьих городков – реки Белую и Гремячую, которые она отождествляет с правыми притоками Сунжи, и Черный (колодец), который, по ее мнению, также находился на правом берегу Сунжи²⁰⁰. Это вполне вероятно, поскольку, судя по контексту, эти городки находились недалеко от Сунжи, а левых притоков у Сунжи в ее среднем и нижнем течении почти нет. Отождествление реки Быстрой с Аргуном менее убедительно, поскольку Быстрыми назывались несколько рек на Северном Кавказе, и какая из них имеется в виду – не совсем понятно. Статья Е.Н. Кушевой оказала влияние на многих историков, а кое-кто даже повторил ее текст почти дословно²⁰¹.

Главным специалистом по этнографии терского казачества в советское время считалась Л.Б. Заседателева. Одна из первых ее публикаций –

статья «К истории формирования терского казачества»²⁰². При исследовании этой проблемы автор почти не использует документы – ни хранящиеся в архивах, ни опубликованные, а опирается, главным образом, на работы авторов XVIII – начала XX вв. – А.И. Ригельмана, В.Н. Татищева, И. Дебу, С. Броневского, И.Д. Попко и др., а также на полевые материалы. Но в работах этих авторов, как уже говорилось, содержится много ошибок и недостоверных сведений, а полевые этнографические, как и фольклорные материалы, являются не самым надежным источником, когда речь идет о событиях далекого прошлого. Источниковая база предопределила недостатки статьи.

Так, Л.Б. Заседателева повторила высказанную в книге А.И. Ригельмана версию проживания группы казаков, называвшихся «казаковцами», в районе Татартупа на Тереке, хотя другие источники ее не подтверждают. Более того, Заседателева дополняет сообщение Ригельмана: «Казаки из села Кожаровцы переселились на Терек вблизи впадения в него Аргуни, а затем вместе с казаками из Аргунского ущелья в устье Сунжи»²⁰³. Не говоря уже о том, что Аргун не впадает в Терек, он является притоком Сунжи, о переселении казаков от Татартупа в Аргунское ущелье нет никаких сведений ни у А.И. Ригельмана, ни в других источниках. Однако Л.Б. Заседателева попыталась еще и датировать это событие. По ее мнению, «произошло это, очевидно, до 1563 года, так как русские документы, впервые упоминая в тот год о казаках в «Гребнях», указывают места их поселения там. Устроились они тремя городками, получившими названия по именам своих атаманов: Курдюков, Гладков, Щедрин»²⁰⁴. Однако ни в одном русском документе 1563 г. подобных сведений нет. Е.Н. Кушева, на которую ссылается Заседателева, также ничего не пишет ни об Аргунском ущелье, ни о трех казачьих городках. Она сообщает только о том, что в 1563 г. впервые упоминаются казаки «в Черкасах», пришедшие туда с Волги и о том, что, согласно преданиям XVIII в., городки гребенских казаков первоначально находились недалеко от устья Сунжи. В остальном же при построении своих схем истории казачества Заседателева опирается не на документальные источники и не на исследования Е.Н. Кушевой, а на все те же работы И.Д. Попко и В.А. Потто. Это они писали и о трех первых городках, и о проживании казаков на Аргуне (но не о переселении их туда от Татартупа).

Ссылаясь на В.Н. Татищева, Л.Б. Заседателева повторяет в своей статье легенду об атамане «Андрее Щедры» и Андреевом городке. Вслед за В.А. Потто, она также считала, что казаки ненадолго задержались в этом городке, в котором после 1557 г. жил кумыкский владетель

Салтан-мут²⁰⁵, и так же, как и В.А. Потто, она не в силах отказаться от этой легенды.

Ее главный вывод о том, что начало формирования гребенского казачества относится к первой половине XVI в.²⁰⁶, не подтвержден документами. Л.Б. Заседателева также повторяет не доказанное мнение И.Д. Попко о развитии земледелия у гребенских казаков с первых лет их пребывания на Кавказе и столь же необоснованное утверждение о двух группах «вольного» казачества – терском низовом и гребенском²⁰⁷.

Неточностью является также утверждение, что осетины-казаки жили в станицах Луковской, Черноярской и Новосетинской²⁰⁸. Л.Б. Заседателева при этом ссылается на полевые материалы, но едва ли казаки могли сказать, что в станице Луковской жили осетины. Большую часть жителей этой станицы составляют потомки донских казаков. Кроме того, к ней были приписаны также и казаки-кабардинцы, хотя фактически они поселились не в самой станице, а в соседних хуторах. Можно предположить, что источником сведений Л.Б. Заседателевой является работа С.И. Писарева, который сообщил о том, что в этих трех станицах жили «выходцы из Кабарды и Осетии»²⁰⁹. Однако Л.Б. Заседателева каким-то образом пропустила кабардинцев, и у нее получилось, что в станице Луковской тоже жили осетины. На эту ошибку еще в 1991 г. обратил внимание И.Л. Омельченко²¹⁰, что не помешало Л.Б. Заседателевой повторять ее в последующих работах.

В 1974 г. была издана книга Л.Б. Заседателевой о терских казаках²¹¹, в которой автор ссылается на многочисленные работы своих предшественников. Однако из очень краткого и поверхностного историографического очерка следует, что при их оценке она исходила преимущественно из классового подхода, обычного для советского времени, но не придавала должного значения уровню их профессионализма. Так, Л.Б. Заседателева упрекает «дворянских авторов» (не конкретизируя, кого именно она имеет в виду) в том, что при освещении ранних этапов истории казачества они «нередко пользовались легендарными и полуполулегендарными сведениями, не давая им должной научной оценки, не подвергая критическому анализу источники»²¹². В то же время она сама неоднократно ссылается как на исторический источник на работу И.Д. Попко, основанную в значительной степени именно на легендарных сведениях, и повторяет при этом многие его ошибки. Вместе с тем Л.Б. Заседателева не оценила по достоинству и ни разу не упомянула в своей книге статьи П.Л. Юдина, который как раз и стремился очистить историю терско-казачества от мифов и легенд.

Заседателева упрекает историков XIX в. в том, что «этнографическая сторона проблемы», как правило, не привлекала их внимания²¹³. Однако она сама не обратила внимания на работы О. Маргграфа и его соавторов, опубликованные в 1881 г. в сборнике «Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска», хотя они были лучшим из того, что было написано в тот период по этнографии терских казаков.

Несомненным достоинством работы Л.Б. Заседателевой является широкое использование полевых материалов, собранных на протяжении нескольких лет в ходе экспедиций в терские станицы. В этом заключается главный ее вклад в изучение этнографии казачества. В 60 гг., когда она начинала свою работу над этой темой, еще живы были люди, помнившие обычаи конца XIX – начала XX в., что позволяло получить ценные сведения как о материальной, так и о духовной культуре казачества того периода.

Однако все другие источники использованы автором далеко не в полной мере. Так, из огромного числа нормативных актов, опубликованных в «Полном собрании законов Российской империи» и отражающих историю формирования терского казачества, Заседателева изучила лишь очень немногие, что привело к пробелам в ее исследовании. Не использован также и ряд статистических материалов.

Изучению истории формирования терского казачества посвящена одна небольшая глава, в которой используется очень мало архивных документов, причем самые ранние из них датированы концом XVIII в., т.е. первые два века истории терского казачества изучаются без опоры на архивные материалы. И даже из тех документов, которые были опубликованы в различных сборниках, привлекаются очень немногие.

Как в статье, так и в книге Л.Б. Заседателева опиралась преимущественно на работы авторов XIX в., но в книге она проявляет большую осторожность и уже не настаивает на том, что формирование терского казачества началось в первой половине XVI в., а ограничивается тем, что приводит различные взгляды на эту проблему²¹⁴.

То же касается и первоначального расселения казачества на Кавказе. В книге Л.Б. Заседателева не стала писать ни о Татартупе ни об Аргунском ущелье, а «учла» все имеющиеся в литературе точки зрения и сделала на этом основании вывод о том, что «формирование гребенского казачества происходило в широком ареале от урочищ Голого гребня до междуречья Терека и Сунжи»²¹⁵. Расположение Голого гребня при этом не конкретизируется. Однако без такого уточнения фраза

теряет всякий смысл, потому что ни на современных, ни на старинных картах Северного Кавказа Голый гребень не обозначен. Можно предположить, что Заседателева вслед за В.Б. Виноградовым и Т.С. Магомадовой отождествляла Голый гребень с так называемыми «Черными горами», хотя прямо она об этом не пишет. Но как уже говорилось, это ошибочное предположение, документы свидетельствуют о том, что Голый гребень находился как раз в междуречье Терека и Сунжи.

Л.Б. Заседателева повторила в своей работе некоторые ошибки И.Д. Попко. Так, ссылаясь на его книгу, она пишет о том, что в построенной в 1567 г. Сунженской крепости «гребенские казаки начали отбывать действительную службу»²¹⁶. Однако не только о воинской службе, но и о существовании гребенских казаков в этот период не сообщает ни один документ, а сведения И.Д. Попко – не более, чем легенды. Точно так же не подтверждается документально и то предположение, что после ухода царских воевод и стрельцов эту крепость «заняли без ведома московских властей гребенцы»²¹⁷.

Нет никаких доказательств того, что гребенские казаки уже в ранний период своей истории занимались земледелием и ремеслами, что существовало особое терско-низовое казачье войско, поставившее, якобы, «трехстенный город», что в состав этого войска входили кавказские горцы, жившие в слободах при городе Терки²¹⁸. Во всех перечисленных случаях Л.Б. Заседателева пересказывает работу И.Д. Попко.

Ошибки и неточности в работе Заседателевой продолжаются и в той части текста, которая относится к истории формирования терского казачества в XVIII в. Ошибкой является утверждение, что «к 1730 г. всем казакам было установлено одинаковое денежное жалованье (12 рублей в год)»²¹⁹. Такое жалованье было установлено только для аграханских казаков, а гребенские казаки получали вдвое меньше. Уравнили эти две группы значительно позднее – в 1751 г. Л.Б. Заседателева ссылается и в этом случае на работу И.Д. Попко, однако более точные сведения можно найти в законодательных актах, опубликованных в «Полном собрании законов Российской империи».

Л.Б. Заседателева пишет о том, что в 1765 г. «последовал указ о переселении 517 семей из Волжского казачьего войска для занятия территории между Моздоком и станицей Червленной»²²⁰. Однако она не уточняет, что фактически переселение началось только после 1770 г. Неточностью является также утверждение, что эти переселенцы образовали Горско-Моздокский казачий полк. Много лет этот полк назывался Моздокским. Горско-Моздокским он стал после объединения с Горским полком в середине XIX в.

Еще две ошибки Л.Б. Заседателевой: по ее мнению, в 1775 г. «была образована Кавказская губерния с центром в Ставрополе». Кавказская губерния, а точнее – Кавказское наместничество, в состав которого входили Кавказская и Астраханская области, было образовано не в 1775, а только в 1785 г. До этого времени владения России на Кавказе входили в состав Астраханской губернии. Центром Кавказской области и наместничества первоначально был Екатериноград (современная станция Екатериноградская в КБР). Ставрополь стал губернским городом в 20 гг. XIX в.

Ошибочную дату образования Кавказской губернии Л.Б. Заседателева положила в основу своей периодизации истории формирования терского казачества. Она считает 1775 г. завершением одного и началом второго этапа этой истории, и повторяет эту ошибку во многих своих работах.

Л.Б. Заседателева очень кратко описывает историю формирования терского казачества, приводя лишь разрозненные сведения о появлении новых станиц и переселении на Кавказ новых групп населения.

Кроме того, она рассматривает в своей книге такие темы как терская казачья община, семья и семейная обрядность, а также жилище терских казаков. Не были затронуты такие важные для этнографии вопросы как одежда, пища, календарная обрядность. Но книга Л.Б. Заседателевой не является монографией по истории или этнографии терского казачества, а имеет подзаголовок «историко-этнографические очерки», а для работ такого жанра произвольный выбор проблематики отдельных разделов вполне допустим.

При этом в первых двух главах («Казачество как социально-историческое и этнографическое явление в истории России» и «Традиционные связи восточных славян с народами Северного Кавказа») очень большое внимание уделяется темам, не имеющим прямого отношения к терскому казачеству. Так, традиционные связи славян и народов Кавказа рассматриваются, начиная с VI в., что выходит далеко за хронологические рамки работы.

Очень подробно описано применение десятичной системы в военной организации не только и не столько у казаков, сколько у многих других групп и народов, от древних персов до болгар. То же самое относится и к истории использования передвижных крепостей из повозок. Этим двум темам уделено в общей сложности столько же места, сколько всей истории формирования терского казачества с XVI по начало XX в.

В параграфе «От «вольного общества» к замкнутому военному сословию» почти нет материалов по терским казакам. Речь здесь идет

преимущественно о других группах казачества – донского, уральского, запорожского. Так, Л.Б. Заседателева сообщает о том, что в 1645 г. донские казаки отказались присягать царю Алексею Михайловичу, и что впервые они были приведены к присяге только после разгрома разинского восстания²²¹. Но она не написала ни единого слова о том, что гребенские казаки, в отличие от донских, присягнули Алексею Михайловичу – соответствующие сведения можно найти в документах, в том числе и давно опубликованных. Л.Б. Заседателева уделила внимание участию донских казаков в подавлении восстаний калмыков, башкир, запорожцев, поляков, но обошла полным молчанием роль терских казаков в экспедициях царских войск против народов Кавказа. То есть история терского казачества в данном случае подменяется историей других казачьих групп, значительно лучше изученных.

Сведения об этническом составе казачества не отличаются большой точностью. Л.Б. Заседателева повторила данные о количестве «инородцев» в полках терского казачьего войска, которые привел в своей работе «буржуазный историк казачества С. Писарев»²²². Но если для «буржуазного историка» этого было достаточно, то советский этнограф Л.Б. Заседателева просто обязана была уточнить, какие именно «инородцы» имелись в виду. Однако она этого не сделала, хотя материалы переписи населения 1897 г. содержат сведения о родных языках жителей России, в том числе и терских казаков. Л.Б. Заседателева не использовала эту перепись в качестве источника.

Точно так же приведенные в книге Заседателевой сведения о профессиональном составе терского казачества не отличаются точностью. Она пишет о том, что «казаки включали в свои ряды только крещеных» и лишь как исключение в Горско-Моздокском полку «встречались отдельные случаи, когда горцы-казаки не принимали христианства»²²³. Однако это были отнюдь не единичные примеры и не только в Горско-Моздокском полку. Так, в гребенской станице Новогладковской было много казаков-мусульман, имевших свою мечеть. То же самое относится к станице Кизлярской. Л.Б. Заседателева фактически ничего не пишет о терско-кизлярском казачьем войске, хотя оно представляет большой интерес для этнографии. Кроме того, что в состав его наряду с христианами входили также казаки и офицеры-мусульмане, ими на протяжении многих лет и командовали мусульмане – кабардинский князь Эльмурза Черкасский, а затем его сын Темирбулат.

Большое внимание Л.Б. Заседателева уделяет терской казачьей общине, особенно формам землевладения и землепользования. Она справедливо отмечает большое влияние государства на поземельные

отношения казачества²²⁴ и приводит много полевых материалов, иллюстрирующих особенности поземельных отношений в разных терских станицах. Причину этих расхождений она видит в том, что «терская казачья община сложилась под влиянием самых различных региональных общинных традиций»²²⁵, хотя, возможно, дело не только и не столько в этих традициях, сколько в специфике природной среды и хозяйственной деятельности отдельных терских станиц. Примером могут служить так называемые «родовые» земли некоторых станиц. На этих участках находились виноградные сады, которые требовали огромных затрат труда и эксплуатировались на протяжении многих лет. В тех станицах, где не было виноградарства, не было и «родовых» участков.

Л.Б. Заседателева много пишет об имущественном неравенстве, социальном расслоении казачества, но при этом приводит мало материалов, доказывающих это, а также фактически не выявляет ни причины, ни механизмы подобной дифференциации. В изданных почти за сто лет до Л.Б. Заседателевой работах О. Маргграфа и его соавторов эта тема разработана значительно подробнее и глубже.

При изучении казачьей общины как формы самоуправления Л.Б. Заседателева рассматривает только последний период – конец XIX – начало XX в. Сведения о ранних формах общины отсутствуют. Их подменяет следующий тезис: «Терский казачий курень, состоявший вначале из членов разноплеменной казачьей ватажки, с самого начала складывался как сельская казачья община. Внешне это была военная дружина (ватажка), внутренне (в мирной, обыденной жизни) – соседская община»²²⁶. Однако это положение автор не подтверждает никакими источниками, это чисто умозрительное рассуждение.

Л.Б. Заседателева большое внимание уделила казачьей семье. Ее выводы основаны главным образом на использовании полевых материалов, она совершенно не привлекает для исследования этой проблемы статистические источники, хотя сведения о размере семьи можно найти, начиная с XVIII в. Сохранились даже посемейные списки конца XVIII–XIX вв. Тем не менее, Л.Б. Заседателева их не использует, а без них ее рассуждения о распространении тех или иных форм семьи и их эволюции теряют убедительность.

Л.Б. Заседателева подробно описала свадебные обряды терских казаков, но не уделила достаточного внимания разнообразию свадебных обрядов казачества, хотя и не отрицала его. По ее мнению, «у терских казаков существовал в общем-то единый тип свадебной обрядности с характерными общеславянскими чертами»²²⁷. Говорить о едином типе свадебных обрядов терских казаков можно только в том случае, если

свадебные обряды всех восточных славян рассматривать как единое целое. Если же обратить внимание на существующие внутри этого типа варианты, то окажется, что между обрядностью отдельных терских станиц существовали не меньшие различия, чем, к примеру, между украинской и севернорусской свадьбой. И эти различия, вопреки мнению Л.Б. Заседателевой, отнюдь не сводятся только к увеличению или уменьшению «великорусских и малорусских черт»²²⁸.

Л.Б. Заседателева в своей работе пишет о том, что терское казачество «за долгий период своего развития на Северном Кавказе» сложилось «в своеобразную этнографическую группу русского старожильческого населения»²²⁹. Однако она не рассматривает подробно и не исследует эту важнейшую проблему этнографии терского казачества. Поэтому остается непонятным, как можно согласовать сам факт существования казаков-осетин, казаков-грузин, казаков-кабардинцев (чего Л.Б. Заседателева не отрицает) с тем, что терское казачество – этнографическая группа русского народа. Может ли этнографическая группа русского народа состоять не только из русских, но также и из осетин, кабардинцев и грузин?

Л.Б. Заседателева упоминает также о преобразовании ряда сел в станицы, о зачислении крестьян в казачество, но не объясняет, каким образом царский указ может включить кого-либо в этнографическую группу или же исключить из нее. И какой смысл в таком случае имеет понятие «этнографическая группа». Фактические материалы в работе Л.Б. Заседателевой существуют сами по себе, а теория, если это можно назвать теорией – сама по себе. Автор даже не делает попыток как-то согласовать их.

По утверждению Л.Б. Заседателевой, самоназвание терских казаков – «терцы»²³⁰, с чем невозможно согласиться. Название «терцы» по отношению к терским казакам применяли некоторые авторы XIX в.²³¹, но ни один из них не писал о том, что это было их самоназванием. Скорее всего, так называли терских казаков чиновники, которым надо было как-то отличить их от других групп казачества. Точно так же других казаков могли называть кубанцами, донцами, уральцами. Сами же казаки, независимо от их принадлежности к тому или иному казачьему войску, называли себя казаками, именно это было их самоназванием, что подтверждается многочисленными источниками. Как свидетельствуют материалы этнографических экспедиций, массовых опросов казачества и переписей населения, это самоназвание сохраняется у них вплоть до настоящего времени. Тезис о том, что терские казаки называли себя терцами, понадобился

Л.Б. Заседателевой, видимо, для доказательства того, что они являются этнографической группой.

В последующие годы Л.Б. Заседателева написала ряд статей о традиционной культуре терского казачества и других групп восточнославянского населения Северного Кавказа. В одной из них подведены итоги этой работы²³². Здесь, в отличие от книги, Л.Б. Заседателева использовала некоторые архивные документы 20–50 гг. XVII в., что позволило ей выявить названия и места расположения нескольких казачьих городков того периода²³³. Но документы, даже опубликованные к тому времени, привлечены далеко не все, соответственно и значительная часть городков не упоминается. Есть в статье и ошибки. Автор неправильно поняла архивный документ, и вместо Степанова городка Бормата (названного по имени атамана Степана Бормата) у нее появились два отдельных городка – Степанов городок и городок Бормата. Точно также вместо Афанасьева городка Слепова появились Афанасьев городок и городок Слепова²³⁴.

В этой статье Л.Б. Заседателева высказывает другое, отличное от ее книги, мнение о развитии земледелия у казачества. Она больше не повторяет тезис И.Д. Попко о появлении этой отрасли хозяйства в самый ранний период, а, основываясь на архивных документах, приходит к выводу о том, что в XVII в. гребенские казаки земледелием еще не занимались или не придавали ему большого хозяйственного значения. Только в XVIII в. появляются сведения о возделывании гребенскими казаками зерновых²³⁵.

В отличие от книги, в этой статье Л.Б. Заседателева уделяет внимание и таким компонентам традиционной культуры как одежда и пища. Очерк их развития является очень кратким, но в нем особое значение придается взаимовлиянию казаков и народов Кавказа, что совершенно оправданно. В то же время предположение Л.Б. Заседателевой о том, что шапка «куполообразной» формы была заимствована гребенскими казаками у ногайцев²³⁶, недостаточно аргументировано. Такой головной убор бытовал не только у ногайцев, но также и у кабардинцев, чеченцев, ингушей и др. народов, так что вопрос о его происхождении остается открытым.

Что касается норм поведения, этикета казачества, то отмеченное Л.Б. Заседателевой глубокое уважение к старикам совсем не обязательно связано с кавказским влиянием, поскольку на определенных этапах истории оно существовало очень у многих народов, в том числе и у восточных славян, а вот обычаи избегания²³⁷, возможно, связаны с этим влиянием.

При написании «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» (М., 1988) в числе соавторов были В.Б. Виноградов и Л.Б. Заседателева, поэтому в тех разделах, которые касаются казачества, повторяются некоторые положения работ Л.Б. Заседателевой – например, о «широком ареале» формирования терско-гребенского казачества без уточнения расположения Голого гребня. Названы те же казачьи городки, что и раньше, некоторые из них снова «удвоенны»²³⁸. Можно согласиться с авторами в том, что «в момент появления вольных казаков на Тереке их ватаги не представляли собой какую-то конкретную монолитную группу выходцев из определенного района Руси»²³⁹. Документы подтверждают, что среди казаков были выходцы из самых разных мест.

В своей докторской диссертации в форме научного доклада²⁴⁰ Л.Б. Заседателева повторила положения своей книги и статей с небольшими изменениями. В том, что касается даты первоначального появления казаков на Северном Кавказе, она вернулась к тезису своей первой статьи и написала, что они появились там «скорее всего – во второй четверти XVI в.»²⁴¹, повторяя, тем самым, точку зрения И.Д. Попко.

Если раньше она ошибочно относила к числу осетинских поселений станицу Луковскую, то теперь без каких бы то ни было оснований добавила к ним еще и станицу Александрийскую²⁴². Она повторила свою ошибку, касающуюся создания в 1775 г. Кавказской губернии с центром в г. Ставрополе, и по-прежнему считала эту дату рубежом между двумя этапами заселения Северного Кавказа восточными славянами²⁴³. По ее мнению также, в 1786 г., с образованием Кавказского наместничества, «в губернский город была превращена крепость Екатеринодар»²⁴⁴. Эту ошибку после Л.Б. Заседателевой повторяли многие другие авторы. Однако в 1786 г. Екатеринодара даже еще не существовало. Он был основан только в 1793 г. и никогда не входил в состав Кавказской губернии, а тем более не был центром этой губернии. В 1786 г. центром Кавказского наместничества стал не Екатеринодар, а Екатериноград, современная станица Екатериноградская в Кабардино-Балкарии.

Доклад содержит также краткий очерк хозяйства, в том числе и казачьего, а также материальной культуры, семейного и общественного быта восточнославянского населения Северного Кавказа. В этих разделах повторяется то, что Л.Б. Заседателева писала в своих предшествующих работах. Автор выделяет архаические восточнославянские традиции и заимствования от народов Северного Кавказа, влияние конфессиональной принадлежности отдельных групп русских и украинцев, синкретичные формы культуры, возникшие в результате

сочетания традиций и инноваций²⁴⁵. Она также отмечает, что в целом переселенцы успешно адаптировались «к местным природно-географическим и этническим условиям»²⁴⁶. Это не вызывает возражений, но у разных групп восточнославянского населения Северного Кавказа способы адаптации и ее результаты были различными. Более глубоко эта проблема применительно к терскому казачеству была исследована еще в XIX в. О.В. Маргграфом в «Статистических монографиях».

В книге Д.С. Васильева по истории низовьев Терека уделяется внимание и казачеству этого региона. Эта работа основана преимущественно на трудах предшествующих авторов и лишь в небольшой степени – на самостоятельном исследовании документов.

Как и многие другие историки, Д.С. Васильев считал «Гребени» местом первоначального расселения казачества. Однако, в отличие от В.Б. Виноградова или Л.Б. Заседателевой, он придерживался того мнения, что «Гребени» – это склоны и подножье Терского хребта между правым берегом Терека и нижней Сунжей²⁴⁷. В то же время Д.С. Васильев разделял точку зрения Л.Б. Заседателевой на усиление феодального гнета как причину массового бегства на Кавказ крестьян, холопов, но добавил к ним также и бедных посадских людей²⁴⁸.

Д.С. Васильев повторяет И.Д. Попко, когда пишет о том, что началось такое переселение еще во второй четверти XVI в.²⁴⁹, и присоединяется также к мнению Г.А. Ткачева и др. в том, что до начала XVII в. терских низовых и гребенских казаков не различали, они все назывались терскими, что терские низовые казаки прибыли на Кавказ значительно позже гребенцов и т.п.²⁵⁰

Но в то же время Д.С. Васильев пишет о том, что «...трехстенное городище по всем показателям почти полностью совпадает с очертаниями и размерами Терского города»²⁵¹, т.е. он, видимо, не считает его остатками казачьего городка. В этом он абсолютно прав.

Д.С. Васильев вслед за В.Б. Виноградовым и Т.С. Магомадовой утверждает, что первое массовое переселение казаков с правого на левый берег Терека состоялось в конце 30 – начале 40 гг. XVII в., хотя в то же время допускает, что часть гребенцов могла жить в этих местах еще с 60–70 гг. XVI в.²⁵² Этот вывод вполне согласуется с источниками, как и мнение Д.С. Васильева о том, что история гребенских казаков конца XVII в. известна очень слабо²⁵³.

Д.С. Васильев присоединился к позиции П.Л. Юдина в том, что в состав терско-кизлярского войска вошли не вольные «терские низовые» казаки, а городовые казаки г. Терки и что терских низовых казаков после Смутного времени осталось мало, и они постепенно сходят с исторической арены²⁵⁴.

В.Г. Коломиец издал краткие «Очерки истории и культуры терских казаков»²⁵⁵, основанные преимущественно на работах авторов XIX в. и на статистических материалах того периода²⁵⁶.

Следующей после книги Л.Б. Заседателевой обобщающей работой по исследуемой теме была монография И.Л. Омельченко²⁵⁷. В отличие от Л.Б. Заседателевой, И.Л. Омельченко был историком, поэтому он не занимался изучением традиционной культуры или этнического статуса терского казачества, однако история формирования этой группы – проблема, представляющая большой интерес для этнографии – занимает в его книге важное место.

Первый период истории казачества Кавказа – события XVI–XVII в. – И.Л. Омельченко не исследовал самостоятельно. Он во всем повторил труды своих предшественников, прежде всего И.Д. Попко и В.А. Потто. При этом он не обратил внимания на то, что их работы основаны не на надежных источниках, а на легендах и преданиях. Вслед за ними И.Л. Омельченко тоже писал о переселении казаков Рязанского княжества на Кавказ, о существовании двух отдельных казачьих войск – гребенского и «терского низовского», о казачьих Андреевском и трехстенном городке и т.д.²⁵⁸

Совершенно иначе И.Л. Омельченко работал над историей терского казачества XVIII–XIX вв. Он изучил много архивных документов этого периода, хранящихся в РГАДА, в архивах Северной Осетии и Астраханской области. Некоторые из этих документов он впервые ввел научный оборот. Это позволило ему самостоятельно исследовать этот период. Значительно подробнее, чем Л.Б. Заседателева, он описал историю формирования терского казачества, появление все новых и новых станиц, изменение социального статуса казачества. Если Л.Б. Заседателева декларировала, но не доказала превращение терского казачества из «вольного» общества в составную часть замкнутого военного сословия, то И.Л. Омельченко нашел немало фактов, подтверждающих этот процесс. Он писал о стремлении властей навязать казакам «непременных», т.е. несменяемых атаманов, о нарушениях в ходе выборов, о злоупотреблениях атаманов и о полном упразднении выборности при генерале Ермолове²⁵⁹. Но также И.Л. Омельченко приводит сведения и о попытках казаков сопротивляться этому процессу, об их участиях в восстаниях и народных движениях. Один из самых наглядных, но малоизвестных фактов, обнаруженных И.Л. Омельченко, относится к 1770 г., когда на Кавказ переселились волжские казаки. Здесь они составили Моздокский казачий полк, т.е. вместо выборных атаманов должны были подчиняться полковнику, назначенному начальством. Политика «осолдачивания»

вызвала протесты казаков, они отказались производить смену караула по войсковому уставу, но были разоружены воинскими частями и отданы под трибунал²⁶⁰. Это был один из этапов ликвидации вольностей казачества, их подчинения имперским порядкам. Таким образом, работа И.Л. Омельченко позволила расширить знания и углубить понимание истории становления терского казачества в XVIII–XIX вв.

В конце XX – начале XXI в. ученые неоднократно возвращались к проблеме происхождения терского казачества. А.А. Шенников вспомнил версию И.Д. Попко о переселении казаков Червленого яра на Кавказ. Однако он не нашел никаких документов, подтверждающих ее. Он даже не смог доказать, что казаки когда-либо жили в Червленом яре. Строго говоря, он этого и не утверждал. Он только высказал мнение, что, если такое переселение и имело место, то оно не могло состояться во второй четверти XVI в., но могло произойти значительно раньше, в 80 гг. XV в.²⁶¹

В.Б. Виноградов и Е.И. Нарожный попытались найти у гребенского казачества еще более глубокие корни, опираясь на археологические находки – предметы «мелкой христианской пластики», обнаруженные не только на равнинах, но и в предгорьях и в горах Северного Кавказа. Вспоминали они в связи с этим и о русских поселениях в Приазовье, сохранившихся, по их мнению, со времен Тмутаракани²⁶². Однако никаких доказательств преемственности между населением Тмутаракани и казачеством авторы не приводят.

Е.И. Нарожный попытался продолжить эту тему, обратившись к письменным источникам по истории Северного Кавказа. Однако приведенные им аргументы выглядят не слишком убедительными. Свидетельство документа о том, что «Орда пашню пахала на Куме» едва ли можно считать доказательством пребывания казаков на Северном Кавказе²⁶³. По мнению Е.И. Нарожного, кочевники не могли заниматься земледелием, поэтому пашню на Куме пахал кто-то другой. По непонятной причине он полагает, что это были именно казаки, и что они, следовательно, жили на Кавказе уже в начале XVI в. Однако кочевники нередко сочетали скотоводство с земледелием. Есть сведения о том, что рядом со столицей ногайской орды, Сарайчиком, были пашни²⁶⁴. Но если даже пашню пахала не Орда, то на Северном Кавказе, в том числе и на Куме, живут народы, которые издревле занимаются земледелием. А вот казаки в ранний период своей истории не были хлебопашцами. Достаточно вспомнить о том, что вплоть до XVIII в. у донских казаков пахота запрещалась под страхом смерти. У терских казаков такие суровые наказания неизвестны, но ни один источник

XVI–XVII в. не сообщает существовании у них пашен. Так что землю на Куме в начале XVI в. мог пахать кто угодно, но только не казаки.

В другой статье Е.И. Нарожный попытался выявить еще более глубокие корни казачества на Кавказе. Опираясь на археологические материалы XIII–XV вв. он пишет о пребывании на Кавказе «выходцев из разных уголков Руси» и считает, что «терско-гребенское» казачество сформировалось «на базе потомков этого населения»²⁶⁵. Однако никаких доказательств этой версии нет.

Еще в одной своей статье Е.И. Нарожный использует карту Волги, составленную в 1720 г., в качестве источника для решения ряда проблем, в том числе и истории гребенского казачества²⁶⁶. Запись на этой карте содержит сведения о ряде географических объектов, в том числе о четырех городках гребенских казаков на Тереке. Е.И. Нарожный сравнивает ее с сочинением И.Г. Гербера, в котором говорится о 5 гребенских городках, и приходит к выводу о том, что пятый городок был основан между 1720 и 1728 г., когда оно было написано²⁶⁷. Это не вызывает сомнений, тем более, что еще П.Л. Юдин писал о том, что этот пятый городок (Новогладковский) впервые упоминается в документах в 1725 г.²⁶⁸

Однако попытка Е.И. Нарожного использовать также книгу А. Ригельмана и известный документ о гребенских казаках из «портфелей Миллера» для уточнения истории гребенских городков является менее удачной²⁶⁹. Оба эти источника основаны на устной традиции казачества и не являются достоверными. В них речь идет о том, что первоначально казаки построили три городка, а потом еще два. Из документов же известна совершенно другая история городков: в 1705 г. существовало 7 городков, а к 1720 г. осталось только 4. То есть в этот период количество городков не увеличивалось, а сокращалось.

Н.Н. Великая в своей книге о казаках Восточного Предкавказья тоже обращается к теме происхождения и ранней истории гребенского казачества. Она опирается при этом на казачье предание, записанное Л.Н. Толстым, в котором говорится о том, что Иван Грозный побывал на Кавказе, встречался с казаками и отдал им земли по Тереку, а они пообещали охранять границу. Основываясь на этом предании, Н.Н. Великая высказывает предположение о том, что казаки проживали на Кавказе еще в конце XV в.²⁷⁰ Однако, именно в отношении хронологии фольклорные произведения нельзя считать надежным источником, особенно когда речь в них идет о столь отдаленных временах. Например, кубанские казаки приписывали основание станиц Новой линии Екатерине II, хотя в действительности эти станицы появились

значительно позже времени ее правления²⁷¹. Точно так же и гребенские казаки могли отнести к эпохе Ивана Грозного события, которые произошли в более поздний период.

Как известно, Иван Грозный никогда на Кавказе не был. В отличие от него, Петр I приезжал на Кавказ во время Персидского похода и мог встретиться с казаками. Об этой встрече свидетельствует, между прочим, тот самый документ из портфелей Миллера, в котором речь идет также о первоначальном расселении гребенских казаков: «в прибытие его величества блаженные и вечной славы достойные памяти государя императора Петра Великаго на Терек по принесении и самими ими его величеству свою повинность, которые прощены и на жалованье с таго времени казаками записаны, с тем чтоб при оном своем месте границу от Дагистании содержали»²⁷². Обращает на себя внимание явное сходство этого документа с преданием гребенских казаков. И в том и в другом случае казаки встречаются с царем на Кавказе и обещают ему охранять границу. Но документ из портфелей Миллера был составлен в середине XVIII в. т.е. тогда, когда еще были живы свидетели и участники встречи с Петром I, поэтому это сообщение можно считать более достоверным. А предание об Иване Грозном было записано в XIX в., т.е. спустя три века после времени его правления.

При изучении вопроса о местах первоначального расселения казаков Н.Н. Великая также предпочитает опираться не на документы, а на легенды и предания²⁷³, поэтому некоторые из ее выводов не выдерживают критики. Так, она в очередной раз повторяет предание о переселении на Кавказ атамана Андрея Шадра и основании казаками «Андреевой деревни», хотя его недостоверность была доказана П.Л. Юдиным еще в начале XX в.

Неубедительна попытка Н.Н. Великой доказать справедливость этого предания ссылкой на шамхала Адиль-Гирея, который якобы писал в 1722 г., что его брату Айдемиру жить в Андреевой деревне «нельзя, так как земля эта исстари гребенских казаков»²⁷⁴. Н.Н. Великая неправильно поняла этот документ или же в той версии документа, которой она пользовалась, содержалась ошибка. Этот документ – прошение Адиль-Гирея Петру I – напечатан в «Полном собрании законов Российской империи». Адиль-Гирей ничего не писал о казаках, он просил определить место, где бы Айдемир мог жить вместе со своими подданными. В своей резолюции на это прошение Петр I указал, что им «в Андреевой деревни жить нельзя, понеже та земля изстари гребенских казаков»²⁷⁵. То есть это слова царя, а не шамхала. Мнение Петра основано, скорее всего, на том же самом казачьем предании, о котором

писал П.Л. Юдин. Ни один из известных документов XVI–XVII вв. ничего не знает о принадлежности аула Эндери казакам.

Еще один вопрос, который поднимает в своей книге Н.Н. Великая – это происхождение гребенских казаков. И в этом случае она ориентируется не на документы, а преимущественно на этнографические материалы. По ее мнению, особенности языка и культуры связывают казаков с севером и средней полосой России. В целом, с этим можно согласиться, тем более, что в XVI и в первой половине XVII в., когда начиналось формирование терского и гребенского казачества, значительная часть южнорусских земель была еще не заселена или заселена очень слабо. Поэтому естественно, что основной поток переселенцев шел на Кавказ с территорий, расположенных севернее. Однако некоторые из приведенных Н.Н. Великой особенностей культуры гребенских казаков не доказывают их связи с севером России.

Это относится, в частности к внутренней планировке жилища. Как отмечали очевидцы, и у гребенских казаков, и в других группах терского казачества, «в избе при входе стоит большая русская печь»²⁷⁶. По мнению Н.Н. Великой, такую планировку можно считать северно-среднерусской²⁷⁷. Действительно, при северно-среднерусской планировке печь находится в одном из «задних углов» избы, т.е. рядом с дверью. Однако в том же самом углу она располагается и при другой – западнорусской или украинско-белорусской планировке жилища. Эти два варианта различаются только тем, как повернута печь. В первом случае ее устье было направлено к передней стене избы, во втором случае – к боковой стене. Прежде чем определять планировку жилища гребенских казаков как северно-среднерусскую, необходимо было бы исследовать, куда именно была повернута печь. Однако это не было сделано.

Еще одна неточность связана с таким фольклорным персонажем казаков как «лобаста» – огромная безобразная женщина с отвислыми грудями, заброшенными за спину, которая могла зашекотать путника до смерти. По мнению Н.Н. Великой, это персонаж севернорусского фольклора, только имя его заимствовано у тюркоязычных народов²⁷⁸. Имя албасты или алмасты известно многим народам Кавказа, не только тюркоязычным. Но кроме имени, также и характерная внешность этой героини встречается в сказаниях народов региона. То, что «лобаста» пытается зашекотать людей, сближает ее с южнорусскими, украинскими или белорусскими русалками. А с северно-русским фольклором эти легенды ничто не связывает – ни сюжет, ни терминология, ни особенности действующих лиц. Попытка автора использовать эти легенды

для доказательства северно-русского происхождения казачества является явной натяжкой.

Н.Н. Великая уделяет большое внимание особенностям хозяйства казачества и даже предлагает выделить его в особый хозяйственно-культурный тип – «военно-промысловый». Не вызывает сомнения, что казаки долгое время не занимались земледелием, что важную роль в их хозяйстве играли рыболовство и охота, что военные походы и набеги составляли неотъемлемую часть их жизни. Вопрос состоит в причинах этого явления. По мнению Н.Н. Великой, военизация казачества «была обусловлена и необходима в силу отсутствия государственности в регионе, внутри- и внешнеполитической ситуацией, особенностями хозяйственного уклада и социальной структуры»²⁷⁹. Однако следует учитывать, что «вольные» казаки XVI–XVII вв. сами выбрали для себя именно этот регион (Северный Кавказ) с его внутри- и внешнеполитической ситуацией. По какой-то причине они покинули места, где существовала сильная государственная власть, и перебрались туда, где она была значительно слабее. Нельзя говорить о том, что она полностью отсутствовала. Уже во второй половине XVI в. царскую власть в регионе представляли терские воеводы. И «вольные» казаки уже в конце XVI в. получали царское жалование (хотя и не регулярно), т.е. были связаны с государством. Особенности образа жизни определялись не столько регионом, сколько социальным статусом казачества. Казаки не были крестьянами, они были профессиональными воинами, именно по этой причине на Дону долгое время хлебопашество запрещалась. И место жительства казаки выбирали для себя такое, где их занятие было наиболее востребовано, поэтому они селились на границах государства или даже за его пределами.

При исследовании роли конфессионального фактора в истории казачества Н.Н. Великая уделяет большое внимание старообрядчеству, но ничего не пишет о казаках-мусульманах, представляющих большой интерес для этнографии, несмотря на их небольшую численность.

Особенности самосознания казаков – важная проблема, которую необходимо исследовать при изучении как истории формирования, так и статуса казачества. Н.Н. Великая пытается проследить изменения самосознания терских и гребенских казаков на протяжении нескольких столетий. Такой подход вполне оправдан. Но при изучении самосознания казачества, особенно его раннего периода (XVI–XVII в.) она фактически не опирается на документальные источники, что делает ее некоторые выводы неубедительными. Так, она пишет о «трансформации самосознания» гребенского казачества в XVI в., о появлении у него

«общего самоназвания – этнонима»²⁸⁰. Однако в источниках XVI в. гребенские казаки ни разу не упоминаются (что прекрасно известно и Н.Н. Великой), тем более в них нет никаких сведений о самосознании или самоназвании этой группы казачества. Так что этот вывод совершенно ни на чем не основан.

Последующий период истории и развития самосознания терского и гребенского казачества автор изучает также на минимальном количестве источников. Однако мнение тех или иных авторов (какими бы авторитетными они ни были) не может заменить источники. При этом общий вывод Н.Н. Великой о том, что в начале XX в. терское казачество «представляло собой сложное социальное и этническое образование»²⁸¹, значительно лучше согласуется с фактами, чем тезис Л.Б. Заседателевой о терских казаках как этнографической группе. Однако Н.Н. Великая подтверждает свой вывод только изучением самосознания терского казачества, почти не обращаясь к его материальной и духовной культуре, которые могли бы предоставить убедительные доказательства его сложного этнического состава.

В другой монографии Н.Н. Великой рассматривается история взаимоотношений народов Восточного Предкавказья, в том числе и живших здесь казаков²⁸². Автор приводит много новых материалов, в том числе и архивных, об экономических связях и о роли таких обычаев как гостеприимство, куначество, аталычество в установлении межнациональных контактов.

В отличие от историко-этнографических работ Л.Б. Заседателевой и Н.Н. Великой, монография С.А. Козлова «Кавказ в судьбах казачества» – чисто историческое исследование, которое внесло большой вклад в изучение истории формирования терского казачества²⁸³. Когда-то П.Л. Юдин призывал изучать историю казачества, основываясь на документах, а не на легендах и преданиях, но сам он смог применить этот подход при исследовании только некоторых проблем. Спустя много лет С.А. Козлов написал обобщающую работу по истории казачества Северного Кавказа XVI–XVIII вв., опираясь на документальные источники и не используя ни мифы, ни сказки, ни другие фольклорные тексты. Его монография показала, что это вполне возможно, что, вопреки мнению некоторых авторов, сохранилось не так уж мало документов по истории казачества этого периода.

С.А. Козлов ввел в научный оборот много новых архивных материалов по истории терского казачества, особенно это касается раннего периода – XVI–XVII вв. Часть документов этого времени, хранящихся в РГАДА, уже была известна ученым, некоторые из них были

опубликованы в нескольких сборниках, но С.А. Козлову удалось и в этом архиве выявить неизвестные ранее источники. Он также нашел неиспользовавшиеся до него документы по истории казачества в архиве Санкт-Петербургского института истории и в некоторых других архивах.

Глубокое исследование многочисленных архивных документов позволило С.А. Козлову подтвердить или пересмотреть и дополнить ранее существовавшие представления об истории казачества. Так, первые документы о появлении казаков на Кавказе, которые он использует, относятся ко второй половине XVI в. Никаких свидетельств более раннего присутствия казаков в регионе он не нашел, поэтому и начинает историю казачества с середины XVI в., не пытаясь удревнить ее (что делают многие другие авторы).

Работа С.А. Козлова подтвердила мнение о широком ареале расселения казачества Северного Кавказа в XVII в. Ему удалось обнаружить сведения о ранее неизвестных казачьих городках и казачьих атаманах (например, об Иване Сарафанникове и его городке, об атамане «Семенке» и его городке «на Кизляре» и т.д.)²⁸⁴, что расширило и уточнило представления об этом предмете. Он также ввел в научный оборот многочисленные документы об источниках пополнения казачества, в том числе о выходивших из плена или освобожденных казаками русских невольниках²⁸⁵.

Книга С.А. Козлова содержит также новую информацию о социальной организации и самоуправлении казачьего сообщества, в том числе о казачьем круге. Автору удалось опровергнуть ошибочные представления многих его предшественников о существовании двух отдельных казачьих войск – гребенского и «терского низового». Приведенные им документы убедительно доказывают, что существовало только одно общее терско-гребенское войско «вольных» казаков с одним общим «кругом» и одним общим войсковым атаманом²⁸⁶. С.А. Козлову удалось также найти новые документы по истории взаимоотношений казачества с народами Северного Кавказа, по истории народных движений и участия в них казачества²⁸⁷. Работа С.А. Козлова «Кавказ в судьбах казачества» вносит большой вклад в изучение истории терского казачества.

В 2003 г. было опубликовано научно-справочное издание о российском казачестве²⁸⁸, одним из авторов которого являлась Л.Б. Заседателева. Разделы об истории и культуре терского казачества основаны на ее работах и повторяют ее ошибки. В том, что касается истории формирования терского казачества, приведены существующие в литературе

точки зрения по этому вопросу, начиная с В.Н. Татищева и А. Ригельмана²⁸⁹ и заканчивая самой Л.Б. Заседателевой, но отсутствуют ссылки на современную литературу, в частности, на книгу С.А. Козлова (первое издание этой монографии вышло еще в 1996 г.).

Начало формирования гребенского казачества отнесено к середине XVI в.²⁹⁰ Повторяется тезис Л.Б. Заседателевой о «широком ареале» расселения гребенских казаков, но по-прежнему не конкретизировано местоположение «Голого гребня»²⁹¹.

Авторы справочника уделяют внимание занятиям казачества, и пишут что «охота, рыбная ловля, сбор дикорастущих плодов, которыми так богат был новый край, имели сначала большее значение, чем приусадебное земледелие огороднического типа...»²⁹². Что земледелие долгое время не имело большого хозяйственного значения – несомненно, но существовало ли оно вообще в первый период истории терского казачества? В одних своих работах Л.Б. Заседателева вслед за И.Д. Попко отвечала на этот вопрос положительно, в других – отрицательно, опираясь при этом на архивные документы. Авторы обобщающего труда о российском казачестве решили, видимо, объединить эти две точки зрения – земледелие существовало, но не играло большой роли. Что же касается его «огороднического» типа, то непонятно, на каких источниках основано это утверждение.

Авторы издания повторяют версию И.Д. Попко о «терских низовых» казаках и о «Трехстенном городке», который не упомянут ни в одном документе XVI–XVII вв.²⁹³ В современном издании по истории и этнографии казачества повторяются ошибки авторов XIX в., которые не являлись профессиональными историками.

Как и в работах Л.Б. Заседателевой (и столь же бездоказательно), в справочнике утверждается, что в XVII в. казачество Терека пополнялось за счет притока беглых крестьян из России²⁹⁴.

Повторяется еще одна ошибка Л.Б. Заседателевой, а именно, что в 1775 г. была образована Кавказская губерния с центром в Ставрополе (в действительности только десять лет спустя – в 1785 г. – были образованы Кавказская область и Кавказское наместничество с центром в Екатеринограде). И эта ошибочная дата опять положена в основу периодизации, т.е. второй этап истории заселения русскими земель Северного Кавказа начинается с 1775 г.²⁹⁵

Подводя итоги истории формирования терского казачества, авторы пишут о том, что у них «есть веские основания рассматривать дореволюционное казачество Терской области в качестве своеобразной сословно-этнической группы славянского населения Северного Кавказа»²⁹⁶,

однако не сообщают, какие именно основания. Если Л.Б. Заседателева абсолютно не аргументировала в своей книге тезис о терских казаках как об этнографической группе, то в этом справочном издании ничем не доказан их статус сословно-этнической группы. Что такое сословно-этническая группа – остается неизвестным. И если терское казачество является сословно-этнической группой славянского населения, то что делать с казаками-осетинами, казаками-грузинами, казаками-татарами, казаками-кабардинцами? Авторы называют их интегрированными группами горских казаков²⁹⁷, но это определение ничего не объясняет и не доказывает. Несмотря на всю интеграцию и взаимовлияние культур, осетины, входившие в состав терского казачества, все же остались осетинами, кабардинцы – кабардинцами и грузины – грузинами. Каким же образом они могли являться частью сословно-этнической группы славянского населения? Или авторы не включают их в состав этой группы? Тогда об этом следовало прямо написать и объяснить, почему указанная сословно-этническая группа не совпадает с Терским казачьим войском.

Но дело не только в казаках кавказского происхождения. В ходе переписи населения 1897 г. 9,8% терских казаков назвали своим родным языком малорусский, т.е. украинский. И по языку, и по обрядности эти казаки были ближе к украинским крестьянам, чем к другим группам терского казачества. Обособленную группу составляли также гребенские казаки, отличавшиеся от других терских казаков своим говором и своеобразием материальной и духовной культуры.

Единственным, что объединяло столь разнородные группы, была их принадлежность к Терскому казачьему войску. Никакого этнического единства между ними не было.

В начале XXI в. появилось немало новых работ по истории и этнографии терского казачества – статьи, монографии, диссертации. Среди них можно отметить несколько новых статей Л.Б. Заседателевой о казачьей общине²⁹⁸, о социально-этнических аспектах семьи и брака²⁹⁹, о влиянии кавказских традиций на семью восточнославянского населения Северного Кавказа (в соавторстве с Е.Н. Даниловой)³⁰⁰, о календарной обрядности казаков³⁰¹. Статьи основаны на полевых материалах, собранных в 70–80 гг. прошлого века. Выводы в основном повторяют положения монографии Л.Б. Заседателевой и других ее работ.

В статье, написанной Л.Б. Заседателевой в соавторстве с А.В. Соповым, делается еще одна попытка определить статус казачества. Теперь уже казачество определяется не как этнографическая или этносословная группа. Авторы призывают «отказаться от ставшего традиционным

противопоставления в казачестве этнического и сословного начал». По их мнению, этничность доминировала «в казачестве в периоды вольного, независимого от государства, что привело, например, к образованию особого казачьего менталитета. Социальные же факторы начинают преобладать под воздействием государственного общерусского вмешательства»³⁰². Но появление особого менталитета вовсе не является признаком «доминирования этничности». Свой менталитет есть не только у народов, но и у социальных групп. Менталитет дворянства явно отличается от менталитета крестьянства, но это не делает их отдельными народами или этнографическими группами. Других же доказательств преобладания этничности в ранний период истории казачества авторы не приводят.

По их мнению, «стержневой казачьей ментальной идеей было и остается отождествление мужчины и воина. Для представителей современной цивилизованной Европы и Америки война – это беда, несчастье. Для казака – неустрашимый момент бытия» и даже религиозное и праздничное действие³⁰³. Однако эта идея не является исключительно казачьей. В соответствии с ней жили многие народы Кавказа на протяжении длительного времени. И для Европы она тоже не всегда была чуждой, особенно для некоторых социальных групп. Германские ландскнехты, итальянские кондотьеры, испанские конкистадоры тоже, видимо, не считали войну несчастьем. И это если не вспоминать рыцарство и более ранние времена. Какую связь видят авторы между указанной идеей и этничностью – непонятно.

Что же касается «хозяйственно-культурного» типа казачества, то, как уже говорилось, особенности казачьей экономики тоже были связаны с социальным, но не этническим статусом этой группы. Те же взгляды на казачество А.В. Сопов высказывает и в других своих работах³⁰⁴.

В 2014 г. в Волгограде был опубликован обобщающий труд по истории и этнографии казачества – «Очерки истории и культуры Казачества Юга России». История формирования терского казачества основана преимущественно не на документах, а на трудах авторов XIX – начала XX в. – И.Д. Попко, В.А. Потто и др., при этом повторяются их недостаточно обоснованные (и совсем необоснованные) утверждения – о двух казачьих войсках («терском низовом» и гребенском), о свидетельстве немецких минерологов о гребенских казаках, о появлении станицы Червленной в 1567 и станицы Шадринской в 1569 г., о «Трехстенном городке», об участии гребенских казаков в походе на Тарки в 1594 г. и т.п.³⁰⁵ При этом доказанное С.А. Козловым на основании документов существование единого терско-гребенского войска «вольных» казаков в XVII в. представляется авторам недостаточно убедительным.

При исследовании последующих периодов истории казачества авторы опираются преимущественно на документы, их выводы достаточно аргументированы. В кратких очерках хозяйства, материальной и духовной культуры терского казачества использованы материалы современных работ на эту тему и подведены их итоги.

Отмечено происхождение многих казачьих фамилий от народов Кавказа и взаимовлияние культур³⁰⁶. При этом авторы обращают внимание на этническую неоднородность терского казачества. Их вывод о том, что «формирование терского казачества как единой субэтнической общности к концу дореволюционного периода не было завершено»³⁰⁷ значительно более убедителен, чем тезисы Л.Б. Заседательевой о казаках как этнографической или этносословной группе.

Монография Н.Н. Гаруновой о городах Северного Кавказа³⁰⁸ содержит главу о «нижнетерском казачестве» в кавказской политике России. Автор рассматривает существующие теории о происхождении терского казачества от бродников, новгородских ушкуйников, казаков Червленого Яра, донских и волжских казаков³⁰⁹. Уделяет она внимание также и мнениям разных авторов о местах первоначального расселения казаков на Кавказе, «Трехстенному городку», отношениям казаков с народами Кавказа, их участию в народных движениях XVII в. и т.п. сюжетам³¹⁰. Это фактически историографический очерк. Только в той части работы Н.Н. Гаруновой, которая касается взаимоотношений казачества и государства в XVIII–XIX вв., используются архивные документы³¹¹. Вывод о том, что казачество сформировалось на Кавказе как этнос и лишь позднее приобрело и сословный характер³¹² представляется недостаточно обоснованным.

В книге Н.Н. Гаруновой и Н.Д. Чекулаева-Братчикова о кизлярском гарнизоне³¹³ уделяется внимание казачьим станицам как форпостам Кизлярской крепости – их расположению, системе укреплений, казачьей службе³¹⁴. Этот раздел основан на документах Дагестанского архива, что имеет особую ценность. Авторы приводят сведения о численности и составе гребенского и терско-семейного войск и «команды князя Черкасского» – будущего терско-кизлярского войска – в середине XVIII в.³¹⁵ Также речь идет и о хозяйственных занятиях казаков низовой Терка в XVIII в., особенно о виноградарстве и виноделии³¹⁶.

В своей новой книге «Казачьи городки и крепости в низовьях Терка в XVII–XVIII вв.: мифы и реальность»³¹⁷ Н.Н. Гарунова берется отделить мифы от реальности, однако пишет о том, что ее «основным источником стали труды дореволюционных авторов...»³¹⁸. В трудах дореволюционных авторов содержится немало мифов, касающихся

казачьих городков, и без использования более надежных источников отличить эти мифы от реальности невозможно. Архивные или опубликованные документы в числе источников даже не упоминаются. И фактически документы использованы только при изучении истории XVIII в., когда появилась крепость Святого Креста, город Кизляр и несколько казачьих станиц.

Есть в работе Н.Н. Гаруновой недостаточно проверенная информация. О том, что в 1559 г. Терские низовые казаки «овладели городом Тюмень, или, как его еще называли, Терколте, расположенном на одном из рукавов Терека»³¹⁹, писали некоторые авторы XIX в., однако их мнение не подтверждается документами.

При изложении истории Трехстенного городка приведены точки зрения разных авторов (Гумилева, Крупнова, Потто, Писарева и др.)³²⁰, однако трудно понять позицию Н.Н. Гаруновой. Используются также предания в пересказе дореволюционных авторов, но не привлечен ни один документ, ни один нарративный источник XVII в. И не сделано это по вполне понятной причине – ни в одном источнике того времени Трехстенный городок ни разу не упомянут.

Утверждения Н.Н. Гаруновой, что «первым русским поселением на территории нынешнего Дагестана в низовьях Терека следует считать Трехстенный городок, а не Терский город»³²¹ и что «первыми жителями городка были казаки»³²² не подтверждаются документами. Точнее, Трехстенным городком казаки называли как раз Терский город.

В этой работе Н.Н. Гарунова несколько изменяет свое мнение о статусе терского казачества. Она пишет «о спорной версии, что казачество формировалось на Северо-Восточном Кавказе как специфический этнос, который с полным основанием следует отнести к числу коренных народов региона. Лишь позднее, в силу исторических условий оно обрело и сословный характер»³²³. Можно согласиться с автором в том, что эта версия является спорной.

С.А. Голованова в своей диссертации попыталась уточнить статус казачества. По ее мнению, оно «более соответствует определению этника»³²⁴, если использовать теорию Ю.В. Бромлея, так как не является территориально единым и этнически однородным. Однако этникос как раз и выделялся Ю.В. Бромлеем по признаку общности языка и культуры – как «устойчивая совокупность людей обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык)...»³²⁵. Но можно ли говорить о том, что казаки-кабардинцы, казаки-осетины, казаки-грузины имели общий язык и культуру с казаками русского или украинского происхождения? Если нет, то это никак не

мог быть этникос, а была совершенно другая общность. И хотя можно согласиться с тем, что казачество превращается в сословие только в XVIII – первой половине XIX в.³²⁶, но и до этого времени оно представляло собой социальную, но не этническую общность.

С.А. Голованова справедливо отмечает, что среди переселенцев (которые впоследствии становились казаками) было мало помещичьих крестьян, больше государственных крестьян и однодворцев, что военные поселяне и выходцы из северокавказских народов тоже сыграли роль в формировании казачества³²⁷.

Недавно опубликованная монография С.А. Головановой³²⁸ еще раз затрагивает проблемы формирования терского казачества. Работа основана на архивных материалах – РГВИА, РГИА, ГАСК, ГАКК, ГАРФ.

Автор уделяет значительно большее внимание, чем Л.Б. Заседателева, таким вопросам как переселение на Кавказ донских и волжских, хоперских и черноморских, малороссийских казаков, создание Кавказского линейного, затем Терского и Кубанского казачьих войск. Она опять отмечает роль государственных крестьян и однодворцев, солдат, военных поселян и «инородцев» в формировании казачества, зачисление бродяг в казаки, прослеживает изменение численности казачества на разных этапах его истории – то, чего не сделала в свое время Л.Б. Заседателева.

С.А. Голованова также не проходит мимо такой сложной проблемы как статус казачества и пытается «снять устойчивое противопоставление этнического и социального», используя «в качестве инструмента анализа понятие «казачество как историческая система»³²⁹. Она отмечает, что «историки испытывают серьезные трудности в выборе методологии исследования этнической составляющей казачества»³³⁰. Но, может быть, они потому и испытывают эти трудности, что казачество не являлось этнической общностью. И никакие цитаты из работ Ю.В. Бромлея, к которым вновь обращается С.А. Голованова, в данном случае ничем не могут помочь.

В 2011 г. была опубликована монография А.Ф. Григорьева об этнической картине мира гребенских казаков³³¹. В очерке истории гребенских казаков автор приводит существующие в научной литературе версии происхождения этой группы³³². Этническую картину мира он изучает на материалах традиционных ритуалов и песенного фольклора. Он обнаруживает в представлениях гребенских казаков о сие древние общеславянские верования, в обрядах – следы дохристианских верований³³³, приходит к выводу о том, что «мифологическое мышление гребенцов является принципиально метафоричным, а уровень представлений гребенцов – космогоническим»³³⁴.

Изучение этих проблем было продолжено в коллективной монографии о духовной культуре гребенского казачества, одним из авторов которой является А.Ф. Григорьев³³⁵. Целью ее является «рассмотрение ядра духовной культуры гребенцов, которая и определяла их этническую картину мира»³³⁶. Наряду с многочисленными публикациями о религиозных верованиях и обрядности гребенцов авторы использовали также собственные полевые материалы, что имеет особую ценность, если учесть, что к настоящему времени этнический состав населения гребенских станиц изменился, и сбор полевых материалов по этнографии и фольклору гребенских казаков стал практически невозможным. В свое время Л.Б. Заседателева тоже работала в гребенских станицах, однако она в своих научных трудах никогда не ставила вопрос об особенностях культуры гребенского казачества, поэтому гребенские казаки у нее совершенно растворились среди других групп терского казачества. В отличие от нее в указанной коллективной работе выявлена именно специфика гребенских казаков.

Важное место в ней занимает изучение обрядов и обычаев, связанных с рождением ребенка, свадьбой, похоронами. Авторы, в отличие от Л.Б. Заседателевой, не ограничились описанием свадебной обрядности казаков, они последовательно сопоставляют ее с общерусской обрядностью и с обрядами других групп казачества, что позволило им выделить некоторые особенности гребенской свадьбы.

Они отметили в гребенских станицах такие общевосточнославянские этапы как сватовство, рукобитье, венчание, пир и др. Можно согласиться с авторами в том, что свадьбе гребенских казаков не было таких обычаев и обрядов как разжигание костров на пути от церкви к дому, запираание ворот, битье посуды, что слабо были представлены такие аграрные элементы как осыпание хмелем, зерном. В то же время некоторые обряды, не существовавшие у гребенских казаков, не являются, вопреки мнению авторов, общевосточнославянскими – это баня, «разувание» или каши³³⁷. Они существовали далеко не на всей территории расселения восточных славян.

Сопоставление гребенской и северно-русской свадьбы представляет большой интерес, но многие из обычаев, которые авторы считают северно-русскими, исполнялись также и в южнорусских, и в украинских свадьбах – сватовство, осмотр невесты, прощание с девичеством и др.³³⁸ А вот отсутствие обрядов, связанных с баней, резко отличает гребенскую свадьбу от северно-русской.

Неубедительны некоторые из приведенных авторами примеров северокавказского влияния на казачьи свадебные обычаи. Замечание о

том, что «у вайнахов (чеченцев и ингушей), как и у казаков, основными формами брака были браки по сватовству и тайным уводом»³³⁹ совершенно справедливо. Однако не только у вайнахов и казаков, но и у многих народов мира основными формами брака являлись браки по сватовству или тайным уводом. Это совпадение абсолютно ничего не доказывает. То же самое можно сказать и об участии большого коллектива родственников в выборе невесты и в брачной церемонии, о большом авторитете отца в семье и т.д.³⁴⁰

Что касается запрещения браков между родственниками по отцовской и материнской линиям, то в этом отношении, вопреки мнению авторов, между казаками и народами Кавказа существовали немалые различия. У многих народов Северного Кавказа брачные запреты охватывали значительно более широкий круг людей, чем у казаков. Вопрос о калыме³⁴¹ требовал бы более глубокого изучения.

Есть в работе некоторые частные ошибки и неточности. Так, по словам авторов, у одного из казаков была жена «из рода кабардинских князей Таймазовых»³⁴². Если бы они догадались проверить сообщение источника, то им нетрудно было бы узнать о том, что такой княжеской фамилии у кабардинцев никогда не существовало, и что жена этого казака могла быть осетинкой, но не кабардинкой³⁴³.

В недавние годы были написаны несколько статей и диссертация о терских казаках-осетинах – малоизученной группе³⁴⁴. Они содержат новые материалы на эту тему.

В 2001 г. была опубликована интересная статья В.А. Дмитриева о русско-северокавказских заимствованиях³⁴⁵. Автор предлагает свою периодизацию взаимовлияния культур. По его мнению, до середины XIX в. «было характерно принятие ряда элементов горской культуры русскими», а во второй половине XIX – 30 гг. XX в. «определяющими чертами были заимствования в бытовой культуре народов Северного Кавказа элементов крестьянской культуры восточнославянских переселенцев»³⁴⁶.

В.А. Дмитриев также обращает внимание на заимствования русскими жителями Северного Кавказа, в том числе и казаками, некоторых отраслей хозяйства: «Были усвоены хозяйственные комплексы виноградарства, хлопководства, мареноводства, шелководства, в число ведущих сельскохозяйственных культур казаков вошла кукуруза»³⁴⁷. На развитие указанных отраслей хозяйства повлияли многие народы, в том числе грузины и армяне, жившие на Северном Кавказе, а в некоторых случаях (например, с добычей марены или шелководством) можно предполагать даже иранское влияние.

Очень интересное замечание сделал В.А. Дмитриев относительно казачьего жилища. По его мнению, кавказские элементы в основном были сосредоточены в «парадной части жилища, предназначенной для восприятия посторонним наблюдателем, это также и мужская половина дома»³⁴⁸.

Однако предположение автора о том, что кавказское влияние «в costume казачки не является результатом принятия культурного элемента, а было следствием сохранения в новом (для женщины) социуме традиций старой и привычной культуры»³⁴⁹, вызывает возражения. Если иметь в виду гребенских казачек, а не казачек-осетинок или кабардинок, то наиболее сильным кавказское влияние на их одежду было в XIX в., когда переход горских женщин в гребенские станицы происходил лишь в исключительных случаях. Поэтому речь может идти именно о восприятии культурных элементов казачками, а не о сохранении в новом социуме традиций привычной культуры. Что же касается более ранних периодов, то в XVIII в. костюм казачек был скорее русским, чем кавказским, в источниках речь идет, например, о сарафанах.

Тот отмеченный В.А. Дмитриевым факт, что «усвоение казаками комплекса мужской одежды произошло в силу принятия ими мужского поведенческого комплекса горцев – ролевой предназначенности мужчин для подвигов с оружием и на коне во внешнем пространстве»³⁵⁰, не вызывает сомнений. Одежда казачества выражала как их образ жизни, во многом совпадающий с образом жизни соседних народов, так и эстетические нормы этой группы, также имевшие много общего с кавказскими.

Отношения казаков с народами Кавказа исследуются в монографии Н.Н. Великой и Е.М. Белецкой³⁵¹. В том, что касается происхождения и истории формирования казачества, в этой книге повторяется то, что писала Н.Н. Великая в своих предшествующих работах. Здесь опять говорится о том, что скептическое отношение к устной традиции как историческому источнику неоправданно³⁵², опять приводится легенда, записанная Л.Н. Толстым³⁵³, повторяется версия о 2 группах «вольного» казачества – гребенских и «терских низовых» казаках³⁵⁴, о северо-среднерусском «ядре» гребенского казачества³⁵⁵. В очередной раз воспроизводятся ошибочные сведения об иностранных минерологах, которые якобы видели гребенские городки, об участии казаков в кабардинском посольстве 1555 г. и т.д.³⁵⁶

При исследовании более поздних периодов истории казачества используются архивные документы, что делает выводы более убедительными. Справедливо отмечено, что в XVIII в. терско-кизлярское казачье

войско возглавлял кабардинский князь Эльмурза Черкасский, а затем его сын Темирбулат и что оба они были мусульманами³⁵⁷, что в станице Новогладковской было много казаков-мусульман³⁵⁸. Эта группа казачества редко привлекает внимание исследователей.

Что касается кавказского влияния на материальную и духовную культуру казачества, то можно согласиться с тем, что паста (густая пшеничная каша) была заимствована казаками у кабардинцев, что кабардинцы оказали большое влияние на одежду казаков (а на женскую одежду – не только кабардинцы)³⁵⁹. Авторы считают, что казаки, как и тюркоязычные народы, верили в «албаслу», но этот фольклорный персонаж был известен и многим другим народам Кавказа, например, адыгам³⁶⁰.

По мнению Н.Н. Великой и Е.М. Белецкой, красный цвет свадебного платья гребенских казаков тоже сближает их с тюркоязычными народами³⁶¹, но при этом они упускают из виду, что традиционным цветом русского свадебного наряда тоже был красный.

Среди форм межэтнических контактов казаков и соседних народов, как обычно, отмечается куначество, аталычество, гостеприимство, что не вызывает возражений³⁶².

Несмотря на отдельные неточности, вывод авторов о том, что «и в периоды военных столкновений характер контактов не был исключительно враждебным, он носил и нейтральный и дружественный характер»³⁶³ вполне убедительно обоснован.

В статье С.З. Габисовой на основе анализа полевых материалов исследуется свадебная обрядность казачества Северной Осетии³⁶⁴. Подробное описание обрядов дополняет уже имеющиеся сведения о ритуалах терского казачества и дает возможность сопоставить традиционную культуру разных групп терского казачества.

Э.В. Бурда в нескольких крупных работах рассматривает проблемы истории терского казачества и его взаимоотношений с государством³⁶⁵. В исторической части своих работ автор воспроизводит распространенные еще с XIX в. представления о существовании двух групп «вольного» казачества на Кавказе в XVI–XVII вв. – гребенских и терских низовых казаков, о трехстенном казачьем городке, о проживании казаков в Андреевском городке³⁶⁶. В нескольких статьях Э.В. Бурда исследует административно-территориальное деление, численность, систему управления казачеством, а также военную службу, участие казачества в Кавказской войне, куначество и аталычество в быту казаков, службу кабардинцев и осетин в казачьем войске и другие проблемы³⁶⁷. В работах этого автора использованы

материалы архивов, в частности, Центрального государственного архива РСО-А.

Монография О.Б. Емельянова о земледелии в станицах Восточного Предкавказья³⁶⁸ основана на архивных и опубликованных документах – Государственного архива Ставропольского края, РГВИА, ЦГА РСО-А. Имеются в виду в основном станицы, расположенные восточнее Моздока. Рассматривается виноградарство и виноделие, которые автор считает основными хозяйственными занятиями казаков этого региона, а также хлебопашество, огородничество, бахчеводство и т.д. Автор исследует виноградарство казаков в период его успешного развития и последующий кризис этой отрасли хозяйства. В статьях этого же автора рассмотрено производство шелка в станицах терского левобережья³⁶⁹, казачье рыболовство³⁷⁰, землепользование казачества³⁷¹.

Л.А. Емельянова также занималась земледелием и скотоводством казачьих станиц центрального Предкавказья³⁷². Все работы этих авторов основаны на серьезном исследовании архивных документов. О развитии скотоводства писал также З.А. Гарунов³⁷³. И.А. Суздальцева тоже занимается изучением хозяйства казаков³⁷⁴.

Отражение хозяйственной деятельности линейного казачества в его мировоззрении и обрядности изучала Н.Б. Гришюкина³⁷⁵. С.А. Книевский занимается проблемами самоуправления терского казачества³⁷⁶. Н.Д. Николаенко исследовал историю создания Кавказского линейного казачьего войска и его участие в Кавказской войне³⁷⁷.

В работах Н. Вариводы исследуются такие вопросы как формирование терского казачества³⁷⁸, его хозяйственная деятельность³⁷⁹, взаимоотношения казаков с народами Северного Кавказа³⁸⁰. При подготовке этих статей использован широкий круг разнообразных источников. Адаптацию казачества к условиям Северного Кавказа исследовала также Е.Г. Берберова³⁸¹, а влияние модернизационных процессов на повседневную жизнь казачества – Н.Б. Акоева³⁸².

А.С. Дзагалов исследует переселение на Кавказ «малороссийских» казаков и украинских крестьян, их участие в формировании терского казачества³⁸³. В своих работах он использует материалы не только российских, но и украинских архивов, что позволяет выявлять новые сведения о происхождении значительной части терских казаков.

Т.А. Ткаченко, основываясь на архивных документах, рассматривает эволюцию социальной структуры терского казачества в XVII–XVIII вв. и роль государства в этом процессе³⁸⁴.

История станиц Центрального Предкавказья рассмотрена в диссертации В.В. Гусева³⁸⁵, история казачества северо-восточного Кавказа –

в диссертации Э.В. Солонина³⁸⁶, а система воспитания терского казачества в диссертации Н.А. Бодневой³⁸⁷. Историографии происхождения терского казачества посвящена статья Н.И. Болохиной³⁸⁸, но автор уделила внимание не столько научным исследованиям, сколько околонучным рассуждениям на эту тему.

На документах Центрального государственного архива Республики Дагестана основаны статьи Е.И. Иноземцевой о терских и гребенских казаках в период персидского похода³⁸⁹ и о формировании нижнетерского казачества³⁹⁰.

О появлении и истории казачества на Тереке писал Я.З. Ахмадов³⁹¹, который не только хорошо знаком с научной литературой по этой теме, но и использовал в своей статье такой интересный источник как турецкая миниатюра, изображающая битву казаков с войском Осман-паши³⁹². Об отношении казаков с народами Кавказа писали также М.-П.Б. Абдусаламов и А.О. Муртазаев³⁹³. Взаимовлияние культур народов региона исследовал также Д.С. Кидирниязов, который справедливо отметил, что оно было особенно выражено в материальной культуре³⁹⁴. Проблему самоидентификации казачества исследовали И.М. Сампиев, С.И. Аккиева и Р.К. Касымханов³⁹⁵.

Особый интерес представляют работы, которые рассматривают проблемы происхождения казачества на основании результатов генетических исследований³⁹⁶. Однако выводы авторов о том, что «генофонд терских казаков занимает обособленное положение, несколько дистанцируясь от остальных казачьих групп и тяготея к кавказским тюркоговорящим популяциям – ногайцам и балкарцам» и что это «указывает на ассимиляцию терским казачеством мужского коренного населения Северного Кавказа»³⁹⁷ не подтверждается историческими источниками. Исследование терского казачества проводилось в Прохладненском и Майском районах Кабардино-Балкарии³⁹⁸. В этих районах расположены 7 станиц. Все они появились во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Их история хорошо известна. В состав казаков этих станиц вошли: бывшие волжские казаки, переселенные на Кавказ (станция Екатериноградская), отставные солдаты (станции Солдатская, Котляревская, Александровская), однодворцы (Приближная и Солдатская), «малороссийские казаки» (Пришибская), украинские крестьяне (Прохладная, Екатериноградская, Котляревская, Александровская)³⁹⁹. В источниках нет никаких сведений об участии народов Кавказа в формировании казачества этих станиц. Можно предположить, что последующие генетические исследования терского казачества покажут ошибочность сделанных ранее выводов.

Зарубежные историки исследовали статус казачества как особого сословия⁴⁰⁰, сопоставляли его с аналогичными группами населения других стран⁴⁰¹. Непосредственно терскому казачеству посвящена монография Т. Барретта⁴⁰², при подготовке которой использован широкий круг научной литературы, нарративных источников, а также архивные документы. Автор рассматривает существующие точки зрения на происхождение терских казаков, справедливо отмечает, что эти версии (о новгородских ушкуйниках или рязанских, донских или волжских казаках) не имеют основательных документальных доказательств⁴⁰³. Кроме истории он исследует особенности хозяйства, гендерные отношения, идентичность казачества. Последнюю проблему разрабатывал и М. Ходарковский в своей книге о С. Атарщикове, казаке станицы Науурской, дважды бежавшем к горцам. Его биография изучается в контексте взаимоотношений казачества с народами Кавказа⁴⁰⁴.

В историографии терского казачества можно выделить два периода наиболее интенсивных исследований – это конец XIX – начало XX в. и вторая половина XX – начало XXI в., когда было написано большинство работ на эту тему. Первый период был связан с созданием в 1860 г. Терского казачьего войска, второй – с усилением интереса к национальной тематике в последний период существования СССР и с процессом возрождения казачества в постсоветские годы. Эти два этапа разделены многолетним промежутком, когда казачья тематика не считалась актуальной, когда новые работы о казаках почти не издавались, а старые забывались.

К настоящему времени выявлено и исследовано большое количество документов и других источников, позволивших восстановить многие этапы истории формирования терского казачества. Однако одновременно с этим накопилось значительное количество ошибок, которые повторяются и тиражируются во множестве работ на протяжении десятилетий, что заставляет вновь обратиться к этой теме.

Материалы по истории терского казачества требуют обобщения и подведения итогов, которые должны показать, что представляла собой эта группа в конце XIX – начале XX вв., из каких компонентов она была сформирована.

Точно такое же обобщение необходимо и для материалов по этнографии терского казачества, поскольку до настоящего времени работы на эту тему не отражают сложный этнический состав этой группы.

До настоящего времени этнографы довольно активно разрабатывали такие темы как хозяйство терского казачества, община, поземельная собственность, жилище, семья и семейная обрядность терских казаков. Менее изучены одежда и пища, а также календарная обрядность казаков.

О влиянии народов Кавказа на традиционную культуру казачества писали многие авторы, тем не менее, и эту проблему нельзя считать решенной. Далеко не все примеры такого воздействия выявлены. Не всегда ясен механизм и особенности восприятия иноэтничных традиций различными компонентами культуры и различными группами казачества.

Только дальнейшие исследования с привлечением как полевых материалов, так и архивных документов и нарративных источников может восполнить эти пробелы.

Примечания

1. *Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря». 1728 // История, география, этнография Дагестана в XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958. С. 60–61.

2. Там же. С. 69.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 6. С. 810 (№ 4133).

4. *Гербер И.Г.* Указ. соч. С. 61.

5. *Миллер Г.Ф.* О начале и происхождении казаков // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1760. Апрель. С. 327, 330.

6. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. М., 1769. Кн. 1. Ч. 2. С. 363.

7. *Ригельман А.* История или повествование о донских казаках. М., 1846. С. 138–139.

8. Там же. С. 41.

9. Там же. С. 139.

10. Там же. С. 141.

11. Там же. С. 102, 140–141.

12. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799.

13. Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, изданная Н. Новиковым. СПб., 1791. Ч. XX. С. 214.

14. Примечания на историю древней и нынешней России Г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. Т. 1. СПб., 1788. С. 343–344.

15. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. X. С. 36.

16. Там же. Т. XI. С. 144–145; Т. XII. С. 26.

17. *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 книгах. М., 1989. Кн. 4. Т. 7. С. 268.

18. Там же. Кн. 4. Т. 8. М., 1989. С. 435–436.

19. Там же. Кн. 5. Т. 9. М., 1990. С. 24–25.
20. Там же. Кн. 6. Т. 12. М., 1991. С. 540–542.
21. Там же. Кн. 8. Т. 15. М., 1993. С. 106–107.
22. Там же. Кн. 9. Т. 18. М., 1993. С. 461.
23. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе (из прошлого кавказского казачества) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 13. Владикавказ, 1915. С. 105.
24. *Бросе Л.* Предисловие от издателя // *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. 1. С. I–XX.
25. Там же. С. 14.
26. Там же. С. 78, 79.
27. Воспоминания Петра Генри Бруса, эскайдера, офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, с рассказом о путешествиях по Германии, России, Татарии, западной Индии и т.д. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 148–150; Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Т. X // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 115. М., 1903. С. 458.
28. *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 77.
29. Там же. С. 142.
30. Там же С. 154–160.
31. *Дебу И.О* Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829.
32. Там же. С. 45.
33. Там же. С. 54–55.
34. Там же. С. 46.
35. Там же. С. 47–48.
36. Там же. С. 55.
37. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* О времени заселения гребенскими казаками левого берега Терека // История СССР. 1975. № 6. С. 160–164.
38. *Дебу И.* Указ. соч. С. 80–81.
39. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб., 1809.
40. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. IV.
41. Там же. 184.
42. Там же. С. 27.
43. Там же. С. 334–335.

44. *Михайловский Г.* Исторические сведения о расколе среди терских (гребенских) казаков в XVIII столетии. Ставрополь, 1877.
45. *Абрамов Г.* Несколько исторических сведений о гребенских и терских казаках // Военный сборник. 1877. № 6. С. 272–279.
46. *Попко И.Д.* Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Выпуск первый. Гребенское войско. СПб., 1880. С. 18.
47. Там же.
48. *Кравцов И.* Очерк о начале Терского казачьего войска. Харьков, 1882. С. 49.
49. Там же. С. 43–44.
50. *Попко И.Д.* Указ. соч. С. 14.
51. *Кравцов И.* Указ. соч. С. 53–54.
52. *Попко И.Д.* Указ. соч. С. 16.
53. Кабардино-Русские отношения в XVI–XVIII веках. Документы и материалы в 2 томах. Т. 1. XVI–XVII вв. Нальчик, 1958. (Далее – КРО). 256–257; Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. док. / выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. М., 1997 (далее – РЧО). С. 149.
54. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. Д. 42. Л. 29, 33.
55. *Попко И.Д.* Указ. соч. С. 25.
56. *Кравцов И.* Указ. соч. С. 58.
57. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963. С. 205–206.
58. *Попко И.Д.* Указ. соч. С. 26.
59. *Кравцов И.* Указ. соч. С. 59–60.
60. *Попко И.Д.* Указ. соч. С. 27.
61. Там же. С. 46.
62. *Кравцов И.* Указ. соч. С. 59.
63. *Попко И.Д.* Указ. соч. С. VIII.
64. См. *Тхамокова И.Х.* «Трехстенный городок» и его место в истории Северного Кавказа // Научный диалог. 2015. № 12 (48).
65. Там же. С. 52.
66. Там же. С. 191.
67. Там же. С. 114.
68. Там же. С. 118, 121–122.
69. *Кравцов И.* Указ. соч. С. 70.
70. Там же. С. 66.
71. Там же. С. 69.
72. *Бентковский И.* Гребенцы // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1887. Кн. 3. М., 1887. С. 8.

73. Там же. С. 17.
74. Там же. С. 18.
75. Там же. С. 3–6.
76. *Бентковский И.* Бабуковцы // Ставропольские губернские ведомости. 1879. № 50.
77. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877. Ко дню юбилейного празднования 3-го октября 1881 г. / сост. С. Писарев. Владикавказ, 1881.
78. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / сост. А. Ржевуский. Владикавказ, 1888.
79. *Максимов Е.* Терское казачье войско. Историко-статистический очерк // Терский сборник. В. 1. Приложение к Терскому календарю на 1891 г. Владикавказ, 1890.
80. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении для чтения в войсках, семье и школе / сост. К.К. Абаза. СПб., 1899.
81. *Чернозубов Ф.Г.* Очерки терской старины. Из смутного времени. Владикавказ, 1912. С. 3–7.
82. *Ницык П.Д.* Бывшие военные поселения на Военно-грузинской дороге // Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / сост. А. Ржевуский. Владикавказ, 1888. С. 47–66; *Пономарев Ф.П.* Материалы к истории Терских казаков. Малороссийский полк. // Терский сборник. В. 5. Владикавказ, 1903. С. 130–151; *Его же.* Материалы по истории Терского казачьего войска. 2-ой Малороссийский полк // Терский сборник. В. 6. Владикавказ: тип. Терского обл. правления, 1904. С. 149–232.
83. Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 449.
84. *Потто В.А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 13.
85. *Герберштейн С.* Записки о Московии. СПб., 1866. С. 153.
86. *Потто В.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 14.
87. Там же. С. 17.
88. Там же. С. 22.
89. Там же. С. 27.
90. Там же. С. 32.
91. Там же.
92. Там же. С. 20.

93. Там же. Т. 2. С. 240.
94. Там же. Т. 1. С. 66.
95. КРО. Т. 1. С. 194–209 (№ 74–76).
96. *Потто В.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 20–21.
97. *Ткачев Г.А.* Искаженная история (по поводу статей г. Гассиева) // Терские ведомости. 1909. № 111.
98. *Потто В.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 18–19.
99. Там же. С. 90.
100. Там же. С. 93–96.
101. Там же. С. 109.
102. Там же. Т. 2. С. 7.
103. Там же С. 24.
104. Там же. С. 44.
105. *Караулов М.А.* Терское казачество. М., 2007. С. 97–109.
106. Там же. С. 98.
107. Там же. С. 96–97.
108. *Юдин П.* Материалы Кизлярского архива // Сборник общества любителей казачьей старины. № 6. Владикавказ, 1912. С. 3–19.
109. *Юдин П.Л.* Астраханский губернский архив и его материалы: [читано 2 июля 1911 г. на заседании Терского общества любителей казачьей старины]. Б.м., 1911. Извлечено из № 147, 148 и 149 «Тер. вед.» за 1911 г.
110. Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 10, 1914. Владикавказ. С. 35–42.
111. Там же. С. 41–42.
112. *Юдин П.Л.* Первое появление казаков на Кавказе (мысли и факты) // Терские ведомости. № 178–179. 1912.
113. КРО. Т. 1. С. 93–95 (№ 25).
114. *Юдин П.Л.* Первые казаки на кавказском рубеже // Терские ведомости. № 4. 1913.
115. *Юдин П.Л.* Очерки смутного времени на Кавказе // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 5. 1914. Владикавказ. С. 7–68.
116. *Юдин П.Л.* Состав казачьих войск на Кавказе в 1767 г. // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 4. 1914. Владикавказ. С. 5–19.
117. *Юдин П.Л.* Терцы и их восточные соседи // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 8. 1914. Владикавказ. С. 3–60.
118. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе (из прошлого кавказского казачества) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 13. Владикавказ, 1915. С. 94–141.

119. *Юдин П.Л.* Из-за старой веры (к истории религиозных движений в Гребенском казачестве) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 13. Владикавказ, 1915. С. 5–33.

120. *Юдин П.Л.* Из-за власти (очерк из прошлого соединенного Гребенского казачества) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 9. Владикавказ, 1914. С. 37–62.

121. *Юдин П.Л.* С Волги на Терек (К истории заселения Поволжья и Кавказа) // Русский архив. Т. XXXIX. 1901. С. 531–544.

122. *Юдин П.Л.* С Хопра на Кавказ // Записки Терского общества любителей казачьей старины. №11, 1914. Владикавказ. С. 5–63.

123. *Юдин П.Л.* Первые поселения Гребенцов // Терские ведомости. 1913. № 7.

124. *Юдин П.Л.* Терцы и их восточные соседи... С. 10–11.

125. *Юдин П.Л.* Очерки Смутного времени... С. 19–20.

126. Там же. С. 21.

127. *Юдин П.Л.* Первые поселения...

128. К истории русского казачества на Северном Кавказе в XVI в. // Советские архивы. 1989. № 1. С. 87.

129. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе... С. 98.

130. Там же.

131. *Юдин П.Л.* Терцы и их восточные соседи... С. 11.

132. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 94. Л. 295, 388.

133. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе... С. 105.

134. Там же. С. 128.

135. *Юдин П.Л.* С Волги на Терек... С. 541.

136. *Ткачев Г.А.* Где было древнее аграханское войско? // Извлечено из № 226, 229, 230 и 232 «Тер. вед.» за 1910 г.

137. Там же. С. 16–18.

138. Там же. С. 19.

139. Там же. С. 27.

140. *Ткачев Г.А.* Гребенские, терские и кизлярские казаки. Книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и командах Владикавказ, 1911.

141. Там же. С. 10.

142. Там же. С. 21.

143. Там же. С. 30.

144. *Ткачев Г.А.* Станица Червленая. Исторический очерк. Выпуск первый. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1912. С. 29.

145. *Ткачев Г.А.* Станица Червленая... С. 33–34.

146. *Ткачев Г.А.* Ст. Александрийская (Копай). Бывшее казенное селение Александрия // Сборник общества любителей казачьей старины. № 5. Владикавказ, 1912. С. 30.

147. *Ткачев Г.А.* Гребенские, терские... С. 17.

148. *Ткачев Г.А.* Казаки и туземцы. В Терской области. По поводу толков о казачьем многоземельи и забижении туземцев. Владикавказ, 1910.

149. Там же. С. 31.

150. *Ткачев Г.А.* Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911.

151. *Ткачев Г. А.* О казачьем землепользовании. Владикавказ, 1917. С. 17.

152. *Востриков П.А.* Станица Наурская // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее – СМОМПК). Тифлис, 1904. Вып. 33. Отд. 2. С. 199.

153. *Харламов П.К.* Казаки. Париж, 1956. С. 4; *Губарев Г.В.* Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1968. Т. 2. С. 24–29 (Репринтное воспроизведение. М.: Созидание, 1992).

154. Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. / под редакцией Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова. Нальчик, 1999. С. 244–245.

155. Цит. по: *Трут В.П.* Истребить поголовно. Как организовать рассказывание // Родина. 2004. № 5. С. 96–97.

156. *Киржинова Ф.А.* Научное наследие Павла Львовича Юдина и его общественная деятельность в Терской области в 1910–1917 годах: автореф. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2012.

157. *Косвен М.О.* Описание гребенских казаков XVIII века // Исторический архив. № 5. 1958 г. С. 181–184; *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. С. 245–248.

158. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. С. 254–258.

159. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 111–113.

160. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное в двух томах / сост. Т.Ш. Биттирова. Т. II. Нальчик, 1996. С. 164–174.

161. *Тотоев М.С.* Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе // Известия Северо-осетинского Научно-исследовательского института. Т. XII. Дзауджикау, 1948. С. 160.

162. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958.

163. *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.

164. *Гальцев В.С.* Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. XIX. Орджоникидзе, 1957. С. 101–114.

165. *Гриценко Н.П.* Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Труды. Т. IV. Грозный, 1961.

166. Там же. С. 16.

167. Там же. С. 25–26.

168. Там же. С. 27–28.

169. Там же. С. 41–53.

170. *Гриценко Н.П.* Истоки дружбы (из истории экономических, культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). Грозный, 1975.

171. Там же. С. 24–25.

172. Там же. С. 30.

173. Там же. С. 31.

174. Там же. С. 56–92.

175. *Чекменев С.А.* Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII – и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967.

176. Там же. С. 79.

177. Там же. С. 98–99.

178. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* О месте первоначального расселения гребенских казаков // Советская этнография. 1972. № 3. С. 31–42.

179. *Косвен М.О.* Описание гребенских казаков... С. 181–184; его же: Этнография и история Кавказа... С. 245–248.

180. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* Указ. соч. С. 34.

181. Там же. С. 39.

182. *Кушева Е.Н.* О местах первоначального расселения гребенских казаков // Историческая география России XVIII в. Ч. II. Источники и их характеристика. М., 1981. С. 33.

183. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628. Д. 35. Л. 2,55,68.

184. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* Указ. соч. С. 36.

185. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* О времени заселения гребенскими казаками левого берега Терека // История СССР. 1975. № 6. С. 161.

186. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* О месте... С. 38.

187. Там же. С. 37.
188. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1643. Д 1. Л. 402–403.
189. *Ткачев Г.А.* Искаженная история (по поводу статей г. Гассиева) // Терские ведомости. 1909. № 111; *Потто В.А.* Указ. соч. С. 20–21.
190. *Мужухоев М.Б., Плиев А.А.* Об одной попытке определения места первоначального расселения казаков // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. X. Грозный, 1976. С. 353.
191. Там же. С. 353–355.
192. Там же. С. 355–357.
193. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* О времени заселения гребенскими казаками... С. 160–164.
194. Там же. С. 161.
195. Там же.
196. Там же. С. 162–164.
197. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974. С. 194.
198. *Калоев Б.А.* Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. 1961. № 1. С. 49–51.
199. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963.
200. *Кушева Е.Н.* О местах первоначального... С. 34–37.
201. *Моков Б.М.* О первоначальном расселении гребенских казаков // Исторический вестник. В. II. Нальчик, 2005. С. 87–99.
202. *Заседателева Л.Б.* К истории формирования терского казачества // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 3. 1969 г. С. 53–65.
203. Там же С. 54.
204. Там же. С. 54–55.
205. Там же. С. 55.
206. Там же. С. 56.
207. Там же. С. 58.
208. Там же. С. 61.
209. Трехсотлетие Терского казачьего войска... С. 44.
210. *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 28.
211. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974.
212. Там же. С. 7.
213. Там же. С. 6.
214. Там же. С. 182–184.
215. Там же. С. 187.
216. Там же. С. 191.

217. Там же. С. 192.
218. Там же. С. 194–195.
219. Там же. С. 199.
220. Там же. С. 202.
221. Там же. С. 108–109.
222. Там же. С. 215.
223. Там же. С. 216.
224. Там же. Л. 257.
225. Там же. С. 252.
226. Там же. С. 229.
227. Там же. С. 337.
228. Там же.
229. Там же. С. 4.
230. Там же. С. 3.
231. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы...
232. *Заседателева Л.Б.* Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI–XIX // Кавказский этнографический сборник. VIII. М., 1984.
233. Там же. С. 43.
234. Там же.
235. Там же. С. 48, 50.
236. Там же. С. 52.
237. Там же. С. 59.
238. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 329.
239. Там же. С. 329–330.
240. *Заседателева Л.Б.* Восточные славяне на Северном Кавказе в середине XVI – начале XX века (динамика этнокультурных процессов). М., 1996.
241. Там же. С. 10.
242. Там же. С. 12.
243. Там же. С. 12.
244. Там же. С. 13.
245. Там же. С. 70.
246. Там же. С. 71.
247. *Васильев Д.С.* Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период. Махачкала, 1986. С. 14.
248. Там же. С. 15.
249. Там же.
250. Там же. С. 15–16.

251. Там же. С. 42–43.
252. Там же. С. 20.
253. Там же. С. 22.
254. Там же. С. 23.
255. Нальчик, 1994.
256. Статистические монографии... С. 417–466.
257. *Омельченко И.Л.* Указ. соч.
258. Там же. С. 56–61.
259. Там же. С. 78.
260. Там же. С. 254–255.
261. *Шенников А.А.* Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987.
262. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И.* О ранних этапах формирования терско-гребенского казачества // Первая общероссийская научно-практическая конференция «Казачество как фактор исторического развития России». СПб., 1999. С. 73–74.
263. *Нарожный Е.И.* О «рязанской версии» И.Д. Попко и ранней истории казачества на Тереке (некоторые историко-археологические реалии) // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. Краснодар, 2003. С. 14
264. *Трепавлов В.В.* История ногайской орды. М., 2002. С. 285.
265. *Нарожный Е.И.* О «гребенских казаках» А.И. Ригельмана из Татар-Тупова ущелья // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы третьей международной кубанско-терской научно-практической конференции. Армавир, 2002. С. 26.
266. *Нарожный Е.И.* Историко-географические реалии Нижнего Поволжья и Терско-Сулакского междуречья рукописной карты 1720-х гг. // Электронный научный журнал «APRIORI. Серия: Гуманитарные науки». APRIORI-JOURNAL.ru. № 5. 2016.
267. Там же. С. 7–9.
268. *Юдин П.Л.* Первые поселения гребенцов // Терские ведомости. 1913. № 7.
269. *Нарожный Е.И.* Историко-географические... С. 8–9.
270. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 46.
271. *Матвеев О.В.* Категория времени в устной истории кубанского казачества // Дикаревские чтения (5). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 1999. С. 37.

272. Описание гребенских казаков XVIII в. ... С. 182.
273. *Великая Н.Н.* Указ. соч. С. 40–43.
274. Там же. С. 43.
275. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 6. С. 810 (№ 4133).
276. *Великая Н.Н.* Указ. соч. С. 233.
277. Там же. С. 35.
278. Там же. С. 35–36.
279. Там же. С. 99.
280. Там же. С. 221.
281. Там же. С. 235.
282. *Великая Н.Н.* К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001.
283. *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб., 2002.
284. Там же. С. 13, 25.
285. Там же. С. 14–21.
286. Там же. С. 22–24.
287. Там же. С. 162–247.
288. Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003.
289. Там же. С. 168–169.
290. Там же. С. 169.
291. Там же. С. 169.
292. Там же.
293. Там же. С. 172, 185.
294. Там же. С. 172.
295. Там же. С. 175.
296. Там же. С. 183.
297. Там же. С. 179.
298. *Заседателева Л.Б.* Соционормативные аспекты казачьей общины на Кавказе. Середина XVI – начало XX вв. // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сборник научных статей, посвященный 300-летию М.В. Ломоносова. М., 2011. С. 116–125.
299. *Заседателева Л.Б.* Социально-этнические аспекты семьи и брака у восточнославянского населения Северного Кавказа (XVII – начало XX века) // Проблемно-тематическое пространство и тематические границы современной этнологии. К юбилею доктора исторических наук, профессора Геннадия Евгеньевича Маркова. Сборник научных статей. М., 2013. С. 131–141.
300. *Данилова Е.Н., Заседалева Л.Б.* Влияние традиций северокавказских народов на семью и семейный быт славянского населения

Северного Кавказа // «APRIORI. Серия: Гуманитарные науки». WWW.APRIORI-JOURNAL.ru. № 2. 2016. № 5. 2016.

301. *Заседателева Л.Б.* Празднично-обрядовая культура и ее роль в идентификации славянского населения Северного Кавказа // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею доктора исторических наук, профессора Клавдии Ивановны Козловой. Сборник научных статей. М. 2012. С. 154–166

302. *Сонов А.В., Заседателева Л.Б.* Динамика статуса казачества // Электронный научный журнал «APRIORI. Серия: гуманитарные науки». WWW.APRIORI-JOURNAL.ru. 2015. № 3. С. 3.

303. Там же. С. 7.

304. *Сонов А.В.* Проблемы происхождения и становления казачества Юга России: дисс. ...канд. истор. наук. Майкоп, 1999; *Сонов А.В.* Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // Вестник Московского университета. Серия 8: История. Вып. 4. 2008; *Сонов А.В., Сонов М.А.* Казачество: этнический и социальный статус // APRIORI. Сер. Гуманитарные науки. № 2. 2014.

305. Очерки истории и культуры Казачества Юга России. Волгоград, 2014. С. 28–33.

306. Там же. С. 117, 472–473.

307. Там же. С. 232.

308. *Гарунова Н.Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007.

309. Там же. С. 91–94.

310. Там же. С. 95–102.

311. Там же. С. 106–117.

312. Там же. С. 117.

313. *Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д.* Российская имперская армия на Кавказе, в XVIII веке: история кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.) Махачкала, 2011.

314. Там же. С. 91–101.

315. Там же. С. 437, 438.

316. Там же. С. 223–234.

317. *Гарунова Н.Н.* Казачьи городки и крепости в низовьях Терека в XVII–XVIII вв.: мифы и реальность. Махачкала, 2016.

318. Там же. С. 8.

319. Там же. С. 3.

320. Там же. С. 12–29.

321. Там же. С. 30.
322. Там же. С. 30.
323. Там же. С. 134.
324. *Голованова*. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции (вторая половина XVI – конец XIX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 21.
325. *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981. С. 27.
326. *Голованова С.А.* Казачество Терека... С. 20.
327. Там же. С. 27–28.
328. *Голованова С.А.* Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект. Монография. Армавир, 2014.
329. Там же. С. 4–5.
330. Там же. С. 19.
331. *Григорьев А.Ф.* Этническая картина мира гребенских казаков (на примере ритуально-обрядовых традиций и песенного фольклора). Ставрополь, 2011.
332. Там же. С. 102.
333. Там же. С. 235.
334. Там же. С. 236.
335. *Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф.* Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период. Монография. Ставрополь, 2012.
336. Там же. С. 11.
337. Там же. С. 99.
338. Там же. С. 99.
339. Там же. С. 100.
340. Там же. С. 100–101.
341. Там же. С. 101.
342. Там же. С. 84.
343. *Марзоев И.Т.* История рода осетинских князей Таймазовых // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 584.
344. *Лолаева А.В.* Особенности формирования осетинского казачества: автореф. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008; *Ее же.* Предпосылки возникновения осетинских казачьих станиц // Проблемы всеобщей истории и политологии: Сборник научных трудов. В. 4 / Ред. Б.Г. Койбаев. Владикавказ, 2012; *Лолаева А.В., Блиева З.М.* Начало формирования казачьих поселений из осетин // Вестник Северо-

Осетинского Государственного университета. Общественные науки. 2014. № 3. С. 72–78; *Лолаева А.В., Канукова З.В.* Перевод осетинских селений в статус казачьих станиц // Вестник Северо-Осетинского Государственного университета. Общественные науки. 2014. № 4. С. 108–110; *Киреев Ф.С.* Осетинский феномен в истории Терского казачьего войска // http://www.darial-online.ru/2003_5/kireev.shtml.

345. *Дмитриев В.А.* Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 58–68.

346. Там же. С. 58.

347. Там же. С. 59.

348. Там же. С. 60.

349. Там же. С. 61.

350. Там же С. 61.

351. *Великая Н.Н., Белецкая Е.М.* Казаки северо-восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). Армавир, 2014.

352. Там же. С. 11.

353. Там же. С. 23.

354. Там же. С. 22.

355. Там же. С. 27.

356. Там же. С. 29–30, 33.

357. Там же. С. 44.

358. Там же. С. 47.

359. Там же. С. 34.

360. Там же. С. 29.

361. Там же. С. 28.

362. Там же. С. 51–67.

363. Там же. С. 202.

364. *Габисова С.З.* Свадебные песни и обряды казаков Северной Осетии // Дарьял. 2012. №3–4 // http://www.darial-online.ru/2012_3/gabisova.shtml

365. *Бурда Э.В.* Очерки о терском казачестве. Нальчик, 2003; *Его же.* Терское казачье войско второй половины XVI – начала XX века. Нальчик, 2010; *Его же.* Терское казачество и Российское государство. XVI–XXI вв. История взаимоотношений. М., 2015.

366. *Бурда Э.В.* Терское казачество... С. 43–45.

367. <http://kazachestvokavkaza.com/>

368. *Емельянов О.Б.* Земледелие в казачьих станицах Восточного Предкавказья в первой половине XIX века. Георгиевск, Новопавловск, 2007.

369. *Емельянов О.Б.* О производстве шелка в казачьих станицах терского левобережья в дореформенный период // Вестник института ИАЭ. 2009. № 2. С. 64–76.

370. *Емельянов О.Б.* Промысловое рыболовство в казачьих станицах терского левобережья в первые пореформенные годы XIX века // Археология и этнология Северного Кавказа. 2015. В. 4. С. 57–75.

371. *Емельянов О.Б.* Предоставление земельных угодий казачьим общинам терского левобережья в первой половине XIX века // Вестник института ИАЭ. 2008. № 4. С. 72–86.

372. *Емельянова Л.А.* О земледельческих занятиях казачества волжских станиц центрального Предкавказья в середине XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. В. 12. С. 54–59; *Ее же.* Развитие скотоводства и коневодства в волжских общинах Кавказского линейного казачьего войска в середине XIX века // Там же. 2011. В. 1. С. 27–32; *Ее же.* Хозяйственное развитие волжских станиц Кавказского линейного казачьего войска в контексте военно-политических процессов (1840–1864): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2012.

373. *Гарунов З.А.* Развитие скотоводства у русского населения Восточного Предкавказья во второй пол. XVIII – первой пол. XIX вв. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6–1.

374. *Суздальцева И.А.* Основные направления хозяйственной деятельности нижнетерского казачества в XVIII – первой половине XIX в. // Региональная история: методология, источники, историография. Сборник научных трудов третьих Международных Усмановских чтений. Уфа, 2016.

375. *Гришюкина Н.Б.* Хозяйственная деятельность линейных казаков и ее отражение в мировоззрении и обрядовой культуре: конец XVIII в. – 1917 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Карачаевск, 2015.

376. *Книевский С.А.* Самоуправление терского казачества XVI в. – 1917 г.: исторические корни и эволюция: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.

377. *Николаенко Н.Д.* Эволюция линейных казачьих частей на территории Северного Кавказа и образование Кавказского линейного казачьего войска (30 гг. XVIII – 60 гг. XIX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008; *Его же.* Кавказское линейное казачье войско на защите южных рубежей России // Новый исторический вестник. 2004. № 11.

378. *Варивода Н.В.* Терское казачество во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: состав, динамика численности, расселение //

Материалы юбилейной международной научной конференции «Россия и Кавказ», посвященной 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова, 225-летию основания г. Владикавказ. Владикавказ, 2010. С. 35–40; *Ее же*. Миграция восточнославянского населения на территорию центрального Предкавказья в XIX в.: основные тенденции и особенности // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик, 2014. С. 83–91.

379. *Варивода Н.В.* Влияние миграционных процессов на хозяйственно-экономическое развитие терского казачества в пореформенный период // Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели. Материалы международного симпозиума, посвященного 20-летию КБНЦ РАН. Научный сборник. Нальчик, 2013. С. 86–90; *Ее же*. Процессы адаптации восточнославянского населения центрального Предкавказья в хозяйственно-экономической и культурной сферах в XVIII–XIX веках // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX вв.: направление и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей по материалам региональной научной интернет-конференции. Нальчик, 2015. С. 148–155.

380. *Варивода Н.В.* Культурное взаимодействие терских казаков и кабардинцев во второй половине XVI–XIX веков // Контакты и взаимодействие культур. XI Конгресс антропологов и этнологов России: Сборник материалов. 2015. С. 293; *Ее же*. Этнокультурный диалог русского и северокавказских народов во второй половине XVIII–XIX вв. // Кавказская война: символы, образы, стереотипы. Сборник статей. Краснодар, 2015. С. 190–197; *Варивода Н.В., Кешева З.М., Березгов Б.Н.* Социокультурное взаимодействие восточнославянского населения Центрального Предкавказья и северокавказских народов в XVIII – начале XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. С. 169.

381. *Берберова Е.Г.* Особенности климатогеографической и социокультурной адаптации в условиях заселения и освоения Северного Кавказа // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1 (140). С. 109–112.

382. *Акоева Н.Б.* Влияние модернизационных процессов на повседневную жизнь казачьего населения Юга России во второй половине XIX – начале XX в. Авт. . . д.и.н. Майкоп, 2012.

383. *Дзагалов А.С.* Обзор архивных и статистических источников по переселению украинцев в Терскую область (XIX – начало XX вв.) // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. Київ, 2005. Вип. 10;

Его же. Формирование и переселение малороссийских казачьих полков на территорию Терской области. Сопоставление и сравнительный анализ архивных сведений // Украинський історичний збірник. Київ, 2007. Вип. 10; *Его же.* Переселение отставных солдат – выходцев из Украины на передовые рубежи Кавказской казачьей линии в 1860–61 гг. // Украинський історичний збірник. Київ, 2009. Вип. 12; *Его же.* Укрепления и казачьи станицы центра Кавказской линии и Владикавказского военного округа в 30–40-х годах XIX в. // Архивы и общество. Нальчик, 2009. № 11; *Его же.* Патрикей Ницык как исследователь истории 1-го и 2-го Малороссийских казачьих полков // Украинський історичний збірник. Київ, 2011. Вип. 14.

384. *Ткаченко Т.А.* Влияние государства на эволюцию социальной структуры терского казачества в XVII–XVIII вв.: этапы и особенности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005.

385. *Гусев В.В.* История станиц Центрального Предкавказья в конце XVIII – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005.

386. *Солонин Э.В.* Казачество северо-восточного Кавказа: в XVI–XIX вв.: социально-экономическое, военно-политическое и культурное развитие: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2008.

387. *Боднева Н.А.* Становление и развитие системы семейного воспитания в терском казачестве (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2008.

388. *Болохина Н.И.* Проблема происхождения терского казачества в отечественной историографии // Вестник Дагестанского государственного университета. 2009. В. 4. С. 37–44.

389. *Иноземцева Е.И.* Казачество России в контексте крупномасштабной внешнеполитической акции Низового корпуса императорских войск в юго-западном Прикаспии (1722–1735) // Вестник института ИАЭ. 1916. № 2.

390. *Иноземцева Е.И.* Формирование нижнетерского казачества // Народы Дагестана. 2001. № 3.

391. *Ахмадов Я.З.* Из истории складывания первого казачьего общества на Тереке // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2013. № 1 (18). История. С. 94–97.

392. Там же. С. 95.

393. *Абдусаламов М.-П.Б., Муртазаев А.О.* Роль Российских властей на Кавказе в урегулировании конфликтов в связи с конокрадством между кумыкскими владетелями и гребенскими казаками в XVIII в. (по материалам Кизлярского комендантского архива) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология

и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 13–19.

394. *Кидирниязов Д.С.* Взаимовлияние русского населения с северокавказскими народами в материальной и духовной сферах в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2016. № 1 (30). С. 66.

395. *Самтиев И.М., Аккиева С.И., Касымханов Р.К.* К вопросу о казачьей идентификации и самоидентификации // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3.

396. *Утевская О.Н., Новикова О.Ю., Атраментова Л.А., Дибирова Х.Д., Балановский О.П., Кузнецова М.А., Захарова Т.А., Почешкова Э.А., Чухряева М.И.* Генетические портреты четырех групп казачества: анализ гаплогрупп Y-хромосомы // IX конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Петрозаводск, 2011. С. 552–553; *Юрченко И.Ю.* Проблемы исследований раннего этногенеза северокавказского казачества в контексте новейших генетических исследований // Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия, международная научно-практическая конференция. Пенза-Баку, 2011.

397. *Утевская О.Н., Чухряева М.И., Схляхо Р.А., Дибирова Х.Д., Теучеж И.Э., Агджоян А.Т., Атраментова Л.А., Балановская Е.В., Балановский О.П.* Происхождение основных групп казачества по данным о полиморфизме Y-хромосомы // Вісник ОНУ. Біологія. 2015. Т. 20. Вип. 2 (37). С. 65.

398. Там же. С. 62.

399. *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000. С. 18–34.

400. *Ауский С.* Казаки. Особое сословие. М.–СПб., 2002.

401. *Канпелер А.* Казачество. История и легенды. Ростов-на-Дону, 2014. С. 81–84.

402. *Barrett T.M.* At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860. Boulder, Colorado, 1999.

403. Там же. С. 13.

404. *Ходарковский М.* Горький выбор. Верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016.

Глава 2

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА И НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Терские и гребенские казаки со второй половины XVI в. до 1722 г.

Появление казаков на Кавказе. Вопрос о времени первого появления казаков на Кавказе был и остается дискуссионным. Многие авторы, писавшие о терских и гребенских казаках, высказывали мнение о том, что их предки переселились на Кавказ в первой половине XVI в. или даже раньше из Новгорода, или из Червленого Яра¹, но все эти предположения не имеют никаких документальных доказательств. Пребывание казаков на Кавказе подтверждается письменными источниками только во второй половине XVI в. В этот период границы России вплотную приблизились к Северному Кавказу. Многие народы региона посылали в Москву своих представителей. Первыми это сделали западные адыги в 1552 и в 1555 гг.² В 1557 г. своих послов к царю отправили кабардинцы, а также шамхал, правивший в Северном Дагестане, и Тюменское владение, находившееся в дельте Терека. Все они готовы были признать власть царя и просили его о помощи в борьбе с врагами: кабардинские князья – с шамхалом, а шамхал, в свою очередь, – с кабардинскими князьями. Тюменский мурза Мамай, Агишев сын, тоже просил прислать войско³. Иван Грозный оказал помощь кабардинским князьям.

По их челобитью в 1560 г. «посылал царь и великий князь из Астарахани Крым Шавкалского князя воевати в судех Ивана Семенова сына Черемисинова с стрельцы и с казаки и со Астораханскими людьми...»⁴. Это известие является одним из первых, если не первым, документальным свидетельством присутствия казаков на Кавказе. Не только пребывание казачества на Кавказе, но и само его появление в этом регионе связано с проживающими здесь народами, с их сложными взаимоотношениями. К сожалению, документы не содержат более подробных сведений об этих казаках. Вместе с казаками против шамхала воевали и кабардинцы⁵. После победы над шамхалом казаки вместе с другими участниками похода, видимо, покинули Кавказ.

Но уже два года спустя, в 1562 г., Иван Грозный по просьбе своего тестя, кабардинского князя Темрюка, отправил на Кавказ «посольством Григория Семенова сына Плещеева, а с Григорием велел послати ис Казани и из Асторохани для бережения стрельцов и казаков пятьсот человек. А велел государь Григорью Плещееву с стрельцы и с казаки жити у Темрюка и слушати его во всем и от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людьми вместе, куды его Темрюк-князь учнет посылати»⁶.

Казаков было 500 человек с 5 атаманами⁷. Если учесть, что царь приказал послать их из Казани и Астрахани, то это были, видимо, городовые казаки. И Казань, и Астрахань перешли под власть Ивана Грозного только за несколько лет до этого похода, так что стрельцы и казаки, служившие там, были выходцами из каких-то других городов, а может быть, и из сел.

Казаки с первых дней своего пребывания на Кавказе оказались втянуты в княжеские междоусобицы. Они воевали на стороне князя Темрюка с другим кабардинским князем – Пшеапшуко, захватили несколько «городков» и множество сел. После этой победы «отпустил Темрюк Григория ко царю и великому князю». Вместе с Григорием Плещеевым, вероятно, покинули Кавказ и казаки, т.е. и в этот раз их пребывание там оказалось недолгим.

Примерно в тот же период на Кавказе появились и другие группы казаков – «вольных» или даже «воровских», и их появление тоже, вполне вероятно, было связано с кабардинцами. Как сказано в одном из документов 1563 г., царские воеводы разгромили волжских казаков, занимавшихся грабежами, и некоторые из этих казаков бежали «в Черкасы». Еще Е.Н. Кушева высказала предположение⁸, поддержанное и другими учеными⁹, что в данном документе имеются в виду именно северокавказские, а не приднепровские «черкасы». Это известие считается первым документальным свидетельством появления «вольных» казаков на Кавказе. К сожалению, оно не содержит никаких более подробных и точных сведений об этих казаках. Нам неизвестно даже, действительно ли они направились на Кавказ, пошли они в Кабарду или в другие земли, как долго они там находились. На протяжении последующих 15 лет других известий о «вольных» казаках на Кавказе в документах больше нет.

В то же время служилые казаки появлялись на Тереке регулярно. В 1565 г. Иван Грозный снова направил на помощь князю Темрюку своих воевод, а также «Ивана Фестова с казаки с Михайлова города да с Разского и з Шацкого и со всеми казаки Рязанские крайны» и

«Матфея Дьяка Иванова сына Ржевского с черкасскими казаки и стрельцы»¹⁰. В тот период южные рубежи государства активно укреплялись, строились новые города, увеличивалось число служилых людей. Часть из них и послали на Терек. То есть помимо служилых людей из городов Поволжья на Кавказ отправились стрельцы и казаки с южной, рязанской, границы. Под «черкасскими» казаками имеются в виду, видимо, днепровские казаки. И в этот раз казаки опять воевали с тем же князем Пшеапшуко.

В 1567 г. по челобитью князя Темрюка был построен «город» в устье Сунжи («усть-Сююнчи реки») ¹¹. Здесь мог размещаться постоянный гарнизон, но входили ли в его состав казаки – точно не известно. Эта крепость была предназначена для защиты князя Темрюка и должна была находиться на его земле или поблизости от нее. Как говорил русский посол в Турции, «не владел тою землею, где город Терка стал, опричь Темрюка ниhto»¹². Однако новая крепость просуществовала недолго. Ее появление вызвало серьезные осложнения в отношениях России с Турцией и Крымским ханством. Иван Грозный приказал снести крепость и людей своих вывести в Астрахань¹³.

Но уже в 1577 или 1578 г., по просьбе брата и сыновей князя Темрюка (его самого уже не было в живых), а также других кабардинских князей примерно на том же месте была основана новая крепость. И при этой крепости или поблизости от нее уже точно находились казаки. Предводитель крымского войска просил воеводу Л. Новосильцева «унять» терских казаков. В документе они названы «государевыми»¹⁴. В этом рассказе о событиях 1578 г. впервые действуют терские казаки, и с этого момента они упоминаются в очень многих исторических источниках. В то же время название «гребенские казаки» в документах XVI – начала XVII в. не употребляется ни разу.

В этот же период, когда существовали первые русские крепости в устье Сунжи, в контакт с Москвой вступают «окочане» – группа, которую ученые считают родственной ингушам¹⁵ или чеченцам¹⁶. Их правитель Ушарым и его сын Ших-мирза «верою и правдою служили» царю вместе с казаками. Сам Ших-мирза в своей грамоте царю писал: «Преж сего которые ваши государевы на Терке города были, и в те поры я с отцом своим с Ушарым мурзою тебе, государю, верою и правдою служили; и после того как велел еси, государь, те города разорить, и мы тогда с твоими государевыми с терскими атаманы и казаки тебе, государю, служили и твое государево имя выславляли»¹⁷.

После упразднения второй крепости в устье Сунжи активную роль в северокавказских событиях начинают играть «вольные» или даже

«воровские» казаки. В документе 1581 г. упоминаются «беглые казаки», которые «живут на Терке на море»¹⁸. В 1583 г. казаки захватили на Тереке двух турецких гонцов, посланных в Дербент¹⁹. В том же году они напали на турецкое войско Осман-паши. Этот случай вызвал длительную переписку и переговоры с царскими послами в Крыму и в Турции. Официальная позиция царских властей сводилась к тому, что «ныне людей государевых на Терке нет, а живут на Терке воры беглые казаки без государева ведома», и что царь приказал воеводам разыскать «тех всех казаков, которые Волгою приходят в Терку, и они б заказ крепкой учинили во всех протоках волжских, чтобы казаки в Терку не проходили»²⁰. Из этого сообщения следует, что на Тереке жили «воровские» казаки, и что государство вело с ними борьбу. Причем казаки именно в этот период переходили (на время или навсегда) на Терек с Волги, в противном случае закрывать от них волжские протоки не имело бы смысла. То есть, переселение казаков с Волги на Кавказ во второй половине XVI в. подтверждается документально. В этом отношении был совершенно прав П.Л. Юдин²¹. Точное место их жительства источники не позволяют установить. Некоторые авторы писали о том, что казаки поселились в развалинах крепости в устье Сунжи²², но документы не дают достаточных оснований для подобного вывода. Под «Теркой» имеется в виду, видимо, река Терек, т.е. утверждать, что казаки жили именно в заброшенной крепости, нельзя, хотя и исключать такую возможность тоже нельзя. Казаки напали на Осман-пашу на перевозе через Сунжу, сравнительно недалеко от старого «города» и от места жительства кабардинцев. С самых первых лет жизни на Кавказе «вольные» казаки оказались соседями кабардинцев.

Если в дипломатических документах о терских казаках писали как о беглых преступниках, живущих на Кавказе без царского разрешения, то другие источники рисуют совершенно иную картину их взаимоотношений с государством – оказывается, они не были такими уж враждебными, напротив, казаки служили царю. В 1586 г. 10 терских казаков во главе с атаманом Борисом Татариновым приезжали в Москву²³. В том же году астраханский воевода писал царю о терских атаманах и казаках: «преж сего служили они тебе, государю, на Терке и промышляли всяким твоим государевым делом заодин с Шихом мирзою с Окуцким и вести всякие и языки к тебе, государю, присылали»²⁴. И сам Ших-мирза напоминал царю, что на службе «в Железных Воротах много нужи терпел», что воевал вместе с казаками: «500 человек было казаков и яз, Ших-мирза в головах, тебе служачи, Индили словоет город и с тем 7 городов взяли есмя»²⁵.

В конце XVI в. казаки постепенно осваивали территорию Северного Кавказа (хотя точные места расположения их городков в этот период неизвестны) и даже проникли в Закавказье. В 1590 г. русское посольство встретило в Грузии казаков, «которые вольные казаки, сшед с Терки реки», служили грузинским царям три года, но условия службы их не устроили, и они решили вернуться обратно на Терек²⁶.

Терский город и казаки. В 1588 г. по челобитью кабардинских князей был основан Терский город (Терки или Терка, или Тюменский острог) на новом месте – на реке Тюменке (протоке Терека) в нескольких верстах от Каспийского моря.

В некоторых работах по истории Северного Кавказа встречается утверждение, что город Терки был построен во владениях кабардинского князя «Джанклиша» или Янглыча²⁷. Однако известные к настоящему времени документы и исследования историков доказывают, что город Терки находился в пределах бывшего тюменского владения, у которого были другие правители²⁸. Оно продолжало существовать в конце XVI – начале XVII в., но переместилось к югу от устья Терека. В 1589 г. от Терки до Тюмени был день пути для всадника или 2 дня для пешего путника²⁹. В этот период Тюменью правил «Салтаней князь»³⁰.

В городе Терки наряду со стрельцами несли службу и казаки. Они упоминаются во множестве источников. В 1589 г., вскоре после того, как город был построен, туда должны были прислать из Астрахани 800 стрельцов и казаков, но астраханский воевода прислал только 600 человек³¹. В том же году царских послов в Грузию сопровождали «250 человек казаков Астараханских и Терских – пеших с тремя человеки сотники, да волных конных Терских казаков с тремя человеки атаманы – 43 человеки...»³². В этом документе упоминаются терские пешие казаки (т.е., видимо, служилые казаки города Терки) и «вольные» конные терские казаки. Вольных казаков всегда отличали от служилых, хотя и те и другие назывались терскими казаками, выполняли поручения терских воевод и получали царское жалование. Однако «вольные» были более независимы, подчинялись выборным атаманам и могли отказаться от службы, если не получали жалованья в срок. Воевода писал о них царю в 1601 г.: «А терские, государь, атаманы и казаки волные в провожатых с послы до щелей, не взяв твоего государева жалованья денежного и хлебного и зелья и свинцу, в поход не ходят...»³³. В состав царского жалованья казакам входили деньги, продовольствие и боеприпасы. Из этого же документа следует, что уже в самом начале XVII в., а, вероятно, и в XVI в., у казаков было огнестрельное оружие, что давало им большие преимущества в случае вооруженных конфликтов

с народами Северного Кавказа, у которых в тот период такое оружие было редкостью.

Казаков города Терки в XVI в. называли «жилецкими». В отличие от вольных казаков, они подчинялись сотникам и «головам»³⁴. Их служба, помимо сопровождения послов, заключалась также в охране Терского города и Сунженского острога, а при необходимости и переправ («перевозов») через реки. В этом им помогали «вольные» казаки³⁵. Казаки также доставляли письма кавказским «владельцам» и даже царю³⁶, участвовали в военных походах на «государевых послушников». В 1589 г. казаки, видимо, были среди «ратных людей», которые ходили в Кабарду под командованием Григория Полтева и «привели» ее «под государеву руку», разорив при этом около 30 сел кабардинского князя Шолоха³⁷.

После появления нового Терского города туда приехал Ших-мурза окоцкий, давший клятву служить царю³⁸. Приезжали также кабардинские князья. Они тоже дали присягу (шерть) на верность царю, обещали служить ему и «переменяясь жити в государеве в Терском городе со государевыми воеводами»³⁹. То есть кто-то из кабардинских князей (или их детей) и «лучших людей» должен был жить в Терском городе рядом со стрельцами и казаками. И впоследствии другие правители северокавказских народов давали такую же присягу и тоже посылали в Терки аманатов, которые должны были гарантировать их верность. От «окочан» в Терках жил племянник Ших-мирзы Батай⁴⁰. От Тюмени аманатом был «Салтанев сын Тюменского Салтангу мурза... И отец его шерть изменил, а от него отступился; и он с Терка сослан был при царе Борисе в Астарахань, а в Астарахани сидел в тюрьме лет з 10»⁴¹. Освободиться ему удалось только после того, как город был захвачен сторонниками Марины Мнишек и И. Заруцкого. Подобная участь, видимо, ожидала и других заложников в случае измены их родственников.

Простые, «неименитые» кабардинцы после появления Терского города не приехали туда вместе с князьями, потому что ехать им было далеко. Князья просили прислать на Сунжу, «на старое городище», дворянина, который мог бы принять у них присягу там. Воеводы послали туда «Олексея Тимофеева сына Петрова да с ним сотника стрелецкого с стрельцы и казаки»⁴². Из этого следует, что казаки присутствовали при приведении кабардинцев к присяге царю. Документ позволяет также сделать вывод о том, что в дельте Терека, поблизости от города Терки, кабардинских сел не было, а на небольшом расстоянии от устья Сунжи такие села были. Точные места их расположения неизвестны, но кабардинские курганы, материальные свидетельства пребывания

кабардинцев, находятся не в устье Сунжи, а выше по ее течению и по ее притокам⁴³.

На рубеже XVI–XVII вв. произошли большие изменения как в политической ситуации в Кабарде, так и в расселении кабардинцев. Князь Казы, сын Пшеапшоко, с которым когда-то враждовал Темрюк, убил двух сыновей Темрюка – Мамстрюка и Доманука – и завладел принадлежавшими им селами⁴⁴. «А сам Казы с кабаками своими и с их откочевал в Беслене и жил там три годы»⁴⁵. В 1601 г. Казы жил у Пяти гор⁴⁶. То есть кабардинские села Мамстрюка и Доманука оказались очень далеко от Сунжи. Назад они, видимо, не вернулись, хотя в 30–40 гг. XVII в. такие попытки и предпринимались⁴⁷.

После убийства Мамстрюка и Доманука князь Сунчалей, сын того самого Джанклиша или Янглыча, а также князь Куденет (Куденек), племянник Темрюка, «з братьею прибежали на Терек, и с тех мест Сунчалей на Терке и остался»⁴⁸. В 1603 г. Сунчалей приехал в Москву к царю Борису Годунову «бити челом о своих нуждах». Он просил, чтобы его «царь Борис жаловал велел ему жити в Терском городе а братья ево и племянники живут своими кабаками в Кабарде и с узденми своими»⁴⁹. Кроме Сунчалей, в Терки переселились и другие кабардинцы, при городе появилась «черкасская слобода».

Еще раньше, в конце XVI в., после убийства Ших-мурзы окоцкого, рядом с городом Терки поселились «окочане»⁵⁰. Они образовали «окоцкую слободу». В 1602 г. племянник Ших-мурзы Батай назван в одном из документов «терским жильцом»⁵¹. В 1609 г. он бежал из города⁵², однако большинство «окочан» осталось на месте, и окоцкая слобода сохранилась.

В 1615 г. Сунчалей получил царскую грамоту, которая назначала его князем «над окочены и над черкасы», жившими при Терском городе, и давала ему право «их судить и в ратном строенье и во всяких делах их ведать»⁵³. Впоследствии такие же грамоты получают его сыновья и внук.

Терские казаки в «смутное время». Но это было уже после завершения бурных событий «смутного времени», в которых терские казаки приняли самое активное участие. Они даже выдвинули собственного самозванца – «царевича Петра», якобы сына царя Федора и внука Ивана Грозного. Эту роль взял на себя молодой казак, незадолго до этого появившийся на Терке, которого звали «Илейка Муромец».

На его примере можно видеть, какие люди становились казаками. Как следует из его прозвища, он родился в городе Муроме. Он был внебрачным ребенком, сыном вдовы «торгового человека». После смерти матери его взял к себе нижегородский купец, у которого

«Илейка» прожил несколько лет, работал в лавке. Затем он ушел от купца и за короткое время сменил несколько занятий – плавал по Волге на торговых судах, торговал на базарах, а после прихода в Терки ходил «в Шевкальский поход, в Тарки», подменяя заболевшего стрельца, и благополучно вернулся из этого похода. Он побывал и во многих других городах – в Астрахани, в Казани, в Хлынове на Вятке, некоторое время жил в Москве. Такой богатый жизненный опыт он сумел приобрести к началу событий Смутного времени, хотя был тогда еще совсем молодым человеком. Он не имел прочных социальных связей – ни семейных, ни общинных, ни корпоративных. Судя по его биографии, «Илейка» был человеком очень энергичным, предприимчивым, склонным к авантюрам. Такие люди и становились казаками.

Среди его товарищей-казаков был сын астраханского стрельца, были «люди» князей Василия Черкасского и Никиты Трубецкого, а также «Суровские послужильцы, бывали Суровских же козаков»⁵⁴. Под «послужильцами» и «людьми», возможно, имеются в виду «боевые холопы», которые сопровождали бояр в военных походах. Они составляли значительную часть русского войска того времени и имели в своем распоряжении огнестрельное оружие. В период голода 1601–1603 гг. «опалы на бояр и оскудение дворян привели к тому, что множество боевых холопов должны были добывать средства к существованию разбоем». Они также «находили прибежище на Дону и Волге и становились казаками»⁵⁵. Вполне вероятно, что и в состав терского казачества тоже вошли «боевые холопы».

Многие из казаков были выходцами из довольно отдаленных от Кавказа мест, что доказывается примером «Илейки Муромца». Волга и ее притоки связывали обширный регион в единое целое.

Документы «смутного времени» приоткрывают социальную структуру терского казачества XVII в. Оно не было однородным. Так, «Илейка», до того, как стал самозванцем, был «в товарищех у козака, у князь Васильевского человека Черкасского у Булатка Семенова», а Митька, сын астраханского стрельца, «был в товарищех у козака у Мишки Шоблыкина»⁵⁶. Молодые «товарищи» были, видимо, чем-то вроде слуг или оруженосцев у казаков более старшего возраста и более высокого статуса. В то же время старшие товарищи, вероятно, обучали молодых – воинское ремесло, как и всякое другое, требовало специальной подготовки.

В этих же документах впервые упоминается казачье войско на Тереке, но более подробных сведений о его структуре нет. Важные вопросы казаки решали сообща. Зимой 1605–1606 г. «стали де козаки

думать всем войском» о том, как им жить дальше. Сначала рассматривались два предложения: первое – идти на Каспийское море к реке Куре «громить Турских людей». Такие походы были в тот период едва ли не главным источником доходов казачества. Но на тот случай, если бы они не нашли добычи, казаки рассматривали вторую возможность – поступить на службу к иранскому шаху Аббасу. Военная служба была еще одним важным источником доходов казачества. Обычно они служили царям, но не исключали, как показывает этот пример, и другие варианты. Вероятно, они задумались о службе Аббасу потому, что не получили царское жалованье. Казаки говорили, что царь хотел их «пожаловати, да лихи де бояре, переводят де жалованье бояря, да не дадут жалованья». Эта знаменитая фраза во многом предопределила дальнейшее поведение казаков.

Триста казаков «опроче всего войска, тайно» решили идти на Волгу громить торговые суда. Они же выбрали Илейку Муромца на роль «царевича Петра» и отправились в стругах морем к острову Чечень, находящемуся напротив устья Терека, где к ним присоединились остальные терские казаки. Оттуда они «пошли де всем войском под Асторохань» вместе со своим самозванцем, хотя терский воевода просил, «чтоб осталось на Терке казаков половина, для приходу воинских людей»⁵⁷. После ухода казаков город оставался беззащитным. Эти события показывают также, что для терских казаков того времени (как и для других групп казачества) морские и речные экспедиции были обычным делом. Казаки не встретили никаких затруднений в том, чтобы всем войском отправиться Каспийским морем к Волге. Очевидно, они располагали достаточным количеством стругов.

В конце апреля 1606 г. на Волге собралось 4 тысячи казаков⁵⁸. Но это были, видимо, не только терские казаки. К «царевичу Петру» могли присоединиться донские и волжские казаки. Ему присягнули также и терские, и астраханские, и саратовские, и самарские стрельцы⁵⁹. От Астрахани восставшие двинулись вверх по Волге, расправляясь с боярами и дворянами, хотели идти в Москву к Лжедмитрию I, но узнали о том, что он был убит. Затем они отправились на Дон, а позже – в Путивль. Есть также сведения о том, что «царевич Петр» с казаками побывали в Ельце, Белгороде, Осколе, Курске, Ливнах⁶⁰. Повсюду они уничтожали и разоряли бояр и других представителей социальной верхушки. Затем казаки присоединились к восстанию И. Болотникова, вместе с ним обороняли Тулу, но сдались царским воеводам. «Царевич Петр» был казнен, некоторые из его товарищей погибли в боях. Сколько казаков после этих событий вернулись на Терек – неизвестно.

Но, видимо, часть казачества все же оставалась на Кавказе или же вновь отправилась туда. Во всяком случае, в 1610 г. терских служилых казаков воеводы посылали вместе со стрельцами на Сунжу и на Быструю реку присутствовать при том, как тарковский «владелец» Гирей мурза давал присягу царю⁶¹. В 1612 г. терские «вольные» казаки вместе с терскими «ратными» людьми принимали участие вместе с князем Сунчалеем в походе на «окоцкие» села, а несколькими годами ранее они же разгромили «Ондрееву деревню»⁶². В 1614 г. терский воевода послал в Астрахань против И. Заруцкого и Марины Мнишек «вольных» терских атаманов и казаков вместе со стрельцами и казаками города Терки⁶³.

Появление гребенских казаков. Документы «Смутного времени» неоднократно сообщают те или иные сведения о терских казаках, но ни разу не упоминают гребенских казаков. Некоторые авторы объясняли это тем, что гребенские казаки «и только они одни – оставались в стороне от бурных движений того времени»⁶⁴. Однако еще в 1887 г. И. Бентковский обратил внимание на то, что гребенские казаки не упоминаются не только в документах «Смутного времени», но и ни в каких других документах XVI – начала XVII в. По его мнению, причина этого умолчания заключалась в «отчужденности и малочисленности» гребенских казаков⁶⁵. С тех пор были выявлены и введены в научный оборот многие новые документы по истории этого периода, однако и в них нет никаких сведений о гребенских казаках – о местах их жительства, об их отношениях с соседними народами и с царской властью в лице терских воевод. Это позволяет предположить, что дело не в их «отдаленности» или малочисленности, а в том, что такой группы или, во всяком случае, такого названия в конце XVI – начале XVII в. еще не существовало.

Оно появилось позднее. Первое упоминание о казачьих городках, находившихся в «гребенях», т.е. в горах, относится к 1614 г. Это были городок атамана Якова Гусевского на «Теплой реке» и расположенный, видимо, неподалеку от него городок атамана Овдокима Мещеряка⁶⁶. Но хотя эти казаки и жили «в гребенях», документ еще не называет их «гребенскими казаками».

В некоторых документах 20 гг. XVII в. говорится о терских казаках, которые живут «в гребенях»⁶⁷, но в других источниках уже употребляется название «гребенские казаки», т.е. казаки, живущие в горах, и это название становится со временем все более частым. Каких-либо четких границ между терскими и гребенскими казаками не существовало. В документах они чаще всего упоминаются совместно: «терские и гребенские атаманы и казаки» или «терские гребенские казаки»⁶⁸.

Расселение и численность казачества. О названиях и расположении казачьих городков в конце XVI в. точных сведений не сохранилось, но в документах первой половины XVII в. упоминаются несколько десятков терских и гребенских городков. Первым из них был городок атамана Гаврилы Пана (1605–1606 г.)⁶⁹. Он находился на реке Быстрой недалеко от Каспийского моря. Быстрой в документах XVII в. чаще всего называли южную протоку Терека, значительно реже – северную ее протоку (Подстепная Быстрая) или один из притоков Сунжи. В данном случае имеется в виду именно южная протока Терека. От нее до города Терки было около 20 верст. Южный берег этой реки назывался «кумыцкой стороной», северный – «городской стороной» (имелся в виду город Терки).

В документе 1614 г. отмечены уже упоминавшиеся городки Якова Гусевского на Теплой реке и Овдокима Мещеряка. Относительно локализации Теплой реки высказывались различные мнения. Выдвигалось предположение, что имеются в виду горячие источники и река (Истису) в районе Качкальковского хребта⁷⁰. Однако это не единственные горячие источники «в гребнях», и для отождествления Теплой реки именно с Истису нужны дополнительные аргументы.

Как считали В.Б. Виноградов и Т.С. Магомадова, Теплой рекой называли «горячие ключи в окрестностях современной станицы Горячеисточненской»⁷¹. Это возможно, хотя не исключены и другие версии. Реку Теплую можно отождествить с источниками св. Павла (по И. Гильденштедту). Они находились недалеко от реки Нефтяной, а в одном документе XVII в. река Теплая упоминается рядом с Нефтяной⁷² (сохраняющей свое название и в настоящее время).

Но может быть еще один, хотя и менее убедительный, вариант локализации Теплой реки – это река Топли, правый приток Сунжи, на котором, как писал И. Гильденштедт, жили когда-то казаки⁷³. Однако их пребывание там не подтверждено документами.

В 1615 г. на северной протоке Терека – Кизляре – находился городок атамана «Семенки»⁷⁴. Выше по течению Терека было еще несколько казачьих городков. Соседями казаков, живших в этих городках, были ногайцы: «ногайские люди кочевали по всей степи от Кизляра и до Астрахани»⁷⁵.

В 1616 г. упоминается городок атамана Ивана Сарафанникова на Тереке⁷⁶. Этот городок еще существовал в 1633 г., и атаман Иван Сарафанников тогда еще был жив⁷⁷. В документе 1653 г. отмечен Семенов городок Сарафанникова⁷⁸. Возможно, что Семен Сарафанников был сыном или даже внуком атамана Ивана Сарафанникова.

Урочище Сарафанниково, получившее название, очевидно, от этого городка, хорошо известно по документам XVIII в. и находилось на левом берегу Терека. Там был построен шелковый завод, который называли «Сарафанниковым заводом»⁷⁹. Впоследствии рядом появилась станица Шелкозаводская. В этом же урочище гребенские казаки собирали свой казачий круг⁸⁰.

В 1627 г. упоминались Федорова станица Боброва и Фролкова станица Офонасьева «в гребенях»⁸¹, в 1628 г. – Кошлаковский городок атамана Куземки Луковки «в гребенях»⁸², точное расположение их неизвестно. К этому времени атаман Иван Кошлаков, по чьей фамилии, видимо, был назван этот городок, уже погиб. В том же 1628 г. уже существовали Игнатов городок Толстопятова и «Черленой»⁸³. То есть из всех сохранившихся до настоящего времени терских станиц первой появилась, если исходить из документов, именно Червленая. Приблизительное расположение этого городка в XVII в. известно по нескольким источникам: Червленный или Верхний Червленный городок находился на Тереке в двух днях пути от Терского города⁸⁴ и в одном дне пути от Мекенского и Наурского урочищ⁸⁵, т.е. недалеко от места расположения современной станицы Червленной, не совсем понятно только, на левом или на правом берегу Терека.

В 1629 г. упоминался городок атамана Степана Москаля⁸⁶ на реке Теплой, в 1631 г. – Дураков городок терских казаков, точное его местоположение неизвестно⁸⁷.

В 1637 г. отмечен казачий городок атамана Андрея Можара на реке Быстрой в гребенях⁸⁸. По мнению Е.Н. Кушевой, под рекой Быстрой в данном случае подразумевается Аргун, приток Сунжи⁸⁹. Однако учитывая, что на этот городок напали кумыки, скорее, все же, Быстрая – это южная протока Терека. А название «гребени», видимо, не всегда следует понимать буквально. В 1639 г. на реке Быстрой находился городок атамана «Осипа малово»⁹⁰.

Некоторые казачьи городки меняли место своего расположения. Так, городки атаманов Сергея Досаева и Богдана Парамонова в 1638 г. находились на Тереке, сравнительно недалеко от Кабарды. Через день после того, как послы, ехавшие в Грузию, переправились через Терек у городка Богдана Парамонова, они пришли в кабардинские села князя Мудара⁹¹. В 1643 г. эти два городка располагались на реке Быстрой, и теперь уже их соседями были не кабардинцы, а кумыки. Жители аула Эндирей угнали лошадей и другой скот у казаков этих станиц. При их преследовании оба атамана и несколько казаков погибли⁹². И это было последнее упоминание о казачьих городках на реке Быстрой.

В 1640 г. впервые упоминается городок атамана Федора Шевеля⁹³, но сам этот атаман известен с 1629 г.⁹⁴, так что и городок его, видимо, появился раньше. В документе 1651 г. Шевелев городок значится среди городков, находившихся на левом берегу Терека, напротив устья Сунжи⁹⁵. Он еще продолжал существовать в начале XVIII в., а урочище Шевелево отмечено и в документах более позднего времени⁹⁶.

В 1640 г. существовали также городки атамана Осипа Савельева и Нижний Червлёный. Тогда же упоминается атаман Иван Сунгуров⁹⁷, у которого тоже, видимо был свой городок, хотя письменное свидетельство об этом городке относится к значительно более позднему времени – к 1650 г. Как можно понять, Сунгуров и Сергеев городки находились недалеко от Османовской дороги⁹⁸, видимо, в междуречье Терека и Сунжи.

В документе 1644 г. содержатся сведения о казачьих городках «с Чернова и з Белой и з Гремячей»⁹⁹. По мнению Е.Н. Кушевой, в данном тексте перечислены реки – правые притоки Сунжи, на которых жили казаки¹⁰⁰. Это вполне возможно, хотя в том, что касается идентификации каждой из упомянутых рек и расположения городков, еще остается ряд нерешенных вопросов. Но поскольку в низовьях и среднем течении у Сунжи почти нет левых притоков, то, скорее всего, имеются в виду именно правые ее притоки. Можно предположить также, что казаки поселились на землях, которые до конца XVI в. занимали кабардинцы. Кроме кабардинцев, соседями казаков, живших «в гребенях», были также различные группы вайнахов – окочане, мичкизяне, шибутяне и др.

В документах за 1644 г. впервые появляется Курдюкова станица¹⁰¹. В следующем году в Терский город приезжал «с Терка реки с Царева городка атаман казачей Курдюк Иванов»¹⁰². Название городка, возможно, связано с Царевым бродом, который находился ниже устья Сунжи¹⁰³, но выше Кизлярского перевоза¹⁰⁴. Таким образом, из существующих в настоящее время терских станиц второй после Червлёной появилась, судя по документам, станица Курдюкова, названная по имени (или прозвищу) жившего в середине XVII в. атамана. К 1647 г. Курдюков городок был заброшен¹⁰⁵ или, возможно, был перенесен на другое место. Атаман Курдюк Иванов в 1649 г. был войсковым есаулом¹⁰⁶.

В 1645 г. уже существовал казачий городок Науры¹⁰⁷. Находился он на Тереке и, видимо, недалеко от того места, где расположена современная станица Наурская, неизвестно только, на правом или на левом берегу.

В 1646 г. упоминается городок атамана Ивана Шадра на Тереке¹⁰⁸. Таким образом, станица Шадринская – третья терская станица,

которая была основана почти одновременно с Курдюковской. Атаман Иван Шадр жил в тот же период, что и атаман Курдюк Иванов.

В 1650 г. на Тереке располагались также Яковлев городок Ортемьева, Левонтьев городок Храмова на перевозе¹⁰⁹.

В 1651 г. несколько городков находилось напротив устья Сунжи и ниже по течению на левом берегу Терека. Они дают представление о размере обычного казачьего городка: в Оскине городке проживало около 30 казаков, в Ищемском – 25, в Шевелеве – 20, в Нижнем Червленом – 35¹¹⁰. В других документах упоминается городок Ищерский и его атаман Степан Ищерский (возможно, это тот же самый Ищемский городок)¹¹¹.

В 1651 г. также отмечены еще несколько городков, расположение большинства из них неизвестно: Семенова станица Кондратьева, Никифорова станица Медвежинского (на Тереке¹¹²), Леонтьева станица Лопоногова (возможно, совпадала с Леонтьевой станицей Храмова), Караганова станица Андреева, Иванова станица Куклина¹¹³ (в другом документе Иван Кукля назван войсковым есаулом из Нижнего Червленого городка)¹¹⁴, Уразов городок¹¹⁵.

В связи с событиями 1653 г., кроме уже названных, упоминались также Степанов городок Бормата, Потапов городок Вязаного, Афанасьев городок Слепова, Леонтьев городок Симонова, Аристов городок¹¹⁶.

Многие авторы писали о том, что казаки жили когда-то в «Андреевой деревне», однако документами эта версия не подтверждается и является не более, чем легендой. То же самое относится и к «Трехстенному городку»¹¹⁷. Размещение казачьих городков в первой половине XVII в. позволяет приблизительно очертить территорию расселения казачества в этот период. Прежде всего, это был Терек – как низовья этой реки (южная протока – Быстрая, северная протока – Кизляр), так и урочища, расположенные выше по течению. Особенно много городков находилось в районе устья Сунжи. Это место имело важное стратегическое значение – не случайно здесь неоднократно возводилась русская крепость – Сунженский острог. Но были, возможно, и другие причины привлекательности этой территории. Терек ниже устья Сунжи был судоходным. Когда, например, в 1604 г. в Грузию отправлялись послы, то терские воеводы, предоставив им «струи лехкие, отпустили с Терки Терком рекою на Суншу»¹¹⁸. Но у казаков в первый период их пребывания на Кавказе тоже были струги, и возможность их использовать, видимо, имела для казаков немалое значение – достаточно вспомнить их участие в событиях Смутного времени.

Вторым часто упоминаемым в документах районом расселения казачества были «гребени». Уточнить их расположение позволяет документ, датированный 1628 г., в котором сказано, что между устьем Сунжи и селами кабардинского князя Ибак-мурзы размещались «терские казаки, которые живут в гребенях»¹¹⁹. Границу расселения кабардинцев в тот период определяет «Книга Большому чертежу» (1627 г.): «От Терка же реки от острогу до Пятигорских черкас 90 верст»¹²⁰. Под острогом имеется в виду крепость в устье Сунжи. Под «гребенями», таким образом, понимаются горы, расположенные к западу от устья Сунжи, т.е. Терский и, возможно, Сунженский хребет. Такие ориентиры как Теплая река, Османовская дорога тоже указывают на эту местность. На правобережье Сунжи тоже, возможно, жили казаки.

Территория расселения казаков при их небольшой численности была обширной. Они занимали стратегически важный регион, могли контролировать дороги, проходившие через Северный Кавказ: «И казачьи городки по Терку и по Сунше сидят в тех местех, в которые через Суншу и Терек кумыцкие люди ходят в Кабарду и в Малой Нагай и в Азов для своих торгов и ясырей и всяких дел, и ис Кабарды и из Малого Ногаю и из Азова в кумыки теми ж месты проходят, и русской и всякой ясырь провозят а ис кумык продают в шаховы города а только де терских и гребенских атаманов и казаков по рекам по Терку и по Сунше не будет, и не только де Суншинскому острогу, и Терскому городу от государевых непослушников вперед быть будет опасно»¹²¹.

Численность терского и гребенского казачества в XVII в. была очень небольшой. В 1623 г. «по челобитью терских и гребенских казаков» на Терек был послан царский указ о выдаче жалованья 30 атаманам и 470 рядовым казакам¹²². Этот отрывок цитировали многие авторы, когда писали о численности терских и гребенских казаков в тот период. Но почему-то никто не обращал внимания на следующий лист того же самого документа, на котором написано: «а по терским окладным книгам ныне терских и гребенских казаков 220 человек»¹²³. То есть жалование в Москве было обещано на 500 казаков, но фактически в книге Терского города их значилось только 220 человек, т.е. казаков на Кавказе было еще меньше, чем считалось ранее. Кроме казаков, получавших жалование, были также те, кто его не получал, а также в станицах жили жены и дети казаков, но в любом случае численность казачества на Кавказе в первой половине XVII в. была очень небольшой. Причина, возможно, заключается в том, что долгое время казаки не получали положенное жалование, и только в 1631 г., когда они отказались идти на царскую службу без жалованья, терские воеводы стали разбираться

с их жалобой. Они выяснили, что царские грамоты о выдаче казакам ежегодного жалованья были присланы в Терки и в Астрахань, но само жалованье из Астрахани не присылалось. К 1636 г. численность казачества значительно возросла. Тогда значилось «...вольных атаманов и казаков, которые живут на Терке реке, 356 человек...»¹²⁴. Возможно, что к этому времени они уже стали получать свое жалованье.

В приведенном документе 1631 г. терские и гребенские казаки упоминаются вместе. Они подают общую челобитную, получают одну царскую грамоту, им назначают одинаковое жалованье, никакой разницы в их положении нет. Также нет и речи о двух казачьих войсках – гребенском и терском. И это неудивительно: 220 или 356 человек – это слишком мало даже для одного войска, не говоря уже о двух. Но о казачьем войске в этот период вообще нет определенных сведений, они появляются позднее – уже в 40 годы XVII в. И тогда терские и гребенские казаки составляли единое войско, о чем справедливо писал С.А. Козлов¹²⁵. Его мнение подтверждается многочисленными источниками. Так, в 1651 г. царю Алексею Михайловичу подали челобитную «...терские и гребенские казаки войсковой атаман Левка Симанов с товарищи ото всех станиц»¹²⁶. Ясно, что терские и гребенские казаки составляли единое войско, и у них был один атаман. Терские и гребенские казаки были локальными группами, между которыми не было четких границ. Одних и тех же казаков и атаманов могли называть то терскими, то гребенскими. Так, Курдюк Иванов в одном случае именуется гребенским атаманом¹²⁷, в другом – терским войсковым есаулом¹²⁸. Ивана Шадра называли терским казаком¹²⁹, но его городок, находившийся на Тереке, впоследствии превратился в одну из гребенских станиц. И еще в одном городке – Червленом – судя по документам XVII в., жили терские казаки¹³⁰, что вполне естественно, поскольку он тоже располагался на Тереке. И он так же дал начало гребенской станице. Так что терскими назывались казаки, жившие не только в низовьях этой реки, как считали многие авторы, но и значительно выше по ее течению. Четкого разграничения между терскими и гребенскими казаками не существовало.

Согласно указу 1623 г., терские и гребенские казаки должны были получать царское жалованье: атаманы по рублю в год, а рядовые казаки – по полтине. Кроме того, когда казаков посылали на службу, атаманам выдавали дополнительно по два рубля, а рядовым казакам – полтора. Помимо денежного жалованья казакам присылали также муку и крупы¹³¹. Но свинец, порох и другие боеприпасы в этот период не упоминаются в составе жалованья.

В данном случае интерес представляет и сам факт существования терских окладных книг, в которые записывали терских и гребенских «вольных» казаков. На Дону таких книг не было¹³². Даже в 1704 г., когда Петр I послал в верховые донские городки чиновников, которые переписывали их население, это вызвало недовольство и протесты донских казаков. Терские и гребенские казаки были переписаны еще в первой половине XVII в., что доказывает их более сильную зависимость от государства. Причины этого понятны. По своей малочисленности терские и гребенские казаки не могли защитить себя без помощи терских воевод и «ратных людей». Такую помощь казаки неоднократно получали.

Еще один показатель большей зависимости терских и гребенских вольных казаков от государства – их присяга царю. В 1614 г. астраханские воеводы писали терскому воеводе: «...и которые, господине, Терские служилые люди, сотники стрелецкие и атаманы и стрелцы и казаки посланы были от тебя под Асторохань с головою стрелецким, с Васильем Хохловым, и мы их в Асторохани, приведчи ко Государеву крестному целованью, и дав им Государево жалованье, денги и сукна и хлебные запасы и вино, отпустили на Терек...»¹³³. Как можно понять, терские «вольные» казаки, которые были в этом походе, тоже присягнули царю. Вполне вероятно, что и остававшиеся на Кавказе казаки дали присягу Михаилу Романову.

В 1646 г. по случаю вступления на престол Алексея Михайловича в городе Терки «терчан и годовальщиков дворян и детей боярских и голов и сотников стрелецких и пушкарей и новокрещенов и всяких чинов русских людей и терских и гребенских атаманов и казаков в соборной церкви привели ко кресту...»¹³⁴. «Вольные» казаки дали присягу вместе с жителями города Терки. Но донские казаки в тот период царю не присягали, и видели в этом один из важнейших признаков своей «вольности». Только после поражения Разина донских казаков удалось привести к присяге¹³⁵. Терские же казаки были подчинены значительно раньше.

Кроме терских и гребенских «вольных» казаков в городе Терки или рядом с ним размещались терские «беломестные» казаки. О них в свое время писал П.Л. Юдин¹³⁶, но впоследствии его работы были забыты, хотя П.Л. Юдин был совершенно прав: если в документах конца XVI – начала XVII в. упоминаются терские «жилецкие» казаки, то впоследствии их сменяют «беломестные» казаки. Так, в 1628 г. жалобы кабардинского князя Пшимахо на терских воевод расследовались «терскими и гребенскими вольными атаманы и казаки да терскими беломесными

атаманы и казаки»¹³⁷, т.е. казаки давали показания по этому поводу. В тот период беломестными казаками в русских городах называлась одна из категорий служилого казачества. Они получали землю, которая была освобождена от податей. Но на каких условиях служили именно терские беломестные казаки – точно не известно. Сведений о них сохранилось очень мало. Жили беломестные казаки рядом с городом Терки. В 1644 г. приходили к городу «калмыцкие и нагайские воинские люди» и к «к заречным черкасским и х казачим беломесным и к юртовским слободам приступали»¹³⁸. Следовательно, беломестные казаки жили в слободе рядом с черкасской слободой. Но возможно, что это было не единственное место их жительства. Среди беломестных казаков в одном из документов упоминается Сергей Досаев¹³⁹, а из другого документа того же времени известно, что он жил «на Черленом»¹⁴⁰ (впоследствии у него был свой отдельный городок). Возможно, что в некоторых известных казачьих городках жили беломестные казаки. Рядом с городом Терки жили также «зарецкие казаки Сюрдюковой станицы»¹⁴¹. Не совсем понятно, были они «беломестными» или «вольными».

Встает вопрос о том, можно ли считать беломестных казаков единственной группой служилого казачества на Тереке или кроме них здесь находились еще и городовые казаки. П.Л. Юдин в свое время склонялся к этой точке зрения. Однако документы свидетельствуют, скорее, об обратном. В 1628 г., когда в Терках проводилось расследование по жалобе кабардинского князя Пшимаха на воевод, упоминаются только терские и гребенские «вольные» и терские беломестные казаки¹⁴². Можно предположить, что никаких других казаков в тот период не было.

Если «вольные» казаки подчинялись своим атаманам, то казаки города Терки, как и стрельцы – «головам». Причем в 1636 г. у терских пеших стрельцов и у казаков был один общий «голова» – Фадей Волошеников¹⁴³. Это доказывает, с одной стороны, малочисленность казаков (иначе у них был бы свой особый «голова»), а с другой стороны – близость их статуса к стрелецкому. Точная численность беломестных казаков неизвестна. Вместе с пешими стрельцами их было 624 человека.

Кроме того, жили также на Кавказе и казаки, не входившие в состав каких-либо групп и не получавшие жалованья. Так, в 1628 г. упоминается «терской вольной казак живет за рекою ни у кого не в станице Янкою зовут Яковлев прозвище Гнуса, кормитца де он на степи ездит за зверем...»¹⁴⁴. Он также принимал участие в набегах за добычей вместе с другими казаками. Такие же казаки жили на Куме, некоторые из них только зимовали на Куме, а летом приходили на Терек и тоже называли себя терскими казаками¹⁴⁵. Часто их называли «воровскими» казаками.

Пополнение терского и гребенского казачества. В состав терского и гребенского казачества изначально вошли волжские и донские казаки, выходцы из разных русских городов. И впоследствии их ряды пополнялись за счет казаков других групп, приходящих на Кавказ¹⁴⁶. Нередко это были донские казаки, (терские и гребенские казаки тоже уходили на Дон). По Каспийскому морю плавали яицкие казаки, кто-то из них также, возможно, оставался на Кавказе¹⁴⁷. Появлялись на Кавказе и запорожцы, хотя и не так часто¹⁴⁸.

Казаками становились также уроженцы многих русских городов. Среди них упоминается «хлыновец» (житель города Хлынова на Вятке)¹⁴⁹, переславец, туленин¹⁵⁰. В «Левонтъеве городке Храмова» жил казак – «белорусец»¹⁵¹. Известен терский атаман Иван Шадр, но такое же имя и фамилию носил живший в тот же период астраханский посадский человек¹⁵², хотя это может быть и случайным совпадением.

В «вольные» казаки могли уйти стрельцы и казаки Терского города, тем более что они часто не получали в срок царское жалованье и бедствовали. Особенно тяжело им пришлось в «смутное время», когда на протяжении 10 лет жалованье не поступало. В 1615 г. воеводы сообщали, что «служилые люди все бесхлебны, многие помирали голодною смертию»¹⁵³.

Но после окончания «смутного времени» бывали противоположные случаи, когда казаки становились служилыми людьми. Если 1614 г. документы говорят о казачьем атамане Якове Гусевском с Теплой реки, то уже два года спустя – в 1616 г. – о терском сотнике стрелецком Якове Гусевском¹⁵⁴. В 1625 г. в Москву за жалованьем приезжал «сын боярский» Яков Гусевский¹⁵⁵ (о чем писал еще П.Л. Юдин)¹⁵⁶, т.е. его служба в городе проходила, видимо, вполне успешно.

Неудивительно поэтому, что терские стрельцы могли иметь родственные связи с терскими и гребенскими казаками. В 1633 г. в казачьем городке Ивана Сарафанникова жил казак Мартын Тарасов, а его родной брат Ермак был конным стрельцом в Терках¹⁵⁷.

Терские стрельцы, как и казаки, были выходцами из разных городов. Среди них были москвичи, ярославцы, казанцы, суздальцы, нижегородцы, астраханцы¹⁵⁸. Кроме стрельцов, в казаки уходили «гулящие» люди, т.е. свободные, которые никакой службы и никаких повинностей не несли¹⁵⁹.

Но и холопы тоже иногда становились казаками. В 1627 г. среди казаков на Тереке появился беглый человек князя Василия Щербатова. Этот князь был тогда терским воеводой. Беглый принял участие в нападении на сестру крымского хана, а затем вместе с группой гребенских казаков ушел на Дон¹⁶⁰.

Кроме того казаками становились освобожденные или бежавшие из плена русские невольники. Так, еще в 1587 г. к русским послам в Грузию пришел из Ирана «литвин киевец Филипко Ондреев», который был в плену в Турции, а оттуда бежал в «Кызылбаши». Что с ним стало дальше – неизвестно, но некоторые из бывших невольников становились казаками.

В 1614 г. вышли «к атаманом и х казаком ис Кабарды из Айтековых кабаков русские люди выходцы 3 человеки»¹⁶¹. Кто были эти люди, откуда родом, как попали в плен – неизвестно. После побега они остались «в казачье городке у атамана Овдокима у Мещеряка». В 1616 г. приходили «на Терек и х казаком в городки русские люди многие из нагай»¹⁶².

Беглые и отпущенные на свободу невольники приходили к казакам и из других кавказских земель и из соседних стран. Правители Ирана неоднократно позволяли попавшим в рабство выходцам из русских земель вернуться на родину. Так, Шах Аббас в 1622 г. приказал освободить русских невольников, которые оказались в Иране. После этого русские послы привезли с собою из Ирана «на Терек детей боярских и детей боярских жен и всяких людей 87 человек»¹⁶³. И это был не единственный случай. Некоторые из бывших пленников оставались на Кавказе.

В 1633 г. в Терский город попал «Степанко Карпов... белорусец», который был «взят в полон мал и был в полону в Турской земле и в Кызылбашех и ис полону вышел» Он жил в казачьих городках, «переходя кормился»¹⁶⁴.

В 1640 г. «вышли на Терек из Кызылбаш восемь человек полонников». Они были уроженцами разных мест, среди них был «москвитин», «переславец», «белорусец», житель города Ливны. Истории их жизни были похожими. Все они были захвачены ногайцами или крымскими ханами во время набегов на русские земли и проданы в Турцию, на Кавказ, в Иран¹⁶⁵. После освобождения кто-то из этих людей мог остаться на Терке и стать казаком. Но и кроме них к казакам попадало немало русских невольников, которые пополняли их ряды¹⁶⁶.

Некоторые жители Кавказа тоже уходили к казакам и, возможно, сами становились казаками. Так, один невольник-черкес, бежавший из владений шамхала, жил на Терке в казачьих городках, «таясь» от своего хозяина¹⁶⁷.

Еще один «выходец» из кумык (его этническая принадлежность неизвестна) ушел к казакам¹⁶⁸, и это был не единственный случай. В 1642 г. андреевский «владелец» Казаналп жаловался на то, что «беглые ево люди, бегая от нево, живут на Терке в казачьих городках» и требовал вернуть их¹⁶⁹.

В документах упоминается даже казачий атаман с кабардинским именем Шолох¹⁷⁰, на что обратил внимание еще Г.А. Ткачев. Некоторые другие казаки и атаманы также носили явно нерусские имена: Байтерек, Евлаш, Остай, Тагапс и др., о чем неоднократно писали ученые¹⁷¹. К этому же списку можно добавить атамана «Дербышко»¹⁷². Но имена не всегда дают возможность точно определить этническую принадлежность человека.

В 1639 г. в городке атамана «Осипа малово» жил казак грузинского происхождения – «родом Башачинские земли» (Имеретии). Как и многие его соотечественники, он был захвачен дагестанскими горцами и «был в полону в Кумытцкой земле, а из Кумытцкие земли вышел в казачьи городки, которые за Терком и жил в казачьих городках»¹⁷³. И это был, видимо, не единственный случай, учитывая, что в Дагестане было много грузинских невольников.

Происхождение некоторых казаков было еще более экзотическим. В Шадрине городке жил казак Иван Агрыжан¹⁷⁴. В Астрахани агрыжанами называли индийских купцов-мусульман и потомков от их браков с татарскими женщинами. В городе был даже Агрыжанский гостинный двор, а позднее появилась Агрыжанская слобода¹⁷⁵. Кто-то из агрыжан, видимо, стал казаком. И среди терских стрельцов тоже встречалась эта фамилия¹⁷⁶.

Служба казачества. Казаки, как «вольные», так и беломестные, в XVII в. получали царское жалованье за свою службу. Она заключалась, прежде всего, в военных походах против «государевых непослушников», т.е. тех из кавказских «владельцев», которые отказывались подчиниться царской власти¹⁷⁷. При этом союзниками казаков часто были другие «владельцы», сохранявшие верность царю. Вместе с казаками в этих походах принимали участие кабардинцы и «окочане», жившие в Терском городе, и их князья – Сунчалей, Муцал и другие. В 1612 г. они во главе с Сунчалеем напали на «окоцкие» села, еще раньше – на Эндирей¹⁷⁸, чтобы подчинить его правителя Султан-Махмуда.

В 1616 г. терские воеводы обвиняли кабардинского князя Шолоха в том, что это он приводил ногайцев к Теркам и к казачьим городкам. Терский воевода послал против князя Шолоха и его сына Хорошая стрельцов и казаков¹⁷⁹.

В 1626 г. в помощь кабардинским князьям Пшимаху, Келмамету и Ильдару воеводы послали «терских узденей и черкас и новокрещенов и окочан 252 человека да терских же атаманов и казаков с терским конным головою стрелецким с Фадеем Волошенином и с сотники 500 человек»¹⁸⁰.

Документ 1628 г. сообщает о том, что «горские люди» или «мички-ские люди» убили пятерых казаков. После этого Коншов-мурза Битермяков ходил на этих «горских людей» вместе с «вольными» атаманами и казаками и с «окочанами». Во время этого похода погиб атаман Иван Кошлаков¹⁸¹. И впоследствии такие совместные походы повторялись неоднократно.

В 1634 г. терские и гребенские казаки вместе с князем Шолохом Сунчалеевичем, который командовал кабардинцами и «окочанами» Терского города, в очередной раз воевали против Эндирейского Султан-Махмуда¹⁸².

Иногда казаков посылали на службу и за пределы Кавказа. В 1646 г. терские казаки вместе с князем Муцалом были на Дону, принимали участие вместе донскими казаками в военных действиях против крымского хана¹⁸³. Туда должны были отправиться по царскому указу 200 терских и гребенских «вольных» казаков, но они объявили, что по причине нападений на их городки ногайцев, кумыков и других «иноземцев», они не смогут выделить в этот поход больше 100 человек¹⁸⁴.

Отношения с народами Кавказа. Но помимо военной службы по указам царя или воевод казаки организовывали и самостоятельные военные походы. Нападения на тех «владельцев», которые не подчинялись царской власти, считались вполне допустимыми. В таких случаях казаки одновременно и служили царю, и добывали себе средства к существованию. По их собственным словам, они ходили в набеги, чтобы «государевых непослушников... погромить, а себе зипуны переменить»¹⁸⁵.

В казачьих набегах нередко принимали участие казаки из разных городков, а также не входившие в состав каких-либо станиц. Они собирались в степи. Вместе с ними в такие набеги ходили и их соседи – кумыки или «терские тотаровя»¹⁸⁶. На время похода казаки выбирали атамана и есаула. Так, в 1627 г. в одной из таких групп уже упоминавшийся казак Янко по прозвищу Гнуса был есаулом¹⁸⁷. После окончания набега казаки расходились по домам, и группа прекращала свое существование. Это очень похоже на организацию набегов у народов Северного Кавказа.

Часть своей добычи казаки отдавали терским воеводам. Так, в 1627 г., когда они угнали табун лошадей, то прислали двух из них воеводе Василию Щербатову. Другой воевода, Степан Татищев, от такого подарка отказался, но, как утверждали казаки, взял у них деньги¹⁸⁸. Неудивительно, что терских воевод неоднократно обвиняли в том, что они берут у казаков взятки и поэтому отказываются расследовать грабежи и другие преступления.

Правило нападать только на противников царской власти соблюдалось далеко не всегда. Иногда от действий казаков страдали и совершенно нейтральные люди, такие как иранские купцы, или даже сторонники царя.

В 1589 г. «погромили Терские атаманы и казаки на реке на Брянце вещей Калского узденя Аплана Боранского; а на погроме взяли у них трех человек Келнагу да Казыбека да Албулата да с ними 45 лошадей да 3 седла да 3 саадака да саблю да шапку железную да 9 лисиц»¹⁸⁹. Шамхал просил терских воевод вернуть захваченных людей и имущество. «Тюменский князь Салтаней» также жаловался на то, что «поимали его людей на звериной ловле терские волные казаки трех человек, а иные утекли на погроме; а рухледи... у них взяли 4 пищали да сорок лисиц да котлы да платье»¹⁹⁰. Терские воеводы, которые, в соответствии с царскими указами, стремились поддерживать хорошие отношения с соседними «владельцами», пытались заставить казаков вернуть захваченных людей и награбленное. Казаки вернули часть пленных, а имущество отказались возвращать и к воеводам не поехали.

Тогда же казаки разгромили ногайцев «Казыева улуса». В ответ на это воеводы «Терским казаком заказали накрепко, чтоб по перевозом никаких людей не громили»¹⁹¹.

В некоторых случаях терским стрельцам удавалось отбить у воровских казаков награбленное¹⁹², но так бывало не всегда. В 1640 г. казаки ограбили на реке Быстрой дербентских купцов и ехавших вместе с ними людей князя Муцала¹⁹³. В 1643 г. гребенские казаки напали на Сунже на обоз кабардинских князей Татархана и Тонжехана Араслановых, взяли людей в плен, захватили имущество¹⁹⁴, а также ограбили кабардинского князя Камбулата Пшимаховича и убили одного из его узденей¹⁹⁵. Другие князья тоже жаловались на то, что «приезжают к ним под улусы и под Кабарду красть ясырь и лошади отгоняют терские и донские казаки и всякие воровские люди»¹⁹⁶. Татархан и Тонжехан писали, что воеводы взяли с казаков «посулы большие»¹⁹⁷, и потому не расследуют дело.

После грабежа, в котором пострадал князь Муцал, воеводы послали на поиски и возвращение награбленного слишком маленький отряд стрельцов, которому ничего не удалось сделать. Казаки не выдали участников этого нападения и не вернули имущество. Представителю власти, «сыну боярскому» Игнатию Прохорову, оставалось только отчитывать их, доказывая, «что они то учинили негораздо, погромили торговых людей иноземцов тезиков»¹⁹⁸

Князь Муцал обвинил терского воеводу князя Хилкова в том, что тот являлся организатором этого преступления и поэтому не хотел его расследовать. Муцалу удалось даже добиться от князя Хилкова компенсации своих убытков¹⁹⁹.

В 1644 г. андреевский «владелец» Казаналп жаловался на «воровских казаков», из-за которых опасно было ездить из Кабарды в Дагестан и обратно, потому что они грабили и убивали путников, особенно на перевозе через Сунжу²⁰⁰. Он же писал о том, что в казачьем Курдюкове городке ограбили и убили двух его людей²⁰¹.

В 1649 г. казаки разгромили ногайский аул Карасаина мурзы, захватили в плен его жителей, включая жену и сына мурзы, а также скот, хотя Карасаин был царским «холопом». По требованию терских воевод казаки вернули жену и сына мурзы, но попытки примирить казаков с ногайцами особого успеха не имели²⁰². Казаки, а иногда и воеводы доказывали, что «по Терку и по Сунше реке воруют донские и запорозские воровские казаки на дорогах»²⁰³. Однако на этих погромах часто узнавали терских и гребенских атаманов и казаков²⁰⁴.

Но не только казаки нападали на своих соседей, противоположных случаев тоже было достаточно. В 1615 г. терским вольным «атаманом и казаком от ногайских людей теснота была великая на Кизляре у атамана у Семенки городок взяли а к верхним ко многим казачьим городкам приступали...»²⁰⁵. Под городком атамана «Ивашка Сарафанника» у казаков был бой с ногайцами, казакам удалось отстоять городок и взять пленных²⁰⁶.

И впоследствии казаки постоянно жаловались на нападения. Уже упоминалось, что князь Шолох и его сын Харашай мурза приводили ногайцев на казачьи городки: «И терских атаманов и казаков на Терке же реке сее зимы поймали и побили многих же людей...И теснота... терским служивым людям и вольным атаманом и казаком по ево Харашаеву подводу на всяких промыслех и ныне великая»²⁰⁷.

Мичкизiane также нападали на казаков²⁰⁸. В 1637 г. кумыки «на Быстрой в гребенях в казачье городке взяв атамана Андрея Мажара сожгли, а сына его взяли к себе в кумыки»²⁰⁹. В 1643 г. кумыки напали на реке Быстрой на городки Сергея Досаева и Богдана Парамонова²¹⁰.

Казаки неоднократно жаловались на нападения ногайцев и кумыков, которые их грабили, убивали, угоняли скот²¹¹.

В 1646 г. казаки сообщали, «что им от кумыцких и от нагайских людей и от иных иноземцов теснота и обида большая, приезжают кумыцкие и ногайские люди и их грабят и побивают, и в полон емлют, и животину отгоняют, и они де многие городки свои покинули»²¹².

Казаки неоднократно угрожали, что «хотят свои казачьи юрты покинуть и брести розно, что де стало им жить от бусурманов невозможно»²¹³.

Если андреевский «владелец» Казаналп жаловался на «воровских» казаков, которые убивали и грабили купцов на переправе через Сунжу, то казаки сообщали, что их самих «на переезде, как ездят в Терской горю, на дороге насмерть побивают и в полон емлют, и продают в дальные земли... государевым непослушникам»²¹⁴.

Отношения казаков с народами Кавказа отнюдь не сводились к конфликтам и военным столкновениям. Казаки и сторонники царской власти из числа народов Кавказа были соратниками в боевых действиях. Как уже говорилось, казаки нередко ходили в военные походы вместе с «окочанями» и кабардинскими князьями против «государевых непослушников». Они совместно несли царскую службу, но при этом жители черкасской, «окоцкой» и «новокрещенных черкас» слобод города Терки казаками не считались (вопреки мнению И.Д. Попко и некоторых других авторов)²¹⁵. Они составляли особую группу населения города Терки. Документы XVII в. всегда отличают их как от «вольных» казаков, так и от служилых казаков города Терки. И тем более они не входили в состав особого «низового терского казачьего войска»²¹⁶, хотя бы потому, что такого войска никогда не существовало. У некоторых авторов встречается также утверждение, что атаманом терского или «низового терского» казачьего войска был кабардинский князь Муцал²¹⁷. Понятно, что он не мог быть атаманом никогда не существовавшего войска. Муцал, так же, как и его отец Сунчалей, и брат Шолох, получил царскую грамоту, которая делала его князем «над окочаны и над черкасы» Терского города²¹⁸. Но, как жившие в Терках кабардинцы и «окочане» не были казаками, так и эти князья не были атаманами. Их так никогда не называли в документах. В данном случае некоторые авторы (а возможно, что и сами казаки) спроецировали на XVII в. ситуацию, сложившуюся значительно позднее. В XVIII в. существовало терско-кизлярское казачье войско, в состав которого входили «окочане» и «новокрещены» (возможно, потомки жителей Терского города), а во главе этого войска стоял кабардинский князь Эльмурза Черкасский (хотя и он не был атаманом).

Но и в мирное время взаимосвязи казаков с народами Кавказа были очень тесными. Центром таких контактов был город Терки. Рядом с городом в соседних слободах жили беломестные казаки и народы Кавказа. Это создавало условия для их повседневного общения. Кроме того, неподалеку жили и некоторые из «вольных» казаков. А другие казаки, даже из более отдаленных городков, тоже бывали в Терках.

В 1636 г. в Терках служили «дети боярские», стрельцы и казаки – всего 1512 человек. Кроме того, в городе было 350 «жаловальных», т.е. служилых черкес, «окочан» и «юртовских татар» (скорее всего, это были ногайцы), а также 680 «нежаловальных», т.е. не состоявших на службе²¹⁹. Недалеко от города, за рекой были черкасская, «окоцкая», татарская и «новокрещенных черкас» слобода.

Большая численность «иноземцев» среди жителей города и слобод была поводом для беспокойства воевод: «...кумычenea и окоченя, и мичькизеня, и шибутеня и черкасы и всяких разных земель бусурманских и владеня приходят из гор неведомо кто откуда ко племяни своему и закладываются на Терке за тех же черкасских за князей и за мурз и за их узденей и женятся в розных басурманских землях и дочерей своих в те ж земли замуж выдают и приезды на Терек отовсюды к ним и отъезды тайными обычаи...»²²⁰. Воеводы опасались за безопасность города, не доверяя до конца жителям заречных слобод.

Кабардинцы, «окочане» и казаки Терского города иногда и трудились вместе. Важной отраслью их хозяйства являлось рыболовство. В развалинах города найдено огромное количество рыбьих костей. И в 1638 г. кабардинский князь Татархан Арасланов, живший в Терках, подал челобитную с просьбой разрешить его людям ловить рыбу в Терских протоках «сопча з городскими с терскими рускими людьми...»²²¹.

Торговля также связывала терских служилых и вольных казаков с народами Кавказа. У них казаки и жители города Терки покупали зерно, фрукты. В период голода (видимо, в Смутное время) кабардинский князь Шолох и его сын Хорошай Мурза привезли в город продовольствие и «государевым служилым людям в их великой запасной скудости пособили»²²².

Кабардинцы, «окочане», «мичкизиане», брагунцы и жители других кавказских земель бывали в казачьих городках. Брагунские уздени по дороге из Кабарды домой заезжали в городок атамана Федора Шевеля²²³. В 1646 г. князь Татархан Арасланов приезжал в городок атамана Ивана Щадра и даже убедил казаков казнить трех «мичкизиан», оказавшихся в этом городке, т.е. имел влияние на казаков²²⁴.

В свою очередь, казаки ездили в кавказские села и города. В 1617 г. «вольный» казак Иван Хлыновец был «в Гребенях под снежными горами», а именно – в мерезинских селах²²⁵. В 1627 г. гребенские казаки ездили в Кабарду «для проса и для всякой нужи»²²⁶.

Казаки продавали кумыкам захваченных во время набегов лошадей²²⁷. В 1633 г. «воровские казаки» пытались сбывать барагунцам награбленное имущество и захваченных рабов («ясырей»). В свою очередь,

барагунцы продавали в казачьих городках лошадей²²⁸. В 1650 г. казаки ездили в город Тарки разыскивать угнанных у них лошадей²²⁹.

Казаки и их соседи могли и совместно участвовать в набегах, хотя сведений об этом немного. В 1627 г. терские и гребенские вольные казаки вместе с кумыками угнали лошадей у ногайцев²³⁰.

Казаки считали себя полноправными хозяевами занятой ими земли и не допускали, чтобы соседние народы переселялись на эту землю или даже на прилегающие к ней территории. Они предпочитали сохранять определенную дистанцию между своими городками и поселениями других жителей Кавказа. При этом казаки пользовались полной поддержкой терских воевод. Когда в 1648 г. «уварские люди», т.е. аварцы, попытались обосноваться по соседству с казаками, то казаки обратились за помощью в Терки, и воевода князь Оболенский «по челобитью терских и гребенских атаманов и казаков» приказал «тех уварских людей городки разорить... и после де того уварские люди на те места для селитьбы не бывали»²³¹.

Хотя эти городки «уварских людей» просуществовали недолго, но вопрос о месте их расположения представляет большой интерес. По мнению Я.З. Ахмадова, они находились в междуречье Терека и Сунжи²³². Это вполне обоснованное предположение, если исходить из уже процитированного документа, который сообщает только о том, что «поселились было на Сунше реке уварские люди», не уточняя место их жительства. Однако есть еще один документ, который содержит больше подробностей об этом событии. Прежде всего, из него следует, что «уварскими людьми» были представители известного в истории Северного Кавказа рода Турловых – «Загаштока да Алибек да Галихан мурзы». Они обратились в Терки с просьбой разрешить им «поселитца блиско гребенских казачих городков на прежнем их отцовском месте на чеченском юрту»²³³. Упоминание «чеченского юрта» совершенно меняет картину происходящего. Если он находился там же, где впоследствии располагался аул Чечен, то значит, братья хотели обосноваться не в междуречье Терека и Сунжи и даже не на правом берегу Сунжи, а, скорее, за Сунжой, на некотором расстоянии от нее, на реке Аргун. Впрочем, нам неизвестен размер участка, который собирались занять Турловы. Не исключено, что он доходил и до Сунжи. Получается, что казаки, стремившиеся не допустить туда «уварских людей», пытались контролировать не только междуречье Терека и Сунжи, но и немалые территории сунженского правобережья.

Дальнейшие события описаны в этом документе примерно так же, как и в предыдущем. Казаки выступили против поселения аварцев в

этом месте, опасаясь возможных нападений на свои городки. Когда Турловы, вопреки запрету воеводы, все же поселились «на чеченском юрту», то к ним был послан из Терок военный отряд. Переселенцы вынуждены были покинуть свой городок, после чего он был разрушен, а скошенное сено сожжено²³⁴. Турловы отступили, но ненадолго.

Два года спустя, в 1650 г., попытку переселиться на Сунжу предприняли брагунцы или барагунцы – жители небольшого владения, находившегося в Северном Дагестане. Как стало известно терским воеводам, переселил их на Сунжу живший в Терках князь Муцал «без государева указа». В своей челобитной он объяснил, что в 1649 г. «ондреевский Казаналп мурза собрався с своими ратными людьми и с уварцы и с мичкизы и ходил с войною на его двоюродных братьев на барагунских на Ильдар мурзу Куденетова з братьею и на их владение. И их повоевали и разорили до основанья. И жен их и детей и животы поимали и поневолили в холопство. А иных де многих узденей их побил до смерти а жен и детей многих роздал в горы»²³⁵. А поскольку у Муцала был царский указ о переселении сел его брата Будачея из Кабарды на Сунжу, то он решил вместо этих сел поселить там барагунцев, чтобы спасти их от полного уничтожения, «и те де барагунцы на том месте до государева указа и поселились»²³⁶.

Брагунцы обосновались недалеко от устья Сунжи и казачьих городков, что вызвало беспокойство казаков и даже терских горожан. Они опасались, что «от тех де барагунцов терским всяким служилым людем и атаманом и казаком будет утеснение большое, и ни для какова де промыслу и по дрова проезду им не будет, а будет де барагунцы на том месте живучи сами воровать и не станут и те де барагунцы на терских атаманов и казаков и на всяких терских русских людей учнут воровских людей подводить, а наперед сего в тех местах на Сунше реке никакие иноземцы не живали»²³⁷.

И в этом случае терские воеводы поддержали казаков. Они послали к брагунцам стрелецкого голову и толмача, чтобы убедить их вернуться на прежнее место жительства. Однако брагунцы их «не послушали и с того де места не пошли и они де воеводы тех барагунских мурз с их владеньем с того места вневолю сослать не смели»²³⁸.

Воеводы обратились в Москву, и вопрос решался на самом высоком уровне: царь «указал и бояре приговорили барагунских мурз со всем их владеньем с Сунши реки сослать на старые их места, где они наперед сего кочевали, а будет те барагунцы с того места итти не похотят, и тех барагунцов указал государь с того места сослать и вневолю, а на Сунше реке для береженья от приходу воинских людей велено поставить острог стоялой...»²³⁹.

Однако брагунцы не спешили выполнять царский указ. Казаки жаловались царю на то, что они пашни пахали и сено косили на казачьих «займищах» по обе стороны Терека²⁴⁰. В 1651 г., когда в очередной раз строилась Сунженская крепость, брагунцы еще жили на Сунже, в 2 верстах от острога. Они даже помогли в его строительстве, предоставив 700 быков и телеги для перевозки леса²⁴¹. А напротив острога, на левом берегу Терека, находилось несколько казачьих городков, брагунцы были их близкими соседями. В 1651 г. брагунцы защищали Сунженский острог вместе с князем Муцалом, «с ратными людьми и с терскими и з гребенскими атаманы и казаки» от «кумытцких и кизылбашских ратных людей»²⁴², т.е. были союзниками казаков. В этот раз острог удалось отстоять.

В 1653 г., когда поход дагестанских и иранских войск на Сунжу повторился, брагунцы все еще жили недалеко от Сунженского острога. Кроме того, в этот период на Сунже находилось также село кабардинского князя Шангирея Урусханова: «жил он, Шангирей-мурза, кабаком своим по Сунше-реке»²⁴³. Где именно находилось это село, и когда оно там появилось, об этом точных сведений нет. Известно только, что сыновья князя Жансоха Эльмурза и Урусхан после конфликта с Алегукой Шогенуковым переселились в Дагестан, в аул Эндирей²⁴⁴.

В этот раз Сунженский острог вместе со стрельцами и терскими казаками защищали брагунцы, а также Урусхан и Шангирей со своими людьми²⁴⁵. Брагунцы и кабардинцы опять воевали на стороне казаков. Однако брагунцы спустя несколько дней вступили в переговоры с осаждавшими и покинули острог: «во всем государю изменили, из государева Суншинского острогу вон вышли к ним, кумытцким мурзам в рать»²⁴⁶. После этого брагунцы надолго ушли с Сунжи²⁴⁷. Возвращение их в Дагестан и было одной из главных целей этого похода.

Еще одной его целью было уничтожение Сунженского острога и казачьих городков. Правители Ирана и различных дагестанских владений неоднократно жаловались в Турки и в Москву на казаков, которые препятствовали торговым связям народов Северного Кавказа, грабили купцов. Один такой случай произошел в 1650 г., когда «несколько ширванских и дагыстанских торговых людей собрався ехали в Черкасы с торгом и собрався де терские казаки животы их и товар и всякую рухлядь погромили без остатку»²⁴⁸. Караван сопровождал сын князя Муцала Кантемир, однако это не остановило казаков. По его словам, на караван напали 60 казаков или даже больше²⁴⁹.

Когда терские и астраханские воеводы расследовали это дело, то казаки оправдывались тем, что незадолго до того у них угнали «ис под

верхнева Черленова городка тарковские кумычя лошади»²⁵⁰. По их версии, они узнали в купеческом караване похищенных у них лошадей, и, когда их не удалось вернуть, они отбили их силой, «а животов де никаки не имывали»²⁵¹. Однако Кантемир и купцы утверждали, что караван был полностью разграблен.

Воеводы в очередной раз поддержали казаков. Они «корованных погромных животов на терских и гребенских атаманах и казаках, не описав о том государю, править и наказания учинить не смели потому, чтоб тем терских и гребенских атаманов и казаков не оскорбить и с реки не согнать...»²⁵². Неизвестно, руководствовались ли воеводы в данном случае исключительно государственными интересами, или у них были еще какие-то причины для того, чтобы столь явно защищать казаков.

Из Москвы пришло распоряжение потребовать у казаков, чтобы они возвратили захваченные вещи и «чтоб они атаманы и казаки торговых иноземцов и никово нигде не грабили, не побивали и с торговым иноземцом ни с кем задоров ни в чем не чинили, чтоб от их задоров у великого государя с шахом в том ссоре не учинилось»²⁵³. О наказании виновных речи не было. Видимо, власти настолько дорожили казаками как своей надежной опорой, что закрывали глаза на их действия, которые могли поставить под угрозу добрососедские отношения с Ираном.

Шемахинский Хосров-хан, чьи купцы были в пострадавшем караване, требовал у терских воевод возврата награбленного, но ему ответили, что похищенное имущество не найдено²⁵⁴, и возложили ответственность за случившееся на него самого, поскольку он не обратился заблаговременно к воеводам с просьбой беспрепятственно пропустить караван²⁵⁵. Ему также посоветовали, чтобы пострадавшие сами разыскивали отобранные у них казаками вещи. «Такой непристойной ответ дали» – так расценил это предложение Хосров-хан²⁵⁶.

После этого погрома и состоялся в 1651 г. первый, а в 1653 г. второй совместный поход шемахинских и дагестанских «воинских людей» на Сунжу. Одним из главных организаторов военных действий был Хосров-хан. Помощь ему оказали правители нескольких дагестанских владений. Возможно, они отчасти действовали под давлением Ирана, хотя у них были и собственные причины для конфликта с казаками и их союзниками. Это были Тарковский шамхал Сурхай (чьи люди пострадали при разгроме каравана), Казаналп Эндиреевский (недовольный потерей власти над брагунцами) и кайтагский уцмий Амирхан-Султан²⁵⁷. Против казачьих городков выступили также большого Нагаю Чабанмурзы Ищерекова «улусные люди»²⁵⁸.

В ходе нашествия 1653 г. «терских и гребенских казачьих девять городков разорили и сожгли да десятой городок мимоездом весь розграбили». При этом «пятнатцать человек до смерти побили, да в полон взято восемьдесят человек казачьих жон и детей»²⁵⁹. Среди уничтоженных городков были Шевелев, Шадрин, Степанов городок Ищерского, Медвеженский, Степанов городок Бормата, Семенов городок Сарафанникова, Потапов городок Вязаного, Леонтьев городок Симонова (войскового атамана)²⁶⁰. Некоторые из них никогда больше не были восстановлены.

Численность и расселение казачества во второй половине XVII в. В этот период происходит уменьшение количества казачьих городков и сокращение территории расселения терско-гребенского «вольного» казачества. Уже не упоминаются казачьи городки на реке Быстрой, т.е. на юго-восточной окраине казачьих земель. Сокращалась территория казачества и на северо-западе. В 1668 г. донские казаки, прибывшие на Терек, стояли «за казачьими городками в Калиновых Луках»²⁶¹. Если это урочище находилось там же, где впоследствии была основана станица Калиновская, то оно располагается выше (по Тереку), чем станица Червленая. В 1682 г., по свидетельству грузинских послов, приехавших в Москву, от Малой Кабарды, «от села де, где живет Алей мурза по сю сторону ходу гребенских казаков до первого их городка Червленого днище ж, только все степью»²⁶². То есть Червленный стал ближайшим к Кабарде гребенским городком. Это значит, что ни Наурского, ни других городков, расположенных выше по течению Терека, чем Червленный, уже не существовало. В 1680 г. князь Каспулат Муцалович тоже писал, что ездил «выше казачьих городков на урочище Калиновой Ерек. . .»²⁶³. Граница расселения казачества отодвинулась к востоку.

С юга гребенских казаков теснили «горские ясачные люди шибутяне и мичкизяне»²⁶⁴. Они нападали на казаков, убивали их и брали в плен. В источниках второй половины XVII в. нет сведений о казачьих городках на правобережье Сунжи, но есть сообщения о появлении там новых поселений народов Кавказа. Уже в 1658 г., т.е. через 10 лет после первой попытки занять «чеченский юрт», три брата Турловых снова жили в том же самом месте. Опасаясь, видимо, что их опять могут изгнать оттуда казаки и воеводы, они обратились в Москву при посредничестве грузинского царя Теймураза и сообщили, что «аманаты де их взяты на Терек, а ныне де они живут великого государя на земле на Чачане. И о той земле били челом они великому государю, чтоб тое землю ево государевы люди у них не отымали и не обижали и рыбу б

им всякую ловить. И как и иные черкасы и казаки великому государю служат, так бы им государеву службу служить»²⁶⁵. Они получили царскую грамоту, ограждавшую их от обид и позволявшую ловить рыбу. В этот раз казаки не смогли им помешать, и Турловы остались «на чеченском юрту». Туда же переселялись жители соседних «обществ». По названию села их стали именовать «чеченскими людьми»²⁶⁶ или чеченцами. Спустя какое-то время это название относилось уже к жителям нескольких сел, а еще позже – к целому народу.

К концу XVII в. казаки оставили правобережье Сунжи и большую часть терско-сунженского междуречья. К сожалению, отсутствие источников не позволяет глубже изучить проблемы, связанные с этим процессом.

С появлением донских казаков-раскольников их городки какое-то время существовали на реке Куме, на Аграхани. Возможно, что именно в этот период казаки жили у развалин Тартарупа на Тереке и в соседних ущельях, о чем писал А.И. Ригельман.

Численность терского и гребенского «вольного» казачества в это время увеличивалась очень медленно. В 1651 и в 1663 их было, по материалам П.Л. Юдина, всего 380 человек²⁶⁷, т.е. немногим больше, чем в 30 гг. Только к 1678 г. она достигла 500 человек. Во всяком случае, именно на 500 человек они получали жалованье – по 2 рубля рядовые казаки и по 3 рубля – атаманы²⁶⁸. Кроме денежного казакам выдавалось также «хлебное» жалованье – рожь. В 1689 г. терские и гребенские казаки подавали челобитную – тоже от 500 человек и получали жалованье на эту же численность. В этот период в состав их жалованья входил также порох и свинец²⁶⁹.

Казаки вместе с народами Кавказа принимали участие в военных действиях, в том числе и в далеких походах. В 1675 г. гребенские казаки воевали в Крыму вместе с князем Каспулатом Муцаловичем, который после своего отца унаследовал власть над нерусским населением города Терки, с Хату-мурзой и Айдемиром Черкасскими, с узденями, с новокрещенами и «окочанами»²⁷⁰. В 1678 г. Каспулат Муцалович получил царскую грамоту: за его «многие службы», за то, что он участвовал в крымском и чигиринском походах, он вместо денежного и хлебного жалованья приобрел право на терский таможенный пошлинный сбор. Тем самым казна лишалась важного источника доходов²⁷¹.

«Вольные» казаки, как и в конце XVI в., вместе со служилыми людьми города Терки, вместе с кабардинскими князьями встречали и провожали грузинских послов и царей. Как и в прошлом, они могли отказаться от этой обязанности, если не получали царского жалованья.

В 1675 г. воеводы написали казакам, чтобы они проводили грузинского царевича Николая Давыдовича, но «гребенские казаки провожать не поехали, а сказали, что им без жалованья подняться нечем»²⁷². В 1686 г., когда приезжал имеретинский царь Арчил, казакам, видимо, в срок было выдано жалованье, потому что они сопровождали его. Как писали служившие в Терках кабардинские князья, царя встретили «князь Салтанбек Канбулатович Черкаской да они, Дивей и Алдигирей мурзы, а с ними их узденей 300 человек да терских казаков и татар с 700 человек»²⁷³.

Два года спустя гребенские казаки во главе с атаманом Иваном Куклей получили царскую грамоту, призывавшую их проводить царя Арчила на его обратном пути в Имеретию²⁷⁴.

Не только казачьи городки, но и город Терки неоднократно страдал от нападений соседних народов. В середине XVI в. власти стремились усилить обороноспособность города. В 1658 г в Терки было переведено из других городов 1379 стрельцов и казаков. Сколько среди них было казаков – неизвестно. В следующем году был принят царский указ о том, чтобы «тех стрельцов и казаков устроить на Терке на вечное житье, в конные и пешие стрельцы...»²⁷⁵. Примечательно, что в данном случае говорится только о пеших и конных стрельцах, нет речи о том, чтобы зачислить кого-то из прибывших в беломестные казаки или в какую-то другую категорию служилого казачества. Вопреки мнению П.Л. Юдина²⁷⁶, все они, видимо, стали стрельцами. После их переселения на Кавказ их жены и дети и имущество были перевезены туда же. К 1678 г. в Терках оставалось только несколько беломестных казаков (П.Л. Юдин считал, что их было 9 человек). В год они получали жалованья в общей сложности немногим более 8 рублей. И на их сметный список кто-то из власть имущих наложил резолюцию: «...буде похотят, и им служить в стрельцах, а не похотят, и им не давать жалованья»²⁷⁷. То есть с этого времени беломестных казаков в Терках не осталось. Также в городе не было никаких других служилых казаков, иначе указанный документ упоминал бы их и их жалованье. Нет в нем также никаких сведений о «терском низовом» казачестве. Это приводит к выводу: после 1678–1681 гг. единственной группой казачества на Тереке остались терские и гребенские «вольные» казаки – 500 человек, получавших жалованье.

Во второй половине XVII в. г. Терки неоднократно подвергался нападениям соседних «владельцев». В 1666 г. него напали калмыки, свидетелем чего был турецкий путешественник Эвлия Челеби. По его словам, калмыки подожгли посад и увели в плен множество местных жителей²⁷⁸. Но бедствия города на этом не закончились.

По указу царя Алексея Михайловича, датируемому 1668 г., он был перенесен на новое место: «по... князя Казбулата Муцаловича челобитью и по челобитью терских всяких чинов людей Терской город со всяким городовым строением перенести на новое место на Копань...»²⁷⁹. Это место находилось на несколько верст дальше от морского берега, чем старое, и перенос города мог быть связан с опасностью наводнений, поскольку в тот период уровень Каспийского моря повышался²⁸⁰.

В 1672 г. в Терках был сильный голод: «терченя ружье и рухледь всякую испроели, а иные многие от голоду пропадают безвесно». Кроме того, город страдал от постоянных нападений воинственных соседей: «Каракаса-мурза безпрестанно приходит под Терек, русских людей и князь Каспулатовых узденей бьет и берет в полон многих». Ситуация настолько осложнилась, что «от многого Каракасаева теснения и за город вытти не мочно»²⁸¹.

В 1673 г. «Тарковский Будаи и Ондреевский Чепалов и Нагайской Каракасай мурзы, с многими мурзы и с воинскими людьми, пришли на Терской город войною»²⁸². Это нападение удалось отразить, но город постепенно приходил в упадок. В довершение всех бед в 1689 г. в Терках был сильный пожар: «город Терек деревянной и в нем сгорело все без остатку»²⁸³. После этого пожара городские стены пришлось отстраивать заново.

Раскольники на Кавказе. Во второй половине XVII в. на Кавказе появляются донские казаки, участники восстания С. Разина. В 1668 г. «пришли с Дону конные сто человек и стоят от казачьих Гребенских городков в пятьдесят верстах, а атаман де у них Алешка Пропокин; да на Куме де реке казаков конных же четыреста человек, а кто у них атаман про то неведомо; да с Дону же будет к ним вскоре Алешка Каторжной, а с ним конных же казаков две тысячи человек»²⁸⁴. Воеводы хотели послать против этих «воровских казаков» князя Каспулата Муцаловича, но он ответил, что «за малолюдством» идти ему в этот поход не с кем.

Жители города Терки поддержали восставших донских казаков, а гребенские казаки выступили против них и защитили терского воеводу: «к терским жителем, к вором, не приставали и служили великому государю, и терских жителей от воровства уговаривали, и стольника князя Петра Прозоровского и Григорья Овцына воровским казаком убить не дали...»²⁸⁵.

В 80 гг. XVII в. на Куме появились старообрядцы (которых в документах того времени называли раскольниками), переселившиеся туда с Дона: «...поп де Досифей и Пафнутий, и Феодосий, собрався с многими единомысленники и советники, с такими ж ворами и раскольщиками пошли с Дону в степь на реку Куму... и живут близко Черкес...»²⁸⁶.

Переселившись на Кавказ, они оказались соседями кабардинского князя Мисоста. Они просили у него разрешения обосноваться в Пятигорье («под Бечтовыми горами»), но Мисост на это не согласился, «а велел было им жить в старопостроенном городе Можарах...»²⁸⁷. После этого раскольники действительно жили на Куме, недалеко от развалин средневекового города Маджары. Они «сделали свой земляной городок со всяким строением в урочищах промеж рек Кумы и Домзлы, повыше Маслова Кута...»²⁸⁸. Раскольники сохраняли хорошие отношения с кабардинским князем Мисостом, продавали ему захваченных ими людей, получали от него продовольствие²⁸⁹. Есть сведения о том, что в 1689 г. 300 кумских казаков вместе с «черкасским мурзой» и «горскими черкасами» приходили на Дон и, забрав жен, детей и других родственников своих, вернулись на Куму²⁹⁰.

И эти кумские казаки хотели идти зимовать в гребенские станицы. У них были сторонники среди терских и гребенских казаков. Некоторые казаки говорили, что «есть де и из их братья такие расколники и к ним пристают от них втай, и они де казаки, которые к тому воровству пристать не хотят, опасны от тех воров всякого разоренья»²⁹¹. Подозревали даже, что «Терской де атаман Ивашко Кукля тем расколщиком во всем пособствует, ...им расколщиком во всем радеет и на Терек их к себе жить принять хочет»²⁹². Иван Кукля был войсковым атаманом, то есть командовал всеми терскими и гребенскими вольными казаками. Власти начали расследование его связей с раскольниками, но чем оно завершилось – неизвестно. Учитывая, что донские раскольники пользовались поддержкой некоторых терских и гребенских казаков и даже их атамана, кто-то из раскольников мог остаться в терских станицах.

Астраханский воевода писал «к Горским и к Кабардинским владельцам... чтоб они воров и расколщиков казаков во владенья свои не пускали и места им под селидбу не давали и никуды их мимо своих владений не пропускали; а где они ныне поселились, и их бы с того места сбили, чтоб нигде им пристанища не дать, и с ними не соединяцца, и воровство б их искоренили»²⁹³. Однако организовать борьбу с раскольниками не удалось: «И Горские и Кабардинские владельцы... великих государей указу не послушны, и воровским казакам расколщиком разоренья никакого не чинят, а к себе в соединение для промыслу под Терек призвали»²⁹⁴.

Уже в начале 1690 г. раскольники жили «в подданстве у шевкала»²⁹⁵. Несколько лет они оставались «под владеньем Будай шевкала на реке Аграхане»²⁹⁶. Эти раскольники нападали на корабли, плававшие в Каспийском море. Однажды они «взяли государеву бусу со всеми

бусными припасы и хлебными запасы, который хлебный запас везли терченя из Астарахани на Терек терским всяких чинов служилым людем на жалованья, и на той бусе взяли хлебных запасов муки ржаные четыреста пятьдесят четвертей, а которые на той бусе были стрелыцы, и тех, ограбя, кинули на берег»²⁹⁷. И это был далеко не единственный случай. Жители города оказались в очень сложной ситуации: «выезду им с Терка от воровских казаков и Будаев шевкалова владенья кумычен и еманчеев для дров и на рыбную ловлю и никуда для нужд ездить стало невозможно: воровские казаки раскольщики и шевкаловы татары и кумыченя безпрестанно под город подбегают, и которые терские жители для своих нужд не токмо что для промыслов и для дров выезду, и тех имая бьют и грабят и в полон емлют»²⁹⁸. Кроме того, город опять пострадал от эпидемии. Терский гарнизон, видимо, сократился и ослабел. Если когда-то терские воеводы посылали на помощь терским и гребенским казакам своих «ратных людей», то теперь они сами нуждались в помощи. В 1691 г. по царскому указу 100 «вольных» терских и гребенских казаков отправлены в Терки для охраны города²⁹⁹.

Жители Терок, в том числе и самые высокопоставленные, покидали город. Среди них была княгиня Таука Салтанбековна Черкасская и мурзы Дивей и Адильгирей Черкасские, которые переселились на реку Кизляр. Княгиня была матерью боярина Михаила Алегукевича Черкасского, занимавшего высокие должности в Москве, и пользовалась большим влиянием. В 1691 г. царскому посланцу Ивану Басову было приказано по приезду в Терки посоветоваться по поводу казаков-раскольников «со вдовою княгинею Таукою Салтанбековною, и как она в том деле прикажет ему поступить, и ему так велено и делать...»³⁰⁰.

В 1692 г. против аграханских раскольников был направлен из Астрахани большой отряд стрельцов³⁰¹. Узнав об этом, раскольники решили уйти на Кубань или в Крым. Однако это, в свою очередь, стало известно стрелецкому голове Сербину, и он обратился за помощью к Тауке Салтанбековне. Этот случай показывает, какой властью она пользовалась в регионе: «Княгиня, собрав узденей своих наскоро, послала к Муртазалею и к брату его Амыр хану и приказала им, чтоб они служа Великим Государем их Царскому Величеству, не опустя таких воров в Крым, учинили над ними промысел; и Муртазалеев брат Амир хан, собрався с своими Чеченцами, также и княгинены уздени, догнав тех воровских казаков осадили на реке Сунче, и учинили с ними бой, и тех воровских казаков розбили, жен их и детей побрали в полон, а иных из них побили и живьем взяли...»³⁰². Только небольшой группе раскольников удалось уйти на Кубань, за ними в погоню отправился

Амирхан вместе с чеченцами и кумыками. Таука Салтанбековна, Муртазали, Амирхан, а также многие кумыки и чеченцы выступили на стороне царской власти.

Документы, которые недавно обнаружил Д.В. Сень, свидетельствуют о том, что шамхал Будай осаждал казаков еще до их бегства с Аграхани, а среди их преследователей находились также и его люди, т.е. властям все же удалось привлечь его на свою сторону³⁰³. Однако и после этого во владениях шамхала находилась небольшая группа казаков-раскольников³⁰⁴, т.е. его позиция по отношению к ним была достаточно сложной и колеблющейся.

После отъезда Тауки Салтанбековны и мурз Дивея и Адильгирея в Кизляр туда же переместился и центр торговли. Купцы из Астрахани, а также и гребенские казаки приезжали на Кизляр, покупали и продавали там свои товары. Торговые пошлины получали указанные «мурзы»³⁰⁵. Город Терки был лишен важного источника доходов, что приводило к еще большему его упадку.

Терки в конце XVII – начале XVIII в. В конце XVII в. численность населения города Терки уменьшалась от эпидемий («морového поветрия»), а также от того, что многие его жители уходили отсюда. Некоторые из стрельцов бежали в гребенские городки и становились казаками. В 1696 г. в Терках оставалось только 73 конных стрельца и 109 пеших³⁰⁶ т.е. почти в 10 раз меньше, чем было в середине XVII в. Было принято решение послать в город солдат из других городов, а несколько лет спустя в Терки перевели еще и московских стрельцов.

В 1705 г. началось стрелецкое восстание в Астрахани. Повстанцы прислали письма князю Адильгирею Черкасскому, жителям города Терки и гребенским казакам. Они сообщали о том, что «великого государя в живе нет, а обладали де веру немцы и велят молитца болваном», а также о том, что у них в Астрахани «стало смятение за веру христианскую, и за брадобритие и за неметцкое платие мужское и женское, и за табак и за отлучение церкви божии...»³⁰⁷ и призывали поддержать их. Эти письма, по словам терского воеводы Д. Молостова, «учинили великую смуту во всех чинах русских людей и басурман, и черкас, и окочен, и нагайцов и гребенских казаков, будто за веру стоят, а с ними, астраханскими, в соединении быть. И в том руские и гребенские казаки крест целовали, а иноверцы куран»³⁰⁸.

Восстание поддержали, тем не менее, не все жители города. Наиболее активными его сторонниками были стрельцы «выписного» полка, переведенного в Терки из Москвы³⁰⁹. Они убили своего полковника Илью Некрасова, которого обвинили в присвоении денег и даже в

убийствах³¹⁰. В терском конном стрелецком полку было много противников восстания. Не вполне понятна роль князя Адильгирея Черкасского в этих событиях, но его брат Дивей был одним из непримиримых врагов восстания, в его доме скрывались сыновья воеводы³¹¹.

Большинство терских и гребенских «вольных» казаков одобрило действия повстанцев, хотя против выступал их войсковой атаман³¹², из-за чего ему пришлось даже оставить эту должность³¹³. Но казаки не послали на помощь астраханцам свое «войско», ссылаясь на необходимость защищать свои городки от нападений соседних народов. Лишь немногие из них – «гулящие люди и бездомные, всего 18 человек» – все же отправились в Астрахань³¹⁴. 90 терских стрельцов поехали туда же³¹⁵.

Во время восстания в Терках были созданы социальные институты, подобные казачьим – войско с общим войсковым кругом или собранием, в котором принимали участие и казаки. Из Терка писали в Астрахань: «Как будет у нас собранье и общий совет, и на чем положим всем войским, с князьями, и гребенские казаки и з грацкими жители, и мы прямую отповедь пришлем...»³¹⁶.

Воевода был отстранен от власти, и, тоже по примеру казаков, был заменен атаманом: «...в то время на Терках были вместо воеводы для росправы всяких дел атаман Василей Авдеев с товарищи»³¹⁷. По неизвестной причине в атаманы выбрали совершенно случайного человека, москвича, приехавшего в Терки по своим «торговым делам», который, по словам воеводы, «был в атаманех поневоле»³¹⁸, что во многом предопределило быстрое поражение восставших.

Воеводе удалось объединить всех противников восстания, привлечь на свою сторону тарковского шамхала Гирея и эндирейского Чепана-шамхала, а также брагунского владельца Кучука³¹⁹ и подавить восстание³²⁰.

Началось следствие и расправа над стрельцами. К ответственности были привлечены и гребенские казаки, принимавшие участие в восстании³²¹. Конные терские стрельцы, противники восставших, подали в Преображенский приказ донос на князя Адильгирея Черкасского, обвинив его в том, что он поддержал «бунт» и переписывался с астраханскими стрельцами³²². Князь пытался объяснить, что он «писал к ним обманом, хотя от них всякую ведомость получить, чтоб от них, бунтовщиков, Терку разорену не быть»³²³. Однако, его доводы, видимо, не убедили Петра I. В 1708 г. по царскому указу князь Адильгирей Черкасский был «бит кнутом и послан на житье к Архангелскому городу»³²⁴.

После восстания Петр I приказал «как возможно скоро Московских и других с Терка стрелцов вывезть в Астрахань, а оттуда в Казань»³²⁵.

Однако выполнить это распоряжение было непросто, потому что Терки никому было бы защищать. Как писал Астраханский воевода П.М. Апраксин, быстро выслать с Терок московских стрельцов невозможно, поскольку «послать вместо их из Астрахани за малолюдством неково»³²⁶. Только к концу 1707 г. в Терки было прислано 500 солдат³²⁷. К этому же времени, как писал П.М. Апраксин, «с Терка стрельцы Московские все и Терские, которые бунтовали, взяты в Астрахань, и посланы в Казань...»³²⁸. После этого в Терках осталось около 300 конных и пеших «терских старых» стрельцов, не принимавших участия в восстании.

В 1708 г. город Терки подвергся новому нападению, которое нанесло ему огромный ущерб. Многие авторы датируют это событие 1707 годом, однако документы того периода доказывают, что это ошибка, о чем писала еще Н. Голикова³²⁹. Но в то же время в ее работе (как и во многих других) есть одна неточность – утверждается, что набег на Терки осуществили кубанские татары. Однако документы, в том числе признания предводителя нападавших и письма астраханского воеводы П.М. Апраксина, говорят о том, что в нападении приняли участие многие кавказские народы: «чеченцы, мичкисы, аксайцы, тавлинцы, и Андреевской деревни кумыки», ногайцы³³⁰, а также «воры прежние» аграханские казаки и пришедшие с Кубани казаки-раскольники³³¹. Командовал ими Мурат Кучуков – «самозванной башкирской салтан», как называют его документы³³². Покинув свою родину, он побывал в Крыму, в Стамбуле и на Кубани, а оттуда приехал к чеченцам³³³. 12 февраля 1708 г., ночью, нападавшие вошли в город через пролом в стене. Часть гарнизона и жителей укрылись в кремле. Во время вылазки им удалось взять в плен предводителя осаждавших. Узнав о нападении, астраханский воевода П.М. Апраксин послал на помощь Теркам солдат, а также «юртовских» и астраханских татар³³⁴. Осада кремля продолжалась шесть недель. Многие жители города умерли от голода. Другие попали в плен и в рабство³³⁵. Город был разграблен и сожжен. Оставшиеся горожане жили «в великой нужде»³³⁶. Меньше других пострадали жители загородных слобод: их нападавшие пощадили.

После этого нашествия город Терки опять был перенесен на новое место, ближе к морю. К строительству приступили в том же 1708 г., а уже в январе 1709 г. была освящена церковь нового города³³⁷. При выборе места для нового города главным критерием, видимо, была безопасность, возможность оборонять его. Город был окружен «глубокими топями, и не можно в оный проехать сухим путем, кроме одного места, которого вход защищается многими бойницами»³³⁸.

Но такое расположение оказалось очень неудобным для жителей. Город часто страдал от наводнений и едва ли не постоянно был залит водой. Это приводило к заболеваниям и высокой смертности среди горожан. Астраханский губернатор А.П. Волинский удивлялся, что они еще не все вымерли³³⁹. В то же время город подвергался нападениям эндирейских и других соседних «владельцев», которые убивали и брали в плен жителей, угоняли скот³⁴⁰.

Недалеко от города жили казаки-некрасовцы, которые поселились у Чопана-шамхала³⁴¹. В борьбе с ними принял участие аксайский «владелец» Султан-Махмуд. Когда «Чопан-шамхал принял к себе некоторых противников-казаков», аксайский владелец с братьями «вышли и часть оных убив, а других поймав, терскому управителю вручили»³⁴². Также дядя Султан-Махмуда Муртазали «принял было некоторых изменников казаков», однако Султан-Махмуд с братьями говорил ему, «чтоб он пришлых изменников и противных казаков при себе не держал, но поймав их», выдал бы царю³⁴³.

В 1708 г. для того, чтобы компенсировать сокращение терского гарнизона, в Терки перевели солдат из Астрахани – всего 55 человек, не считая офицеров. Также было принято решение оставить в Терках уже находившихся там солдат – 34 человека³⁴⁴. Численность терских стрельцов в результате нападения 1708 г. значительно сократилась, но даже в 1718 г. в городе находилось около 50 конных стрельцов (о пешеходных сведений нет)³⁴⁵. Численность терского гарнизона значительно уменьшилась. В 1717 г. в распоряжении терского коменданта был только 591 человек³⁴⁶.

В документах конца XVII – начала XVIII в. ни разу не упоминаются ни служилые казаки города Терки, ни «терские низовые казаки». Один раз, в документе о восстании 1705 г. идет речь о казачьей слободе³⁴⁷, но это название могло сохраниться с тех времен, когда рядом с Терками жили беломестные казаки.

Гребенские казаки в начале XVIII в. Точная численность гребенских казаков в начале XVIII в. неизвестна, есть только сведения о количестве гребенских казаков, получавших царское жалованье. Таковых в 1701 г. было 500 человек³⁴⁸, т.е. столько же, сколько было в конце XVII в. Их расселение в этот период установлено лишь приблизительно. В 1703 г. казаки жаловались на «владельца» дагестанского аула Эндирей Амирхана, который «приходил де на них войною»³⁴⁹. Он разорил и сжег семь казачьих городков и угрожал уничтожить остальные, т.е. до его нападения у казаков явно было более 7 городков. Это был, видимо, тот самый Амирхан, который в 1692 г. разгромил казаков-раскольников

на Сунже. Тогда он выполнял волю царя, переданную ему через княгиню Тауку Салтанбековну Черкасскую и его брата Муртазали, теперь же он воевал с гребенскими казаками по собственной инициативе.

Помощь казакам оказал терский воевода. Собрав владельцев соседних с казаками народов, он взял с них присягу на верность царю и обещание идти в поход на Амирхана, если он не признает власть царя. После этого Амирхану пришлось покориться, и угроза существованию гребенских городков была ослаблена³⁵⁰, хотя Амирхан продолжал строить планы по их уничтожению³⁵¹.

В источнике 1705 г. упоминаются 7 терских и гребенских казачьих станиц: Гладкова, Шадрина, «Челенская» (Червленая), Шевелева, Аристова, Яковлева и «Нижнева-Чермнова» (Нижняя Червленая)³⁵². Почти все эти городки (кроме Гладкова) известны по документам середины XVII в., и все они или почти все находились на Тереке. При этом Шевелев и Нижний Червленный городки уже в 1651 г. располагались на левом берегу Терека³⁵³. Поэтому в первой четверти XVIII в. на левый берег могли перенести только некоторые казачьи городки, а остальные уже находились там задолго до этого времени.

В 1705 г. казаки снова жаловались на нападения и угрозы соседних «владельцев» (включая и кабардинских князей, с которыми обычно они жили мирно): «И ныне у нас под городами люди градские пропадают, и у нас в казачьих городках казаки пропадают»³⁵⁴.

В 1717 г. гребенских казаков ожидало новое испытание – участие в походе в Хиву под предводительством находившегося на царской службе кабардинского князя Александра Черкасского (Бековича). Согласно царскому указу, в эту экспедицию должны были отправиться 500 гребенских казаков – весь состав войска, все казаки, получавшие царское жалованье³⁵⁵. Многие авторы не сомневались в достоверности этой цифры и повторяли ее в своих работах. Однако С.А. Козлов пришел к выводу, что фактически в походе приняли участие только 300 гребенских казаков³⁵⁶. Его мнение подтверждается также и недавно выявленными документами, хранящимися в архиве древних актов и в военно-историческом архиве, включая свидетельства самих гребенских казаков³⁵⁷. Но и 300 человек – это приблизительная цифра. Когда князь выступил в этот поход, в его отряде не доставало 221 гребенского казака из 500, т.е. было налицо только 279 человек³⁵⁸. Тем не менее, это составляло более половины всех получавших царское жалованье гребенских казаков.

Поход завершился катастрофой – князь Черкасский и часть его соратников были убиты хивинцами, а другие попали в плен и в многолетнее рабство.

Но сколько казаков вернулось из хивинского похода? С.А. Козлов склонен преуменьшать их потери. По его мнению, вместе с А. Черкасским до окрестностей Хивы дошли только 30 или 50 гребенских казаков, а другие остались в укреплениях, построенных по пути в этот город, и могли уцелеть³⁵⁹. Однако, согласно найденному в РГАДА документу, в 1718 г. сами гребенские казаки писали царю: «... выслано на службу с князь Александром Черкасским 300 человек и все пропали»³⁶⁰. То есть никто из гребенских казаков, ушедших в этот поход, домой не вернулся. Точнее, несколько человек возвратилось много лет спустя, когда они были выкуплены из рабства³⁶¹.

И еще один вопрос – сколько казаков проживало на Тереке после похода? На этот счет существуют противоречивые свидетельства. Так, сами гребенские казаки писали, что их осталось только 200 человек³⁶², а терский комендант Заезерский насчитывал их менее 1000³⁶³. Видимо, в этот период в гребенских станицах кроме казаков, получавших царское жалованье, было много тех, кто его не получал (хотя, по свидетельству того же коменданта, пришельцы, такие как донские и яицкие казаки, в гребенские городки не принимались). В своей оценке собственной численности гребенские казаки учитывали только тех, кто состоял на службе и получал жалованье, а комендант – и других жителей станиц.

Но в любом случае хивинский поход значительно ослабил гребенское казачество, тем более, что с князем Черкасским ушли «лутчие люди»³⁶⁴. Этим не преминули воспользоваться их соседи. По словам казаков, узнав, «что осталось их малоллюдно, Орды многие... приходят на их городки войною и хотят вконец разорить и с Терка согнать и сами построятся, и живут они ныне по островам. И реки не здадут...»³⁶⁵. Очевидно, в этот период казаки воспринимали защиту своих городков как дело государственной важности. Среди тех, кто нападал на них, казаки называли чеченцев, мерезинцев, аксайцев, кумыкских «владельцев»³⁶⁶. Казаки оказались в очень тяжелом положении и посылали на Дон и к Петру I отчаянные призывы о помощи³⁶⁷.

Царь неоднократно издавал указы о поддержке гребенских казаков и защите их от неприятелей³⁶⁸. Но ближайший к казакам город Терки не имел возможности их «оберегать» по причине его собственного «малоллюдства»³⁶⁹. Возможно, что именно в этот сложный для казаков период они окончательно оставили правобережье Терека, поскольку больше не в состоянии были его защищать. И тогда же, видимо, сократилось и количество их городков. Если в 1705 г. было не менее семи казачьих городков, то к 1720 г. их осталось только четыре: Червлёный, Шадрин, Курдюков и Гладков³⁷⁰. Городки Шевелев, Аристов, Яковлев и Нижний

Червлёный исчезли навсегда, но появился городок, который не упоминался в 1705 г. – Курдюков. Его, однако, трудно назвать новым, потому что Курдюкова станица существовала уже в 1644 г.³⁷¹

В 1719 г. на Кавказ прибыли несколько сотен яицких казаков для защиты гребенских городков³⁷². В 1720 г. гребенским казакам оказали помощь донские казаки и кабардинцы – состоялся их совместный поход в Чечню³⁷³. В том же году чеченцы и аксайский «владелец» Салтан Махмуд решили прекратить враждебные действия и «быть в миру с казаками», однако казаки им не доверяли и просили, чтобы свидетелями при заключении мирного соглашения были кабардинские князья³⁷⁴.

Другие соседи казаков продолжали свои нападения на них. В конце 1720 г. кумыкские владельцы «Амзин сын Кибек да Чепана шевкала сын» выступили против казаков – «приходили войною» под казачьи городки Курдюков и Гладков, угнали весь скот и взяли в плен 6 казаков³⁷⁵.

В апреле 1721 г. на Курдюков городок опять напали «неприятельские люди», среди которых были ногайцы, кумыки и «другие горские жители многим собранием». Городок осадили. Силы были явно неравны – казаков, больших и малых, «которые умеют стрелять из ружья», насчитывалось около двухсот человек, а их противников – несколько тысяч. Осаждавшие не только обстреливали казаков, но и «метали на стрелах в городок огонь для пожара»³⁷⁶. Однако казаки копали колодцы и тушили пожары, а также из пушки обстреливали нападавших, нанося им большой урон. Узнав, что к Курдюкову городку идут на помощь казаки других станиц, осаждавшие отступили.

К осени 1721 г. на Терек прибыли 960 донских казаков и начали военные действия против соседей гребенского казачества³⁷⁷. Их появление обеспечило безопасность гребенским городкам. В 1721 г. был также принят указ: «Донским и Яицким и Гребенским казакам быть в ведении в Военной Коллегии»³⁷⁸.

Основным итогом первого периода истории терского казачества явилось формирование группы гребенских казаков, проживавших в 1720 г. в четырех станицах. Это была та самая группа, которая в XVII в. называлась «терские и гребенские казаки». Впоследствии слово «терские» из названия исчезло.

Первые документальные свидетельства появления казаков на Кавказе относятся ко второй половине XVI в. Этих казаков называли терскими. Название «гребенские казаки» в источниках конца XVI – начала XVII в. не встречается. Только в 1614 г. впервые упоминаются казачьи городки, расположенные «в гребенях», т.е. в горах, а в 20 гг. XVII в. появляется и название «гребенские казаки». Никаких четких границ

между терскими и гребенскими казаками не существовало. Они входили в состав единого казачьего войска, что вполне закономерно, учитывая небольшую численность казачества Северного Кавказа.

Казаки в XVII в. проживали в небольших «городках», каждый из которых насчитывал 20–30 семей. Территория расселения казачества была обширной – от дельты Терека до урочища Моздок и, возможно, Татаргупа. Казачьи городки неоднократно меняли место своего расположения, одни из них исчезали, другие появлялись. К концу XVII в. территория казачества значительно сократилась, многие городки прекратили свое существование.

Гребенскими казаками становились выходцы из разных русских земель. Это были бывшие стрельцы, посадские люди, беглые холопы, служилые казаки, донские, волжские и запорожские казаки. Состав казачества пополнялся также за счет освобожденных из плена русских людей, а также за счет народов Кавказа.

Кроме «вольных», на Кавказе в XVI–XVII в. существовала группа служилых терских казаков. Сначала их называли «жилецкими», а затем «беломестными». К концу XVII в. эта группа прекратила свое существование.

С самого момента появления казаков на Кавказе их связывали сложные отношения с народами региона. Казаки были соратникам одних кавказских «владельцев» и их подданных и противниками других. Как правило, казаки поддерживали тех из местных правителей, кто признавал царскую власть, и враждовали с «государевыми непослушниками». Казаки торговали с соседними народами, бывали в их селлах, а жители Кавказа – в казачьих «городках». В то же время столкновения между ними не были редкостью. Терские воеводы постоянно выслушивали их взаимные обвинения. Казаки жаловались на нападения, угон скота, захват людей, а их соседи – на грабежи и убийства, совершенные казаками. Давление со стороны горцев привело к значительному сокращению территории расселения казачества и концентрации их сил в четырех крупных станицах вместо множества небольших городков.

Появление терско-семейного и терско-кизлярского казачества (1722–1763 гг.)

Персидский поход и казаки. В 1722 г. начинается Персидский поход Петра I, положивший начало новому периоду истории терского казачества. Царь осмотрел город Терки и решил его упразднить по

причине неудачного расположения³⁷⁹, а вместо него «при реке Сулаке, 20 верст от устья она, на том месте, где река Аграхань от она отделяется, заложить новую крепость, Святого креста называемую»³⁸⁰.

В источниках 1722 г., обнаруженных еще П.Л. Юдиным, после долгого перерыва вновь появляются казаки города Терки. Они принимали участие в Персидском походе³⁸¹. Их было тогда очень немного – только 167 человек к концу 1722 г. Затем их численность была доведена до 200, для чего в их состав были зачислены находившиеся в Терках «конные солдаты»³⁸². Вполне вероятно, что и до этого случая терскими казаками становились бывшие солдаты. В XIX в. это станет обычной практикой, но и при Петре I эта мера тоже применялась.

Кроме солдат казаками, видимо, стали бывшие терские стрельцы. Во всяком случае, в одном из документов 1708–1709 гг. упоминается Максим Усок – сотник терских конных стрельцов³⁸³. К 1722 г. Максим Усок стал терским казачьим «головой»³⁸⁴. Вместе с ним и другие стрельцы могли превратиться в казаков. Таким образом, казаки города Терки XVIII в. не были потомками служилых казаков, как полагал П.Л. Юдин. Не были они и потомками «низовых терских казаков», о чем писали и продолжают писать многие авторы. Это были бывшие солдаты и стрельцы, что во многом предопределило особенности структуры и системы управления этой группы казачества.

Терские казаки были разделены на 2 сотни, у каждой из которых был свой «голова», но вскоре сотни переименовали в роты, а «голов» – в ротмистров. Кроме того, в Терках были созданы еще две роты. В состав одной из них вошли 14 «дворян», 39 «новокрещен» и 1 «кормовой иноземец». Вторая объединила четверых «мурз», 25 узденей и 40 служилых «окочен»³⁸⁵. Судя по всему, в первой из этих двух рот служили христиане, во второй – мусульмане. Общая численность служилых людей (включая казаков) составляла 323, а вместе с ротмистрами – 327 человек. Когда-то в Терках одних только «окочан» было больше, не считая стрельцов и казаков.

С началом Персидского похода на Кавказе появились части регулярной армии, донские и «малороссийские» казаки, калмыки. Существованию гребенских городков более ничто не угрожало. Но гребенским казакам тоже пришлось принять участие в этом походе³⁸⁶, что привело к новым потерям, хотя и не столь катастрофическим, как в хивинском походе.

В 1723 г. Петр I решил переселить гребенских казаков с Терека на Сулак, к строящейся крепости Святого креста, а на их место перевести казаков с Дона³⁸⁷. Однако гребенцы воспротивились этому решению, и

даже была опасность того, что они могут уйти на Кубань, к некрасовцам³⁸⁸. Поэтому вскоре царь изменил свое решение – гребенских казаков оставили на месте, а на Сулак переселили донских казаков.

К 1725 г. появился пятый гребенской городок. Еще П.Л. Юдин более ста лет назад нашел в Астраханском архиве сведения о том, «что казаки Гладковские получали в 1722 г. жалованье только на одну эту станицу, но в 1725 г. требовали они его на две: Старогладковскую и Новогладковскую»³⁸⁹. Возможно, что к этому времени численность гребенского казачества увеличилась за счет зачисления в его состав новых казаков, что и сделало необходимым основание новой станицы. Есть сведения, что в 1725 г. гребенских казаков было «400, или мало больше»³⁹⁰.

Царь также решил увеличить численность казачества на Кавказе за счет донских казаков. Указами от 3 декабря 1723 и 13 января 1724 г. было «велено из Донских казаков с запольных речек перевести 500 семей на Аграхань, 500 семей на Гребени». Но затем, после того как гребенские казаки отказались переселяться на Аграхань, всех донских казаков поселили «от крепости Святаго Креста по Сулаку до морского устья 500 семей, да от крепости Святаго ж Креста по Аграхане 500 семей»³⁹¹. По Сулаку были расположены три городка донских переселенцев, по Аграхани – два.

Как писал генерал-майор Кропотов, «из Донских сюда прибыло настоящих козаков весьма немного, а протчие являются помещицьи беглые, которые к военному делу весьма незаобыкновенны»³⁹². Но с первых же дней пребывания на Кавказе казакам пришлось принимать участие в военных действиях. Они столкнулись с враждебностью соседних «владельцев», которые организовали нападения на их городки, убивали их и брали в плен, угоняли скот. Уже к 23 января 1725 г., т.е. всего за несколько месяцев жизни в новых городках, казаки потеряли 822 лошади³⁹³. В начале 1725 г. «горские неприятельские люди» напали на верхний Сулакский городок. Его с трудом удалось отстоять. Тогда же от городка угнали 203 лошади и 101 корову³⁹⁴. И после этого случая нападения продолжались. От верхнего Аграханского городка «последней скот отогнали»³⁹⁵. По этой причине было принято решение укрупнить казачьи городки и переселить всех казаков с Сулака на Аграхань. Уже в апреле 1725 г. генерал-майор Г.С. Кропотов писал, что «поселенные по Сулаку донских казаков три городка сведены в два, поселенные по Аграхани»³⁹⁶. К 1727 г. казаки жили в трех городках, в одном из них строилась церковь. Именно эта группа казачества называлась аграханскими казаками, что доказывают документы Верховного тайного совета³⁹⁷.

В сентябре-октябре 1725 г. состоялся поход под командованием генерал-майора Г.С. Кропотова на владения шамхала Тарковского. Долгое время шамхал был одним из самых лояльных России дагестанских «владельцев» и встретил появившегося на Кавказе Петра I дорогими подарками. Однако пребывание русских войск на его земле изменило его позицию. Он был недоволен тем, что солдаты и казаки грабили и убивали его подвластных, отбирали у них рабов³⁹⁸. Он жаловался на того же Г.С. Кропотова, который отнял у него несколько ногайских аулов, приносивших шамхалу большой доход³⁹⁹. Подданные шамхала принимали участие в нападениях на казачьи городки и на крепость Святого креста, а его сыновья и он сам командовали ими.

Во время своего похода на шамхала генерал-майор Кропотов «двадцать деревень разорил и жег»⁴⁰⁰. В этих аулах было в общей сложности 5640 дворов⁴⁰¹. Как он сам писал, «в реченных деревнях после разорения нашего ничего не имеется»⁴⁰². Был также занят, разрушен и сожжен город Тарки⁴⁰³. В последующие месяцы подобные походы повторялись. В них принимали участие и гребенские казаки, и казаки города Терки⁴⁰⁴. Шамхал был вынужден сдаться и был отправлен в ссылку «к городу Архангельску»⁴⁰⁵.

И.В. Курукин считает нападения народов Дагестана на крепость Святого креста и соседние казачьи городки, а также ответные походы Г.С. Кропотова началом Кавказской войны⁴⁰⁶. Можно согласиться с тем, что действия обеих сторон в этот период имели много общего с военными конфликтами XIX в. на Кавказе.

Еще одной группой казачества при крепости Святого креста были казаки города Терки. 22 сентября 1724 года был издан указ, «коим подтверждается повеление переводить с Терека и с Аграханского залива людей в оконченную уже крепость Св. Креста; предписывается сделать на Тереке редут только на 150 или на 200 человек с 4 пушками...»⁴⁰⁷. Но фактически переселение состоялось только весной 1726 г.⁴⁰⁸ Перед этим дворяне, новокрещены, мурзы, «окочане» и казаки, служившие в Терках, подали челобитную о выдаче им денежной помощи по случаю их перевода в крепость Святого креста. Их всех вместе взятых было, согласно материалам Верховного тайного совета, всего 323 человека⁴⁰⁹. Почти ту же цифру приводит П.Л. Юдин, основываясь на документах Астраханского архива: перед отправкой в крепость Святого креста переселенцам выделили пособие на 317 человек⁴¹⁰. Многие авторы писали о том, что в Терках в последние годы существования города служила 1000 казаков. Эта же цифра приводится в некоторых нарративных источниках⁴¹¹. Однако в данном случае более надежными

представляются материалы Верховного тайного совета и Астраханского архива, связанные с выплатой денежных средств.

Терские казаки поселились в двух верстах от крепости Святого креста⁴¹², им было «определено жить в старой крепости; и где базар был, там они строятся»⁴¹³. Когда войско Петра I высадилось на Сулаке, оно сразу же возвело небольшое укрепление, а год спустя началось строительство большой крепости. После завершения ее основной гарнизон был переведен туда, а в «старой» малой крепости поселились терские казаки вместе с «окочанами» и «новокрещенами», «мурзами» и «дворянами». Многие авторы писали о том, что терские казаки поселились в нескольких городках по Аграхани, но документальные и нарративные источники опровергают это мнение. Новое поселение терских казаков иногда называли «окоцкой» слободой, как и при городе Терки.

В 1727 г., согласно указу Екатерины I, командование «над нерегулярными аульными и переведенными с Терка окочаниями, козаками и протчими»⁴¹⁴ получил кабардинский князь Эльмурза Черкасский, брат Александра Черкасского (Бековича), погибшего в Хиве. Под его началом оказался этот небольшой по численности, но сложный по своему национальному, конфессиональному и социальному составу отряд, включавший в себя и казаков. Это был редкий для России XVIII в. случай, когда мусульманин получил власть над христианами. Он добивался этой должности на протяжении нескольких лет⁴¹⁵.

В 1727 г. в крепости Святого креста «явилась опасная болезнь», которая привела к огромной смертности и сокращению численности гарнизона крепости и соседних казачьих городков. В 1734 г. в команде князя Эльмурзы Черкасского остался только 171 человек, в том числе 99 казаков вместо 200⁴¹⁶. Ту же самую цифру приводит С.А. Козлов, опираясь на другие документы⁴¹⁷. К 1735 г. из приблизительно 1000 семей донских казаков, переселенных на Аграхань, уцелели только 452⁴¹⁸.

Переселение к Кизляру. В 1735 г., после заключения Гянджинского договора между Россией и Ираном, крепость Святого креста была оставлена, и бывших донских казаков перевели к новому городу – Кизляру, где они поселились в трех станицах – Дубовской, Бороздинской и Каргалинской. Так была в основном сформирована новая группа казачества – терско-семейные казаки. Их называли «семейными», потому что они получали «хлебное жалованье» не только на служащих казаков, но и на детей⁴¹⁹.

Новое переселение нанесло еще один удар по их благосостоянию. Как жаловался в 1736 г. их атаман, при переселении к Кизляру «что было в прежних городках хоромного и протчего строения то все пожжено

без остатку а с собою перевести на новое место ничего не успели и ныне на новом месте...никаких городков и домов еще не построено и живут казаки з женами и з детьми в землянках с великою нуждою»⁴²⁰.

В Кизляр также перевели бывших терских казаков. Они разместились рядом с крепостью в «терской казачьей слободе»⁴²¹. Поблизости от них поселились «окочане», «новокрещены», «мурзы» и «дворяне». С того же 1735 г. решением генерала Левашова командовать этой разнородной группой вместе с Эльмурзой Черкасским должен был также подполковник Арсланбек Шейдяков⁴²². Он был сыном кубанского «мурзы», который перебрался к Теркам еще в конце XVII в. Арсланбек Шейдяков, видимо, попытался занять место Эльмурзы Черкасского. Однако уже в 1737 г., во время своего визита в Петербург, Эльмурза получил царский указ, который подтверждал его власть «над обретающимися при Кизляре терскими мурзами и окочены и другими нерегулярными военными людьми», включая и бывших казаков города Терки⁴²³. Арсланбек Шейдяков остался его помощником. И, хотя многие чиновники считали, что «христианом под властию оных магометан быть неприлично»⁴²⁴, но все же Эльмурзе удалось дослужиться до чина генерал-майора и сохранить власть над «нерегулярными кизлярскими войсками» до конца жизни. После его смерти это место занял его сын Темирбулат.

Казаки этого войска выполняли особые функции. Поскольку многие из них знали языки народов Кавказа, их часто отправляли «за всякими нужнейшими делами, для секретных разведаний» в Персию, в Крым, на Кубань, в Кабарду и в «разныя, отлежащая от здешнего края горские места, а временно и в Грузию...»⁴²⁵. Но это не означает, что они не несли военную службу. Они принимали участие в кубанском походе 1736 г.⁴²⁶ и в походе 1758 г. в Чечню⁴²⁷. Они также служили на форпостах, ездили с дозором⁴²⁸.

Гребенские казаки тоже принимали участие в военных походах вместе с регулярной армией, бывали в Грузии, в Кабарде, служили на многочисленных заставах и форпостах, доставляли почту, выполняли крепостные работы в Кизляре, служили при войсковой канцелярии, охраняли пороховые погреба и станичные склады и т.д.⁴²⁹

В 1744 г. гребенские казаки в составе команды бригадира П.Ф. Кольцова и майора Е.В. Татищева были в Кабарде⁴³⁰. В 1753 г. около 300 гребенских казаков сопровождали в Кабарду майоров И. Барковского и П. Татарова⁴³¹. В 1761 г. 49 гребенских и терско-семейных казаков отправились в Кабарду вместе с тем же майором Татаровым⁴³².

Для охраны так называемой «осетинской духовной комиссии», занимавшейся распространением христианства среди народов Северного

Кавказа, выделялся конвой и караул из казаков⁴³³. Этой комиссии на протяжении нескольких лет покровительствовали князя Малой Кабарды, она размещалась в кабардинском селе Борокове, где была построена церковь⁴³⁴. В этом же селе находился и казачий караул.

Казаков также посылали защищать некоторых кавказских «владельцев» по их просьбе. Казачий караул был в дагестанском селе Аксай⁴³⁵ и в чеченском ауле Топли⁴³⁶, у Девлет-Гирея Черкасского⁴³⁷ и у чеченского «владельца» Айдемирова⁴³⁸. К ингушам («киштинцам») кизлярский комендант тоже послал «одного Кизлярского дворянина и десять человек казаков»⁴³⁹.

Численность и пополнение казачества. К 1744 г. под командованием Эльмурзы Черкасского состояло 160 человек⁴⁴⁰, в том числе «терских казаков русских» было 90. Если же учитывать «неслужащих детей, братьев и племянников», а также отставных казаков, слуг и т.д., то их общая численность составляла 326 человек (только мужчин).

Тогда же гребенским казакам полагалось жалованье на 500 человек, но фактически их было 455⁴⁴¹. Точную численность населения гребенских станиц определить невозможно, поскольку имеющиеся данные противоречивы. В общей сложности в 5 гребенских станицах проживало от 1772 до 1857 человек (мужского пола)⁴⁴².

Кроме служивших и получавших жалованье казаков в станицах жили также их дети и другие родственники, отставные казаки. Еще одну группу составляли «вышедшие из плена болдыри». В гребенских станицах в 1744 г. их насчитывалось 78 человек. Среди них было много грузин. Только при станице Новогладковской жили 42 бежавших из неволи грузина с детьми. То есть они жили в станице семьями. Грузины населяли эту станицу и в последующие годы⁴⁴³. В XIX в. они будут составлять значительную часть жителей станицы, и будут приняты в состав казачества. В других станицах их было значительно меньше. Освободившихся из плена русских «болдырей» больше всего было в станице Курдюковской – 27 человек. Кроме того, в станицах жили также «малороссияне» – всего 14 человек, отставшие донские и яицкие казаки и др.

В трех терско-семейных станицах – Дубовской, Бороздинской и Каргалинской было 427 служащих, получающих жалованье казаков. Общая численность населения этих станиц составляла 862 или (по другому расчету) 868 человек (только мужчин)⁴⁴⁴. Кроме служащих, отставных казаков и детей в станицах также жили отставшие донские, волжские и яицкие казаки, малороссияне, слуги, «пришлые бурлаки» и др.

В целом же численность гребенских, терско-семейных казаков (получавших жалованье) и команды Эльмурзы Черкасского составляла в

1744 г. 1042 человека. Если же учитывать и других жителей казачьих станиц и слободы, то их общая численность была немногим менее 3 тысяч человек⁴⁴⁵.

Казачество и в этот период пополнялось приходящими из других мест людьми. В 1744 г. «пришлые люди» жили во всех гребенских городках. Среди них было несколько донских казаков, были также чугуевский и самарский казаки, был посадский человек из города Мурома⁴⁴⁶. Хотя власти время от времени высылали таких людей по месту их жительства, но кто-то из них мог войти в состав казачества.

Бежавшие или освобожденные из плена невольники также иногда становились казаками. Одного из бывших пленных звали Захар Иванов, он не помнил, откуда он родом, потому что еще ребенком был захвачен крымскими татарами и увезен на Кубань. Там он прожил около 25 лет. Потом, во время набега калмыков на Кубань, он был взят в плен уже ими. Калмыки продали его ногайцу, проживавшему недалеко от Кизляра. Затем Захару Иванову удалось освободиться за выкуп в 25 рублей, после чего он поселился в станице Дубовской, среди терско-семейных казаков. И когда поступил царский указ о выселении из казачьих городков всех «пришлых людей», он подал прошение о зачислении его в состав терско-семейного казачьего войска и просил при этом учесть, что собирается жениться на казачке⁴⁴⁷.

Другой бывший невольник по имени Казак был взят в плен ребенком вместе со своей матерью и братом и много лет жил в ногайском ауле на Кубани. Ему удалось бежать и после долгих приключений он пришел в Кизляр. Он хотел принять христианство, поскольку помнил, что был русским по происхождению, а жить хотел в станице Старогладковской⁴⁴⁸. Еще один беглый невольник родился в плену, но помнил, что родители его были русскими, и когда хозяин захотел продать его в Крым или в Кабарду, он бежал и пришел в Кизляр, пожелал принять христианскую веру и жить в Старогладковском казачьем городке⁴⁴⁹.

У одной из русских невольниц в плену в ногайском ауле родилась дочь, а когда девочке было 13 лет, они вместе с матерью освободились и поселились среди казаков. Несколько лет спустя девушка вышла замуж за казака станицы Старогладковской⁴⁵⁰.

У еще одного беглого по имени Федор Петров отец был «польской нации», а мать была «волошская земля», он родился уже на Кубани, в рабстве, но после побега остался в станице Старогладковской⁴⁵¹. То есть не только русские, но и беглые рабы другого происхождения могли остаться в станицах и превратиться в казаков.

В 1743 г. «бывшему в Кабарде Сеадет Гирей или Корач солтану кабардинцы помогли поймать и увести терских казаков, посланных от бывшей тогда в Кабарде российской команды в разъезд четырех человек»⁴⁵². Трех из них через какое-то время освободили, а четвертый «пропал безвестно». Кизлярский комендант князь Оболенский потребовал вместо него найти и освободить какого-нибудь русского невольника. Такого человека отыскивали⁴⁵³. Его звали Иван, он не помнил, сколько ему лет, откуда он родом, знал только, что «родился в России от русково отца и матери». Когда он был еще ребенком, то при набеге кубанского Бахты-гирея Солтана его взяли в плен, и он много лет прожил в рабстве на Кубани, а потом его продали «кабардинского узденя Азамата Тамбиева холопу черкашенину Жанбеку». После освобождения он желал «быть в христианском законе» и жить в одном из гребенских городков⁴⁵⁴.

Среди беглых рабов на Северном Кавказе больше всего было, видимо, грузин, которых очень часто похищали дагестанские горцы. Поскольку христиан, бежавших из плена в Кизляр или в казачьи станицы, никогда не возвращали их хозяевам, то многие из грузин и армян оставались жить в Кизляре, где были грузинская и армянская слободы. Но некоторые из грузин жили в станицах. Один из бежавших из плена грузин жить желал «в гребенского войска Червленском городке ибо тамо наши братья грузинцов множество есть»⁴⁵⁵. Как уже говорилось, больше всего грузин проживало в станице Новогладковской.

На Северном Кавказе было много также и иранских невольников. Но поскольку они были мусульманами, то их оставляли в Кизляре только при условии, что они принимали христианство. В противном случае их отправляли на родину или возвращали хозяевам. Так, кабардинским князьям были возвращены «бежавшие от них в Кизляр персидские пленники с надлежащею скромностию, дабы о том в шахской стороне известно не было»⁴⁵⁶. Но все же побеги рабов-иранцев тоже случались нередко, и некоторые из них селились в казачьих станицах.

В 1748 г. из Аксая бежали четыре раба-иранца, мусульмане, которые поселились «в казачьем городке в Новогладкове»⁴⁵⁷. В том же году из Кабарды бежали 2 раба, «которые заподлинно персицкой нацы а не грузинской»⁴⁵⁸. Они обосновались в Червленском казачьем городке.

Иногда к казакам приходили и невольники кавказского происхождения. В 1749 г. бежавший из Аксая «тавлинской природы ясырь» вместе с увезенной им девушкой жили в городке Новогладковском⁴⁵⁹. Один из крестьян кабардинского князя Кургоко Канчокина бежал от него, перешел православие и жил вместе с женой и матерью в станице Шадринской⁴⁶⁰.

Команда Эльмурзы Черкасского, превратившаяся со временем в терско-кизлярское войско, тоже пополнялась за счет выходцев из кавказских народов, только не беглых рабов, а свободных и даже нередко знатного происхождения людей. Один из них – Шолох Кайсинов – «будучи сын кабардинского владельца Кайсина Черкасского с 1731 года сперва в бывшей на Сулаке крепости, а потом в Кизляре содержался в аманатах, а по отпуске его в 1751 году в Кабарду и по некоторой там бытности паки возвратился в Кизляр и представил, что его братья Кабардинские владельцы к здешней стороне склонности не имеют, а более склонны к турецкой стороне, и затем он не хотя по данной от него при отпуске из аманатства присяге быть в неверности, приехал в Кизляр, желая быть в вечном подданстве, и просил о принятии его в службу»⁴⁶¹. Он был принят на службу ротмистром в терско-кизлярское нерегулярное войско. Вместе с ним служил ротмистр Адиль Черкасский, тоже родом из кабардинских владельцев. Майор Петр Татаров и «дворянин» Афанасий Батырев происходили из кабардинских узденей⁴⁶², отец Василия Черкесова был «из горских черкес из узденской фамилии»⁴⁶³. Отец Михаила Макарова был «грузинской нации из природных дворян»⁴⁶⁴. Грузином был и отец Ефрема Томазова⁴⁶⁵.

В этом войске служили и представители других национальностей, например, «кизлярской житель греческой нации Иван сын Федоров». Его отец приехал в крепость Святого креста, а затем в Кизляр, «где женился терского войска на дворянской дочери Макаровой» и он сам стал служить в этом же войске⁴⁶⁶. Туда же вступил «Семен Васильев сын Байгушев». Его отец был родом «польской нации, и живучи в Кизляре женился на кабардинке»⁴⁶⁷.

Отношения казаков с народами Кавказа в период от строительства Кизляра до строительства Моздока были более мирными, чем в предшествующий и последующий периоды. Хотя похищения скота и мелкие конфликты происходили постоянно, но крупные столкновения были редкостью. Среди них было нападение чеченцев в 1756 г. на Червленский редут, расположенный на правом берегу Терека. В 1758 г. русская армия вместе с казаками совершила поход в Чечню.

У станицы Червленной в середине XVIII в. появились новые соседи. Еще в 1750 г. князя Малой Кабарды Кургоко Канчокин, Гирей Мамматов и Ислам Ханов просили разрешить им вместе с подвластными (всего 300 дворов) поселиться «против гребенского Червленого городка около Теплого колодца»⁴⁶⁸. Гребенской атаман Борисов выступил против такого переселения по тем же самым причинам, по которым за столет до него казаки не хотели жить рядом с брагунцами или «уварскими

людьми». Они опасались со стороны новых соседей воровства, похищения людей. Кроме того, казаки станицы Червленной пользовались пахотными землями санными покосами и виноградными садами недалеко от Теплового колодца⁴⁶⁹, и боялись, что переселение кабардинцев в эти места нанесет им ущерб. Однако переселение не состоялось даже не по причине протеста гребенского атамана, а из-за отказа кабардинских крестьян покидать Кабарду⁴⁷⁰.

В 1754 г. с той же просьбой о переселении «в вершину Теплых вод» обратился Девлет-Гирей Черкасский, сын Эльмурзы Черкасского⁴⁷¹. В 1747 г. Девлет-Гирей был приглашен «во владельцы» в чеченский аул Герменчук⁴⁷², но затем жители аула перестали ему повиноваться. Атаман Борисов опять возражал, однако начальство решило, что у казаков достаточно земли на левом берегу Терека и разрешило Девлет-Гирею построить «кош» и поселиться у «теплых вод». Вскоре на новое имение Девлет-Гирея напали «горские люди» и разграбили его⁴⁷³. После этого Девлет-Гирей поселился на левом берегу Терека, выше станицы Червленной⁴⁷⁴, но затем вновь вернулся к Теплым водам. Со временем там появился аул, жителей которого казаки называли «гребенчуками» – искаженное название аула Герменчук.

Кроме «гребенчуков», ближайшими соседями казаков были также брагунцы, которые в конце XVII в. после долгого перерыва вернулись на Сунжу.

Торговля с соседними народами имела большое значение для казаков. Казаки покупали у них различные предметы одежды («чекмении», бурки, шубы) и домашнего обихода (например, колеса для арб), но особую ценность для них представляли лошади, необходимые им для военной службы. Продавали казаки в основном соленую рыбу, но и некоторые другие продукты⁴⁷⁵.

В 1748–50 гг. Щедринскому форпосту было «определено о пропуске гребенских казаков в Брагунскую деревню для мены и протчих их домовых нужд також и из Брагунской деревни брагунских жителей и протчих в Кизляр и в гребенские городки пропускать велено»⁴⁷⁶.

В 1748 г. из станицы Червленной сообщали, что «чеченцы не в малом караване прибыли на ту сторону для мены и протчего торгу»⁴⁷⁷. К сожалению, более подробных сведений об организации этой торговли не сохранилось.

Но существовали в тот период и препятствия для развития торговли. Жители Кавказа жаловались на высокие таможенные пошлины, которые они вынуждены были платить в Кизляре наравне с «чужестранными купцами»⁴⁷⁸. Неоднократно поднимался вопрос об их отмене.

Необходимость получать разрешение для пересечения границы, наличие форпостов также сдерживало передвижение людей и товаров. Особые сложности возникали при появлении эпидемических заболеваний или только опасности их появления. В 1755 г. к червленскому форпосту приехали люди кабардинского князя Батоки Алиева, их было всего 129 человек на 123 арбах. Они привезли на продажу свои товары: «чекмени кошмы бурки и овчины бараньи». Но слишком долгий карантин заставил многих из них отказаться от дальнейшей поездки: «Недельной карантин выдержали и не хотя еще больше стоять, насильством своим в свои места в Малую Кабарду... отбыли, только из вышеписанного числа владения князя Батоки Алиева осталось в карантине уздень ево Канчока Айдемиров всего и з ним черкес тритцать человек при них ароб тритцать»⁴⁷⁹.

Экономические связи между казаками и народами Кавказа не ограничивались торговлей. Бывало, что в казачьих станицах работали ремесленники из кавказских сел. В станицу Червленую приехали несколько человек «для кузнечных работ из девлетгиреева жилища»⁴⁸⁰. В том же Червленом городке находился кузнец, «холоп» кабардинского князя Джанхота Татарханова⁴⁸¹. В станице Шадринской жили двое «собственных людей» кабардинской княгини Таусултановой. Они находились там «для работы серебряного мастерства»⁴⁸². В станице Курдюковской жили кузнецы из Аксайского аула⁴⁸³.

Но бывали и случаи, когда казаки выполняли те или иные работы в кавказских селах. Чеченский «владелец» Расланбек Айдемиров, когда переселялся на Сунжу, просил для постройки дома прислать знающего «плотничное ремесло Червленской станицы казака Антона Гаврилова» и вместе с ним еще нескольких таких же мастеров⁴⁸⁴. Кизлярский комендант согласился выполнить его просьбу.

Не только экономические, но и личные, дружеские отношения, связывали казаков с народами Кавказа. Такие обычаи народов Кавказа как гостеприимство и куначество способствовали появлению и сохранению подобных отношений. Гость, кем бы он ни был, пользовался защитой и покровительством хозяина, но только до тех пор, пока находился в его доме. Если бы кто-то обокрал или убил гостя, то должен был заплатить выкуп не только пострадавшему или его родственникам, но и хозяину дома⁴⁸⁵. Куначество устанавливало более длительные отношения. Кунак – это друг, за которого при необходимости жертвовали «имуществом и жизнью»⁴⁸⁶. Русские жители Северного Кавказа, особенно казаки, имели друзей среди кабардинцев и других народов региона, причем «присяга между российскими и горскими

кунаками, сколько известно, в мирное время невредимо с обеих сторон соблюдается»⁴⁸⁷.

Куначество могло быть формой покровительства, которое оказывал более знатный или богатый более слабому и бедному. Куначество, как и гостеприимство, играло важную роль в межнациональных отношениях. Терско-кизлярские казаки, которые часто ездили по службе в различные кавказские «владения» должны были иметь кунаков в тех местах и тратить немалые средства на подарки. Князь Эльмурза Черкасский, кроме большого жалованья, получал также по 100 ведер вина в год для угощения кунаков⁴⁸⁸. Но и у других групп казачества бывали кунаки и гости из соседних и отдаленных аулов. Терско-семейные и гребенские казаки тоже получали вино «для викториальных дней и угощения приезжающих в войско Кабардинских и Горских князей»⁴⁸⁹. Сам факт получения вина для угощения кавказских князей-мусульман показывает, что к этому времени русские традиции застолья уже оказали влияние на народы региона.

Кабардинцы ездили «в казачьи гребенские горотки к канакам к своим для покупки харчеваго припасу»⁴⁹⁰. У казака станицы Курдюковской Кабаргина кунаком был житель кумыкского аула Аксай, которого звали Салтан⁴⁹¹. Казак станицы Шадринской Григорий Канонеров «убил в Кизляре человека и по той притчине бежал и обосурманился» и жил в ауле Истису (Горячевском) «у мичкизянина Абдуллы Кичиева»⁴⁹². Кизлярский комендант требовал выдать этого казака, однако жители аула отвечали, что «по их закону и обычаю отдать канака своего никак не можно»⁴⁹³. Но Григорию все же пришлось покинуть этот аул. Он переселился в Кабарду, и тогда уже у кабардинцев требовали его выдачи⁴⁹⁴. Чем закончились его приключения – неизвестно.

В ауле Истису жили три казака, бежавших из станицы Шадринской⁴⁹⁵. Известны и другие случаи перехода казаков к горцам⁴⁹⁶. В 1750 г. из станицы Червленной бежал казак с женою и с детьми и скрывался у «гребенчуков»⁴⁹⁷.

Тесные отношения установились у гребенских казаков с брагунцами, их ближайшими соседями. Брагунский владделец Будачей предупреждал казаков об угрозах чеченцев в их адрес⁴⁹⁸. После гибели другого брагунского владельца, Мудара Кучукова, его вдова и уздени сообщили об этом в станицу Шадринскую и просили прислать «для предосторожности и караулу казаков»⁴⁹⁹. Они опасались, что соседние владельцы, воспользовавшись случаем, нападут на них, а малолетние дети покойного не смогут защитить свой аул. Именно от казаков они ожидали помощи и защиты.

Но у казаков нередко бывали и конфликты с их соседями. Чеченцы угоняли скот от казачьих станиц⁵⁰⁰. В свою очередь, казаки принимали участие в нападениях на чеченские села. Терско-кизлярским, гребенским и терско-семейным казакам «велено было над ними чеченцами... всевозможные поиски производить, их беспокоивать, людей побивать и в плен брать, и стада отгонять...»⁵⁰¹.

Поскольку гребенские казаки жили когда-то на правом берегу Терека, то и после переселения на левый берег, они сохраняли свои права на земельные угодья и лес, расположенные на правом берегу. Эти земли неоднократно становились предметом споров и конфликтов между казаками с одной стороны и брагунцами и «гребенчуками» – с другой.

В 1746 г. брагунцы обвиняли казаков станицы Шадринской в том, что те завладели их «пахотными землями и сенными покосами також и бакчами», почему между ними произошел конфликт⁵⁰². Жалобы продолжались и после этого: «казаки поймав наших татар на сенных покосах и поотымали косы», а также забрали пять баранов, объявив, что они «якобы были на их хлебных землях» и т.д. Брагунцы просили наказать казаков или позволить им переселиться в другое место⁵⁰³. В 1748 г. брагунцы жаловались на то, что на их земле казаки вырубали лес: «а между де Терка и Сунжи рек казаки рубят весь лес и ничего не оставляют»⁵⁰⁴.

В 1755 г казаки станицы Червленной жаловались на Девлет-Гирея и его людей: «причинена казакам немалая обида в потравлении сенокосов и садов»⁵⁰⁵. Видимо, после конфликта с казаками Девлет-гирей переселился: «В бытность князя Девлетгирея Черкасакого с подвластными против Червленскаго городка казачьим пахотным местам и сеным покосам немалую обиду скотом потраву в их принадлежащих угодных местах чинили а ныне оной владелец жительством состоит у горячих теплых вод на прежнем своем месте и обиды некакой ныне непредвидитца»⁵⁰⁶.

Нередкими случаями в тот период были похищения скота и даже людей. В 1743 г. на Малке кабардинцы захватили 4 казаков⁵⁰⁷. В 1755 г. из станицы Червленной находившиеся «для кошения сена на той стороне реки Терка... казаки Федор Бирючков с малым братом неведомо какими горскими неприятельскими обывателми в плен взяты ...да и кроме оных четыре ж человека казаки ж Прокофий Ларионов с товарищи за рекою Терком для онаго ж сennaго покоса находились оными ж татарами уповательно что взяты...»⁵⁰⁸.

Угон лошадей был обычным явлением: «...в прошлом 743м году Каргалинской станицы у казаков покрадено несколько лошадей ис которых одна лошедь той станицы казаком Сидором Нестеровым в Андреевской

деревне у татарина опознана»⁵⁰⁹. В 1744 г. из табуна станицы Старогладковской было угнано 12 лошадей. Казаки преследовали похитителей и захватили одного из них. Это оказался «аксайского князя Албека уздень Кебек»⁵¹⁰.

Но и казаки иногда поступали так же. Какой-то казак отобрал волов у жителя Аксая⁵¹¹. В 1749 г. аксайцы узнали у казаков Червленского городка угнанных у них ранее лошадей. Но казаки отказывались вернуть этих лошадей и виновных не выдавали⁵¹².

В 1750 г. угнали лошадь у «гребенчуков» – «опознанная вышепоказанными гребенчуковскими жителми лошедь по объявленным от них приметам отыскана Щадринской станицы у казака...которая вышеозначенным гребенчуковцам еще не отдана ибо оной казак объявил что оная лошедь выменена им от них же гребенчуковцев в прошедшем марте месяце...»⁵¹³.

В XVIII в. существовали особые механизмы урегулирования конфликтов между казаками и их соседями. Конфликтующие стороны совместно обсуждали вопрос и принимали решение. Для этого представителей соседних народов могли пригласить на казачий войсковой круг: «при тому ж собрании были и аксайские князья с узденями и по прежним примерам положили, как отцы наши и деды с ними обходились и то будем помнить...»⁵¹⁴.

Для решения земельных споров между казаками станицы Щадринской и барагунцами привлекался подполковник Арсланбек Шейдяков, а также казачий атаман и «окоченские старики». «На Щадринской заставе капитан и казачьи старшины ...ссору разобрали и предложили, кто которыми землями напред сего владение имели, теми владеть»⁵¹⁵.

В случае конфликтов казаков с народами Кавказа иногда применялись нормы обычного права этих народов, такие как «баранта» – угон скота у обвиняемого в преступлении, чтобы вынудить его согласиться на судебное разбирательство и выполнение решения суда.

В 1750 г. атаман Борисов собирался с «гребенчиковцами расправу учинить барантою а без баранты ... они воров не объявят и лошадей в уплату не отдадут»⁵¹⁶. И у брагунцев казаки захватывали скот в баранту⁵¹⁷, и у чеченцев в 1755 г. один казак взял в баранту трех лошадей⁵¹⁸.

В некоторых случаях барантой называли захват людей. Когда в Кабарде похитили 4 казаков, то по приказу Кизлярского коменданта были захвачены несколько кабардинцев, и их отказывались отпускать до тех пор, пока казаки не были освобождены⁵¹⁹.

Еще одной обычно-правовой нормой, известной многим народам Кавказа, являлась «очистительная» присяга. В случае, если против

подозреваемого в преступлении не было улик и свидетелей, он мог поклясться в том, что не совершал его, и тогда освобождался от ответственности. В некоторых случаях применялась общая присяга жителей целого села. Такая присяга иногда использовалась при разбирательстве дел между брагунцами и казаками⁵²⁰. Представитель казаков приехал «в Брагуны, от каждого двара собрал по одному человеку, дали присягу и тем от него освободились, а ныне наших валов не отдают и по нашей присяге не верут и сами не присягают»⁵²¹. Судя по этим жалобам брагунцев, казаки не всегда доверяли такому методу разрешения конфликта.

В отношениях казаков с соседними народами применялась и такая норма обычного права народов Кавказа как выкуп или штраф за преступление, в том числе и за убийство. Брагунские владельцы и казаки станицы Червленной заключили договор о том, что, если казаки этой станицы нечаянно ранят брагунского жителя (или брагунцы – казака), то виновные должны заплатить 50 рублей за кровь, а в случае неумышленного убийства – 100 рублей⁵²². Казаки станицы Курдюковской заплатили 100 рублей за убитого ими мичкизянина⁵²³.

Не только правовые, но и моральные нормы казаков сближали их с народами Кавказа. Как писали о казаках, «они гнушались воровством между собою, но грабеж на стороне, особенно у неприятелей, был для них вещь обыкновенною. Трусов не терпели, считая первейшею добродетелью храбрость»⁵²⁴. Такая характеристика может относиться ко многим народам Северного Кавказа.

Основным итогом второго этапа формирования терского казачества явилось формирование двух групп – терско-семейного казачьего войска, бывших донских казаков, размещавшихся в трех станицах к западу от Кизляра – Дубовской, Бороздинской и Каргалинской, и малочисленного терско-кизлярского войска, в состав которого входили бывшие казаки города Терки, а также «окочане», новокрещены и др. В середине XVIII в. численность казачества оставалась очень небольшой. На Тереке было 8 казачьих станиц – 5 станиц гребенских казаков и 3 – терско-семейных. Кроме того, при Кизляре располагалось терско-кизлярское войско.

Волжские и донские казаки на Кавказе (1763–1818 гг.)

Основание Моздока. Началом нового этапа в истории казачества можно считать 60 гг. XVIII в., когда политика России на Кавказе вновь

активизировалась, что было связано в первую очередь с обострившимися противоречиями с Турцией, вылившимися в несколько русско-турецких войн. В этих условиях Россия была заинтересована в увеличении численности казачества, в котором видела опору своей власти.

В 1759 г. малокабардинский князь Кургоко Канчокин, который за несколько лет до того хотел обосноваться напротив станицы Червленной, принял христианство и обратился к русской администрации на Кавказе за разрешением поселиться вместе с подвластными на левом берегу Терека между урочищами Моздок и Мекен. В 1762 г. он получил разрешение переселиться в урочище Моздок⁵²⁵. В следующем году там началось строительство крепости. Переселение Кургоко Канчокина в Моздок положило начало формированию групп моздокских кабардинцев и осетин. Многие из «холопов» бежали в Моздок, чтобы получить свободу. Кроме них в Моздоке селились также грузины и армяне и др.

В 1764 г. Моздокский комендант получил распоряжение «писать в казаки» всех желающих из числа крещеных осетин, кабардинцев и ингушей («киштинцев»)⁵²⁶. В 1765 г. Екатерина II утвердила доклад Коллегии иностранных дел «О прибавке пособия горским выходцам для поселения в урочище Моздок, о приеме желающих в службу и о пожаловании им чинов и жалованья». Согласно этому документу⁵²⁷, горские «старшины», переселившиеся в Моздок, должны были получать различные чины в зависимости от их знатности и заслуг, а простых горцев при их желании планировалось «писать в казаки»⁵²⁸. Кизлярский комендант Потапов предлагал принять на службу 200 рядовых казаков из горцев и 14 «старшин», но, по мнению Коллегии иностранных дел, «для первого случая» достаточно было и 100 казаков с шестью «старшинами». Этот план и был одобрен. Созданное подразделение стало называться моздокской горской казачьей командой. Однако на протяжении длительного времени это подразделение не могло достичь предписанной численности.

Некоторые из кабардинцев и осетин, живших в Моздоке, действительно становились казаками. Так, в 1766 г. крещеный осетин Андрей Джангонбеков подал «доношение» о желании его «вступить в службу Ея Императорского Величества казаком»⁵²⁹. Его просьба была удовлетворена⁵³⁰, однако желающих последовать его примеру было немного. В октябре 1767 г. в Моздоке насчитывалось всего 22 казака и один хорунжий из числа новокрещеных осетин и кабардинцев⁵³¹. Некоторые представители власти пытались принуждать их к казачьей службе, угрожая арестом⁵³², однако и это не помогло. Несколько кабардинцев даже бежало из Моздока назад в Кабарду⁵³³, и численность казачьей

команды увеличивалась очень медленно. В 1799 г. в состав «Моздокской штатной набираемой из горцев» казачьей команды входил (включая и офицеров) всего 61 человек⁵³⁴.

Переселение волжских и донских казаков. При такой малочисленности казаков-горцев их было недостаточно для обороны Моздока и прилегающих к нему территорий, поэтому в 1770 г. было принято решение «перевести в сию крепость и в оной поселить 100 человек из живущих на Дону сказочных казаков»⁵³⁵. Они должны были служить в крепостной артиллерии. Так было положено начало станице Луковской.

Тем же документом предписывалось «из поселенного по Волге между Царицыным и Дмитриевском Волжскаго войска, котораго всего 1057 семей, перевести 517 семей по равному числу из каждой их станицы и поселить около Моздока по реке Тереку вниз между сим местом и последним Гребенским городком Червлёным, приказав тамошнему коменданту разделить их на 5 станиц»⁵³⁶. Переселенные с Волги казаки основали станицы Мекенская, Наурская, Ищерская, Галюгаевская и Калиновская и составили Моздокский казачий полк. Волжские казаки – это в большинстве своем бывшие донские казаки. Еще в 1733 г. по царскому указу 1057 семей донских казаков были переселены на Волгу⁵³⁷. Среди них было только 520 «природных донских» казаков, а остальные – это «сходцы», т.е. недавние пришельцы, в состав которых входили как «великороссияне», так и «малороссияне». После своего перевода на Кавказ волжские казаки сохраняли одежду, обычаи, образ жизни, сходные с обычаями донских казаков⁵³⁸. Кроме того, в каждую станицу Моздокского полка переселили по 50 семей донских казаков⁵³⁹. В 1776 г. в 5 станицах Моздокского полка насчитывалось в общей сложности 767 казаков⁵⁴⁰. Новые станицы образовали укрепленную линию между гребенской станицей Червлёной и Моздоком.

Из них не было сформировано новое казачье войско, они составили Моздокский казачий полк. Вместо выборного атамана (какие были в тот период в терско-семейном и гребенском войсках) у них появился назначенный начальством командир полка.

В 1776 г. Астраханский губернатор князь П.С. Потемкин в своем докладе обратил внимание на то, «что от Моздока до Азова простирающаяся на 500 верст граница против Черкес и Кубанцев совсем не прикрыта». Он предложил переселить на Кавказ оставшихся волжских казаков и разместить их в 6 станицах⁵⁴¹. Этот план был одобрен Екатериной II, но в него были внесены изменения: вместо 6 решено было создать 10 новых станиц, и кроме волжских переселить на новую укрепленную линию также и хоперских казаков⁵⁴². В 1777–79 гг. на

новой укрепленной линии были построены крепости, рядом с которыми были основаны казачьи станицы.

В станицы Екатерининскую, Марьинскую, Павловскую, Георгиевскую и Андреевскую, как и в ранее созданные, переселили волжских казаков. Казаки этих станиц составили волжский казачий полк с такими же порядками, как в моздокском полку.

В станицы Северную, Ставропольскую, Московскую и Донскую поселили хоперских казаков, которые немногим отличались от донского казачества. Из них образовали еще один казачий полк – хоперский. Впоследствии этот полк войдет в состав Кубанского казачьего войска, только часть казаков переселят в терские станицы.

Отношения с народами Кавказа. Строительство Моздокской крепости и новых станиц вызвало недовольство кабардинских князей. Они неоднократно писали и даже направляли в Петербург делегацию с просьбой упразднить эту крепость⁵⁴³, но получили отказ.

Во время русско-турецкой войны в 1774 г. крымско-турецкое войско (в составе которого были и казаки-некрасовцы) попыталось взять штурмом станицу Наурскую, однако было отбито с большими потерями⁵⁴⁴. На стороне Турции и Крыма в этом походе участвовали и некоторые из кабардинских князей. Во время этой войны пострадали и другие станицы. Как впоследствии вспоминали казаки, «едва только успели построить селения и завести домостроительство и хлебопашество, как нашедшею в первую Турецкую войну 18-ти-тысячною силою Кабардинцев и других горских народов 3 станицы: Галюгаевская, Ищерская и Мекенская, со всеми нашими заведениями преданы огню, многие люди убиты и увлечены в плен...»⁵⁴⁵. Примечательно, что казаки во всем обвиняли кабардинцев и «горские народы», роль Крыма и Турции в этих событиях, видимо, стерлась из их памяти.

В 1775 г. терско-кизлярские и моздокские казаки принимали участие в походе на каракайтагского уцмия. За год до этого уцмий задержал у себя известного ученого и путешественника С.-Г. Гмелина, который вскоре умер⁵⁴⁶. Военная операция была предпринята для «наказания» уцмия. Во время этой экспедиции погиб командир терско-кизлярского войска Темирбулат Черкасский, сын Эльмурзы Черкаского. Его место занял майор того же войска Петр Татаров⁵⁴⁷. Он был кабардинцем, принявшим христианство, служил в Терках, затем в крепости Святого креста и в Кизляре.

В 1776 г. «состоящие в Астраханской губернии нерегулярные войска», включая гребенское, терско-семейное и терско-кизлярское, были объединены по общим командованием премьер-майора Ивана Большого

Горича (или Горина)⁵⁴⁸. Он тоже служил в терско-кизлярском войске в качестве «дворянина». Его отец в этом же войске был ротмистром⁵⁴⁹. Предки Горича, видимо, жили еще в городе Терки. Во всяком случае, в списке «новокрещен» г. Терки за 1701 г. значится Федор Горин⁵⁵⁰.

После строительства крепостей Азово-Моздокской линии отношения царской администрации с кабардинскими князьями окончательно испортились. Они не без оснований видели в крепостях угрозу своей власти. Теперь любой недовольный княжеской властью легко мог найти убежище в этих укреплениях. Кроме того, новая линия отрезала от Кабарды часть пахотных земель и обширные степные пастбища, которые доходили до реки Кумы⁵⁵¹. Создание этой укрепленной линии явно вело к политическому подчинению народов Кавказа, что явилось причиной вооруженных столкновений между ними и русскими войсками.

Кабардинские князья неоднократно просили снести крепости, а когда получили отказ, то попытались захватить и уничтожить их, но потерпели поражение. В 1779 г. генерал И. Якоби разбил кабардинское войско, которое понесло тяжелые потери. Кабардинцам пришлось смириться с существованием укрепленной линии, заплатить большую контрибуцию и дать новую клятву верности российскому престолу. В боях против кабардинцев принимали участие не только казаки Волжского и Хоперского полков, но и пришедшие им на помощь гребенские и терско-семейные казаки⁵⁵². Тогда же казаки Моздокского полка во главе со своим командиром Савельевым выступили против Малой Кабарды, которая «также отложила от Российского подданства», и принудили ее «переселиться на прежние места и на верноподданство учинить присягу»⁵⁵³.

Отношения между казаками и кабардинцам долгое время оставались напряженными. Похищения и убийства людей, угон скота были обычными событиями. Вопреки сложившемуся мнению, не только народы Кавказа, но и казаки нередко угоняли скот, и иногда они делали это по распоряжению высшего командования. В 1779 г. генерал Якоби своим секретным приказом послал казаков, живших при крепости Георгиевской, «для отгону черкесских табунов», которые паслись на р. Барсуклы: у недавно переселенных на Кавказ казаков было мало лошадей⁵⁵⁴. В том же 1779 г. табунщики князя Джанхота Татарханова сообщали, что выехавшие из крепости Екатерининской люди отогнали из их табуна несколько лошадей и загнали их в крепость⁵⁵⁵. Казаки станции Ищерской угнали двух быков у остановившихся поблизости от станции кабардинцев⁵⁵⁶. Подобных случаев было множество.

Кабардинские князья жаловались на то, «что казаки везде у подвластных их людей грабят скот и всякие вещи; начальники их, находящиеся на кордонах, берут с кошей насильно баранов, и ежели противятся сей их наглости, то бьют оных нещадно, а когда поодиночке ездят в своих границах на хороших лошадях, то убивают до смерти и берут их лошадей и все оружие без всяких причин; а также когда подвластные их приезжают в казачьи станицы, города и обывательские селения, то причиняют им несносные обиды и притеснения»⁵⁵⁷.

Указ Екатерины II обращал особое внимание на отношение армии и казаков к народам Кавказа, предписывая «наблюдать, чтобы ни от войск наших, ниже от казаков, на линии обретающихся, не было чинно ни малейшее притеснение ни обиды Горцам, приезжающим в крепости наши, наистрожайше подтверждая, чтоб начальники военные, полевые и гарнизонные не попускали подчиненных своих ни на какие своевольства против Кабардинцев и иных горских народов, отогнанием табунов, хищением и тому подобным образом...»⁵⁵⁸. Но, видимо, эти правила не всегда соблюдались.

В конце XVIII в. военные походы частей русской армии для покорения народов Северного Кавказа стали были обычным явлением. В 1783 г. казаки принимали в походе на чеченский аул Атаги, который был сожжен. В результате жители этого и нескольких других аулов принесли присягу на верность царю⁵⁵⁹. В 1785 г. в Чечне началось движение шейха Мансура. Несколько раз он пытался захватить Кизляр, но потерпел неудачу. Казаки вместе с частями регулярной армии принимали участие в походе в Чечню против шейха Мансура, защищали Кизляр и форпосты. При отражении одного из нападений на Кизляр особенно отличились терско-кизлярские казаки во главе с князем Бекевичем-Черкасским, еще одним сыном Эльмурзы⁵⁶⁰.

Казаки участвовали и во многих других военных экспедициях. Так, казаки станицы Екатериноградской в 1781 и 1784 гг. ходили в походы «против горских народов», в 1785, 1790 и 1790 гг. – против кабардинцев. И это не считая нескольких закубанских походов⁵⁶¹.

Некоторые военачальники понимали, что военные действия не приносят желаемых результатов. Как писал генерал-лейтенант Кнорринг о чеченцах, «репрезалии делали в них одно только неукротимое раздражение, пользы же почти никогда»⁵⁶². Тем не менее, военные действия против народов региона продолжались на протяжении многих лет, и казаки принимали в них активное участие.

Однако и в этот период отношения казаков с народами Кавказа не сводились к конфронтации. «Девлет-гиреева деревня» по-прежнему

находилась недалеко от станицы Червленной. Жители ее поддерживали тесные связи с казаками и заключали с ними договоры о разграничении земельных угодий⁵⁶³.

Во второй половине XVIII продолжалось расселение чеченцев по правобережью Терека, где они становились соседями казаков. В 1778 г. алдинцы переселились на Сунжу, в 1779 г. гехинцы поселились напротив казачьей станицы Наурской⁵⁶⁴, поблизости от них появилось еще несколько чеченских сел⁵⁶⁵. Рядом с «Девлет-гиреевой деревней» вырос аул Новый Юрт. Развивалась торговля. Казаки моздокского полка, по их словам, получали «общую выгоду от мирных Чеченских деревень, поселенных на той стороне р. Терека, жителями которых привозилась на продажу черная нефть для мазанья тележных колес и продавалась вольною ценою»⁵⁶⁶.

В 1781 г., согласно указу Екатерины II, уздень Большой Кабарды Арслан-Гирей Бабуков получил право вместе со своими подвластными, с их семьями и «со всем их хозяйством перейти по сю сторону реки Малки и поселиться на прежнем его месте, где он пред сим и предки его жили»⁵⁶⁷. Так, видимо, и появился Бабуков аул недалеко от Георгиевской крепости и станицы.

В конце XVIII в. рядом со станицей Георгиевской поселились также абазины, адыги и представители других народов. Это были выходцы из «Большой Абазы и других наций, которые избегая рабства и отыскивая свободу от своих владельцев, поселились на основании Всемиловейше обнародованной прокламации в 1780 году, которую разрешалось принимать только тех из них, кои примут христианскую религию, на основании чего многие из них расселены на Кавказе и зачислены в казачье сословие, в том числе и Абазинцы станицы Георгиевской зачислены в казаки в 1799 году»⁵⁶⁸.

В начале XIX в. они жили в Чурековских хуторах недалеко от станицы Георгиевской. «Абазинцов, принявших Христианский закон и оставшихся в Магометанском законе» было всего 108 человек, из них 47 женщин⁵⁶⁹.

В 1777 г. к Моздокскому казачьему полку были причислены крещенные калмыки, которых первоначально было около 200 семей. Они занимались скотоводством, посылали на службу в помощь казакам около 50 человек, но, по отзывам современников, к казачьей службе калмыки «ни склонности, ни усердия» не имели⁵⁷⁰.

Для развития торговли в 1780 г., т.е. вскоре после появления укрепленной линии, было приказано построить склады и торговые лавки в Ставропольской, Георгиевской и Моздокской крепостях «для приласкания Кабардинского народа к Российской стороне»⁵⁷¹. Рядом с этими

крепостями находились казачьи станицы, и казаки тоже, вероятно, принимали участие в этой торговле. В 1786 г. П.С. Потемкин, Кавказский и Саратовский генерал-губернатор, пригласил кабардинцев в Екатериноград на ярмарку по продаже лошадей и собиравался проводить такую ярмарку ежегодно⁵⁷². Рядом с крепостью и станицей Георгиевской еженедельно проходили базары, на которые приезжали кабардинцы, ногайцы и калмыки. Здесь они покупали посуду и пшеницу, а продавали просо, масло, лошадей крупный рогатый скот и овец⁵⁷³. Казаки могли с ними встречаться на базаре.

В 1779 г. в границах будущего Терского казачьего войска было уже не 8, как десятью годами раньше, а 19 станиц, а также города Кизляр и Моздок, где также жили казаки. В 1792 г. на означенной территории размещались Терско-кизлярское, Терско-семейное и Гребенское казачьи войска, Моздокский и Волжский казачьи полки и Моздокская горская казачья команда. Общая численность казачьего населения (мужского пола) составляла 9114 человек⁵⁷⁴, т.е. приблизительно втрое больше, чем было в 1744 г. Казаки трех «старых» войск составляли менее половины (41,8%) всего казачества.

В конце XVIII – начале XIX в. новые станицы на Тереке почти не появлялись. Исключением явилась станица Стодеревская. Однако увеличивалась численность казачества в уже существующих станицах и полках. В конце XVIII вв. государство выплачивало жалованье 500 гребенским казакам, как и за сто лет до того. В XIX в. их состав начинает пополняться: в 1811 г. к нему был прибавлен 31 человек, в 1813 г. – еще 120, в 1816 г. – 29, а затем было предписано «иметь в комплекте» 700 человек вместо прежних 500⁵⁷⁵.

В состав казачества продолжали зачислять жителей Кавказа. В 1804 г. кабардинский уздень Адильгирей Бегидов был произведен в есаулы и определен на службу в Волжский казачий полк⁵⁷⁶. В 1808 г. жившие в Кизляре казанские татары подали прошение о зачислении их в терско-кизлярское казачье войско. Их предки были «толмачами» в русской армии во время персидского похода⁵⁷⁷. Император «повелеть соизволил означенных татар 38 человек к терскому кизлярскому казачьему войску причислить...»⁵⁷⁸. К 1817 г. численность Моздокской горской казачьей команды достигла 120 человек⁵⁷⁹.

На рубеже XVIII–XIX вв. отношения между казачеством и народами Северного Кавказа оставались сложными. С одной стороны, происходили нападения на казаков, угон скота, захват людей в рабство. С другой стороны, регулярно организовывались военные походы против народов Кавказа, следствием которых были многочисленные жертвы, уничтожение аулов, захват скота.

В 1800 г. карабулаки угнали 12 казачьих лошадей, а кабардинцы разорили православную церковь в Осетии и прогнали казачью команду⁵⁸⁰. Чеченцы тогда же убили одного и взяли в плен 6 казаков Моздокского полка⁵⁸¹. Еще один пример нападения на казаков приведен в одном из документов: «Волгского казачьего полка отставной казак Семен Гладилин в поданном его высокопревосходительству господину корпусному командиру прошении прописывает, что прошлого 1808 г. декабря 16-го дня сыновья его, Матвей и Тихон, с сестрою их, а его дочерью Марфою, бывшею тогда 14 лет, ехали за дровами в лес за пост Еричной, где Матвей кабардинскими хищниками ружейным выстрелом убит, а Тихон и Марфа взяты в плен, коих выкупил он за 500 рублей серебром, истощив на сие последнее свое имущество, а потому просит и возратить ему означенных денег». Компенсировать его расходы предполагалось «из случающейся от кабардинцев баранты»⁵⁸², т.е. скота и другого имущества, захваченного у кабардинцев во время военных экспедиций против них. Такие случаи были обычным явлением.

Кзаки принимали участие в походе генерала Кнорринга в Кабарду в 1800 г., который был предпринят для того, вынудить кабардинцев отказаться от введения духовного суда⁵⁸³. В 1804 г. опять состоялся поход в Кабарду «для наказания Кабардинцев, дерзнувших оказать послушание в выборе родовых судей», а также поход в Осетию, в 1810 г. – еще один поход в Кабарду. Кзаки принимали участие во всех походах против кабардинцев⁵⁸⁴. Кроме того, по всему Северному Кавказу происходило множество мелких военных столкновений между казаками и народами региона.

Но торговля и в этот период продолжала развиваться. В 1810 г. были учреждены меновые дворы в Константиногорске, в станицах Прохладной и Наурской⁵⁸⁵. Как отмечается в документах, Прохладненский меновой двор «значительные делает обороты, вся почти Кабарда и обитающие выше оной горцы сюда привозят свои избытки, состоящие большею частию в скоте обоего рода, лошадях малою частию, много меду, кож как скотских, так и звериных, лесе и деревянных изделиях, малою частию сала и масла, бурок, сукон и чекменей»⁵⁸⁶. Судя по этому документу, не только кабардинцы, но и балкарцы, а возможно, и осетины приезжали на Прохладненский меновой двор.

Материалы И. Дебу показывают численность казачества Кавказской линии, в том числе Терско-кизлярского, Терско-семейного и гребенского казачьих войск, а также Моздокского и Волжского казачьих полков и Моздокской горской казачьей команды, которые войдут впоследствии в состав Терского казачьего войска⁵⁸⁷.

Численность казачества по материалам И. Дебу

	Мужского пола	Женского пола	Итого
Терско-кизлярское войско	278	205	483
Терско-семейное войско	1082	1271	2353
Гребенское войско	2838	3161	5999
Моздокский полк	4830	4998	9828
Моздокская горская команда	134	100	234
Волжский полк	2892	2902	5794
Итого	12054	12637	24691

Основным результатом третьего периода истории терского казачества является переселение на Кавказ волжских, хоперских и донских казаков, создание новых станиц. Вместо 8 казачьих станиц, существовавших в начале этого периода, к концу его на территории будущего Терского казачьего войска было уже 20 станиц. По сравнению с 1792 г. численность казаков (мужского пола) увеличилась на 32,3%. Общая численность казачества в этот период достигла 24691 человек. Казаки двух новых казачьих полков – Моздокского и Волжского и горской команды – составляли 64,2% всего казачества, т.е. их было намного больше, чем терско-кизлярских, терско-семейных и гребенских казаков. Существенно увеличилась и территория расселения казачества. Линия казачьих станиц была продолжена вверх по Тереку до устья Малки, а оттуда – на северо-запад. Возведение новых крепостей и станиц привело к ухудшению отношений с народами Кавказа, следствием чего явились нападения кабардинцев на крепости и станицы Азово-Моздокской линии, движение шейха Мансура. Казаки принимали активное участие в подавлении выступлений горцев.

**Пополнение состава казачества
за счет других групп населения
(1818–1860 гг.)**

А.П. Ермолов и появление новых станиц. Новый, четвертый этап в истории терского казачества начинается в 1818 г., когда военные действия в регионе в очередной раз активизируются, что приводит к резкому увеличению численности казачества. Начало этого этапа связано

с деятельностью генерала А.П. Ермолова. В 1818 г. в соответствии с его планом началось возведение укреплений Сунженской линии, которую планировалось продолжить в Дагестан до реки Сулак. В 1822 была основана новая линия укреплений в Кабарде, у подножья «черных гор». Целью Ермолова являлось подчинение народов Кавказа⁵⁸⁸.

В этот период военные походы против этих народов, уничтожение их сел были обычной практикой. В 1818 г. был razорен Трамов аул (рядом с крепостью Константиногорской), жителей которого обвинили в том, что они укрывали у себя «разбойников» и «вредных людей»⁵⁸⁹. Аул был «разрушен до основания, взято до 2 тыс. лошадей и весь скот»⁵⁹⁰. Был разгромлен Сунженский аул рядом с только что построенной крепостью Грозной. Тогда же были разрушены аулы Дженгутай и Башлы в Дагестане⁵⁹¹. В 1819 г. было уничтожено чеченское селение Дадан-Юрт на Тереке, при этом погибла большая часть его жителей. Причиной истребления явился отказ переселяться в другое место. Было razорено несколько Качкалыкских аулов в Чечне⁵⁹². В 1822 г. – разрушено кабардинское село на р. Чегем⁵⁹³.

В этих походах активное участие принимали казаки. В 1818–1821 гг. казаки неоднократно бывали в Чечне и в Дагестане⁵⁹⁴. В 1822 г. казаки присоединились к войскам, направленным в Кабарду⁵⁹⁵. 1826 г. казаки принимали участие в походах в Чечню⁵⁹⁶. Добыча, доставлявшаяся казакам во время разорения аулов, на долгие годы стала важным источником их доходов.

Следствием политики Ермолова явились восстания в Чечне и в Кабарде. В 1825 г. была почти полностью razорена станица Солдатская на Малке. Множество ее жителей были уведены в плен за Кубань⁵⁹⁷. Казаки оказывали содействие армии в подавлении восстаний⁵⁹⁸.

Поскольку казаки принимали активное участие в военных действиях, А.П. Ермолов считал необходимым увеличить их численность. В декабре 1823 г. по его инициативе был принят один из важнейших с точки зрения истории терского казачества документов – «Положение Кабинета министров», утвержденное царем, согласно которому образовывались новые станицы. В их числе были: станица «при Кислых водах», а также «при посту и речке Есентуке» и «у крепости Константиногорской». В эти станицы переселялись казаки из станицы Ставропольской Хоперского полка и Александровской Волжского полка. Кроме того, 100 семей из станицы Георгиевской переводились к Лысогорскому посту и должны были образовать там новую станицу. Еще одну станицу предполагалось основать в 7 верстах от Бабукова аула. Сам этот аул тоже преобразовывался в станицу, а его «жители Абазинцы

и Кабардинцы, живя с 1783 г. на земле георгиевских казаков и не отправляя донине никакой службы и повинности, должны поступить в состав сего полка по примеру собратий их 85 человек, в казаки уже записавшихся»⁵⁹⁹.

Согласно этому же «Положению», в состав новообразованного Горского казачьего полка предполагалось включить «две Осетинских деревни, одну на землях станицы Екатериноградской, а другую близ оной в числе 473 душ»⁶⁰⁰. Так появились станицы Черноярская и Новоосетинская. Кроме того, к Гребенскому войску причислялись «70 душ грузин, более 40 лет водворившихся в станице Новоладковской, но ни в какое состояние неприписанных». Терско-кизлярское войско выселось из Кизляра в отдельную станицу и к нему присоединялись «окоченские татары» «в числе 351 души, кои прежде принадлежали к Терскому войску, но впоследствии...остались непричисленными ни в какой класс людей, платящих подати». Кроме того «Моздокского уезда село Павлоградское, стесненное между земель казачьих и Осетинских; того же уезда селения Солдатское, Прохладное и Приближное, лежащие в самой границе Линии, и в Кизлярском уезде селение Александрию, в коих живут русские крестьяне, всего 1333 души, причислить к селениям казачьим, и жителей обратить в звание казаков»⁶⁰¹.

Под селом «Павлоградским» в этом документе подразумевается, видимо, Павлодольское, находящееся на Тереке, недалеко от Моздока. В нем жили пензенские дворцовые крестьяне, вологодские крестьяне «коронного ведомства», воронежские однодворцы⁶⁰². Все они тоже превратились в казаков. В состав казачества также вошли экономические крестьяне-«малороссы» (ст. Прохладная), однодворцы (ст. Приближная и Солдатская), потомки отставных солдат (ст. Солдатская)⁶⁰³.

В 1829 г. был издан новый указ – «О причислении казенных селений Кавказской области: Государственное и Курское, к сформированному Горскому Казачьему полку»⁶⁰⁴. Так появились еще две казачьи станицы. Казаками стали «малороссияне», а также русские «экономические» крестьяне и однодворцы⁶⁰⁵.

Поскольку государство в годы Кавказской войны было заинтересовано в увеличении численности казачества, то в 1820–30 гг. был принят ряд постановлений, облегчавших поступление в казаки. В 1827 г. было позволено зачислять однодворцев и других «казенных крестьян» в состав казачества Кавказской Линии⁶⁰⁶. В 1828 г. это разрешение подтверждалось⁶⁰⁷, а в 1831 г. оно еще раз повторялось, и к однодворцам и казенным крестьянам добавлялись также и мещане⁶⁰⁸.

В 1829 г. были приняты сразу три указа. Первый из них упрощал прием крестьян и однодворцев в казаки⁶⁰⁹. Второй предписывал «бродяг

здоровых, способных к работе и не старше 35 лет, отсылать на Кавказскую линию, для отдачи в работники к казакам»⁶¹⁰. Он же разрешал людям, проживавшим в Кавказской губернии «без узаконенных видов» более 2 лет, «способных к казачьей службе, причислить навсегда и с имеющимися при них семействами в казачье сословие Линейных полков»⁶¹¹.

Согласно третьему постановлению, если бродяги, отданные казакам в работники, окажутся «добропорядочными», то 3 года спустя их тоже можно было зачислять в состав казачества⁶¹². Государство в годы Кавказской войны было настолько заинтересовано в увеличении численности казачества, что добивалось этого всеми возможными способами. Однако у такой крайней меры как зачисление бродяг в казаки нашлись и противники⁶¹³. Уже в 1833 г. людей, не имевших документов и «не помнящих родства», решено было не принимать в казаки, а отдавать в солдаты⁶¹⁴.

В 1832 г. вышел также указ «Об оставлении в казачьем сословии сыновей солдаток, вступивших в браки с казаками»⁶¹⁵ и «О дозволении вольноотпущенным и получившим свободу по решениям судебных мест, записываться в казачьи Линейные войска»⁶¹⁶. Эти постановления также способствовали увеличению численности казачества.

В 1832 г. было принято «Положение о переселении Малороссийских казаков, однодворцев и прочих казенных поселян для поступления в Кавказские казачьи линейные войска и полки». Согласно этому документу, «для поступления в состав Кавказских казачьих линейных войск и полков, предоставляется переселяться Малороссийским казакам всем вообще, а из однодворцев и прочих казенных поселян только тем, у коих по числу ревизских душ состоит во владении, кроме лесов, менее пяти десятин земли на душу»⁶¹⁷.

В 1832 г. был принят еще один важный документ – «Об усилении обороны Кавказской Линии посредством обращения в сословие Линейных казаков жителей некоторых ближайших казенных селений». Всего 32 селения были превращены в станицы, а их жители стали казаками⁶¹⁸. Большая часть этих станиц располагалась на Кубани, меньшая – в ставропольских степях. Среди новых станиц были: Саблинская, Александрийская, Верхнеподгорная, Нижнеподгорная, Незлобная. Большую часть жителей этих сел составляли однодворцы и экономические крестьяне. В Саблинском жили разночинцы Московской губернии⁶¹⁹. В станицы были превращены также грузинские села Шелкозаводское и Парубачево и армянские – Дербентское, Каржалинское и Малахалинское, находившиеся рядом с Кизляром.

Небольшая группа кабардинцев тоже была включена в состав казачества. Это был поселок, принадлежавший кабардинским «первостепенным узденям» Тамбиевым. За принятие армяно-григорианской веры они были удалены из Кабарды, и в начале XIX в. поселились под Лысой горой, недалеко от Пятигорска. В 1830 г. «весь поселок Тамбиевых обращен в казачье сословие по их желанию»⁶²⁰.

В 1834 г. жители «грузинской слободки Сосопло» при Кизляре также подали прошение: «Все без изъятия грузинское наше общество имеет ревностное желание поступить в казачье сословие»⁶²¹. Их прошение было удовлетворено, они также вошли в состав казачества.

Но некоторые из жителей Кавказа, напротив, стремились избавиться от казачьей службы. В 1840 г. 19 грузинских и армянских семей станицы Парубачевской просили об «исключении их из казачьего сословия»⁶²². К этому времени уже были отчислены из казачьего войска армянские общества Дербентское, Каржалинское и Малахалинское, которые очень недолго входили в состав казачества⁶²³.

Тем не менее, пополнение казачества за счет других групп продолжалось. Еще в 1819 г. к станице Бороздинской «были приписаны выведенные генералом Ермоловым из гор беглые солдаты, из казанских татар; в 1837 году сделано тоже с плененными тавлинцами генералом Фрезе...»⁶²⁴.

В 1832 г. все казачьи станицы от Усть-Лабинской на Кубани до низовьев Терека были объединены в Кавказское линейное казачье войско. Это войско было сформировано как из станиц, которые впоследствии войдут в состав Терского казачьего войска, так и из будущих кубанских станиц. Терские станицы в этом войске никак не отделялись от кубанских.

В этот период всех казаков Кавказской линии называли линейными, независимо от того, жили они на Кубани или на Тереке. Существовало название «терско-кизлярские» казаки – оно применялось только к казакам станицы Кизлярской. «Терско-семейными» называли казаков трех станиц, расположенных рядом с Кизляром. Терско-кизлярские, терско-семейные и гребенские казаки долгое время сохраняли такую старинную структуру как «казачье войско» (во всяком случае, в названии), в то время как все остальные казаки Кавказской линии давно уже были разделены на полки и бригады.

Но в том же 1832 г. был издан Указ: «Казачьи войска: Терское-Семейное, Кизлярское-Терское и Гребенское, именовать впредь Кавказскими линейными казачьими полками: Терским, Кизлярским и Гребенским»⁶²⁵. Теперь ничто не должно было напоминать о существовавшей

некогда самостоятельности казачества, о войсковых кругах и «вольных» казаках. Достигалось полное единообразие в военно-административных структурах линейного казачества.

В 30–50 гг. XIX в., в период наиболее ожесточенных военных столкновений казаки принимали участие едва ли не во всех походах в Чечню и в Дагестан⁶²⁶. Они воевали против Кази-муллы и Шамиля. В 1839 г. они участвовали в штурме аула Ахульго, оплота Шамиля. В 1832 г. командир Гребенского казачьего полка полковник Волженский был «убит в деле с горцами», в 1842 г. еще один командир этого же полка подполковник Венеровский тоже погиб в ходе военных действий⁶²⁷. В 1851 г. в Чечне погиб командир Сунженского казачьего полка генерал-майор Слепцов⁶²⁸, а в 1852 г. – наказный атаман Кавказского линейного казачьего войска генерал-майор Круковский⁶²⁹. И последние походы против Шамиля в 1858–1859 г. не обошлись без участия казаков⁶³⁰.

Казакам приходилось также отражать нападения на их собственные станицы: Эссентукскую (1831 г.), Боргустанскую (1835 г.), Галюгаевскую и Стодереvскую (1841 г.)⁶³¹ и многие другие. В 1843 г. при преследовании большого отряда чеченцев, напавших на станицу Луковскую и соседние хутора тяжелые потери понесли казаки-осетины станиц Чернойарской и Новоосетинской⁶³².

Казаки служили во многих крепостях и укреплениях. Только в Кабарде они охраняли Баксанское, Мечетское, Чегемское, Урванское, Черекское, Каменноостское укрепления⁶³³. Три сотни казаков Горского полка находились на передовой Кабардинской линии «для несения кордонной службы»⁶³⁴. Точно так же и казаки всех остальных полков постоянно служили в укреплениях.

Помимо того, что в состав казачества входили представители многих народов Кавказа, в 1831 г. было принято решение о том, что офицеры и юнкера, присылаемые на Кавказ из Петербурга, из «Лейб-Гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона должны быть прикомандированы к Линейным казачьим полкам»⁶³⁵. В 1833 г. 13 кавказских горцев, воспитывавшихся в Павловском кадетском корпусе и Дворянском полку после выпуска также были прикомандированы к казачьим полкам на Кавказе⁶³⁶. В 1837 г. воспитанников кадетских корпусов из горцев, «по приобретении ими достаточных познаний в науках, выпускать офицерами в Кавказские линейные казачьи войска, с определением в полки, ближайшие к местам их оседлости»⁶³⁷.

Со временем, видимо, количество таких офицеров при казачьих войсках настолько увеличилось, эту практику решили ограничить. В 1850 г. Главнокомандующему Кавказским корпусом было дано

право «прикомандировывать Азиатских офицеров к казачьим полкам на Кавказе...но не свыше как по одному Офицеру на сотню или по шести Офицеров на полк»⁶³⁸. Командование, видимо, рассчитывало, что таким образом удастся «мирным путем сблизить горцев с их соседями казаками»⁶³⁹. Среди этих офицеров были кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, осетины и др. Каждый из них должен был «непрерывно уметь объясняться по Русски и подписывать свою фамилию, а без этого условия никто на службу принят не будет»⁶⁴⁰. Во время службы в казачьих полках эти офицеры могли «сохранить свой национальный костюм и вооружение»⁶⁴¹, тем более что их национальный костюм почти не отличался от военной формы казачества. К 1 Волжскому казачьему полку были прикомандированы 5 офицеров из народов Северного Кавказа, ко 2 Волжскому полку – 7, к Горскому полку – 6 и т.д.⁶⁴² Эти офицеры не стали казаками, но служили вместе с казаками. Они тоже принимали участие в военных походах в Чечню и в Дагестан. Однако бывали случаи, когда они переходили на сторону противника. В 1846 г., при появлении Шамиля в Кабарде, несколько офицеров-кабардинцев, прикомандированных к Владикавказскому казачьему полку, явились к Шамилю и некоторое время находились у него, но после его ухода из Кабарды они вновь вернулись в свой полк⁶⁴³.

Случаи перехода к неприятелю бывали и среди казаков. В одной только станице Наурской было несколько подобных примеров. Ушли к чеченцам и приняли ислам казаки этой станицы Яков Алпатов и Ананий Шушпанов⁶⁴⁴. Но самым известным из перебежчиков был Семен Атаршиков, который тоже был родом из станицы Наурской. Его жизнь хорошо изучена, о нем написаны статьи и книги⁶⁴⁵. Он был сыном бывшего брагунского аманата, принявшего христианство и ставшего казачком. Семен Атаршиков воспитывался в семье своего аталыка в кумыкском селении Карабудахкент, т.е. культура народов Северного Кавказа была ему хорошо знакома и близка, что, возможно, и повлияло на неустойчивость его идентичности, определившую всю его дальнейшую жизнь⁶⁴⁶. Он сделал успешную карьеру, был приставом карачаевского народа, сотником в Лабинском казачьем полку, но затем дважды бежал к горцам, принял ислам и на протяжении нескольких лет до своей гибели участвовал в набегах на станицы и укрепления Кавказской линии.

Уходили к Шамилю и некоторые из казаков-старообрядцев, но они в большинстве своем не принимали участия в военных действиях⁶⁴⁷.

«Малороссийские» казаки. До самого окончания Кавказской войны государство увеличивало численность казачества за счет других групп населения, появлялись все новые и новые станицы. Еще в 1825 г.

по приказанию генерала Ермолова был построен новый участок Военно-Грузинской дороги между станицей Екатериноградской и Владикавказом. Если старая дорога шла от Екатериноградской на восток, к Моздоку, то новая сразу поворачивала на юг, к Владикавказу. Для охраны этой дороги возводились новые укрепления⁶⁴⁸.

В 1838 г. эти укрепления упразднились, на их месте решено было основать 4 новых станицы: «первую на месте Пришибинского укрепления, вторую между Урухом и Минаретом, третью на Ардоне и четвертую на Архоне». В этих станицах предполагалось «поселить Малороссийский казачий №2 полк, переименовав его при начале водворения, согласно Высочайшей воле, во Владикавказский казачий полк»⁶⁴⁹. Всего было «назначено к переселению из Полтавской и Черниговской губерний в полки Кавказского линейного казачьего войска 6 тыс. душ мужеска пола... в продолжении 1836 и 1837 года прибыло уже на Кавказ 5783 души»⁶⁵⁰.

Между станицами этого полка были построены военные поселения, в которых жили женатые «нижние чины», прослужившие 15 и более лет в Кавказском корпусе⁶⁵¹. Такие поселения появились также рядом с Нальчикской и Грозненской крепостями.

Новые станицы и военные поселения по Военно-грузинской дороге заняли земли знатных и влиятельных кабардинцев Анзоровых. Они со своими подданными переселились в другие места. Кабардинские крестьяне не сразу примирились с потерей своих полей и пастбищ. В документах, датированных 1845 г., говорится с том, что «кабардинцы, считая до сего времени землю эту своею, мешают свободному возделыванию...»⁶⁵². Однако оказать серьезное сопротивление планам царской администрации они уже не могли. Главная опасность угрожала вновь возведенным станицам и военным поселениям с другой стороны. Они были расположены недостаточно далеко от «непокорной» Чечни. Один из самых опасных набегов произошел в мае 1841 г. В нем, принимало участие до 2 тыс. человек под командованием Ахверды-Магомы и «абрека Большой Кабарды кн. Атажукина»⁶⁵³. Особенно пострадало тогда Александровское: 61 житель был убит при защите поселения, 10 были ранены, 26 пропали без вести. В Котляревском поселении 7 человек были убиты, 4 пропали без вести. В общей сложности из обоих поселений было угнано более 2000 голов скота – коров, волов, лошадей, овец⁶⁵⁴. Некоторые из захваченных тогда в плен жителей Александровского смогли вернуться домой лишь через 20 лет, после покорения Чечни. Возмещение убытков жителей пострадавших поселений было возложено на малокабардинцев, через земли которых

прошел набег. Военное командование сочло, что они «не содержали кордоны и посты, как им приказано было»⁶⁵⁵. Подобные набеги происходили и в дальнейшем.

Преобразование военных поселений в станицы. В 1842 г. был принят указ: «Присоединить к Владикавказскому полку и военные поселения, на военно-Грузинской дороге водворенные, а именно Владикавказское, Николаевское, Котляревское и Александровское, с переименованием военных поселен в казаки»⁶⁵⁶. Численность казачества вновь увеличилась за счет отставных солдат. В 1844 г. в станицы Владикавказского полка поселилось еще 510 семей отставных солдат с семьями⁶⁵⁷. В 1849 г. у этой же дороги была основана еще одна станица – Змейская.

В состав терского казачества вошли «малороссийские казаки» и бывшие солдаты Кавказского корпуса. Новые станицы образовали укрепленную Линию вдоль Терека и Военно-Грузинской дороги. Они вклинивались между Большой и Малой Кабардой, разделяя их.

В 1845 г. было принято специальное положение о Кавказском Линейном казачьем войске, которое занимало земли от границ Черноморского казачьего войска (размещенного в низовьях Кубани) до Каспийского моря⁶⁵⁸. Во главе войска стоял «Войсковой наказный атаман», который «определяется и увольняется Высочайшим приказом и указом Правительствующему Сенату». Он пользовался правами «по части военной – начальника дивизии, а по части гражданской – Гражданского Губернатора»⁶⁵⁹. Вместо станичных атаманов были «станичные начальники», которые назначались Войсковым Наказным атаманом по представлению бригадного командира⁶⁶⁰. Демократические традиции казачества к этому времени были забыты. К 1845 г. на территории будущего Терского казачьего войска располагались уже 52 станицы⁶⁶¹ вместо 20, существовавших в 1823 г.

Таблица 2

Численность казачества на 01.01.1847 г.

	Мужского пола	Женского пола	Итого
1-й и 2-й Волжские полки	8049	7493	15542
Горский полк	5906	5764	11670
Владикавказский полк	2824	2093	4917
Моздокский полк	6798	7144	13942
Гребенской полк	3948	4364	8312
Кизлярский полк	2815	3142	5957
Всего	30340	30000	60340

Общая численность казачества в 7 полках Кавказского линейного казачьего войска на 01.01.1847 г. составила 60340 человек⁶⁶². Кроме того на Сунженскую линию переселились 1002 линейных казака⁶⁶³, т.е. по сравнению с началом 20 гг. численность казачества на территории будущего Терского казачьего войска увеличилась приблизительно в 2,5 раза.

В 40–50 гг. в терские станицы переселили тысячи украинских крестьян из Харьковской, Черниговской, Воронежской губерний. Их разместили и во вновь созданных, и в старых станицах. Вскоре всех переселенцев зачислили в состав казачества. Во многих станицах эти переселенцы составляли значительную часть населения. Так, в станице в Пришибской их было 356 человек, в Котляревской – 128, в Александровской – 397 человек⁶⁶⁴.

В станицу Прохладную в 1836 г. «были переселены 4 семейства из Полтавской губернии, а в 1849 г. – из Харьковской губернии 8 семейств в количестве 45 душ мужского и 31 души женского и из Воронежской губернии 34 семейства в количестве 175 душ мужского пола и 145 душ женского, а всего 46 семей в количестве 396 душ обоего пола. Как прежние жители станицы, так и вновь переселенные были все малороссы»⁶⁶⁵.

В станицу Екатериноградскую в 1834 г. переселили 12 семейств «малороссийских казаков», в 1847 г. – 52 семейства государственных крестьян Харьковской губернии, Сумского уезда, в 1848 г. – 50 семейств той же губернии, Изюмского уезда⁶⁶⁶.

К станице Георгиевской было приписано в 1836 г. «35 крестьянских семейств, потомков стародавних запорожских казаков из Полтавской и Черниговской губерний; в 1840 г. приписано еще 9 крестьянских семейств из Воронежской губернии, а в 1848 году еще 20 семейств из Полтавской губернии»⁶⁶⁷.

Также «в 1848 и 1849 г. водворены в станице Николаевской переселенцы Харьковской губернии – 60 семей, Черниговской – 10, Киевской – 20 и Малороссийских казаков – 40 семей»⁶⁶⁸. В станицу Архонскую переселилось из Харьковской губернии 50 семейств и в 1849 году 10 семейств»⁶⁶⁹. Население станиц Эссентукской и Кисловодской тоже увеличивалось за счет переселенцев из Полтавской, Харьковской, Воронежской губерний⁶⁷⁰. «Малороссы» Харьковской губернии вошли в состав почти всех гребенских станиц и станицы Бороздинской⁶⁷¹.

В станицу Шелкозаводскую тоже в 1848 г. «было переселено из Харьковской губернии еще 50 семейств Государственных крестьян с зачислением их в казаки»⁶⁷². Украинские крестьяне значительно пополнили численность терского казачества.

В середине XIX в. по-прежнему принимались указы, призванные способствовать увеличению численности казачества. В 1850 г. – «О дозволении перевести в казачьи войска регулярных нижних чинов для совместной службы с отцами их и братьями»⁶⁷³. В 1851 г. – «О дозволении женатым нижним чинам регулярных войск, на Кавказе расположенных, водворяться в станицах Кавказского линейного казачьего войска, с зачислением в казачье сословие»⁶⁷⁴.

Переселение казаков на Сунженскую линию. В 40 гг. XIX в. началось возведение станиц на Сунженской линии. Несколько крепостей, в том числе Грозная, и ряд укреплений были построены на этой линии еще при генерале Ермолове. Теперь же появилось несколько новых укреплений, и в 1845 г. на этой Линии были основаны две первых станицы, а в 1846 г. планировалось основать еще две. При этом было решено «каждую из двух водворяемых станиц составить из 300 семейств, на половину из линейных и на половину из донских казаков»⁶⁷⁵. В 1847 г. планировалось создать еще две станицы – на реке Ассе и у Магомет-Юрта. В каждую из них должны были переселить по 250 семей, а всего 500 семей, «в том числе 250 от Кавказского линейного и 250 от Донского казачьих войск»⁶⁷⁶.

В 1850 г. жители нескольких военных поселений – Грозненского, Нальчикского, Ларского и Железноводского – стали казаками⁶⁷⁷. Грозненское военное поселение было превращено в станицу, туда переселили 109 семей казаков из других кавказских станиц⁶⁷⁸. Новая станица Железноводская была причислена ко 2-му Волжскому казачьему полку. Жители Нальчикского военного поселения переселились в станицу Зольскую⁶⁷⁹.

К 1853 г. появились еще две станицы на Сунженской линии – Алхан-Юртовская и Самашкинская, а затем – станица Закан-Юртовская⁶⁸⁰.

В 1859 году планировалось создать семь новых казачьих станиц на Кавказе и переселить туда казаков и крестьян Северного Кавказа, Дона и внутренних губерний⁶⁸¹. Среди них были станицы Сунженская, Карабулакская и Камбилеевская⁶⁸².

В 1860 г. был принят указ об учреждении еще шести станиц⁶⁸³. Среди этих станиц были Умахан-Юртовская, Галашевская, Алкуновская и Датыховская⁶⁸⁴. В том же году, согласно другому указу, была основана также и станица Джалкинская⁶⁸⁵. В том же году было решено «на реке Ассе у Нестеровского поста водворить новую станицу на первое время в 125 семейств, из охотников от 1 Сунженского казачьего полка»⁶⁸⁶. В 1861 г. в Терской области планировалось основать еще 5 новых станиц⁶⁸⁷.

В станице Галашевской поселились отставные солдаты, донские казаки и несколько «пришлых переселенцев из русских губерний». Затем туда же перевели еще 30 семей из станицы Фельдмаршальской⁶⁸⁸.

Первыми жителями станицы Сунженской (Слепцовской) «явились выходцы с гребней р. Терека, из станиц, расположенных по этой реке: Наурской, Ищерской, Галюгаевской и Стодеревской. Одновременно с этим здесь было водворено несколько десятков семейств, пришедших заселять Сунжу с Дона и Кубани»⁶⁸⁹, затем туда переселили еще и жителей станиц Датыховской и Камбилеевской⁶⁹⁰. Но среди жителей новых станиц были и выходцы из северокавказских «обществ». В 1853 г. Главнокомандующий Кавказским корпусом разрешил «старшину Назрановского общества из карабулак Тепса Шахмурзиева и жителя того же общества Майя Бабхоева с семействами зачислить в казачье сословие навсегда с потомством, с водворением на жительство в станице Слепцовской 1-го Сунженского казачьего полка»⁶⁹¹.

В 1861 г. была основана станица Фельдмаршальская⁶⁹². Тогда же началось заселение станицы Аки-Юртовской «частью из Горско-Моздокского полка из линейного Терского казачьего войска, равно из жителей Курской губернии, которые приписались к казачьему сословию»⁶⁹³.

Станицы Сунженской линии заняли земли, с которых были вытеснены чеченцы и ингуши, поэтому казаки с первых же дней столкнулись с ожесточенным сопротивлением и враждебностью местных жителей, пытавшихся помешать строительству новых станиц. Нападения следовали одно за другим. Казаки вместе с частями регулярной армии в ответ нападали на чеченские аулы и уничтожали их⁶⁹⁴. Численность казачества требовалось увеличивать.

Продолжалось зачисление отставных солдат в казаки и переселение их в терские станицы⁶⁹⁵. Состав казачества пополнялся не только в новых, но и в старых гребенских станицах. В 1861 г. туда переселили группу казанских татар, которые служили когда-то в русской армии, а затем попали к Шамилю: «Семейства пленных и беглых солдат, вышедших из гор при покорении восточного Кавказа, исповедующих Магометанскую религию, в Гребенской полк прибыли и водворены на жительство в станицах сего полка Щедринской 18 из Шаро-Аргунских, и Новогладковской 28 Эзель-Амских семей...»⁶⁹⁶. В станице Новогладковской в 70 гг. XIX в. татары составляли 9% населения, и у них была там своя мечеть⁶⁹⁷.

Создание Терского казачьего войска. На рубеже 50–60 гг. XIX в. произошли два события, которые определили границу между двумя периодами истории терского казачества. Это было окончание войны на северо-восточном Кавказе (1859 г.) и образование Терского казачьего войска.

Вопрос о потерях казаков в годы Кавказской войны затронул в своей работе С.И. Писарев. По его подсчетам, основанным на архивных материалах и воспоминаниях самих казаков, примерно за пятидесятилетний период до 1877 г. были убиты 1804 терских казака и 85 казачек⁶⁹⁸. Указанный период не полностью совпадает с Кавказской войной, так что приведенные данные являются неточными, но и они показывают, что потери казаков в этой войне не идут ни в какое сравнение с потерями народов Кавказа. Особенно это касается мирного населения. В ходе уничтожения черкесских, чеченских или дагестанских аулов в них за один день погибало больше женщин, чем погибло терских казачек за долгие годы Кавказской войны. За тот же полувековой период, по данным С.И. Писарева, в плен было взято 420 терских казаков и 413 казачек.

8 февраля 1860 г. был принят указ «О том, чтобы правое и левое крылья Кавказской линии именовать Кубанскою и Терскою областями, а все пространство к северу от главного хребта Кавказских гор – Северным Кавказом»⁶⁹⁹. Этот указ установил новое административное деление этого региона, что имело далеко идущие последствия, в том числе и для казачества.

19 ноября 1860 г. был принят еще один указ, сыгравший огромную роль в истории Северного Кавказа. Бывшее Черноморское казачье войско стало теперь называться Кубанским, и к нему присоединили «первые шесть бригад Кавказского линейного войска, в полном составе, с землею, которою они доселе пользовались...». Также было предписано «из остальных бригад Кавказского линейного войска, также в полном составе, с землею, всем хозяйством и находящимися в районе их зданиями, образовать особое войско, которому принять название «Терского казачьего»⁷⁰⁰. Таким образом, Кавказское линейное казачье войско было разделено на две части. Одна часть вошла в состав Кубанского казачьего войска, и служившие в нем казаки стали называться кубанскими, вторая превратилась в Терское казачье войско, и казаки этого войска получили наименование терских. Только с этого времени понятия «терский казак» и «кубанский казак» приобрели то значение, которое они чаще всего имеют в работах современных авторов.

Терское войско отделялось от Кубанского военно-административной границей. Она не основывалась на каких-либо этнических или культурных различиях. По обе стороны этой границы жили потомки донских казаков, русских и украинских крестьян, отставных солдат, однодворцев. В состав кубанского казачества входили потомки запорожцев, в состав Терского – «малороссийских казаков». В то же время как Терское, так и Кубанское войско были этнически неоднородными, включая в свой состав группы различного происхождения.

Границу между Кубанским и Терским войском с таким же успехом можно было бы провести и где-нибудь в другом месте. И далеко не все казаки признавали необходимость этой границы, о чем свидетельствует письмо генерал-майора И.И. Сафонова, служившего в Терском казачьем войске, известному историку казачества И.Д. Попко. Как сказано в этом письме, «последовавшее в 1860 г. неожиданное разделение Кавказского линейного казачьего войска вызвало недоумение среди казаков и расстроило их ожидания. Мера эта никого не удовлетворила, не принесла никакой существенной пользы ни казакам, ни правительству; напротив, отсутствие единства управления казаками повело лишь к приостановке их бытового роста, опасного одним врагам России»⁷⁰¹.

Но времена, когда казаки могли противиться царским указам, остались в прошлом. Разделение казаков Северного Кавказа на терских и кубанских сохранилось, и в XX в. граница, которую провели между ними чиновники, стала восприниматься как граница этническая. Созданное только в 1860 г. Терское казачье войско некоторые ученые стали называть «этнографической группой русского народа».

В 1861 г., т.е. вскоре после создания Терского казачьего войска, оно включало в свой состав 107057 человек (войскового сословия)⁷⁰². Они были расселены в 77 станицах и 104 хуторах⁷⁰³ вместо 20 станиц, существовавших до 1823 г. Кроме того, к Моздокскому полку были «причислены» (но не включены в него) 3060 крещеных калмык⁷⁰⁴.

Менее, чем за 40 лет, появилась большая станиц войска. Численность казачества в пределах Терского казачьего войска увеличилась с начала 20-х по 1861 г. приблизительно в 4 раза.

Причиной такого быстрого увеличения численности казачества явилась Кавказская война. Именно для участия в военных действиях государству необходимо было все больше казаков, именно ради этого строились все новые станицы, в состав казачества зачислялись тысячи отставных солдат, однодворцев, крестьян, причем не только русских, но и украинских, грузинских, осетинских, кабардинских и других.

Численность и состав Терского казачества в 60 гг. XIX – начале XX в.

Окончание Кавказской войны и казачество. После окончания Кавказской войны дальнейшее пополнение рядов казачества за счет других социальных групп стало ненужным. Если в годы Кавказской войны казаками легко могли стать государственные крестьяне, отставные солдаты, однодворцы, то, начиная с 60-х гг. доступ в казачье сословие

был затруднен, хотя некоторое время и при некоторых условиях он был все же возможен.

Казакom становился тот крестьянин или солдат, который женился на казачке. Причем, это было не просто его право, но и обязанность. Такой брак разрешался только в том случае, если жених давал подписку о согласии стать казакom. Сохранилось немало прошений казачек о разрешении выйти замуж за рядового солдата или унтер-офицера, который желал «перевестись в казачье сословие с потомством и навсегда»⁷⁰⁵ и заявления самих женихов о таком переводе⁷⁰⁶.

В состав казачества также могли быть приняты «нижние чины» регулярной армии, если у них были родственники-казаки и если в той станице, где они намеревались поселиться, было достаточно свободной земли. Но и при соблюдении всех этих условий прошение о зачислении в казачье сословие должно было пройти через множество инстанций, и окончательное решение принимал царь⁷⁰⁷. Мог стать казакom и крестьянин при условии, что он давно проживал на Кавказе, «свыкся с казачьим бытом», имел здесь «прочное хозяйство» и желал поступить в «малолюдный» полк⁷⁰⁸. Но и в этом случае дело тянулось годами и решение принималось на высшем уровне власти. Один из примеров подобного дела, которое благополучно завершилось: «Государь Император повелеть соизволил: Государственного крестьянина Тамбовской Губернии Мирона Воробьева согласно его желания зачислить с семейством состоящим на рекрутской очереди в Терское казачье войско»⁷⁰⁹. Терские казаки превращались в замкнутую сословную группу.

За период с 1871 по 1881 г. в состав Терского казачьего войска было включено 267 человек, а исключено 155, т.е. зачисление из других сословий фактически перестало оказывать влияние на количественный состав войска⁷¹⁰.

Новые станицы в этот период возникали значительно реже, чем прежде, и их жителями чаще всего становились казаки существовавших ранее станиц. Например, в 1866 г. хутор Надтеречный (недалеко от Моздока) был преобразован в станицу Терскую. Туда переселялись казаки из станиц Слепцовской, Троицкой, Карабулакской, Михайловской, Ассинской, Магомет-Юртовской, Павлодольской⁷¹¹. В 1869 г. в станицу Терскую переселилось 100 казаков из упраздненной станицы Камбилеевской, а в 1884 г. – казаки из станицы Галашевской⁷¹². В 1884 г. казачий поселок Савельевский на левобережье Терека был преобразован в станицу.

В то же время жители ряда станиц исключались из состава казачества. Прежде всего это были казаки кавказского происхождения. В октябре 1860 г. был принят указ «О упразднении Бабуковской станицы Кавказского линейного казачьего войска с предоставлением жителям оной из

горских выходцев водвориться в Большой Кабарде»⁷¹³. Бабуковцы неоднократно подавали прошения об отчислении их из казачьего войска. Кавказская администрация, в свою очередь, считала их «неблагонадежными». В 1858 г. 15 семей «беглых бабуковских казаков» даже выселили с Кавказа в Тамбовскую губернию⁷¹⁴. К середине 1861 г. все жители станицы Бабуковской покинули ее. Большая часть из них переселилась в Кабарду, а 45 семей уехали в Турцию⁷¹⁵. На место станицы Бабуковской перевели казаков станицы Незлобной⁷¹⁶. Жившие в поселке Тяжгова недалеко от станицы Павловской выходцы из станицы Бабуковской тоже были исключены из состава казачества и переселились в Кабарду⁷¹⁷.

Но не все желающие могли легко покинуть ряды казачества. Жившие при станице Георгиевской абазины несколько раз подавали прошение об отчислении их из казачества и переселении в Кабарду. Однако им отказывали на том основании, что их предки были беглыми холопами, за которых государство заплатило выкуп. Но прошение абазин поддержали соседние казаки и местные власти, которые считали, что «Абазинцы как казаки пользы не приносят и выставляемые ими на службу 9 человек составляют почти ничего. Как жители маленького аула в 37 дворов не в состоянии содержать муллу, как сельские хозяева – очень плохи, а между казаками пользуются весьма дурною репутациею по подозрениям в воровстве часто пропадаемой скотины, и казаки сами были бы довольны их переселению». Только в 1867 г. их исключили из казачьего сословия⁷¹⁸.

«Армяне» Тамбиевы и другие жители их поселка тоже не хотели быть казаками, однако и им не сразу удалось покинуть ряды казачества, потому что командование боялось, что это будет плохим примером для других казаков. Только в 1870 г. их прошение было удовлетворено⁷¹⁹.

Мусульмане станицы Кизлярской тоже подавали прошение об отчислении из Терского войска и тоже получили отказ⁷²⁰. Лишь в 1870 г. был принят указ «Об упразднении Кизлярской станицы Терского казачьего войска с обращением жителей ее в Кизлярское городское общество»⁷²¹. Тогда же потомки казаков Терского города переселились из станицы Кизлярской в Александрийскую, находившуюся у Каспийского моря, совсем недалеко от развалин этого города⁷²².

С 1869 г. право «совершенного выхода из войскового сословия» предоставлялось «всем вообще мужеского пола лицам войскового сословия, не состоящим в служебном разряде»⁷²³. То есть только с этого времени отставные офицеры и казаки при желании могли выйти из состава казачества.

Происходили изменения и в размещении казачества. «В 1864 г. станица Промежуточная переселена на другое место с наименованием

оной Фельдмаршалъскою, а бывшая этого последнего имени станица совершенно упразднена, с расселением жителей ее по другим станицам»⁷²⁴. В 1865 г. также была расформирована ст. Датыхская, в 1867 г. – Алкунская, а в 1868–69 г. – Камбилеевская⁷²⁵. Эти станицы были неудобно расположены, им не хватало земли.

Станица Горская, в которой, как и в станице Бабуковской, жили казаки-кабардинцы, тоже прекратила свое существование, но ее жители остались казаками: «В 1868 году к Луковской станице присоединена упраздненная «Горская» станица, состоящая из 150 семей туземцев: большею частию черкесов (кабардинцев, принявших православие) и нескольких осетин; но впоследствии почти все эти горцы Луковской станицы переселились постепенно на Эристовский канал и дальше, где и устроили 4 большие хутора дворов в 20–50 каждый; кроме того они разсыпались почти по всей Луковской степи до самой Куры небольшими хуторами в 2–3 двора, между хуторами Моздокских жителей, оставаясь в то же время казаками Луковской станицы»⁷²⁶.

Но если они остались казаками, то станица Железноводская в 1869 г. «обращалась» в «гражданское состояние» и поступала в состав Ставропольской губернии⁷²⁷. В 1873 г. станица Саблинская тоже была «передана в гражданское ведомство, при чем исключено из казачьего сословия 914 человек жителей этой станицы мужеска пола»⁷²⁸.

В 1884 г. станицу Галашевскую «вследствие дурных экономических условий» упразднили, а ее жителей расселили по другим станицам – Александрийской, Подгорной, Лысогорской, Прохладной, Государственной, Приближной, Екатериноградской, Павлодольской, Луковской, Курской, Пришибской, Котляревской и Александровской⁷²⁹.

К 1889 г. в Терском казачьем войске осталось 70 станиц из 77⁷³⁰, и это число больше не менялось вплоть до революции и гражданской войны.

Из состава казачества исключали не только целые станицы, но и отдельных казаков. Так, в 1861 г. ставился вопрос об отчислении из Терского казачьего войска «45 человек холостых нижних чинов... происходящих из малороссийских казаков по старости их лет и одиночеству»⁷³¹. Командование Владикавказского полка хотело исключить их «вовсе из казачьего сословия на что они изъявляют свое согласие с предоставлением права отправиться им на родину, где они имеют родственников, при помощи которых и могут иметь необходимое к жизни...»⁷³².

К 1881 г. в Терском казачьем войске было «131560 душ обоего пола собственно казачьего сословия»⁷³³, т.е. на 22,9% больше, чем в

1861 г. Хотя массовое зачисление в состав казачества прекратилось, за счет естественного прироста численность его быстро увеличивалась. С.И. Писарев попытался вычислить соотношение основных социальных и этнических групп, из которых сложилось терское казачество⁷³⁴. Он опирался при этом на информацию, содержащуюся в станичных архивах и на сведения, сохранившиеся в народной памяти. Едва ли эти материалы отличаются большой точностью, но все же они дают представление о составе терского казачества. Около половины терских казаков (49,1%) были потомками гребенских, донских и волжских казаков, более четверти (26,6%) – «малороссийских» казаков и крестьян, менее четверти – русских крестьян и отставных солдат. Самую малочисленную группу составляли «инородцы» – всего 2,3%. Они были сосредоточены в станицах Кизляро-Гребенского полка – это были грузины станицы Шелковской, Александроневской и Новогладковской, татары той же Новогладковской. Кроме того, в станицах Горско-Моздокского полка Чернойарской и Новоосетинской жили осетины, а в станице Луквской – кабардинцы.

Отношения казаков с народами Кавказа. С окончанием войны на Северо-Западном Кавказе столкновения враждебные действия против казаков стали менее масштабными, но полностью не прекратились. Казаки, особенно жившие в новых станицах Сунженской линии, жаловались на своих соседей, от которых «постоянно только встречается воровство, грабежи и смертоубийства»⁷³⁵.

В 1860–61 гг. произошло восстание в Чечне и в Дагестане, в подавлении которого снова принимали участие казаки. И опять уничтожались аулы, запасы продовольствия и сена⁷³⁶. В 1864 и в 1867 гг. волнения в Чечне повторились⁷³⁷. Последними крупными вооруженными выступлениями стали восстания в Дагестане и в Чечне в 1877–78 гг.⁷³⁸ Против повстанцев опять выступили казаки⁷³⁹. Несколько казачьих полков получили знаки отличия «за умиротворение горских племен Терской области в 1877 году»⁷⁴⁰.

Впоследствии ситуация на Северном Кавказе стабилизировалась, однако разбои, грабежи происходили нередко, и страдали от них в том числе и казаки. Кавказская администрация не в состоянии была справиться с этой проблемой. В 1882 г. были приняты правила «имущественной охраны русского населения от хищничества горцев, в силу которых, на туземные сельские общества, при невыдаче ими виновных, возложена круговая ответственность за всякую кражу из казачьих станиц, слободок, колоний, штаб квартир и из других русских населенных пунктов скота, лошадей и прочего имущества, когда следы кражи

доведены в надел аульного общества»⁷⁴¹. Тем самым на Северном Кавказе устанавливались совершенно иные, чем в других частях империи, порядки, отчасти воскрешающие времена Кавказской войны. В ряде станиц «против конокрадов-туземцев» принимались «особые военные меры. Вокруг станицы кладутся особые вооруженные секреты; ловкие казаки в секретах без церемонии убивали конокрадов»⁷⁴².

Но и в начале XX в. казаки страдали от грабежей, убийств, угона скота. В отместку они нападали на соседние аулы. К 1909 г. конфликты между казаками с одной стороны и чеченцами и ингушами – с другой настолько обострились, что стали предметом обсуждения в Государственной Думе⁷⁴³.

Делались попытки урегулировать их. Организовывались смешанные присяжные суды с участием чеченцев и казаков, хотя не всегда их деятельность была успешной⁷⁴⁴.

В других частях Северного Кавказа ситуация была менее напряженной. Возникавшие противоречия старались решить мирными способами. Поземельные споры между осетинами, кабардинцами и казаками должна была улаживать особая посредническая комиссия, существовавшая уже в 1865 г. В ее состав входили депутаты и поверенные с обеих сторон и понятые – «сторонние люди»⁷⁴⁵.

Развивались экономические (и не только торговые) связи. Женщины и дети из станицы Слепцовой нанимались к ингушам на прополку кукурузы⁷⁴⁶. Казаки станицы Солдатской работали у кабардинцев и осетин на уборке подсолнечника⁷⁴⁷. Ногайцы и калмыки пасли скот казаков⁷⁴⁸. Они же работали и на жатве или сенокосе у казаков за минимальную плату⁷⁴⁹. Гребенские казаки ходили на заработки в Кизляр, где работали на виноградниках у армян⁷⁵⁰. Армяне занимались торговлей во многих станицах.

Казаки отдавали свою землю в аренду соседним народам⁷⁵¹, но иногда и сами арендовали ее. Например, некоторые жители станицы Прохладной арендовали землю в соседнем кабардинском селении Алтуд⁷⁵². Иногда казаки «обменивались» землей, т.е. отдавали соседям участки для посева пшеницы, а у них брали землю для выращивания кукурузы. В станице Кисловодской «часть общественных земель ежегодно с 10-го октября по 1-е апреля отдается туземцам (преимущественно карачаевцам) под пастьбу скота»⁷⁵³.

Отношения не ограничивались только экономическими. Сохранялся обычай куначества. Казаки и русские крестьяне бывали в гостях у своих друзей и принимали их у себя, присутствовали на свадьбах и т.д. Бывало, что горцы отдавали своих сыновей на несколько лет в казачью

семью, чтобы они выучили русский язык, окончили русскую школу, что позволяло им в дальнейшем рассчитывать на успешную карьеру. Тем самым в новых условиях и в иной форме сохранялся обычай ата-лычества, издавна существовавший у народов Кавказа. В соответствии с этим обычаем между семьями ребенка и его воспитателя также устанавливались отношения искусственного родства. Казаки если и не перенимали кавказские обычаи, то, во всяком случае, приобщались к ним. Чеченские дети (не более 5) учились в школе станицы Наурской⁷⁵⁴.

У казаков станицы Прохладной кунаками были кабардинцы из Вольного аула, Касаева, Алтуда, у казаков станицы Екатериноградской – из Абаева⁷⁵⁵. У знаменитого абрека Зелимхана был кунак в станице Червленной. Абрек спокойно гостил у него, тогда как за ним охотилась полиция⁷⁵⁶.

Численность терского казачества в конце XIX в. увеличивалась преимущественно за счет естественного прироста и составляла в 1897 г. 167301 человек, что на 56,3% больше, чем в 1861 г. Материалы переписи населения показывают сложный этнический состав терского казачества. Хотя подавляющее большинство терских казаков были русскими («великороссами»), но почти 10% терских казаков говорили на «малорусском» языке, хотя это значительно меньше, чем численность казаков «малороссийского» происхождения, по данным С. Писарева. Видимо, к концу XIX в. многие из них успели ассимилироваться и перейти на русский язык. Кроме того, были также и казаки-осетины, казаки-кабардинцы, казаки-грузины, казаки-татары. Под черкесами в материалах переписи имеются в виду моздокские кабардинцы. Среди других языков терского казачества назван лезгинский, на котором якобы говорили 1278 человек, но это, видимо, ошибка. Если верить переписи, то почти все казаки, говорившие на лезгинском языке, проживали в Пятигорском округе⁷⁵⁷, что не подтверждается никакими другими источниками.

Таблица 1

Этнический состав терского казачества
(распределение по родному языку)
по материалам переписи населения 1897 г.⁷⁵⁸

№	Язык	Численность	В % к итогу
1.	великорусский	145508	87,0
2.	малорусский	16329	9,8

3.	белорусский	586	0,4
4.	осетинский	1511	0,9
5.	черкесский	1083	0,6
6.	грузинский	557	0,3
7.	татарский	252	0,2
8.	Другие	1476	0,9
	Итого	167301	100

Материалы переписи также доказывают, что разные этнические группы не только принимали участие в формировании терского казачества – об этом писали многие авторы, но эти группы еще в конце XIX в. сохраняли свои языки и особенности культуры.

В начале XX в. численность терского казачества продолжала быстро увеличиваться за счет естественного прироста. На 1.01 1905 г. она составляла 202 141 человек⁷⁵⁹, а на 1.01.1914 г. 247 333 человек⁷⁶⁰, т.е. за 17 лет с 1897 г. выросла почти в полтора раза.

Процесс увеличения численности казачества на Тереке продолжался три с лишним века и был очень неравномерным. Периоды бурного роста чередовались с долгими годами затишья. Времена быстрого увеличения численности казачества совпадали с активизацией политики России на Кавказе – с Персидским походом Петра I, с русско-турецкими войнами времен Екатерины II, с Кавказской войной. И само появление казачества на Кавказе во второй половине XVI в. не случайно, видимо, приходится на те годы, когда быстро развивались политические связи России с народами региона.

Формирование терского казачества в XVIII–XIX вв. осуществлялось государством, которое видело в казаках опору своей власти на Кавказе. С 1735 по 1770 г. на Тереке было всего 8 казачьих станиц – три терско-семейных и пять гребенских. В 70 гг. появилось 11 станиц переселенных на Кавказ волжских казаков. За последующий период с 1780 по 1823 – была основана только одна новая станица, а с 1823 по 1861 г. число станиц увеличилось с 20 до 77. Это был этап наиболее активного формирования терского казачества. И он непосредственно был связан с Кавказской войной. Государству нужны были казаки как военная сила, поэтому состав казачества были зачислены многие тысячи человек.

В 1860 г. с образованием Терского казачьего войска появилась граница, отделявшая терское казачество от кубанского и тем самым завершилось формирование терского казачества. В последующие годы состав станиц, входивших в это войско, изменился незначительно, а численность казачества увеличивалась в основном за счет естественного прироста.

Если в конце XVI в. терскими казаками называли две небольшие группы – служилых казаков города Терки и вольных казаков, живших на Тереке, то в конце XIX в. существовало многотысячное Терское казачье войско. Это войско было создано государством и служило государству.

Потомки первых терских казаков XVI–XVII вв. составляли незначительную часть терского казачества второй половины XIX – начала XX в. Предками большинства казаков Терского войска были донские, волжские, и «малороссийские» казаки, отставные солдаты, крестьяне, однодворцы. Среди терских казаков были не только русские, но и украинцы («малороссы»), осетины, кабардинцы, грузины, татары.

История формирования терского казачества тесно связана с историей народов Кавказа. Казаки (как служилые, так и вольные) были союзниками и соратниками одних кавказских правителей и противниками других, соседями различных народов Кавказа. Их связывали как экономические, так и личные, дружеские отношения, что не исключало, однако, регулярно происходивших конфликтов, особенно обострившихся в XIX в.

Примечания

1. *Попко И.Д.* Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Выпуск первый. Гребенское войско. СПб., 1880. С. 3; *Потто В.А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Т. 1. Владикавказ, 1912. С. 13–17; *Караулов М.А.* Терское казачество. М., 2007. С. 96–97; *Шенников А.А.* Червлёный Яр. Л., 1987. С. 68–71; *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 55; *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 46.

2. Кабардино-Русские отношения в XVI–XVIII веках. Документы и материалы в 2 томах. Т. 1. XVI–XVII вв. Нальчик, 1958. С. 3–4. (Далее – КРО); *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963. С. 205–206.

3. КРО. Т. 1. С. 5; *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеч. из Моск. глав. архива М-ва иностр. дел. Вып. 1. М., 1889. С. LIII.

4. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 330; КРО. Т. 1. С. 5, 8.

5. Посольские книги по связям России с Ногайской ордой (1551–1561). Казань, 2006. С. 317.

6. КРО. Т. 1. С. 10.

7. Там же. С. 11.

8. *Кушева Е.Н.* О местах первоначального расселения гребенских казаков // Историческая география России XVIII в. Ч. II. Источники и их характеристика. М., 1981. С. 40.

9. *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб., 2002. С. 8.

10. КРО. Т. 1. С. 12.

11. Там же. С. 13.

12. Там же. С. 23.

13. Там же. С. 14–29.

14. Там же. С. 21, 46–48.

15. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 69–70.

16. *Магомадова Т.С.* Первые русские крепости в междуречье Терека и Сунжи в XVI–XVII вв. // Вестник академии наук Чеченской республики. 2010. № 2 (13). С. 106.

17. Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. док. / выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. М., 1997 (далее – РЧО). С. 18.

18. Российский Государственный архив древних актов (Далее: РГА-ДА). Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 247 об.

19. КРО. Т. 1. С. 35.

20. Там же. С. 36.

21. *Юдин П.Л.* Первое появление казаков на Кавказе (мысли и факты) // Терские ведомости. № 178–179. 1912.

22. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 29.

23. *Кушева Е.Н.* Народы Северного... С. 265.

24. РЧО. С. 13.

25. Там же. С. 16.

26. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 125.

27. *Попко И.Д.* Указ. соч. С. VII.

28. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. LIII, 73, 292, 545; КРО. Т. 1. С. 112 (№ 34); *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 440–447; *Идрисов Ю.М.* Тюменское владение между Волгой и Кавказом: рождение и гибель государства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 80–83.

29. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 59.

30. КРО. Т. 1. С. 59.

31. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 80.

32. Там же. С. 132.

33. Там же. С. 351; РЧО. С. 43–44.

34. Там же. С. 79–81, 120, 121, 133, 147, 181.

35. Там же. С. 119, 131, 133, 144, 147.
36. Там же. С. 121, 136.
37. Там же. С. 121–122, 181.
38. РЧО. С. 18
39. КРО. Т. 1. С. 51.
40. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 119.
41. Там же. С. 545.
42. Там же. С. 112–113.
43. *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. С. 32–33 (карта).
44. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 350.
45. КРО. Т. 1. С. 385.
46. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 353.
47. КРО. Т. 1. С. 170–171, 182, 191, 220–221, 239–240.
48. Там же. 385.
49. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1603 г. Д. 1. Л. 1; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 365.
50. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 553–555, 558–561.
51. РЧО. С. 44.
52. Там же. С. 63.
53. РГАДА. Ф. 115. Оп. 2. 1615 г. Д. 6.
54. РЧО. С. 53.
55. *Скрынников Р.Г.* Дворянское сословие в период смуты начала XVII в. // Вестник ВолГУ. Серия 4. Вып. 10. 2005. С. 170.
56. РЧО. С. 53.
57. Там же. С. 55–56.
58. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 169.
59. *Корецкий В.И.* Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. № 4. 1968. С. 130.
60. *Тюменцев О.* Начальный этап восстания И.И. Болотникова и вольное казачество // Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. В. 2. Ростов-на-Дону, 2008. С. 38–39.
61. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 531, 534.
62. Там же. Указ. соч. С. 536.
63. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 3. 1613–1645. СПб., 1841. С. 15, 17.
64. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 73.
65. *Бентковский И.* Гребенцы // ЧОИДР. 1887. Кн. 3.
66. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 541.

67. КРО. Т. 1. С. 113–114.
68. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 4. 1645–1676. СПб., 1842. С. 186; РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628. Д. 35. Л. 28, 29.
69. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. Т. 2. 1598–1613. СПб., 1836. С. 175 (№ 81).
70. РЧО. С. 113.
71. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* О времени заселения гребенскими казаками левого берега Терека // История СССР. 1975. № 6.
72. РГАДА. Ф. 121. 1652 г. Д. 1. Л. 25–26, 29.
73. *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 42, 50.
74. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1615 г. Д. 1. Л. 10, 26.
75. Там же. Л. 10.
76. Там же. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 62; Там же. 1633 г. Д. 1. Л. 133.
77. Там же. 1633 г. Д. 1. Л. 133–133 об., 143.
78. Там же. Ф. 121. Оп. 1. 1654. Д. 1. Л. 67.
79. ЦГА ББР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 28. Л. 34; Д. 34. Л. 5; Д. 61. Л. 154.
80. Там же. Д. 7. Л. 86.
81. РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1627 г. Л. 416.
82. РЧО. С. 111–112.
83. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. Д. 42. Л. 20, 29, 33, 34.
84. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639–1640 гг.) // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1887 г. Кн. 2. М., 1887. С. 317.
85. КРО. Т. 1. С. 226.
86. РЧО. С. 113.
87. РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1631 г. Д. 1. Л. 238.
88. Там же. Ф. 121. Оп. 1. 1637. Л. 116.
89. *Кушева Е.Н.* О местах первоначального расселения... С. 36.
90. Посольство дьяка Федота Елчина... С. 302, 304, 312.
91. РЧО. С. 122.
92. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 71; Ф. 121. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 70.
93. Там же. 1640 г. Д. 1. Л. 215.
94. РЧО. С. 113.
95. КРО. С. 303.
96. ЦГА ББР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 106. Л. 52-а.

97. РГАДА. В. 115. Оп. 1. 1640 г. Д. 1. Л. 216.
98. Там же. Ф. 121. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Л. 29.
99. РЧО. С. 137.
100. *Кушева Е.Н.* О местах первоначального расселения... С. 36–41.
101. РЧО. С. 137.
102. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 169.
103. Русско-дагестанские отношения XVII–первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала, 1958 (далее – РДО). С. 181.
104. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 145.
105. Там же. 1647 г. Д. 1. Л. 72.
106. Там же. Ф. 121. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 18.
107. КРО. Т. 1. С. 256.
108. РЧО. С. 148–149.
109. Там же. С. 171.
110. КРО. Т. 1. С. 303.
111. *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа. Нальчик, 2007. С. 298.
112. КРО. Т. 1. С. 315.
113. Архив СПбИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2233. Л. 17.
114. *Дзамихов К.Ф.* Указ. соч. С. 298.
115. Архив СПбИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2273. Л. 3; РЧО. С. 175.
116. РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 68–70.
117. См. *Тхамокова И.Х.* «Трехстенный городок» и его место в истории Северного Кавказа // Научный диалог. 2015. № 12 (48).
118. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 452.
119. Там же. С. 193, 195.
120. КРО. Т. 1. С. 388.
121. РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Л. 32.
122. Там же. Ф. 127. Оп. 1. 1631 г. Д. 1. Л. 107.
123. Там же. Л. 108.
124. РЧО. С. 121
125. *Козлов С.А.* Указ. соч. С. 22.
126. Архив СПбИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2241. Л. 1.
127. КРО. Т. 1. С. 256.
128. РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 18.
129. Там же. 1652 г. Д. 1. Л. 30.
130. Там же. Л. 22–23.
131. Там же. Ф. 127. Оп. 1. 1631 г. Д. 1. Л. 107.
132. *Попов Х.* Материалы для истории войска Донского // Сборник областного Войска Донского статистического комитета. В. 13. Новочеркасск, 1915. С. 162–163.

133. Акты исторические... Т. 3. С. 27.
134. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1646 г. Д. 1. Л. 58.
135. *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. С. 289; *Попов Х.* Указ. соч. С. 162.
136. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе (из прошлого кавказского казачества) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 13. Владикавказ, 1915. С. 98.
137. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628. Д. 35. Л. 28.
138. Там же. Ф. 115. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 81.
139. Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1628. Д. 35. Л. 30.
140. Там же. Д. 42. Л. 29.
141. Там же. Л. 25.
142. Там же. Д. 35.
143. РЧО. С. 121.
144. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. Д. 42.
145. Там же. Л. 23.
146. *Козлов С.А.* Указ. соч. С. 15–16.
147. Там же. Ф. 121. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 10.
148. Там же. Ф. 115. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 306.
149. РЧО. С. 79.
150. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1628. Д. 5. Л. 10.
151. РЧО. С. 172.
152. Акты исторические... Т. 4. С. 50.
153. РГАДА. Ф. 115. Оп. 2. 1615. Л. 4.
154. Там же. Ф. 110. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 38; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 541.
155. Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1125. Л. 1.
156. *Юдин П.Л.* Первые поселения гребенцов // Терские ведомости. 1913. № 7.
157. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 136–137.
158. Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1628 г. Д. 5. Л. 17, 22.
159. Там же. Ф. 127. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 413.
160. Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1628 г. Д. 5. Л. 59.
161. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 541.
162. РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 70.
163. *Полиевктов М.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615–1640. (Посольства: Веревкина, Харитона, Феодосия, Никифора, Гегенева и Волконского). Тбилиси. ТГУ. 1937. С. 83.
164. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 130.
165. Там же. 1640 г. Д. 1. Л. 220–222.
166. Там же. Ф. 127. Оп. 1. 1629. Д. 1. Л. 72.

167. РДО. С. 110.
168. РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. 1628 г. Д. 35. Л. 71.
169. Там же Ф. 115. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 300.
170. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 137, 141.
171. *Козлов С.А.* Указ. соч. С. 20.
172. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1640 г. Д. 1. Л. 216.
173. Посольство дьяка Федота Елчина... С. 302, 309, 312,
174. РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 67.
175. *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России. Конца XVII – начала XVIII в. М., 1982. С. 170.
176. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 599. Оп. 2. Д. 1. Л. 3 об.
177. КРО. Т. 1. С. 11–13, 109–110.
178. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1614. Д. 1. Л. 51–52.
179. Там же. Л. 77.
180. КРО. Т. 1. С. 110.
181. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. Д. 35. Л. 2, 35, 55, 68.
182. РДО. С. 120.
183. Донские дела. Кн. 2. СПб., 1906. С. 904, 910.
184. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1646 г. Д. 1. Л. 262–263.
185. Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1628. Д. 42. Л. 23.
186. Там же. Л. 23, 29, 34.
187. Там же. Л. 25.
188. Там же. Л. 30, 34.
189. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 73.
190. Там же.
191. Там же. С. 78.
192. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1640. Д. 1. Л. 218.
193. Там же. Л. 215.
194. РЧО. С. 137–138.
195. КРО. Т. 1. С. 256
196. Там же. С. 308.
197. РЧО. С. 137–138.
198. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1640 г. Д. 1. Л. 215.
199. Там же. Л. 214–217; Дело по челобитным Муцала мурзы Черкасского // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1894 г. Кн. 3. М., 1894. С. 75–76.
200. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1644 г. Д. 5. Л. 520.
201. РДО. С. 192–193.
202. РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 227–228.

203. Там же. Ф. 115. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 306; Ф. 127. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 216.
204. Там же. 1644 г. Д. 5. Л. 504, 507.; 1640 г. Д. 1. Л. 216.
205. Там же. Оп. 1. 1615 г. Д. 1. Л. 10.
206. Там же. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 62.
207. Там же. Ф. 110. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 74.
208. Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. Д. 35. Л. 2, 55, 68.
209. Там же. Ф. 121. Оп. 1. 1637 г. Д. 1. Л. 116.
210. Там же. Ф. 115. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 71.
211. Там же. 1644 г. Д. 1. Л. 99; 1646 г. Д. 1. Л. 183–184.
212. Там же. 1646 г. Д. 1. Л. 262.
213. Там же. 1647 г. Д. 1. Л. 62.
214. Там же. Л. 37–38.
215. *Попко И.Д.* Указ. соч. С. VIII.
216. Там же. С. 33–34.
217. Там же. С. 81.
218. КРО. Т. 1. С. 260–261.
219. РЧО. С. 121.
220. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1647 г. Д. 1. Л. 60.
221. КРО. Т. 1. С. 169.
222. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 39.
223. Там же. 1643 г. Д. 1. Л. 401.
224. РЧО. С. 148–149.
225. Там же. С. 79.
226. РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 416.
227. Там же. Ф. 141. Л. 30. Оп. 1. 1628. Д. 42. Л. 30.
228. *Козлов С.А.* Указ. соч. С. 47.
229. РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Л. 24–25.
230. Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. Д. 42. Л. 1, 3, 4, 23, 29.
231. Там же. Л. 8.
232. *Ахмадов Я.З.* Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. Грозный, 2009. С. 220.
233. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 93.
234. Там же. Л. 95–98.
235. РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Л. 2.
236. Там же. Л. 3.
237. Там же. Л. 9–10.
238. Там же. Л. 5.
239. Там же. Л. 10.
240. Архив СПБИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2241. Л. 1.
241. КРО. Т. 1. С. 302.

242. Там же. С. 304.
243. Там же. С. 311.
244. Там же. С. 386.
245. Там же. С. 314–315.
246. Там же. С. 312.
247. Там же. С. 315–316.
248. РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Л. 21.
249. Там же. Л. 30.
250. Там же. Л. 24–25.
251. Там же. Л. 25–26.
252. Там же. Л. 31.
253. Там же. Л. 42.
254. Там же. Л. 87.
255. Там же. Л. 30.
256. РДО. С. 189.

257. *Абдусаламов М.-П.Б.* Кумыкские феодальные владения в контексте русско-иранского противоборства на Кавказе в 50-х гг. XVII в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 172. С. 81–82.

258. Архив СПбИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2229. Л. 2.

259. РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 55.

260. Там же. Л. 67–68.

261. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов Т. 1. 1666 – июнь 1670. М., 1954. С. 111.

262. Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII века). I. Тбилиси, 1974. С. 82

263. КРО. С. 375.

264. Архив СПбИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2241. Л. 1.

265. РЧО. С. 200.

266. Там же. С. 220.

267. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе (из прошлого кавказского казачества) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 13. Владикавказ, 1915. С. 99 (прим. 1).

268. Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 4 (167). М., 1893. С. 50.

269. Архив СПбИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11109.

270. КРО-1. С. 350–353.

271. ПСЗРИ-1. Т. 2. С. 185 (№ 743).

272. Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII века). Ч. 3. / пред. Г.Г. Пайчадзе). Тбилиси, 1979. С. 76.

273. Там же. С. 82.
274. Там же. С. 112–113.
275. Акты исторические. Т. 4. С. 285.
276. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе... С. 98.
277. Окладная расходная ... С. 50.
278. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). В. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 129.
279. КРО. Т. 1. С. 328.
280. *Берг Л.С.* Климат и жизнь. М., 1947. С. 93.
281. КРО. Т. 1. С. 333.
282. Акты исторические. Т. 4. С. 510.
283. Там же. Т. 5. С. 313.
284. Там же. Т. 4. С. 383.
285. Крестьянское восстание... Т. 3. М., 1962. С. 354.
286. ПСЗРИ – 1. Т. 2. С. 942 (№ 1310).
287. Дополнения к актам историческим. Т. 12. С. 228.
288. Там же. С. 242.
289. Там же.
290. Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 2. В. 1. Харьков, 1890. С. 102.
291. Дополнения к актам историческим. Т. 12. С. 242.
292. Там же. С. 266.
293. Там же. С. 272.
294. Там же.
295. Там же. С. 277.
296. РЧО. С. 251.
297. Там же. С. 252.
298. Там же. С. 254.
299. Архив СПбИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12185. Л. 2.
300. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891. С. 164.
301. Акты исторические. Т. 5. С. 369.
302. Там же. С. 370.
303. *Сень Д.В.* Новые источники по истории казачества на Северном Кавказе конца XVII века // Культурная жизнь юга России. № 2 (31). 2009. С. 49.
304. Там же. С. 50.
305. РЧО. С. 253.
306. Акты исторические. Т. 5. С. 463.

307. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сб. док. / подгот.: Н.Б. Голикова. М., 2004. С. 197.
308. Там же. С. 41.
309. Там же. С. 264.
310. Там же. С. 349.
311. Там же. С. 260, 297.
312. Там же. С. 259.
313. Там же. С. 42.
314. Там же. С. 197, 351.
315. Там же. С. 349.
316. Там же. С. 196.
317. РГАДА. Ф. 371. Ст. 1145. Л. 18.
318. Социальные движения... С. 261.
319. Там же. С. 42–43.
320. Там же. С. 42–43, 258–259.
321. Там же. С. 350–351.
322. Там же. С. 359–360.
323. Там же. С. 360.
324. Там же.
325. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 5. СПб., 1907. С. 88.
326. Там же. С. 505.
327. Там же. Т. 6. СПб., 1912. С. 171.
328. Там же. С. 175.
329. *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 31.
330. *Рахаев Дж.Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг. Российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII в. М., 2012. С. 321.
331. РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 7. Л. 148.
332. *Рахаев Р.Дж.* Указ. соч. С. 318.
333. Там же. С. 319–321.
334. Там же. С. 322–323; РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 7. Л. 148–148 об.
335. ГАО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
336. Там же. Л. 6.
337. Там же. Д. 2. Л 1–1 об., 3.
338. *Белл Дж.* Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь // *Рахаев Дж.Я.* Указ. соч. С. 714.
339. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 54. Л. 659.
340. Там же. Л. 679–680.

341. Там же. Ф. 248. Оп. 3. Д. 100. Л. 438–438 об.
342. *Рахаев Дж.Я.* Указ. соч. С. 518.
343. Там же. С. 517.
344. РГАДА. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 5. Л. 75 об.-79.
345. *Лопухин А.И.* Журнал путешествия через Дагестан // *Рахаев Дж.Я.* Указ. соч. С. 454.
346. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 102. Л. 690.
347. Социальные движения... С. 294.
348. *Юдин П.Л.* Терцы и их восточные соседи // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 8. Владикавказ, 1914. С. 11.
349. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 458. Л. 203–203 об.
350. Там же. Л. 204–204 об.
351. Там же. Ф. 119. Оп. 1. 1704 г. Д. 1. Л. 1, 5 об.
352. Социальные движения... С. 197.
353. КРО. Т. 1. С. 302–303.
354. Социальные движения... С. 197.
355. РГВИА. Ф. ВУА (846. Оп. 16. Т. 1). Д. 35. Ч. 1. Л. 188–188 об.
356. *Козлов С.А.* Указ. соч. С. 55.
357. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 5. Л. 327, 335.
358. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Д. 33. Л. 508.
359. *Козлов С.А.* Указ. соч. С. 55.
360. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 102. Л. 708 об.
361. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 5. Л. 327–331, 402–403, 431; Д. 43. Л. 1095; Св. 75. Д. 7(8). Л. 140–140 об.
362. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 102. Л. 701.
363. Там же. Д. 94. Л. 297.
364. Там же. Д. 102. Л. 690.
365. Там же. Л. 708 об.
366. Там же; Там же. Д. 94. Л. 295.
367. Там же. Д. 94. Л. 388; Д. 102. Л. 701, 708–708 об.
368. Там же. Д. 102. Л. 702, 709.
369. Там же. Д. 94. Л. 296 об.
370. Там же. Л. 60, 294, 297; *Маркович Я.* Дневные записки малороссийского подкарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. С. 107.
371. РЧО. С. 137.
372. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе... С. 101.
373. КРО. Т. 2. С. 24–26, 32.
374. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 94. Л. 32.
375. Там же. Л. 60, 297.
376. Там же. Л. 408 об.
377. Там же. Оп. 7. Д. 380. Л. 430–430 об.

378. ПСЗРИ-1. Т. 6. С. 367 (№ 3750).
379. Материалы Военно-учетного архива Главного штаба. Т. 1. СПб., 1871. С. 510.
380. Там же. С. 521.
381. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе... С. 102; *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря. О походе Петра I к лежащим при Каспийском море персидским провинциям в 1722 году // *Рахаев Дж.Я.* Указ. соч. С. 696, 699, 700.
382. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе... С. 105.
383. ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 1. Л. 5 об.
384. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе... С. 102.
385. Там же. С. 106.
386. РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 17. Л. 56 об.
387. Высочайшие указы и повеления императора Петра I, данные правительствующему Сенату // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 11. СПб., 1873. С. 519, 526.
388. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе... С. 109–111.
389. *Юдин П.Л.* Первые поселения гребенцов // Терские ведомости. 1913. № 7.
390. *Маркович Я.* Указ. соч. С. 107.
391. ПСЗРИ-1. Т. 7. С. 286 (№ 4509).
392. *Шереметев П.С.* Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. М., 1914. С. 290.
393. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 72. Л. 182.
394. Там же. Л. 182 об.-183.
395. Там же. Л. 226–226 об.
396. Там же. Л. 226 об.
397. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 / ред. Н.Ф. Дубровин. Т. 3 (январь–июнь 1727 г.) // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 63. СПб., 1888. С. 369.
398. *Чекулаев Н.Д.* Разрыв шамхала Адиль-Гирея с русскими властями, его причины и последствия // Вестник института ИАЭ. 2006. № 1. С. 26.
399. *Рахаев Дж.Я.* Указ. соч. С. 550.
400. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 72. Л. 251 об.
401. Там же. Л. 251 об.
402. Там же. С. 281 об.
403. Там же. Л. 275; *Маркович Я.* Указ. соч. С. 118.
404. *Маркович Я.* Указ. соч. С. 120, 129.
405. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 / ред. Н.Ф. Дубровин. Т. 4 (июль–декабрь 1727 г.) // Сборник

Императорского русского исторического общества. Т. 69. СПб., 1889. С. 238–239.

406. *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия. М., 2010. С. 139.

407. РГВИА. Ф. ВУА (Ф. 846. Оп. 16. Т. 1.) Д. 37. Л. 7 об.

408. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе... С. 128–129.

409. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 / ред. Н.Ф. Дубровин. Т. 1 (февраль–июль 1726 г.) // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 55. СПб., 1886. С. 335.

410. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе... С. 129.

411. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 148.

412. Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик, 2010. С. 119.

413. *Маркович Я.* Указ. соч. С. 192–193.

414. Кабардино-русские... С. 41 (№ 40).

415. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 68. Л. 1103–1106 об.; Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 гг. / под ред. Н.Ф. Дубровина. Т. 1... С. 250–251.

416. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 10. Л. 37–38 об.

417. *Козлов С.А.* Указ. соч. С. 59.

418. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 44. Д. 68. Л. 577.

419. Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Т. X // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 115. М., 1903. С. 502.

420. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 16. Л. 560.

421. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 6. Л. 119.

422. Там же. Д. 8. Л. 24.

423. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 10. Л. 84; д. 19. Л. 652–654.

424. Там же. Св. 71. Д. 1. Л. 28 об.

425. Материалы Екатерининской законодательной комиссии... С. 460.

426. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 19. Л. 652.

427. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 69. Л. 33.

428. Там же. Л. 31.

429. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 124. Д. 39. Л. 371–373.

430. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 6. Л. 88–88 об., 95–96 об., 109–110 об.

431. Там же. Оп. 8. Д. 1. Л. 3.

432. Там же. Оп. 18. Д. 18. Л. 57.

433. Там же. Оп. 17 доп. Д. 62. Л. 49.

434. Там же. Л. 54 об; Д. 61. Л. 39.
435. Там же. Д. 18. Л. 65–65 об; Д. 66. Л. 189–190.
436. Там же. Л. 188, 191 об.
437. Там же. Л. 200 об.
438. Там же. Л. 149.
439. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 8. Д. 6. Л. 125.
440. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 71. Д. 1. Л. 22 об.
441. Там же. Л. 1.
442. Там же. Л. 19–20 об.
443. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 58. Л. 12.
444. Там же. Л. 20–22 об.
445. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 71. Д. 1. Л. 23 об.
446. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 5. Л. 110–110 об.
447. Там же. Л. 120–121.
448. Там же. Д. 10. Л. 29–29 об.
449. Там же. Л. 27–27 об.
450. Там же. Л. 27 об-28, 38.
451. Там же. Л. 31–34.
452. КРО. Т.2. С. 159–160.
453. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 12. Л. 118–119.
454. Там же. Л. 128–128 об.
455. Там же. Д. 22. Л. 67.
456. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1. СПб., 1869. С. 262.
457. ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 24. Л. 25.
458. Там же. Л. 78.
459. Там же. Д. 29. Л. 49–49 об.
460. Там же. Д. 62. Л. 44.
461. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 124. Д. 24. Л. 73 об.-74.
462. Там же. Св. 108. Д. 42. Л. 18; Св. 124. Д. 26. Л. 142.
463. Там же. Св. 108. Д. 43. Л. 25.
464. Там же. Л. 30.
465. Там же. Д. 46. Л. 101–105 об.
466. Там же. Св. 124. Д. 25. Л. 94–106.
467. Там же. Д. 30. Л. 211–211 об.
468. Там же. Л. 19–20.
469. Там же. Л. 24.
470. Там же. Л. 27.
471. Там же. Л. 26.
472. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 16. Л. 31.
473. Там же. Л. 28–29.

474. Там же. Л. 41 об.
475. Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Т. X // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 115. М., 1903. С. 490.
476. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 34. Л. 19.
477. Там же. Д. 23. Л. 76.
478. КРО. Т.2. С. 216.
479. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 50. Л. 10 об., 20.
480. Там же. Д. 100. Л. 21.
481. Там же. Л. 76.
482. Там же. Д. 105. Л. 107.
483. Там же. Д. 66. Л. 205.
484. Там же. Д. 75. Л. 152.
485. *Броневский С.* Указ. соч. С. 118–119.
486. Там же. С. 128.
487. Там же. С. 129.
488. Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Т. X... С. 462, 471.
489. РГВИА. Ф. 644. Оп. 1. Д. 117. Л. 8; *Дмитренко И.И.* Материалы к истории Терского казачьего войска // Терский сборник. Издание Терского областного статистического комитета / под ред. Г.А. Вертепова. В. 4. Владикавказ, 1897. С. 58.
490. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 30. Л. 59.
491. Там же. Д. 69. Л. 73 об.
492. Там же. Д. 65. Л. 31.
493. Там же. Л. 41.
494. Там же. Оп. 18. Д. 20. Л. 5.
495. Там же. Оп. 17 доп. Д. 75. Л. 163 об.
496. *Ахмадов Ш.Б.* Кунаки // Вехи единства. Грозный, 1982. С. 110.
497. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 39. Л. 52.
498. Там же. Д. 24. Л. 67.
499. Там же. Д. 44. Л. 39–39 об. ; 44–44 об.
500. Там же. Д. 62. Л. 59 об.
501. Там же. Л. 60.
502. Там же. Д. 23. Л. 9.
503. Там же. Л. 9 об.
504. Там же. Д. 24. Л. 2.
505. Там же. Д. 49. Л. 36.
506. Там же. Д. 50. Л. 97–97 об.
507. Там же. Д. 6. Л. 126–126 об.
508. Там же. Д. 50. Л. 24.

509. Там же. Д. 7. Л. 18.
510. Там же. Л. 50–51.
511. Там же. Д. 28. Л. 34.
512. Там же. Д. 30. Л. 36.
513. Там же. Д. 37. Л. 12.
514. Там же. Д. 7. Л. 86–86 об.
515. Там же. Д. 23. Л. 9.
516. Там же. Д. 34. Л. 14–14 об.
517. Там же. Д. 59. Л. 17.
518. Там же. Д. 49. Л. 51.
519. Там же. Д. 12. Л. 119.
520. Там же. Д. 59. Л. 17.
521. Там же. Л. 47.
522. Там же. Д. 103. Л. 46.
523. Там же. Д. 101. Л. 101; Д. 102. Л. 9.
524. РГВИА. Ф. 644. Оп. 1. Д. 117. Л. 6 об.
525. КРО. Т. 2. С. 201, 216–222, 303–304, 328–335 (№ 148, 164, 165).
526. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 77. Л. 71.
527. ПСЗ-1. Т. 17. С. 189; т. 43. С. 105–107 (№ 12432).
528. Там же. Т. 43. С. 106.
529. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 83. Л. 85.
530. Там же. Л. 115.
531. Там же. Д. 93. Л. 13.
532. Там же. Л. 21, 29.
533. Там же. Л. 27, 33, 36.
534. РГВИА. Ф. 13. Оп. 2/110. Св. 167. Д. 10. Л. 5–6.
535. ПСЗРИ-1. Т. 19. С. 6 (№ 13404).
536. Там же. С. 7.
537. ПСЗРИ-1. Т. 9. С. 222, 231 (№№ 6496, 6508).
538. *Ригельман А.* История или повествование о донских казаках. М., 1846. С. 141.
539. ПСЗРИ-1. Т. 19. С. 7. (№ 13404).
540. Там же. Т. 20. С. 375 (№ 14464).
541. ПСЗРИ-1. Т. 20. С. 374 (№ 14464).
542. Там же. С. 519 (№ 14607).
543. АКАК. Т. 1. С. 81.
544. Там же. С. 88.
545. Там же. Т. 5. С. 843.
546. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М.: Наука. 1988. С. 153.
547. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 143. Д. 58. Л. 474–474 об.

548. Там же. Л. 475.
549. Там же. Св. 124. Д. 39. Л. 347 об., 353 об.
550. ГААО. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 63. Л. 5.
551. ПСЗРИ-1. Т. 20. С. 520–521 (№ 14607).
552. *Бутков П.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 53.
553. АКАК. Т. 1. С. 91.
554. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 17. Л. 132–134 об.
555. Там же. Л. 205.
556. Там же. Д. 9. Ч. 9. Л. 291.
557. АКАК. Т. 3. С. 636–637.
558. ПСЗРИ – 1. Т. 23. С. 307 (№ 17025).
559. *Бутков П.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 110–111.
560. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 141–142.
561. *Сосиев А.* Станица Екатериноградская. Историко-статистический очерк // Терский сборник. В. 5. Владикавказ, 1903. С. 8.
562. АКАК. Т. 1. С. 716.
563. *Бутков П.Г.* Указ. соч. Т. 2. С.
564. Там же. С. 62.
565. Там же. С. 112.
566. АКАК. Т. 5. С. 843.
567. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Ч. 19. Л. 336.
568. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 50. Л. 93–94.
569. *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829. С. 67, 80–81.
570. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 604; *Дебу И.* Указ. соч. С. 63–64.
571. АКАК. Т. 2. С. 1109–1110.
572. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 22. Ч. 4. Л. 230.
573. Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002. С. 228.
574. *Козлов С.А.* Указ. соч. С. 117.
575. РГВИА. Ф. 644. Оп. 1. Д. 117. Л. 5.
576. Там же. Ф. 13. Оп. 3/111. Д. 25. Л. 1.
577. Там же. Д. 30. Л. 3.
578. Там же. Л. 1–1 об.
579. Там же. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 2. Л. 10.
580. АКАК. Т. 1. С. 720–721.
581. Там же. С. 723.
582. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 233. Л. 2.
583. АКАК. Т. 1. С. 723.
584. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6171. Л. 5 об.; *Сосиев А.* Указ. соч. С. 9.

585. АКАК. Т. 5. С. 863.
586. РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300. Л. 43.
587. *Дебу И.* Указ. соч. С. 80–81.
588. АКАК. Т.6. Ч. 2. С. 447.
589. Там же. С. 467.
590. *Ермолов А.П.* Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. 2. 1816–1867. М., 1868. С. 54.
591. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века: сборник документов. Махачкала, 1959. С. 27; *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 63–64.
592. *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 87–88.
593. Там же. С. 132.
594. Там же. С. 45, 58, 80, 117; АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 504.
595. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 468; *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 128, 132.
596. Там же. Т. 5. Ч. 2. С. 508, 513, 516; *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 181.
597. Там же. С. 177; *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 2. Ставрополь, 1994. С. 473–475.
598. *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 169–175.
599. ПСЗРИ-1. Т. 38. С. 1302 (№ 29682).
600. Там же.
601. Там же. С. 1303.
602. *Прозрителев Г.Н.* Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. Ставрополь, 1912. С. IV.
603. Государственный архив Ставропольского Края (далее – ГАСК). Ф. 235. Оп. 1. Д. 104. Л. 8–9.
604. ПСЗРИ-2. Т. 4. С. 127 (№ 2693).
605. *Прозрителев Г.Н.* Указ. соч. С. II.
606. ПСЗРИ-2. Т. 2. С. 854 (№ 1418).
607. Там же. Т. 3. С. 842 (№ 2301).
608. Там же. Т. 6. Ч. 1. С. 387 (№ 4579).
609. Там же. Т. 4 С. 692–693 (№ 3205).
610. Там же. С. 109 (№ 2671).
611. Там же.
612. Там же. С. 110 (№ 2672).
613. АКАК. Т. 8. Тифлис, 1881. С. 796–798.
614. ПСЗРИ-2. Т. 8. Ч. 1. С. 96 (№ 5978).
615. Там же. Т. 8. С. 233 (№ 6149).
616. Там же. С. 773 (№ 6647).
617. Там же. Т. 7. С. 640 (№ 5630).

618. Там же. Т. 7. С. 883 (№ 5796).
619. *Прозрителев Г.Н.* Указ. соч. С. II–V.
620. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 50. Л. 99–100.
621. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
622. Там же. Д. 20. Л. 2.
623. Там же. Л. 3.
624. *Бутова Е.* Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее – СМОМПК). В. 7. Тифлис, 1889. С. 4.
625. ПСЗРИ-2. Т.7. С. 801. (№ 5698).
626. АКАК. Т. 8. С. 588, 679, 684, 687, 696, 698, 719; Т. 9. С. 423, 437, 439, 765, 884; Т. 10. С. 500, 503, 523, 532, 534, 542, 549, 554, 579.
627. РГВИА. Ф. 644. Оп. 1. Д. 117. Л. 10.
628. *Юдин П.Л.* Генерал-майор Николай Павлович Слепцов как организатор Сунженской линии. Владикавказ, 1911. С. 18.
629. *Сосиев А.* Указ. соч. С. 9–10.
630. АКАК. Т. 12. С. 1121, 1128, 1149, 1155, 1165; *Сосиев З.* Станица Черноярская // Терский сборник. Владикавказ, 1903. В. 5. С. 41
631. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 45. Л. 1–3, 13–14 об.; Д. 134. Л. 2 об.; Ф. 13454. Оп. 2. Д. 328. Л. 9–10.
632. *Сосиев З.* Указ. соч. С. 39–40.
633. ЦГА КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 55. Л. 21, 27 об., 31, 40, 134 об.-135; Д. 56. Л. 25 об.-26, 73, 170 об.-172, 199–199 об.; Д. 57. Л. 14 об., 25 об., 30 об.-31.
634. ЦГА КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.
635. ПСЗРИ-2. Т. 6. Ч. 1. С. 213 (№ 4405).
636. Там же. Т. 10. Ч. 1. С. 388 (№ 8107).
637. Там же. Т. 12. Ч. 2. С. 856 (№ 10670).
638. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 518. Л. 1.
639. *Пономарев Ф.П.* Материалы по истории Терского казачьего войска. 2-ой Малороссийский полк. Терский сборник. В. 6. Владикавказ, 1904. С. 229.
640. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 518. Л. 3.
641. Там же. Л. 3 об.
642. Там же. Л. 37 об. – 46 об.
643. *Пономарев Ф.П.* Указ. соч. С. 229–230.
644. *Губанов Г.П.* Хуторская жизнь в Терской области // СМОМПК. Тифлис, 1904. В. 33. Отд. 2. С. 37; *Востриков П.А.* Станица Наурская, Терской области // Там же. С. 122–128.

645. *Косвен М.О.* Дело сотника Атарщикова // *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. С. 254–258; *Ходарковский М.* Горький выбор. Верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016.
646. *Ходарковский М.* Указ. соч. С. 36–62.
647. *Чернозубов Ф.* Побег в горы. (История одной раскольничьей обители у Шамиля). 1849–1859 // *Русский архив.* 1911. В. 10. С. 249–261.
648. *Ермолов А.П.* Указ соч. С. 135, 162, 190.
649. ПСЗРИ-2. Т. 13. Ч. 2. С. 36 (№ 11446).
650. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 619. Л. 7.
651. Там же. Д. 644. Л. 270 об.-271.
652. Там же. Д. 722. Л. 10 об.
653. АКАК. Т. 9. С. 270.
654. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 383. Л. 13–16 об.
655. АКАК. Т. 9. С. 270.
656. ПСЗРИ-2. Т. 17. С. 8 (№ 16058); РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 383. Л. 279.
657. *Дзагалов А.С.* Переселение отставных солдат – выходцев из Украины на передовые рубежи Кавказской казачьей линии в 1860–61 гг. // *Український історичний збірник.* Київ, 2009. Вип. 12. С. 125.
658. ПСЗРИ-2. Т. 20. Ч. 1. С. 186 (№ 18739)
659. Там же. С. 201 (№ 18739).
660. Там же. Т. 20. Ч. 1. С. 213 (№ 18739).
661. Там же. Т. 20. Ч. 2. С. 83 (№ 18739).
662. ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Ч. 2. Л. 299.
663. Там же. Л. 277.
664. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 463. Л. 28 об., 29.
665. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. 419.
666. *Сосиев А.* Станица Екатериноградская. Историко-статистический очерк // *Терский сборник.* Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 6.
667. *Елоев.* Станица Георгиевская // *Терский сборник.* В. 5. Владикавказ, 1903. С. 83.
668. Статмонографии... С. 20.
669. Там же. С. 138.
670. Там же. С. 161–162, 213.
671. Там же. С. 236; *Бутова Е.* Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // *СМОМПК.* В. 7. Тифлис, 1889. Отд. I. С. 4.
672. Статмонографии... С. 321.
673. ПСЗРИ-2. Т. 34. Ч. 1. С. 402–403 (№ 34449).
674. Там же. Т. 33. Ч. 1. С. 728 (№ 33280).

675. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 156. Л. 25–26.
676. Там же. Д. 157. Л. 10–10 об.
677. ПСЗРИ-2. Т. 25. Ч. 1. С. 752 (№ 44473).
678. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 669. Л. 5.
679. *Гютюнина Е.С.* Нальчане – основатели станицы Зольской // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы восьмой международной кубанско-терской научно-практической конференции. Армавир, 2012. С. 114–119.
680. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 159. Л. 2.
681. ПСЗРИ-2. Т. 33. Ч. 2. С. 282 (№ 33641).
682. АКАК. Т. 12. С. 1167.
683. ПСЗРИ-2. Т. 35. Ч. 1. С. 369 (№ 35657).
684. Там же. Т. 35. Ч. 1. 612. (№ 35833).
685. Там же. Т. 35. Ч. 2. С. 201 (№ 36276).
686. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
687. ПСЗРИ-2. Т. 35. Ч. 2. С. 203–204 (№ 36283).
688. Статмонографии... С. 39.
689. *Семенов П.* Станица Слепцовская, Терской области, Владикавказского округа // СМОМПК. В. 5. Тифлис, 1886. С. 172.
690. Статмонографии... С. 1.
691. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 38. Л. 17–17 об.
692. Статмонографии... С. 75.
693. Там же. С. 101.
694. *Юдин П.Л.* Генерал-майор Николай Павлович Слепцов... С. 7–11.
695. *Дзагалов А.С.* Указ. соч. С. 126.
696. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 57. Л. 7.
697. Статмонографии... С. 241, 242, 250.
698. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877. Ко дню юбилейного празднования 3-го октября 1881 г. / сост. С. Писарев. Владикавказ, 1881. Приложения. С. 13.
699. ПСЗРИ-2. Т. 35. Ч. 1. С. 122 (№ 35421).
700. Там же. Т. 35. Ч. 2. С. 391 (№ 36327).
701. *Попко И.Д.* Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Выпуск первый. Гребенское войско. СПб., 1880. С. 507–508.
702. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1030. Л. 200.
703. Там же. 205 об.
704. Там же. Л. 200 об.
705. Там же. Д. 38. Л. 12–12 об.

706. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 20. Л. 5, 7, 10, 25–28, 35–42, 91–94, 160–167, 171–172, 254–255.
707. Там же. Д. 26.
708. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 78. Л. 9.
709. Там же. Л. 26–26 об.
710. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 14. Д. 74. Л. 38.
711. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 621. Л. 14–34.
712. Там же. Д. 801. Л. 49; *Афанасьев М.* Станица Терская, Сунженского отдела, Терской области // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. С. 101.
713. ПСЗРИ-2. Т. 35. Ч. 2. С. 164 (№ 36204).
714. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 41. Л. 28–32.
715. Там же. Д. 12. Л. 41.
716. АКАК. Т. 12. С. 1252.
717. ЦГА КБР. Ф. Р-1309. Оп. 13. Д. 50. Л. 30–34.
718. Там же. Л. 77–83, 93–94, 98–102, 113–114.
719. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 765. Л. 7–58.
720. Там же. Д. 544. Л. 2 об.
721. ПСЗРИ-2. Т. 45. Ч. 2. С. 1 (№ 48531).
722. *Ткачев Г.А.* Ст. Александрийская (Копай) Бывшее казенное селение Александрия // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912. № 5. С. 24.
723. Там же. Т. 44. Ч. 1. С. 356 (№ 49998).
724. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 801. Л. 86.
725. Там же. Л. 13–49, 76 об.
726. Статмонографии... С. 381.
727. ПСЗРИ-2. Т. 44. Ч. 2. С. 416–417. (№ 47849).
728. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 14. Д. 74. Л. 38–39.
729. Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–7.
730. Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска за 1889 г. Владикавказ, 1891. С. 13.
731. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 135. Л. 1.
732. Там же. Л. 6 об.
733. Трехсотлетие Терского казачьего войска... С. 41.
734. Там же. С. 43.
735. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 26. Л. 52 об.
736. *Гапуров Ш.А., Бакашов А.В.* Восстание в Аргунском округе в 1860–1861 гг. // Вестник Академии наук Чеченской республики. Исторические науки. 2009. № 2 (13). С. 88–92.
737. Трехсотлетие терского казачьего войска... С. 49.

738. *Гапуров Ш.А., Бакашов А.В.* Страницы истории освободительного восстания в Чечне в 1877 г. // Вестник Академии наук Чеченской республики. Исторические науки. 2011. № 1 (14). С. 101–107.
739. Трехсотлетие Терского казачьего войска... С. 50–52.
740. Там же. Приложения. С. 3, 7, 11, 12.
741. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 105. Л. 69–70.
742. Афанасьев М. Станица Терская // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. С. 113–114.
743. *Ткачев Г.А.* Чеченцы и ингуши в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911. С. 141–143.
744. *Ткачев Г.А.* Указ. соч. С. 122–126.
745. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 63. Л. 78–86, 135–153.
746. Статмонографии... С. 10.
747. ПМА. Сообщение Евсейченко М.И., р. 1911, ст. Солдатская.
748. Статмонографии... С. 291, 338–339; *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 172, 261.
749. *Губанов Г.П.* Хуторская жизнь в Терской области // СМОМПК. В. 33. Тифлис, 1904. С. 67, 71.
750. Статмонографии... С. 298.
751. Там же. С. 143.
752. ПМА. Сообщение Красиной Л.В., р. 1916, г. Прохладный.
753. Статмонографии... С. 218.
754. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 303.
755. ПМА. Сообщение Красиной Л.В., Головки Е.В., р. 1908, г. Прохладный; Кутаховой В.А., р. 1920, ст. Екатериноградская.
756. *Великая Н.Н., Белецкая Е.М.* Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). Армавир, 2014. С. 52.
757. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXVIII. Терская область. СПб., 1905. С. 221.
758. Там же. С. 211.
759. Отчет Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска за 1904 г. Владикавказ, 1905. С. 10.
760. Отчет Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска за 1913 год. Владикавказ, 1914. С. 8.

Глава 3

СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ: АДАПТАЦИЯ К ПРИРОДНОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Из истории хозяйства терского казачества

Основным занятием казаков в ранний период их истории была военная служба. Все остальные виды деятельности имели для них вспомогательное значение. При этом казаки изначально отдавали предпочтение тем отраслям хозяйства, которые могли принести им прибыль. Так, уже в 40 гг. XVII в. писали, что на Терке «меж казачьих городков, тутового дерева много», что у казаков можно раздобыть «шелкового семени»¹, т.е. они занимались производством шелка. Возможная прибыль от шелководства представляла большой интерес и для царской администрации. Жившему в Терках иранскому купцу («тезику») Муратхану Шихмаметову было поручено организовать шелковый завод.

Еще одной важной отраслью был сбор и продажа красящего корня марены, чем занимались в середине XVII в. многие «торговые люди... покиня свои иные промыслы, потому что узнали они в том промыслу болшую прибыль». Это корень экспортировали в Иран: «на Терке де траву марену Кизылбашским купецким людем продают Терские всякие люди и Терские Гребенские казаки, а емлют де тое траву выкапывая из земли с кореньем около Терка»².

В тот же период у казаков уже существовало виноделие – еще одна доходная отрасль хозяйства: «в казачьих городках, от Терского города верстах с полуторе сте виноградного кустья добре много». Казаки делали вино из дикорастущего винограда и продавали его в городе: «...и в казачьих городках лесной виноград делают и в Терской город виноградное питье Терченя и Терские и Гребенские казаки привозят...»³.

В первый период истории казачества большое значение для него имела охота и рыболовство. Как писали сами казаки, они кормились «по лесам всякою звериною охотою и по рекам рыбною ловлею»⁴.

Скотоводство играло, видимо, важную роль в хозяйстве казаков в XVII в. Они постоянно жаловались на то, что ногайцы или кумыки угоняют у них скот⁵, топчут сенные покосы и травят сено⁶. Есть

также сведения о том, что казаки выгоняли «свою животину на степ с пастухами»⁷.

У них было много крупного рогатого скота. Казачьи городки в тот период были очень небольшими, их население исчислялось десятками, а количество скота – сотнями. В 1650 г. тарковцы угнали от Верхнего Червленого городка 150 голов «рогатой животины»⁸. В 1653 г. при нападении эндирейских, тарковских и иранских «ратных людей» казаки Шевелева и Шадрина городков потеряли по 300 голов крупного рогатого скота, Ищерского и Леонтьева городка Симонова – по 150, Потапова городка Вязаного – 200, Афанасьева городка Слепова – 100, Семенова городка Сарафанникова – 80. А мелкого рогатого скота у казаков было, видимо, меньше. Только от одного городка – Медвеженского – кроме 200 голов «рогатой животины» угнали также 200 баранов⁹. Были у казаков также и лошади.

Но земледелием гребенские казаки в XVII в., видимо, не занимались. Во всяком случае, в их челобитных нет жалоб на вытоптанные в ходе набегов поля или уничтоженные посевы. Земледелие существовало в городе Терки. Источники неоднократно отмечают сады рядом с городом¹⁰, но практиковали жители города и полеводство. При проведении в 1640 г. переписи терских слобод, отмечалось, что многие черкесы, «окочане» и татары находились «на пашне»¹¹. Возможно, что и жившие рядом с Терками беломестные казаки занимались земледелием, хотя доказательств этого нет. Но не исключено, что казаки избегали этой формы хозяйства как несовместимой с их статусом, что известно, например, о донских казаках.

В XVIII в. у казаков продолжало развиваться скотоводство. Переселенные к крепости Святого креста донские казаки тоже пытались разводить крупный рогатый скот и лошадей, но им мешали набеги соседних народов. Как впоследствии жаловались казаки, их скот был «отогнат весь без остатку»¹².

Существовало по-прежнему и рыболовство, гребенские казаки неоднократно просили о разрешении продавать рыбу соседним народам¹³. Упоминается также и охота, в том числе с использованием капканов¹⁴.

К 1728 г. гребенские казаки уже занимались земледелием, хотя хлебопашество, видимо, не относилось к числу важнейших отраслей их хозяйства. Как писал И. Гербер, они имели при своих городках «сады, луга и малое число пашен»¹⁵. Документы середины XVIII в. подтверждают, что у казачьих станиц были «пашенные места», на которых казаки «хлеб сеяли»¹⁶.

Развивалось у казаков и виноградарство¹⁷, и садоводство, и производство шелка: гребенские казаки имели «сады виноградные и в них ябланного, тутового и протчие деревья»¹⁸.

У терско-семейных казаков после их переселения к Кизляру также были пахотные земли и сенокосы. И хотя чиновники отмечали, что «помянутые семейные казаки настоящие русские и до земледелия привыкшие»¹⁹, новые для них природные условия препятствовали развитию хлебопашества. В 1744 г. отмечалось, что у них «никакой хлеб уже года с три не родится»²⁰. Они выживали только за счет царского жалованья.

Во второй половине XVIII в., как писал, И Гильденштедт, у казаков было «мало времени, да и склонности к мирным занятиям»²¹. Тем не менее у них сохранялись привычные для них отрасли хозяйства: сбор корня марены²², шелководство, скотоводство. Земледелие развивалось медленно. Казаки выращивали немного пшеницы, ржи, ячменя, проса, сеяли коноплю. В их садах росли также бахчевые культуры и овощи: арбузы, дыни, тыквы, огурцы, капуста, редька, репа, морковь, свекла, горох, хрен, лук и др.²³

Когда в 1777 г. началось строительство крепостей на Азово-Моздокской линии, Екатерина II лично рекомендовала, «чтоб хлебопашество стараться всеусильно размножить при всех крепостях ко особливому ея величества удовольствию, а притом завести к пользе того края – конские заводы, виноградные сады и табак»²⁴. При всех этих крепостях жили переселенные на Кавказ волжские казаки. Именно они и должны были выполнять пожелания императрицы. Казаки, жившие при крепости Екатерининской, вспахали и засеяли небольшой участок земли в том же 1777 г., когда они были переведены на Кавказ²⁵. В 1778–79 гг. земледелие уже существовало у казаков, обосновавшихся рядом с крепостями Георгиевской, Андреевской, Павловской, Екатерининской, Марьянской, хотя посевы были небольшими, а урожаи невысокими²⁶.

В начале XIX в. сохранялись существовавшие ранее отрасли хозяйства. В этот период источники уже позволяют выявить влияние природных условий на особенности хозяйства некоторых станиц. Так, хотя все казаки занимались земледелием, но только у терско-семейных казаков отмечено орошение полей при помощи каналов, проведенных из Терека²⁷. Видимо, этого требовал засушливый климат, и казаки, хотя и не без труда, к нему адаптировались. В этом, возможно, им помогли земледельческие традиции их соседей-кумыков или других народов Дагестана²⁸.

В станицах Волжского казачьего полка было значительно меньше виноградников, чем в гребенских, терско-семейных или моздокских. В некоторых станицах их почти не было. Видимо, климат Центрального Предкавказья более благоприятствовал возделыванию зерновых, чем винограда.

Можно обнаружить также влияние народов Кавказа на скотоводство казаков. Они разводили скот кабардинской и ногайской пород²⁹. Лошадей гребенские казаки покупали у кабардинцев³⁰.

В XIX в. численность казачества значительно увеличилась, и занятая им территория столь же существенно расширилась. Казаки расселились не только по равнинным районам, но и по предгорьям, появились и «лесогорные» станицы. Потребовалась новая адаптация к непривычным природно-климатическим условиям.

Уже в XIX в. ученые, прежде всего О.В. Маргграф, обратили внимание на тот факт, что «все особенности и разнообразие хозяйств Терского казачьего населения находятся... в полной зависимости от тех условий местности, в которых поселены станицы. И в этом отношении они распадаются на четыре главные типа, между которыми есть, конечно, несколько второстепенных, переходных типов»³¹.

К первому типу он отнес «лесогорные и предгорные» станицы, которые имели недостаточно земли, удобной для хлебопашества. Непривычный для русских рельеф местности затруднял развитие земледелия. Кроме того, относительно прохладный и влажный климат с частыми осенними дождями и ветрами приводил к потере значительной части урожая зерновых. Большинству казаков этих станиц собранного хлеба не хватало для собственного пропитания. Средства к существованию они получали за счет продажи леса и изделий из дерева, а также за счет отхожих промыслов. Летом они нанимались на сельскохозяйственные работы в другие станицы. Станицы этого типа были беднейшими станицами Терского казачьего войска, казакам здесь было сложнее всего приспособиться к непривычным для них условиям.

Ко второму типу относились степные станицы, жители которых занимались «почти исключительно хлебопашеством». Природные условия северокавказских степей были благоприятны для земледелия, традиционной для восточных славян отрасли хозяйства, что облегчало адаптацию. В большинстве своем казаки этих станиц не только полностью обеспечивали себя зерном, но и продавали излишки. Это были относительно богатые станицы.

Третий тип составляли станицы, расположенные вблизи курортов Кавказских минеральных вод. От станиц второго типа они отличались только тем, что наряду с хлебопашеством у них было хорошо развито огородничество, луговоеводство и пчеловодство. Овощи, фрукты, продукцию животноводства можно было с выгодой сбывать на курортах³². Это также были вполне благополучные станицы.

Четвертый тип был представлен станицами низовьев Терека. Частые разливы Терека, недостаток плодородных земель, жаркий и

засушливый климат этих мест были менее благоприятны для выращивания зерновых, но позволяли успешно возделывать виноград и производить вино. Хотя для русских это были необычные отрасли хозяйства, но в течение нескольких веков жизни на Кавказе казаки их успешно освоили, и в некоторых станицах получали от них не меньший, если не больший доход, чем от хлебопашества.

Основные выводы О.В. Маргграфа совершенно справедливы. Их можно только дополнить некоторыми сведениями, относящимися, в частности, к развитию рыболовства у терского казачества. Существование этой отрасли хозяйства было возможно только потому, что Терек в прошлом был очень богат рыбой, в том числе и такими ценными породами как осетр, севрюга, лосось.

В низовьях Терека рыбы было значительно больше, чем выше по его течению. Поэтому «низовые станицы имеют в рыболовстве видный источник существования, расположенные выше по реке находят в нем более или менее случайный подсобный заработок»³³. Особенно важной отраслью хозяйства рыболовство было для казаков станицы Александрийской, расположенной на одном из рукавов Терека недалеко от его устья, то есть находившейся «в наилучших по отношению к рыболовству условиях». Они занимались «почти исключительно» рыболовством, поскольку их болотистые земли не давали им возможности получать доходы от земледелия. Каждую осень они вылавливали «целые десятки тысяч голов, и даже пудов, сома, залегающего на зиму в глубоких ямах Старого Терека», а также и других видов рыб – лосося, шемая, сазана³⁴. Хозяйство станицы Александрийской с преобладанием рыболовства можно выделить в особый тип, сформировавшийся в результате адаптации к местным природным условиям.

Земледелие

Системы земледелия. Земледелием занимались казаки всех терских станиц, и в большинстве из них оно являлось главной отраслью хозяйства.

Терские казаки имели сравнительно большие земельные наделы, что позволяло им применять залежную систему земледелия, сохранявшуюся в станицах еще в начале XX в. Эта система земледелия издавна была известна восточным славянам. В XIX – начале XX в. она применялась в степных, сравнительно малонаселенных районах³⁵. Залежное земледелие преобладало и у народов Северного Кавказа, в частности, у кабардинцев. Очевидно, оно соответствовало природным условиям этого региона.

При залежной системе земледелия после двух или трех лет обработки землю оставляли отдыхать на несколько лет, используя ее как пастбище или сенокос, а затем вновь распахивали. В разных станицах применяли различные варианты залежной системы. Станица Екатериноградская: «Земля выносит двухлетнюю обработку, без всякого удобрения и искусственного орошения. Первый год сеют пшеницу и ячмень, а из яровых – просо; второй – просо, ячмень, овес и лен, причем землю они перепахивают или только боронят. Третий и четвертый годы земля отдыхает (или отдается в аренду под пастьбу овец); пятый, шестой, а иногда и седьмой годы – поступает под сенокос, а на восьмой – снова идет под пахоту»³⁶. С некоторыми изменениями подобная система применялась и во многих других терских станицах – Новогладковской, Шелкозаводской, Архонской, Георгиевской³⁷.

В станице Прохладной применялся иной вариант залежной системы: посевы озимых и яровых не чередовали, озимые сеяли на участках, расположенных вблизи станицы, яровые – дальше. «Для того чтобы земля дала урожай, она после 2–3 посевов должна отдыхать по меньшей мере 7 лет. Для яровых хлебов одну и ту же землю пашут через меньшие промежутки: года через 3–4»³⁸. Залежи использовали как пастбища или сенокосы. Примерно такой же порядок землепользования существовал и в станице Аки-Юртовской, где казаки выращивали озимые в степной части своего надела, а яровые – ближе к горам, потому что там чаще выпадали дожди³⁹.

При залежной системе землю не требовалось удобрять. В станице Архонской, по свидетельству современников, «земля не удобряется ничем, так как по своему плодородию не требует такового»⁴⁰. По словам жителей станицы Прохладной, «когда-то были здесь попытки удобрения полей, но на таких полях вырос только высокий бурьян»⁴¹. Способом восстановления плодородия земли было ее использование в качестве пастбища (*толоки*). Без этого повторная распашка считалась невозможной⁴².

Еще одним средством повышения урожайности являлось чередование сельскохозяйственных культур. Считалось, например, что после арбузов и дынь хорошо растет пшеница, поэтому бахчи занимали во многих станицах большие площади. Хорошим предшественником для пшеницы считался также лен⁴³, но его сеяли немного и далеко не во всех станицах.

Казаки станицы Прохладной пахали землю под озимые в июне, и до посева в августе или сентябре она оставалась свободной (под паром). В тех же станицах, где чередовали посевы озимых и яровых, озимые сеяли осенью, после уборки яровых. Землю под озимые также

пахали осенью или же вообще не пахали. Но и в этих станицах иногда оставляли часть земли под пар: «Благодаря громадной площади земли, вспахиваемой хуторянами каждую весну, очень часто не бывает возможности всю ее занять под яровой посев, и несколько десятин приходится оставлять свободными (под пар), до осени, для посева озими»⁴⁴. Пар также способствовал сохранению плодородия казачьих наделов. Той же цели, видимо, служила и распашка осенью под яровые культуры, когда земля до весны оставалась свободной (зябрь)⁴⁵.

В предгорных станицах, где было меньше земли, пригодной для земледелия, не всегда удавалось оставлять землю под залежь, что приводило к быстрому ее истощению. В станице Сунженской один и тот же участок земли на протяжении 8 лет пахали «под хлеб, меняя ежегодно только виды хлебных растений (нечто в роде переложного хозяйства, хотя без всякой системы), и потому урожай с каждым годом все уменьшается»⁴⁶. Казаки станицы Фельдмаршальской имели так мало удобной для земледелия земли, что для них «правильное ведение хозяйства почти невозможно, и жители принуждены оставлять для необходимого отдыха только те участки, которые уже совершенно истощены»⁴⁷.

К началу XX в. и в других казачьих станицах распахивалось все больше земли, срок залежи сократился до 4 лет, что приводило к истощению почвы и к снижению уровня жизни казачества⁴⁸.

Залежная система земледелия в том или ином виде применялась почти во всех терских станицах – и в степных, и в предгорных, и в «лесогорных». Однако в одной или в нескольких станицах в низовьях Террека существовали другие способы обработки земли, которые можно считать одной из разновидностей лиманной системы земледелия. Лиманом у казаков станицы Бороздинской называлась «очень низменная местность, на которую напускают воды из реки через прорытые каналы»⁴⁹. Это делали летом, после уборки урожая. А осенью, когда земля высыхала настолько, что можно было пахать, ее засевали пшеницей или рожью. Если же почва не успевала высохнуть, то посев проводили следующей весной, и тогда сеяли яровые культуры. Один участок возделывали 3–4 года, а отдыхала после этого земля только 1–2 года. Очевидно, речная вода (возможно, с илом) повышала плодородие почвы. Кроме того, иногда тот или иной лиман прекращали распахиывать, превращая его на несколько лет в сенокос, а затем вновь заливали водой и засевали. Это также должно было восстановить плодородие. Если лиман зарастал камышом, то его забрасывали на несколько лет, а затем камыш выжигали, и землю вновь начинали обрабатывать.

Сельскохозяйственные культуры. Терское казачество возделывало широкий круг сельскохозяйственных растений. В конце XVIII в.

в слободе Прохладной (будущей станице) выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, гречиху, просо, горох, коноплю и лен⁵⁰. Почти все эти культуры сеяли также и в слободе Солдатская Малка, и в селе Близком (также будущие станицы). Уже в те времена пшеница занимала большие посевные площади, в отдельные годы ее выращивали в наибольших количествах по сравнению со всеми остальными зерновыми культурами. В другие же годы больше сеяли ржи, овса или ячменя⁵¹. Такое же положение сохранилось и в середине XIX в.

Если в середине XIX в. возделывали только озимую пшеницу, то в конце века начали выращивать и яровую.

Урожай пшеницы были в конце XVIII в. – середине XIX в. очень неустойчивыми. В 1854 г. пшеница во многих станицах вообще не дала урожая, а в станице Пришибской собрали чуть больше зерна, чем посеяли. В более урожайном 1858 г. в станице Александровской урожайность пшеницы составила сам-5* (приблизительно 40 пудов с десятины), в станице Котляревской и Пришибской – сам-3. В станице Александровской в 1860 г. – около 65 пудов (сам-8)⁵².

К концу XIX – началу XX в. урожаи пшеницы стали, по-видимому, более высокими, однако оставались нестабильными. В неурожайные годы казаки собирали немногим больше зерна, чем посеяли, а в удачные – урожайность составляла сам-10, сам-12 (80–100 пудов с десятины)⁵³. Средней считалась урожайность приблизительно 40–50 пудов с десятины.

В 1875 г. пшеница составляла в Терском казачьем войске около 30% всех посевов – больше, чем любая другая культура. Это была преимущественно озимая пшеница, яровой сеяли очень мало⁵⁴. В тот период пшеницу выращивали, главным образом, для собственного потребления. Излишки продавали, но в неурожайные годы ее приходилось, напротив, покупать. В станице Прохладной, например, пшеницу продавали только «тогда, когда новый урожай обещает хороший сбор»⁵⁵. Но к началу XX в. во многих станицах пшеницу стали возделывать специально для продажи.

Пшеница была главной зерновой культурой в некоторых станицах низовьев Терека (Бороздинская), в некоторых степных станицах (Прохладная) и в станице Ессентукской. В то же время в такой степной станице как Георгиевская пшеницу к началу XX в. полностью перестали сеять по причине истощения почвы и снижения урожайности⁵⁶. В станице Новоградковской пшеницей были заняты большие земельные площади, но выращивали ее далеко не все казаки. В соседней станице Шелкозаводской пшеницу сеяли мало⁵⁷.

* Это означает, что собрали в 5 раз больше зерна, чем посеяли.

В предгорных и «лесогорных» станицах (Сунженской, Николаевской, Галашевской, Фельдмаршальской, Аки-Юртовской и Архонской) пшеницу также выращивали, хотя и сравнительно в небольших количествах⁵⁸.

Рожь (жито) была в середине XIX в. одной из важных зерновых культур. Во многих станиц она занимала большие земельные площади, чем пшеница. Рожь сеяли только озимую, урожаи ее были небольшими, хотя, вероятно, более устойчивыми, чем урожаи пшеницы. Даже в неурожайном 1853 г. рожь в большинстве станиц дала урожай, пусть и невысокий. Только в станице Екатериноградской не собрали ничего, а в станице Котляревской урожайность была нормальной – сам-6 (приблизительно 48 пудов с десятины). Такой же урожай собрали в станицах Котляревской и Александровской в 1858 г.

В 1875 г. у терских казаков рожь составляла около 25% всех посевов, уступая только пшенице⁵⁹. В 1874 г. в станицах Солдатской и Прохладной ржи было посеяно вдвое больше, чем пшеницы, но уже через пять лет в статистической монографии отмечалось, что в станице Прохладной рожь сеют очень редко. То же относится и к станице Екатериноградской⁶⁰.

Но в некоторых других степных станицах, таких как Ищерская и Наурская, рожь оставалась главной зерновой культурой, здесь она занимала значительно бóльшие площади, чем пшеница⁶¹. В значительных количествах рожь выращивали в предгорных и «лесогорных» станицах (Сунженской, Николаевской, Галашевской, Фельдмаршальской и других). Она лучше росла в более прохладном и влажном климате этих мест, чем пшеница. В некоторых станицах сеяли «рожь и пшеницу вместе, в том расчете, что если пропадет пшеница, то вырастет хоть рожь, и наоборот»⁶².

Урожай ржи составлял от сам-3 в неудачные до сам-17 (130–140 пудов с десятины) в урожайные годы⁶³.

Под просо в начале и в середине XIX в. казаки отводили почти столько же земли, сколько под рожь или пшеницу. Если учесть, что просо давало более высокие урожаи, то по количеству собираемого зерна оно, видимо, превосходило другие культуры. У кабардинцев, соседей терских казаков, просо было в тот период главной зерновой культурой. У моздокских осетин просо также было преобладающим злаком⁶⁴, и у других народов Северного Кавказа оно имело широкое распространение. Но и за пределами Северного Кавказа, например в южнорусских землях и на Украине его возделывали в довольно больших количествах.

В 1875 г. просо у терских казаков составляло более 10% всех посевов, а в некоторых станицах – еще больше⁶⁵. В 1879 г. в станице Прохладной просом было засеяно 22% земель – вдвое меньше, чем пшеницей, но больше, чем любой другой зерновой культурой. Такая же доля пахотных земель была засеяна просом и в станице Новогладковской. В станице Наурской просо было одной из важнейших зерновых культур, для казаков станицы Ищерской просо было почти так же важно, как рожь⁶⁶.

По своей урожайности просо значительно превосходило другие зерновые. В станице Прохладной средним считался урожай проса сам-18,8 или почти 200 пудов с десятины, в станице Екатериноградской – сам-20, а в станице Новогладковской – сам-30. Как хороший в этой станице расценивался урожай проса примерно сам-60.

Помимо высокой урожайности эта культура привлекала еще и тем, что просо «по нужде может заменить пшеницу, не говоря уже о том, что оно необходимо в хозяйстве для корма птиц и свиней. Кроме того, при хороших урожаях, оно весьма выгодно и скоро переводится на деньги, так что оно является самым выгоднейшим хлебом»⁶⁷. В начале XX в. просо оставалось для терского казачества одной из важнейших зерновых культур.

Однако в предгорьях и горах просо растет плохо, поэтому в станицах, расположенных в этой зоне (Сунженская, Николаевская, Галашевская, Фельдмаршальская, Аки-Юртовская, Архонская и др.), сеяли мало проса или вообще его не сеяли.

Долгое время казаки выращивали только один сорт проса – высокорослое «желтое». В начале XX в. получило распространение скороспелое «красное» просо. Оно раньше поспевало, поэтому меньше страдало от засухи и давало высокие урожаи. Но оно было низкорослым, т.е. от него получалось меньше соломы, которая считалась ценным кормом для скота⁶⁸.

На засушливых степных землях станиц кукуруза росла плохо, поэтому там ее выращивали в небольших количествах. (ст. Наурская, Новогладковская). В предгорных же станицах кукуруза давала более высокие урожаи, но поселившиеся там казаки не сразу оценили ее, хотя у соседних народов Северного Кавказа она была одной из главных зерновых культур. Причина заключалась в том, что кукуруза была более трудоемкой культурой, чем другие зерновые. К тому же у восточных славян отсутствовали традиции ее выращивания и употребления в пищу. Перенимать опыт горцев казаки не торопились: «Считая себя несравненно выше туземцев, казаки упорно избегают всякого подражания им и находят даже унижительным для себя следовать их примеру»⁶⁹.

Многие из предгорных и горных станиц появились сравнительно поздно, в последний период Кавказской войны, и долгое время после ее окончания отношения между казаками и их соседями оставались напряженными.

В 1875 г. посевы кукурузы у терского казачества были незначительными⁷⁰, однако к концу XIX – началу XX в. они многократно увеличились. Учитывая высокую урожайность кукурузы, по сбору зерна она нередко превосходила все остальные культуры⁷¹.

Посевы ячменя в середине XIX в. уступали посевам пшеницы или ржи. Та же ситуация сохранялась и в конце века. В 1879 г. в станице Прохладной ячменем было занято 9,1% посевных площадей и получен урожай сам-4 (32 пуда с десятины). Ячмень созревал раньше всех других зерновых культур, «в начале июня – в промежуток между покосом и жнитвом. Каждый спешит поскорее скосить его, отоптать, свезти на базар и таким образом застаться деньгами на жнитво»⁷². Довольно много ячменя (хотя и меньше, чем ржи и проса) выращивалось в станице Наурской, значительно меньше – в станице Екатериноградской, Ищерской и других.

Овес в середине XIX в. занимал значительно большие земельные площади, чем ячмень, особенно много овса выращивали в станице Екатериноградской, где в отдельные годы он был едва ли не основной зерновой культурой. Как и ячмень, овес сеяли не только для собственного потребления, но и на продажу. В 1875 г. овес составлял в Терском казачьем войске более 10% всех посевов. Однако к началу XX в. посевы овса во многих станицах значительно сократились, возможно, что по причине истощения почвы. Тем не менее овес оставался одной из важных для казачества зерновых культур.

Гречиху выращивали во многих станицах, но под нее отводились небольшие посевные площади. Относительно более важную роль она играла в хозяйстве предгорных станиц. В станицах Галашевской и Аки-Юртовской она была главной из яровых культур. В засушливые годы она давала неплохой урожай (сам-5, сам-6), и могла возместить нехватку хлеба⁷³.

Из других зерновых в некоторых станицах выращивали кормовую культуру – *могар*. В станице Александрийской возделывали рис⁷⁴.

Кроме того, терскому казачеству было известно несколько масличных культур. Одной из них была сарептская горчица, или *гардан*. Она хорошо росла в степных районах Северного Кавказа, но сеяли ее не много и только в некоторых станицах и хуторах. Ее семена использовали для приготовления масла, реже – для домашней горчицы, а стебли служили топливом⁷⁵.

Лен выращивали тоже преимущественно как масличную культуру. Его сеяли только в некоторых степных станицах (Наурской, Прохладной, Екатериноградской, Георгиевской и др.)⁷⁶. В конце XIX в. на короткое время посевы льна расширились. Он давал хорошие урожаи и приносил немалые доходы. Однако спустя несколько лет урожайность льна стала падать (видимо, из-за истощения почвы), и его посевы сократились. Казаки выращивали как обычный «русский», так и «американский» лен. Семена льна шли на изготовление масла. Стебли во многих станицах просто выбрасывались, сжигались или же ими крыли крыши амбаров, сараев и других построек. Только в отдельных станицах стебли льна использовались для изготовления ткани. Она не отличалась высоким качеством и служила исключительно для «домашнего потребления»⁷⁷.

Конопля была еще одной масличной культурой. Ее стебли шли также на изготовление тканей, но сеяли ее, как и лен, далеко не все, потому что «эти растения не так необходимы, как хлеб, и редко дают хороший урожай (лен). Не многие сеют их для продажи, больше сеют понемногу для масла и прядева»⁷⁸. Коноплю выращивали как в степных (Наурская, Ищерская, Прохладная), так и в некоторых предгорных станицах (Галашевская, Аки-Юртовская, Архонская) станицах. Но изготовление волокна из стеблей конопли существовало не во всех станицах. Иногда ее стебли использовались как топливо, а единственной целью ее возделывания было получение масла из семян⁷⁹.

Картофель выращивали во многих станицах, но в степной полосе он занимал очень небольшие площади. В предгорных станицах его возделывали больше, он давал неплохие урожаи и мог компенсировать недостаток зерна. В некоторых станицах картофель культивировали не только для собственного потребления, но и на продажу (станции Николаевская, Галашевская)⁸⁰. В станице Архонской в 1877 г. картофелем были заняты 133 десятины земли. Поскольку эта станица расположена недалеко от Владикавказа, то казаки с выгодой сбывали свой картофель в этом городе⁸¹. Много картофеля выращивали казаки Ессентукской и Кисловодской станиц. Они продавали его в Пятигорске, Георгиевске и в селах Ставрополя. В эти станицы приезжали также скупщики, которые отвозили картофель в Ростов⁸².

В степных станицах каждый хозяин старался выделить участок под бахчевые культуры, в число которых тогда входили не только арбузы и дыни, но и огурцы. В станице Прохладной в 1878 г. бахчи занимали почти 200 десятин земли⁸³. Бахчи давали высокие урожаи. В станице Новогладковской средним считался урожай в 30 возов арбузов с 1 десятины⁸⁴. Значительная часть собранных арбузов шла на продажу. Из

арбузов в больших количествах варили арбузный мед. Казаки выращивали два сорта арбузов. Один был предназначен для еды в свежем виде, другой – для арбузного меда⁸⁵. Первый имел очень сладкую ярко-красную мякоть и мелкие семечки, второй был менее сладким, но имел крупные красные семечки, которые в вареном виде также шли на продажу. В предгорных станицах бахчевые культуры не выращивали. В 1905 г. бахчи занимали в терских станицах 18024 десятины земли⁸⁶.

Терское казачество в конце XIX – начале XX в. возделывало широкий круг зерновых, масличных, бахчевых и др. сельскохозяйственных культур: пшеницу, рожь, просо, овес, ячмень, кукурузу, гречиху, картофель, лен, коноплю. При этом некоторые культуры, такие как просо или бахчевые в больших количествах выращивали в степных станицах и почти не сеяли в предгорных. В то же время гречиха и картофель имели значительно большее значение для хозяйства предгорных районов, чем степных. Это был один из способов адаптации хозяйства терских казаков к разнообразным природно-климатическим условиям Северного Кавказа.

Земледельческие орудия и организация труда. В начале XIX в. во всех уездах Кавказской губернии для пахоты применяли «обыкновенные малороссийские плуги, в кои для оранья новой земли впрягают или 4, или 5 пар быков. Некоторые хозяева имеют и малые плуги и для пахания новой земли впрягают в них две пары, а по вспаханной можно орать и одною парю быков или три лошади впрягают. Распаханные же плугами земли изредка пашут обыкновенными сохами и косулями, однако ж, по большей части такие люди, кои еще не имеют своих быков»⁸⁷. Разнообразие пахотных орудий являлось результатом того, что русское население Северного Кавказа состояло из нескольких различных по происхождению групп, каждая из которых использовала пахотные орудия, применявшиеся на прежнем месте ее жительства. Но уже в то время, судя по всему, предпочтение отдавалось «малороссийскому» плугу, очевидно, более подходившему к местным условиям. По своей конструкции этот плуг довольно близок к плугам народов Кавказа, в том числе и кабардинцев.

Во второй половине XIX в. тяжелый деревянный «малороссийский» плуг с колесным передком, с железным резцом и лемехом все еще оставался самым распространенным пахотным орудием в терских станицах. Таким плугом пахали не только в станице Прохладной, жители которой были потомками украинских переселенцев, но и в станицах Луковской, Новоградковской⁸⁸ и многих других, в которых казачество было русским по происхождению. «Малороссийский» плуг применялся не только в степных районах, для которых он был изначально предназначен, но и в

предгорьях (станции Архонская, Галашевская и др.)⁸⁹. Пахота горных склонов была очень тяжелой работой и для людей, и для скота: «Запашка здесь тяжела, особенно потому, что производится большею частью в горной местности и требует несравненно большей затраты рабочих сил и времени, чем на плоскости»⁹⁰. Вероятно, для этих условий лучше подошли бы более легкие пахотные орудия, однако казаки их не применяли. В предгорные и «лесогорные» станции казаков переселили из степных районов, поэтому, видимо, они и на новом месте продолжали пахать привычным для них «малороссийским» плугом.

Железные части плуга казаки обычно покупали. Например, жители станции Бороздинской покупали их в соседнем городе Кизляре, а деревянные части казаки изготовляли самостоятельно⁹¹.

Для пахоты «малороссийским» плугом требовалось 3–4 человека. Один из них пахал, а двое или трое погоняли волов. Погонщиками часто были подростки. Иногда эту работу выполняли наемные рабочие.

Для такого плуга нужно было от 3 до 5 пар волов, но даже среди казаков не всякая семья имела столько скота. В станице Прохладной лишь 28 хозяйств из 450 имели 5 и более пар волов⁹². Только они и могли пахать самостоятельно, остальным приходилось спрыгаться. Обычно для совместной пахоты объединялись две семьи – родственники, соседи. Вспаханную землю чаще всего делили пропорционально количеству рабочего скота. Все дальнейшие работы – посев, уборку урожая, обмолот – каждая из семей проводила самостоятельно. Если для совместной пахоты объединялись две семьи более или менее одинакового имущественного положения, то отношения между ними были равноправными, но если один из них был намного зажиточнее другого, то нередко злоупотреблял своим положением, стремясь запахать для себя больше земли, чем ему полагалось по обычаю.

Совершенно другая разновидность супряги существовала у гребенских казаков, самой старой группы казачества Северного Кавказа, в станицах Старогладковской, Новогладковской, Шадринской, Кордюковской и Червленной (здесь этот обычай назывался *ладеньем*). Входившие в состав супряги казаки не только совместно пахали землю, но также засевали ее, убирали и обмолачивали зерно тоже сообща. Затем выделяли каждому семена, а весь остальной урожай делили поровну или пропорционально трудовому вкладу каждого⁹³.

У гребенских казаков существовал еще один обычай взаимопомощи во время пахоты. Им пользовались проживающие в станицах «господа» и вдовы-казачки. Они привозили на поле несколько ведер вина и закуски, и за это казаки коллективно пахали им полоску земли. Также казак мог объединиться для пахоты с «господином», который предоставлял своих

волов и работников. Если казак при этом и своих быков тоже запрягал в плуг, то получал половину вспаханной земли, если же его участие ограничивалось только его трудом – то одну треть⁹⁴.

У гребенских казаков сохранились также воспоминания об организации весенних полевых работ в годы Кавказской войны. В тот период во время пахоты объединялись по 10 плугов и устраивали «городки», т.е. огораживались арбами, и внутри этого круга делали большие шалаши. В таких «городках» готовили пищу, ночевали, сюда же на ночь свозили плуги, а быки ночью паслись под надежной охраной. Утром же начиналась пахота⁹⁵.

В «Статистических монографиях по исследованию станичного быта Терского казачьего войска», изданных в 1881 г., и в других работах того времени упоминается только одно пахотное орудие терского казачества – «малороссийский» плуг. Однако полевые материалы, собранные в казачьих станицах, показывают, что наряду с ним казакам были известны и некоторые другие орудия, хотя применялись они, видимо, значительно реже, чем «малороссийский» плуг. Одно из них в станице Приближенной называлось *сохой*. Это было деревянное орудие с железным лемехом, которое не переворачивало пласт земли, как плуг, а раздвигало его на две стороны⁹⁶.

Кроме того, еще в конце XIX – начале XX в. применялся сев *наволоком*. В 1879 г. в станице Прохладной таким способом было засеяно до половины всех земель⁹⁷. Он заключался в том, что после уборки урожая землю вторично не распахивали, а обрабатывали бороной или особым пахотным орудием, которое в станице Приближенной называлось *ралом* и отличалось от бороны загнутыми железными зубьями⁹⁸. Подобные многозубые рала были распространены во многих районах Украины⁹⁹.

На рубеже 70–80 гг. XIX. казаки отказывались заменить деревянный малороссийский плуг на более современный, но уже в 90 гг. того же века казаки станицы Терской (как, видимо, и других станиц) «один перед другим стали бросать свои допотопные плуги, а выписывают железные плуги из Москвы»¹⁰⁰. В начале XX в. в терских станицах и хуторах «малороссийский» плуг уже воспринимался «как отжившая редкость»¹⁰¹.

Железные плуги изготовлялись на различных заводах в России и за границей. Казакам были известны *геновские*, *саковские* плуги, но особенное распространение получили так называемые *букари*¹⁰². Это были одно- или двухлемешные плуги с длиной лемеха от 7 до 9 дюймов (17,5–22,5 см). Все железные плуги были более легкими, чем старые деревянные. Для пахоты заводским плугом достаточно было 2–3 пар

волов или 3–4 лошадей, иногда запрягали пару волов и пару лошадей. Такое количество скота имели многие казаки, поэтому супруга стала применяться значительно реже. Новые плуги произвели настоящий переворот в земледелии. «Теперь, у кого пара лошадей или две пары быков, он уже не кланяется другим, а пашет себе целую весну самостоятельно, и вместо прежних двух десятин, достававшихся ему при дележе, теперь распахивает их до десятка»¹⁰³. Появилась возможность в несколько раз увеличить площадь пахотных земель, особенно у казаков, имевших большие земельные наделы. Расширение распашки ускорило переход к более интенсивным системам земледелия, к сокращению срока залежи. Увеличение посевных площадей усиливало потребность в наемной рабочей силе, а это, учитывая ее дороговизну на Северном Кавказе, неизбежно влекло за собой применение сельскохозяйственных машин для посева, уборки урожая, молотбы.

В начале XX в. зерно сеяли вручную или при помощи конных сеялок, которые были у более зажиточных хозяев. Те же, у кого не было сеялок, разбрасывали семена рукой, доставая их из висевшего на плече мешка и стараясь, чтобы они ложились на землю равномерно¹⁰⁴.

После посева семена заделывали в землю с помощью бороны, которую применяли также для размельчения комьев земли после пахоты. В начале XIX в. бороны на Северном Кавказе изготовляли «по большей части из толстой доски, в кою набивают острые зубья из твердого дерева длиною вершков 6, впрягают в каждую по одному быку или по одному коню и в скорости за плугом, доколе земля не совершенно еще засохла, волочат по пашне и раздирают им толстые дерны»¹⁰⁵.

В начале XX в. терские казаки еще применяли деревянные бороны, как за 100 лет до того. Но наряду с ними и значительно чаще их использовали деревянные бороны с железными зубьями и железные бороны¹⁰⁶. Для того чтобы заделать в землю (*заволочить*) семена, иногда употреблялась борона, которая называлась *волоком* (станция Екатериноградская), или *волокушей* (станция Новогладковская), или *кустом* (станция Наурская, Терские хутора). Ее плели из колючих веток или вырубали целиком куст терновника, сверху для тяжести насыпали землю, камни¹⁰⁷.

Пахота и сев проходили в разные сроки, в зависимости от возделываемых культур. Например, в станице Прохладной существовал следующий календарь сельхозработ: «Распашка земли под пшеницу производится в конце июня (пар), а под ячмень в сентябре; под яровые хлеба пашут в марте месяце, иногда под овес и лен пашут (зябь) в октябре и в начале ноября (до Михайлова дня). Посев озимых хлебов бывает в конце августа и начале сентября, и при этом опытные хозяева говорят,

что пшеница, посеянная в августе, бывает хуже, чем посеянная позже, в сентябре. Из яровых раньше всего сеется овес, потом раннее просо, лен (в марте), ранняя бахча (в апреле)... Созревает раньше всего ячмень (в начале июня), а затем пшеница (с половины того же месяца). В первых числах июля созревает овес и к концу того же месяца – просо»¹⁰⁸. С некоторыми изменениями подобный календарь сельскохозяйственных работ применялся и в других степных станицах. В предгорных и «лесогорных» станицах по причине более прохладного климата позже начиналась весенняя пахота – в апреле, позже созревали озимые культуры (в июле) и яровые (в августе–сентябре)¹⁰⁹.

Разные сроки проведения сельскохозяйственных работ позволяли казакам в свободное от работы на своем поле время наниматься на работу в другие станицы. Особенно важно это было для казаков предгорных станиц, которым собранного ими зерна не хватало на весь год. Около половины казаков станицы Сунженской должны были искать «посторонние заработки», потому что их собственные хозяйства не обеспечивали их существование. Они нанимались на сельскохозяйственные работы в дальние станицы по Тереку и зарабатывали от 70 копеек до 1 рубля в день. К концу лета они возвращались в свою станицу, и здесь многие из них нанимались на работу к более зажиточным казакам¹¹⁰. Из станицы Николаевской в 1875 г. 45 казаков с семьями ходили на заработки «на р. Малку и дальше, верст за 200, в слободу Благодатную и другие». Там они убирали зерновые, получая за свой труд каждый третий или четвертый сноп, а также косили сено¹¹¹. То же самое происходило и в других предгорных и «лесогорных» станицах: «В начале июня галашевцы толпами идут в станицы, расположенные по реке Тереку (на линию), и там работают до начала июля. К этому времени поспевают хлеб в станицах, лежащих по реке Сунже. Они переправляются туда, и там работают до 20-х чисел. К концу июля они возвращаются домой, убирают траву и рожь, а к 15 августа поспевают у них гречиха»¹¹².

Некоторые из казаков степных станиц работали в предгорных станицах, за Тереком¹¹³. Но так было не во всех степных станицах. В станице Шелкозаводской отхожих промыслов не существовало, «так как и для своих домашних работ у нее недостает рабочих рук»¹¹⁴.

На сельскохозяйственные работы в казачьих станицах часто нанимались ногайцы и калмыки, причем они соглашались на самую низкую оплату своего труда. Представители других народов, видимо, значительно реже были батраками в станицах, хотя в описании станицы Прохладной среди сельскохозяйственных рабочих наряду с казаками других станиц и ногайцами упоминаются также и кабардинцы¹¹⁵.

В 70 гг. XIX в. зерновые жали серпами или косили, жатвенные машины еще не применялись. В конце XIX – начале XX в. появились конные жатки для уборки зерновых – *лобогрейки*, потом *самоскидки*¹¹⁶. В одну косилку запрягали по две пары лошадей. Те, у кого скота было мало, спрягались, как для пахоты.

Конные жатки так же, как и железные плуги резко повысили производительность труда в земледелии. «Вместо двухнедельной тяжелой работы нескольких человек над жатвою или косьюбою, напр., одной десятины, почти каждый имеет возможность убрать все свое поле в 4–5 дней»¹¹⁷.

Раньше всего жатки распространились в степных станицах. Там они еще в начале XX в. фактически вытеснили ручную уборку зерновых. Широкое применение машин в этих станицах было вызвано необходимостью убирать зерновые на больших земельных площадях. Кроме того, равнинный рельеф местности благоприятствовал машинной уборке хлебов. В станицах Солдатской и Котляревской наряду с лобогрейками и самоскидками зерновые продолжали жать серпами и косить косами¹¹⁸. В станице Александровской ручная уборка хлебов сохранилась и в 20–30 гг. XX в. По объяснению местных жителей, на здешних полях с бурунами и ярами трудно было применять технику.

Сжатые колосья женщины связывали в снопы. Снопы для сушки складывали на поле в *хрестцы* из 15 снопов¹¹⁹. 4 *хрестца*, или 60 снопов, составляли копну¹²⁰. Если хлеба убирали жатками, то колосья могли оставлять в валках, а затем сгребать в копны или в скирды¹²¹.

Убранный хлеб перевозили на тока. Каждый хозяин имел свой ток. Жители большинства станиц делали тока прямо в поле, только самые бедные из них, собиравшие небольшие урожаи, – рядом со своим двором или во дворе¹²². Казаки станиц Архонской, Котляревской и Александровской устраивали тока поблизости от станиц¹²³.

Ток представлял собой круглую площадку диаметром 20–30 метров, которую поливали водой и укатывали повозками, так что поверхность ее становилась ровной и твердой¹²⁴. На току привезенный хлеб складывали в большие круглые стога – *одонки*, состоявшие из 15–20 копен, или в длинные *скирды*. Так он мог храниться долгое время, пока не начиналась молотьба¹²⁵.

По описанию 1809 г., русские жители Кавказской губернии «иные гоняют по снопам скот, а по большей части молотят обыкновенными простыми цепами»¹²⁶. И впоследствии цеп не вышел из употребления, потому что при этом способе молотьбы лучше сохранялась солома, ею можно было покрывать крыши, кормить скот¹²⁷. Во второй половине XIX в. молотьба цепами сохранялась в станицах Галашевской,

Архонской, Новогладковской¹²⁸. Вплоть до 30 гг. XX в. цепами продолжали молотить в станице Пришибской¹²⁹.

Но зерновые уже во второй половине XIX в. чаще молотили при помощи скота. В станице Прохладной в 1879 г. хлеб свозят на тока и там «отаптывают его волами, запряженными в телегу»¹³⁰. В станице Наурской на ток настилали развязанные снопы и молотили их «или лошадьми или волами. Несколько пар последних запрягаются в телегу, нагруженную снопами, и вводятся на «ток»; мальчик или девочка, сидя на телеге, погоняет быков, и утомительное, однообразное кружение по «току» продолжается во все время, пока солома не освободится от зерна»¹³¹. Другой способ молотьбы заключался в том, что «по «току» ездят не на телегах, а гоняют на аркане рядом несколько лошадей вокруг кола, вбитого посредине «тока»¹³². Эти два способа молотьбы применялись в большинстве терских станиц во второй половине XIX в., однако, в некоторых нижнетерских станицах, например, в станице Бороздинской, молотили «посредством длинной и толстой доски, в которую очень много набито осколков чугуна; эта доска называется *балбою*; ее волочит лошадь»¹³³.

В начале XX в. во многих станицах молотили рубчатыми каменными катками, которые тянули лошади¹³⁴. Но в тот период применялись уже и паровые или конные молотилки. Одна из них работала в станице Прохладной еще в 1879 г. Такие молотилки были дорогими, приобрести их могли только самые зажиточные казаки или крестьяне. Они обычно молотили не только себе, но и другим, беря за это пятаю или шестую часть зерна. Паровая молотилка была довольно громоздкой машиной, для обслуживания которой требовалось около 10 человек. Как правило, несколько семей объединялись для совместной молотьбы – бедные с бедными, зажиточные с зажиточными, чтобы объем работы у всех был примерно одинаковым¹³⁵. Некоторые хозяева для молотьбы нанимали поденщиков и в качестве платы давали им по 1,5 пуда зерна в день¹³⁶.

После молотьбы зерно провеивали, либо подбрасывая его вверх на ветер деревянной лопатой, либо при помощи ручной веялки. Согласно полевым материалам, в такой веялке было несколько решет, барабан ее крутили вручную¹³⁷. Провеянное зерно перевозили в амбары.

Огородничество было для терского казачества значительно менее важной отраслью земледелия, чем полеводство. Но, тем не менее, огороды (*садки*, как их называли в некоторых станицах¹³⁸) имели почти все казаки. Располагались огороды обычно на окраине станицы, у реки.

Главным из овощей для терских казаков была капуста. Кроме нее они выращивали и многие другие огородные культуры: морковь, свеклу, лук, чеснок, горох, фасоль, чечевицу, бобы, огурцы, тыкву, редьку,

картофель (хотя огурцы обычно сажали не на огороде, а на бахче, картофель и горох – в поле). Иногда в огородах сажали также подсолнухи и кукурузу, коноплю или лен, хотя их также могли выращивать в поле. Из других огородных растений чаще встречались укроп и петрушка, репе – редис, хрен, репа, лебеда. Только в станице Бороздинской возделывались также кресс-салат, салат латук, каперсы¹³⁹. Казаки станицы Наурской выращивали чабер¹⁴⁰. Эти овощи и пряности, видимо, предназначались для продажи. В отдельных станицах на огородах сажали арбузы и дыни.

В конце XIX – начале XX в. во многих станицах выращивали томаты, баклажаны, перец. Возделыванию баклажанов и болгарского перца казаки научились у гагаузов, переселившихся на Северный Кавказ в конце XIX в.

Огороды требовали от казаков (а особенно от казачек) больших затрат сил и времени. Земли для огорода пахали плугом или перекапывали лопатой (*казгирем*). В отличие от полей, огороды обязательно удобряли навозом. Лук, редьку, свеклу, петрушку и другие овощи выращивали на грядках. Огороды необходимо было регулярно пропалывать от сорняков. Овощи требовали постоянного полива, особенно в засушливых степных районах, поэтому огороды и располагались недалеко от реки или от колодца. Только в некоторых станицах, например, в Георгиевской, через огороды проводили оросительные каналы¹⁴¹.

В разных станицах огородничество играло различную роль в хозяйстве казаков. В станице Новогладковской его почти не существовало, в предгорных станицах Архонской, Фельдмаршальской, Аки-Юртовской оно было слабо развито¹⁴². В станице Слепцовской огородничество «совсем не пользуется расположением казака»¹⁴³. Во многих станицах казаки выращивали овощи для собственного потребления и только иногда продавали излишки. Так было, например, в станице Луковской¹⁴⁴.

В станице Прохладной огородничество не имело «промышленного характера, как в соседних станицах, а ведется для собственных потребностей летом, на зиму же жители покупают лук, капусту и проч. на базаре, где они стоят гораздо дешевле, чем обходятся при своих огородах»¹⁴⁵.

В станице Екатериноградской, где основные зерновые культуры, такие, как пшеница или рожь, давали низкие урожаи, огородничеству уделяли значительно большее внимание. Некоторые хозяева занимали до двух десятин земли капустой, огурцами, в больших количествах выращивали помидоры, картофель. Овощи предназначались не только для собственного потребления, но и для продажи. Основными местами их

сбыта были станица Прохладная, Моздок, Ставропольская губерния. Овощи продавали также солдатам, и офицерам, служившим в крепости Екатериноградской. Ежегодно казаки станицы Екатериноградской продавали около 600 возов капусты и около 6000 ведер помидоров¹⁴⁶.

Жители станицы Георгиевской также продавали «огромный излишек» овощей в соседних городах, на железнодорожных станциях и в селах Ставрополя¹⁴⁷. Значительную часть урожая капусты продавали во Владикавказе жители станицы Галашевской¹⁴⁸.

Возможность сбывать овощи на рынке была, видимо, главным условием развития огородничества. Так, отмечалось, что «станция Бороздинская и отчасти Дубовская поставляют огородные овощи на весь Кизляр»¹⁴⁹.

Особенно большое внимание уделяли огородничеству жители станиц Эссентукской и Кисловодской: этой отрасли хозяйства благоприятствовали как природные условия, так и близость курортов и возможность выгодно сбывать урожай. В станице Эссентукской, как и во многих других станицах, из всех овощей больше всего выращивали капусту, но в Эссентукской ее сажали больше, чем в любой другой станице. Зажиточные казаки получали со своих огородов по 4–5 тысяч кочанов капусты каждый. Эссентукская капуста считалась лучшей и быстро раскупалась в Пятигорске и Георгиевске¹⁵⁰.

Садоводством терское казачество занималось меньше, чем огородничеством, несмотря на то, что природные условия Северного Кавказа благоприятны для этой отрасли хозяйства. Сады были не во всех станицах и не у всех хозяев. Как правило, сады были небольшими. Например, в станице Эссентукской большинство садов состояло всего из нескольких деревьев, хотя наряду с ними были и большие сады, приносящие своим хозяевам немалые доходы, но это было скорее исключением, чем правилом. Во многих станицах отдельных садов не было, фруктовые деревья росли во дворах (станции Новогладковская и Наурская), в огородах (станции Георгиевская, Наурская и Ищерская) и в виноградниках (станции Бороздинская, Ищерская и Наурская)⁵¹.

В терских станицах чаще всего росли яблони, груши, вишни, сливы – деревья, обычные для русских или украинских садов. Это же относится и к таким ягодным кустарникам как малина, смородина, крыжовник, калина. Реже выращивались не очень обычные для России, но типичные для Кавказа культуры: абрикосы, персики, шелковица, айва, мушмула, алыча, черешня. В станице Бороздинской выращивали клубнику.

Особого ухода за фруктовыми деревьями не было. Пример особенностей казачьего садоводства дает станица Прохладная. Здесь в 1879 г. более половины всех казачьих семей имели сады. В одном саду было

в среднем по 15 деревьев. Жители станицы в своих садах широко применяли прививку фруктовых деревьев: «Сады разводят прищепами к пням старых срубленных деревьев и отводками. Обыкновенно за кожу пня насаживают штук по 5 черенков, замазывают коровьим пометом или глиной и оставляют на произвол судьбы. Яблоня растет кустом и очень часто лет по 15 не дает урожая». Когда в Прохладной бывал хороший урожай яблок, их продавали «на съем рубля по 2 с дерева» или везли на Куму, где меняли на пшеницу¹⁵². В других станицах садоводство было примерно таким же, как в Прохладной.

Виноградарство и виноделие у терских казаков были развиты неравномерно: в некоторых станицах этих отраслей совсем не было, в других же они играли очень важную роль в хозяйстве и давали не меньший доход, чем выращивание зерновых. Границей распространения виноградарства можно считать станицу Луковскую (рядом с Моздоком). Как было отмечено в статистической монографии, «Луковская – есть самая верхняя из Терских станиц, которые серьезно занимаются виноградарством»¹⁵³. Около 70% казаков станицы Луковской имели виноградники. В то же время в станице Прохладной, находящейся не так далеко от Луковской, был всего один виноградный сад. В станице Слепцовской виноградники занимали только 8 десятин¹⁵⁴.

В станицах, расположенных ниже по течению Терека, чем Луковская, например, у гребенских казаков, виноградарство было более развито. В станице Новогладковской виноградные сады имели 98% всех станичных хозяйств, т.е. почти все. Станичные виноградники занимали 128 десятин земли (около 0,5 дес. в среднем на хозяйство)¹⁵⁵. По сравнению с ними в Луковской сады имели более запущенный вид, были гуще засажены и хуже обрезаны.

Продукты виноградарства и виноделия были предназначены как для собственного потребления, так и в значительной своей части для продажи. В станице Луковской продавали виноград, в большинстве других станиц – главным образом вино или сусло, которое шло на производство водки. В начале XIX в. у казаков малочисленного терско-кизлярского войска было 28 виноградных садов, в трех терско-семейных станицах было 1037 виноградных садов, в пяти гребенских – 1832, в пяти станицах Моздокского полка – 1078, но в пяти станицах Волжского полка, расположенных западнее (выше) Луковской – только 125 садов¹⁵⁶.

В 20 гг. XIX в. казачьи виноградники занимали до 500 десятин земли, из винограда производилось более 200 тысяч ведер вина. К 80 гг. площадь виноградников и производство вина значительно увеличились. Однако к началу XX в. в результате повышения акцизных

сборов на виноградную водку и распространения болезней и вредителей винограда эта отрасль хозяйства пришла в упадок¹⁵⁷. В 1901 г. казаки нижнетерских станиц получили в среднем на один двор менее 15 рублей дохода от своих виноградников¹⁵⁸.

Казаки выращивали преимущественно местные сорта винограда, которые различали и называли по внешним признакам: алый, черный, белый, круглый. Наибольшее распространение имел алый виноград. Черный чаще встречался в виноградниках казаков-грузин станицы Шелкозаводской. От них он постепенно переходил и в другие станицы, поскольку из него получалось лучшее вино.

В некоторых станицах рос также виноград таких сортов как «тавлинский» и дербентский, заимствованных, видимо, у народов Дагестана. Терским казакам были известны и сорта винограда из других регионов Российской империи: донской, крымский, ркацители, кишмиш. В конце XIX – начале XX в. делались попытки культивировать на Тереке виноград лучших сортов европейкой селекции (рислинг, сотерн, каберне совиньон и др.), но без особого успеха¹⁵⁹.

Виноградарство – очень трудоемкая отрасль хозяйства. Виноградники, например, в станице Новоладковской, обводились канавой до 1,5 м. ширины и 1 м глубины. Вынутый грунт складывался на границе сада в виде вала, который переслаивали колючим кустарником. Так образовывалась ограда. Виноград размножали черенками (*чубуками*). Сначала их сажали в специально вырытые канавки довольно редко, но затем от выросших кустов делали отводки, формируя новые кусты, так что посадки становились очень густыми. Расстояние между рядами было немногим более 1 метра, между кустами в ряду – еще меньше. Только через 5–6 лет после посадки сад начинал давать полный урожай. В станице Шелкозаводской, значительную часть жителей которой составляли грузины, виноградарством занимались «более систематично и правильно», кусты там росли не так густо, как в других станицах, и посажены они были ровными параллельными рядами¹⁶⁰.

Каждую осень виноградные лозы обрезали, пригибали и присыпали землей. Весной виноград открывали, заготавливали опоры (*таркалы*) – длинные деревянные шесты. Их устанавливали рядом с каждой лозой и подвязывали виноград. После того как на винограде появлялись листья и новые побеги, его еще раз подвязывали. Кроме того, виноградники надо было пропалывать от сорняков. Осенью убирали урожай и вновь снимали виноград с опор, обрезали и присыпали землей. Большая часть всех этих работ лежала на плечах женщин. Мужчины только копали канавы и заготавливали *таркалы*¹⁶¹. Лишь у казаков-грузин станицы Шелкозаводской в виноградниках работали мужчины,

женщины там были заняты домашней работой. Однако под влиянием соседней и у них постепенно женщины стали принимать участие в работах в виноградниках¹⁶².

У казаков, в отличие от жителей г. Кизляра, почти не было поливных виноградников. В конце XIX – начале XX в., после распространения многочисленных болезней и вредителей винограда, казаки начали опрыскивать его бордосской жидкостью и опылять серой¹⁶³.

Большую часть винограда, который собирали казаки, они использовали для приготовления вина (*чихиря*). Виноград обычно давили руками. Для этого его помещали в специальную деревянную емкость, похожую на корыто, с одним или двумя отверстиями в дне, под каждое из которых подставляли кадушку (*перепез*). На дне лежал плетеный помост, на который выкладывали виноград, часто прямо в гроздьях, и давили его при помощи специальных дощечек. Сок стекал в кадки, откуда его переливали в бочку вместе с выжимками (*чанрой*) и оставляли бродить на 12–18 дней. Затем сок переливали в другую бочку, закупоривали ее и оставляли еще на месяц или полтора. После этого вино было готово¹⁶⁴.

Казаки, имевшие большие сады и собиравшие много винограда, использовали для приготовления вина самодельные прессы. Они состояли из большого железного листа с загнутыми вверх краями, четырех широких досок, скрепленных железными обручами и образующих нечто вроде кадки. Ее заполняли виноградом, сверху накрывали доской, на которую устанавливали чурбан. При помощи большого бревна-рычага нажимали на чурбан и давили виноград¹⁶⁵.

Вино терских казаков, «отличаясь весьма слабым букетом и большим содержанием кислоты», не обладало «особенно хорошими качествами»¹⁶⁶. Тем не менее, оно не только потреблялось в самих винодельческих станицах, но и продавалось в больших количествах.

Скотоводство

Скотоводство являлось важной отраслью хозяйства казачества, хотя и менее важной, чем земледелие (в XIX – начале XX в.). Крупный рогатый скот использовали в первую очередь как тягловую силу во время пахоты, других сельскохозяйственных работ, для перевозки грузов. Он давал также мясо и молоко, но это имело второстепенное значение, главной причиной разведения крупного рогатого скота и лошадей была потребность в тягловой силе. Как отмечали специалисты, изучавшие

во второй половине XIX в хозяйство терских казаков, «без скота поселения теряет всякую самостоятельность и обращается или в батрака, или в нищего»¹⁶⁷.

В 1865 г. у терских казаков было 101 075 голов крупного рогатого скота или менее 6 штук на 1 двор, 93 934 овцы или более 5 на семью, 33 595 лошадей или менее двух на семью, 39828 свиней (более 2 на 1 двор)¹⁶⁸.

О количестве скота у терского казачества можно судить и по другим материалам. В 1879 г. в станице Прохладной на 1 семью приходилось в среднем по 10,7 головы крупного рогатого скота (в том числе по 4 вола), по 1,5 лошади, 2,5 свиньи и 7,2 овцы.

«Жители станицы Прохладной большую часть средств к жизни добывают посредством волов; на них они пашут, перевозят тяжести и т.п. Количеством их обуславливается благосостояние местного казака». Между отдельными семьями вола распределялись далеко не равномерно: 28 хозяйств имели 10 и более рабочих волов, 124 – от 6 до 9 волов, 240 – 2–5 волов, а 58 семей не имели рабочих волов. Весь остальной скот распределялся пропорционально, количеству рабочих волов: у кого было больше волов, тот имел больше и коров, и овец, и свиней¹⁶⁹.

В некоторых других станицах скота было значительно меньше, чем в Прохладной: в станицах Николаевской и Новогладковской на 1 семью приходилось в среднем по 2,2 вола, в Сунженской и Галашевской – по 1,6, а в Шелкозаводской – по 1,1. Более богатых скотом станиц, чем Прохладная, было, видимо, немного. К их числу относилась Кисловодская – по 5, 1 вола в среднем на одну казачью семью¹⁷⁰.

В 1875 г. у терских казаков было более 150 тыс. голов крупного рогатого скота, в 1905 г. – свыше 240 тыс.¹⁷¹

Терские казаки держали коров «для молока и для пополнения убыли в быках, т.е. для приплода. При плохом уходе за коровами, последние дают весьма мало молока, так что редко здесь можно встретить корову, которая давала бы более одной кварты молока в удой»¹⁷². В большинстве случаев казаки производили молочные продукты для собственного потребления. Только в станице Кисловодской молочное хозяйство приносило «немало выгод местному населению, особенно в летние месяцы, благодаря съезду больных на минеральные воды в соседнюю слободу Кисловодскую, где жители станицы ежедневно продают весь свой запас свежего молока, сыра, сметаны, масла и проч.»¹⁷³. В других же станицах и хуторах молочные продукты если и шли на продажу, то «в незначительном размере»¹⁷⁴.

Казаки разводили крупный рогатый скот нескольких пород. В станице Прохладной «на основании горького опыта жители придают

огромное значение доморощенным волам и вообще всему доморослому скоту, так как скот ногайской и черноморской пород долго здесь не живет»¹⁷⁵. В то же время в станице Новогладковской разводили скот преимущественно ногайской породы, поскольку ногайские вола были «хороши в работе» и легко переносили зимнюю непогоду¹⁷⁶. В станице Наурской «за весьма немногими исключениями» держали скот «малороссийской» породы¹⁷⁷. В некоторых других станицах крупный рогатый скот представлял «помесь калмыцкого скота с ногайским и отчасти черкасским, который разводят арендующие землю у казаков «тавричане»¹⁷⁸, т.е. переселенцы с южной Украины, которые привезли с собой собственную породу скота.

Рабочих лошадей имели «за малыми исключениями почти все хозяева; лошади употребляются в экстренных случаях для более легкой езды, например, съездить с поля за хлебом, на базар, когда нужно съездить скоро и когда нельзя отрывать быков от работы»¹⁷⁹.

В конце XIX в. лошади все чаще начинают использоваться в качестве тягловой силы вместо волов. В дальнейшем эта тенденция сохранилась, лошади постепенно вытеснили волов: «При дальности полей, при необходимости много и скоро вспахать лошадь оказывается выгоднее вола, к тому же при наличии рабочих лошадей не приходится еще содержать отдельно верховых»¹⁸⁰. Поэтому количество лошадей в казачьих хозяйствах быстро возрастало. В 1875 г. в терских станицах было около 25 тыс. лошадей, в 1905 г. – более 58 тыс.¹⁸¹

Казаки разводили преимущественно рабочих лошадей. Строевых лошадей, необходимых казакам для военной службы, они чаще всего покупали у кабардинцев, чеченцев или ногайцев. Иногда казаки покупали жеребят и сами их растили и воспитывали. Бывало, что и жеребят от своих рабочих лошадей казаки воспитывали для службы, «потому что порода лошадей здесь далеко не мелкая и выращенная в станице строевая лошадь отличается гораздо большею выносливостью, чем лошадь породы ногайской, привыкшей к степям»¹⁸².

Некоторые из казаков имели табуны и пытались разводить породистых лошадей, в том числе лошадей знаменитой кабардинской породы, но далеко не всегда эти попытки оказывались успешными, как об этом пишет один из специалистов по истории кавказского коневодства:

«В 1825 г. после совершенного поражения генералом Вельяминовым возмущившихся кабардинцев, как равно и в последующие годы, при генерале Зассе, кабардинские плодовые табуны разграбленными достались нашим войскам как военная добыча и положили основание кабардинским табунам у наших казаков. Однако же казаки вели свои

табуны, не придерживаясь системы кабардинцев, не стремились к установлению и удержанию в табуне полезного породного типа, а потому лошади их стали вырождаться, утрачивая свои старинные достоинства, и не удержали за собой славы лошадей старой кабардинской породы»¹⁸³. Но к концу XIX в. кабардинская порода лошадей еще сохранялась в табунах, принадлежавших, главным образом, кабардинцам, хотя и некоторые из русских и украинских табунщиков тоже имели лошадей этой породы. Одним из центров коневодства в тот период была станица Прохладная¹⁸⁴.

В станице Эссентукской помимо лошадей, которых имело каждое казачье хозяйство, было еще три табуна. «Один общественный, станичный табун (для развода), в котором состоит 250 лошадей и жеребят, и два принадлежат частным привилегированным лицам, один в 100, а другой в 200 лошадей. Всего в трех табунах до 550 лошадей и жеребят»¹⁸⁵.

В станице Шелкозаводской было 8 коннозаводчиков, из них 2 офицера и 6 простых казаков. В общей сложности у них насчитывалось 18 жеребцов, 260 кобылиц и 103 жеребенка¹⁸⁶.

Правительство России предпринимало большие усилия для развития этой отрасли хозяйства: проводило выставки, поощряло коневодов, добившихся особых успехов, и т.д. В 1905 г. в Терском казачьем войске было 26 табунов строевых казачьих лошадей и в них 1368 лошадей¹⁸⁷, чего было далеко не достаточно для того, чтобы удовлетворить потребность войска в строевых лошадях.

Овец казаки держали для получения мяса и шерсти, из которой вязали теплые носки и варежки, делали войлок и сукно. Из овечьих шкур шили зимнюю одежду. Продукты овцеводства чаще всего потреблялись внутри семьи, которая их производила, реже шли на продажу. Но все же некоторые из казаков продавали овечью шерсть, а крупные овцеводы распродавали и самих овец в большом количестве на ярмарках¹⁸⁸.

Однако в большинстве станиц было мало овец, особенно по сравнению с народами Кавказа. Одна из причин заключалась, видимо, в том, что у казаков не было горных пастбищ. Как объясняли чиновники, овцы «в здешнем крае от жаркого климата непомерно гибнут, почему жители неохотно стараются разводить, имеющиеся же в смежных жителей азиат овцы в жаркое летнее время отправляются на пастьбу в горы, где всегда холодно, русских же овец отправить туда нельзя, во-первых, потому, что от станиц далеко, а во-вторых, весьма опасно от нападения хищников»¹⁸⁹.

В предгорных и «лесогорных» станицах, где климат был более прохладным, у казаков было мало овец. Причиной являлся, видимо,

недостаток пастбищ. В станице Фельдмаршалской только 26 хозяйств держали овец, в станице Галашевской – 27, в станице Архонской – 2, в станице Аки-Юртовской овец совсем не было¹⁹⁰.

Относительно больше овец было в нижнетерских и гребенских станицах, потому что в состав их наделов входили степные пастбища, и эти станицы меньше страдали от угона скота, чем предгорные. Но и в гребенских станицах большие стада овец и другого скота имели не все казаки, а только офицеры. Довольно много овец было у жителей казачьих хуторов, расположенных в степи, поблизости от пастбищ. В станице Ессентукской, «благодаря степной местности и превосходным пастбищам, разводят овец не только для удовлетворения частных потребностей семьи, но и ради выгод промысла»¹⁹¹. Но и в этой станице только несколько семей имели по 200–300 штук овец, в большинстве казачьих хозяйств держали 10–15 овец.

В конце XIX – начале XX в. овцеводство становилось для казаков все более важной отраслью хозяйства. Это связано, видимо, с развитием рыночных отношений, с повышением спроса на шерсть. Если в 1875 г. у терских казаков было в общей сложности около 111 тыс. овец, то в 1905 г. – почти 580 тыс., т.е в пять раз больше¹⁹².

В гребенских станицах разводили овец ногайской или кумыкской породы; «рыжей степной овцы (калмыцкой) здесь тоже мало, так как шерсть ее не годится на бурки и туземное сукно ручной работы, на которые у казаков большой спрос»¹⁹³.

В некоторых других станицах и хуторах преобладали овцы «обыкновенной русской породы, почти все без исключения белые, но часто с длинным до земли хвостом (волоцкие овцы)»¹⁹⁴. Казаки держали также овец-мериносов, дававших много шерсти высокого качества. Однако численность мериносов была небольшой, потому что они требовали более тщательного ухода, чем обычные овцы. В начале XX в. в станицах и хуторах «стали распространяться «цигейки», представляющие собою помесь русских овец с мериносами»¹⁹⁵. Если не по качеству, то по количеству приносимой шерсти они могли поспорить с мериносами.

Свиней держали многие, хотя и не все терские казаки. Так, гребенские казаки свинину не ели и свиней не разводили, возможно, под влиянием народов Кавказа. Но и в некоторых других станицах свиней было мало, хотя казаки там и употребляли в пищу свинину. Свиньи наносили ущерб виноградникам – основе благосостояния значительной части терского казачества. Возможно, что по этой причине свиноводство и не получило развития там, где выращивали виноград, но имело большее распространение в тех станицах, в которых виноградарства не

было. В гребенских станицах свиней в небольшом количестве держали только украинские переселенцы. Община станицы Новоградковской даже дала разрешение стрелять в свиней, зашедших в виноградный сад. Никакой ответственности за это не полагалось¹⁹⁶.

В некоторых нижнетерских станицах было довольно много свиней, например, в станице Бороздинской – 1126 на 189 хозяйств. Здесь свиней держали не только для получения мяса. Их откармливали специально для продажи. Откорм длился 6 недель, свиней кормили ячменем, отрубями, тыквами, хлебом и т.п. Содержали их в тесном месте, чтобы они меньше двигались¹⁹⁷. В предгорных станицах было много свиней, но там их разводили только для собственного потребления. Свиней откармливали в течение 3–5 месяцев, кормили их тыквами и кукурузой¹⁹⁸.

Во многих станицах о свиньях не очень заботились. Их «мало того, что лишают всего, что сколько-нибудь похоже на уход, бьют еще чем попало и где придется. Им нет свободы выйти за околицу станицы по пасться, потому что всюду для соблазна их разбросаны сады и огороды, куда они легко могут забраться; некоторые из них разгуливают по улицам с деревянным чурбаном на шее, который препятствует им заходить через плетень в сады лакомиться овощами»¹⁹⁹. В «лесогорных» станицах, например, в Фельдмаршальской, свиньи большую часть года «бродят по лесам и питаются чинаровыми (буковыми) орехами»²⁰⁰. В 1875 г. в терских станицах было в общей сложности более 38 тыс. свиней, в 1905 г. – почти 60 тыс.²⁰¹ Несмотря на увеличение их численности, свиноводство играло значительно менее важную роль в хозяйстве терского казачества, чем овцеводство или разведение крупного рогатого скота.

Другие виды скота в терских станицах встречались редко, но все же у некоторых казаков были ослы, буйволы и даже верблюды²⁰². В 1905 г. у терских казаков насчитывалось 100 верблюдов²⁰³. Вероятно, что ослы и буйволы появились у казаков под влиянием народов Северного Кавказа. Больше всего буйволов было в нижнетерской станице Бороздинской – 160 голов²⁰⁴. Из буйволиного молока, как и из коровьего, в этой станице делали сметану, творог, масло, сыр.

Из домашней птицы казаки разводили как обычных для восточных славян и многих других народов кур, уток и гусей, так и более редких индеек, цесарок и голубей²⁰⁵. Продукты птицеводства предназначались преимущественно для собственного потребления, но иногда часть из них шла на продажу. Домашняя птица не требовала особого ухода. В некоторых станицах ее только зимой кормили просом. В остальное время она сама находила себе пропитание²⁰⁶.

Большую часть года казаки пасли скот на выгоне (*толоке*) рядом со станицами. И «даже среди зимы, когда случайно растает в полях снег, казаки сейчас же гонят гулевой скот и овец в степь»²⁰⁷. Пастбищный сезон долго продолжался в степных станицах, особенно в низовьях Терека. В станице Новогладковской скот иногда 11 месяцев в году находился «на подножном корме»²⁰⁸. В станице Шелкозаводской, где жили вместе русские и грузины, скот круглый год пасся в степи²⁰⁹. В станице Бороздинской даже зимой коров и буйволиц кормили сеном только в ненастную погоду. В противном случае их выгоняли в степь на пастбище²¹⁰. Но и в этих местах иногда бывали снежные бури, которые могли погубить скот. Одна такая буря в марте 1875 г. за 3 дня уничтожила весь скот станицы Бороздинской: «часть его замерзла, часть снегом занесло, часть угнало ветром – иных загнало в реки, озера и утопило»²¹¹.

В предгорных и «лесогорных» станицах пастбищный сезон был более коротким: в станице Аки-Юртовской скот содержался «на подножном корму» 8 месяцев в году, в станице Галашевкой – 6 месяцев рабочей скот, 7 – «гулевой» крупный рогатый скот, 10 месяцев – овцы²¹².

Зимой казаки кормили скот сеном и соломой. Как корм для скота особенно ценилась просяная солома, но наряду с нею использовалась также ячменная и овсяная. Ржаная солома, как считалось, не годилась для корма, ее давали только в исключительных случаях. Особенно хорошо старались кормить рабочих волов, которым весной предстояли пахотные работы. Кроме сена и соломы, домашним животным добавляли в пищу также зерно или муку. Из просяной муки делали поило для коров. Эта же мука шла на корм лошадям. Иногда для лошадей просо даже не мололи, а «особенным образом» кололи, в таком виде оно считалось более питательным²¹³.

Скотоводство в каждой станице имело свои особенности. Так, казаки станицы Наурской, чей уход за скотом краеведы считали «образцовым», содержали скот зимой днем на «базу» (скотном дворе), который мог располагаться позади двора или за станицей. Хозяин 3–4 раза в день кормил животных, 1 раз в день давал им соль и поил у колодца или водил на водопой к Тереку. Вечером скот перегонялся домой и проводил ночь в специальных помещениях – сараях, *катухах* и т.п. Эти помещения каждый день чистили и застилали пол толстым слоем ржаной соломы, чтобы было теплее²¹⁴. В других станицах способы содержания скота были похожими.

Коров (и буйволиц) доили дважды в день – утром и вечером. Маленьких телят в первые дни после их рождения держали в жилом доме зимой и во дворе летом. Кормили их молоком и хлебом. Затем их переводили на баз к другому скоту²¹⁵.

Большую часть года скот находился на пастбищах под охраной пастухов, которые получали за свой труд обычно денежную плату, а иногда также и муку²¹⁶.

В станице Бороздинской на ближних пастбищах за скотом смотрели пастухи из казаков, на более отдаленных – ногойцы. И тем, и другим в качестве вознаграждения давали определенную сумму денег²¹⁷.

Казаки станицы Новогладковской летом, когда скот страдал от насекомых, перегоняли его подальше от станицы, в пески. Там его пасли ногойцы, получавшие за это часть приплода, а кроме того также муку и кирпичный чай²¹⁸.

Казаки станицы Наурской отдавали весь свой скот, который не был занят на сельскохозяйственных работах (коров, овец, лошадей), «в кутан» т.е. в степные хутора. Там за скотом ухаживали либо жители хуторов, такие же казаки, либо калмыки, либо ногойцы. Скот находился в «кутане» 9 месяцев в году – с ранней весны до начала зимы. На зиму он возвращался в станицу. Жители некоторых хуторов тоже отдавали свой скот на пастьбу калмыкам²¹⁹.

Казаки станицы Шелкозаводской круглый год держали «свой скот в степи, поручая присмотр за ним пастухам-караногайцам»²²⁰. Большая часть ногойцев имела свои собственные небольшие стада, и вместе со своим скотом они пасли и казачий, получая за это часть приплода. Возможность пользоваться за небольшую плату трудом ногойцев и калмыков способствовала развитию скотоводства у терских казаков.

Другие отрасли хозяйства

Рыболовство. Терек в прошлом был богат рыбой, включая и такие породы как осетр, севрюга, лосось. Рыболовство было очень важной отраслью хозяйства для казаков. В XVIII в. гребенские казаки вылавливали в Тереке огромное количество севрюги и продавали ее²²¹. Однако к концу XIX в. рыбные запасы Терека в значительной мере истощились, потому что войско сдавало устье Терека в аренду рыбопромышленникам, и они вылавливали почти полностью всю рыбу, идущую на нерест. Тем не менее, в низовьях реки ее оставалось достаточно для того, чтобы рыболовство могло приносить немалый доход жителям нескольких станиц, а в одной из них – Александрийской оно было главной отраслью хозяйства. Казаки этой станицы добывали каждый год десятки тонн рыбы. В станице Бороздинской важнейшей для казаков отраслью хозяйства было земледелие, в том числе и виноградарство, но 140 жителей станицы занимались рыболовством, и вылавливали до

2000 пудов рыбы за сезон. Они обычно продавали свежую и копченую рыбу в Кизляре, откуда торговцы развозили ее в разные города Кавказской губернии и даже в Москву²²². В соседней станице Дубовской рыболовством занимались 250 человек²²³.

Жители станиц, расположенных выше по течению Терека и по его притокам, занимались рыболовством значительно меньше и преимущественно для собственного потребления. В станице Червленной в 1887 г. было поймано около 55 пудов рыбы, и вся она была продана²²⁴. В станице Екатериноградской эта отрасль хозяйства существовала «в самых незначительных размерах», а в станице Пришибской – «только для своего прокормления»²²⁵. В станице Николаевской также большая часть улова потреблялась самими жителями, и только более ценную рыбу, такую как лосось или форель, продавали на Тереке или во Владикавказе²²⁶.

В 1875 г. в принадлежавших казакам водах было поймано 3332 пуда красной рыбы и 4390 – белой, а в 1905 г. – 4246 пудов красной рыбы и 2550 – белой²²⁷. То есть рыболовство осталось примерно на том же уровне.

В станице Александрийской право на лов рыбы давал «пай», который полагался каждому взрослому казаку. Дети или вдовы казаков имели право на часть пая. Владелец пая мог продать его. Для того, чтобы ловить неводом, требовалось четыре пая и т.д.²²⁸ То есть пользование рыбными богатствами было организовано на тех же принципах, что и землепользование. Казаки этой станицы также устраивали коллективный лов рыбы осенью, а иногда и весной.

В некоторых станицах в конце XIX в. право на рыбную ловлю отдавалось на откуп. Рыболовы должны были продавать рыбу жителям станицы по установленной общиной цене. В станице Ищерской 1 фунт севрюги продавали по 5 копеек (столько же стоила говядина), фунт севрюжьей икры – по 50 копеек²²⁹. Станица Новогладковская сдавала свой участок реки в аренду за 120 рублей в год. Арендатор продавал казакам фунт рыбы по 2–5 копеек, но и они не имели права без его разрешения ловить рыбу в реке²³⁰.

Ценные породы рыбы можно было найти главным образом в устье Терека. Для гребенских казаков главным видом рыбы вместо севрюги стали сомы. Их вылавливали в огромном количестве. Кроме них, ловились также сазаны, усачи, тарань, шемая и другие рыбы. Редкие из казаков рыбачили в горных реках, где можно было поймать форель, а затем выгодно продать ее²³¹.

В рыболовстве применялись самые разнообразные снасти. Прежде всего, это были сетчатые орудия лова всевозможных размеров: *сети*,

*неводы, бредни и волокуши*²³². В дельте Терека использовались огромные *неводы* длиной до 300 м, изготовленные из конопляной пряжи. Для *невода* необходимы были 4 человека. Один из них шел по берегу реки, второй тянул сеть, сидя в лодке, а еще двое гребли. Половина полученного дохода доставалась хозяину невода, а вторая половина делилась поровну между тремя другими участниками лова. Кроме того, применялись и сети значительно меньших размеров, для которых требовалось 2 рыбака: один вел лодку, другой забрасывал сеть.

Распространенными орудиями лова являлись также сетчатые ловушки конусовидной формы разных размеров: *сежи, крыги, венгеря*, а также сплетенные из хвороста ловушки – *сапетки, самоловки, вершки, ванды* (применялись также и сетчатые *ванды*)²³³. Если *венгеря* устанавливались только зимой, в проруби, то *ванды* – летом. *Ванды* были предназначены для ловли крупной рыбы, такой как осетр или даже сом. Внутри их помещали кусочки мяса или теста в качестве приманки. *Самоловки* были похожи на *ванды*, только были меньше по размеру и предназначались для более мелкой рыбы. Их стенки изнутри обмазывали тестом для привлечения рыбы. Сапетки и вершки тоже были меньше ванд.

Лов рыбы производился также *коловой*. Так назывался плетень в несколько метров длиной, поставленный в воду под углом к берегу. К нему привязывались *ванды*²³⁴.

Еще одно орудие лова – *счалы* – состояло из веревки, на которую были привязаны крючки или большие удочки. Ее перетягивали через реку и прикрепляли к кольям. Если рыба неосторожно приближалась к крючкам, они впивались в нее. Таким способом можно было ловить осетров или севрюг.

Несколько похожим орудием лова была *перетяжка* – длинная веревка с привязанными к ней удочками. На крючки насаживалась наживка, которая и привлекала рыбу (это и отличало *перетяжку* от *счал*).

Кроме того, рыбу ловили и на одиночные удочки. В станице Наурской большие удочки с длинной толстой леской назывались *подпасками*. На такую можно было поймать даже двухпудового сома.

Кроме того, обычным орудием лова рыбы у казаков был длинный багор с острым металлическим наконечником и крючком. С той же целью часто употреблялась *сандоль* – «длинная палка с двумя или тремя острыми железными наконечниками с зазубринами»²³⁵. *Сандоли* были известны и другим группам казачества. Применяли их также и чеченцы.

Казачи часто применяли для ловли рыбы такое приспособление как *забой* или *забойка*. Для его устройства в дно реки поперек течения вбивали длинные кольца, между которыми устанавливали плетни.

Между берегом и одним концом *забойки* оставляли проход для рыбы, в котором размещали большую сетчатую ловушку – *сежу*. Здесь же устраивали над водой помост, на котором сидел рыболов и держал конец веревки, прикрепленной к сети. Как только в ловушку попадала рыба, он тут же доставал ее. Таким способом осенью ловили лососей, а летом севрюгу и другую ценную рыбу²³⁶.

Забойка применялась гребенскими казаками при коллективной ловле рыбы в Тереке. Это, видимо, был старый казачий обычай, который еще не был забыт в конце XIX в. В этой грандиозной рыбалке от принимал участие один человек от каждого станичного дома. Он привозил на Терек несколько длинных кольев и воз хвороста. Казаки забивали колья в дно реки от одного берега до другого, плели плетни и прикрепляли их к кольям, перегородив таким образом реку. Никаких проходов между плетнями не оставляли. Затем несколько лодок поднимались вверх по реке на 10 и более верст. Казаки начинали шуметь, пугая рыбу и гоня ее по направлению к плетням. У *забойки* рыбу ловили баграми. Это продолжалось несколько дней подряд. По воспоминаниям казаков, когда-то таким способом в один день добывалось до ста тысяч штук сомов и других рыб. Улов делился поровну, «причем не забывались ни начальники, ни сироты»²³⁷. «Багрень» рыбы было праздником для казаков.

Охота. Богатый животный мир Северного Кавказа позволял казакам заниматься охотой. В лесах и степях водились многочисленные и разнообразные животные, которые представляли интерес для охотника: олени, козы, кабаны, лисы, зайцы, волки, барсуки. Еще в начале XIX в. недалеко от казачьих станиц можно было встретить даже сайгака. Из птиц чаще всего охотились на степных дроф (*дудаков*), куропаток, стрепетов, уток, гусей, фазанов. Весной охотились на перелетных птиц: бекасов, куликов, дупелей, журавлей.

К концу XIX в. птиц и зверей в лесах и степях стало меньше. Сайгаки совершенно исчезли. «Оленей и фазанов в настоящее время очень мало, потому что большинство жителей в свободное время занимается охотой и бьет их во всякое время, когда на то представляется случай»²³⁸. Сокращение численности многих животных и птиц происходило не только по вине охотников, но и в результате распашки степей и вырубки лесов. Тем не менее, и в начале XX в. терские казаки не отказались от охоты.

Примером отношения казаков к охоте может служить станица Наурская: «Охотой занимается почти каждый наурец, но исключительного занятия хотя одного из них она не составляет. Отправляясь на

полевые работы или в какую-нибудь поездку, казак прихватывает с собою и ружье, чтобы в свободное время поохотиться в окрестностях на дичь»²³⁹. Больше всего охотились зимой. Жители степных казачьих хуторов зимой ни на минуту не расставались с ружьем, пользуясь любой возможностью подстрелить диких птиц²⁴⁰. Но и весной казаки брали с собой оружие на пахоту: в степях водилось «много зайцев и дикой птицы, на которую и охотятся на досуге пашущие»²⁴¹.

На зайцев и лис охотились с помощью гончих и борзых (*легких*) собак. Борзые сами ловили и приносили охотнику дичь. Если лиса пряталась в норе, ее выкуривали оттуда дымом. На лис охотились только зимой ради их меха, на зайцев – круглый год, не столько ради их шкурок, сколько для мяса. Охота на волков (*зай*) устраивалась зимой, на святках, казаки выходили на нее большими группами. Иногда волков истребляли из засады. Для охоты использовались также и капканы.

Зимой казаки, жившие в степных хуторах, охотились на дроф (*дудаков*). Стаи этих птиц летали по степи в поисках корма, и нередко пролетали над самыми крышами домов. Бывало, что охотник, «сидя у себя дома», убивал по 5–6 дроф в день. На этих птиц охотились также и в степи. Тогда один из охотников пугал их и гнал на спрятавшихся в засаде товарищей. Куропаток добывали хитростью: к ним приближались на санях, запряженных лошадьми, так что они до последнего момента не замечали охотников²⁴². В куропаток и фазанов также стреляли из засады, рассыпав для них приманку, на них же охотились с помощью силков из конского волоса или специальным образом установленной сетки²⁴³.

Охота у казаков не играла «роли доходной статьи...», а скорее вызвана необходимостью убить чем-нибудь время и до некоторой степени уразнообразить монотонность жизни в течение всей продолжительной зимы»²⁴⁴. Однако они продавали иногда лисьи, волчьи, заячьи, барсучьи шкуры, а также битую птицу: фазанов, куропаток, уток, гусей, дроф²⁴⁵.

Пчеловодством занималась очень небольшая часть терского казачества. В 1854 г. жители станицы Прохладной имели 800 «пней, или колод», с пчелами, станицы Солдатской – 500, станицы Пришибской – 165. Судя по названиям, это были выдолбленные из дерева ульи, такие же, какие использовались почти повсеместно в России. Во многих станицах пасек в середине XIX в. не было²⁴⁶.

Во второй половине XIX в. в большинстве станиц вместо выдолбленных из дерева ульев казаки использовали *санетки*, которые были сплетены из хвороста и обмазаны глиной. Такие ульи были распространены у народов Северного Кавказа, например, у кабардинцев и у

ингушей. У кого-то из них эти ульи, видимо, и были заимствованы. Так, казаки станицы Георгиевской помнили о том, что пчеловодство они переняли у кабардинцев, живших в соседней станице Бабуковской²⁴⁷. В *сапетках* также содержали пчел казаки станиц Галашевской, Николаевской, Архонской, Эссентукской, Кисловодской и других. Но в некоторых станицах, например, в Фельдмаршальской, пчелы размещались «не в сапетках, как в большинстве станиц, а в русских деревянных ульях»²⁴⁸. В станице Аки-Юртовской на казачьих пасеках стояли «выдолбленные колоды и изредка плетеные сапетки»²⁴⁹.

В конце XIX в. пчеловодством по-прежнему занималась небольшая часть терского казачества. Сравнительно развито было пчеловодство в станице Эссентукской, где было 98 пасек. Из них 83 принадлежали «простому казачьему населению» и насчитывали в общей сложности 3037 *сапеток*. Еще 304 *сапетки* принадлежали офицерам. В других станицах пасек и ульев было значительно меньше: в станице Архонской – 1703 сапетки, в Екатериноградской – 1374, в Галашевской – 1139, в Кисловодской – 464, в Фельдмаршальской – 432, в Аки-Юртовской – 193, в Николаевской – 130 и т.д.²⁵⁰ В 1886 г. в станице Ассинской был 2701 улей, в станице Змейской – 1750, в Лысогорской – 600²⁵¹. В станицах, расположенных в низовьях Терека, где почти не было луговой растительности, не существовало и пчеловодства²⁵².

В начале XX в. в пчеловодстве Северного Кавказа происходили важные изменения, заключающиеся в том, что «русские, а отчасти и туземцы, заменяют кабардинские сапетки (ульи, плетенные из хвороста, обмазанные глиной) деревянными ульями усовершенствованных систем»²⁵³. Это, видимо, позволяло увеличить производство продукции пчеловодства.

В 1865 г. в терских станицах было более 13 тыс. ульев, в 1875 г. – более 28 тыс., а в 1905 г. – почти 50 тыс. В 1865 г. было получено продуктов пчеловодства на 48474 рубля, в 1875 г. – уже на 80 тыс. рублей. К 1887 г. доходность казачьего пчеловодства снизилась до 42877 рублей, а 1905 г. повысилась до 66890²⁵⁴.

Домашняя промышленность была представлена, прежде всего, производством тканей. Сырьем для них служила обычно конопля, реже – лен или шерсть.

В начале XIX в. гребенские казаки вымачивали стебли конопли, затем сушили их, но после этого не трепали мялкой, а ломали каждый стебель и снимали пеньку руками. Прялок и веретен не употребляли, а сучили волокна руками, изготавливая нити для рыболовных сетей²⁵⁵. Подобный способ переработки конопли сохранялся у них и в конце XIX – начале XX в. Стебли мужской конопли или *поскони* расстиляли

по росе на траве в течение двух недель, затем вымачивали в воде в течение одной ночи, затем долго кипятили с золой и после этого мяли и сучили нить руками. В результате получалась «гребенская пряжа», из которой изготавливались лучшие рыболовные сети²⁵⁶.

Нити для изготовления тканей получали во многих станицах другим способом. После длительного вымачивания в воде стебли конопли сушили, трепали, мяли ногами, чесали гребнем²⁵⁷. Пряли на *пряхе* или веретене, ткали на ткацком станке, имевшем в некоторых станицах обычное для Украины название *верстать*²⁵⁸. Получались куски холста длиной до 20 метров. Их отбеливали на солнце, расстилали зимой на снегу, летом на траве на берегу реки²⁵⁹. Для отбеливания холст также вымачивали в кипятке с щелоком в особых кадках, выдолбленных из дерева, которые носили название *буки* (станция Приближная, Солдатская), характерное для русских во многих местах их расселения²⁶⁰. Помимо тканей для одежды изготавливали также *рядна*, заменявшие простыни, *ложники* или *дерюги*²⁶¹, которые использовали вместо одеял или ковров. Для этого применяли нити из конопли, шерсть или тонкие полоски ткани.

В станице Новогладковской жившие там татары ткали сукно для собственного потребления²⁶². В станице Зольской также существовало производство сукна²⁶³. В станице Новоосетинской производились шерстяные ткани для собственного потребления и на продажу²⁶⁴.

Ткачество в конце XIX – начале XX в. не во всех станицах было одинаково развито. В одних ткали для себя и на заказ, в других – только для себя, в третьих – ткачества не было или почти не было.

В 1889 г. в станице Солдатской ткачеством занимались всего 10 женщин, они изготавливали в течение года «до 500 аршин грубого холста, который идет для домашнего обихода»²⁶⁵. В станице Закан-Юртовской 40 женщин ткали холст для домашнего потребления²⁶⁶. В станице Зольской ткачеством занимались 120 женщин²⁶⁷. В то же время в станице Прохладной «из 620 домохозяев 310 человек занимаются ткацким производством; в каждом доме ткнут холст для домашних потребностей». Но и в этой станице, с тех пор как с проведением железной дороги «сделалась возможной доставка дешевых бумажных и шерстяных материй, ткацкое производство с каждым годом стало все более и более приходить в упадок»²⁶⁸.

В большинстве станиц в начале XX в. ткачество почти не существовало.

В тех станицах низовьев Терека, жители которых активно занимались рыболовством, они сами для себя плели рыболовные сети различных форм и размеров. Пряжу для этого покупали в Кизляре²⁶⁹.

В большинстве станиц портных не было, поэтому одежду, как и некоторые виды обуви, шили в домашних условиях. «Все необходимое, как, например, бешметы, шьют в каждом семействе женщины»²⁷⁰. Кроме того, почти в каждом доме женщины вязали из шерсти чулки, носки, варежки. Многие казачки вязали скатерти, кружева, платки, а также вышивали.

К домашней промышленности относилось и изготовление изделий из дерева. Еще в конце XIX в. многие казаки самостоятельно делали для себя деревянные части плугов, бороны. Из дерева мастерами также простейшую мебель и посуду.

Своеобразным промыслом, впрочем, не получившим особого развития на Северном Кавказе, было производство шелка, которое существовало в станицах уже в XVII в. В середине XVIII в. гребенские казаки производили шелк в небольших количествах: «Для делания шелка при оных станицах особливых заводов не имеют, токмо делают шелк у них в домах жены их для одних домашних своих нужд и то по малому числу, которой шелк употребляют на шитье платья и протчего вместо ниток»²⁷¹.

Эту отрасль хозяйства поддерживало и поощряло правительство. В начале XIX в. «каждое населенное место, город, станица, селение обязано было иметь налицо определенное число тутовых Деревьев, именно по 40 штук на каждое семейство, за недостающее же число деревьев взыскивался штраф по 10 копеек за дерево»²⁷². В архиве сохранились документы, упоминающие о взыскании «пени за неразведение в 1806 году положенного числа тутовых деревьев»²⁷³. Крестьяне и казаки посадили тысячи шелковиц, однако многие из деревьев погибали, и достичь требуемого их количества, как правило, не удавалось. Выделка шелка производилась в «плетневых сараях, устроенных с окнами и обмазанных снаружи и внутри...»²⁷⁴. В гребенских станицах шелковые нити не пряли, а сучили руками²⁷⁵.

Существовали приметы, связанные с шелководством. Например, посторонним нельзя было видеть шелковичных червей²⁷⁶. Производство шелка в станицах оставалось небольшим. В 1811 г. в казачьих войсках и полках, располагавшихся на Тереке было произведено в общей сложности немногим более 4 пудов шелка, в 1815 г. – более 16 пудов. При этом наиболее развита эта отрасль хозяйства была у терско-семейных казаков, значительно менее – у гребенских, а у всех остальных групп казачества она была совершенно незначительной²⁷⁷.

К 1827 г. выработка шелка в станицах терского левобережья (расположенных ниже Моздока) увеличилась до 38 с лишним пудов. По-прежнему более всего его производили терско-семейные казаки²⁷⁸.

Однако в 30 гг. XIX в. «началось неуклонное падение северокавказского шелководства», в том числе и казачьего²⁷⁹.

Во второй половине XIX в. эта отрасль хозяйства пришла в полный упадок «вследствие развития грибной болезни шелковичного червя»²⁸⁰. В 1865 г в терских станицах было произведено только немногим более 1 пуда шелка²⁸¹. В станице Прохладной была вырублена «туговая роща, в которой было до 1000 деревьев»²⁸², шелковицы сохранились только в частных садах и палисадниках. Тем не менее, в этот период в станице Прохладной еще занимались шелководством более 100 семей, существовала эта отрасль хозяйства, хотя и в меньших размерах, также в станицах Приближной, Солдатской, Паувлодольской, Чернойрской и Новоосетинской, Екатериноградской, Луковской и Стодеревской²⁸³. Впоследствии же шелководство совершенно исчезло.

Лесные промыслы получили развитие преимущественно в предгорных и «лесогорных» станицах, т.е., там, где к концу XIX в. сохранилось много лесов. Особенно большое значение эти промыслы имели для жителей тех станиц, у которых было недостаточно земли, удобной для земледелия. Так, в станице Галашевской почти все жители занимались лесными промыслами. В других станицах, расположенных вблизи гор, промыслами занималась значительная часть жителей – в станице Фельдмаршальской 150 человек, в Ассинской – 60 человек, в Аки-Юртовской – 100 семей. В заготовке и переработке леса принимали участие и мужчины, и женщины, и старики, и подростки. Работы продолжались с поздней осени до ранней весны и проходили непосредственно в лесу. Так, из станицы Ассинской около 60 жителей отправлялись в лес на всю зиму. Там они устанавливали для себя шатры и занимались изготовлением различных изделий из дерева и здесь же продавали их заказчикам, а 4 человека готовили пищу²⁸⁴. Казаки других станиц, например, Галашевской и Фельдмаршальской, оставались в лесу по несколько дней, шатров не строили, грелись у костров и питались в основном сухарями.

Из дерева производили доски, брусья и мелкие изделия: дубовые *трости* (дощечки для бочек), обручи для бочек из орешника, корыта разных размеров и разного назначения (для купания детей, для теста, для стирки, для давки винограда), выдолбленные из дерева ульи, полвники, ложки, ободья для колес, вилы и др.

В 1886 г., который считался неудачным, жители станицы Ассинской продали изделий из дерева на сумму 32 172 рубля. Доходы других станиц были значительно ниже. В станице Фельдмаршальской в том же году было продано досок на 300 рублей и других изделий из дерева на 600 рублей.

Жители некоторых станиц – Фельдмаршальской, Умахан-Юртовской Пришибской – занимались таким промыслом, как выжигание древесного угля²⁸⁵. Этот промысел «начинается с прекращением полевых работ и продолжается до начала их. Углевыхжигание существует со времени основания станицы» (Пришибской)²⁸⁶.

Казаки Горско-Моздокского и Волжского полков имели свои соляные озера в Ставропольской губернии, где они самостоятельно добывали соль в небольшом количестве – до 2 пудов 5 фунтов на душу в год. Казаки остальных полков получали от казны из соляных озер Астраханской губернии в таком же количестве²⁸⁷.

Ремесла. В конце XIX в. ремесла и кустарные промыслы в терских станицах были развиты очень неравномерно. В 1889 г. в станице Александровской было 3 ремесленника, в Приближной – 7, в Солдатской – 14, а в Прохладной – 123 ремесленника: 27 плотников, 22 сапожника, 18 портных, 10 бондарей, 6 шубников, по 5 кузнецов, столяров и каменщиков, по 4 пильщика и лудильщика, по 3 слесаря, печника и седельщика, по 2 колесника, токаря и кровельщика, по одному шорнику и оружейнику²⁸⁸. Очевидно, ремесленники, жившие в Прохладной, обслуживали не только эту, но и соседние станицы и села. В станице Эссентукской ремеслами занимались 21 семья казачьего сословия и 39 семей иногородних²⁸⁹. В других станицах тоже были представлены перечисленные ремесла. Самыми важными и распространенными в станицах ремеслами были кузнечное, сапожное, плотничное, столярное, колесное, портняжное, слесарное, бондарное²⁹⁰. Кузнецы долгое время изготавливали и ремонтировали железные части орудий труда и необходимые в быту изделия – лемехи плугов, серпы, топоры, лопаты, рогачи, крючки и т.п., поэтому они были необходимыми для казаков ремесленниками. Плотники были необходимы при постройке дома, особенно если это был богатый дом из дерева. Портные шили казакам их военную форму – черкески, бешметы. Изготовление бочек было особенно важным ремеслом для казаков тех станиц, где существовало виноделие. Сапожники чаще занимались ремонтом обуви, чем пошивом новой. В некоторых станицах было довольно развито производство колес из дерева²⁹¹. Жители станицы Закан-Юртовской плели соломенные шляпы для себя и на продажу²⁹². В некоторых станицах существовало производство войлока²⁹³.

В станице Новогладковской 5 человек занимались изготовлением иконостасов. Среди них были два резчика, два «позолотчика» и один живописец²⁹⁴.

В станицах ремесленниками часто были иногородние. Как отмечали краеведы, «сами казаки не имеют склонности ни к какому ремеслу»²⁹⁵.

В станице Курдюковской кузнечные работы выполняли «заезжие цыгане», серебряных дел мастером был временно-проживающий татарин²⁹⁵. В станице Новогладковской печником был «персиянин»²⁹⁷.

Поскольку казаки владели большими земельными наделами, они предпочитали заниматься традиционным для них земледелием. Иногородные же были лишены права на землю, поэтому им приходилось искать иные источники средств к существованию.

Промышленность в Терском казачьем войске была развита слабо. В 1887 г. в войске было 47 маслобоен, 43 кирпичных и черепичных заводов, 11 кожевенных, 10 винокуренных, 8 колесных, 5 известковых, 2 лесопильных, 1 гончарный, 1 мыловаренный, 1 сыроварня, а кроме того – 397 мельниц²⁹⁸.

В 1905 г. в станицах было в общей сложности 233 предприятия, не считая мельниц. Больше всего среди них было кирпичных, черепичных, гончарных – 102, а также маслобоен (68)²⁹⁹. Были также лесопилки, винокуренные и 4 нефтеперегонных заводов. Все эти предприятия были очень небольшими, на каждом работало по несколько человек.

Такая промышленность мало отличалась от кустарных промыслов. В 1909 г. в станице Прохладной был построен чугунолитейный завод «Дарьял», но и он был очень небольшим, на нем было занято около 10 рабочих. В целом уровень развития промышленности оставался очень низким, а численность рабочих – незначительной. Если даже считать тех, кто работал на мельницах, общая численность «промышленных» рабочих в станицах составляла в 1905 г. 3231 человек.

Торговля в казачьих станицах развивалась едва ли не с момента их основания, хотя первоначально она и не оказывала большого влияния на образ жизни казаков. Казаки продавали свою военную добычу, например, угнанных ими лошадей и другой скот. Они также продавали корень марены, который являлся экспортным товаром. Покупали они зерно и другие продукты, которые были им необходимы.

В середине XVIII в. гребенские казаки продавали (точнее, меняли) народам Кавказа в огромном количестве выловленную ими рыбу. Власти даже попытались ограничить эту торговлю. Каждому казаку разрешалось отдавать кабардинцам, аксайцам и другим народам в обмен на просо не более 50 севрюжьих спинок³⁰⁰. Однако казаки не всегда подчинялись распоряжениям властей, и «по своему непостоянству вместо рыбы у Кизлара покупая муку пшеничную и оржаную и меняли тем горским татарам и чрез две недели в великую дороговизну при Кизларе муку привели»³⁰¹. После этого казакам запретили на какое-то время торговать с соседними народами. В данном случае казаки не просто продавали избыток какой-то продукции, а попытались заняться

куплей-продажей с целью извлечения прибыли, хотя не очень удачно. Кроме проса казаки приобретали у своих соседей одежду («черкесские кафтаны» или «чекмени») и даже нефть для смазывания колес.

После строительства Азово-Моздокской линии в конце XVIII в. появились склады и торговые лавки в Ставропольской, Георгиевской и Моздокской крепостях рядом со станицами³⁰². Поблизости от крепости и станицы Георгиевской еженедельно проходили базары, на которые приезжали кабардинцы, ногайцы и калмыки. Затем появились меновые дворы.

В начале XIX в. в г. Георгиевске проводились две ярмарки в год – весной и осенью. На них съезжались купцы. Казаки могли продавать там продукцию своего хозяйства и покупать нужные им товары. Сохранились и еженедельные базары по субботам³⁰³. Казаки также бывали и в Кизляре, где было три рынка с гостиными домами – русский, армянский и татарский³⁰⁴, а также множество лавок. В Моздоке проходили еженедельные базары по воскресеньям, куда приезжали жители близлежащих сел и станиц «с разным хлебом, мукою и зерном, сеном и прочими съестными припасами». Кроме того, здесь продавали изделия домашних промыслов, «звериные кожи» и рыбу, а казаки Моздокского полка – вино. В Моздоке были соляные лавки и «питейные конторы», а также «гостиный двор до пятидесят лавок, в коем торгуют разных городов азиатцы». Торговля шла ежедневно и на постоянном дворе. В станице Екатериноградской, которая располагалась рядом с крепостью, были «с мелочным товаром лавки». В эту же станицу нередко приезжали крестьяне «с разным мелким товаром». В некоторых других станицах, например, в Наурской, тоже были лавки³⁰⁵.

В середине XIX в. торговля постепенно развивалась, ярмарки стали проводиться во многих станицах. В станице Екатериноградской они проходили дважды в год – в марте и в августе, в станице Пришибской – один раз в год, в ноябре³⁰⁶. Среди проданных предметов значатся зерно, овощи, фрукты, домашний скот и птица, шерсть, холст, кожи, сено³⁰⁷. В марте 1860 г. на ярмарку в станицу Екатериноградскую приехало до 400 человек, в том числе 110 торговцев. За 5 дней было продано товаров более чем на 13 тысяч рублей. Кроме перечисленных выше предметов, там продавался «красный товар», бакалея, изделия из железа и кожи³⁰⁸.

В станице Екатериноградской в середине XIX в. были уже 22 лавки (видимо, обслуживавшие офицеров и солдат, расквартированных в крепости), а в станице Прохладной и Котляревской – по 1 лавке³⁰⁹.

В 1872 г. ярмарки (не считая городских) проводились в станицах Слепцовской, Наурской, Николаевской, Екатериноградской и Горячеводской³¹⁰.

К 1878 г. перестали проводиться ярмарки в станице Николаевской, но зато появились в станице Прохладной³¹¹. К концу XIX в. ярмарки теряют свое значение, хотя в некоторых станицах они еще проводились. В станице Наурской ярмарки проходили ежегодно с 8 по 20 сентября. Задолго до начала ярмарки за станицей строились из досок магазины, лавки, харчевни. На ярмарке продавались и покупались зерно, скот, одежда, обувь, домашняя утварь, сельскохозяйственные орудия и т.д. Ярмарку посещали не только казаки, многие продавцы и покупатели приезжали издалека: «здесь можно встретить и грозненских и моздокских купцов с товарами; наезжают сюда и евреи, калмыки, ногайцы со стадами рогатого скота, лошадей и овец; на улицах ярмарки толпятся казаки из разных надтеречных станиц и Сунжи, чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, грузины, армяне и разные тавлинцы»³¹². Ярмарка была местом активных межнациональных контактов. Казаки могли здесь лучше познакомиться со многими народами Северного Кавказа.

В начале XX в. ярмарка в станице Наурской уже отживала свой век. Многие торговцы перестали туда приезжать. Тем не менее, она сохранилась. Кроме того ярмарки проходили также в станицах Ищерской, Марьинской и Горячеводской³¹³.

Но большое значение приобрели другие формы торговли, например, базары, которые функционировали не раз в год, а постоянно. Казаки бывали на базарах во многих городах Северного Кавказа – в Кизляре, Моздоке, Владикавказе, Георгиевске и других.

Во второй половине XIX в. базары появились и в некоторых станицах. В 1874 г. они существовали только в двух станицах Терского казачьего войска – Михайловской и Марьинской³¹⁴. К 1879 г. появился базар в станице Прохладной. «Прохладненский базар, располагаясь на перекрестке нескольких дорог, в короткое время разросся до значительных размеров. Не говоря об окрестных станицах, которые везут сюда свой избыток овса, ячменя, проса, льна, сена и других мелочных предметов, сюда в больших размерах доставляется с Кумы мука, постное масло и вино (Прасковейское); из Кабарды: лес и лесные изделия, сено, птица, бурки и проч.; из Моздокских степей: просо (громадный привоз), рожь и лен (станция Павлодольская); из Пятигорска и верхних станиц (с Малки): картофель и капуста; с Каспийского моря рыба. Все это закупается на Прохладненском базаре владикавказскими, нальчикскими, моздокскими и ставропольскими торговцами (на лен и ячмень бывают покупатели даже из Ростова), а также местными жителями: кабардинцами, алагирцами и окрестными станицами верст на 50 вокруг Прохладной»³¹⁵. Народы Кавказа продавали на базарах и ярмарках скот, лес, шерсть и изделия из него. Кабардинцы в большом количестве

сбывали на базаре в Прохладной сено. Покупали же они зерно, муку, промышленные товары. Торговля между казаками и соседними народами также основывалась на особенностях их хозяйства. В 1914 г. базары проходили в станицах: Шелковской, Гребенской (Старогладковской), Александрийской, Прохладной, Павлодольской, Галюгаевской, Наурской, Кисловодской, Горячеводской, Зольской и Марьинской³¹⁶.

Но появление ярмарок и базаров не уничтожило традиционные способы торговли. В конце XIX – начале XX в. еще сохранялась существовавшая с древности меновая торговля. Специализация станиц в различных отраслях хозяйства создавала возможность и необходимость обмена. Казаки предгорных станиц меняли выращенный ими картофель на зерно, которое в больших количествах получали со своих полей казаки степных станиц. Мерку пшеницы можно было получить за 2 мерки обычного картофеля или за 1,5 мерки раннего кисловодского картофеля. Жители предгорных станиц, где был развит лесной промысел, меняли те или иные изделия из дерева на зерно. Казаки винодельческих станиц меняли свое вино на зерно³¹⁷. Казаки станиц, расположенных в низовьях Терека меняли рыбу на зерно и другие продукты. Жители станицы Прохладной меняли свои яблоки на зерно, получая мерку пшеницы за мерку яблок.

О том, как осуществлялась эта торговля, свидетельствует пример степных казачьих хуторов. «С наступлением поздней осени, когда полевые работы приходят к концу, хуторяне собираются целыми обозами, забирают мед, вареные арбузные семечки, пшено, горох, чечевицу, фасоль и т.п. мелочи и отправляются прямым путем – степью в приморские села за рыбой. Свой товар ...они продают или же променивают на рыбу и, таким образом, обеспечивают себя ею на целую зиму, а иногда с большой прибылью еще и продают в своих же станицах»³¹⁸. Это довольно архаичная организация торговли.

Влияние торговли на хозяйство и быт казаков во многом зависело от расположения той или иной станицы. Если базар находился в самой станице или недалеко от нее, или же если станица и базар были соединены хорошей дорогой, то казаки быстрее и легче втягивались в товарно-денежные отношения. Так, казаки станицы Георгиевской были «единственными соседями губернского города Георгиевска... с его ежедневными и недельными базарами, – они легко и выгодно сбывая с рук все возможные хозяйственные продукты, пристрастились к торговле и в настоящее время считаются опытными торговцами»³¹⁹.

Станица Луковская находилась рядом с Моздоком, а до Владикавказа ее жители легко могли доехать по Военно-Грузинской дороге. Поэтому для них не составляло труда продать выращенный ими виноград.

Даже женщины и небогатые казаки, имевшие небольшие сады, корзинками носили виноград в Моздок и там продавали его. «Хозяева же больших садов режут виноград возами и возят их в места более отдаленные, например, во Владикавказ, Пятигорск, Георгиевск или в станицы: Прохладную, Слепцовскую и др.»³²⁰.

Совсем в других условиях находились станицы, отрезанные от рынков большими расстояниями или плохими дорогами. Так, от станицы Новогладковской было 40 верст до Хасав-Юрта и 60 – до Кизляра. «На этом пути две паромных переправы, а дорога грязная: все это поглощает много времени. На проезд туда и обратно нельзя считать менее 5 дней, да два дня на продажу – всего 7 дней»³²¹. Не менее недели надо было потратить жителям станицы, чтобы сбыть свои товары на рынке. Многие из них вынуждены были продавать свое вино и сусло перекупщикам по низким ценам. Перекупщиками часто были лавочники, жившие в этой станице.

К концу XIX в. едва ли не во всех станицах были лавки и другие торговые заведения, но в некоторых станицах их было особенно много. К 1915 г. в станице Прохладной насчитывалось 179 «торгово-промышленных заведений»³²².

В 1905 г. в станицах Терского казачьего войска было всего 744 торговца, но из них только 207 были казаками³²³. Это показывает отношение многих казаков к коммерции. Например, в гребенской станице Червленной «торговля, одно из средств наживы и обогащения, считается низменным занятием, и в станице нет ни одной лавки, принадлежащей казаку, а не еврею, армянину или захожему русскому»³²⁴. Так же относились к торговле многие народы Северного Кавказа, в их селах она тоже была в руках армян или горских евреев.

В конце XIX в. казаки начали покупать не только предметы домашнего обихода, ткани или бакалейные товары, но и различные сельскохозяйственные орудия, изготовленные на заводах и фабриках. В станице Прохладной был открыт торговый склад, где продавались плуги, жатки, веялки, молотилки и другие орудия труда. Большую часть техники завозили издалека – из центральных районов России и даже из-за границы.

Но, для того чтобы покупать больше товаров, надо было больше и продавать. На продажу шло зерно – пшеница, ячмень, просо, кукуруза, а также вино, лес и изделия из дерева, рыба и т.д. В станицах появились «конторы ссыпки зернового хлеба», владельцы которых скупали зерно. Для продажи выращивались также бахчевые и масличные культуры – на них был спрос в других регионах России и даже за границей. Рыба и вино также были предметами торговли.

Много всевозможных торговых заведений было в 1896 г. в станции Прохладной: 6 мануфактурных, 16 бакалейных, галантерейных и прочих мелочных лавок, 2 мясные, 8 контор ссыпки зернового хлеба, оптовый склад вина и спирта, склад земледельческих орудий и машин, торговля швейными машинами, а также 15 постоянных дворов, 1 трактир, 1 «азиатская харчевня», 3 питейных и 5 винных домов. В 1914 г. в станции Прохладной насчитывалось уже 179 различных торгово-промышленных заведений, отделение Русско-Азиатского банка и 2 кредитных товарищества³²⁵.

Развитие торговли во многом изменило образ жизни и быт терского казачества: «железная дорога из-под носа увозит хлеб, а вырученные за него деньги идут на покупку: самовара, лампы, ботинок, шелкового платка, кружев, глицеринового мыла, одеколона и т.п. предметов, о которых в прежнее время не имели и представления, а теперь считают необходимыми»³²⁶.

Северный Кавказ отличается большим разнообразием природных условий, таких как рельеф местности, состав почв, температурный режим, количество осадков, растительный и животный мир. Терскому казачеству пришлось адаптироваться к этому разнообразию. В результате этого в разных местах расселения терского казачества развивались различные отрасли хозяйства, возделывались разные виды и сорта сельскохозяйственных растений. В большинстве степных станиц главной отраслью хозяйства было земледелие, а именно – возделывание зерновых. В станицах, расположенных вниз по течению Терека от Моздока, наряду с зерновыми успешно возделывали виноград. В некоторых из этих станиц виноградарство и виноделие было ведущей отраслью хозяйства. В станицах низовьев Терека наряду с земледелием важную роль играло рыболовство, а в станице Александрийской оно было главной отраслью хозяйства. В предгорных и «лесогорных» станицах земледелие дополнялось лесными промыслами, а в некоторых из этих станиц эти промыслы давали большую часть средств к существованию. В станицах, расположенных рядом с курортами и рядом с городами, быстро развивалось огородничество.

Природная среда влияла не только на развитие тех или иных отраслей хозяйства казачества, но и на особенности каждой из этих отраслей. Различались, например, основные земледельческие культуры, которые возделывались в степной и предгорной зонах Северного Кавказа. Так, в равнинных станицах большую часть зерновых составляли озимые, а в предгорных – яровые культуры. В степях в больших количествах выращивали просо, а в низовьях Терека даже рис. Значительные земельные площади здесь занимали бахчевые культуры, а

гречихи или картофеля было немного. В предгорных станицах с более прохладным и влажным климатом не сеяли или почти не сеяли просо, не сажали арбузы, зато выращивали в больших количествах гречиху, картофель, капусту.

Скотоводство различалось продолжительностью пастбищного периода. В низовьях Терека скот чуть ли не круглый год находился на пастбищах. В предгорных станицах пастбищный сезон был короче.

Одним из механизмов адаптации к природным условиям Северного Кавказа являлся отбор тех форм хозяйства и материальной культуры, которые более всего соответствовали этим условиям. Терское казачество включало в свой состав очень разные социальные и этнические группы: гребенских, волжских, донских и «малороссийских» казаков, бывших однодворцев, отставных солдат, русских и украинских крестьян, а также осетин, кабардинцев, абазин, грузин и др. Разные группы казачества имели разные хозяйственные традиции, разные пахотные орудия, возделывали различные сельскохозяйственные культуры и т.д. Из всего этого многообразия отбиралось и получало широкое распространение только то, что наилучшим образом соответствовало условиям Кавказа.

Во второй половине XIX в. важнейшим пахотным орудием терского казачества был малороссийский плуг. Видимо, он полностью соответствовал природным условиям равнинной части Северного Кавказа. Его применяли не только в тех станицах, в которых казачество имело украинские корни, но и там, где оно было русским по происхождению.

Помимо отбора и применения традиционных способов хозяйствования казакам, особенно жителям предгорных станиц, приходилось приобретать новые навыки, связанные с освоением непривычных для них сельхозугодий. Одним из механизмов адаптации являлось заимствование тех или иных элементов традиционной системы хозяйства у народов Северного Кавказа, которые за долгие годы успели хорошо приспособиться к местным природным условиям. Некоторые сельскохозяйственные культуры, сорта винограда имели явно кавказское происхождение.

То же относится и к скотоводству, на которое оказали воздействие ногайцы, кумыки и калмыки. Их породы крупного и мелкого рогатого скота были хорошо приспособлены к местным условиям. Не только породы скота, но и способы его содержания в некоторых станицах заимствовались у соседних народов. Этому способствовало то обстоятельство, что пастухами нередко бывали калмыки или ногайцы.

В некоторых других станицах пытались разводить лошадей знаменитой кабардинской породы, которые достались казакам в годы Кавказской

войны в качестве военной добычи. Строевых лошадей казаки часто покупали у кабардинцев, чеченцев или ногайцев.

Несмотря на все заимствования, системы хозяйства казаков и народов Северного Кавказа не стали идентичными. К одним и тем же природным условиям они адаптировались по-разному. Большое значение в этом случае имели традиции. Например, казаки, жившие в предгорных станицах, успешно возделывали в этих условиях гречиху, которая не имела распространения у народов Кавказа.

В системе хозяйства разных групп терского казачества кавказские заимствования имели различное значение. В предгорных станицах долгое время их было немного. Эти станицы появились сравнительно поздно, уже в последний период Кавказской войны. Даже после окончания войны отношения между казаками и горцами оставались напряженными, что препятствовало взаимовлиянию их культур. Возможно, это являлось одной из причин тех сложностей, которые испытывали казаки этих станиц в процессе адаптации к условиям Северного Кавказа. У казаков гребенских станиц, нижнетерских казаков заимствований было значительно больше.

Влияние народов Кавказа на различные отрасли хозяйства терского казачества также не было одинаковым. Наиболее существенным оно было в скотоводстве, явно выраженным – в виноградарстве, и значительно менее заметным – в возделывании зерновых или в лесных промыслах.

Поселения и жилище

Первыми поселениями «вольных» казаков на Северном Кавказе были «городки». О них почти ничего не известно, кроме того, что они были укреплены и были очень небольшими. В одном городке проживало в среднем 20–30 казаков. Служилые «беломестные» казаки жили в слободе рядом с Терским городом, о которой тоже нет точных сведений.

В XVIII–XIX в главным типом поселений казачества были станицы. Они были значительно больше «городков». В каждой станице насчитывались сотни и тысячи жителей. Наряду со станицами существовали хутора, но в годы Кавказской войны их было немного (жизнь в них была слитком опасной в условиях войны), более широкое распространение они получили после окончания войны. В 1888 г. на территории Терского казачьего войска было 154 казачьих хутора³²⁷.

Все станицы в годы Кавказской войны, были так или иначе укреплены. Например, станица Пришибская была «огорожена кругом плетнем

и окопана канавою»³²⁸. Станица Слепцовская на Сунже имела еще более мощные укрепления: «Будучи обнесена глубоким рвом и высоким плетнем из колючего терновника, станица того времени была как бы небольшой крепостцей, служившей для защиты от неприятельских набегов: по углам ее находилось по орудию и более. Для въезда в станицу было устроено несколько прочных деревянных ворот, при которых днем и ночью содержался караул из нескольких казаков. На ночь ворота обыкновенно наглухо запирались и въезд в станицу прекращался»³²⁹. Подобным образом были укреплены и другие станицы³³⁰. После окончания войны укрепления стали ненужными. К концу 60 гг. XIX в. казакам «позволено было не поправлять рвов и колючей огорожи станиц»³³¹. Постепенно эти укрепления разрушились, и исчезли даже их следы.

Расположение станиц было продиктовано соображениями безопасности, а также той ролью, которая отводилась им в ходе Кавказской войны (например, охраной Военно-Грузинской дороги). Казачьи хутора в конце XIX – начале XX в. строились обычно в степи, на некотором расстоянии от станиц. Жители этих хуторов занимались земледелием и скотоводством на тех участках земли, до которых от станицы долго было добираться. Станицы, как правило, располагались на берегу реки, хутора – далеко не всегда.

Многие станицы состояли из нескольких частей – *краев*. Зачастую, хотя и не всегда, жители разных *краев* отличались друг от друга происхождением, сословным положением, говором или даже языком. В станице Екатериноградской жителей одного *края* называли «хохлами» (они говорили по-украински), другого – «кацапами» (их языком был русский). Третий край носил название Комаревка и также был населен русскими. Во всех этих *краях* проживали казаки, но рядом со станицей находилась слободка, в которой жили иногородние. Рядом со станицей Червленной тоже была солдатская слободка³³².

В станице Солдатской были разные края: *хохлы*, *чечня*, *курганцы* и *сахалинцы*. В этой станице имели распространение украинский и два различных говора русского языка. В других станицах все жители говорили на одном языке (например, в станице Прохладной – на украинском), но деление на края существовало и там. В станице Прохладной проживали *полтавцы*, *кучаны*, *середяне*, *горцы* и др. В станице Котляревской жителей одного края называли *аргуданцами*, другого – *демнюшниками* (по названиям рек) или позже – *бороковцами* и *псыкодцами* (по названиям соседних кабардинских сел)³³³.

Между гребенскими казаками и украинскими крестьянами, переселенными в середине XIX в. в их станицы и зачисленными в состав

терского казачества, сложились сложные отношения. Между этими двумя группами населения существовали и социальные различия: гребенцы были потомственными казаками, а переселенцы – недавними крестьянами; и этнические различия (между «великороссами» и «малороссами»), и религиозные: гребенские казаки были старообрядцами, а новые жители их станиц – православными. Ввиду этих причин переселенцам выделяли места для жительства в нескольких километрах от старых станиц: «совершенно в стороне от станицы, обыкновенно на большом «шляху», виднеется и православная церковь, около которой группируются малороссийские хаты со всеми их характерными особенностями. Это «выселок» малороссов-переселенцев»³³⁴.

Судя по описанию гребенской станицы середины XVIII в., ее планировка в тот период была беспорядочной, отсутствовали огражденные дворы³³⁵. Возможно, что эта особенность сохранилась с тех времен, когда казачьи городки были еще очень небольшими. Скот содержался за станицей, в «базах».

В более поздние времена терские станицы имели правильную уличную или улично-квартальную планировку. Так, в 1809 г. в деревне Приближной была одна улица, в селе Прохладном – 6 улиц, в деревне Солдатская Малка – 3³³⁶. В последующие годы эти поселения превратились в станицы, разрослись, но их планировка сохранилась.

В станице Наурской в начале XX в. было 45 улиц и около 200 кварталов: 150 в старой и 50 в новой части. Станица Ищерская также делилась на старую и новую часть. В старой застройка была более плотной, дворы были небольшими, улицы – узкими. В новой части улицы были значительно шире, постройки отстояли друг от друга дальше³³⁷. В годы Кавказской войны «жить теснее, ближе друг к другу было безопаснее, да и канаву в таком случае приходилось рыть вокруг станицы меньших размеров и делать меньше плетня»³³⁸. В гребенских станицах также вместо широких улиц были «тесные проулки»³³⁹.

Хутора не только своими размерами, но и планировкой отличались от станиц. Чаще всего это были «разбросанные в беспорядке усадебки, окруженные пристройками с сараями»³⁴⁰. В некоторых хуторах рядом с казаками жили представители других народов, что придавало таким поселениям очень оригинальный вид. Так, при станице Наурской «каждый хутор имеет от 10 до 30 дворов с 5-ю или 6-ю калмыцкими кибитками, в которых живут калмыки-пастухи»³⁴¹.

В центре станицы или села, как правило, располагалась церковь, недалеко от нее – станичное правление и школа. Только в гребенских и некоторых других станицах церковью не было, их заменяли старообрядческие молитвенные дома. Еще одной особенностью этих станиц было

«присутствие староверческих скитов». Это были большие сады, обнесенные высоким глухим забором или плетнем, где были разбросаны «необычно маленькие избушки», в которых спасались от «мира» отшельники-старообрядцы³⁴².

Хотя сохранились свидетельства о том, что станичные улицы были грязными, все же предпринимались попытки их благоустройства. В станице Червленной центральная площадь «была укатана, сюда было навезено много песка, и она была чистой и гладкой». На площади «разбит был хорошенький садик, с солнечными часами в центре, на широком, посыпанном песочком, круге»³⁴³. За околицей этой станицы находился «заповедный лес», а фактически парк. Там «были устроены качели, разбиты дорожки и выкопан просторный пруд, с чистою, (родниковую) светлою водою. По праздникам здесь собиралась молодежь».

В станице Наурской улицы посыпали песком. В некоторых станицах на улицах росли деревья. В станице Прохладной перед домом обычно разбивали палисадник с вишнями, акациями и шелковицами (казаки этой станицы были «малороссами»), но цветники встречались редко³⁴⁴. Палисадники с деревьями и цветами были также в станице Приближной³⁴⁵. В некоторых других станицах росли только акации³⁴⁶ или же не росли никакие деревья.

Материалы и техника строительства. Первыми жилищами терского казачества были, видимо, землянки. Терско-семейные казаки жили в землянках после их переселения от крепости Святого креста на Терек³⁴⁷. Переведенные с Волги на Терек казаки тоже сначала построили землянки, но уже через год-два большая часть из них перенеслась в бревенчатые избы³⁴⁸. В конце XIX в. землянки или полуземлянки строились как временные жилища в степи на период сельскохозяйственных работ. Когда жители станицы Наурской выезжали весной на пахоту, то «каждый возле своего участка роет в земле небольшую яму...над этой ямой устраивают «кош», т.е. сложенный из жердей навес. Сверху и сбоку навес этот обкладывается соломой, а сверху соломы насыпается земля»³⁴⁹.

Гребенские казаки сооружали на время пахоты жилища другого типа – «будки из «чублуков» – длинных прутьев, перегнутых в дугу, концы которых втыкались в землю, представляя из себя большой шалаш. Будки эти покрывались войлоками, что и служило пахарям защитой от солнца, дождя и ветра»³⁵⁰. Это, видимо, тоже было старинное казачье жилище, и, судя по использованию войлока, оно могло появиться у казаков под влиянием кочевников. Казачьи офицеры в период пахоты в качестве временного жилища могли также использовать палатки и «небольшие ногайские кибитки».

Вплоть до середины XIX вв., на равнинах и в предгорьях Северного Кавказа было еще немало обширных лесных массивов. Земельный надел каждой станицы включал в себя не только пахотные земли, но и лесные угодья. Долгое время дерево оставалось одним из самых доступных строительных материалов, поэтому казаки строили себе дома «из тамошнего леса: или чинаровых, или осокоревых, тополевых и иных, кроме хвойных дерев, коих в тамошних лесах не находится»³⁵¹. Наряду с ними строились и турлучные жилища – из плетня, обмазанного глиной³⁵².

В последующие годы в станицах появились и саманные постройки. Для их возведения использовались самодельные высушенные на солнце кирпичи из глины с добавлением соломы и других ингредиентов. Саман был широко распространенным строительным материалом как на Кавказе, так и в других регионах. Редкостью в терских станицах были *вальковые жилища* из глины³⁵³. Стены вальковых домов слой за слоем выкладывали из вальков – комьев глины, смешанной с соломой, и сушили. Иногда слои глины прокладывали для прочности ветвями терновника. Вальковые жилища были характерны для центральных и южных районов Украины и, вероятно, отсюда эта техника строительства была перенесена на Кавказ.

Но еще и во второй половине XIX в. большая часть домов во многих станицах была построена из дерева. В 1871 г. в станице Пришибской насчитывалось 120 деревянных, 50 турлучных и 11 саманных домов, в станице Солдатской – 138 деревянных, 80 турлучных и 18 саманных, в станице Александровской – 159 деревянных, 6 турлучных и 19 саманных, в станице Приближной в 1872 г. – 109 деревянных, 20 турлучных и 28 саманных³⁵⁴. Впоследствии турлучных и, особенно, саманных домов стало еще больше, но даже в начале XX в. казаки строили свои дома и из дерева. Некоторые из этих домов сохранились до настоящего времени.

О технике строительства домов из дерева, применявшейся в начале XIX в., точных сведений не сохранилось. Во второй половине XIX в. в станице Прохладной стояли еще «избы старинного типа с глухими стенами на улицу, построенные из круглых дубовых бревен»³⁵⁵. В конце XIX – начале XX в. дома из круглых бревен строили только в некоторых станицах (Наурской, Слепцовской, гребенских). Но и в этих станицах далеко не все дома были бревенчатыми.

Гребенские казаки стремились, чтобы их жилища хотя бы внешне были похожи на старинные, но дороговизна леса не позволяла им строить дома из бревен. В гребенских станицах при постройке изб бревна распиливали «вдоль пополам, оставляя круглыми лишь бока

на наружную сторону, дабы искусственно придать постройке бревенчатый, великорусский вид»³⁵⁶. В таком доме из половинок бревен зимой было очень холодно, он продувался ветром. Однако практическая целесообразность для гребенских казаков оказывалась в данном случае менее важной, чем сохранение традиционной формы дома. Дома из половинок бревен строились в целях экономии и в некоторых других станицах, например, в Слепцовской³⁵⁷.

Гребенские казаки старались строить дома из дубовых бревен, в других станицах использовались также бук, чинар, липа, ольха, осина, осокорь. В нижнетерских станицах строили дома и из сосны, которую доставляли туда из Астрахани³⁵⁸.

В большинстве станиц дома строили не из круглых бревен, а из отесанных четырехгранных брусьев, которые соединяли *в угол* так, что концы их в углах дома выступали. Такие срубные жилища снаружи и изнутри обмазывали глиной и белили³⁵⁹. Для того чтобы глина лучше держалась, стены иногда *решетили*, т.е. обивали планками или забивали маленькие колышки³⁶⁰. Дома такого типа были распространены не только на Тереке, но и в других казачьих районах – на Кубани, на Дону, а также на территории Украины³⁶¹.

В конце XIX – начале XX в. в станицах было также немало турлучных жилищ³⁶². Турлучная техника строительства применялась многими народами Северного Кавказа (кабардинцами, осетинами, чеченцами, ингушами, кумыками и др.), но она также издавна была известна на Украине, встречалась на Кубани, на Дону³⁶³.

Каменных или кирпичных домов казачество почти не строило. В середине XIX в. даже церкви в большинстве станиц были деревянными. В конце XIX в. появилось несколько кирпичных заводов, но, несмотря на это, кирпич был дорогим строительным материалом, а кирпичные дома – редкостью. В станице Екатериноградской было 3 кирпичных дома³⁶⁴, в станице Прохладной – немного больше. Из кирпича чаще строили общественные здания – церкви, станичные правления, школы. Некоторые лавки и магазины тоже были кирпичными, но при строительстве жилых домов кирпич долго не мог вытеснить традиционные материалы.

Турлучные дома строились непосредственно на земле: «Фундамента не делают, а забивают колья прямо в землю, заплетают хворостом стены, оставляя отверстия в стенах для окон и дверей... Полы в турлучных домах насыпаются землею, утрамбовываются и смазываются глиной»³⁶⁵. Подобная конструкция дома была с древности известна народам Северного Кавказа. Возможно, что под их влиянием она появилась у казачества.

Саманные и *рубленые* дома могли и не иметь фундамента, но иногда их возводили на кирпичном фундаменте, в некоторых случаях вместо фундамента в основание деревянных домов ставили камни или старые каменные катки, которыми молотили зерно, а также массивные деревянные чурбаны (в некоторых станицах их называли *подвалки*)³⁶⁶.

Во многих станицах, «когда дом готов, кругом него заплетают низкий плетень до первого венца (пространство между стеною и плетнем) и засыпают землю (заваленки)»³⁶⁷. Завалинка – также обычная принадлежность русского и украинского жилища, хотя устраивали ее в разных местностях по-разному, и плетень с данной целью применялся далеко не везде. Видимо, это была особенность материальной культуры восточнославянского населения Северного Кавказа.

Стены дома снаружи и изнутри обычно белили. Иногда их обклеивали обоями или разрисовывали красками³⁶⁸.

Полы в хатах чаще всего были земляными, обмазанными глиной. В станице Прохладной их называли *доливками*, как на Украине. Такие полы надо было регулярно мазать глиной. Зимой, чтобы было теплее, их застилали соломой³⁶⁹. В некоторых домах, обычно в деревянных, настилали дощатые полы³⁷⁰. Иногда их красили, но часто они оставались неокрашенными.

Крыши домов бывали и двухскатными, и четырехскатными³⁷¹. Гребенские казаки сооружали на своих бревенчатых избах высокие крыши «с вырезными коньками по концам стропил». И хотя такая крыша в условиях Кавказа не являлась необходимостью, «так как большого груза снега тут ей выдерживать не приходится», ее устраивали «ради сохранения великорусской старины»³⁷².

Но те же самые казаки и нередко в одном и том же дворе рядом с высокой бревенчатой избой строили низкую турлучную или деревянную *саклю* или *избушку* с плоской крышей³⁷³. Такая конструкция крыши не была характерна для восточных славян и, скорее всего, была заимствована у народов Кавказа.

В других же станицах не строили дома с такой высокой крышей, как у гребенских казаков, но не строили и дома с плоской крышей.

Поддерживали крышу стропила, на которые укладывали жерди или плетень. Покрывали крышу чаще всего камышом, который связывали в снопы и привязывали к жердям и стропилам. Реже встречались дома, покрытые соломой *под гребешок*³⁷⁴. Камышовые и соломенные крыши изредка обмазывали сверху глиной³⁷⁵ или засыпали землей. Еще реже встречались дома, покрытые тесом. В некоторых станицах, например, в Наурской, Прохладной и Екатериноградской, было довольно много

домов с черепичными крышами, в других станицах их было значительно меньше³⁷⁶.

Потолок в некоторых турлучных хатах вообще не было. В таких случаях крышу делали двухскатной и довольно пологой. Изнутри ее обмазывали глиной и белили. Но в большинстве жилищ были потолок и чердак (*подлог*, или *подлавка*, или *потолок* или *полати*)³⁷⁷. Обычно вдоль дома укладывали главную балку (*сволок* или *матицу*), на нее – несколько поперечных балок, сверху жерди или камыш³⁷⁸ или плетни (иногда их покупали у кабардинцев)³⁷⁹. Затем потолок с обеих сторон обмазывали глиной и белили. В *рубленых* домах часто делали дощатый потолок. Его никогда не мазали и не белили, но иногда красили масляной краской³⁸⁰.

Для обозначения жилища терское казачество использовало несколько терминов: хата, дом, сакля, *курень*. Хата, сакля или *курень* были обычно турлучными под соломенной или камышовой крышей, с земляным полом, дом – деревянный или саманный, с черепичной крышей, с дощатым полом и потолком.

В некоторых станицах дома стояли на одной линии с оградой. В других – дома часто строили внутри двора, в двух-трех метрах от забора, что считается особенностью украинской планировки. В большинстве случаев они располагались перпендикулярно улице, были повернуты к ней торцовой стороной, но иногда стояли и параллельно улице.

Планировка дома. Самое раннее описание жилища гребенских казаков относится к середине XVIII в. Тогда жилища были двухкамерными, состояли из сеней и «черной» избы, т.е., видимо, печь топилась по-черному, не имела трубы. Такая планировка жилища была обычной для русских сел того времени. Однако, у гребенских казаков, в отличие от большинства русских, сени фактически были превращены в жилую комнату. Возможно, это явилось результатом влияния народов Кавказа, жилища которых не имели сеней, или в условиях Северного Кавказа в этом помещении не было необходимости. Согласно документу середины XVIII в., сени «наиболее в чистоте имеют, нежели как в ызбах; украшают те сени старинными образами, а более литыми медными»³⁸¹.

Еще одна особенность жилища гребенских казаков – «широкие лавки... в подобие полатей, токмо весьма niskие». Это очень важная деталь интерьера, которая сохранится у гребенских казаков и в последующие годы. На лавках стояли сундуки, а также лежала постель: «наволоки из разных шелковых материалов и лоскутков шахматно с пестротой шьют и надевают»³⁸². Использование в убранстве дома изделий из шелка – еще одна особенность жилища гребенских казаков,

отличавшая их от других групп восточных славян. На стенах сеней висело оружие – ружья, сабли, шашки, а также седла, что также придавало своеобразию жилищу. Не случайно в цитируемом описании убранство гребенского дома сравнивается с «азиатским».

В конце XIX – начале XX в. в домах гребенских казаков сени по-прежнему заменяли жилую комнату. Сохранялись и лавки в сенях, и сундуки, и постели, и иконы. Из всех групп терского казачества только гребенские казаки делали в сенях окно, и только у них в сенях ночевали молодые³⁸³.

В других станицах сени оставались нежилым помещением. Самые бедные из казаков строили двухкамерные жилища (сени – хата). Вход со двора вел в сени. Это было небольшое помещение без окон, часто без потолка, из сеней можно было подняться на чердак³⁸⁴. Сени обычно были пустыми, только у одной из стен на лавке могли стоять ведра с водой, на стенах могли быть крючки для одежды.

Из сеней дверь вела в жилую комнату – хату или избу. В углу хаты, справа или слева от двери, находилась русская печь. Она была расположена таким образом, что устье ее было рядом с дверью. Это была наиболее распространенная, если не единственная планировка жилища терского казачества.

Как отмечали очевидцы, и у гребенских казаков, и в других группах терского казачества, «в избе при входе стоит большая русская печь»³⁸⁵. По мнению Н.Н. Великой, такую планировку можно считать северно-среднерусской³⁸⁶. Действительно, при северно-среднерусской планировке печь находится в одном из «задних углов» избы, т.е. рядом с дверью. Однако в том же самом углу она располагается и при другой – западнорусской или украинско-белорусской планировке жилища. Эти два варианта различаются только тем, как повернута печь. В первом случае ее устье было направлено к передней стене избы, во втором случае – к боковой стене. В соответствии с этим менялся и весь интерьер. Одна из наиболее очевидных особенностей западнорусского плана жилища заключалась в том, что от боковой стены печи до передней стены дома шел деревянный настил или широкая лавка, служившая для сна членов семьи и носившая название «пол» или нары. При северно-среднерусской планировке нар не было, их устройству мешало с одной стороны – устье печи, с другой – входная дверь. По этой причине для сна здесь служили полаты, расположенные высоко под потолком³⁸⁷.

Как уже говорилось, уже в середине XVIII в. у гребенских казаков в доме были низкие лавки вместо высоких полатей, сохранялась эта особенность интерьера и в XIX в.: стены избы обставлялись «узкими деревянными лавками и скамейками, причем печная лавка в три раза

шире других и составляет любимый уголок для всех; здесь молодницы и старухи, сидя с поджатыми ногами, шьют целые дни, а ночью большая часть домочадцев на ней укладывается подряд спать»³⁸⁸.

В других терских станицах существовала такая же планировка дома. Станица Слепцовская: «К печи прицепились нары – это общее место для ночлега всей семьи. Здесь спят по два, по три человека и на печке тоже. Далее от нар под прямым углом вдоль стены идет широкая длинная скамья...»³⁸⁹. В станице Бороздинской «большую половину комнаты занимают нары или тахта, устраиваемые из досок на аршин от пола»³⁹⁰. В станице Аки-Юртовской «в хатах не устраивают возвышенных полатей для спанья: их заменяют скамейки и дощатые кровати»³⁹¹. Приведенные описания доказывают, что у терского казачества (включая и гребенских казаков) преобладал западнорусский или украинско-белорусский план жилища. Но и существование иных вариантов полностью нельзя исключить. Особое распространение они получают в начале XX в., когда материальная культура казачества подвергается быстрым изменениям.

Печь почти всегда была кирпичной, имела трубу, т.е. топилась побелому³⁹². В гребенских станицах долгое время на крышах не было печных труб. Дым здесь выходил на чердак, носивший название *полати*, «и там отводят трубу горизонтально аршина на два»³⁹³.

Русская печь занимала значительную часть хаты или избы. В длину она достигала двух метров при почти такой же ширине. Печь зимой обогревала хату, в ней готовили, на ней спали. От расположения русской печи зависела вся планировка и интерьер восточнославянского жилища. Устье печи должно быть хорошо освещено, поэтому в противоположной стене обязательно делали окно, а чаще два окна. Еще одно или два окна выходили на улицу, т.е. были расположены напротив двери, в торцевой стене дома. У этой же стены, по диагонали от печи, находился *передний угол*, где на полочках стояли иконы, лампы и т.п. Стол располагался в переднем углу или рядом с ним. Лавки были расставлены вдоль стен под окнами. В углу рядом с печью стояли *рогачи*, которыми доставали из печи горшки и чугуны, кочерга, *чапельники* для сковород и другие кухонные принадлежности³⁹⁴. Жители некоторых станиц, например, Новоладковской, Ищерской ставили возле печи посудный шкаф – *постав*³⁹⁵. В станице Екатериноградской в углу напротив печи висел небольшой треугольный шкафчик для посуды – *угольник*³⁹⁶. В станице Котляревской посуду хранили на полочках или в закрытом столе³⁹⁷. Кухонную посуду – чугуны, сковороды и т.д. – держали под печью.

Нары покрывали войлоком или ковром. Иногда на их месте стояла деревянная кровать³⁹⁸. Были также самодельные деревянные диваны, табуретки, стулья³⁹⁹.

Вместо простынь использовали домотканые *рядна* из конопля, или основа их была из конопляных ниток, а уток из узких полосок ткани. *Ложники*, сотканые из таких же полосок, служили одеялом или покрывалом⁴⁰⁰. Впрочем, одеяла были не во всех семьях, а если и были, то на всю семью их обычно не хватало, как не хватало и набитых соломой матрасов, пуховых перин и подушек. Нередко их заменяла верхняя одежда. Шкафов для одежды не было. Она хранилась в сундуках или висела на стенах. Иногда для одежды над кроватью приделывали специальную жердочку, которая одним концом прикреплялась к стене, другим – к центральной балке. У казаков на стене над кроватью висело также оружие.

В начале XX в. двухкамерных жилищ у терского казачества оставалось уже немного, значительно больше было трехкамерных (хата – сени – хата). С одной стороны от сеней была расположена комната (*передняя хата* или *курень*), с другой стороны – еще одна комната (*задняя хата*)⁴⁰¹.

Если такой дом стоял перпендикулярно улице, то окна *передней хаты* выходили на улицу. Интерьер *задней хаты* был обычно таким же, как в двухкамерном жилище. Здесь тоже стояла русская печь, расположена она была точно так же (украинско-белорусская планировка), по диагонали от нее находился *передний угол* и т.д.

Интерьер *передней хаты* был немного иным. Иногда ее делали неотапливаемой, а если она и отапливалась, то обычно не русской печью, а небольшой плитой – *грубой* или *голландкой*, которая располагалась на том же месте, что и русская печь. По диагонали от печи находился *передний угол*, стол. В *передней хате* стояла обычно более новая мебель, чем в *задней*: кровать вместо нар, стулья вместо лавок. На стенах висела новая одежда, оружие. Именно в *передней хате* чаще делали деревянный пол и потолок.

Только гребенским казакам, как уже говорилось, переднюю хату заменяли сени. Здесь они хранили свои лучшие вещи и оружие казака. «В сенях же обыкновенно спят и новобрачные, не обращая внимания ни на какой холод, так как печей в сенях обыкновенно делать не принято»⁴⁰².

В *задней хате* готовили пищу, ели, спали, занимались домашними делами. Здесь вся семья проводила большую часть времени. *Передняя хата* была своего рода парадной комнатой – здесь принимали гостей. Если в семье была взрослая дочь, то ее приданое хранилось в *передней*

хате, если был женатый сын, то он с женой обычно жил в *передней хате*, а его родители – в *задней*.

В конце XIX – начале XX в. планировка жилища изменялась и совершенствовалась. В сенях часто отгораживали чулан или кладовку, где хранилась одежда, другие вещи. Получил широкое распространение новый тип жилища, который условно можно назвать домом с коридором. Коридор или *колидор* – очень многозначный термин. Так могли называть и примыкавшую к фасадной стене дома открытую галерею, крышу которой поддерживали деревянные столбы, и застекленную террасу, и узкую саманную или турлучную пристройку. Между этими разновидностями коридора не было резких границ, одна из них могла превращаться в другую. Иногда открытую галерею перестраивали и превращали в террасу с дощатыми стенами и большими окнами. Бывало, что на месте столбов, поддерживавших крышу галереи, возводили саманные или турлучные стены.

В некоторых случаях дома с пристроенным к ним коридором имели сени и две или одну жилую комнату. Тогда они являлись вариантом традиционного типа жилища. Но чаще в таких домах функцию сеней выполнял коридор, а на месте сеней появлялась еще одна жилая комната. Именно такое жилище, состоящее из двух или трех жилых комнат и коридора, и можно назвать домом с коридором.

Если в таком доме были две жилые комнаты, то одна из них называлась *передней хатой*, а другая – *задней*. По своим функциям они ничем не отличались от *передней* и *задней хаты* обычного трехкамерного жилища⁴⁰³. *Передняя хата* и здесь была *парадной комнатой*, в ней мог жить женатый сын хозяина дома и т.д.

Однако планировка, интерьер дома с коридором существенно отличались от интерьера традиционного двух- или трехкамерного жилища. Печь в таком доме могла быть расположена в любом углу и повернута в любую сторону. Например, в станице Екатериноградской в домах такого типа встречается расположение печи, характерное как для севернорусской, так и для южнорусской планировки, причем в обоих ее вариантах. Быть может, причина такого разнообразия заключается в том, что в жилой комнате «дома с коридором» могло быть две или даже три двери. В таких условиях найти подходящее место для громоздкой печи было, конечно, непросто. Кроме того, дом с коридором появился сравнительно поздно, и оптимальный вариант его планировки еще не успел сложиться. Расположение печи зависело от особенностей каждого конкретного дома.

Положение *переднего угла* в таких домах также было неустойчивым. Иконы могли находиться не только по диагонали от печи, но и в

соседнем с нею углу. По традиции их старались размещать недалеко от окна и в дальнем от двери углу, чтобы, войдя в дом, их можно было сразу увидеть и перекреститься. Расположение *переднего угла* рядом с дверью, типичное для южнорусского жилища встречалось крайне редко и, видимо, только в тех случаях, когда размещение окон не допускало иной планировки.

Если дом с коридором состоял из трех комнат, то одна из них называлась *передней* и выполняла все функции передней хаты. Во второй комнате стояла русская печь, и эта комната ничем не отличалась от *задней хаты*, хотя называлась чаще всего прихожей или кухней. Третья комната, в зависимости от ее расположения, могла называться задней, угловой и т.д. Она обычно служила спальней, хотя четкого разграничения функций между комнатами не существовало, в качестве спальни могли использовать не только эту, но и другие комнаты.

Русская печь обычно стояла только в одной комнате, в двух других были небольшие плиты, *грубы*. Иногда русская печь обогревала сразу две комнаты. В некоторых случаях часть печи находилась в одной комнате, часть – в другой. Над печью в стене между двумя комнатами делали проем. В некоторых станицах к коридору пристраивали крыльцо, выходявшее на улицу. Часть коридора отгораживали под кладовку.

В терских станицах было немало *круглых домов*⁴⁰⁴. В отличие от двух- и трехкамерных хат и от дома с коридором, эти дома были квадратными или почти квадратными в плане. *Круглый* дом был разделен на четыре приблизительно равных части: три жилых комнаты и коридор. Каждое из этих помещений соединялось с двумя другими.

Круглый дом был самым благоустроенным типом жилища конца XIX – начала XX в. Строили его обычно из дерева, с деревянными полами, а иногда и потолками. Жилые помещения в таком доме называли комнатами. В одной из них – прихожей – стояла русская печь, здесь готовили, т.е. эта комната заменяла заднюю хату. Вторая комната называлась обычно залом, она выполняла функции передней хаты. Третьей комнатой была спальня. Обстановка в круглых домах приближалась к городской. Даже в прихожей не было пола или нар, вместо них стояла кровать, вместо лавок – стулья. Стол часто был отодвинут от переднего угла к одной из стен, мог стоять посреди комнаты. В станице Екатериноградской в передний угол часто ставили небольшой столик с лампадами, свечами и т.п. Планировка и интерьер круглого дома отличались от традиционной. Расположение печи и переднего угла было произвольным, русская печь была только в одной комнате, в остальных – плиты.

За пределами Терской области *круглых* домов было особенно много в районах проживания казачества – на Кубани и на Дону.

В гребенских, нижнетерских и некоторых других станицах у многих казаков было по два дома: «из общего числа дворов Новогладковской станицы насчитывается до половины таких, в коих имеются два отдельные дома»⁴⁰⁵. Один из этих домов был построен из бревен или из их половинок, был высоким, имел высокую крышу. В нем жили только летом, потому что зимой в нем было холодно, его трудно было протопить. Вторым домом была низкая турлучная *сакля* или *избушка* с плоской крышей. В ней жили только зимой. Планировка *избушки* совпадала с планировкой дома – она тоже состояла из сеней и одной комнаты. В сенях размещались «хозяйственные предметы – трехногие маленькие скамейки, «бежни», котлы» и т.п., но обязательно где-нибудь в углу ставился медный образок⁴⁰⁶. Убранство комнаты было почти таким же, как в главном доме, здесь так же стояла русская печь, но все вещи в *избушке* были «попроще и похуже».

Казачьи станицы Бороздинской, как писали краеведы, совсем не жили в своих домах: «в них только помещается некоторый хозяйственный скарб, не имеющий ежедневного употребления, да в дни великих праздников...а также в дни похорон, свадеб и т.п. принимают гостей»⁴⁰⁷. По этой причине в доме даже не было печи, а жили казаки круглый год в *хате* или *сакле*.

Многие казаки станицы Наурской, напротив, жили в доме, а отдельную *саклю*, в которой не было печи, использовали для приема гостей. Иногда в ней жили новобрачные⁴⁰⁸ (тогда в ней могли сделать печь).

Надворные постройки. Расположение надворных построек в терских станицах было примерно таким же, как и в других регионах Северного Кавказа. Двор был огорожен плетнем. Как писали о гребенской станице Червленной, «...плетневая изгородь – необходимая принадлежность от самого богатого дома до мазанки»⁴⁰⁹. Часть двора, примыкавшая к улице, называлась чистым двором, вторая часть – черным двором, или базом.

На чистом дворе находился жилой дом или дома. Иногда за домом располагалась отдельная летняя кухня с печью⁴¹⁰. В станице Ищерской такая кухня называлась *столбянкой*. У гребенских казаков в летней кухне вместо печи был «очаг с 3–4 горнушками (горнами) из саманных кирпичей». Над очагом устраивали дымоход с трубой, сплетенной из хвороста и обмазанный глиной⁴¹¹. Здесь летом готовили, варили арбузный и виноградный мед и т.п. Такое устройство очага было известно многим народам Кавказа.

В некоторых случаях русскую печь или плиту устанавливали под навесом или прямо под открытым небом⁴¹². Летом часто готовили во дворе, используя железные треножники – *таганы*, которые устанавливали над открытым очагом. Во время полевых работ казаки выкапывали в земле нечто вроде простейшей печи – *горн* или *горно*, – на которой готовили пищу.

За домом с двух сторон двора тянулись ряды навесов и сараев. Под навесами хранились телеги, плуги и другие сельскохозяйственные орудия. Сарай (в некоторых станицах их называли *катухи*, в других – *лапасы*) почти всегда были турлучными⁴¹³. Среди них был *мякинник* или *половник*, в котором хранили солому, мякину, готовили корм для скота. В сараях держали домашнюю птицу, овец, для свиней строили специальную загородку – *саж*⁴¹⁴. Конюшня тоже располагалась на чистом дворе. Она обычно была добротным сооружением, особенно у казаков, иногда в конюшне даже делали деревянные полы.

В одном из сараев или под навесом, или прямо под открытым небом находился вход в погреб, прикрытый деревянной крышкой⁴¹⁵. В погребе хранились овощи и соленья в деревянных бочках и в больших глиняных сосудах – *хабарах*. В станице Приближенной такой погреб называли *теплушкой*⁴¹⁶. Кроме того, в этой же и в некоторых других станицах делали также *ледник* – погреб, стенки которого были выложены камышом. В *ледник* зимой привозили с реки лед и потом хранили скоропортящиеся продукты⁴¹⁷.

Зерно чаще всего хранили в амбарах, обычно выстроенных из толстых досок или бревен⁴¹⁸. В некоторых станицах и хуторах амбары были турлучными. Стены амбаров снаружи обмазывали глиной и иногда белили, внутри они оставались необмазанными. Амбар был разделен на закрома (в станице Бороздинской они назывались *бежени*, а в станице Наурской – *чечни*), в каждом из которых хранилось зерно одного вида. В некоторых станицах в амбарах стояли также бочки с вином и с соленьями, большие кувшины (*хабары*) с маслом и молоком. «Тут же можно заметить в «сапетках» чечевицу, горох, бобы, пшено, сушеную алычу, вишню, виноград, терен, яблоки и т.п.»⁴¹⁹. Там же иногда хранилась сушеная рыба, мясо и т.д.

Амбар обычно стоял посреди двора. У некоторых бедняков его вообще не было. Они в одном из сараев делали закрома для зерна или хранили его в сенях, на чердаке⁴²⁰.

У гребенских казаков во дворе вместо амбара была отдельная кладовая – *хатка*, в которой хранилось вино. Здесь же стояли большие корзины (*бежни*) с зерном и мукой, хранилась посуда и сельскохозяйственный инвентарь⁴²¹.

В станицах Пришибской и Котляревской, где одной из важнейших зерновых культур была кукуруза, для хранения початков делали длинные *кишеля* или *кошеля* из плетня⁴²². Подобные сооружения были широко распространены в Кабарде. У казаков они появились, видимо, под влиянием кабардинцев.

Среди хозяйственных построек нижнетерских станиц была *чихирня*, где хранилось вино, и *мучная*, в которой находилась мука и другие хозяйственные припасы⁴²³.

Еще одной надворной постройкой, представляющей особый интерес, является баня. В 1854 г. в станице Екатериноградской было 38 бань, в станицах Приближной и Солдатской – по 5, в станице Прохладной – 4⁴²⁴. В начале XX в. бани в станице Екатериноградской не только сохранились, но, вероятно, получили более широкое, чем раньше, распространение⁴²⁵. В станице Ищерской баня была «почти у каждого»⁴²⁶. Были бани и в некоторых других, но не во всех терских станицах. Гребенские казаки долгое время считали, что «в бане мыться большой грех, ибо она царство нечистых духов»⁴²⁷.

Некоторые из старинных бань, сохранившиеся до недавнего времени, дают представление об их планировке. В середине XIX в., согласно архивным документам, все бани были деревянными, но впоследствии их стали строить из плетня, обмазанного глиной (турлучные), или из самана. Крыши современных бань двухскатные, покрыты шифером или черепицей, потолок есть не во всех банях, иногда крыша изнутри обмазана глиной. Полы земляные, на них положена одна или несколько досок. Планировка бани напоминает планировку традиционного двухкамерного жилища. Сени заменяет предбанник, печь расположена у двери бани, так же как русская печь в хате при украинско-белорусской ее планировке. В печь был вмазан большой котел для воды, внутри печи находились камни, служившие для образования пара. За печью, на том месте, где в жилом доме находились нары, или же вдоль торцевой стены бани располагались полки, на которых парились, рядом стояли деревянные лавки.

В тех селах и станицах, в которых не было бань, мылись в тазах или в *перерезах*, напоминавших бочку⁴²⁸. Для нагревания воды иногда использовали раскаленные камни. Стирала обычно в корытах или в тех же *буках*, в которых отбеливали холст.

Баня является типичной постройкой севера и средней полосы России, в южных районах расселения русских она встречается редко. На Северном Кавказе бани были и в некоторых кубанских станицах.

Позади *чистого двора* с надворными постройками располагался *черный двор*, или *баз*, который был предназначен для содержания

крупного рогатого скота. Там строили коровники из плетня, часто даже не обмазанного глиной. На *базу* также находились длинные или круглые плетенные из хвороста переносные кормушки для скота – ясли. Рядом с базом обычно располагался *сенник* – площадка под открытым небом, где хранилось сено⁴²⁹.

Одежда

Одежда XVIII – середины XIX в. В ранний период своей истории гребенские и терские казаки ходили в походы «за зипунами» точно так же, как это делали другие группы казачества. В их одежде, видимо, изначально сочетались русские традиции с татарскими, кавказскими, турецкими или иранскими. Первое краткое описание одежды гребенского казачества датировано серединой XVIII в. Уже в тот период мужская одежда казаков имела много общего с костюмом соседних народов: «на черкесской манер в чекменях ходят»⁴³⁰. В другом источнике того же периода сказано, что гребенские казаки в обмен на рыбу приобретали у своих соседей «самонужнейшие по их казачеству надобные черкесские кафтаны»⁴³¹. То есть казаки не просто заимствовали покрой одежды у народов Кавказа, они первоначально покупали ее у них. И такая одежда уже в середине XVIII в. воспринималась как необходимая, обязательная для казаков.

Во второй половине XVIII в., при Екатерине II, уже существовала унифицированная форма для некоторых групп казачества, в том числе донских, астраханских, волжских, терско-кизлярских и моздокских. Эта одежда «заключалась: в верхнем суконном кафтане с прорехою под пазухою, подпоясанном цветным кушаком; в суконном исподнем кафтане или полукафтаны; в суконных же широких шировах, заправленных в короткие сапоги, и в шапке из серой смушки, с суконным верхом»⁴³². При этом цвета одежды отдельных групп различались между собой. Терско-кизлярские казаки должны были носить «верхние и исподние кафтаны и шировахы красные; верхи шапок голубые, кушаки желтые»⁴³³. У казаков Моздокского полка были «верхние кафтаны синие; исподние кафтаны, шировахы и верхи шапок красные; кушаки желтые»⁴³⁴. Совпадение одежды моздокских и волжских казаков неудивительно – моздокский полк был создан незадолго до того из казаков, переведенных на Кавказ с Волги. Что же касается терско-кизлярских казаков, то среди них было много выходцев из кавказских народов, которые, кроме официально утвержденных, могли носить и привычные для них костюмы. О гребенских и терско-семейных казаках точных

сведений нет, но, видимо, гребенские казаки и в этот период сохраняли кавказскую одежду.

В начале XIX в. гребенские казаки и большая часть терско-семейных и терско-кизлярских одевались «на манер Черкасской». Их костюм включал в себя «короткой верхней кафтан черного или белого или иного цвета. Под ним бешмет или полукафтаны отличного цвета от кафтана... Шапки, шеровары и сапоги носят также по большей части такие, как Черкесы»⁴³⁵. Более подробные описания одежды того периода не сохранились.

На литографии по рисунку Е.М. Корнеева, изображающий гребенского казака, кроме шубы можно разглядеть только обувь – сапоги из мягкой кожи, а также головной убор – полушаровидную шапку из ткани с узким меховым околышем, отделанную, видимо, галуном⁴³⁶. Шапки такого типа носили многие народы Кавказа – адыги, осетины, чеченцы, ингуши, ногайцы⁴³⁷. Такого же типа шапка бытовала и у восточных славян, у которых она носила название *кабардинка*⁴³⁸. Кроме головных уборов и другие виды одежды – черкески, бешметы, бурки, пояса – у народов Кавказа имели много общего. Казаки тоже постепенно их перенимали.

Не только покрой тех или иных предметов одежды, но и эстетические вкусы казачества, выраженные в их костюме и внешнем облике, были близки к кавказским. Так, одежды казаков были перетянуты «ременным или иным узким поясом помощью пряжки так, что от сего в самом поясе и животе тонки, грудь возвышенная, и обще весь стан козака бывает прям и строен»⁴³⁹. Приведенная цитата точно описывает идеал мужской внешности с точки зрения народов Кавказа, например, кабардинцев. Видимо, казаки разделяли их представления о прекрасном.

О гребенских казаках писали также, что «главное их щегольство состоит в том, чтобы иметь доброго коня и хорошее оружие»⁴⁴⁰. То же самое относится и к народам Кавказа, и в частности – к жившим в Моздоке кабардинцам и осетинам, у которых «украшение наиболее состоит в блестящем оружии, панцирях и хорошей с позументами шапке; и коль скоро имеет хорошего коня, то о большем гардеробе и домашнем скарбе мало помышляет»⁴⁴¹. Такое сходство приводило к тому, что гребенские казаки казались наблюдателям очень похожими на горцев: «не токмо что оружие и одежды, но даже и виды лиц своих имеют подобные лучшим Кабардинцам»⁴⁴².

Однако не все казаки Терека были одеты подобным образом. Часть терско-кизлярских и терско-семейных казаков и все казаки Моздокского и Волжского полков в начале XIX в. имели «одежды подобные Дон-

ским»⁴⁴³, т.е. такие же, какие были у них во второй половине XVIII в. Общий для всех групп казачества Терека мужской костюм тогда еще не сложился. Это произошло позднее, и важную роль в этом процессе играло государство, которое установило единую военную форму для всех казаков Кавказской линии. В 1831 г. в качестве такой формы вводились черкески и бешметы, круглые шапки с околышем из овчины. Их цвета в разных полках различались (Историческое описание одежды... Т. 30. С. 1–3). Казаки обязаны были носить ее, когда находились на службе: «Урядники и казаки, несущие внутреннюю службу при караулах в станицах и на посылках, а также при войсковом Правлении и Дежурстве и всех прочих местах, в одеянии своем непременно должны соблюдать установленную форму и опрятность»⁴⁴⁴. Так гласило «Высочайше утвержденное положение о Кавказском линейном казачьем войске», принятое в 1845 г. К этому положению прилагалось описание, регламентировавшее покрой и цвет всех предметов казачьей одежды. «Все офицеры и нижние чины войска, состоя на службе или являясь к начальству, обязаны иметь обмундирование, вооружение и конскую сбрую непременно по образцам и описаниям»⁴⁴⁵. Все казаки всех полков Кавказской линии должны были носить бешметы, черкески, узкие пояса с металлическим «набором». Примерно так же одевались многие народы Северного Кавказа.

Согласно утвержденным правилам, казачья черкеска («мундир») шилась из сукна без воротника и обшлагов «покроя, употребляемого ныне в войске». Сверху на черкеску нашивался «напатронник» (газырница). У офицеров он был сшит из черного бархата, у рядовых казаков – из черной кожи и был рассчитан на 8 патронов. Втулки должны были быть березовыми с белыми костяными головками. Бешмет у рядовых казаков был «стамедный», т.е. из шерстяной ткани, на один вершок короче «мундира». Шапка была полукруглой, с суконным верхом и околышем из черного курпея (овчины)⁴⁴⁶. Регламентировался не только покрой, но и цвет всех предметов, входивших в состав казачьей военной формы. Казаки двух Волжских, Горского, Моздокского, Гребенского, Кизлярского и Владикавказского полков должны были носить мундир коричневого цвета, а в других полках Кавказской линии – темно-синего.

Шапка и бешмет в Горском полку были красного цвета, в Моздокском – белого, в Гребенском – желтого, во Владикавказском – зеленого, в двух Волжских и в Кизлярском полку они были одного – светло-синего цвета. Шинель казакам заменяла черкесская бурка. Их форму дополняли: черкесская портупая, черкесский пистолет, черкесское ружье,

черкесская шашка и черкесский кинжал⁴⁴⁷. Это тоже было зафиксировано в приложении к соответствующему указу, т.е. казаки обязаны были иметь именно такое оружие.

В последующие годы в казачью форму вносились некоторые изменения. Так, в 1856 г. парадный «полукафтан» или «чекмень» оставался таким же, каким был ранее, но наряду с ним упоминается также повседневный «полукафтан» (или черкеска), который был «одного покроя с парадным полукафтаном. Сукно на черкеску допускается употреблять домашнего изделия и цвета неопределенного»⁴⁴⁸.

Женская одежда в XVIII в., в отличие от мужской, имела мало общего с одеждой народов Кавказа. В одном из источников упоминается, например, женский «рогатый» головной убор⁴⁴⁹ казачек. Подробное описание его отсутствует, но подобные головные уборы были известны всем восточным славянам, имели распространение также и в Центральной Европе. Носили их, в частности, и донские казачки⁴⁵⁰. В уже цитированном описании гребенских казаков середины XVIII в. сказано, что женщины не носили рубах, а носили «один стеганой бурметной сарафан з большими петлями (по старине) с короткими рукавами по локоть к которому пришиты выбойчатые рукава в подобие как у русских мужиков обыкновенно бывает, и кушаком шелковым» его подпоясывали. Эти кушаки они делали собственноручно из произведенного ими же шелка. При этом они ходили босиком⁴⁵¹. Бурметом называлась грубая хлопчатобумажная ткань иранского производства, выбойка – тоже хлопчатобумажная ткань с одноцветным узором⁴⁵². Сарафан имел распространение во многих районах России, но, как правило, он не имел рукавов или же у него были длинные ложные рукава⁴⁵³. Однако в терских станицах сарафаном называли «платье с короткими рукавами, на кокетке, длинное, сзади застежки»⁴⁵⁴. Платье гребенских казачек XVIII в., хотя и не имело кокетки или застежки сзади, но тоже могло называться сарафаном. Своеобразие материальной культуры гребенских казаков проявлялось также в использовании импортной иранской ткани.

В книге И. Гильденштедта, который путешествовал по Кавказу в 1770–1773 гг., изображена одежда казачек того времени⁴⁵⁵. Она во многом похожа на описанный выше наряд середины XVIII в. Это широкое платье с рукавами до локтя. Ниже пришиты рукава из другой ткани или, возможно, видны рукава рубахи. Платье распашное (похоже, что с имитацией крупных металлических застежек), подпоясано кушаком. Оно немного напоминает одежду донских казачек в изображении А.И. Ригельмана. По сравнению с одеждой народов Кавказа наряд

казачки очень широкий. На этом же рисунке И. Гильденштедта изображен головной убор гребенской казачки, сделанный, по словам автора, из коры. К нему прикреплялось покрывало⁴⁵⁶, а также подвески. Этот убор похож на донскую и южнорусскую рогатую кичку⁴⁵⁷.

На двух других рисунках И. Гильденштедта можно видеть одежду и головные уборы девушек-казачек Терека⁴⁵⁸. Костюм первой из них и особенно головной убор, похожий на шапку-«кораблик», напоминают одеяния украинских женщин, изображенных на рисунках А.И. Ригельмана⁴⁵⁹. На втором рисунке – веночек или повязка, украшенная цветами, что также имеет сходство с украинскими головными уборами.

Наряд гребенской казачки начала XIX в. на литографии по рисунку Е.М. Корнеева⁴⁶⁰ довольно похож на платье, изображенное И. Гильденштедтом. В обоих случаях это длинное свободное платье с рукавами по локоть, из-под которых видны другие широкие рукава. В варианте Е.М. Корнеева на платье надет передник, на голове казачки – большой платок или покрывало, но «рогатая» кичка под ним уже не угадывается. На ногах – туфли на невысоком каблучке.

Об одежде гребенских казачек первой половины XIX в. дают представление рисунки князя Г.Г. Гагарина. Все изображенные им казачки были одеты в длинные рубахи, с длинными широкими рукавами. На некоторых рисунках видно несколько слоев одежды, но покрой ее неясен. На рубаху в всех случаях надевали женский *бешмет*. Он мог быть немного длиннее колена или более длинным, но в любом случае короче рубахи. *Бешмет* был распашным, с крупными металлическими застежками до пояса, что сближает его с одеждой народов Кавказа. Рукава могли быть длинными, могли доходить только до локтя. Выше талии он был узким, плотно облегал фигуру, нижняя часть была широкой, со сборками. Воротника женский «бешмет», не имел, был открытым впереди, застежка начиналась довольно низко, что напоминает черкеску или платье народов Северного Кавказа. По сравнению с концом XVIII – началом XIX в. одежда казачек стала более короткой, более узкой, более открытой. Тем самым она стала ближе к одежде народов Северо-Западного и Центрального Кавказа, для которой был характерен прилегающий силуэт с затянутой талией⁴⁶¹. Казачий женский бешмет сочетал черты двух предметов одежды народов Северного Кавказа – верхнего платья и кафтанчика, который носили обычно под платьем, но иногда и отдельно от него⁴⁶². *Бешмет* был короче платья, но длиннее кафтанчика, он был таким же открытым, как платье, но на него нашивали крупные металлические застежки, как на кафтанчик. *Бешмет* заменял казачкам и платье, и кафтанчик. Подобная одежда существовала

как один из вариантов и у народов Кавказа. Казачий женский *бешмет* очень напоминает, например, одежду чеченки на рисунке того же князя Г. Гагарина⁴⁶³.

На казачках с рисунков князя Гагарина нет пояса. На голове у всех большой светлый платок или покрывало, под ним иногда виден какой-то еще головной убор, но форма его непонятна. Казачки в качестве украшений носили бусы в несколько рядов и мониста. Подобные украшения имели распространение у чеченцев и народов Дагестана⁴⁶⁴.

Кроме гребенских казаков, на Тереке в конце XVIII – первой половине XIX в. жили еще несколько групп казаков, в основном, переселившихся с Дона и Волги. Об их женской одежде сохранилось мало сведений. В некоторых документах упоминается женский *бешмет*⁴⁶⁵, т.е. он встречался не только в гребенских станицах. Казачки станицы Ищерской носили «бешметы старинные, коротенькие, узенькие, не такие, как носят гребенички: около пояса нет ни складок, ни сбор, а есть на боках, к поясу, по одной большой складке; называются эти складки фантами»⁴⁶⁶. Узкие рукава бешмета имели отвороты из другой ткани. Бешметы были стегаными на вате, шили их из канауса, кумача, ситца красного, синего, зеленого цвета, иногда с большими цветами. В станице Наурской женщины также носили черный сатиновый *бешмет* с широкими с отворотом рукавами. Его надевали не на рубаху, а на нижнюю юбку и кофточку. Из-под широких рукавов *бешмета* выходили еще более широкие рукава этой кофточки с кружевной отделкой. Поверх юбки надевали *запон* (передник). Бешмет подпоясывали серебряным поясом. Его украшали ожерельем из серебряных монет⁴⁶⁷. Бытование женского *бешмета*, кроме гребенских, отмечалось также в тех станицах, где жили бывшие волжские казаки, переведенные на Кавказ.

В то же время в некоторых станицах женщины носили юбки, сшитые из покупных тканей – ситца и даже шелка, что также зафиксировано в документах⁴⁶⁸. Покрой этих юбок неизвестен.

В станице Прохладной еще сравнительно недавно сохранялась память о старинных юбках, носивших название *паневы*. Их шили из 3 полотнищ клетчатой шерстяной ткани⁴⁶⁹. Быть может, именно южно-русская панева превратилась в юбку, которую носили терские казачки в тот период. Значительную часть населения Северного Кавказа в то время составляли переселенцы из южных областей России.

Одежда конца XIX – начала XX в. Повседневная (не форменная) одежда казаков нередко отличалась от крестьянской лишь деталями – поясом или головным убором. В конце XIX – начале XX в. нательная мужская казачья одежда состояла из рубахи и штанов. Рубаху часто

шили из домотканого холста или полотна⁴⁷⁰, но иногда и из покупных тканей, например, ситца. Рубахи были разного покроя, с воротником-стойкой (у гребенских казаков он назывался *жерелка*, в станице Екатериноградской – *жерелок*, а в станице Прохладной – *комерь*)⁴⁷¹, реже – с отложным воротником, иногда без воротника. В начале XX в. широкое распространение получили рубахи-косоворотки. Хотя их носили не только казаки, но и некоторые крестьяне, в отдельных станицах (например, в Прохладной, Солдатской) она стала считаться казачьей одеждой⁴⁷².

Нательные мужские штаны (*сподники*) шили обычно тоже из холста. Верхние штаны (в архивных документах казачьи штаны называли шароварами) чаще всего были сшиты из покупного сукна, реже – из домотканых шерстяных материй. Гребенские казаки в будни носили «демикотоновые» шаровары (т.е. из плотной хлопчатобумажной ткани). В нижнетерских станицах носили шаровары из верблюжьего сукна, из «бумажного трико» и из репса. Они держались обычно на *очкуре* или *ушкаре* – шнуре⁴⁷³. В низовьях Терека у казаков были еще и другие штаны, так называемые, *чемборы* – «широчайшие шаровары, сшитые обыкновенно из грубого полотна; они надеваются не только поверх кафтанов, но и поверх шуб, и употребляются, главным образом, при рыболовстве»⁴⁷⁴.

В состав форменного обмундирования казака, кроме шаровар входили также черкеска и бешмет. Бешмет в конце XIX в. шили из покупных тканей (ситца, бумазеи, репса, атласа, кашемира, шерстяных тканей), на подкладке⁴⁷⁵. Покрой его полностью соответствует крою этого предмета одежды у народов Кавказа. Иногда бешмет делали длинным и теплым, стеганым, на вате⁴⁷⁶. Он мог служить и повседневной одеждой, но входил и в состав форменного обмундирования или праздничного костюма казака⁴⁷⁷. В гребенских станицах бешмет назывался *кафтаном*⁴⁷⁸.

Черкеска служила казаку военным мундиром и праздничной одеждой. Ее надевали на свадьбу, в церковь, в гости, но во многих станицах она не использовалась в качестве повседневной одежды⁴⁷⁹ или, во всяком случае, ее не надевали при выполнении сельскохозяйственных работ. Повседневную черкеску шили «из туземного сукна», приобретенного у соседних народов, а праздничную – «из черного фабричного или хорошего туземного сукна»⁴⁸⁰.

Покрой черкески терского казачества аналогичен крою черкески народов Северного Кавказа. Цвет черкески когда-то тоже регламентировался, но впоследствии казаки шили черкески разных цветов, чаще

темные – черные, серые, синие, коричневые. В гребенских станицах черкески называли *зипунами* или *чекменями*⁴⁸¹.

В состав праздничной одежды казака входил также и шелковый жилет⁴⁸². По несколько штук таких жилетов имели казаки станицы Наурской⁴⁸³.

Казачья одежда не сводилась к форменному обмундированию. Но если бешметы и черкески носили только казаки, то другие предметы одежды у казаков и крестьян были, видимо, одинаковыми. В конце XIX в. краеведы даже отмечали, что «казаки стали тяготиться своими казачьими костюмами, а потому начали шить себе простые крестьянские костюмы: их они находят и более свободными, и более упрощенными...»⁴⁸⁴.

Среди казачьей одежды середины XIX в. упоминаются мужские *зипуны* и суконные *халаты*. В начале XX в. *халаты* по-прежнему бытовали в станицах. Они были длинными, прямого покроя, иногда их шили из домотканой материи, для изготовления которой использовали конопляные и шерстяные нити. Суконные *зипуны*, похожие на плащ, также носили казаки некоторых станиц⁴⁸⁵. В гребенских станицах напоминающий плащ предмет одежды назывался *кошма*⁴⁸⁶.

Верхней одеждой казакам некоторых станиц (как и крестьянам) служили *свитки* или *сиряки*, сшитые из домотканого сукна⁴⁸⁷. Они были обычно прямого покроя, иногда с капюшоном, могли иметь разную длину.

Зимнюю форменную одежду казаков составляла бурка, но, кроме нее они носили также шубы, крытые и нагольные. И казаки, и крестьяне шили из овчины длинные прямые *кожухи* или *толубы*, а также короткие полушубки.

В низовьях Терека казаки носили зимой «так называемые, *теплушки* (это – стеганые на вате кафтанчики, на полчетверти ниже пояса) и курпейные *шубы*, сшитые на манер черкесок и покрытые сукном или какой-нибудь бумажной материей»⁴⁸⁸. В станице Наурской казаки зимой надевали «суконные (на вате) полушубки с барашковым воротником, сшитые по покрою черкески»⁴⁸⁹. Подобные шубы имели большое распространение у народов Кавказа⁴⁹⁰.

Некоторые из казаков в качестве повседневной верхней одежды носили солдатские шинели, которые покупали в Кизляре у солдат.

У казаков были пояса с серебряным или костяным *набором*, такие же, как у народов Северного Кавказа. Эти пояса носили не только с черкеской или бешметом, но даже с рубахой-косовороткой. В конце XIX в. терские казаки носили довольно высокие шапки из овчины с

плоским донышком. У гребенских казаков они могли иметь суконный верх, могли не иметь его, могли делаться на подкладке из кожи или из овчины. Назывались такие шапки *папахом* или *папахой*⁴⁹¹

Летним головным убором казаков была войлочная шляпа с довольно широкими полями⁴⁹². Часто такие шляпы покупали у кабардинцев, хотя в некоторых станицах и селах были и собственные мастера, а наиболее высококачественные шляпы – *шленские* – можно было приобрести на базаре, их привозили издалека. Головные уборы такого типа характерны для народов Кавказа. В гребенских станицах широкополые войлочные шляпы с остроконечным верхом назывались *картузами*⁴⁹³.

В некоторых станицах летним головным убором была сплетенная из соломы шляпа. В станице Закан-Юртовской изготовление таких шляп было даже особым промыслом. Почти все жители этой станицы носили такие шляпы и продавали их в соседние станицы⁴⁹⁴.

В начале XX в. некоторые крестьяне и иногородние жители станиц носили фуражку (картуз). В отличие от них, казаки многих станиц фуражку не надевали, считая ее «мужичьим» головным убором⁴⁹⁵.

Обычной обувью казачества были сапоги. Наряду с ними казаки носили также простейшую самодельную кожаную обувь, которая в документах середины XIX в. носит название *поршни* или *чувяки*. В начале XX в. такая обувь под различными названиями (*мачи, цaborы, поршни, чувяки, чезмы*) была известна во многих станицах⁴⁹⁶.

В состав форменного обмундирования казачества в середине XIX в. входили и ноговицы, которые, видимо, носили с чувяками, как это было принято у народов Кавказа. В начале XX в. казаки по-прежнему кроме сапог носили также «ноговицы и чувяки с «шегреновыми» чулками, обшитыми галуном и бархатом»⁴⁹⁷.

Первый комплекс мужской одежды терских казаков составляла их военная форма, которая одновременно являлась праздничным нарядом. Она включала в свой состав рубаху, штаны, бешмет, черкеску, сапоги, шапку из овчины, пояс с серебряным «набором», газыри на черкеске, отделанные серебром, «шашки и кинжалы, также в серебре, и серебряную через плечо тесьму»⁴⁹⁸.

В конце XIX – начале XX в. казаки придавали большое значение красивой одежде: «страсть к нарядам у некоторых доходит до того, что они предпочитают обходиться несколько дней без пищи, только бы иметь нарядный костюм»⁴⁹⁹.

Повседневная одежда казака была сшита из более дешевых тканей, не включала, как правило, в свой состав черкеску и изделия из серебра, но включала бешмет и пояс. Иногда же комплекс повседневной

одежды состоял из штанов, рубахи-косоворотки, пояса, шапки и сапог или самодельной кожаной обуви.

Женская одежда включала в себя, прежде всего рубаху, которую иногда шили из домотканого холста, но чаще – из покупных хлопчатобумажных тканей (обычно из ситца, но в некоторых случаях из персидского канауса, шерсти или шелка). Изредка верхнюю часть рубахи шили из покупной ткани, например, из ситца, а нижнюю – *подставу* – из холста. Покрой старинных женских рубах в точности неизвестен. В начале XX в. казачки часто шили рубахи с кокеткой (*блюсом* или *талейкой*)⁵⁰⁰. Женские рубахи могли быть с отложным воротником, с разрезом впереди, с *выкатом*. Все рубахи шились с длинными рукавами или, по крайней мере, с рукавами, закрывающими локоть⁵⁰¹. В станицах низовьев Терека шили рубахи с широкими (50–70 см) рукавами, что, видимо, повторяло традиционный покррой⁵⁰². Гребенские казачки также шили рубахи с широкими рукавами. В других станицах у рубах были более узкие рукава.

Украинские переселенцы, зачисленные в состав казачества долгое время сохраняли некоторые особенности своего костюма. Так, женщины у них носили рубахи, вышитые красными хлопчатобумажными нитями⁵⁰³.

В конце XIX в. рубаха постепенно начинает превращаться в нательное белье, но еще довольно долго она могла служить и выходной одеждой, особенно летом, во время сельскохозяйственных работ.

Фактически единственным видом поясной женской одежды были юбки. Их носили и казачки, и крестьянки. У казачек они бытовали еще в первой половине XIX в. В конце XIX – начале XX в. для казачьих юбок использовались только покупные ткани, для будничных – хлопчатобумажные, для нарядных – иногда шерстяные (кашемир, *шерстянка*)⁵⁰⁴. Юбки были длинными и очень широкими, из 3–5 полок – полотнищ ткани. Старинные юбки, как и штаны, держались на *очкуре*⁵⁰⁵, но в начале XX в. к юбке иногда пришивали пояс и застегивали на пуговицы⁵⁰⁶. В качестве украшения на юбку нашивали ленты или две-три оборки. Казачки под юбку иногда надевали одну или несколько нижних (исподних) юбок. Их шили из холста или миткаля, обшивали по краю кружевом, которое виднелось из-под верхней юбки⁵⁰⁷.

В станице Бороздинской бытовал такой предмет женской одежды как *распашка*, т.е. «юбка с лифом и треугольным вырезом на груди; рукава распашки только немного длиннее локтя, так что широким рукавам рубахи является полнейшая возможность развеяться по ветру»⁵⁰⁸.

Еще одним видом поясной женской одежды были, вероятно, «занавески бумажные женские», упоминаемые в одном из архивных

документов. В южнорусских губерниях *занавеской* называли передник, у гребенских казаков существовал похожий термин – *завесник*⁵⁰⁹. В других станицах применялось иное название – *запон*, упоминаемое в тех же документах⁵¹⁰. Оно до настоящего времени сохраняется в станице Екатериноградской, а в нижнетерских станицах существовало почти такое же наименование – *запона*⁵¹¹. Независимо от названия передник представлял собой разновидность поясной женской одежды, он надевался поверх юбки и завязывался на талии, но он не был в начале XX в. обязательным предметом одежды.

В некоторых станицах женщины носили на поясе заменявшие кошелек *карманы*. Такие карманы, украшенные вышивкой, невеста дарила матери жениха во время свадьбы. В гребенских станицах такой карман носил название *лаканка*⁵¹².

Юбку женщины обычно, хотя и не всегда, носили с надетой на рубаху *кохтой*, сшитой из различных тканей фабричного производства – ситца, батиста, поплина. Иногда шили *парочку* – *кохту* и юбку из одной ткани, но часто хлопчатобумажную *кохту* носили с шерстяной юбкой. *Кохты* бывали самого разного покроя, но всегда распашными и обычно довольно короткими, их носили поверх юбки, не подпоясывая. Иногда кохты шили очень широкими (в некоторых станицах из называли *матене*), *кирасы*, иногда с отрезными басками⁵¹³, иногда нижний край их собирали на *очкуре* и т.д.⁵¹⁴ Рукава *кохты* могли быть и широкими, и узкими, или широкими вверху, но узкими внизу, и с манжетами (в станице Солдатской их называли *чохлы*)⁵¹⁵. *Кохта* застегивалась чаще всего впереди, но иногда сзади или сбоку. Воротники тоже бывали разными, но преобладали стойки. На *кохту* часто нашивали кружева, гипюр или стеклярус⁵¹⁶.

В конце XIX в. женский *бешмет* носили в основном в гребенских и нижнетерских станицах, начиная от станицы Червленной. В большинстве станиц «этот азиатский покрой одежды вышел из употребления, и в моду вошла одежда европейского покроя»⁵¹⁷. Гребенской и нижнетерский *бешмет* стал более длинным, чем был в первой половине XIX в.⁵¹⁸ Теперь он точно соответствовал платью народов Кавказа. Кроме того, в тех же станицах носили *фуфайку*, которая отличалась от бешмета только тем, что имела рукава длиной до локтя⁵¹⁹. Повседневные бешметы шили из ситца, нарядные – из атласа или шелка. Праздничный бешмет украшали галуном и серебряным шнуром. «На дорогих бешметах и фуфайках пришиваются вместо застежек серебряные с чернью азиатские петли от 6 до 10 пар, которые бывают разной величины и формы. Петли нашиваются на бархат, плис или на красный козловый сафьян, обшитый кругом серебряным галуном»⁵²⁰. Такого же типа петли нашивались

на женскую одежду народов Северного Кавказа. С бешметом казачки носили пояс из серебряного галуна с серебряной пряжкой, который тоже напоминает кавказские пояса⁵²¹.

Бешметы гребенских казачек чаще всего были черными, но иногда и других цветов – голубого, коричневого, зеленого. Юбки и рубахи, которые казачки надевали под бешмет, они шили из ярких тканей – красного, голубого, розового, малинового, желтого, в чем также можно усмотреть кавказское влияние.

Гребенские казачки в начале XX в. помнили, что еще их матери венчались в парчовых сарафанах⁵²², что сближает гребенских казаков с жителями многих регионов России. Но покрой этого сарафана неизвестен.

В качестве украшений Гребенские и нижнетерские казачки носили «на шее кораллы, янтари и припойки: это – серебряные разной ценности монеты; к последним приделывают ушки и надевают их на шнурок вместе с другими монистами»⁵²³. Носили они также «цепочки серебряные, старинные, с большим осьмиконечным крестом. В ушах носят серьги тоже старинные, большие серебряные с чернью, а также и более новые европейской работы»⁵²⁴.

Верхнюю женскую одежду в середине XIX в., судя по документам, составляли шубы, нагольные и крытые, в частности крытые демикотонном. В конце XIX в. в качестве повседневной верхней одежды казачки зимой носили овчинные шубы, а по праздникам – шубки из заячьего, лисьего или белчьего меха, а также «из бараньих лапок (называемые лапчатými); верх шубы атласный или шерстяной. Шуба опускается вокруг груди, подола и по рукавам мехом речной выдры шириною в полтора вершка. На шубах также носят серебряные петли. Вся верхняя одежда кроится в талию»⁵²⁵.

Очень распространенным видом женской верхней одежды в начале XX в. были так называемые *польки*. Они могли быть рабочими и праздничными. В первом случае их шили из сатина, во втором – из более дорогих тканей, но и те, и другие были, как правило, черного цвета⁵²⁶. Польки обычно бывали короче колена, но могли быть и длинными, теплыми, на вате. Вверху они были довольно узкими, застегивались на одну или на две пуговицы, книзу резко расширялись за счет клиньев, так что в полу польки женщины заворачивали ребенка⁵²⁷. Иногда рукава польки делались с отворотами (*заковрашами*). Одно из первых упоминаний о польках содержится в описании станицы Прохладной, датированном 1879 г., причем тогда они были еще нововведением⁵²⁸. С этих пор и вплоть до 20–30-х гг. XX века польки сохранялись в гардеробе казачек многих станиц. Верхняя одежда аналогичного покроя

бытовала и на Кубани, но там она носила иное название⁵²⁹. В начале XX в. под влиянием городской моды появились новые виды верхней женской одежды – жакетки, пальто, мантильи⁵³⁰ (накидки, пелерины), но они еще долго не могли вытеснить польку.

Женские головные уборы на Северном Кавказе были очень простыми. Девушки заплетали одну или две косы⁵³¹, вплетали ленты, носили платки или косынки, шарфы, но могли ходить и с непокрытой головой. На Пасху девушки иногда шли в церковь с распущенными волосами или заплетали косу только до половины. Замужние женщины чаще всего не заплетали волосы, а закручивали и закалывали их на затылке⁵³². В некоторых станицах, например, в Приближной, пожилые женщины заплетали две косы и укладывали их вокруг головы⁵³³. В станице Александровской такую же прическу делала свекровь своей невестке на второй день после свадьбы. В обычные дни в этой станице женщины причесывались так же, как в других.

Замужние женщины, в отличие от девушек, не могли показаться с непокрытой головой. Самыми распространенными головными уборами были разнообразные платки и шали – ситцевые, батистовые, шелковые, шерстяные. В документах они упоминаются, начиная с 30-х гг. XIX в. Под платок пожилые женщины надевали *шлычку*. Чаще всего это была маленькая круглая шапочка, закрывающая только пучок волос на затылке. В некоторых станицах наряду с такой бытовала также *шлычка* иной формы, похожая на чепец и завязывавшаяся под подбородком. По рассказам информаторов, ее надевали зимой под теплый платок⁵³⁴. *Шлычки* были распространены не только на Тереке. Их носили, например, на Дону⁵³⁵. В начале XX в. они, видимо, уже не были обязательным головным убором, часто их заменяли косынкой.

Только у гребенских и нижнетерских казачек сохранялся такой старинный русский головной убор как *сорока*. В нижнетерских станицах он делался следующим образом: «берется деревянная палочка по длине лба, обтягивается ватой и обшивается ситцем; затем скручивают из ваты полукруг, который тоже обшивают ситцем; обе эти части потом скрепляют вместе, так что образуется полукруг, концы которого стянуты диаметром; полукругом надевают к затылку, а прямой палочкой ко лбу. Косы кладут на голове к сорочке и подвязывают *подкосник* (в праздники малиновый кашемировый, в будни кумачный); сверх подкосника подвязывают платок, так, чтобы виден был подкосник»⁵³⁶.

У гребенских казаков описанный «полукруг» назывался *калпаком*, поверх него надевалась *сорочка* в виде небольшого чепчика, а затем – платок⁵³⁷.

Сорока была не единственным старинным русским головным убором в гребенских станицах. Там сохранялась память о том, что когда-то «гребенские старые женщины на погонялки выходили в кокошниках»⁵³⁸. Но никаких других сведений об этом головном уборе нет.

Свадебным убором гребенских казачек был шитый жемчугом венец⁵³⁹. Такой же девичий головной убор встречался в некоторых губерниях Центральной России, Поволжья⁵⁴⁰. Богато украшенные венцы были частью свадебного наряда и на севере России⁵⁴¹.

Гребенские казачки также носили еще и платок, завязанный узлом на затылке, который закрывал «все лицо, оставляя узкую щель для глаз»⁵⁴².

Женская обувь была разнообразной. Казачки носили самодельные кожаные чуваки (*мачи*), а также сшитые местными сапожниками башмаки *на ушках* или *налобники* – тупоносые, с прямоугольным вырезом⁵⁴³. Но не была редкостью и покупная обувь – ботинки, *чоботы* или *румынки* – на небольшом каблучке, со шнурками или застежкой на пуговках⁵⁴⁴, а также полусапожки и сапожки-*гусары* – на каблуках, с застежкой впереди. Но женщины носили также и калоши⁵⁴⁵. Женщины из бедных семей, как и мужчины, летом часто ходили босыми, обувь надевали только по праздникам, и бывало, что они обувались в башмаки перед входом в церковь, а, выходя из нее, снова снимали их. Женской (и мужской) зимней обувью наряду с сапогами служили валенки. Чулки и носки женщины вязали сами из шерсти.

В конце XIX – начале XX в. в терских станицах бытовали два основных комплекса женской одежды – комплекс с *беишметом* и комплекс с юбкой. Первый был характерен для гребенских и нижнетерских станиц. Он включал рубаху, *беишмет*, пояс с серебряной пряжкой. *Беишмет*, напоминавший платье народов Северного Кавказа, казачки могли сочетать с таким традиционным русским головным убором как *сорока*, но могли носить его и просто с платком. В свадебном наряде тот же *беишмет* мог составлять единый комплекс с жемчужным венцом – еще одним типично русским головным убором. Впрочем, первоначально, возможно, венец комбинировался с сарафаном.

Второй комплекс характерен для большинства терских станиц. Он включал рубаху, юбку, *кохту*, платок (иногда и *шлычку*). Он не являлся отличительной особенностью терского казачества или казачества вообще. Такую же одежду носили многие крестьянки и жительницы городов. Один из краеведов называет ее обыкновенным мещанским костюмом⁵⁴⁶, что вполне соответствует действительности.

Пища

Важнейшее место в питании терского казачества принадлежало мучным и крупяным блюдам, что было обусловлено особенностями хозяйства, в котором главную роль играло возделывание зерновых. Из всех мучных изделий хлеб имел наибольшее значение. Для приготовления хлеба в одних станицах (например, Бороздинской) использовали пшеничную муку, в других (Ищерская, Наурская, гребенские станицы) – ржаную и ячменную, в третьих – смесь ржаной и пшеничной⁵⁴⁷. В неурожайные годы к пшеничной муке добавляли просяную или ячменную. В предгорных станицах к пшеничной или ржаной муке при приготовлении хлеба добавляли гречневую, а в случае неурожая пекли «хлеб исключительно из гречневой муки. Такой хлеб тяжел, малоздороват и неприятен на вкус»⁵⁴⁸.

Первое время у казаков существовало предубеждение против кукурузы. Они считали ее «годною только для птицы, скотины и «азиятов»⁵⁴⁹. Но впоследствии они стали ее использовать. В станицах Галашевской и Аки-Юртовской кукурузную муку добавляли к ржаной или пшеничной и пекли хлеб или лепешки⁵⁵⁰.

Хлеб пекли в русских печах, иногда прямо на поду, иногда в формах или жаровнях, а иногда – на капустных листьях. Готовили хлеб один-два раза в неделю, в зависимости от размера семьи. Дрожжи умели делать из хмеля, но обычно оставляли немного теста и использовали его впоследствии вместо дрожжей.

Кроме обычного хлеба нередко пекли калачи. Добавляя мед в тесто, из которого готовили хлеб, делали *медяники*. В некоторых станицах, кроме обычного хлеба, пекли *кокурку* – «небольшой хлебец, замешанный на арбузном меду»⁵⁵¹. На время поста в больших количествах заготавливали бублики с маком (станция Прохладная). Хлебные изделия были не только повседневной, но и праздничной, и обрядовой пищей. Без хлеба не могло обойтись сватовство, на свадьбу в большинстве станиц пекли большой круглый *каравай* и обычно не один, а также *шишки* – маленькие булочки. В некоторых станицах, кроме того, готовили продолговатый *лежень*. Эти обрядовые хлебные изделия особенно характерны для украинской свадьбы. В гребенских станицах к свадьбе вместо каравая пекли особый хлеб – *згибень*, а также *лепешки* – «слоеный хлеб в виде толстой пышки»⁵⁵².

Весной, во время поста, в некоторых станицах пекли обрядовые печенья – *жаворонки*, *кресты*. Их брали в поле, когда начинали сев⁵⁵³.

Своеобразным хлебным блюдом была тюря, которую готовили обычно во время полевых работ. Для этого сухари, размоченные в воде, заправляли растительным маслом с луком или чесноком.

Излюбленными мучными изделиями были пироги и пирожки разных форм и размеров. Их пекли довольно часто, хотя и не ежедневно – в воскресенье, на праздники. Для пирогов готовили дрожжевое тесто из пшеничной или ржаной муки на опаре. Начинки были самыми разнообразными: из мяса, рыбы, риса, яиц, пшенной каши, картофеля, капусты, фасоли, чечевицы, творога, тыквы, калины, из свежих и сушеных фруктов, винограда, ежевики, тувовника⁵⁵⁴. Пироги пекли на свадьбы, на поминки.

Не менее широкое распространение имели блины, оладьи, пышки⁵⁵⁵. В XIX – начале XX в. во многих терских станицах блины пекли из просяной муки, что характерно скорее для украинской кухни: «В других местностях России блины приготавливаются, главным образом, из гречневой муки, но у казаков они пекутся исключительно из пшенной с небольшой примесью ржаной или пшеничной»⁵⁵⁶. Однако в станицах Екатериноградской и Приближной долго сохранялась память о блинах *гречаниках* из гречневой муки⁵⁵⁷. В станице Ищерской для блинов использовали ржаную муку⁵⁵⁸. Позднее блины стали печь и из чистой пшеничной муки. В тех станицах и селах, в которых возделывали кукурузу, для блинов использовали и кукурузную муку с добавлением пшеничной⁵⁵⁹. В будни готовили обычно толстые блины из дрожжевого теста, в праздники – тонкие *блинцы* на молоке⁵⁶⁰. Существовали и особые, довольно сложные рецепты для праздничных блинов. В станице Прохладной это были так называемые *панские* или *красные* блины, для приготовления которых использовали топленое молоко, яйца, дрожжи. Тесто для пышек и оладий замешивали на простокваше или сметане. Блины ели с топленным или кислым молоком, со сметаной, с пережаренным салом, а во время постов – с арбузным медом, с протертой калиной, с моченым терном, с жареной капустой, с хреном и квасом. В некоторых станицах (Наурской, Ищерской, Котляревской) зимой едва ли не ежедневно пекли блины⁵⁶¹. В других станицах и селах их готовили реже. Как праздничное, обрядовое блюдо блины ели больше всего на Масленицу.

В станице Ищерской пекли толстые пышки, которые назывались пампушками, и ели их с толченым маком и медом или с конопляным семенем. В станице Бороздинской такие пышки готовили во время Великого поста. Они также были поминальным блюдом⁵⁶².

В отличие от народов Кавказа, у восточных славян изделия из теста, жаренного в жире, не имели большого распространения. К их числу можно отнести *орешки*, которые ели с медом. Они были и повседневной, но чаще праздничной и даже обрядовой (свадебной) пищей. Готовили их нечасто.

Казаки станицы Наурской на Масленицу ели «витушки, приготовляемые из палочек теста; палочки эти симметрично складываются в какие-нибудь фигуры, в таком виде кладутся на сковороду и зажариваются на постном масле»⁵⁶³.

Большее значение имели изделия из теста, отваренные в воде. Это прежде всего *галушки*, которые готовили и дома, и в поле, во время сельскохозяйственных работ. После того как галушки отваривали, воду сливали и их заправляли толченым салом и луком. Галушки – типично украинское блюдо, но их готовили не только в тех станицах, где жили украинские переселенцы, но и там, где население было преимущественно русским⁵⁶⁴. В некоторых станицах готовили другое мучное блюдо – *затирку* – тоже украинское по происхождению⁵⁶⁵.

Лапшу готовили повсеместно, она была не только будничным (с растительным или сливочным маслом, со сметаной)⁵⁶⁶, но и праздничным (с куриным бульоном), и обрядовым (свадебным и поминальным) блюдом. В гребенских станицах и в низовьях Терека готовили также *хинкалы* или *финкалы* (станция Бороздинская). Они делались «из того же теста, как и лапша, но режется небольшими квадратными листиками»⁵⁶⁷. В станице Бороздинской их иногда варили с бараниной, а если готовили без мяса, то ели со сливочным маслом или со сливками или с простоквашей и чесноком. Хинкал – блюдо, которое готовят народы Дагестана, от них его, видимо и заимствовали казаки. Кислое молоко с чесноком (тузлук) – соус, известный многим народам Кавказа.

Кроме того, гребенские казаки готовили также *галуны* – «то же, что и *хинкалы*, но в 10 раз больше в квадрате». Еще одним мучным блюдом этой группы казачества были *пальхамы* «из просяной муки, скатанной сначала в круглый ком, а потом раздавленной в кружок»⁵⁶⁸, что по способу приготовления и названию тоже несколько напоминает кухню народов Северного Кавказа.

Вареники, которые более характерны для украинской, чем для русской кухни, готовили во многих, если не во всех станицах. В качестве начинки чаще всего использовали творог или различные ягоды. Вареники, как и блины, ели на Масленицу.

Еще одним мучным блюдом, память о котором сохранилась в некоторых станицах, была *кулага*. Чтобы ее приготовить, горсть пшеничной и горсть кукурузной муки (станции Прохладная, Котляревская) или ржаную муку (станция Ищерская) заливали кипятком, добавляли сухофрукты, иногда арбузный мед и запаривали в печи⁵⁶⁹.

В станицах Солдатской и Прохладной сохранили память и о таком старинном украинском блюде, как *пуптя* или *пуптра*⁵⁷⁰: кукурузную

муку заливали кипятком, добавляли толченый ячмень, дрожжи и сутки настаивали⁵⁷¹.

В некоторых станицах из кукурузной муки готовили мамалыгу, чуреки⁵⁷², что также можно считать влиянием культуры соседних народов.

Повседневным блюдом терского казачества были каши. Чаще всего готовили пшеничную кашу, значительно реже – гречневую, рисовую и другие. В тех станицах, где возделывали кукурузу (станции Котляревская, Александровская, Пришибская), варили кашу и из кукурузной крупы⁵⁷³.

Постные каши варили на воде и заправляли постным маслом, скромные готовили на молоке и добавляли сливочное масло или сметану. Пшеничную кашу варили также с арбузным или дынным соком, с виноградным или арбузным медом. Во время великого поста гребенские казаки ели кашу без каких бы то ни было приправ⁵⁷⁴.

Гребенским казакам хлеб часто заменяла *паста* – густая пшеничная каша, «сбитая в каравай в виде небольшого хлеба»⁵⁷⁵. Гребенские казаки называли ее также *саламатой*⁵⁷⁶. По мнению краеведов XIX в., *пасту* казаки заимствовали у чеченцев⁵⁷⁷, но, скорее, не у чеченцев, а у кабардинцев, у которых это блюдо тоже называется пастой (*пастэ*) и тоже заменяет хлеб.

В станице Бороздинской варили *плов* из риса и сушеного винограда. Это блюдо, видимо, появилось у казаков под влиянием многонационального Кизляра. В этой же станице готовили «*похлебку* из сушеных фруктов и какой-нибудь крупы, к которой потом прибавляют *душану* (сгущенный виноградный сок)»⁵⁷⁸.

Рисовая каша с медом или сахаром и изюмом (*кутья* или *канун*) была исключительно обрядовым блюдом. Ее готовили на поминки, а также накануне Рождества. Иногда кутью варили не из риса, а из толченой пшеницы или ячменя⁵⁷⁹.

Овощи занимали в питании русского населения более скромное место, чем зерновые, но, все же, на территории Кабардино-Балкарии в конце XIX – начале XX в. употребляли в пищу картофель, морковь, свеклу, капусту, лук, чеснок, огурцы, помидоры, фасоль, горох.

В предгорных станицах картофель и капуста являлись едва ли не главной пищей. Огурцы, помидоры, капусту, свеклу не только ели летом свежими, но и солили или квасили на зиму. Особенно много овощей употребляли в пищу во время постов. Отварной картофель с солеными огурцами, помидорами или квашеной капустой, а также тушеная капуста или свекла с помидорами были обычными блюдами.

На первой и последней неделе Великого поста казаки не ели горячие блюда, а обходились редькой, хреном с квасом. В станице Ищерской

готовили *ботвинью* из кваса и «из сухих трав: лебеды, свеклы, петрушки, лука»⁵⁸⁰. В станице Бороздинской в эти дни ели *похлебку* из отваренной свеклы, соленого арбуза, соленого огурца, квашеной капусты, редьки, тертого хрена, лука и кваса. Там же в эти дни употребляли в пищу отваренную фасоль и чечевицу без соли, редьку без соли и масла и пареную капусту без соли, но с маслом⁵⁸¹.

Популярным овощным блюдом был в некоторых терских станицах борщ. Его варили в будни и в праздники, в пост и в мясоед, на свадьбу и на поминки. Постный борщ готовили с фасолью и растительным маслом. По праздникам варили борщ с мясом, в обычные дни в него добавляли сало. Основные ингредиенты (свекла, картофель, морковь, помидоры, лук, капуста) и способы приготовления борща были близки к современным⁵⁸². Довольно редко, только при отсутствии помидор, готовили борщ с квашеной свеклой и свекольным квасом. Борщ варили и там, где жили выходцы с Украины, и там, где преобладало русское население.

Но во многих станицах (гребенских, нижнетерских, станице Ищерской, Наурской) вместо борща варили щи. Они могли быть постными, могли готовиться с мясом или с рыбой. Летом в щи клали свежую капусту и помидоры, а зимой – соленые помидоры, кислую капусту, а также картофель, лук и петрушку⁵⁸³. Особые щи сложного состава готовили в станице Наурской. Кроме капусты, помидоров и лука, в них добавляли свеклу, пшено или чечевицу, или горох, муку, постное масло, а для кислоты – ржаной квас⁵⁸⁴.

Еще одним овощным блюдом, которое часто готовили в станице Ищерской, была *селянка*. Используя более современную терминологию, его можно назвать салатом, состоявшим из нарезанных помидоров, свежих и соленых огурцов, лука, а иногда и чеснока. Заправляли его постным маслом⁵⁸⁵.

В равнинных станицах в большом количестве употреблялись в пищу тыква и бахчевые культуры. Тыкву запекали в печи, из нее варили кашу с пшеном, делали начинку для пирогов. Арбузы ели свежими, они хранились на чердаке до Рождества, их также солили на зиму или квасили вместе с капустой, но особенно часто из них варили арбузный мед⁵⁸⁶. В 1879 г. в станице Прохладной в среднем на одну семью было заготовлено по 4 ведра арбузного меда⁵⁸⁷. Его ели с блинами, с кашей и т.д. Вареные арбузные семечки были лакомством.

Казачи использовали в пищу множество видов различных фруктов и ягод как садовых, так и дикорастущих: яблоки, груши, вишни, черешни, сливы, алычу, айву, персики, виноград, смородину, крыжовник, терн, тутовник, калину, ежевику, кизил и т.д. На зиму заготавливали

в больших количествах моченый терн, яблоки и груши, вишни, виноград, а также сухофрукты (яблоки, груши, сливы, вишни, терн, тютючник, изюм). Из свежих или сушеных фруктов варили различные напитки, делали начинку для пирогов. В станице Бороздинской летом варили кисель из ежевики, а осенью из винограда, добавляя к отвару из ягод муку. В этой же станице делали квас из *шишек* (мушмулы), заливая их водой.

В станицах, в которых существовало виноградарство, из винограда делали начинку для пирогов и вареников, готовили виноградные лепешки, варили виноградный мед (*душан*), кисель (*татара*), *чучхелы*⁵⁸⁸. Эти блюда, видимо, являлись результатом влияния грузинской кухни.

Только немногие из казаков варили варенье из вишен, алычи, кизила, смородины, крыжовника, абрикосов, персиков, яблок и черешен⁵⁸⁹.

Растительное масло в больших количествах употреблялось в пищу во время постов. Еще в середине и даже во второй половине XIX в. наибольшее значение имели льняное и конопляное масло. Но уже в конце XIX – начале XX в. наряду с льняным стало широко применяться подсолнечное масло. Использовались и другие масла, например горчичное, но значительно реже.

Животноводческая продукция занимала менее важное место в питании русского населения, чем земледельческая. Молоко пили свежим и топленным, изготовляли из него простоквашу, сметану, творог, масло, но все эти продукты употреблялись в пищу в сравнительно небольших количествах. Творог (его называли *сыр*) заготавливали и хранили в кадках. Из него делали начинку для пирожков, вареников. К Пасхе в некоторых станицах готовили творожную пасху, так называемый *сырник*. В других станицах к этому празднику пекли кулич из сдобного теста, который носил название *паска*, но не делали творожную пасху.

Во многих станицах, как на Малке (Екатериноградская, Солдатская), так и в низовьях Терека (Бороздинская) и у гребенских казаков готовили сыр с применением сычужной закваски. Такой способ изготовления сыра не характерен для восточных славян, но он был известен многим народам Кавказа. У казаков этот сыр носил явно тюркское название *бишлек* или *пишляк*⁵⁹⁰. Возможно, что казаки научились его изготовлению у ногайцев, которые работали пастухами в некоторых станицах. Но не исключено, что это старое тюркское наследие казачества, поскольку это слово известно и донским казакам.

Многие другие молочные продукты тоже имели у терского казачества тюркские названия. Так, жители станицы Екатериноградской иногда делали *каймак* – сливки из топленного молока, жители станицы Наурской пили *айран* и *кумыс*, в станице Бороздинской кислое молоко

с водой называлось *ирьян*, в гребенских станицах топленое масло называли *курт* и т.д.⁵⁹¹ Все эти термины являются доказательством тесных этнокультурных контактов терского казачества с тюркоязычными народами.

Мясо являлось преимущественно праздничной пищей, особенно в небогатых семьях. Более зажиточные употребляли его раз в неделю или даже чаще. Мясные блюда готовили из свинины, говядины, баранины. В разных станицах отдавалось предпочтение тому или иному виду мяса. Гребенские казаки не ели свинину. Возможно, что причина этого заключалась в их соседстве с мусульманскими народами. Многие казаки станицы Эссентукской также не ели свинину, что объяснялось, по мнению краеведов, их религиозными суевериями: в этой станице проживало много сектантов-хлыстов или шалопутов. Казаки многих станиц, занимавшихся виноградарством, хотя и употребляли свинину в пищу, но держали мало свиней, потому что они портили виноградники⁵⁹². Во всех этих станицах основным видом мяса была баранина, именно ее готовили чаще всего. В некоторых станицах свинину употребляли в пищу, но не готовили, например, на поминки (станция Прохладная)⁵⁹³.

В предгорных станицах, напротив, именно свинина составляла «почти единственную мясную пищу», потому что овец там было мало, а крупный рогатый скот старались сохранить для работы и для получения молока⁵⁹⁴.

В зажиточных семьях свиней забивали дважды в год – к Рождеству и к Пасхе. В более бедных – один раз в год. К Рождеству заготавливали сало, окорока и колбасы, которые хранились до Пасхи, варили холодец.

Самым распространенным мясным блюдом был *соус*, или *жаркое* – тушеное с картофелем мясо, которое готовили на праздники, на свадьбы и т.д. В станице Бороздинской готовили «*куерму* – это жареная баранина с большим количеством подливки»⁵⁹⁵. С этим блюдом казаки, видимо, познакомились в Кизляре – каурма известна многим народам Кавказа. Среди мясных блюд станицы Наурской был шашлык, заимствованный у народов Кавказа и котлеты, появившиеся в станице, видимо, под влиянием городской кухни⁵⁹⁶.

Из домашней птицы чаще всего употребляли в пищу кур, гораздо реже – уток и гусей. Из птицы тоже могли готовить жаркое. Отварных кур подавали на праздниках, на поминках, на свадьбах. Обязательным свадебным и поминальным блюдом была куриная лапша.

Куриные яйца были не только повседневной, но и обрядовой пищей. На Пасху яйца варили и красили, их носили на кладбище, когда поминали умерших, а на Троицу обязательно жарили яичницу.

Рыба занимала важное место в питании гребенских казаков и казаков, живших в низовьях Терека, где было развито рыболовство. Рыбу варили, жарили, делали *холодец*. С рыбой готовили щи, пироги, каши. Для заготовки впрок ее солили, сушили или коптили. У гребенских казаков праздничным блюдом, которое готовили во время коллективного лова рыбы, был шашлык из севрюги и лососины⁵⁹⁷. У них же обязательным свадебным блюдом был сушеный на солнце сазан⁵⁹⁸.

В тех станицах, где существовало виноделие, важным напитком было самодельное вино – *чихирь*. Его пили и в будни, и в праздники, особенно много – осенью, когда появлялось вино нового урожая. В гребенских станицах «в каждом доме выпивается для поддержания здоровья от 20 до 50 ведер» вина в год⁵⁹⁹. В тех же станицах, где собственного вина не было, и его приходилось покупать, его употребляли в значительно меньших количествах и преимущественно во время праздников.

Алкогольные напитки продавались в трактирах, духанах и тому подобных заведениях, которые к началу XX в. появились во многих станицах и селах. Но сверх того казаки варили также самодельную водку – *раку* – из ячменной или кукурузной муки, солод готовили из проросшего проса⁶⁰⁰.

Из других напитков наибольшее распространение имели хлебный квас, компот из сухофруктов (*узвар*), кисель, чай. *Узвар* готовили перед Рождеством. Это скорее украинский напиток, хотя известен он и на Дону. В Терской области его чаще готовили крестьяне, переселившиеся с Украины, но также и некоторые казаки. Киселем заканчивали свадебный обед, подавали его на второй день свадьбы. В гребенских станицах на поминки готовили *сыту* из пчелиного, виноградного или арбузного меда, растворенного в воде. Ее ели с пшеничным киселем⁶⁰¹. Это старинный русский или даже древнеславянский напиток.

Чай пили чаще с арбузным медом, реже с сахаром, иногда с *солондком* – сладким корнем. В некоторых станицах варили калмыцкий чай, используя растения, которые сами собирали в степи. Некоторые казаки пили кофе, особенно его любили в станице Бороздинской⁶⁰². Из покупных напитков казаки станицы Наурской предпочитали морс, лимонад, сидр, пиво⁶⁰³.

Питание терского казачества различалось в будни и в праздники, в посты и в мясоед. Во время постов нельзя было употреблять в пищу ни мясные, ни молочные продукты, ни яйца. В эти периоды основной пищей были блины с постными приправами, постный борщ, каши с растительным маслом, овощи, рыба. Во время праздников, напротив, в изобилии готовили мясные блюда. В будни, даже во время

мясоеда, мясо употребляли в пищу редко, чаще ели сало, яйца, молочные продукты.

Питание той или иной семьи зависело от ее имущественного положения и от места жительства. Состоятельные люди употребляли в пищу больше мясных и молочных продуктов, чаще покупали чай и сахар, привозную рыбу и т.п. Жителям некоторых станиц, особенно расположенных недалеко от городов, были более доступны покупные продукты.

Изучение материальной культуры терского казачества – поселений, жилища, одежды, пищи – показывает, что она сохраняла в конце XIX – начале XX в. многие восточнославянские черты, причем в различных вариантах: северно-среднерусском (бревенчатые избы с высокими крышами, крытыми тесом или соломой) и южнорусско-украинском (дома из деревянных брусьев или досок, обмазанных глиной). Преобладающей планировкой жилища была западнорусская или украинско-белорусская. Такие блюда как борщ и галушки имели явно украинское происхождение, а щи – северно-среднерусское. Это разнообразие объясняется гетерогенностью терского казачества, в состав которого вошли различные этнические и социальные группы.

В материальной культуре казачества выделяются также и компоненты кавказского происхождения. К их числу относятся сакли с плоской крышей, некоторые элементы убранства жилища (войлок, ковры), военная форма казачества, которая полностью повторяет костюм народов Северного Кавказа, некоторые предметы женской одежды (бешмет), отдельные виды пищи (паста, хинкал или сычужный сыр).

Материальная культура отдельных групп терского казачества имела свои особенности. Большим своеобразием отличалась культура казачества гребенских станиц и низовьев Терека, в которой удивительным образом сочетались русская старина и кавказские заимствования, причем нередко они составляли единый комплекс. Так, в одном дворе могла находиться бревенчатая изба с высокой крышей и низкая горская сакля с плоской крышей. Гребенские казачки носили заимствованный у народов Кавказа бешмет вместе с таким старинным русским головным убором как сорока. В других группах терского казачества и русские традиции сохранились хуже, и кавказских заимствований было меньше.

Примечания

1. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 4. 1645–1676. СПб., 1842. С. 138.
2. Там же. С. 141.

3. Там же. С. 177.
4. Архив СПбИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2241. Л. 1.
5. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 32; 1646 г. Д. 1. Л. 263.
6. Архив СПбИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2241. Л. 1.
7. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1647 г. Д. 1. Л. 37.
8. Там же. Ф. 121. 1651 г. Д. 1. Л. 56.
9. Там же. 1654 г. Д. 1. Л. 67–69.
10. *Котов Ф.* Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С. 33; *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения Турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. В. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 128.
11. КРО – 1. С. 192–197.
12. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 16. Л. 558.
13. Там же. Св. 71. Д. 11. Л. 232–232 об.
14. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 8 доп. Д. 24. Л. 13.
15. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 60.
16. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 8 доп. Д. 24. Л. 52, 57.
17. Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик, 2010. С. 118.
18. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 71. Д. 1. Л. 24.
19. Там же. Л. 27.
20. Там же. Л. 25.
21. *Гильденштедт И.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 57.
22. Там же. С. 35.
23. Там же. С. 57–61.
24. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 4. Л. 72.
25. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 104. Л. 233 об.
26. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 14. Л. 372, 511, 515, 572; Ч. 15. Л. 138 а об.-139.
27. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 415.
28. Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М., 2002. С. 50, 476.
29. Хозяйственное описание... С. 413, 425.
30. Там же. С. 420.
31. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. IV.
32. Там же. С. 197, 226.

33. *Кузнецов И.Д.* Терские казаки и их рыбные промыслы. СПб., 1901. С. 23.
34. Там же. С. 23–25.
35. Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 2003. С. 174.
36. *Сосиев А.* Станица Екатериноградская: Историко-статистический очерк // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 26–27.
37. Статмонографии... С. 145, 265, 270, 340; *Елоев.* Станица Георгиевская // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 92.
38. Статмонографии... С. 435.
39. Там же. С. 114–115.
40. Там же. С. 146.
41. Там же. С. 146, 435.
42. ЦГА КБР. Ф. И.-51. Оп. 1. Д. 18. Л. 236.
43. *Губанов Г.П.* Хуторская жизнь в Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 33. Отд. 2. С. 80.
44. Там же. С. 81.
45. Статмонографии... С. 435.
46. Там же. С. 7.
47. Там же. С. 84.
48. *Плющ А.* Станица Урухская // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 107.
49. *Бутова Е.* Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // СМОМПК. В. 7. Тифлис, 1889. С. 25.
50. ГАСК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 19. Л. 65–66 об.
51. Там же. Л. 48 об.-49.
52. ЦГА КБР. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1015. Л. 9 об.-10; РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 457. Л. 87, 269 об.-270; Д. 467. Л. 155 об.-156; Д. 470. Л. 119 об.-120.
53. *Бутова Е., Лысенко.* Станица Ищерская // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. С. 54; Статмонографии... С. 28, 84, 114, 278, 440; *Сосиев А.* Указ. соч. С. 27.
54. Терское казачье войско. Сборник сведений о Терской области. В. 1. Владикавказ, 1878. С. 195.
55. Статмонографии... С. 437.
56. Там же... С. 191, 436; СМОМПК. В. 7. С. 27; Терский сборник. С. 27, 89.
57. Статмонографии... С. 278, 341.
58. Там же. С. 7, 28, 53, 84, 114, 146.
59. Терское казачье войско... С. 195.

60. Там же. С. 435; *Сосиев А.* Указ. соч. С. 27; ЦГА КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 287. Л. 113.
61. *Бутова, Лысенко.* Указ. соч. С. 54; *Востриков П.А.* Станица Наурская, Терской области // СМОМПК. В. 33. Тифлис, 1904. Отд. 2. С. 229.
62. Статмонографии... С. 28.
63. Там же. С. 28, 84; *Бутова, Лысенко.* Указ. соч. С. 54.
64. *Калоев Б.А.* Моздокские осетины. М., 1995. С. 76.
65. Терское казачье войско... С. 195.
66. Статмонографии... С. 278, 436; *Бутова, Лысенко.* Указ. соч. С. 54; *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 164.
67. Статмонографии... С. 437.
68. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 165–166.
69. Статмонографии. С. 83.
70. Терское казачье войско... С. 195.
71. *Омельченко И.Л.* Указ. соч. С. 186.
72. Статмонографии... С. 437.
73. Там же. С. 55, 115–116.
74. Терское казачье войско... С. 195.
75. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 171; ПМА. Сообщение Чумачкова П.Е., р. 1905, ст. Екатериноградская.
76. ПМА. Сообщение Чумачкова П.Е., р. 1905, ст. Екатериноградская.
77. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 53–54.
78. Статмонографии... С. 437.
79. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 170–171.
80. Статмонографии... С. 28, 55.
81. Там же. С. 148.
82. Там же. С. 194, 222.
83. Там же. С. 440.
84. Там же. С. 271.
85. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 60.
86. Статистический ежегодник. Обзор Терской области за 1905 г. // Терский календарь на 1907 г. С. 83.
87. Хозяйственное описание... С. 498–499.
88. Статмонографии... С. 270, 391.
89. Там же. С. 53, 146.
90. Там же. С. 29.
91. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 26.
92. Статмонографии... С. 432–433.
93. Там же. С. 266–267.

94. *Малявкин Г.* Станица Червленная Кизлярского уезда Терской области // Этнографическое обозрение. 1891. № 2. С. 37.

95. *Кулебякин И.* Гребенцы // Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казначьем войске. Сост. А. Ржевуский. Владикавказ, 1888. С. 238–239.

96. ПМА. Сообщение Кривцова А.А., р. 1899, Тихоненко А.Д., р. 1904, ст. Приближная.

97. Статмонографии... С. 440.

98. ПМА. Сообщение Кривцова А.А.

99. Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 110.

100. *Афанасьев М.* Станица Терская // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. С. 106.

101. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 62.

102. ПМА. Сообщение Хауст М.И., р. 1894, Кошик М.Ф., р. 1904, г. Майский, Тихоненко А.Д., р. 1904, ст. Приближная.

103. Там же. С. 63.

104. ПМА. Сообщение Кошик М.Ф., Сагайдак М.К., р. 1909, Олистратенко Д.К., р. 1913, г. Майский; Кузнецова П.Г., р. 1910, ст. Котляревская.

105. Хозяйственное описание... С. 499.

106. ПМА. Сообщение Хауст М.И.

107. Статмонографии... С. 270; *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 207; *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 61; ПМА. Сообщение Чумачкова П.Е., р. 1905, ст. Екатериноградская.

108. Статмонографии... С. 435.

109. Там же. С. 53.

110. Там же. С. 10.

111. Там же. С. 30.

112. Там же. С. 67.

113. Там же. С. 216.

114. Там же. С. 358.

115. Там же. С. 298–299, 434; *Бутова Е.* Указ. соч. С. 28; *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 67–71.

116. ПМА. Сообщение Кошик М.Ф.; Манжоса И.П., р. 1903, ст. Котляревская; Чумачкова П.Е., Тихоненко А.Д.

117. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 212–213.

118. ПМА. Сообщение Хауст М.И.

119. ПМА. Сообщение Манжоса И.П., Кузнецова П.Г., р. 1910, ст. Котляревская.

120. ПМА. Сообщение Кривцова А.А.
121. ПМА. Сообщение Хауст М.И.
122. ПМА. Сообщение Кривцова А.А.
123. ПМА. Сообщение Балдышева П.С., р. 1901, Манжоса И.П., ст. Котляревская.
124. ПМА. Сообщение Диденко Н.Н., р. 1911, г. Прохладный; Чумачкова П.Е., Кривцова А.А.
125. ПМА. Сообщение Хауст М.И., Манжоса И.П., Кузнецова П.Г., Кривцова А.А.
126. Хозяйственное описание... С. 600.
127. ПМА. Сообщение Кривцова А.А.
128. Статмонографии... С. 53, 146, 276.
129. ПМА. Сообщение Хауст М.И.
130. Статмонографии... С. 435.
131. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 214–215.
132. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 77.
133. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 27.
134. ПМА. Сообщение Хауст М.И., Назаренко К.А., р. 1916, г. Майский; Диденко Н.Н., Тихоненко А.Д.
135. ПМА. Сообщение Балдышева П.С.
136. ПМА. Сообщение Кривцова А.А.
137. ПМА. Сообщение Белоконь М.Н., р. 1900, Сагайдак М.К., Олистратенко Д.К., г. Майский; Диденко Н.Н.
138. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 223–224.
139. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 15.
140. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 163.
141. Статмонографии... С. 59, 394–395; *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 223–224; *Елоев.* Указ. соч. С. 94.
142. Статмонографии... С. 88, 117, 151, 267.
143. *Семенов П.* Станица Слепцовская, Терской области, Владикавказского округа // СМОМПК. В. 5. Тифлис, 1886. С. 185.
144. Там же. С. 394–395.
145. Статмонографии... С. 442.
146. *Урусов С.М.* Станица Екатериноградская Терской области Моздокского отдела // СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. Отд. 2. С. 33–34; *Сосиев А.* Указ. соч. С. 29.
147. *Елоев.* Станица Георгиевская // Терский сборник. В. 5. Владикавказ, 1903. С. 94.
148. Статмонографии... С. 59.
149. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 32.
150. Статмонографии... С. 195.

151. Там же. С. 195, 289; Терский сборник. В. 5. Владикавказ, 1903. С. 94; *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 162; *Бутова Е., Лысенко.* Указ. соч. С. 52; *Бутова Е.* Указ. соч. С. 32–33.
152. Статмонографии... С. 443.
153. Там же. С. 395.
154. *Семенов П.* Указ. соч. С. 186.
155. Статмонографии... С. 281.
156. Хозяйственное описание... С. 413–426.
157. *Севярюков А.А.* Виноградарство и виноделие в низовьях р. Терека // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому календарю». В. 5. Владикавказ, 1903. С. 273–275.
158. *Вертепов Г.А.* Хозяйственное положение низовьев реки Терека // Терский сборник. В. 6. Владикавказ, 1904. С. 36.
159. *Афанасьев М.* Указ. соч. С. 106; *Бутова Е.* Указ. соч. С. 15; *Севярюков А.А.* Указ. соч. С. 276, 283; *Семенов П.* Указ. соч. С. 186; Статмонографии... С. 279, 346.
160. Статмонографии... С. 345.
161. Там же. С. 284–287.
162. Там же. С. 348.
163. *Севярюков А.А.* Указ. соч. С. 284.
164. Статмонографии... С. 280.
165. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 237.
166. Там же. С. 235.
167. Статмонографии... С. 4–5.
168. Кавказский календарь на 1867 г. Тифлис, 1866. С. 342–343.
169. Статмонографии... С. 432.
170. Там же. С. 5, 25, 47, 219, 289, 336.
171. Терское казачье войско... С. 197; Статистический ежегодник... С. 92.
172. Статмонографии... С. 432.
173. Там же. С. 220.
174. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 95.
175. Статмонографии... С. 432.
176. Там же. С. 290–291.
177. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 172.
178. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 95.
179. Статмонографии... С. 432.
180. *Христианович В.* Указ. соч. С. 117.
181. Терское казачье войско... С. 197; Статистический ежегодник... С. 93.
182. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 232.

183. *Дубенский Д.* Конские породы, табуны и заводы Кавказа, их прошлое и настоящее. СПб., 1896. С. 12.
184. Там же. С. 20.
185. Статмонографии... С. 183.
186. Там же. С. 338.
187. Статистический ежегодник. Обзор Терской области за 1905 г. // Терский календарь на 1907 г. Владикавказ, 1907. С. 94.
188. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 232.
189. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 452. Л. 12 об.
190. Статмонографии... С. 47, 82, 121, 144.
191. Там же. С. 181.
192. Терское казачье войско... С. 197; Статистический ежегодник... С. 92.
193. Там же. С. 291.
194. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 98.
195. Там же. С. 99.
196. Статмонографии... С. 290.
197. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 29–30.
198. Статмонографии... С. 49, 144.
199. *Семенов П.* Указ. соч. С. 187.
200. Статмонографии... С. 82.
201. Терское казачье войско... С. 198; Статистический ежегодник... С. 92.
202. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 172.
203. Статистический ежегодник... С. 92.
204. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 29.
205. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 175; *Пятирублев В.* Наурская станция // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 93.
206. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 148.
207. Там же. С. 442.
208. Там же. С. 291.
209. Там же. С. 338.
210. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 31.
211. Там же. С. 30.
212. Статмонографии... С. 49.
213. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 55.
214. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 172, 211.
215. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 31.
216. Статмонографии... С. 144.
217. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 30.
218. Статмонографии... С. 291.

219. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 49; *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 172, 210.
220. Статмонографии... С. 338.
221. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 71. Д. 11.
222. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 33–36.
223. *Зубкова М.* Дубовская // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 64.
224. *Рогожин Т.* Червленская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 76.
225. *Лашин М.* Пришибская станица // СМОМПК. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 116.
226. Статмонографии... С. 30.
227. Терское казачье войско... С. 204; Статистический ежегодник... С. 90.
228. *Кузнецов И.Д.* Терские казаки и их рыбные промыслы. СПб., 1901. С. 24–25.
229. *Бутова, Лысенко.* Указ. соч. С. 48.
230. Статмонографии... С. 269.
231. *Плетенев.* Уженье рыбы. Записки старого рыбака. М., 1910. С. 95.
232. *Кузнецов И.Д.* Указ. соч. С. 15–16.
233. Там же. С. 14–15.
234. *Афанасьев М.* Терская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 50; *Зубкова М.* Указ. соч. С. 62–64; *Бутова Е.* Указ. соч. С. 33–35.
235. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 244.
236. Там же. С. 241–242; *Кузнецов И.Д.* Указ. соч. С. 17; *Плетенев.* Указ. соч. С. 98.
237. Там же. С. 236–237.
238. *Кикоть В.* Описание ст. Умахан-Юртовской, Терской области, Кизлярского отдела // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. С. 75.
239. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 246.
240. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 90–91.
241. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 210.
242. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 91–92.
243. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 249.
244. Там же. С. 94.
245. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 248–249.
246. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 457. Л. 87, 269–270.
247. *Елоев.* Указ. соч. С. 89, 93.
248. Статмонографии... С. 89.
249. Там же. С. 124.

250. Статмонографии ... С. 31, 61, 89, 124, 151, 197, 226.
251. СМОМПК. В. 8. С. 152.
252. Терское казачье войско... С. 199.
253. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 62. Л. 96–98; Д. 514. Л. 21.
254. Терское казачье войско... С. 200; Краткое географическо-статистическое описание... С. 286; Статистический ежегодник... С. 89; Кавказский календарь на 1867 г. С. 345.
255. Хозяйственное описание... С. 421.
256. *Кузнецов И.Д.* Указ. соч. С. 16.
257. ПМА. Сообщение Кривцова А.А., Тихоненко Е.М.
258. ПМА. Сообщение Шляховой М.С., р. 1902, ст. Котляревская; Хауст М.И.
259. ПМА. Сообщение Маньковой А.Д., р. 1915, ст. Котляревская; Сагайдак М.К., Олистратенко Д.К.
260. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 197.
261. *Подкатилин Р.* Зольская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 118.
262. *Лукьянов А., Иничкин Н.* Новогладковская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 58–59.
263. *Подкатилин Р.* Указ. соч. С. 117–118.
264. *Сабеев П.* Новоосетинская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 110.
265. *Букановский Н.* Солдатская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 126–127.
266. *Зиновьева Т.* Закан-Юртовская станица // СМОМПУ. В. 8. Тифлис, 1889. С. 83.
267. *Подкатилин Р.* Указ. соч. С. 119.
268. *Любов А.* Прохладная станица // СМОПК. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 120–121.
269. *Зубкова М.* Дубовская станица // СМОМПК. В. 8. С. 62–63.
270. *Козорезова П.* Александровская станица // СМОМПК. Вып. 8. Тифлис, 1889. С. 128.
271. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 71. Д. 1. Л. 24 об.
272. *Маргграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С. 187.
273. ГАСК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 2001.
274. ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 779. Л. 41 об., 44 об.-5.
275. Хозяйственное описание... С. 422.
276. *Шавров Н.Н.* Описание кавказского шелководства. Тифлис, 1891. С. 16.

277. *Геевский В.Н.* Шелководство по Тереку // Сборник сведений о Терской области. В. 1. Владикавказ, 1878. С. 331.
278. *Емельянов О.Б.* О производстве шелка в казачьих станицах терского левобережья в дореформенный период // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2009. № 2. С. 76.
279. *Емельянов О.Б.* Указ. соч. С. 68.
280. *Маргграф О.В.* Указ. соч. С. 178.
281. Кавказский календарь на 1867 г. С. 345.
282. *Любов А.* Указ. соч. С. 121.
283. *Шавров Н.Н.* Указ. соч. С. 15; *Геевский В.Н.* Указ. соч. С. 335.
284. *Кириченко Н.* Ассинская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 30–31.
285. Общие выводы относительно промысловых занятий в Терской области // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 130.
286. *Латин М.* Указ. соч. С. 116. С. 23.
287. Терское казачье войско... С. 206.
288. *Сухоруков П.* Приближная станица // СМОМПК. Тифлис 1889. Вып. 8. С. 113–114; *Любов А.* Указ. соч. С. 121–123; *Букановский Н.* Солдатская станица // Там же. С. 127; *Козорезова П.* Указ. соч. С. 128.
289. Статмонографии... С. 198.
290. Общие выводы относительно промысловых ... С. 144.
291. *Александрова М.* Самашкинская станица // СМОМПК. В. 8. С. 89.
292. *Зиновьева Т.* Указ. соч. С. 83–84.
293. *Пятирублев В.* Указ. соч. С. 95–96.
294. *Лукьянов А., Иничкин Н.* Указ. соч. С. 60.
295. *Сосиев А.* Указ. соч. С. 29.
296. *Вартанов Г.* Станица Курдюковская // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 58.
297. *Лукьянов А., Иничкин Н.* Указ. соч. С. 60.
298. Краткое географическо-статистическое описание... С. 287.
299. Статистический ежегодник. С. 106.
300. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 71. Д. 11. Л. 232.
301. Там же. Л. 235.
302. АКАК. Т. 2. С. 1109–1110.
303. Хозяйственное описание... С. 432.
304. Там же. С. 446.
305. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19048.
306. Там же. Д. 454. Л. 355; Д. 457. Л. 98, 286.
307. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 346. Л. 12 об.- 13, 26 об.- 27.
308. Там же. Д. 249. Л. 80–80 об.

309. Там же. Д. 453. Л. 42; Д. 471. Л. 64 об.-65.
310. Терская область. Список населенных мест по сведениям 1874 года. Тифлис, 1878. № 307, 706, 714, 880, 885.
311. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 96. Л. 108.
312. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 219.
313. Список населенных мест Терской области (по данным к 1-му июля 1914 г.). Владикавказ, 1915. С. 58–59, 62–63, 86–87, 102–103.
314. Терская область. Список... № 308, 803.
315. Статмонографии... С. 418.
316. Список населенных мест... С. 12–17, 38–39, 44–45, 56–57, 62–63, 80–81, 86–87, 90–91, 100–103.
317. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 238, 240
318. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 59–60.
319. *Елов. Указ. соч. С. 93.*
320. Статмонографии... С. 397.
321. Там же. С. 275.
322. Список населенных мест ... С. 38–39.
323. Статистический ежегодник... С. 108.
324. *Малявкин Г.* Указ. соч. С. 39.
325. Список населенных мест... С. 36, 41, 128, 135, 350–385.
326. *Сосиев А.* Указ. соч. С. 21–22.
327. Краткое географическо-статистическое описание ... С. 283.
328. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 456. Л. 43 об.-44, 48 об.-49.
329. *Семенов П.* Указ. соч. С. 173.
330. ПМА. Сообщение Манжоса И.А, Алехи И.Д., р. 1911, ст. Котляревская.
331. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877. Ко дню юбилейного празднования 3-го октября 1881 г. / сост. С. Писарев. Владикавказ, 1881. С. 45–46.
332. *Ткачев Г.А.* Станица Червленая. Исторический очерк. В. I. Владикавказ, 1912. С. 21.
333. ПМА. Сообщение Артемова Н.А., р. 1907, Акоповой Н.В., р. 1924, ст. Солдатская; Кузнецова П.Г.; Шевченко Е.Д., р. 1914, Захарченко А.Т., р. 1909, ст-ца Екатериноградская; Задоркина Г.Н., р. 1909, Головки И.Д., р. 1912, г. Прохладный.
334. Статмонографии... С. 235.
335. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 757. Л. 3.
336. Хозяйственное описание... С. 471–472.
337. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 138–139; *Бутова Е., Лысенко.* Указ. соч. С. 43.
338. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 5.

339. Статмонографии... С. 234.
340. *Губанов Г.П.* Указ. соч... С. 42.
341. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 148.
342. Статмонографии. С. 252.
343. *Ткачев Г.А.* Станица Червленая... С. 22.
344. Статмонографии... С. 463.
345. ПМА. Сообщение Тихоненко А.Д.
346. ПМА. Сообщение Чумачкова П.Е.
347. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 16. Л. 560.
348. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 16. Л. 486.
349. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 205.
350. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 238–239.
351. Хозяйственное описание... С. 493.
352. Там же. С. 412–414.
353. ПМА. Сообщение Васильевой А.Е., р. 1900, Зарковой Ф.Н., р. 1906, ст. Котляревская.
354. ЦГА КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 109. Т. 1. Л. 35 об.-36, 49 об.-50, 136 об.-137, 269.
355. *Головчанский С.Ф.* Станица Прохладная Терской области Пятигорского округа // СМОМПК. В. 15. Тифлис, 1893. С. 2.
356. Статмонографии... С. 234.
357. *Семенов П.* Указ. соч. С. 179.
358. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 7.
359. ПМА. Сообщение Есипко Г.Я., р. 1909, г. Прохладный; Шевченко Е.Д.
360. ПМА. Сообщение Сагайдак М.К., Олистратенко Д.К.
361. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / отв. ред. К.В. Чистов. М., 1987. С. 224.
362. ПМА. Сообщение Старчеусовой А.Г., р. 1903, Кравцовой О.А., р. 1910, ст. Солдатская; Головки П.Н., р. 1904, г. Прохладный.
363. Этнография восточных славян... С. 226.
364. ПМА. Сообщение Шевченко Е.Д.
365. Этнография восточных славян... С. 226.
366. ПМА. Сообщение Есипко Г.Я., Косовой У.П., Манжоса И.П., Тихоненко Е.М., Шевченко Е.Д.
367. *Афанасьев М.* Указ. соч. С. 130.
368. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 223; ПМА. Сообщение Задоркина Г.Н., р. 1900, г. Прохладный.
369. ПМА. Сообщение Храповой О.Е., р. 1911 г., ст. Солдатская; Есипко Г.Я.

370. Сообщение Косовой У.П.; Шевченко Е.Д., Захарченко А.Т., р. 1909, ст. Екатериноградская.
371. ПМА. Сообщение Задоркина, Есипко Г.Я., Шевченко Е.Д., Тихоненко А.Д.
372. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 231; Статмонографии... С. 253.
373. *Гребенец Ф.С.* Указ. соч. В. 44. С. 94.
374. ПМА. Сообщение Вертелко П.И., р. 1911, г. Майский.
375. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 223.
376. ПМА. Сообщение Головки П.Н., Баглачевой М.В., р. 1907, г. Прохладный.
377. ПМА. Сообщение Захарченко А.Т.
378. ПМА. Сообщение Тихоненко А.Д.; Кузнецова П.Г., Чумаковой С.М., р. 1913, г. Майский.
379. ПМА. Сообщение Задоркина Г.Н., Есипко Г.Я.
380. ПМА. Сообщение Захарченко А.Т., Шевченко Е.Д.
381. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. №757. Л. 3.
382. Там же.
383. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 231–232.
384. ПМА. Сообщение Сагайдак М.К., Олистратенко Д.К.
385. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 233.
386. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 35.
387. Русские / отв. ред.: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 2003. С. 281–283.
388. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 234.
389. *Семенов П.* Станица Слепцовская, Терской области, Владикавказского округа // СМОМПК. В. 5. Тифлис, 1886. С. 179.
390. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 7.
391. Статмонографии... С. 128.
392. ПМА. Сообщение Задоркина Г.Н.
393. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 231; *Гребенец Ф.С.* Новогладковская станица... С. 91.
394. ПМА. Сообщение Васильевой А.Е.
395. *Гребенец Ф.С.* Новогладковская станица... С. 94.
396. ПМА. Сообщение Шевченко Е.Д.
397. ПМА. Сообщение Васильевой А.Е.
398. ПМА. Сообщение Васильевой А.Е.
399. ПМА. Сообщение Кошик М.Ф., Чумаковой С.М., Назаренко К.А.
400. ПМА. Сообщение Васильевой А.Е., Маньковой А.Д., р. 1915, ст. Котляревская; Сагайдак М.К., Олистратенко Д.К.

401. ПМА. Сообщение Баглачевой М.В., р. 1907, г. Прохладный.
402. *Гребенец Ф.С.* Новогладковская станица... С. 93.
403. ПМА. Сообщение Головки Е.В., р. 1908, Ключ А.М., р. 1914, г. Прохладный; Кузнецова П.Г. Назаренко К.А.
404. ПМА. Сообщение Белоконь М.Н., Косовой У.П.
405. Статмонографии... С. 300.
406. *Гребенец В.С.* Новогладковская станица... С. 94.
407. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 6.
408. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 142.
409. *Малявкин Г.* Станица Червленная Кизлярского уезда Терской области // Этнографическое обозрение. 1891. № 2. С. 114.
410. ПМА. Сообщение Кошик М.Ф.
411. *Гребенец В.С.* Новогладковская станица... С. 95.
412. ПМА. Сообщение Кошик М.Ф. Сагайдак М.К. Олистратенко Д.К.
413. ПМА. Сообщение Тихоненко А.Д., Роговенко У.Ф., р. 1904, ст. Приближная; Гребенец Ф.С. Новогладковская станица... С. 96.
414. ПМА. Сообщение Кошик М.Ф.
415. ПМА. Сообщение Кошик П.Т., р. 1902, г. Майский.
416. ПМА. Сообщение Кривцова А.А., Тихоненко А.Д., ст. Приближная.
417. ПМА. Сообщение Елисеевой В.Ф., Тихоненко Е.М., р. 1907, ст. Приближная; Долженко Н.С., р. 1949, ст. Екатериноградская.
418. ПМА. Сообщение Есипко, Головки Е.В., Косовой У.П., Роговенко У.Ф.
419. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 252.
420. ПМА. Сообщение Есипко Г.Я.
421. *Гребенец Ф.С.* Новогладковская станица... С. 95–96.
422. ПМА. Сообщение Манжоса И.П., Хауст М.И.
423. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 5–6.
424. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 457. Л. 55, 255.
425. ПМА. Сообщение Шевченко Е.Д.
426. *Бутова Е., Лысенко.* Указ. соч. С. 43.
427. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков. СПб., 1902. С. 92.
428. ПМА. Сообщение Халиной А.П., р. 1907, ст. Приближная; Хауст М.И.
429. ПМА. Сообщение Кривцова А.А., Головки Е.В., Манжоса И.П.
430. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 757. Л. 3 об.
431. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 71. Д. 11. Л. 251 об.
432. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 6. СПб., 1847. С. 28–29.

433. Там же. С. 30 (рис. № 808).
434. Там же. С. 30 (рис. № 809).
435. Хозяйственное описание... С. 413.
436. Народы России. Рисунки Е.М. Корнеева / ред.-сост. А. Пантеева, вст. ст. Р. Алдонина. М., 2017. С. 15.
437. Народы России... С. 41, 79; *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989. С. 36.
438. *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989. С. 89 (рис. 3), 36; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 252.
439. Хозяйственное описание... С. 413.
440. Там же. С. 418.
441. Там же. С. 469.
442. Там же. Л. 418.
443. Там же. С. 415, 425, 426.
444. ПСЗРИ-2. Т. 20. Ч. 1. С. 195 (№ 18739).
445. Там же. С. 197.
446. Там же. Т. 20. Ч. 2. С. 98 (№ 18739).
447. Там же. С. 99.
448. Там же. Т. 31. Ч. 2. С. 51 (№ 30242).
449. *Заседателева Л.Б.* Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI–XIX в. // Кавказский этнографический сборник. В. VIII. М., 1984. С. 42.
450. *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 256–261.
451. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 757. Л. 3 об.
452. *Косвен М.О.* Описание гребенских казаков XVIII в. // Исторический архив, № 5. 1958 С. 183.
453. Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. М., 2011. С. 66–67.
454. *Яковлева Г.А.* Русские терские казацкие говоры Северного Кавказа. Нальчик, 2000. С. 85.
455. *Гильденштедт И.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. , 2002. С. 54–55.
456. Там же. С. 28.
457. Русская народная одежда... С. 376–377.
458. *Гильденштедт И.* Указ. соч. С. 58–59.
459. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще. М., 1847; *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 265–266.
460. Народы России... С. 15.
461. *Студенецкая Е.Н.* Указ. соч. С. 220.
462. Там же. С. 136–137.

463. *Коркмасов М.* Кавказский художник князь Г. Гагарин. Махачкала, 1993.
464. *Студенецкая Е.Н.* Указ. соч. С. 202.
465. ЦГА КБР. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 36. Л. 12 об.; Ф. И-1. Оп. 1. Д. 16. Л. 141.
466. *Бутова Е., Лысенко.* Указ. соч. С. 50.
467. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 259.
468. ЦГА КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 16. Л. 140–141 об.
469. *Яковлева Г.А.* Словарь русских терских говоров. Нальчик, 1985. С. 140–141.
470. ПМА. Сообщение Маньковой А.Д., р. 1915, ст. Котляревская.
471. ПМА. Сообщение Головки П.Н., р. 1904, г. Прохладный; *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 60.
472. ПМА. Сообщение Яковенко П.В., р. 1909, ст. Солдатская.
473. ПМА. Сообщение Хауст М.И., Головки П.Н.; *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 105; *Его же.* Говор станиц бывшего Моздокского полка Терского казачьего войска. Варшава, 1900. С. 44.
474. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 11–12.
475. ПМА. Сообщение Головки П.Н.
476. ПМА. Сообщение Зарковой Ф.Н., р. 1906, ст. Котляревская.
477. ПМА. Сообщение Кошик М.Ф.
478. *Караулов М.А.* Говор гребенских... С. 70.
479. ПМА. Сообщение Балдышева П.С.
480. Статмонографии... С. 305.
481. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 63, 108.
482. ЦГА КБР. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 36. Л. 12 об.-13.
483. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 258.
484. *Афанасьев М.* Терская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 49.
485. ПМА. Сообщение Хауст М.И.
486. *Караулов М.А.* Говор гребенских... С. 72.
487. ПМА. Сообщение Есипко Г.Я.
488. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 11.
489. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 259.
490. *Студенецкая Е.Н.* Указ. соч. С. 86, 89.
491. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 86.
492. ПМА. Сообщение Головки Е.В.
493. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 69.
494. *Зиновьева Т.* Закан-Юртовская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 83–84.
495. ПМА. Сообщение Алехи И.Д., ст. Котляревская; *Задоркина Г.Н.*

496. ПМА. Сообщение Балдышева П.С.; *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 91, 108, 109; *Его же.* Говор станиц бывшего Моздокского... С. 46; *Бутова Е.* Указ. соч. С. 13.

497. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 258.

498. Там же. С. 13.

499. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 11.

500. ПМА. Сообщение Елисейевой В.Ф.; Чумаковой С.М., р. 1913 г., Семерук М.И., р. 1911 г., г. Майский; Головки Е.В., р. 1908 г., г. Прокладный.

501. ПМА. Сообщение Головки П.Н.

502. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 12.

503. Статмонографии... С. 305.

504. ПМА. Сообщение Головки П.Н.

505. ПМА. Сообщение Елисейевой В.Ф., Халиной А.П., р. 1907 г., ст. Приближная; Семерук М.И.

506. ПМА. Сообщение Чумаковой С.М.

507. ПМА. Сообщение Яковенко П.В., р. 1909 г., ст. Солдатская.

508. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 12.

509. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 61.

510. ЦГА КБР. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

511. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 12.

512. Там же. С. 76; *Караулов М.А.* Говор станиц бывшего Моздокского... С. 29.

513. ПМА. Сообщение Шевченко Е.Д.

514. ПМА. Сообщение Зарковой Ф.Н.

515. ПМА. Сообщение Яковенко П.В.

516. ПМА. Сообщение Елисейевой В.Ф., Халиной А.П., Чумаковой С.М.

517. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 260.

518. *Заседателяева Л.Б.* Терские казаки... С. 308–311.

519. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 12.

520. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 255.

521. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 13.

522. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 40.

523. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 13.

524. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 256.

525. Там же.

526. ПМА. Сообщение Елисейевой В.Ф., Головки П.Н.

527. ПМА. Сообщение Тихоненко Е.М.

528. Статмонографии... С. 463.

529. Кубанские станицы: Этнические и культурно–бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 159.
530. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 260.
531. ПМА. Сообщение Яковенко П.В., р. 1909 г., ст. Солдатская.
532. ПМА. Сообщение Хауст М.И., Головки П.Н.
533. ПМА. Сообщение Елисейевой В.Ф.
534. Красина Л.В., р. 1918, г. Прохладный.
535. Русская народная одежда... С. 378.
536. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 12–13.
537. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 68, 99.
538. *Ткачев Г.А.* Станица Червленая. Исторический очерк. В. I. Владикавказ, 1912. С. 180.
539. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 38.
540. Русская народная одежда. С. 74.
541. Там же. С. 310, 358.
542. *Карпинский М.П.* Гребенские казаки и их песни // СМОМПК. Тифлис, 1900. В. 27. Отд. 4. С. 72.
543. ПМА. Сообщение Хауст М.И., Сагайдак М.К.
544. ПМА. Сообщение Заиченко А.Д., р. 1914 г., ст. Котляревская; Елисейевой В.Ф.
545. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 260.
546. *Афанасьев М.* Станица Терская Сунженского отдела, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. В. 16. Тифлис, 1893. Отд. 1. С. 116.
547. *Бутова Е., Лысенко.* Указ. соч. С. 50; *Бутова Е.* Указ. соч. С. 8; *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 240.
548. Статмонографии... С. 115–116.
549. Там же. С. 83.
550. Там же. С. 55, 116.
551. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 70.
552. Там же. С. 63, 77.
553. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 10.
554. ПМА, Сообщение Васильевой А.Е., р. 1900, ст. Котляревская; Долженко Н.С., р. 1949, ст. Екатериноградская; Чумаковой С.М.
555. ПМА. Сообщение Васильевой А.Е., Долженко Н.С.; Тихоненко Е.М.
556. *Губанов Г.П.* Указ. соч. С. 55; ПМА. Сообщение Кривцова А.А., Чумаковой С.М., Назаренко К.А.; Зотова А.П., р. 1910, Зотовой Е.П., р. 1917, ст. Котляревская.
557. *Яковлева Г.А.* Указ. соч. С. 70.

558. *Бутова Е., Лысенко.* С. 49.
559. ПМА, сообщение Хауст М.И., Зарковой Ф.Н.
560. ПМА. Сообщение Васильевой А.Е.
561. *Бутова Е., Лысенко.* Указ. соч. С. 49; ПМА. Сообщение Зотова А.П., Зотовой Е.П.
562. *Бутова Е., Лысенко.* Указ. соч. С. 49; *Бутова Е.* Указ. соч. С. 10.
563. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 282.
564. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 9; ПМА. Сообщение Кривцова А.А., Тихоненко Е.М., Долженко Н.С.
565. Украинцы. М., 2000. С. 247.
566. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 8.
567. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 240.
568. Там же.
569. *Бутова Е., Лысенко.* Указ. соч. С. 49; ПМА. Сообщение Зотова А.П., Зотовой Е.П.
570. Украинцы... С. 246.
571. ПМА. Сообщение Красиной Л.В.
572. ПМА. Сообщение Зотова А.П., Зотовой Е.П.
573. ПМА. Сообщение Чумаковой С.М.
574. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 241.
575. Там же. С. 240; *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 86.
576. *Караулов.* Говор гребенских казаков... С. 97.
577. Статмонографии... С.304.
578. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 8.
579. ПМА. Сообщение Сагайдак М.К., Олистратенко Д.К.
580. *Бутова Е., Лысенко.* Указ. соч. С. 49.
581. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 9–10.
582. ПМА. Сообщение Васильевой А.Е., Тихоненко Е.М.
583. *Бутова Е., Лысенко.* Указ. соч. С.с48; *Бутова Е.* С. 8.
584. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 254.
585. *Бутова Е., Лысенко.* Указ. соч. С. 50.
586. ПМА. Сообщение Кривцова А.А., Тихоненко Е.М., Назаренко К.А.; Роговенко У.Ф.
587. Статмонографии... С. 440.
588. *Гребенец Ф.С.* Новогладковская станица... С. 113.
589. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 9, 33.
590. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 88; *Он же.* Говор станиц бывшего Моздокского... С. 22.
591. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 10, 31; *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 258; *Караулов М.А.* Говор станиц бывшего Моздокского... С. 28.
592. Статмонографии... С. 290.

593. ПМА. Сообщение Головки Е.В.
594. Статмонографии... С. 144, 182, 290.
595. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 9.
596. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 254.
597. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 237.
598. *Гребенец Ф.С.* Указ. соч. С. 19.
599. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 241.
600. ПМА. Сообщение Тихоненко Е.М.
601. *Караулов М.А.* Говор гребенских... С. 101.
602. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 10.
603. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 258.

Глава 4

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ: МНОГООБРАЗИЕ ТРАДИЦИЙ

Управление и самоуправление казачества

Государство и самоуправление казачества. Казачество изначально представляло собой особую социальную группу, а точнее – несколько близких по социальному статусу групп. Их объединяла военная служба, которая на протяжении нескольких веков являлась их главным занятием. Уже в конце XVI в., то есть вскоре после своего появления на Кавказе, терские «вольные» казаки получали царское жалованье и отказывались идти на службу без него.

О казачестве того периода сохранилось мало сведений, но все же известно, что на Тереке, как и в других местах, «вольные» казаки объединялись в войско. Их войско упоминается в документах Смутного времени. В середине XVII в. появляются сведения о едином войске терско-гребенских «вольных» казаков¹. Вопреки мнению многих авторов, существование двух отдельных войск – «терского низового» и гребенского – не подтверждается источниками. Как и у других групп казачества, во главе терско-гребенского войска стоял атаман, был также войсковой есаул², а в документах конца XVII в. упоминаются еще и знаменщики и войсковой подьячий, который, видимо, вел переписку казаков³. Станичные атаманы стояли во главе небольших групп казаков, живших обычно в отдельных городках. Как и в других казачьих войсках, в терско-гребенском собирался общий «круг», решавший все важнейшие вопросы⁴.

На время военных походов или набегов за добычей казаки разных городков объединялись и выбирали общего походного атамана и есаула. По завершении похода их союз распадался⁵.

Как уже говорилось, терские и гребенские «вольные» казаки были более зависимы от государства, чем, например, донские. Они, в отличие от донских, присягали Алексею Михайловичу при его восшествии на престол, а также, видимо, присягали и Михаилу Романову. Терские и гребенские казаки были внесены в терские окладные книги⁶.

При Терском городе жили казаки, которых, которых, скорее, можно назвать служилым. В конце XVI в. их называли «жилицкими»⁷, а в XVII в. – «беломестными»⁸. В отличие от «вольных» терско-гребенских казаков, они не объединялись в войско, у них не было общего атамана. Упоминаются атаманы отдельных небольших групп, а также их общий «голова». Причем, в 1636 г. у «беломестных» казаков и у пеших стрельцов был один «голова»⁹. Это доказывает, что по своему статусу эти группы были близки друг другу. По сметному списку 1678 г., в Терках оставалось только несколько «беломестных» казаков, которым власти предложили «служить в стрельцах»¹⁰. На этом казачество города надолго прекратило свое существование.

В середине XVIII в. гребенские казаки еще сохраняли и свое казачье войско, и войсковой круг, и выборных атаманов. Причем выборы происходили ежегодно¹¹, хотя одного и того же атамана могли выбирать из года в год¹². Одним из мест проведения круга являлось урочище Сарафанниково недалеко от шелкового завода¹³.

Терско-семейные казаки тоже выбирали атамана¹⁴. Что особенно возмущало чиновников – казаки к «атаману никакого почтения ни страха не имеют»¹⁵. Подобное отношение к начальству совершенно не вписывалось в порядки Российской империи, поэтому власти всеми силами стремились его изменить.

20 ноября 1746 г. в присутствии кизлярского коменданта князя Оболенского «при собрании обоих гребенского и бывшего семейного войск в круг» было принято решение об объединении этих двух войск¹⁶. Тогда же был выбран общий атаман и старшины нового войска. Присутствие коменданта уже само по себе ограничивало самостоятельность казачьего круга. Казаки пытались сопротивляться усилению его влияния и даже получили царскую грамоту о том, чтобы «кизлярскому коменданту от сего времени ни в какие ваши собственные казачьи дела не вступатца...»¹⁷. Тем не менее, кизлярские коменданты по-прежнему стремились подчинить казаков своей власти. При объединении двух «войск» выбранный общий атаман Иван Борисов (из гребенских казаков) и старшины были объявлены «вечными», т.е. несменяемыми, вопреки прежним обычаям казаков. Это решение было утверждено императрицей¹⁸.

Атаман объединенного войска стремился усилить свою власть, и в этом его поддерживали кизлярский комендант и военная коллегия, которая добивалась, «чтоб онаго войска как старшины так и казаки оному яко настоящему войсковому атаману во всяких случающихся по интересной надобности делах и исправлениях были послушны»¹⁹. В случае непослушания атаман мог «штрафовать и наказывать» казаков. Казаки,

особенно из бывшего терско-семейного войска, потерявшего самостоятельность, жаловались на злоупотребления атамана, на «обиды излишние в командировании», на оскорбления и побои. После смерти первого атамана объединенного войска долгое время не удавалось избрать следующего из-за разногласий между казаками. Когда нового атамана (Лукьяна Борисова) все же избрали, вопреки протестам бывших терско-семейных казаков, злоупотребления атамана и жалобы на него возобновились. При его избрании было решено вернуться к ежегодным выборам атамана. Но Лукьян Борисов стремился сохранить за собой эту должность пожизненно²⁰, прибегая к угрозам, ложным доносам на своих противников. В результате он сам был отстранен от власти.

В 1754 г. войсковой круг объединенного гребенского и терско-семейного войска состоялся в станице Курдюковской и опять в присутствии кизлярского коменданта. Казаки должны были выбрать нового войскового атамана. Однако им опять не удалось достичь согласия. Гребенские казаки предлагали на эту должность Ивана Иванова, сына умершего атамана, а бывшие терско-семейные казаки – своего кандидата, Дементия Ковалева. Они отказывались подчиняться гребенскому атаману. Гребенские казаки, в свою очередь, не желали, чтобы атаман объединенного войска был из числа терско-семейных казаков. В результате войско опять было разделено на две части, каждая из которых стала самостоятельным войском со своим собственным атаманом²¹. В этот период атаманы обоих войск выбирались казаками и утверждались императрицей, но иногда атаманов назначала военная коллегия. То же относится и к другим войсковым чинам. Станичных атаманов, есаулов и сотников выбирали в каждой станице сроком на 1 год²²

30 ноября 1765 г. казаки терско-семейного войска собрались в станице Дубовской для выборов нового войскового атамана и старшины взамен умерших. И хотя это собрание называлось «полным войсковым кругом», в нем принимали участие далеко не все казаки, но зато присутствовал кизлярский комендант – это, видимо, стало обычной практикой и способом ограничить казачью демократию. Среди собравшихся были войсковой знаменщик, станичные атаманы, есаулы, сотники, хорунжие и только 40 рядовых казаков (т.е. примерно один из 10 казаков этого войска)²³. Ограничение состава казачьего круга делало его, видимо, более управляемым.

Собравшиеся старшины и казаки «со всего вольного согласия ни для свойства и дружбы ниже ссоры...но по чистой совести, по доброму состоянию и заслугам» выбрали нового атамана и старшину²⁴.

Но если в гребенском и терско-семейном казачьих войсках все же сохранялись остатки прежних «вольностей», то в терско-кизлярском

войске изначально не существовало ни выборных атаманов, ни войсковых казачьих кругов.

Это войско во многом отличалось от других казачьих войск. При его малой численности оно имело сложный национальный, конфессиональный и социальный состав. Кроме «российских терских казаков» в него входили также «окочане» – выходцы из народов Кавказа, мусульмане. Была и группа «новокрещен», т.е. таких же выходцев, принявших христианство. Более высокое положение занимали (и более высокое жалованье получали) «мурзы» и «дворяне». Первые, насколько можно судить по документам, были мусульманами, вторые – христианами. Кроме того, как и в других казачьих войсках, были есаулы, сотники и хорунжие. Были и более высокие армейские чины – ротмистры, капитаны, майоры и др.²⁵

Возглавлял это войско князь Эльмурза Бекович (Черкасский), назначенный на эту должность царским указом и сохранявший ее до конца жизни. После его смерти точно так же по решению военной коллегии, утвержденному Екатериной II, был назначен преемник – его сын Темирбулат²⁶, а затем и последующие командиры этого войска. И на все другие должности этого войска кандидатов не выбирали казаки, а назначало начальство, что вызывало жалобы казаков. Они хотели бы, чтобы порядки у них были такими же, как в других казачьих войсках²⁷. Однако эволюция казачества шла в противоположном направлении: не в терско-кизлярском войске появилась выборность «старшин», а, напротив, она постепенно исчезала в других войсках.

В 1770 г. был принят указ о том, чтобы из переведенных на Кавказ волжских казаков составить не войско, а «казацкой полк... который и назвать Моздокским полком и, вместо Атамана, из казацких Старшин определить человека, к тому способного, Полковником»²⁸. Впоследствии по такому же принципу был создан Волжский полк и другие. Место выборных атаманов заняли назначаемые командиры, ничего подобного войсковым кругам в новых казачьих частях, видимо, не существовало. Недовольство переселившихся казаков привело к случаям неповиновения начальству, которые были пресечены²⁹.

Когда в 1772 г. на Тереке появился Пугачев, бежавший сюда с Дона, казаки и атаманы новых станиц – Галюгаевской, Ищерской и Наурской – избрали его своим войсковым атаманом (которого им уже не полагалось избирать) и отправили в военную коллегия в Москву просить о прибавке жалованья. Однако в Моздоке Пугачев был задержан властями, потом бежал и на Терек больше не вернулся³⁰. Избравшие его казаки были жестоко наказаны³¹. Новые порядки в новых полках сохранились.

Гребенское и терско-семейное войска стали исключением из общего правила.

Уже при генерале Ермолове после смерти атамана гребенского казачьего войска был назначен новый атаман (которого в документах даже называли не атаманом, а командующим или командиром войска)³². Это был полковник Ефимович. Одновременно были ликвидированы такие чины как войсковой есаул, войсковой знаменщик, войсковой дьяк, станичные атаманы. Новый командир войска написал правила для управления станицами, ограничил права станичных сходов (сборов), усилил значение войсковой канцелярии³³. Гребенское и терско-семейное войска (а тем более – терско-кизлярское) теперь почти не отличались от казачьих полков, хотя и назывались войсками вплоть до 1832 г., когда уже официально были преобразованы в полки³⁴.

С появлением Кавказского линейного казачьего войска эти и другие казачьи полки на Кавказской линии были включены в его состав. Командовал этим войском «войсковой наказный атаман», который назначался и увольнялся царским приказом и указом сенату³⁵. В станицах же вместо станичных атаманов власть имели «станичные начальники», которых назначал «войсковой наказный атаман» по представлению бригадных командиров. «Станичными начальниками» обычно были казачьи офицеры, но могли быть и офицеры регулярной армии³⁶. В отличие от выборных атаманов, они не зависели от казаков своих станиц и не считались с ними. Даже много лет спустя казаки помнили «о грозной власти их прежних атаманов (офицеров), назначаемых высшим начальством, которые, прикрываясь военными требованиями, управляли станицами не по закону, а по «собственному усмотрению»³⁷.

В станицах существовали «станичные правления», в состав которых, кроме «станичного начальника», входили также и «станичные судьи». Судей выбирали казаки сроком на три года, но утверждал «войсковой наказный атаман»³⁸.

Собирались станичные сходы, в которых принимали участие «домохозяева». После принятия какого-либо важного решения составлялся «общественный приговор», для чего в состав станичной администрации обязательно входил писарь. Этот приговор подписывали все участники схода (по просьбе неграмотных за них «руку прилагал» кто-нибудь из грамотных казаков), ставили свои подписи, а иногда и печати станичные судьи, атаман, наконец, приговор скреплялся печатью станичного правления. Но самостоятельность казачьих общин была весьма ограниченной. Даже решения по таким внутрестаничным делам, как, например, строительство новой церкви или колокольни, надо было посылать на утверждение полковому и войсковому начальству³⁹.

Казачество полностью зависело от военного командования. «Казачество несло на себе довольно тяжелый гнет военного начальства: пороли, наказывали да и вообще дисциплина была суровая. Казак привык к суровой опеке военного начальства, привык большую часть своих внутренних дел делать под влиянием авторитета начальства, инициатива личная была развита в довольно слабой степени»⁴⁰.

За свою службу казаки получали жалованье – денежное и хлебное. Оно сохранялось у них даже в XIX в. В 1845 г. в положении о кавказском линейном казачестве был пункт о том, что «Служащие урядники и казаки Гребенского и Кизлярского полков, на основании древних привилегий и по уважению скудного в сих полках хлебопашества, получают дачу муки по 6 четвертей и круп по 3 четверика на человека. За сим отпуск так называемого хлебного жалованья...отменяется»⁴¹.

В 1856 г. был сокращен срок службы линейных казаков. Если до этого времени 25 лет продолжалась их «полевая» и еще пять лет – внутренняя служба, то с этих пор «полевая» сократилась до 22 лет, а «внутренняя» – до трех⁴².

Общинное самоуправление в конце XIX – начале XX в. После окончания Кавказской войны в русле общероссийских реформ реформируются и казачьи войска. В 1870 г. было принято «Положение об общественном управлении в казачьих войсках». Срок службы был еще раз значительно сокращен. «Полевая» служба теперь продолжалась 15 лет, внутренняя – 7 лет. Но в мирное время на службе находилось не более одной трети казаков, остальные были «на льготе». Только в военное время их всех призывали⁴³. То есть фактически «полевая» служба продолжалась всего 5 лет. Тем самым она перестала быть основным занятием казаков. После этого различия между казачеством и крестьянством начинают стираться.

Важное изменение в общественной жизни казаков заключалось в том, что назначаемых властями «станичных начальников» сменили выборные станичные атаманы. Однако выборность была восстановлена только на уровне станицы. Войсковые атаманы по-прежнему назначались. Но и станичного атамана утверждал в его должности начальник области⁴⁴, он же мог и отстранить атамана, т.е. государство сохраняло контроль над системой управления казачеством.

Кроме атамана, основными органами власти являлись станичный сход, станичное правление и станичный суд⁴⁵. В станичном сходе принимали участие все «домохозяйева». Обычно, это были старшие мужчины в семье. Но в случае невозможности явиться на сход домохозяин мог посылать вместо себя кого-либо из членов своей семьи. Приговоры

схода считались законными только тогда, когда в нем принимали участие не менее половины жителей станицы, имевших право голоса⁴⁶.

«Иногородние», жившие в станицах, могли участвовать в станичных сходах только «при обсуждении и решении дел, по существу своему касающихся до лиц неказачьего сословия»⁴⁷. Все остальные вопросы разбирались без их участия.

Станичные сходы собирались по воскресным и праздничным дням. Часто казаков приглашали на сход прямо из церкви, иногда о сходе оповещали молодые казаки – «десятники».

Все дела на станичных сходах решались «по общему согласию или по большинству голосов»⁴⁸. Процедура голосования проводилась «или разделением Схода на две стороны и счетом голосов, на каждой стороне стоящих, или же иным способом, по существующему в каждом обществе обычаю»⁴⁹.

В станице Прохладной, если рассматриваемое дело было несложным и не вызывало споров, то решение принималось быстро. Согласие схода выражалось «отсутствием возражений и общим молчанием: если после высказанных заявлений общество молчит, то значит – все согласны»⁵⁰. Но не все решения принимались так легко. Если вопрос был важным и спорным, «то после предложения такого дела сейчас же вся сходка разделяется на отдельные кружки и начинается громкое обсуждение дела, причем каждый старается убедить всех других. Случается, что споры и мнения при этом бывают так разнообразны, что дело откладывается до другого схода и каждому предоставляется таким образом возможность обсудить его на свободе». Если и во второй раз не удавалось достичь согласия, то сход выбирал определенное число людей, которым и поручал решить этот вопрос⁵¹.

Для решения важнейших дел, таких как распределение земли, выдача ссуд, распоряжение станичными деньгами, прием новых членов в станичное общество – требовалось согласие не менее двух третей имеющих право голоса на станичном сборе. В других случаях достаточно было простого большинства⁵².

Среди дел, решавшихся сходом, были: переделы земли, избрание станичного атамана и других должностных лиц и назначение им содержания, распоряжение станичными доходами и расходами, проверка деятельности должностных лиц, назначение опекунов и попечителей и т.д.⁵³

Хотя все решения на сходах принимались демократическим путем, большинством голосов, но источники сохранили немало жалоб на злоупотребления атаманов и станичной верхушки. Станица Архонская: «Как и в большинстве станиц, на сходе здесь играет главную роль не

мнение большинства, а мнение зажиточных людей, голоса которых всегда берут перевес над голосами бедняков»⁵⁴.

В станице Ессентукской «все дела в станичном правлении и суде, несмотря на выборное начало и видимое равенство голосов на станичных сходах, решаются почти всегда в ущерб беднякам и к выгоде богатых»⁵⁵. Станичного «атамана, равно как и всех других должностных лиц станицы, богачи обыкновенно выбирают из своей среды, а через это делаются «своими» и в станичном правлении, и в суде»⁵⁶.

Поскольку опыт казачьей демократии был к этому времени во многом забыт, рядовые казаки не могли противостоять злоупотреблениям атаманов и зажиточной части казачества: «В силу такой безвыходности, общество, скрепя сердце, выносит все несправедливости, и постепенно впадая в полную апатию к общественным делам, казаки продают свой голос на сходах за чарку водки»⁵⁷.

Станичный атаман отвечал за сохранение порядка, и в этом отношении ему подчинялись все жители станицы, как казаки, так и иногородние. За различные провинности атаман имел право наложить штраф до 1 рубля, арестовать или направить на общественные работы на срок до 2 дней. Станичный атаман должен был задерживать бродяг, беглых и дезертиров, предупреждать преступления и при необходимости – задерживать виновных. Атаман созывал станичный сход, выносил на его рассмотрение дела, касающиеся общины, приводил в исполнение постановления сходов, руководил должностными лицами станицы, наблюдал за сохранностью станичного имущества и т.д.. В помощь атаману станичное общество выбирало помощников, если считало это необходимым⁵⁸.

Станичное правление состояло из станичного атамана, его помощников, станичного казначея и не менее чем трех доверенных. Их также избирал станичный сбор. Станичное правление проверяло состояние станичных хлебных запасов и денег и занималось другими делами, которые поручал ему станичный сбор. Одной из задач станичного правления являлось делопроизводство: велись метрические книги, книга приказаний станичного атамана, книги приговоров станичного схода, книга решений станичного и третейских судов, книга сделок и договоров и т.д. В станичном правлении жители станицы могли зарегистрировать «всякого рода сделки и обязательства на сумму не свыше 500 рублей» и завещания на сумму не свыше 100 рублей⁵⁹.

Станичный суд разбирал споры и тяжбы жителей о движимом и недвижимом имуществе, о займах, покупке, продаже и прочим сделкам, а также жалобы на ущерб, нанесенный имуществу на сумму не более 100 рублей. Более крупные дела не входили в его компетенцию.

Станичный суд мог приговорить виновных к штрафу до 3 рублей или к аресту не более чем на 7 дней, или же к общественным работам до 6 дней⁶⁰. Решение о наказании принималось с учетом всех конкретных обстоятельств дела. Например, когда в станице Прохладной группа молодежи украла небольшое количество зерна, суд всего лишь обязал виновных вернуть украденное. В других же случаях воровство наказывалось значительно более сурово⁶¹. Станичный атаман и его помощники не должны были вмешиваться в работу суда, но они должны были приводить приговор в исполнение⁶².

Жители станицы могли также обращаться к третейскому суду, т.е. к суду посредников, которых выбирали обе стороны по взаимному согласию⁶³.

В 1891 г. было принято новое «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск». Согласно этому документу, с этих пор только в самых маленьких станицах, имевших 30 и менее казачьих дворов, в станичном сходе (сборе) участвовали все домохозяева. Если в станице было от 30 до 300 казачьих дворов, то в станичный сбор посылали 30 человек выборных, если было более 300 казачьих дворов, то по 1 выборному от каждых 10 дворов⁶⁴.

При выборах станичного атамана и почетных судей стало применяться тайное голосование («закрытая баллотировка») ⁶⁵. Это, видимо, должно было пресечь злоупотребления станичной верхушки.

Но в выборе станичного атамана казачья община теперь не была самостоятельной. На станичном сборе выбирали двух кандидатов на должность атамана, одного из которых затем утверждало начальство⁶⁶. Станичное самоуправление контролировали атаманы отделов, а «высший надзор» осуществляли войсковые хозяйственные правления и войсковые атаманы⁶⁷.

Кроме станичного суда, появился также суд почетных судей – один на две станицы⁶⁸.

Особенности землепользования и хозяйственные функции общины

Какими земельными участками пользовались гребенские казаки в первый период своей истории, какие у них существовали особенности землепользования – точно не известно. Только в 1746–47 гг. земли как гребенских, так и терско-семейных и терско-кизлярских казаков были обмежованы и измерены присланным из Астрахани геодезистом⁶⁹. В этот период гребенским и терско-семейным станицам

были выделены сравнительно небольшие земельные участки. На одну мужскую душу (казачью) почти во всех станицах приходилось в среднем по 1–2 десятины земли⁷⁰. Лишь в станице Новогладковской земли было значительно больше – свыше 10 десятин на душу (если только это не ошибка).

При переселении к Кизляру казаки, «новокрещены» и «окочане» команды Э. Бековича (Черкасского) тоже получили землю. Сколько ее было – об этом точных данных нет, но известно, что вскоре почти все они эту землю потеряли. По одним сведениям, ее захватили, пользуясь постоянными отлучками казаков, жившие в Кизляре грузины, армяне, «тезики» и татары⁷¹. По другим – это сделали «всякие чиновные люди»⁷². В этот период «земли под поселение, под пашни и скотоводство, также и рыболовные места раздавались в Кизляре... по билетам, даваемым от Кизлярской гражданской канцелярии и по повелениям комендантов»⁷³. Пахотные земли, сенные покосы, леса и другие «угодья» кизлярские коменданты первоначально отводили «без меры», в некоторых случаях землю захватывали самовольно.

В 60 гг. XVIII в. самый большой участок земли был у Эльмурзы Бековича (Черкасского) – более 1865 десятин одной только пашни, не считая сенокосных мест и «бахчей» (т.е. садов)⁷⁴. Крупными участками владели также наследники подполковника Арсланбека Шейдякова, мурзы Шаймурзины, ротмистр Адиль Черкасский и др. Ротмистр Петр Татаров вместе с «новокрещеными» дворянами и казаками (всего 25 человек) владели более чем 250 десятинами пашни. В то же время несколько рядовых терских казаков имели только небольшие «бахчи», у других же никаких земель не было⁷⁵.

В конце XVIII в. власти пытаются упорядочить землевладение казаков. В 1790 г. казаки Моздокской горской команды получили по 30 дес. земли на душу⁷⁶. В 1798 г. офицеры Волжского казачьего полка должны были получить по 300 десятин земли, старшины – по 60 десятин, Рядовые служащие казаки – по 30 десятин, неслужащие и отставные – по 15 десятин⁷⁷.

Землю получал не каждый казак в отдельности, а вся станица в целом. С 1819 г. станицы Правого фланга Кавказской Линии должны были получать землю из расчета: на штаб-офицеров по 300 десятин земли, на старшин – по 60 десятин, на служащих казаков – по 30 десятин земли на душу. Станицы Левого фланга, где земля была худшего качества, получали большие наделы – соответственно по 400, 100 и 50 десятин⁷⁸. Однако многим станицам не хватало земли до установленной нормы, что вызывало многолетние споры и тяжбы за землю между казаками и их соседями⁷⁹.

В 1845 г. в этот порядок были внесены изменения. В станицах Горского и Волжского полка казаки по-прежнему должны были получать по 30 десятин земли, в Моздокском полку – 60 десятин, но в Гребенском полку земельные наделы были сокращены с 60 до 36 десятин, а в Кизлярском – до 21 десятины. Только что образованному Владикавказскому полку земля выделялась из расчета 15 десятин на рядового казака⁸⁰. Все эти земли были предоставлены Кавказскому линейному казачьему войску «в общественное владение»⁸¹.

При наличии сравнительно больших земельных наделов система землепользования была очень простой. Как писал один из историков казачества, «в прежнее время, когда населения было меньше, а земли было слишком довольно, общество не стесняло отдельных своих членов в пользовании землею; тогда существовала самая широкая «вольница»: каждый эксплуатировал землю так или иначе, где хотел и сколько мог, пользуясь лишь правом захвата»⁸².

Однако хозяйственные возможности казачества Северного Кавказа были ограниченными. Во-первых, для пахоты использовался тяжелый «малороссийский» плуг, в который надо было запрягать до 10 волов. Но у большинства казаков и крестьян не было такого большого количества скота, поэтому им приходилось спрятаться и вспаханную землю делить между собой. Поэтому они могли вспахать только небольшую часть имевшейся у них земли.

Во-вторых, казаки были заняты на военной службе, земледельческие работы часто выполняли женщины, подростки, старики и инвалиды, которые не могли обработать большие земельные наделы. Кроме того, опасности военного времени тоже препятствовали развитию земледелия.

В результате этого жители станиц Северного Кавказа обрабатывали сравнительно небольшие земельные площади, хотя размеры земельных площадей у отдельных семей могли существенно различаться. Казаки, имевшие больше рабочего скота, могли обрабатывать большой участок земли, другие же, видимо, не могли вспахать и 1 десятину.

К концу XIX в. численность казачества значительно увеличилась. Появилось много новых станиц, а старые станицы разрослись. В расчете на одного казака земли стало меньше.

Сокращение земельных угодий привело к изменению принципов землепользования. В 1869 г. было принято положение «О поземельном устройстве в казачьих войсках», согласно которому часть казачьих земель предназначалась «на разные войсковые надобности», другая часть была передана в собственность офицерам и чиновникам казачьих войск. Третью часть составляли станичные земли, которые находились

«в общинном владении общества каждой станицы» и не могли передаваться в чью-либо собственность⁸³. Как считали сами казаки, земля является «достоянием всего станичного общества, так как ее приобретали от врагов не отдельные лица, а все общество»⁸⁴.

Земля в станицах должна была поровну делиться между казаками. Право на получение земельного участка – «пая» – имели только казаки, мужчины, достигшие 17 лет, то есть того возраста, с которого казак начинал готовиться к военной службе и выполнять («отбывать») те или иные повинности. Право на этот надел он сохранял на протяжении всей своей жизни, даже когда выходил в отставку. Женщины землю не получали, только вдова казака имела право на половину его земельного пая, а если у нее были дети, то на целый пай⁸⁵.

В каждой станице были свои особенности землепользования, и определяла их община в соответствии с местными условиями хозяйствования. В некоторых станицах сохранялся старый порядок распределения земли. Например, в станице Ессентукской пахотную землю не делили между казаками, потому что эта станица была «с избытком наделена превосходными землями, удобными для хлебопашества»⁸⁶. Этими землями мог пользоваться каждый казак, но с некоторыми ограничениями, установленными общиной. Они заключались в том, что казак мог нанимать работников только за деньги, но не за часть урожая. Казакам также запрещалось объединяться с представителями других сословий для совместной обработки казачьей земли. Приблизительно такие же правила землепользования существовали и в станице Кисловодской. В станице Сунженской каждому казаку было предоставлено право «пахать столько, сколько он сможет по своим силам и средствам»⁸⁷.

В малоземельных «лесогорных» станицах (Николаевской, Галашевской, Фельдмаршальской, Аки-Юртовской) пахотную землю делили в соответствии с «Положением» 1869 г. Такой же порядок существовал и в некоторых степных станицах⁸⁸.

В станице Николаевской участки делили «между всеми казаками, имеющими право на надел (то есть имеющими не менее 17 лет от роду)». При этом лучшую землю отводили зажиточным казакам. Бедные казаки, не имевшие скота, получали землю похуже и на отдельном участке, т.к. они обычно сдавали ее в аренду⁸⁹.

В станице Галашевской первоначально, как и в других «лесогорных» станицах, землю делили по «отбывным» душам, затем установилась «вольница» в пользовании землей, а еще через некоторое время казаки этой станицы решили вернуться к переделу земли, но проводить его не ежегодно, а один раз в 4 года. В таком случае добросовестный

хозяин, затративший много времени и сил на очистку своего участка от камней и бурьяна, мог пользоваться плодами своего труда на протяжении нескольких лет⁹⁰.

В некоторых станицах существовало «смешанное» землепользование, т.е. часть земли делили, а второй частью каждый мог пользоваться на правах «вольницы». Например, в станице Шелковской поля, расположенные рядом со станицей, делили между казаками. Но каждый из них мог занять дополнительный участок на земле, находившейся дальше от станицы⁹¹. Такие же правила землепользования применялись и в станице Наурской. Здесь ближайшая к поселению земля поступала в передел, а остальная была доступна для всех казаков станицы. Каждый, кто хотел занять участок, должен был опахать его по периметру: «участок с проведенными бороздами считается захваченным и неприкосновенным»⁹². Казаки станицы Луковской тоже делили между собой участок земли, расположенный рядом со станицей, а более отдаленные земли мог обрабатывать каждый желающий.

В станице Новогладковской поля, находившиеся рядом со станицей, делили по числу «отбивных душ», а землей, расположенной в 10 и более верстах от станицы, пользовались по праву «захвата и потраченного труда»⁹³.

Похожий порядок землепользования существовал и в станице Прохладной. Земли этой станицы делились на 2 части протекавшим через них Эристовским каналом. Участок, расположенный ближе к станице, использовался под посев пшеницы. Его делили поровну между казаками в соответствии с «Положением о поземельном устройстве в казачьих войсках». Каждые несколько лет происходил передел этой земли. Участок, расположенный за каналом, использовали обычно для выращивания яровых и для пастбищ. Эту землю не делили: каждый казак мог засеять такую земельную площадь, какую в состоянии был вспахать. То есть на этом участке сохранялся старый порядок землепользования: «земля не делится, а только ограничивается то пространство земли, в пределах которого должна пахать станица, причем на всю запашку кладут средним числом по одной десятине на каждую «отбивную» душу. При распашке земли постановлено правило: не рвать землю на клочки, а пахать подряд; но при распашке под яровые хлеба это правило не всегда соблюдается»⁹⁴.

Там, где применялся полный или частичный передел пахотной земли, он также проводился по разным правилам. Согласно закону, право на землю имели только казаки, мужчины от 17 лет и старше, однако в некоторых станицах применялись иные принципы землепользования, что также зависело от решения общины.

В станице Бороздинской землю выделяли «не на «отбивную» душу, а на *козгырь* (заступ), т.е. если в станичных земляных работах, напр., в копании канав для орошения полей и в обвалке берегов, участвуют из данной семьи два рабочих человека – два козгыря, то такая семья получает два пая»⁹⁵.

В станице Луковской, в отличие от многих других станиц, землю делили «по числу казачьих душ обоего пола и всех возрастов»⁹⁶. То есть здесь право на земельный участок имели и женщины, и дети. В станице Наурской пахотную землю также делили «пропорционально количеству членов семьи каждого»⁹⁷. Эти материалы опровергают мнение Л.Б. Заседательевой о том, что в терских станицах «ни разу не было зарегистрировано случая деления земли на едока, то есть без различия пола»⁹⁸. Такие случаи отмечались, хотя и довольно редко.

Регулярные переделы земли во всех станицах проводились общиной. Пахотной землей распоряжался «общественный сход, на котором определяется площадь земли, подлежащая дележу, и размер пая... Жители в это время группируются партиями в несколько десятков человек и записываются на общий жребий (на одну какую-нибудь фамилию) с таким числом паев, на сколько каждый из них имеет право по семейному положению и покупке у лиц, не занимающихся земледелием. Группировка партиями вызывается обыкновенно желанием ускорить и облегчить распределение земельных паев между жителями или же желанием работать совместно... Когда земля, поступающая в дележ, доверенными общества измерится, и разобьется на участки известной длины и ширины, жители в установленное время отправляются в поле, где те же доверенные в присутствии атамана станицы или его помощника распределяют землю между партиями по жребиям и числу причитающихся им паев. Каждая партия, получившая участок, отмечает его какими-нибудь видимыми знаками, а в тот или на другой день распределяет его между своими членами также по жребиям. Затем приступают к распашке»⁹⁹.

В станице Шелковской пахотные участки тоже делились, но распределялись несколько иначе. Там тот казак, точнее, тот плуг, который первым приступил к пахоте, занимал первый участок, кто был вторым – второй и т.д.¹⁰⁰.

Если станичные пастбища находились в общем пользовании всех жителей, то сенокосные участки распределялись по тому же принципу, что и пахотные. Там, где сенокосных мест было достаточно, как например, в станице Кисловодской, они являлись общим достоянием всех казаков. Но и здесь община регулировала пользование сенокосными участками: станичный сход назначал день, раньше которого нельзя

было начинать сенокос¹⁰¹. Такие же порядки существовали в станице Наурской. Здесь сенокосные места находились в «общинном пользовании», т.е. они не делились между жителями, а предоставлялись «целиком их собственному распоряжению. Благодаря этому обстоятельству каждый косит там, где хочет и сколько успеет»¹⁰².

В других станицах сенокосные участки или часть из них регулярно подвергалась переделам. В станице Ессентукской лучшие и наиболее близкие к станице сенокосы делились между казаками, а остальными сенокосными участками они пользовались «по праву захвата» с тем только условием, что никто не мог начинать косить до назначенного станичным сходом дня. В этот день все семьи одновременно выезжали из станицы и прежде всего «обкашивали» свои участки, т.е. устанавливали границы. В этой же станице сходом был назначен определенный срок (в 1876 г. это было 7 дней), в течение которого каждая семья должна была скосить и убрать сено на участке, доставшемся ей в ходе передела. При этом нанимать работников не разрешалось. Если кто-то не успевал завершить работу в срок, участок вновь становился общим, сено на нем мог заготавливать любой желающий¹⁰³.

В станице Галашевской до 1876 г. лучшие сенокосные места делили между казаками, а остальными они пользовались по праву «вольницы», хотя и с некоторыми ограничениями. Здесь также станичный сход устанавливал определенный срок, раньше которого нельзя было начинать сенокос, было ограничено количество работников, которых можно было нанимать на время сенокоса и т.д. В 1876 г. все сенокосные угодья было решено разделить между казаками по «отбивным душам», т.е. так же, как пахотные земли¹⁰⁴. Примерно таким же образом были разделены сенокосные участки в станицах Фельдмаршальской и Аки-Юртовской.

В станице Новогладковской часть сенокосов располагалась в долине Терека, на месте вырубленного леса. Такие участки принадлежали тому, кто их расчистил, и передавались по наследству – это были так называемые «родные» луговые паи. Другие сенокосные участки находились на более возвышенных местах и назывались «общими». Их делили по «отбивным душам»¹⁰⁵. В станицах Шелковской, Луковской сенокосы тоже были поделены по «отбивным» душам¹⁰⁶.

В станице Георгиевской площадь сенокосов определялась «общественным сбором». Затем, начиная с 20 апреля, сенокосные участки охранялись «высылаемыми из станичного правления разъездами», которые следили за тем, чтобы никто раньше времени не косил и не пас скот в этих местах. Тот же «общественный сбор» объявлял о дне передела сенокосов. В этот день все домохозяева сходились к станичному

правлению. Здесь они делились на сотни, а сотни на десятки. Каждая сотня получала участок для сенокоса, разбивала его на 10 частей. Отдельные паи распределялись между казаками по жребью¹⁰⁷.

Особым способом распределялись сенокосные участки в станице Черноярской, где жили казаки-осетины. В назначенный день они выезжали в поле, и на каждом сенокосном участке проводился «торг»: «кто на сколько паев возьмет предлагаемый участок. Кто предложит большее число паев, за тем и остается участок»¹⁰⁸.

Во многих станицах ввиду распространения залежной системы земледелия пахотные земли спустя несколько лет превращались в сенокос. В станице Прохладной каждый из казаков косил на том же участке, на котором он раньше пахал. Это право сохранялось за ним до тех пор, пока участок вновь не распахивался¹⁰⁹.

Землей под огородами казаки пользовались «по праву захвата». Особого разрешения на избранное место не испрашивается¹¹⁰. Огороды передавались по наследству, но не становились частной собственностью. Община сохраняла на них свои права, и «если огороженный клочок земли не возделывается несколько лет сряду, то его имеет право занять всякий желающий»¹¹¹.

В тех станицах, где были виноградники, казаки пользовались ими примерно на тех же правах, что и огородами. В станице Шелковской, где жили казаки-грузины, прежде чем занять землю под виноградник, надо было спросить согласия у «общества». Виноградный сад переходил по наследству от отца к сыну¹¹².

Жители станицы Новоградковской – гребенские казаки – когда-то заняли под виноград землю в долине Терека, «где кто и сколько хотел». Эти участки носили название «старые родные сады» и передавались по наследству, ими пользовались «на правах давности, захвата и потраченного труда». Когда в станице появились новые жители, зачисленные в казачество, для них выделили отдельный участок и разделили его поровну по «отбивным душам». Впоследствии эти виноградники («новые родные сады») тоже стали передаваться по наследству и переделам не подлежали. В Новоградковской наследовать виноградники могли не только мужчины, но и женщины. Возможно, причина заключается в том, что именно женщины выполняли большую часть работ по уходу за виноградником.

Каждый казак этой станицы, который хотел занять новый участок под виноград, должен был спрашивать разрешения «общества». Полученное место сразу же окапывалось канавой и обрабатывалось. Если же кто-то не ухаживал за своим виноградником, то община могла отобрать у него землю¹¹³.

Пользование лесами, располагавшимися на станичных землях, также регулировалось общиной. Определенные правила были приняты в «лесогорных» станицах, для которых лесные промыслы были одной из важнейших отраслей хозяйства. Там лес был общим достоянием всех казаков той или иной общины, но в станице Галашевской, например, заготавливать древесину казаки могли только с помощью постоянных работников, а не поденщиков. Запрещалось приводить в лес покупателей, они должны были только в станице приобретать изделия из дерева. Эти правила призваны были предотвратить хищническую вырубку ценных пород деревьев¹¹⁴. В станице Аки-Юртовской подобных ограничений не существовало, потому что в лесах, принадлежавших этой станице, в больших количествах рос бук, который считался тогда «малоценной породой»¹¹⁵.

В степных станицах лесов было значительно меньше, жителям часто не хватало их для собственных нужд. Там существовали иные правила пользования лесом. В станице Екатериноградской лесом пользовались «на тех же основаниях, как и пахотными местами... Весь общественный лес поделен на 7 участков, которые поступают в пользование по очереди, причем в одном и том же году делить более одного участка не допускается»¹¹⁶. В станице Новогладковской существовали сходные правила пользования лесом. Там он был поделен на 6 участков. Деревья, росшие на одном из этих участков, использовались исключительно для общественных работ – укрепления берега Терека, который часто разливался. На остальных участках лес вырубался казаками для личных нужд. Вырубка начиналась в назначенный общиной день. Участок предварительно делился между казаками¹¹⁷.

В станице Прохладной первоначально существовали подобные правила, но в 1872 г. лесные угодья были разделены между казаками по «отбывным душам», т.е. каждый получил свой небольшой участок леса¹¹⁸.

В станице Эссентукской лес также был разделен «между мужским казачьим населением станицы. Каждый получивший участок леса делался полным его хозяином и мог распоряжаться им по своему усмотрению: рубить, продавать и т.д.». Но при этом землю, которую занимал лес, продавать было нельзя, она оставалась во владении общины¹¹⁹.

В станице Терской лес был поделен на три части: 1) общественный «заповедный» лес; 2) «вечный» надел, который давался каждому казаку, а после его смерти переходил к его родственникам и 3) «шестилетние» наделы, которые делились заново каждые шесть лет¹²⁰.

Жители станиц, не относившиеся к казачьему сословию и не служившие в казачьем войске, не могли претендовать на станичный надел.

Согласно положению 1869 г., казаки могли передавать им свои участки только во временное пользование. При этом в каждой станице существовали свои правила, установленные местной общиной. Например, в станице Прохладной «посторонние обыватели» могли пользоваться «пастбищами на общем выгоне за определенную плату обществу; производить же распашку на общественной земле им ни под каким видом не позволяется»¹²¹. В станице Екатериноградской иногородние брали у казаков в аренду огороды, рощи и поля, «но не долее, как на три года»¹²².

Станичный сход не только распределял землю между казаками, но и регулировал севооборот. Примером может служить станица Науурская: «Так как земля представляет общинную собственность станицы, то предварительно, до обработки полей, в конце зимы науурцы собираются на общественный «сход» и миром решают вопросы: сколько земли нужно вспахать под яровые хлеба, под «пар» и в какой стороне от станицы»¹²³.

В станице Архонской сход решал, какой участок «должен быть под озимым хлебом и какой под яровым, но это указание не имеет принудительного характера, а служит скорее выражением желания большинства»¹²⁴.

Община также сдавала в аренду часть своих земель, особенно отдаленные участки. Сделки об аренде станичной земли заключал атаман, но утверждал станичный сход. Когда атаман станицы Архонской отдал своему другу участок земли за явно заниженную сумму, сход отменил его решение и заключил более выгодную для станицы сделку с другим арендатором¹²⁵.

Продажа продуктов виноградарства и виноделия также могла быть общинным делом. Так, в станице Старогладковской «в начале сентября жители сходятся на сход, призывают покупателей и делают торг на сусло»¹²⁶.

Некоторые станицы отдавали в аренду право ловить рыбу на своем участке реки. При этом каждая станица выдвигала определенные условия. Так, в станице Новогладковской арендатор, помимо определенной суммы денег в пользу общины, давал обязательство продавать рыбу жителям станицы по низкой цене¹²⁷.

Общины некоторых станиц, особенно расположенных в низовьях Терека иногда организовывали коллективный лов рыбы, который носил у них название «вольница» или «громка» или «багрень» (станция Новогладковская). «Весь порядок громки – место, ее начало и конец плава, время, количество сетей, их качество, и проч. – определяется соответственными станичными приговорами»¹²⁸. В этой грандиозной

рыбалке в станице Новогладковской принимал участие один человек от каждого станичного дома. Улов делился поровну, «причем не забывались ни начальники, ни сироты»¹²⁹. «Багрень» рыбы было праздником для казаков. Это, видимо, был старый казачий обычай, который еще сохранялся в конце XIX в.

Терская казачья станица во второй половине XIX в. пользовалась значительной самостоятельностью в организации хозяйственной деятельности казачества. Именно она определяла порядок землепользования, имевший в каждой станице свои особенности, определявшиеся как количеством земли, так и спецификой хозяйства. В одних станицах земель пользовались по праву «вольницы» («захвата»), в других ее делили между казаками. Переделу подвергались не только пахотные земли, но и сенокосные участки и даже леса. Правила, по которым делилась земля, устанавливались станичным сходом. Огороды и виноградники были достоянием отдельных семей, передавались по наследству. Но община сохраняла свои права на эту землю, и если хозяин ее не обрабатывал, она переходила к другому.

Кроме того, община могла регулировать севооборот, определять сроки проведения тех или иных работ (сенокоса, вырубki леса), устанавливать правила использования наемного труда, контролировала сдачу станичных земель в аренду. Уравнительное землепользование, ограничения в применении наемного труда призваны были предотвратить усиление имущественного неравенства казачества, разрушавшего общину. Однако эта цель не была достигнута, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы на злоупотребления станичной администрации и зажиточных казаков.

Имущественное расслоение существовало среди казачества издавна, но к концу XIX в. оно, видимо, усилилось. Мало того, что были более богатые и более бедные станицы, что определялось их природными условиями, расстоянием от города и т.д., но и в каждой отдельной были зажиточные и бедные казаки. И чем богаче была станица, «тем сильнее в ней развито так называемое кулачество и сильнее деспотизм богатых над бедными»¹³⁰, чему общинные порядки не могли помешать.

Религиозные верования

Терские и гребенские казаки изначально в большинстве своем были православными. В XVII в. они могли посещать церковь Терского города. В 1645 г. в этой церкви гребенские казаки вместе с жителями города присягали новому царю Алексею Михайловичу. В 80 гг. XVII в.

на Кавказе появились донские казаки, противники реформ Никона – раскольники, как их называли в официальных документах. Они пользовались поддержкой части гребенских казаков и даже их атамана. Но гребенские казаки не выступали против власти царя и церкви. Состарившись, некоторые из казаков уходили в монастырь. Один из них в 1698 г. хотел постричься в монахи в Троицком монастыре в Астрахани¹³¹. По документам 1705 и 1708–1709 гг. известно, что в гребенских городках был свой поп («Михайла Карпов»), была церковь, причем ее должны были освящать по указу митрополита Астраханского и Терского¹³², т.е. гребенские казаки в религиозном отношении были подчинены ему как представителю православной церкви, и каких-либо сведений о конфликтах с ним нет. Но, согласно тем же документам, священники, служившие в гребенских городках и в Терках, иногда допускали нарушения церковных норм, касавшихся, например, венчания. Они могли обвенчать людей вступавших в четвертый брак, что было запрещено, или вторично обвенчать человека, уже имевшего жену. Митрополит пресекал подобные отступления от правил¹³³.

Гребенские казаки надолго запомнили приезд Петра I на Кавказ во время Персидского похода. По их словам, царю донесли о том, что они носили бороды и старинное платье и крестились «двоперстным» крестом, однако Петр I не придал этому значения, с его точки зрения, главным было то, что гребенские казаки верно служили ему¹³⁴. Никаких свидетельств о борьбе государства с расколом на Тереке в те годы нет. По мнению изучавшего эту проблему Г.П. Михайловского, долгое время среди гребенских казаков «раскола в собственном смысле не было, а они держались только крепко двуперстного крестного знамения, не выходя из подчинения православной церкви»¹³⁵. Его мнение поддерживает большинство ученых.

В 30 гг. XVIII в. борьба государства и церкви с «расколом» среди гребенских казаков усилилась. По мнению властей, вина за сложившуюся ситуацию во многом лежала на гребенских священниках, которые были «весьма плохи и не токмо могли б закону и страху Божию народ обучать, но и сами не знают и делают противности великие»¹³⁶.

Присланный Астраханским епископом «закашик» Федор Иванов пытался устранить все «старые обряды» из церковной службы гребенских городков, однако казаки, ссылаясь на разрешение Петра I, стремились сохранить свои религиозные традиции. По их словам, «как отцы и деды жили в православной вере, так и они в том же стоят, не прибавливают и не убавливают»¹³⁷.

Согласно царскому указу, присланному из Синода, военная коллегия приняла решение «о бытии гребенского войска всем старшинам

и казакам во увещевании от раскольников «посланной от астраханского архиерея духовной персоне»¹³⁸. Увещевания, видимо, не оказали особого влияния на казаков. Применять более суровые меры для искоренения «раскола» власти, видимо, опасались, поскольку казаки жили в пограничных местах и легко могли уйти с Терека на Кубань¹³⁹, к казакам-некрасовцам.

Во второй половине XVIII в. на Кавказе вновь появляются старообрядцы с Дона и с других мест. Они жили на терских островах, в урочище Моздок, на реке Куме, заходили нередко и в гребенские станицы. Их проповеди, видимо, и привели к тому, что гребенские казаки отказались от подчинения официальной православной церкви, т.е. стали, с ее точки зрения, раскольниками¹⁴⁰.

В годы Кавказской войны некоторые старообрядцы даже переходили к Шамилю, у которого, видимо, надеялись укрыться от религиозных преследований¹⁴¹. Некоторые из них хотели найти казаков-некрасовцев, которые, по слухам, жили в верховьях реки Аргун¹⁴². Впоследствии часть из них вернулась в свои станицы. Для того чтобы предотвратить подобные случаи, светские власти вынуждены были проявлять терпимость по отношению к казакам-старообрядцам¹⁴³. После окончания войны преследование старообрядцев (за исключением нескольких сект) прекратилось. Однако церковь продолжала активную проповедческую деятельность среди старообрядцев, хотя успехи ее были довольно скромными.

Старообрядцы составляли значительную часть терского казачества. В 1865 г. в Терском казачьем войске насчитывалось: ¹⁴⁴

Православных – 95190 – 82,6%
Старообрядцев – 17536 – 15,2%

В особую группу выделялись поморцы и молокане (видимо, как наиболее вредные, с точки зрения властей, секты). Их было 1344 человека или 1,2% всех терских казаков. Кроме того, 62 казака были армяно-григорианами. Среди терского казачества были представители различных конфессий.

В 1888 г., согласно официальным данным, православные (вместе с единоверцами) составляли 83,8% населения войска, старообрядцы – 15,5%. Кроме того, в станицах жили также и армяно-григориане, и католики¹⁴⁵.

Православными были не только потомки донских или волжских казаков или переселенцев с Украины, но и грузины (ст. Шелкозаводская), осетины (ст. Чернаярская и Новоосетинская), моздокские кабардинцы. К концу XIX в. практически в каждой станице была

церковь. В Успенской церкви в Моздоке находилась икона Иверской Божьей Матери. Не только казаки соседних станиц, но и тысячи православных со всего Северного Кавказа собирались здесь 15 августа и на праздник преполовения (между Пасхой и Троицей). Моздок тем самым являлся региональным религиозным центром¹⁴⁶. Каждый год кто-нибудь из казаков отправлялся на богомолье в Киев или в Иерусалим, или на Афон, чаще всего – в Киев¹⁴⁷.

Религия регламентировала образ жизни казачества. В праздничные и воскресные дни никто не работал. Даже в периоды самого напряженного труда, например, во время весенней пахоты, каждую субботу по удару церковного колокола всякая работа прекращалась и возобновлялась только в понедельник. Но не все казаки были одинаково религиозны. В этом отношении между отдельными станицами существовали большие различия. Так, жители станицы Наурской «никогда не позволят себе работать по праздникам; всякий надевает свое лучшее платье и идет в церковь, чтобы хотя раз в неделю отрешиться от забот и трудов и посвятить этот день Богу...»¹⁴⁸. В станице Терской, напротив, церковь по праздникам посещала лишь небольшая часть жителей, а большинство из них сидело «если не в духане, то по улицам, насмешливо заявляя тем, кто их зовет в церковь, и даже самому священнику, что им идти в церковь не очередь»¹⁴⁹.

Все основные события жизненного цикла – рождение, свадьба, похороны – обязательно сопровождалось религиозными ритуалами. Иконы были обязательной принадлежностью каждого казачьего дома. Особые молебны проводились в поле, например, в случае засухи. Казаки строго соблюдали церковные посты.

Среди казачек некоторых станиц были так называемые «монашки». Это были незамужние женщины, которые умели читать религиозные книги на церковно-славянском языке. Казаки обычно заказывали им чтение псалтыря по умершим¹⁵⁰.

Старообрядцами были, прежде всего, гребенские казаки, самая старая группа в составе терского казачества (станицы Старогладковская, Новогладковская, Кордюковская, Шадринская и Червленая). Значительную часть населения старообрядцы составляли также в станицах бывших волжских и донских казаков, переселенных на Кавказ (Каргалинской, Ищерской, Галюгаевской, Мекенской, Калиновской, Стодеревской).

Среди старообрядцев существовали различные направления и толки. Границы между ними проходили не только внутри отдельных станиц, но и внутри некоторых семей: «есть семьи, где дочь исповедует

один толк, отец – другой, а мать третий – и каждый только свою ложку или чашку считает «чистой»¹⁵¹.

Те из старообрядцев, которые относились к направлению «беспопцев», отвергали церковную иерархию. Религиозные обряды и таинства совершались у них «уставщиками», избранными ими же самими. Так было принято, в частности, у старообрядцев станицы Наурской¹⁵². Но большая часть терских казаков-старообрядцев относилась к так называемой «белокриницкой» или «австрийской» старообрядческой церкви, которая и посылала в станицы своих священников. Были также и «беглопоповцы», у которых религиозную службу проводили бывшие православные священники, перешедшие к старообрядцам. У старообрядцев были свои церкви или часовни.

При некоторых станицах были старообрядческие «скиты» – огороженные участки с маленькими избами внутри. Там жили люди, отказавшиеся от «мирской» жизни и посвятившие себя Богу. Чаще всего это были пожилые одинокие женщины. Жители станицы обеспечивали их продовольствием, считая «своею обязанностью щедро помогать скитам на том основании, что скитники и скитницы молятся о них Богу за их мирские грехи»¹⁵³.

Помимо православных и старообрядцев, среди казаков были также баптисты и молокане. Хотя первое из этих течений является разновидностью протестантизма, а второе – это специфически русское явление, их сближал интерес к чтению и толкованию религиозных книг, религиозное свободомыслие, отличавшее их от православных и старообрядцев.

И у тех, и у других богослужение мог вести любой грамотный человек, способный читать и понимать религиозные книги. И в том, и в другом случае религиозными общинами руководили пресвитеры, пользовавшиеся уважением и поддержкой своих единомыслителей. И те, и другие большую часть свободного времени проводили за чтением религиозных книг и чаепитием¹⁵⁴.

Хлысты или шалопуты также собирались для чтения Священного Писания и богословских споров. Они пели религиозные песни, кружились, что вызывало у некоторых из них экстатические видения. Их обвиняли в том, что их собрания заканчивались оргиями, хотя сами они это отрицали¹⁵⁵. Хлысты не произносили бранных слов, не пили спиртного и не ели свинину¹⁵⁶. Вот что писали, например, о нескольких семьях хлыстов, поселившихся в станице Прохладной: «Хлысты, или хлыстуны, ведут жизнь трезвую, исполняют безукоризненно все служебные, общественные и даже религиозные обязанности и, по-видимому, отличаются

в обыденной жизни от православных только тем, что не пьют водки, не едят мясного и не ругаются площадными словами»¹⁵⁷.

Точная численность представителей различных сект среди терских казаков неизвестна, потому что власти активно боролись с ними, поэтому секты стремились сохранять в тайне свое существование. Однако их было немало среди жителей станиц Прохладной, Ессентукской, Терской, Зольской, Георгиевской и др.

Об отношении гребенских казаков в XVII в. к попадавшим в их городки иноверцам сведений почти не сохранилось. В 1653 г. в Шадрине городке жил казак Иван Агрыжан¹⁵⁸. Судя по его фамилии (или прозвищу) он или его родители были мусульманами, а судя по имени, он принял христианство. В XVIII в. казаки сами писали о том, что к ним «выходят из гор и с прочих мест из плену разных вер люди и принимают веру греческого исповедания...»¹⁵⁹. Другие религии в гребенских городках того времени, видимо, не были представлены.

Некоторые авторы (И.Д. Попко, В.А. Потто и др.) писали о том, что в «низовом» терском казачьем войске, в отличие от гребенского, среди казаков было много мусульман. Однако, как уже говорилось, «низового» терского казачьего войска никогда не существовало. При Терском городе жили мусульмане, и их было много, но они не были казаками. Они составляли особую группу населения города и служили под началом кабардинских князей. Казаки города Терки, как и стрельцы, подчинялись своим «головам».

Но в XVIII в. некоторые из потомков терских мусульман действительно стали казаками. Командовал ими кабардинский князь Эльмурза Черкасский (Бекович). Еще в 1724 г. в своих письмах приближенным Петра I он сообщал о своем желании служить царю и быть главным над черкесами и «татарами», живущими в городе Терки¹⁶⁰. Однако Петр I потребовал, чтобы Эльмурза принял христианство – это было его обязательным условием. После смерти царя Екатерина I и Верховный тайный совет, учитывая, что Эльмурза – «иностранный человек», что русский язык он знает плохо, читать по-русски не умеет, не стали настаивать на его немедленном крещении, а поручили астраханскому архиерею просвещать князя в христианской вере¹⁶¹. В 1727 г. императрица подписала указ, согласно которому Эльмурза Черкасский получил командование «над нерегулярными аульными и переведенными с Терка окочанями, козаками и протчими»¹⁶². В его подчинении оказались не только жившие при городе Терки, а затем переведенные к крепости Святого креста мусульмане, но и казаки-христиане. Поскольку Екатерина I вскоре умерла, то о планах обратить Эльмурзу в христианство, видимо, забыли. Он остался мусульманином до конца своей

жизни. После него терско-кизлярским войском командовал его сын Темирбулат, тоже мусульманин, но когда он погиб, на эту должность назначались уже только христиане.

Служившие под началом Эльмурзы мусульмане не сразу стали называться казаками. Только в 50–60 гг. XVIII в. к ним применялось наименование «находящиеся в магометанском законе окоченские казаки»¹⁶³. Их было очень немного. В 1734 г. при крепости Святого креста служили только 16 «окочен» и 6 «мурз», которые также были мусульманами, не считая капитана (впоследствии подполковника) Арсланбека Шейдякова и Эльмурзы Черкасского¹⁶⁴, в 1844 г. в «команде» Эльмурзы Черкасского состояло 26 мусульман (включая его самого)¹⁶⁵.

Власти поощряли переход казаков-мусульман в христианство. В 1758 г. «нерегулярного войска кизлярские казаки Илья Батырев да Яков Нажин за службы их и за восприятие веры греческого исповедания награждены по тому войску хорунженскими чинами»¹⁶⁶. Тем не менее, небольшая группа кизлярских казаков-мусульман сохранилась, а в начале XIX в. в состав терско-кизлярского войска приняли группу живших в Кизляре казанских татар. Численность мусульман в войске тем самым увеличилась.

В 1823 г. в станицу был преобразован аул Бабуковский, в котором жили абазины и кабардинцы-мусульмане, тогда же к кизлярским казакам присоединили еще одну группу «окоченских татар» в составе 351 человека¹⁶⁷. Мусульмане стали составлять значительную часть населения станицы Кизлярской. Впоследствии в станицы Бороздинскую, Новоладковскую, Шадринскую переселили казанских татар, служивших в русской армии на Кавказе, а затем оказавшихся у Шамиля, и пленных «тавлинцев»¹⁶⁸.

В XIX в. среди казаков бывали случаи перехода не только из ислама в христианство, но и наоборот, из православия в ислам. В конце XVIII в. рядом с Георгиевском поселились бежавшие из-за Кубани жители «Большой Абазы». Среди них были, видимо, адыги и абазины. Поскольку беглецов-мусульман возвращали их бывшим хозяевам, то они приняли христианство и были зачислены в казачество. Но «живя отдельно особым поселком от Русских, и имея под рукой Бабуковский аул, а в нем и все обряды магометанства, Абазины, не укоренив за собою Православия, легко и скоро оставили эту веру»¹⁶⁹. Власти, настолько известно, не принимали никаких мер для того, чтобы этому помешать.

В 1860 г. была упразднена станица Бабуковская¹⁷⁰ а в 1870 г. – Кизлярская¹⁷¹. Жившие рядом с Георгиевском абазины тоже были выведены из состава казачества. Численность казаков-мусульман в результате

этого значительно сократилась. Но все же в станице Новоладковской в 70 гг. XIX в. татары-мусульмане составляли 9% населения, и у них была там своя мечеть¹⁷². Кроме того ислам исповедовала также часть моздокских казаков-кабардинцев. В 1888 г. среди казаков Терского казачьего войска было 625 мусульман (0,4%)¹⁷³. Во второй половине XVIII в. к Моздокскому казачьему полку были причислены «крещенные калмыки». Но впоследствии они остались «без поддержания в них христианства» и уже к 1820 г. не было «никакого различия между ними и другими Калмыками язычниками»¹⁷⁴. Казаками эти калмыки тоже фактически не стали, хотя и выставляли в помощь Моздокскому полку определенное количество людей.

Население многих станиц было неоднородным по своей религиозной принадлежности. Рядом могли жить православные, старообрядцы и сектанты. Но часто они были обособлены друг от друга. Так, в станице Новоладковской жили старообрядцы (гребенские казаки), православные (переселенцы с Украины, зачисленные в казачество) и мусульмане (казаки-татары). Каждая из этих групп населяла отдельную слободу и имела собственный храм¹⁷⁵.

Представители различных конфессий были разобщены не только территориально, браки между ними не допускались, нередко они враждовали между собой. В станице Терской, где кроме православных жили также старообрядцы, баптисты и молокане, часто происходили «прения о преимуществах веры»¹⁷⁶. Особой нетерпимостью отличались старообрядцы. Они смотрели на православных «как на еретиков-гонителей и как на людей малодушных, которые из страха преследования не выдержали искуса: променяли отцовскую веру и правду «на церковную ересь и заморские порядки»¹⁷⁷.

Когда в станицу Новоладковскую направили православных переселенцев с Украины, то старожилы этой станицы, гребенские казаки-старообрядцы выделили под дома для своих новых соседей участок, который не только находился за пределами станицы, но и был мало пригоден для жизни, поскольку располагался в низменном, заболоченном месте. Они также запрещали переселенцам доставать воду из колодцев собственными ведрами, тем приходилось просить ведра у старожилов. Гребенцы не приглашали в гости новоиспеченных жителей станицы и сами не бывали у них. Лишь спустя много лет отношения между этими двумя группами нормализовались: старообрядцы стали бывать у православных и принимали их у себя, «хотя и читают после этого очистительную молитву у своего уставщика и держат для них особую «поганую» мирскую посуду»¹⁷⁸.

Сектанты были более терпимы к иным верованиям. Они же отличались большей солидарностью, распространением взаимопомощи по сравнению с православными¹⁷⁹. Но по отношению к ним православные были настроены непримиримо. Так, в станице Прохладной против хлыстов «существует большое озлобление...»¹⁸⁰. В начале XX в. во многих станицах отношения между приверженцами разных религий были мирными. В станице Новогладковской «казаки всех этих разнообразных религий – старообрядческой, православной и магометанской в религиозном отношении живут в полном между собою согласии, никаких недоразумений на религиозной почве между ними никогда не выходило и не выходит»¹⁸¹. Жалованье от станицы получали и старообрядческие священники, и мусульманские муллы. Религиозные различия постепенно сглаживались, хотя и не исчезали.

Структура семьи и внутрисемейные отношения

О семейной жизни терских и гребенских казаков в ранний период их истории точных сведений не сохранилось. Первые упоминания об их женах и детях относятся к 30–40 гг. XVII в. В документах 1633 г. говорится о дочери атамана Ивана Сарафанникова. В 1646 и в 1651 гг. терские и гребенские казаки писали о своих женах и детях¹⁸². В 1724 г. донские казаки переселились на Кавказ вместе со своими семьями. Известно, что «хлебное жалованье» этой группе выдавалось и на детей, почему она и получила название «терско-семейной».

О приблизительном размере семьи казачества в начале XIX в. дают представление материалы «Хозяйственного описания Астраханской и Кавказской губернии». Терско-кизлярских казаков было всего 519, а жили они в 128 дворах, т.е. на 1 двор приходилось по 4,1 человека. В действительности семьи были несколько больше, но многие казаки этого войска, видимо, семей не имели, потому что численность мужчин в нем намного превышает число женщин. В терско-семейном войске в среднем на 1 дом приходилось по 5,1 человеку, в Моздокском полку – по 6,6, в Волжском – 5,6¹⁸³.

Очень близкие данные (собранные с 1616 по 1623 г.) приведены в книге И. Дебу¹⁸⁴:

терско-кизлярские казаки – 4,2 человека на 1 двор
терско-семейные – 4,8
гребенские – 5,2
Моздокский полк – 6,6
Волжский полк – 4,8

Очевидно, что в этот период у казаков Терека преобладала малая семья, но при этом средний размер семьи в отдельных станицах и группах казачества колебался от 4,2 у терско-кизлярских казаков до 6,6 в Моздокском полку.

При переселении на новое место жительства большим семьям трудно было бы сохраниться, но и позже среди терского преобладали малые семьи. В 1853 г. в станице Екатериноградской средняя численность семьи составляла 5 человек, в Прохладной – 8,1, в Приближной – 5,1, в Солдатской – 7,6, в Пришибской – 6,6, в Александровской – 4,3, в Котляревской – 4,8 человека¹⁸⁵. В разных станицах средний размер семьи и соотношение больших и малых семей были различными.

Но многие семьи небольшого размера были, тем не менее, довольно сложными по своему составу, о чем свидетельствуют посемейные списки жителей некоторых станиц. Немало было трехпоколенных семей, состоявших из родителей (или одного из родителей), их женатого сына с детьми, а также неженатых сыновей или незамужних дочерей. Двухпоколенные семьи нередко включали в свой состав не только родителей с детьми, но и неженатых братьев или незамужних сестер мужа, его племянников или других родственников. Реже встречались большие семьи, которые состояли из нескольких брачных пар с детьми. Примером может служить семья казака станицы Прохладной Архипа Волоха. В 1860 г. он просил разрешения разделить свою семью, и в архиве сохранились соответствующие документы, включая и список этого семейства. До раздела оно включало в себя 23 человека: самого Архипа, его жену, шестерых его сыновей и одного пасынка, 5 снох и 9 внуков. Решив разделить семью на три части, Архип обратился к станичному сходу. Тот поддержал его, отметив в общественном приговоре, что «семейство это хотя разделится и на три дома, но не будет остановки ни в службе, ни в отбывании станичной повинности, и домашний быт каждого в упадок не придет...». Однако и сход был не вправе решать этот вопрос, он обратился с ходатайством к полковому правлению Горского полка, в состав которого входили казаки станицы Прохладной, полковое правление дoloжило войсковому, и только на войсковом правлении было принято решение разделить семью казака Архипа Волоха¹⁸⁶.

Такая сложная процедура преследовала цель препятствовать разделу больших семей. Малой семье труднее было обеспечить казака военным снаряжением, ему сложнее было отрываться от работы для охраны станицы или выполнения других общественных повинностей. Поэтому войсковое начальство было заинтересовано в сохранении

больших семей и соглашалось на их раздел только в тех случаях, когда он не мог стать помехой казачьей службе.

В последующие годы процедура раздела большой семьи упростилась. Теперь решение принималось внутри станицы или села, и главным условием раздела стало согласие главы семейства. Отец мог отделить своего женатого сына, построить ему дом, выделить часть имущества. Один из сыновей, обычно младший, оставался жить с отцом. Без согласия отца сыновья не имели права требовать раздела имущества, поэтому большие семьи у терского казачества существовали, как правило, в форме «отцовской семьи». После смерти отца такая семья распалась. «Женатые сыновья остаются в родительском доме только в том случае, когда отец и мать стары и не могут заработать себе на кусок хлеба. Но и тогда при родителях остается только один сын, так как обыкновенно между братьями завязывается вражда»¹⁸⁷.

Согласно подворной переписи, проведенной в 1875–78 гг., в станице Сунженской на 1 казачий двор приходилось в среднем по 5,3 человека, в станице Галашевской – 4,8, в Аки-Юртовской – 5,5, в Архонской – 6,1, в станице Ессентукской – 5,4, в Кисловодской – 5,7, в станице Новогладковской – 5,6, в станице Луковской – 5,6, в станице Прохладной – 5,8¹⁸⁸, что свидетельствует о преобладании малой семьи в этот период.

В документах второй половины XIX в. количество казачьих дворов и казачьих семей нередко не совпадают. Так, в 1888 г., согласно официальным статистическим сведениям, в терских станицах насчитывалось 18075 казачьих семей и 25164 казачьих двора¹⁸⁹. На одну семью приходилось в среднем 8,4 человека, на 1 двор – 6,0. Аналогичные сведения есть и по отдельным станицам. В станице Сунженской в 1875 г. было 402 казачьих семьи и 497 отдельных казачьих хозяйств. По мнению краеведов, собиравших материалы в этой станице, «дворов в ней гораздо более, чем семей, так как часто одна семья живет в нескольких дворах, и отдельные члены ее ведут отдельное самостоятельное хозяйство»¹⁹⁰. Но, с точки зрения современной науки, члены семьи, живущие в отдельном дворе и ведущие отдельное хозяйство и являются отдельной семьей.

То же относится и к другим станицам, например, к Червленной: «В станичном правлении существуют книги «посемейные». В этих книгах, как рассказывают, пишется, что семья такая-то: отец, дети, сыновья и сыновья детей, все помещены в одном семействе; на самом же деле из одного семейства, записанного в книге, образовалось два, три, а иногда и более»¹⁹¹. Многие большие семьи, видимо, существовали в этот период лишь на бумаге. Причина заключалась, вероятно, в том,

что государственные, войсковые и станичные органы власти препятствовали разделу больших казачьих семей, опасаясь, что малые семьи не смогут приобретать казаку, отправляющемуся на службу, коня и военную форму. Большие семьи формально сохранялись, хотя фактически делились на несколько малых семей. Этого не учла Л.Б. Заседателева, когда писала о больших семьях у казаков¹⁹². Такие семьи, разумеется, также существовали, но их было сравнительно немного. Некоторые наблюдатели писали даже о том, что «больших семей среди казаков нет. Самые распространенные семьи: муж, жена и дети. Большею частью лишь только сыновья «поднимутся на ноги», женятся и отбудут службу, они требуют, чтобы их отделили, и нередко достигают этого...»¹⁹³.

У терских казаков вся работа распределялась между членами семьи в зависимости от их пола и возраста. Очень важную роль в хозяйственной деятельности казачества играли женщины. Прежде всего, именно они выполняли большую часть домашней работы. Как справедливо отмечал один из краеведов, «для того, чтобы одни могли работать в поле или в лесу, другие должны варить пищу, снабжать дом водою, мыть белье, смотреть за скотом и за детьми. Эта работа лежит на женщинах...»¹⁹⁴. Все перечисленные домашние дела (кроме ухода за скотом) считались исключительно женскими, мужчины ими никогда не занимались.

Женщины также заготавливали продукты на зиму: солили огурцы и помидоры, квасили капусту, варили арбузный мед, сушили фрукты и ягоды и т.д. Женщины шили одежду для всех членов семьи. Они же пряли шерсть, вязали из нее чулки и варежки. В некоторых станицах женщины занимались обработкой и прядением конопли. Изготовление шелка, хотя и пришло в упадок к концу XIX в., но кое-где еще сохранялось и также было женским занятием.

Женщины ухаживали за домашним скотом: кормили его, поили, доили коров. Женщины выполняли также многие работы по строительству и ремонту жилища и надворных построек: обмазывали пол и стены глиной, белили дом или наклеивали обои.

Если в семье было несколько женщин, то домашняя работа распределялась между ними. Так, в гребенских станицах до тех пор, «пока жива и здорова свекровь, молодая сноха не будет хлопотать около печи и готовить пищу семейству, ее не допустят к этому делу – стыдно»¹⁹⁵.

К мужским домашним обязанностям относились преимущественно строительно-ремонтные работы, уход за сельхозинвентарем. В этом отношении терские казаки не отличались от других групп казаков и русских крестьян, а также от многих других народов.

Однако обязанности женщин не ограничивались домашней работой. В большинстве станиц они принимали также активное участие в земледелии, виноградарстве, огородничестве. Исключение составляли казаки кавказского происхождения. Так, казаки-грузины, жившие в станице Шелкозаводской, считали, что женщина должна заниматься только шитьем, приготовлением пищи и воспитанием детей¹⁹⁶. Такого же мнения придерживались и казаки-осетины из станицы Черноярской. У них также все полевые работы «и вообще вся тяжелая работа» лежала на плечах мужчин, а домашнюю работу выполняли женщины¹⁹⁷. Примерно такие же порядки существовали и у казаков-кабардинцев. По свидетельству современников, горцы «даже укоризненно и с пренебрежением относятся к обычаю русского человека заставлять женщину выполнять тяжелые, чисто мужские работы»¹⁹⁸. В то же время казаки-грузины были в среднем менее зажиточными, чем их соседи, казаки украинского происхождения или гребенцы. Их бедность наблюдатели объясняли именно тем, что грузинки не работали в поле или в винограднике¹⁹⁹. Но со временем и женщины из грузинских семей стали принимать участие в уходе за виноградом. Благополучие терских казаков во многом держалось именно на женском труде.

Работа в огороде также была обязанностью женщин. Они вскапывали землю, сеяли овощи, выращивали рассаду, поливали, удобряли, поливали грядки. Терские казаки считали, что «огород – дело бабье»²⁰⁰.

Важной отраслью хозяйства казаков, в том числе и терских, являлось возделывание зерновых. В этой отрасли основными работниками считались мужчины. Именно они пахали и засеивали поля, хотя женщины могли помогать им в этих работах. Женщины также жали зерновые, связывали в снопы, они же участвовали и в молотье. Например, кукурузу молотили именно женщины, палками²⁰¹. Но и мужчины были заняты и в уборке урожая, и в молотье.

Казачки принимали участие в сенокосе и уборке урожая. О станице Наурской писали: «Косою казачка владеет не хуже своего мужа, а просо и овес сжинаются почти исключительно женщинами»²⁰². В других станицах косили мужчины, но женщины сгребали²⁰³, ворошили сено для просушки.

Однако и работой в поле еще не исчерпывалась трудовая деятельность женщин во многих станицах. Важной отличительной чертой хозяйства части терского казачества являлись их традиции виноградарства и виноделия. Уже в XVIII в. эта отрасль имела столь важное значение, что в 1761 г. вышел указ о разрешении терско-семейным и гребенским казакам продавать в Кизляре и Астрахани вино собственного изготовления по свободным ценам²⁰⁴.

В XIX в. много виноградников было в станицах, расположенных от Моздока вниз по Тереку. Виноград – очень трудоемкая культура в условиях Северного Кавказа, где бывают холодные зимы. Виноград здесь приходится осенью снимать с опор, обрезать, укрывать, присыпая землей, а весной открывать, подвязывать к опорам, а также регулярно пропалывать сад, убирать урожай и изготавливать вино. Все эти работы выполняли преимущественно женщины и дети. Мужчины только копали канавки для посадки винограда и заготавливали опоры.

Причина преобладания женского труда отчасти заключается в том, что долгие годы казаки были заняты на военной службе, и женщинам приходилось брать на себя все заботы о хозяйстве. Однако и в конце XIX в., когда срок службы казачества значительно сократился, казаки не стремились заниматься тяжелым трудом в виноградниках. Считалось даже, что мужчины не способны так хорошо ухаживать за виноградным садом, как женщины²⁰⁵. Виноградарство осталось преимущественно женским делом.

Виноградники (в отличие от полей) располагались обычно недалеко от станиц, поэтому женщинам было легче сочетать работу в них с выполнением их домашних обязанностей. Не было необходимости «детей оставлять дома без призора, а можно и с детьми идти в сад, и в то же время по мере надобности по несколько раз отлучаться домой по хозяйству»²⁰⁶.

Женский труд в виноградарстве обеспечивал значительную часть дохода казачьей семьи. Если зерновые, выращенные казаками, предназначались в основном для собственного потребления, то вино – на продажу. Казакам необходимы были деньги, особенно тогда, когда надо было собираться на военную службу и за свой счет приобретать коня и обмундирование. И именно деньги, заработанные женщинами, давали такую возможность. Благодаря виноградникам женщины могли также обеспечить себя и своих детей всем необходимым, пока казаки находились на службе.

В станице Георгиевской не было виноградников, но там важной отраслью хозяйства являлось выращивание и продажа овощей, чем также занимались женщины. Они способствовали благосостоянию своих семей не меньше, если не больше, чем мужчины²⁰⁷.

Некоторым казачьим семьям не хватало доходов, которые они получали от собственного хозяйства. В таком случае, как казакам, так и казачкам приходилось работать по найму, чтобы получить недостающие средства к существованию. Женщины из гребенских станиц часто работали на виноградниках Кизляра. Казаки других групп очень неохотно отпускали своих жен и дочерей на заработки в Кизляр, поскольку

это место пользовалось плохой репутацией. В случае необходимости они отправлялись туда всей семьей. Гребенские казачки, в том числе и молодые девушки, нередко работали в Кизляре самостоятельно, без надзора мужчин или старших членов семьи²⁰⁸.

В хозяйстве гребенских станиц женщины играли едва ли не более важную роль, чем мужчины. Это отличало гребенских казаков от тех групп терского казачества, которые не занимались виноградарством, а также и от русского крестьянства.

В конце XIX – начале XX в. патриархальные нормы (подчинение младших старшим, жены – мужу) еще строго соблюдались в большинстве казачьих семей. Во главе семьи стоял муж, «считающий себя в доме чем-то в роде владетельного князя, хотя власть его не настолько могуча, чтобы держать своих домочадцев во всегданшем себе подчинении и порядке»²⁰⁹. Впрочем, есть и другие отзывы о внутрисемейных отношениях терского казачества. Некоторые из краеведов считали, что в казачьей семье женщина-хозяйка «не только пользуется совершеннейшим равноправием с мужем, но часто имеет даже решающее значение при обсуждении некоторых хозяйственных вопросов»²¹⁰. В станице Георгиевской все деньги семьи хранились у хозяйки.

Глава семьи мог применять к своим домочадцам различные наказания, включая и физические, которые не были редкостью и не считались чем-то предосудительным. Особенно часто мужья били своих жен. В станицах говорили даже: «Что это за казак, если он не бьет жену». Но не все жены безропотно переносили побои, среди казачек были сильные женщины, которые умели за себя постоять.

В патриархальной семье строго соблюдалась такая норма как подчинение младших старшим. Не только маленькие дети, но и взрослые, женатые сыновья не смели ослушаться своего отца.

Женская часть семьи подчинялась еще и хозяйке дома, имевшей большую власть: «Женщина играет вообще второстепенную роль в семействе. Но все женщины, в свою очередь подчиняются еще матери семейства: снохи во всем беспрекословно слушают свекровь»²¹¹. Положение молодой снохи было особенно тяжелым – она была одновременно и женщиной, и одной из младших.

Все другие члены семьи смотрели на нее «прежде всего как на новую рабочую силу, каждый из них требует от нее полного и беспрекословного подчинения и норовит взвалить на ее плечи всю работу по хозяйству»²¹². Сноха «пользуется всеобщим нерасположением: ее бьют и муж, и свекор, и свекровь»²¹³, «с нею обращаются хуже, чем с прислугою»²¹⁴.

Но в некоторых группах терского казачества женщины занимали более высокое положение в семье. Прежде всего, это относится к гребенским казакам. Поскольку женщины в хозяйстве гребенских казаков выполняли не просто очень тяжелую и нужную, но и самую доходную работу, они были более независимы и пользовались большим влиянием. Гребенским казакам приходилось считаться со своими женами, которые были в семье полноправными хозяйками. Как писали знатоки станичного быта, в некоторых семьях муж не мог ничего купить без согласия жены. Поднять на жену руку гребенской казак мог только в случае супружеской измены. Но если женщина была недовольна отношением к ней мужа, то она могла и уйти от него, тем более, «что и без мужа она сумеет прокормить себя»²¹⁵.

Но и гребенские казаки не признавали женщин равными себе. «По мнению казака, женщина вообще неизмеримо ниже мужчины по своим нравственным силам»²¹⁶. Тем не менее, в семье гребенских казаков превосходство мужа часто было лишь формальным: «Жена-казачка хорошо знает, как важно ее положение в семье, и хотя по-видимому, уступает мужу, но в большинстве случаев в хозяйстве поступает по-своему»²¹⁷.

Не только муж, но и его родители не имели такой власти в семье гребенских казаков, как у других групп казачества или крестьянства: «Свекор и свекровь пользуются уважением, но не играют такой роли в отношении снохи, как в других русских семьях»²¹⁸.

Помимо особенностей хозяйства положение женщины в семье гребенских казаков определялось и некоторыми другими факторами. Длительное отсутствие мужчин в годы войны развивало в казачках самостоятельность и независимость. Гребенская казачка «научилась ездить верхом, стрелять; участвовала в военных играх, даже пахала и косила»²¹⁹. Ей приходилось брать на себя выполнение мужской работы, но одновременно она получала и большую власть в семье.

Гребенские казаки были старообрядцами, и по закону их брак мог быть расторгнут, если один из супругов переходил в православие. В некоторых случаях разрешались разводы и особыми старообрядческими судами.

Все эти факторы вместе взятые обеспечивали гребенской казачке более высокий статус в семье, чем женщинам из других групп и сословий.

В случае смерти мужа вдова в гребенских станицах нередко становилась «главою дома, хотя бы в числе членов семьи и находились взрослые, даже женатые мужчины»²²⁰. В станице Червленной в 1839 г. было «56 вдов, имеющих главенство в семействах и управляющих хозяйствами» (из общего числа 550 казачьих семей)²²¹. В станице

Новогладковской было 50 вдов, из которых 35 возглавляли свои семьи (в этой станице было 110 казачьих семей)²²². В станице Шадринской проживало «105 казачьих вдов, которые почти все стоят во главе семейств и управляют хозяйствами»²²³.

В станице Курдюковской насчитывалось 113 казачьих семей. «Вдов, имеющих главенство в семействах и управляющих хозяйствами, 34. В том же положении находится одна девица (Арина Манакова) 20 лет, семейство которой составляют два брата 9 и 18 лет»²²⁴. Но если вдов, стоявших во главе семьи, в гребенских станицах было немало, то девушка в этой роли является исключением.

В станице Старогладковской значились 42 вдовы, возглавлявших семьи (на 156 казачьих семей). «В таком же положении показана одна старая девка (Авдотья Давыдова) 46-летнего возраста, не имеющая никакого семейства, но владеющая одним виноградным садом, с годовым доходом из двух с половиною бочек вина, одним тутовым деревом, четырьмя рабочими волами, пятью коровами с телками и четырьмя свиньями»²²⁵. Это также редкий пример того, что одинокая женщина могла самостоятельно вести хозяйство. Обычно такие женщины жили вместе с кем-то из родственников либо в старообрядческих «скитах».

В конце XIX в. традиционные нормы семейной жизни постепенно начинают изменяться в результате развития товарно-денежных отношений, распространения грамотности и под влиянием других групп населения, таких как торговцы или интеллигенция, которая появилась в некоторых станицах. Стала ослабевать как власть старших членов семьи над младшими, так и власть мужа над женой. Противоречия между старыми и новыми нормами поведения приводили к внутрисемейным конфликтам.

Семейные конфликты иногда являлись следствием того, что брак был заключен без согласия молодых: «Некоторые отцы говорят: «Стерпится – слюбится», хотя от этого «стерпится» впоследствии им приходится идти на станичное вече с жалобой на дурное поведение снохи или «утробного» сына»²²⁶. Существовали и другие причины раздоров, например, злоупотребление алкоголем. Не случайно большая часть ссор происходила осенью, когда убирали виноград и делали вино, или зимой, когда было мало работы²²⁷ и много праздников.

Очень редко бывало, что в результате конфликта жена уходила от своего мужа, хотя есть упоминания и о подобных случаях. Чаще это происходило в гребенских станицах (Старогладковской, Новогладковской, Шадринской, Курдюковской и Червленной), где заключались неравные браки, когда муж был на несколько лет младше своей жены.

В большинстве терских станиц подобного обычая не существовало. «Ранние браки в возрасте обыкновенно от 14 до 17 лет дают в результате большею частью то, что молодая по прошествии 3 или 4 недель «уходит» от своего злосчастного мужа»²²⁸. Она возвращалась, «если примут родители, к ним, а в противном случае отправляется в Кизляр «на заработки»²²⁹. Там она проводила несколько лет в ожидании, пока молодой муж повзрослеет. Бывало, что она оставляла мужа навсегда.

Не все женщины безропотно сносили притеснения и побои как мужа, так и старших членов семьи: «бывают случаи, когда сноха платит своей свекрови и свекру взаимностью, когда она отвечает бранью на брань и кулаками на кулаки»²³⁰.

Бывало, что во время службы казака, когда он несколько лет отсутствовал, жена уходила от его родителей: «молодухи, по уходе их мужей на службу, сейчас же бросают дома их родителей, и отправляются жить туда, где им хочется и больше нравится»²³¹.

Именно снохи часто бывали инициаторами раздела большой семьи, что также является одним из проявлений внутрисемейных конфликтов: «Разлад, особенно в больших семьях, часто вызывается женщинами; каждая женщина старается быть старшей и поэтому по выходе замуж уговаривает своего мужа отделиться, т.е. уйти от родного отца, и редкий муж может устоять против желания жены. Чтобы уйти, нужно иметь причины, и вот сын начинает относиться к отцу с неуважением... и для прекращения неурядиц в семействе, отец выгоняет без всяких средств своего сына с женою, иногда с малыми детьми»²³².

В патриархальной семье, если и случались конфликты, то их урегулированием занимался глава семьи, чье слово было законом для остальных: «Важные семейные дела, ссоры и несогласия между членами семьи старший решал сам»²³³. Однако в конце XIX в. его власти не всегда было достаточно для этого. Приходилось прибегать к помощи полиции, станичного схода или суда. В станице Бороздинской «нередко в семьях происходят раздоры, кончающиеся обыкновенно дракой, за которой следует уже жалоба станичным и другим властям»²³⁴. В станице Терской «редкий отец может распоряжаться своим семейством по своей воле, а больше все предоставляется на усмотрение сыновей; между ними за старшинство происходят часто ссоры, драки, и эти препирательства разрешаются не отцом, а станичной полицией»²³⁵.

Станичные суды рассматривали имущественные споры, хотя в большинстве случаев раздел имущества производился членами семьи самостоятельно, без участия суда.

К станичному суду могла обратиться казачка, муж которой проходил службу далеко от дома. Если она хотела уйти от его родителей, то

требовала вернуть ей скот, который она получила в приданое, а иногда даже и часть имущества своего мужа. Суд обычно полностью или частично удовлетворял ее иск, хотя и не одобрял подобное поведение и даже пытался «пригласить сноху жить вместе с свекрами до возвращения мужа и во всем повиноваться старшим...»²³⁶, но, как правило, безуспешно.

Кроме имущественных споров, станичный суд занимался и другими семейными конфликтами. В него могли обратиться родители, если они были недовольны поведением своих детей. Так, казак станицы Прохладной подал жалобу на своего сына, который «без всяких побудительных причин оставил его с малолетними детьми и ушел из дома, не спросив на то должного позволения, почему просит сделать с него должное взыскание». Сын был недоволен тем, что «отец не справляет жене его необходимой одежды и обуви и вообще жить с отцом он не желает». И в этом случае инициатива раздела семьи исходила от снохи. Станичный суд признал сына виновным «в самовольстве и неповиновении отцу своему» и приговорил к аресту на станичной гауптвахте на трое суток²³⁷. Суд явно был на стороне старшего поколения, и пытался предотвратить распад семьи.

Но тот же самый суд мог наказать и главу семьи за неподобающее поведение. Так, две казачки станицы Прохладной обратились в суд с жалобой на то, что их сосед «постоянно приходит в свой дом в нетрезвом состоянии и производит драку, отчего семейство его уходит из дому в соседние дома». Рассмотрев это дело, суд постановил «на первый раз подвергнуть его штрафу в доход станичных сумм двух рублей с предупреждением, чтобы он на будущее время удерживал бы себя от чрезвычайного употребления горячих напитков»²³⁸. Станичный суд стремился урегулировать семейные конфликты и не допустить их повторения, а потому наказывал тех, кого считал виновниками этих конфликтов.

Среди особенностей казачьего семейного быта можно отметить обычаи, напоминающие кавказские обычаи избегания. Например, казак в присутствии посторонних старался не брать на руки своего ребенка. Но не ясно, был ли этот обычай заимствован непосредственно у народов Кавказа, поскольку избегание в том или ином виде было известно и другим группам казачества. На свадьбах гребенских казаков женщины и мужчины сидели раздельно: женщины в избе, а мужчины в сенях. «При встрече с мужчиной женщина не должна переходить дорогу, а должна остановиться в некотором отдалении, подождать, пока пройдет мужчина. При встрече она первая должна наклонить голову

в знак полной покорности и уважения»²³⁹. Так же вели себя женщины многих народов Кавказа.

У казаков кавказского происхождения (кабардинцев, осетин) обычаи избегания соблюдались столь же строго, как у этих народов в целом. Например, в станице Черноярской, где жили осетины, муж и жена никогда не называли друг друга по имени, жена также не имела права произносить имена родственников мужа. Супруги не появлялись в обществе вместе, отец в присутствии посторонних не обращал внимания на своих детей и т.д.²⁴⁰

Особенности соционормативной культуры терского казачества во многом определяются их социальным статусом, в соответствии с которым они несли военную службу и имели ряд привилегий, что отличало их от крестьян. Терская казачья станица во второй половине XIX в. пользовалась значительной самостоятельностью в организации хозяйственной деятельности казачества. Именно она устанавливала порядок землепользования, имевший в каждой станице свои особенности, определявшиеся как количеством земли, так и спецификой хозяйства. В одних станицах землей пользовались по праву «вольницы» («захвата»), в других ее делили между казакам. Переделу подвергались не только пахотные земли, но и сенокосные участки и даже леса. Правила, по которым делилась земля, устанавливались станичным сходом. Огороды и виноградники были достоянием отдельных семей, передавались по наследству. Но община сохраняла свои права на эту землю, и если хозяин ее не обрабатывал, она переходила к другому.

Кроме того, община могла регулировать севооборот, определять сроки проведения тех или иных работ (сенокоса, вырубki леса), устанавливать правила использования наемного труда, контролировала сдачу станичных земель в аренду. Уравнилельное землепользование, ограничения в применении наемного труда призваны были предотвратить усиление имущественного неравенства казачества, разрушавшего общину. Однако эта цель не была достигнута, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы на злоупотребления станичной администрации и зажиточных казаков.

Семья терского казачества имела много общего с семьей других групп восточнославянского населения Северного Кавказа – средний размер и состав семьи, внутрисемейные отношения, основанные во многом на патриархальных нормах, принципы воспитания детей и др. В то же время у семьи терского казачества были свои особенности, которые в одних станицах были выражены сильнее, в других – слабее. Прежде всего, это более активная роль женщин в хозяйственной деятельности,

в обеспечении материального благосостояния семьи. Отчасти она объяснялась занятостью казаков военной службой, отчасти – распространением в некоторых станицах виноградарства или огородничества, которые являлись преимущественно женскими отраслями хозяйства. В результате женщины в семье казачества многих терских станиц имели более высокий статус, пользовались большим влиянием, чем в русской крестьянской семье.

Обряды жизненного цикла

Обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей

Традиционные обряды, связанные с рождением ребенка, относятся к числу «переходных обрядов», т.е. таких, которые меняют статус человека. Причем обряды, приуроченные к рождению ребенка, являются «вдвойне переходными» или, как отмечал А.К. Байбурин, родильную обрядность можно рассматривать как взаимодействие двух текстов: текста роженицы и текста новорожденного²⁴¹. В результате этих обрядов изменяется и положение отца и матери ребенка – они приобретают статус родителей, и ребенок только после всех необходимых ритуалов начинает считаться человеком и отличаться от нечеловеческих существ.

Поскольку бездетность считалась большим несчастьем, существовало множество обрядов, которые должны были обеспечить рождение детей. В ходе традиционной свадьбы исполнялись ритуалы, призванные наградить молодую семью многочисленным потомством. К числу этих обрядов относятся осыпание молодых зерном и хмелем, битье посуды. Когда родители благословляли молодых, они стояли на шубе, посланной на пол мехом вверх. В такую же шубу была одета мать невесты, когда провожала свою дочь, что также должно было обеспечить богатство и плодovitость. В гребенской станице Червленной молодым к свадьбе дарили трех кукол: «казака в форме, казачку и маленькую куклу, как бы казака-мальчишку». Эти куклы во время свадьбы висели на почетном месте и означали «пожелание молодым счастья и потомства»²⁴².

В станице Слепцовской, если женщина хотела родить мальчика, то она носила сорочку той женщины, у которой было много сыновей, старалась быть крестной детей в семьях, где было много мальчиков, кормить грудью новорожденного мальчика, сидеть на месте женщины, у которой было много сыновей. Если женщина хотела родить девочку, то она отказывалась от мясной пищи, старалась не становиться

крестной в семьях, где было много сыновей, не брала на руки мальчиков, ходила по следам женщин, имеющих много дочерей²⁴³.

Если же женщина не желала иметь детей, то прибегала к другим магическим средствам: пила настой семян «холостой» конопли, спала под деревом, переставшим плодоносить²⁴⁴.

Существовали приметы, позволявшие «определить» пол будущего ребенка. Если женщина тяжело переносила беременность, чувствовала слабость, утомление, сонливость, если ее голос изменялся, то считалось, что она родит мальчика. Если же она легко переносила беременность, цвет лица и голос ее не изменялись, если она чувствовала «полноту» в груди, то должна была родить девочку²⁴⁵.

Казачки старались скрывать беременность. Считалось также, что чем меньше посторонних людей будет знать о родах, тем легче они пройдут²⁴⁶. До самого дня родов женщина продолжала работать дома и даже в поле, бывало, что она там же и рожала. Но чаще роды проходили дома, и роженице помогала *бабушка*-повитуха. Если роды были трудными, то в станице Слепцовской развязывали все узлы на одежде роженицы, расплетали ей косы, зажигали венчальные свечи, отмыкали все замки в доме, открывали печные заслонки, вынимали из ножен кинжал или саблю²⁴⁷. В станице Бороздинской на матицу (балку) вешали «воловод или налыгач, полагая, что это успокаивает боли»²⁴⁸. В станице Червленной в таких случаях молились перед иконами Богородицы Феодоровской и великомученицы Екатерины, зажигали перед ними венчальные свечи, заказывали молебны, а если все это не помогало, просили священника открыть царские двери²⁴⁹.

По особым приметам старались угадать судьбу новорожденного: если он сильно кричит – то в будущем будет плакаться на свою злую долю, если родился с волосами – будет богат, если родился со сжатыми кулачками – то будет скуп, если держит ручки у головы – будет умен и т.д.²⁵⁰ В станице Ардонской новорожденного клали на шубу, «чтобы был богат»²⁵¹.

Станица Слепцовская: «С новорожденным здесь как-то не особенно церемонятся: родившегося ребенка просто закутывают во что-нибудь теплое, и на первое время он поступает в полную власть бабки-повитухи»²⁵². Она же несла новорожденного в церковь «*просить* имя и молитву» для него. После этого назначался день крестин. В некоторых станицах повитуха вела роженицу в баню и там парила ее²⁵³.

На следующий день после рождения ребенка собирались гости. Как правило, это были только женщины-соседки, родственницы. Они приносили подарки ребенку *на зубок* — полотенце, мыло, пеленки и т.п. Отпраздновав, гости расходились по домам. Через несколько дней

после рождения ребенка крестили. Некрещеный ребенок считался особенно уязвимым, поэтому до крещения его старались никому не показывать. Крещеного ребенка, по поверью, охранял ангел.

После крестин собирались родственники, обязательно приходили крестные отец, мать и родители матери ребенка. Устраивали праздничный обед или ужин, крестные делали подарки ребенку и повитухе²⁵⁴. Родственники также приносили подарки. В станице Бороздинской отец новорожденного подносил гостям вино, а потом повитуха – сладкий пирог, который считался здесь необходимой принадлежностью крестин. Гости давали повитухе плату «за пирог», одаривали также и мать новорожденного²⁵⁵.

В станице Наурской богатые казаки приглашали на крестины духовой оркестр, а бедные – гармониста. В любом случае празднование крестин сопровождалось песнями и танцами. В этой станице отец ребенка наряжался в костюм турка и веселил присутствующих²⁵⁶.

Существовало множество различных магических средств, с помощью которых можно было вырастить ребенка здоровым. Некоторые из них, применявшиеся в станице Екатериноградской, были описаны в конце XIX в. Если, например, ребенок был слишком худым, то при купании к нему в корыто сажали кошку, на которую должна была перейти худоба. В случае болезни ребенка его «перепекали» в печи, «заговаривали», купали в отваре трав, «продевали» через дуб и пр. Последняя операция проделывалась следующим образом: ребенка несли в лес. Там раскалывали дуб таким образом, чтобы в отверстие, поддерживаемое клиньями, можно было продеть ребенка. Затем мать передавала его через щель отцу, тот возвращал его, и так до трех раз. После этого с него снимали рубашку и вешали на этом же дубе. В случае грыжи на ребенка пускали мышь, которая должна была укусить его или же это делала «бабка».

После купанья ребенка его дергали, чмокая губами, за нос, укладывая спать – три раза лизали по щеке языком и оплевывали, чтоб предотвратить действие «дурного глаза» и пр.²⁵⁷

В станице Наурской тоже продевали слабого, «худосочного» ребенка через щель в стволе дерева. Затем дерево обмазывали грязью и обвязывали рубашкой ребенка. Если дерево засыхало, то считалось, что ребенок «не жилец»²⁵⁸.

В станице Слепцовской больного ребенка также «перепекали» в печи. Для этого его «сажают на хлебную лопатку, окутывают тонкою пеленою из хлебного теста и помещают в легко вытопленную печь»²⁵⁹. Здесь же к долго болеющему ребенку подпускали живую мышь и давали ей укусить его в плечо. Существовали и другие суеверия: если

ребенок увидит себя в зеркале – будет плохо спать ночью, если наденет на голову решето – перестанет расти, если его приласкает незнакомая старая и некрасивая женщина – он заболеет. Детей старались не хватить, опасаясь сглазить их и т.д.²⁶⁰

В станице Бороздинской, чтобы ребенок не плакал, его «показывали» в трубу или выносили за ворота и приговаривали: «Ворота скрип, а ты возьми младенца крик»²⁶¹.

Для того чтобы успокоить плачущего малыша, в станице Екатериноградской (видимо, и в других станицах) ему давали сосать разжеванные маковые зерна.

Детская колыбель у терских казаков была обычной для восточных славян формы – прямоугольная деревянная рама, обтянутая холстом, которую подвешивали к специально вбитому в потолок кольцу²⁶². В случае, если матери приходилось брать ребенка с собой на полевые работы, иногда делали специальную колыбель и деревянную треногу, чтобы можно было установить ее и повесить колыбель прямо в поле. Одна такая колыбель хранится в музее станицы Александровской.

В XIX в. именно семье принадлежала главная роль в социализации детей. Казачка не могла уделять слишком много времени ребенку, поскольку ее никто не освобождал от домашней работы, от работы на огороде и в поле. Маленькие дети часто оставались на попечении бабушки или старших детей.

В детях с самого раннего возраста воспитывали послушание. Ослушаться отца и мать считалось совершенно невозможным. Дети должны были слушаться и оказывать уважение не только своим родителям, но и всем старшим, особенно старикам. Увидев старика, ребенок должен был издали поздороваться с ним, поклониться ему, снять шапку. Поведение детей контролировали не только их родители, но и все взрослые. Любой из них мог сделать внушение ребенку, рассказать о его проступке родителям. В ходе воспитания детей родители применяли различные наказания, включая и телесные, но они были не единственным и не главным методом воспитания. С раннего детства ребенка учили «Бога бояться». Ему говорили, например, что если он будет плохо учиться, то «Бог накажет, хлеб не уродит». Представление о том, что благополучие всей семьи, а может быть, и всей общины зависит от поведения каждого человека, от соблюдения им всех моральных норм, сохранилось, очевидно, с глубокой древности.

С самого раннего возраста детей учили молитвам²⁶³. В то же время у казачества существовало множество суеверий, и их также передавали детям. Нередко детей запугивали, добываясь от них послушания: «не

кричи – цыган тебя унесет»²⁶⁴ и т.п. Едва ли не основным способом воспитания был пример родителей и старших. Глядя на них, ребенок учился работать, учился вести себя в семье и в обществе.

В казачьей семье XIX в. одним из важнейших качеств, которые стремились воспитать в детях, было трудолюбие. Семья нуждалась в помощи каждого ребенка, и его очень рано начинали приобщать к труду. Уже лет с 8 ребенка брали на полевые работы: дети были погонщиками во время пахоты, боронования, уборки зерновых, молотьбы. Их сажали на лошадей или на волов, привязывали, чтобы они не упали, заставляли петь песни, чтобы не заснули, и дети работали наравне со взрослыми²⁶⁵. Дети постарше выполняли другие работы: убирали коровники и конюшни, рубили и носили дрова и т.п. Раннее приобщение ребенка к труду преследовало не только воспитательные цели. Его помощь действительно была необходима его семье. Посильное участие в труде всех членов крестьянской или казачьей семьи было обязательным условием ее существования. Именно поэтому придавалось такое значение привлечению детей к труду. Так обстояло дело в Западной Европе, точно так же было в России и на Кавказе. Об этом свидетельствуют старожилы, об этом же писали в XIX в. краеведы, изучавшие быт терских казаков: «Ребенок воспитывается в труде и в нем научается искать для себя удовольствий. Отсюда понятно, почему 6–8 летнее дитя любит домашнюю работу и весьма гордится своим участием в работе со взрослыми, 10–12 летний подросток считается уже важной рабочей силой, *подмогой*, а 16-летний парень работает наравне со взрослыми, не желая унижить себя перед ними, особенно перед бабами»²⁶⁶.

Существовали гендерные различия в воспитании. Мальчиков с детства знакомили с мужскими работами, особенно земледельческими, и занимался этим отец: «Отец учит своего сына, как употреблять то или другое сельскохозяйственное орудие; дети применяют слова отца на практике; здесь же они изучают названия сельскохозяйственных орудий и приобретают другие новые понятия...»²⁶⁷.

Девочек их матери с раннего детства приучали к выполнению домашней работы. Уже начиная с 4 лет им могли поручить нянчить младшего брата или сестру, а примерно с 8 лет они должны были «подмести двор, натаскать дров, прибрать в комнате, накормить птицу, загнать скотину, овец и т.д.»²⁶⁸. Чем старше они становилась, тем шире был круг их обязанностей: «От 10–12 лет девочка является уже деятельной помощницей матери: она убирает комнаты, поливает капусту, ездит в поле, жнет, громадит, учится от матери кройке, шитью и стряпне». Понятно поэтому, что «девушки, достигшие 15–16 лет, выполняют пологительно все работы замужней женщины и дома, и вне дома»²⁶⁹.

С раннего детства ребенок проводил много времени в обществе других детей: «целый день он пропадает с другими детьми неизвестно где, и родители спокойны»²⁷⁰. Дети бегали, прыгали, залазили на деревья, учились плавать и ездить верхом. Все это способствовало их физическому развитию, как и разнообразные игры: с мячом, волчком, в лапту, городки (*рюхи* в станице Екатериноградской), горелки, «палку», кувшинчики, платочек, пояс, колечко, селезня, кошки-мышки, в алькики, в чехарду и т.д.

Школьное образование вошло в жизнь казачества в XIX в. В XVIII в. грамотных людей среди казаков было очень мало. Больше грамотных было в «нерегулярной команде» генерал-майора Эльмурзы Черкасского, преобразованной в терско-кизлярское войско. Значительную часть этой команды составляли представители привилегированных слоев общества. Многие из них обучались чтению и письму. Власти даже старались в число «дворян», служивших в этой команде «безграмотных отнюдь никого б не допускать»²⁷¹. Подпись самого Эльмурзы Черкасского под всеми его письмами и другими документами была выполнена в арабской графике, т.е. он был грамотен, но писать по-русски, видимо, не умел. Однако его сыновья Темирбулат и Александр, служившие под его началом, знали и русскую и «татарскую» грамоту. К началу 1771 г. грамотными были 7 из 10 офицеров этого войска, 9 из 14 «дворян», 1 из 6 «мурз», один из 2 сотников и 2 из 4 хорунжих. Оба казачьих есаула этого войска были неграмотными. Оба писаря, естественно, умели читать и писать, а о рядовых казаках сведений нет²⁷². Большинство грамотных этого войска были обучены русской грамоте, но некоторые также и «татарской», а один из дворян (грузинского происхождения) – грузинской.

О «дворянах», служивших в «нерегулярной команде» (будущем терско-кизлярском войске) писали: «...принуждать бы оных дворян чтоб и детей своих не токмо одной грамоте, но и прочим бы наукам обучали»²⁷³. Дети офицеров также получали образование. Сын служившего в этой команде полковника Арсланбека Шейдякова Канбулат «обучился российской и татарской грамоте читать и писать и несколько арифметике»²⁷⁴.

В то же время из 30 «старшин» гребенского войска, кроме войскового дьяка и 5 станичных писарей, которым по должности полагалось быть грамотными, грамоту знал только сотник станицы Шадринской Василий Павлов²⁷⁵. Все остальные, включая и войскового атамана Филиппа Иванова, были неграмотными.

В 40 гг. XIX в. в Кавказском линейном казачьем войске уже существовали полковые училища и станичные школы, но школ было еще очень

мало, примерно одна на 10 станиц²⁷⁶. Во второй половине XIX в. ситуация изменилась. В этот период многие дети учились в школах. Среди учеников было намного больше мальчиков, чем девочек. Считалось, что мужчина должен уметь самостоятельно расписаться, уметь написать письмо домой, когда будет на военной службе. Женщине же образование ни к чему. В станице Галашевской в 1875 г. была школа, в которой училось 25 мальчиков и ни одной девочки, в станице Фельдмаршальской школы не было («и общество по-видимому не чувствует в ней ни малейшей потребности») ²⁷⁷. В 1887 г. в терских станицах было 75 школ, в том числе всего 6 женских²⁷⁸, т.е. школы были практически во всех станицах. В конце XIX в. в станице Червленной из 2762 проживавших там мужчин 1037 были грамотными, а из 2712 женщин – только 85²⁷⁹.

В станичных школах детям преподавали Закон Божий и ряд общеобразовательных предметов: русский язык, арифметику, геометрию, историю, географию, ботанику и зоологию, а также рисование, пение, гимнастику, садоводство. При некоторых школах были школьные сады, где дети работали под руководством учителя. Они учились прививать и обрезать фруктовые деревья²⁸⁰. В школах были также столярные или токарные мастерские, в которых дети осваивали ремесла²⁸¹.

Кроме того, в некоторых станицах были церковно-приходские школы, в которых детей учили только церковно-славянскому чтению и письму. Старообрядцы обычно не отдавали своих детей в станичные школы, считая преподавание в них «еретическим». У них были свои школы, в которых обучали исключительно «славянскому чтению по старопечатным книгам»²⁸². В станице Новогладковской дети казаков-старообрядцев сначала обучались на дому у своих учителей, которые учили их «читать по-церковному и петь духовные песни на старый лад», а затем родители посылали их в обычную «светскую» школу²⁸³.

Учеба в школе продолжалась для большинства детей не более 2–3 лет. Многие из них пропускали занятия. Весной, с началом полевых работ, некоторых детей родители вообще забирали из школы, чтобы они помогли взрослым. Неудивительно, что многим ученикам не удавалось за время учебы в школе даже научиться хорошо читать и писать, из них «получаются только «малограмотные», т.е. умеющие подписать свою фамилию и медленно разбирать печатное; писать же и разбирать писанное не умеют»²⁸⁴. Лишь немногим из детей удавалось полностью пройти курс обучения и получить свидетельство об окончании школы, но все же школьное образование постепенно входило в жизнь все большего числа казаков.

Свадебная обрядность

Условия заключения брака. Молодые казаки и казачки довольно свободно общались между собой. Весной и летом они собирались на улице, в степи, на выгоне (со дня Пасхи), в лесу (с Троицы). Но эта свобода относилась только к молодежи одного и того же «края» станицы. Молодым неженатым казакам небезопасно было даже появляться в чужом *краю* и особенно опасно было ухаживать там за девушками. Это приводило к столкновениям и дракам.

Небольшая группа молодежи одного возраста обычно называлась *гуртом*²⁸⁵, реже хороводом или *карагодом*²⁸⁶. В станице Червленной были отдельные хороводы для подростков и для молодежи²⁸⁷. В станице было несколько хороводов, называвшихся по местам их сбора или по фамилиям девушек, «выдающихся красотой, умеющих петь, плясать или вообще отличающихся какими-нибудь резкими качествами»²⁸⁸. В хороводах могли принимать участие и молодожены на протяжении 1–2 лет после свадьбы. Во многих станицах хороводы начинали собираться на площадях и улицах или даже в лесу весной, после Пасхи. Молодежь проводила время в песнях, танцах. Одним из любимых танцев казаков была лезгинка. Хороводы помогали завязывать «первые отношения между молодыми людьми, ведущие потом к венцу»²⁸⁹. В станице Бороздинской молодежь собиралась в виноградных садах, весной ели молодые виноградные побеги, летом варили кисель из ежевики, осенью – из винограда²⁹⁰.

Зимой подростки и молодежь, начиная лет с 14, собирались на *посиделки, вечеринки или досветки*²⁹¹. В станице Червленной дважды в год – на Пасху и после Вознесения – проводились «собрания» молодежи – те же вечеринки²⁹².

Для организации посиделок «несколько девушек, предварительно сговорившись между собою, собираются ночью в просторную хату какой-нибудь вдовы-бобылки и здесь проводят время до утра»²⁹³. Реже девушки собирались дома у одной из них. На посиделках девушки занимались работой – шили, пряли, вязали. Но потом приходили молодые казаки, и начиналось веселье – песни, игры продолжались до поздней ночи. Здесь же все собравшиеся обычно ужинали и ночевали. Как писал один из жителей станицы Прохладной, «несмотря на то, что девушки и парни вместе проводили целые ночи, в их отношениях строжайшим образом соблюдалась скромность и благопристойность»²⁹⁴. В конце XIX в. в станице Прохладной этот обычай был запрещен станичным сходом, но в других станицах он сохранялся²⁹⁵.

В некоторых станицах проводились «сиденки», т.е. «тайные собрания» двух-трех молодых парочек, на которых они угощались и укладывались спать попарно, «соблюдая возможную тишину и осторожность», чтобы не вызвать скандала²⁹⁶.

С того возраста, когда девушка начинала посещать вечеринки, то есть лет с 14, у нее мог появиться *ухажер* или *кавалер*. В некоторых случаях они встречались на протяжении нескольких лет, но далеко не всегда вступали в брак. Согласно существовавшим тогда нормам приличия, на вечеринках дозволялось обниматься и целоваться, но такие вольности допускались только в молодежной среде. А в присутствии старших молодежь вела себя совершенно иначе. Считалось, что парню и девушке «стыдно» идти вдвоем по улице. Он никогда не приходил домой к ней, она, в свою очередь, обходила далеко стороной его двор. Они явно избегали родителей друг друга.

Молодежь использовала различные способы «привороты»: девушка могла незаметно дать «намеченному лицу что-нибудь выпить или съесть, что предварительно успело побывать в руках знахарки и над чем произнесено возможно большее число заклинаний» или же она перебрасывала к нему во двор «какой-нибудь предмет, который тоже побывал наперед в руках знахарки», или носила при себе «землю, взятую со следов любимого человека, думая, что вследствие этого *он сам будет ходить*» по ее следам²⁹⁷. Когда молодой казак хотел приворожить девушку, он носил «с собою высушенные части животных, большею частью летучей мыши, ежа, лягушки, змеи»²⁹⁸.

В некоторых станицах применяли еще один магический способ, чтобы привлечь любимого или любимую. Для этого надо было убить черепаху, положить ее в муравейник, и когда от нее оставался только скелет, надо было выбрать две косточки, одна из которых напоминала крючок, а другая вилочку. Дотронувшись до человека «крючком», можно было «присушить» его, от чего он начинал болеть («сохнуть») и мог умереть. Прикосновение «вилочкой» исцеляло больного²⁹⁹.

Казачки строго следили за добрачным поведением девушки. Во многих станицах «замеченная в безнравственном проступке девушка уже не могла выйти замуж за казака...». Но даже когда она выходила замуж, ей не удавалось избежать позора. Особенно тяжелыми бывали последствия, если девушка забеременела до брака. Ее могли отказать венчать в церкви, с нее во время свадьбы срывали фату, иногда ее выдавали замуж без свадьбы. Опозорена была не только она, но и вся ее семья, на ее сестрах никто не хотел жениться.

Во многих станицах девушки выходили замуж лет с 16, но чаще всего в 17–18 лет: «как только девушке исполнилось 16 лет, родители

стараятся поскорее выдать ее замуж, опасаясь, чтобы она не засиделась. 20-летняя девушка уже с трудом выходит замуж»³⁰⁰. После 20 лет девушка во многих станицах считалась уже старой девицей (в станице Екатериноградской таких называли *передойками*). Жениться на ней мог только вдовец. В гребенских станицах девушки позже выходили замуж – в 20–25 лет.

Казаки женились обычно с 18, но изредка даже в 17 лет, чтобы скорее привести в дом работницу³⁰¹. Обычно в 21 год, когда казак шел на службу, он был уже женат. Тех, кто долго не женился, в станице Прохладной называли кабардинскими парубками – кабардинцы, в отличие от казаков, женились поздно. Не вступивших в брак людей в большинстве станиц называли убогими.

Особенностью семейного быта гребенских казаков являлся обычай неравных браков, когда невеста была старше жениха. В 1839 г. в станице Червленной было 550 казачьих семей, и в 165 брачных парах жена была старше мужа, в станице Новогладковской таких пар было 39 на 110 казачьих семей, в станице Шадринской – 60 на 196, в станице Курдюковской – 39 на 113 семей и в станице Старогладковской – 50 на 156³⁰².

В конце XIX в. неравные браки в гребенских станицах по-прежнему заключались, и в некоторых случаях разница в возрасте могла быть довольно большой: 24 года невесте и 15 лет или даже меньше – жениху. У других групп терского казачества подобные браки не отмечены. Большая разница в возрасте приводила к непрочности таких браков. Причина неравных браков, возможно, заключалась в особенностях хозяйства гребенских казаков, в той важной роли, которую играла в нем женщина. Семья жениха была заинтересована в том, чтобы как можно раньше взять в свой дом еще одну работницу, а семья невесты стремилась подольше сохранить ее для себя. Но возможно, что гребенские казаки сохранили старый обычай своих предков. В станицах нижнего Терека невеста нередко была на 2–3 года старше жениха³⁰³. В остальных станицах невеста и жених могли быть ровесниками или же кто-то из них был на 2–3 года старше. Случаи, когда муж был намного старше жены, тоже были редкостью, если они и встречались, то обычно при повторных браках.

Существовало много социальных, национальных и религиозных барьеров, препятствовавших заключению брака. Очень редкими были браки между казаками и народами Кавказа. «Казак никогда не выдаст своей дочери за чеченца или чеченец за казака. Жених только хищником достает себе невесту из другой нации...». В годы Кавказской войны бывало, что в станицах оставались сироты, дети горцев. «Здесь они

получили первое воспитание и конечно становились по традициям такими же казаками, как и дети казака. Их происхождение только лишь и сказывалось во внешнем виде, и казак, конечно, не стеснялся жениться на них»³⁰⁴.

Большой редкостью также были браки между православными и старообрядцами. «Женщина или мужчина из староверов, прежде чем сочетаться законным браком с православными, должны отрешиться от своих старых верований. Согласия со стороны родственников они обыкновенно не получают, поэтому и здесь хищение невесты и немедленное венчание решают дело»³⁰⁵. Сектанты не вступали в брак с православными. Казачку не выдавали замуж за иногороднего, казак не женился на иногородней. «Дворянин, чиновник или офицер не выдадут своей дочери за казака; сами же сплошь да и рядом женятся на казачьих дочерях»³⁰⁶.

Браки между казачками и представителями других сословий не только запрещались обычаем, но и ограничивались законодательно. Согласно постановлению Военного совета, утвержденному царем в 1855 г., вдовы линейных казаков и девушки, дочери «зажиточных отцов», могли вступать в брак с «посторонними лицами не иначе как с зачислением мужей их в казачье сословие, навсегда с потомством»³⁰⁷. Разрешение на такой брак должен был дать наказный атаман Кавказского линейного казачьего войска. В 1862 г. было принято постановление «об отмене ограничений выхода в замужество вдов и девиц казаков бывшего Кавказского линейного казачьего войска»³⁰⁸, но долгое время такие браки оставались редкостью.

Когда казачки, все же, выходили замуж не за казаков то чаще всего это был вынужденный шаг. Девушка, имевшая плохую репутацию, не могла выйти замуж за казака³⁰⁹. Но это была не единственная причина неравных браков. Если в казачьей семье не было сыновей, а были только дочери, то одна из них оставалась жить вместе с родителями. Казаки неохотно женились на таких девушках, не желая переходить в дом родителей жены³¹⁰. Вдовам с несколькими маленькими детьми тоже трудно было найти мужей среди казаков³¹¹. Они могли выйти замуж за солдат или унтер-офицеров регулярной армии.

Браки между казаками и крестьянскими девушками тоже были редкостью, хотя и не запрещались законом. Как говорили еще недавно жители станиц, если женился на «мужичке» казак – засмеют³¹².

Хотя до брака молодые люди и девушки свободно общались, встречались и на вечеринках, и на улице, и во время праздников, право выбора жениха или невесты принадлежало родителям, которые далеко не всегда считались с чувствами своих детей. При этом последнее слово

оставалось за отцом. Он мог сказать дочери: «Не за кого ты хочешь, а за кого я отдам». Конечно, не все отцы и особенно матери (если не было в живых отца) отдавали дочерей замуж насильно. Краеведы даже писали, что у казаков станицы Екатериноградской «выбор жениха и невесты почти совершенно свободный»³¹³, но были и совершенно иные примеры. В станице Терской «браки совершаются по воле родителей; жених еще имеет право заявить родителям о нежелании своем вступить в брак с избранною ими невестой, и родители уступают, но положение невесты в этом случае самое жалкое, потому что родители и не спрашивают ее о желании выйти замуж за избранного ей жениха, а выдают насильно, часто до свадьбы изобьют хорошенько, чтобы она не смела отказываться пред людьми»³¹⁴. И в других станицах родители чаще считались с чувствами сына, чем дочери. У казаков станицы Червленной «с одной стороны прежний принцип безапелляционности и святости родительского приговора в данном случае сильно ослабел», но с другой – «принцип «личного начала», как еще слишком новый, не проник вполне в сознание населения»³¹⁵.

Если девушка решалась пойти против воли родителей, то ее мог похитить тот, за кого она хотела выйти замуж. Бывало даже, что невесту похищали накануне или же во время свадьбы³¹⁶. После этого она венчалась с похитителем, а через некоторое время приходила к своим родителям, чтобы помириться с ними. Но иногда родители не прощали непослушную дочь и не отдавали ей приданое³¹⁷.

Когда выбирали невесту, обращали внимание прежде всего на то, как она работает, что умеет делать – именно в качестве работницы она нужна была семье жениха. Но учитывали также имущественное положение и репутацию семьи, из которой брали девушку. Приблизительно те же требования предъявляли родители девушки к жениху и его семье. Кроме того, в каждом конкретном случае принимались в расчет и многие другие обстоятельства. Бывало, например, что девушку отказывались выдавать замуж в большую семью, потому что положение снохи в такой семье было особенно тяжелым.

Наиболее распространенные обряды и обычаи. Многие свадебные обряды и обычаи были общими для всех групп терского казачества (и не только казачества). К числу обязательных компонентов свадебной обрядности относились сватовство, девичник, благословение жениха и невесты их родителями, венчание, приезд жениха за невестой, «выкуп» невесты, перевоз невесты в дом жениха, перевоз приданого, свадебные дары и др.

Сватовство в том или ином виде существовало во всех станицах и селах. Повсеместно родители жениха посылали нескольких сватов в

дом невесты, где и проходили переговоры о предстоящей свадьбе. Те или иные ритуалы скрепляли свадебный договор.

Сватов выбирали родители жениха, обычно из числа своих родственников. В некоторых гребенских станицах это были только женщины³¹⁸, в других – и мужчины, и женщины. Сватами, как правило, становились люди опытные, они обязательно должны были состоять в браке, причем в первом браке – «первой судьбы». Вдовам и вдовцам никогда не поручали сватовство. Очевидно, существовало представление о том, что от выбора сватов зависела будущая судьба молодых. В большинстве станиц родители жениха и он сам не шли в дом невесты, до тех пор пока не получали предварительного согласия на брак.

Сватовство обычно происходило вечером. Придя к родителям девушки, сваты заводили иносказательный разговор. Во многих станицах он начинался с вопроса о продаже телочки или о товаре и купце. Родители девушки, даже если им нравился жених, обычно откладывали ответ на несколько дней. Сваты приходили к ним во второй и третий раз.

Сваты, направляясь в дом девушки, брали с собой хлеб (в гребенских станицах он носил название *сгибень*)³¹⁹. В гребенских станицах, а также в станице Ищерской, сваты приносили «хлеб-соль» только после того, как предварительное согласие на брак было получено³²⁰. В других станицах (Солдатской, Приближной, Прохладной, Ардонской, Терской, Умахан-Юртовской) они брали с собой хлеб сразу³²¹. Родители девушки, если не хотели выдавать ее замуж, то возвращали сватам их хлеб – это означало отказ³²². Если они согласны были выдать ее замуж, то принимали принесенный сватами хлеб³²³. Существовало множество обрядов, скрепляющих договор о предстоящем браке. В одних станицах хлеб ломали³²⁴, в других – разрезали³²⁵, в третьих – «кляли руки» на хлеб³²⁶, но все эти обряды были так или иначе связаны с хлебом.

После сватовства в доме невесты собирались ее подруги и помогали ей шить приданое и подарки для родственников жениха. Такие посиделки, а также вечеринки с песнями и танцами проходили во всех станицах между сватовством и свадьбой. Во многих станицах подруги невесты ночевали у нее. Нередко там же ночевал жених и те из его друзей, которым девушки разрешали остаться.

Между сватовством и свадьбой проводилось еще несколько церемоний, которые носили разные названия – «запой», «рукобитье», «сговор», «лепешки», в ходе которых скреплялся договор о браке, назначалась дата свадьбы и т.д.

Во всех терских станицах к кануну свадьбы был приурочен целый ряд обрядов. Обычно их называют девичником, хотя девушки во многих станицах были не единственными участницами проходивших в

этот день событий. В доме невесты собиралась молодежь, а также многочисленные родственники. После застолья они расходились, оставались только специально приглашенные. В большинстве станиц девичник напоминал вечеринки, проводившиеся в доме невесты едва ли не ежедневно между сватовством и свадьбой, но был более торжественным и многолюдным. Не во всех станицах в этот день проводились обряды, традиционные для девичника, когда мать невесты или ее подруги расплетали ее косу и расчесывали, когда невеста голосила, оплакивая свою волю³²⁷, а собравшиеся девушки пели соответствующие песни.

Обязательным обычаем было благословение жениха и невесты их родителями в день свадьбы. Молодых благословляли иконой и хлебом-солью. В некоторых станицах расстилали шубу вверх мехом, жених и невеста становились на нее, кланялись родителям, целовали хлеб-соль и икону. В станице Наурской невеста при благословении стояла на войлоке, на котором были рассыпаны зерна проса, ячменя или ржи³²⁸. Родительское благословение – это очень старый свадебный обычай, появившийся, видимо, еще в XVII в.³²⁹, когда усилилось влияние официальной религии на свадебную обрядность. Но еще более древним является обычай ставить невесту и жениха на шубу. Он относится к обрядам продуцирующей или карпогонической магии и должен был обеспечить новобрачным богатство и многодетность³³⁰.

Если у невесты или жениха не было в живых отца или матери, то вместо них благословляли крестные. Накануне свадьбы невеста-сирота шла на кладбище и просила родительского благословения. Этот обычай отмечен во многих станицах, в том числе и в гребенских³³¹. В некоторых станицах и жених должен был получить благословение своих умерших родителей³³².

Невеста шла на кладбище накануне или в день свадьбы, иногда один раз накануне, второй раз в день свадьбы, но всегда рано утром или даже ночью. На могиле отца или матери она причитала, просила у них благословения. В станице Солдатской она говорила: «Благослови меня, батенька. Снарядить меня есть кому, а благословить меня некому. Снарядили меня девки красные, благословили меня люди добрые»³³³.

Подруги, сопровождавшие ее, по дороге на кладбище пели. Содержание всех песен сводилось к тому, что невеста просила своих родителей благословить ее, но они не могли этого сделать. Вот, например, песня, записанная в станице Екатериноградской:

*Текет речка, не скользится,
С берегами не сровняется.
Там сидела красна девица*

*Вся Манюшка Ивановна,
Жалобнехонько она плакала,
Жалобней того, что причитывала:
– Уж ты братец мой, брат родимый мой,
Ты возьми узду все невладанную,
Оседлай коня что ни лучшего,
Поезжай-ка ты ко большой церкви,
Ты возьми ключи позлаченные,
Отомкни замки все турецкие,
Приударь-ка ты во большой колокол –
Не придет ли мой родный батюшка
Благословить меня³³⁴.*

Различные варианты этой же песни пели также в Ищерской, Слепцовской, Терской³³⁵, в гребенских³³⁶ и в других станицах³³⁷. Иногда их пели во время свадьбы.

Там, где жили казаки украинского происхождения, например, в станице Прохладной, пели другие песни. В одной из них невеста-сирота просит послать соловья в рай к умершему отцу, а кукушку «на Украиноньку, на свою родыноньку», чтобы позвать оставшихся там родственников и т.д.³³⁸ Но у всех этих песен один смысл – невеста приглашает умерших родителей на свою свадьбу.

В ходе свадьбы невеста меняла свою прическу и головной убор – это был обязательный обычай: в одних станицах он исполнялся в доме невесты, в других – в доме жениха, а в-третьих – в церкви или в часовне, где происходило венчание³³⁹. На невесту надевали головной убор замужней женщины – *сороку* (в гребенских и нижнетерских станицах) или *шлычку* (в других станицах) и платок³⁴⁰.

Еще одним общим для всех терских станиц обычаем было *обыгрывание* участников свадьбы, которым во время предсвадебных обрядов и свадьбы пели *величальные* песни. В гребенских станицах во время предсвадебных обрядов девушки пели песни «сначала в честь жениха и невесты, потом величают по имени и отчеству каждого его товарища и ту девушку, к которой парень, по их догадкам, неравнодушен; это называется «обыгрыванием»³⁴¹. Девушкам за это платили.

В станице Екатериноградской девушки пели *шаферу*:

*А кто у нас холост,
А кто неженатый?
Иван-сударь холостый
И он неженатый³⁴².*

Еще одним обязательным для почти всех станиц свадебным обрядом был ритуальный выкуп невесты женихом или его приближенными. Когда жених и его свита входили в дом невесты, она сидела за столом в переднем углу. Рядом сидел младший брат, реже – сестра или несколько детей, а также дружки – подруги невесты. Брат требовал выкуп – «продавал» сестру³⁴³. После уплаты выкупа жених садился рядом с невестой. В станице Екатериноградской при этом пели:

*Ой братец, братец боярин,
Продал сестрицу задаром,
Не взял за нее сто рублей,
За русу косу – тысячу,
За ум, за разум – счету нет*³⁴⁴.

В других станицах тоже пели подобные песни. Брата невесты в них часто называли не боярином, а татаринном³⁴⁵. Подруги невесты тоже требовали плату. В станице Солдатской они пели: «За косу полтину, за косу полтину, я косу покину»³⁴⁶. В станице Екатериноградской:

*Подарите, подарите.
Нас, девушек, не морите.
Нас, девушек, немножко
Без одной девяносто*³⁴⁷.

Выкуп невесты – один из самых важных обрядов традиционной русской и украинской свадьбы. Известен он и многим другим народам, в том числе народам Кавказа³⁴⁸.

Когда невесту увозили из родительского дома, ее отъезд сопровождался песнями. В станице Приближной, например, пели:

*Съезжала Машенька со двора,
Ой, сломила да березоньку со верха.
«Ой, расти, расти березонька, без верха,
Живи, живи, родной батюшка, без меня,
Без меня да без девичьей красоты.
Остаются мои цветики у тебя,
А кто будет мои цветики поливать
Утреннюю да вечернюю зарю,
Ой, с колодезя да холодной водой?»
Отозвалась да родимая маменька:
«Ой, буду, буду твои цветики поливать
Утреннюю да вечернюю зарю,
Ой, кипучею и горячею слезою»*³⁴⁹.

Эту песню с небольшими изменениями пели при отъезде невесты едва ли не во всех станицах³⁵⁰. В гребенских станицах невеста в песне ломала не березу, а «у грушиньки вершину»³⁵¹.

Общим для всех станиц обычаем был также перевоз или перенос приданого в дом жениха. Приданое обычно состояло из сундука с одеждой и узла с постелью. Мебель в приданое давали очень редко. В разных станицах приданое перевозили в разное время накануне или в первый день свадьбы. Во многих станицах на сундуке сидел маленький брат или сестра невесты и «продавали» приданое. Женщины, приехавшие за приданым, давали им выкуп и увозили приданое к жениху³⁵².

Вовсех станицах невесту в день свадьбы перевозили в дом жениха. Поездка также сопровождалась песнями. В станице Александровской пели:

*Ой во садику-садику,
Во зеленом виноградику.
Соломилась в саду веточка,
Закатилось два яблочка.
Два яблочка, два садовые,
Два садовые медовые
Два наливчастых рассыпчастых
Вдоль по блюдечку катаются,
Ровно сахар, рассыпаются.
И по улице метелица мела,
И по улице соротцу намела.
По тропинушке Иван-сударь идет
За собою коня ворона ведет.
Он за поводы за шелковые,
За уделицы серебряные.
Оборвались шелковые поводы,
Рассыпались серебряные удила³⁵³.*

По приезде в дом жениха молодых встречали его родители (в некоторых станицах только мать или также и родители невесты) с хлебом-солью³⁵⁴. Это был общепринятый обычай как в гребенских, так и во всех других станицах³⁵⁵. При этом молодых осыпали хмелем, конфетами, монетками, орехами. Как правило, это делала мать жениха, реже – его тетка, кума или сваха³⁵⁶. Осыпание – один из древнейших свадебных обрядов, связанных с продуцирующей магией. Это понятно многим жителям терских станиц, которые говорят, что молодых осыпают, «чтобы они богатые были»³⁵⁷.

И еще один общий для всех восточных славян Северного Кавказа обычай – свадебные подарки, которые родственники и гости делали

молодоженам. Подарки в разных станицах были разными, и их вручение сопровождалось различными обрядами, но сам по себе обычай одаривать молодых был обязательным для всех свадеб. Обязательным было также и застолье, которое сопровождало все этапы свадебной обрядности.

Общий сценарий свадьбы был одинаковым для всех станиц, но конкретные обряды в разных станицах не совпадали.

Особенности обрядности гребенских казаков. Можно выделить, как минимум, три варианта свадебной обрядности терского казачества.

К первому относится обрядность гребенских казаков, которая во многом отличалась от обрядов всех остальных жителей Северного Кавказа – как казаков (и терских, и кубанских), так и крестьян. Главным признаком, который отличал обрядность гребенских казаков, можно считать отсутствие свадебного каравая и связанных с ним обрядов. Во всяком случае, несколько подробных описаний гребенской свадьбы конца XIX – начала XX в. не содержит никаких упоминаний о них³⁵⁸. Обрядовый хлеб *сгибень*, как уже говорилось, упоминается только в двух эпизодах свадьбы – при сватовстве и встрече молодых после венчания.

В то же время у других групп терского казачества каравай играл исключительно важную роль в свадебной обрядности. Это относится к станицам, в которых жили потомки донских и волжских казаков, однодворцев, отставных солдат, «малороссийских казаков», русских и украинских крестьян, т.е. ко всем станицам, кроме гребенских.

В некоторых терских станицах каравай пекли и в доме невесты, и в доме жениха, или у невесты пекли *каравай*, а у жениха – *лежень*²⁵⁹. В станицах Змейской и Архонской в доме невесты пекли два каравая, один из которых назывался *паксун*: он стоял на столе перед невестой, когда она плакала и причитала, прощаясь с родным домом³⁶⁰.

Каравай украшали шишками и птичками из теста, калиной, а в станице Александровской – сделанным из теста гнездышком с двумя яйцами и двумя птичками³⁶¹.

Главным украшением каравая была ветка или верхушка дерева, имевшая разные названия – *гільце*, *весілля*³⁶², *девичник*³⁶³, *сосна*³⁶⁴, *квитка*³⁶⁵ и т.д. В некоторых станицах ее обмазывали тестом и запекали, в других – обертывали бумажными лентами, украшали искусственными цветами, конфетами.

При изготовлении каравая соблюдались особые обычаи и приметы. В некоторых станицах, когда пекли каравай, в него вставляли две свечи – одну для невесты, другую для жениха. Чья быстрее растает, тот из молодоженов раньше умрет³⁶⁶. Эта примета существовала и в других регионах, например, на Кубани³⁶⁷.

Во время свадьбы *дружко* разрезал свадебный каравай и раздавал его гостям. Они в ответ должны были одарить новобрачных³⁶⁸. В станице Александровской сват вносил каравай, который из дома невесты перевозили в дом жениха, и говорил: «Люди добрые, разрешите этот хлеб на весь мир разделить». Он повторял это трижды, затем каравай и лежень резали на кусочки и говорили: «Люди добрые, хлеб-соль примите, молодых одарите». Подносили каждой паре гостей по кусочку каравая и по кусочку лежня, те в ответ одаривали молодых³⁶⁹.

Разрезание и раздача свадебного каравая – кульминационный момент свадьбы. Подарки в свадебной обрядности, как и в других обрядах «перехода» – это ритуал соединения, включения новобрачных в сообщество взрослых, состоящих в браке людей: «принять от какого-либо человека подарок, значит связать себя с ним»³⁷⁰. Такой же смысл имеет и совместная трапеза, являющаяся обязательной частью свадьбы.

Обычай печь свадебный каравай и украшать деревце или ветку – характерный признак южнорусско-украинско-белорусского варианта восточнославянской свадьбы, но известен он не только восточным, но также западным и южным славянам – полякам, словакам, болгарам³⁷¹.

У гребенских казаков важное место в свадебной обрядности гребенских казаков отводилось «лепешкам» (пирогам с различными начинками). После сватовства «до самого венчания мать жениха каждую субботу носит в дом невесты либо пирог, либо лепешку и непременно графин чихиря»³⁷². В других терских станицах, насколько известно, это не было принято, но похожий обычай существовал в некоторых других регионах России, например, в Тульской губернии³⁷³.

В предсвадебной обрядности гребенских казаков один из дней носил название «лепешки». Родственники жениха отправлялись в дом невесты и несли туда «лепешки» с различными начинками, вино и т.д. Там они одаривали невесту. Затем родственники невесты шли в дом жениха и преподносили подарки ему³⁷⁴. В других станицах ни такого названия, ни таких обрядов не существовало.

В день свадьбы гребенские казаки подавали на стол до 40 пирогов с различными начинками, причем выносили их в определенной последовательности. Когда появлялись пироги с «римчиком» (молочный продукт, напоминающий творог), гости начинали одаривать молодых³⁷⁵, то есть в обрядности гребенских казаков пироги отчасти заменяли каравай.

В других станицах и селах во время свадебного застолья тоже могли подавать пироги, но им не придавали большого значения, они не играли особой роли в обрядах. Свадебные пироги как обрядовая пища – скорее севернорусский обычай³⁷⁶.

Еще одна особенность ритуальной пищи гребенских казаков – у них «вяленый на солнце сазан от глубокой старины составляет неотъемлемую принадлежность каждой свадьбы»³⁷⁷. В других терских станицах рыба не входила в состав обязательной свадебной пищи.

Свадебное застолье гребенских казаков имело и другие особенности. Мужчины и женщины у них размещались раздельно: первые в сенях, а вторые в избе³⁷⁸. Возможно, что это результат влияния кавказских народов, у которых существует аналогичный порядок, но может быть, это сохранившийся у гребенцов старинный русский обычай³⁷⁹.

У гребенских казаков существовал еще один обычай, которого не было в других станицах. За неделю до свадьбы «с распущенными косами, без платка, невеста на подушках, обыкновенно на нарах, садится в видный угол, из которого она в течение семи дней не может выходить; она не должна ничего делать, ибо никакие дела ей на ум не идут, и только в горьких слезах под подобранные к этому случаю песни подруг, она оплакивает свою девичью волю»³⁸⁰. Как справедливо отмечала Н.Н. Великая, этот обычай сближает свадьбу гребенских казаков с северно-русской свадьбой³⁸¹. Для других групп восточнославянского населения Северного Кавказа он не очень характерен. Причитания невесты у них чаще всего были приурочены к девичнику или к первому дню свадьбы. Если невеста иногда и причитала на посиделках, то, во всяком случае, не целыми днями, и запрета покидать угол не существовало.

Если во всех станицах и селах молодых во время свадьбы одаривали их родственники, то в гребенских станицах это делали дважды: один раз после сватовства, но перед свадьбой, во время «лепешек», второй раз – непосредственно на свадьбе³⁸². В других станицах и селах гости ограничивались подарками только в день свадьбы.

В гребенских станицах *дружко* на руках выносил невесту из ее дома, а также «когда невесту привезут к венцу, дружко берет ее на руки (нарочно выбирается рослый и дюжий) и несет так до дверей церкви. То же – по окончании брака... перед аналоем жених *по-русски* разбивает каблуком стакан, из которого пил с невестою»³⁸³. Это тоже особенность гребенской свадьбы.

Различалась и женская свадебная одежда. В большинстве терских станиц уже в начале XX в. невеста надевала белое или светлое (голубое, розовое или кремовое) подвенечное платье (или юбку с кофточкой), а на голову – веночек из белых восковых цветочков и фату³⁸⁴. Свадебным убором гребенских казачек был шитый жемчугом венец³⁸⁵. Такой же девичий головной убор встречался в некоторых губерниях центра и севера России, Поволжья³⁸⁶. Этот головной убор сочетался у гребенских

казаков с «бешметом», напоминающим одежду народов Кавказа. Впрочем, гребенские казачки в начале XX в. помнили, что еще их матери венчались в парчовых сарафанах³⁸⁷, что сближает гребенских казаков с жителями многих регионов России.

У гребенских казаков невесту перевозили в дом жениха на арбе³⁸⁸, явно заимствованной у народов Кавказа. В других же терских станицах арба не являлась средством передвижения ни в повседневной жизни, ни в свадебной обрядности. Там невесту везли на телеге, на тачанке, бричке и т.п.³⁸⁹

Еще одна особенность свадьбы гребенских казаков заключалась в том, что у них ритуальная враждебность стороны невесты и жениха была выражена значительно слабее, чем в других станицах. У гребенских казаков, когда жених приезжал за невестой, то на крыльце дома его встречал отец невесты с вином и после угощения приглашал жениха войти в дом³⁹⁰. В других же станицах, кроме гребенских, ворота дома невесты были закрыты, и их охраняли ее родственники, вооруженные кольями и палками или даже ружьями. Здесь уже сторона жениха должна была угощать их или прорываться во двор силой³⁹¹.

Также в гребенских станицах не были записаны *корильные* песни, которых в других станицах было очень много. Например, жители станицы Александровской встречали жениха и его свиту песней:

*Нежданные гости,
Зачем приехали?
Кабы мы вас ждали,
Ковры расстилали.
Ковры шелковые –
Бояры скупые*³⁹².

Подобные песни известны были и в других станицах, например, Екатериноградской, Наурской³⁹³. В станице Приближной пели:

*А у вашей свашки
Четыре рубашки.
Они все худые,
Они все чужие*³⁹⁴.

В станице Прохладной:

*...А в нашего свата
Соломенна хата,
Ворота плетяны,
Дружечки не пьяны*³⁹⁵.

В станице Екатериноградской:

*...Не тебе, дружко, дружковаты,
Тебе свиной пасты
С длиною ломакой,
С рябою собакой³⁹⁶.*

В гребенских станицах подобные песни не записаны. В то же время некоторые песни гребенских казаков не были известны в других станицах. Обращает на себя внимание песня – жалоба невесты на то, что ее выдали замуж за ребенка³⁹⁷. У других групп терского казачества подобные песни не зафиксированы, как не отмечен у них и сам обычай таких неравных браков.

Все вышеперечисленные особенности позволяют выделить свадебную обрядность гребенских станиц в отдельный тип.

Украинская обрядность в терских станицах. Помимо гребенского существовали еще не менее двух разных вариантов свадебной обрядности терского казачества. Один из них имел распространение в тех станицах, в которых жили потомки украинских переселенцев. Второй вариант свадьбы был характерен для всех станиц, в которых казаки были преимущественно русскими (потомками волжских и донских казаков, крестьян, отставных солдат, однодворцев).

Эти два варианта свадебной обрядности во многом различались между собой. В первом из них украинской была вся терминология: название самой свадьбы (*весілля*) и отдельных обрядов, свадебных чинов, свадебного дерева (*гілице*), сватов (*старосты*)³⁹⁸. Свадебные песни были украинскими. В станицах с русским населением свадебная терминология и фольклор были русскими.

У украинских по происхождению казаков (например, в станице Прохладной) важное место среди свадебных чинов принадлежало *світилке* – сестре или другой родственнице жениха, которая несла свечу во главе свадебной процессии. В других терских станицах подобного персонажа не было. Он типичен именно для украинской свадьбы.

В большинстве украинских станиц жених и невеста после венчания возвращались каждый к себе домой, и только потом жених приезжал за невестой. Или жених и невеста после венчания ехали к жениху домой, но после свадебного обеда невеста возвращалась в дом своих родителей, и только вечером жених приезжал за ней. Свадьба как бы начиналась заново³⁹⁹. Головной убор невесты меняли на женский в доме ее родителей, а нередко там же раздавали и свадебный каравай или шишки. Такой порядок исполнения свадебных обрядов считается

типологическим признаком южнорусско-украинско-белорусского под-
типа восточнославянской свадьбы⁴⁰⁰.

В большинстве станиц жених вначале отправлялся за невестой, потом они вместе ехали в церковь, а оттуда – к нему домой. Невеста оставалась в доме жениха, здесь же (либо еще в церкви) ей меняли прическу и головной убор, здесь и раздавали каравай⁴⁰¹. Такой порядок считается типологическим признаком северо-среднерусской свадьбы, но он имел распространение также и в станицах донских казаков.

В украинских станицах накануне свадьбы жених и невеста, празднично одетые, отправлялись приглашать гостей⁴⁰². В станицах и селах с преобладанием русского населения такого обычая не было. Он тоже характерен для украинской свадьбы.

Свадебные обряды терских казаков украинского происхождения имели значительно больше общего с обрядами кубанских (бывших черноморских) казаков и украинских крестьян, чем с обрядами других терских станиц.

Украинский язык, фольклор и обряды оказывали влияние на русские и наоборот. Со временем во многих украинских селах и станицах вышли из употребления некоторые украинские термины, относившиеся к свадьбе (например, *весілля*), изменилась последовательность проведения свадебных обрядов: она стала такой же, как в русских селах и станицах. Многие свадебные обряды и песни, как русские, так и украинские, были забыты. Свадебная обрядность упрощалась и сокращалась, различия между отдельными селами и станицами становились все менее заметными. Постепенно все группы восточнославянского населения региона сближались, границы между ними стирались.

Особенности обрядности отдельных станиц и групп казачества. Часть свадебных обычаев существовала только в некоторых терских станицах, в других же их не было. Это относится, например, к предсвадебной бане невесты. В станице Екатериноградской накануне свадьбы подружки невесты топили баню, потом отправлялись к жениху, несли ему и его родителям подарки от невесты: свекру вышитый кисет, свекрови платок, жениху рубаху, связку бубликов. Жених передавал с ними подарки для невесты – мыло, полотенце, одеколон. Девушки возвращались к невесте, шли вместе с нею в баню, пели:

*Растопися, наша банюшка,
Разгорися, наша каменная,
Ты попарь красных девушек,
Красных девушек-молодушек.
А еще что невеста хороша.*

*Без белила все белехонька,
Без румяны румянехонька*⁴⁰³.

В станице Приближной тоже устраивали предсвадебную баню⁴⁰⁴. Так же, как в Екатериноградской, девушки несли подарки жениху: карманы для свекрови, кисет для свекра. Подарки подвешивали к длинной палке, но никаких песен, сопровождавших банный обряд, жители Приближной не помнят. Предсвадебная баня невесты существовала и в других станицах и сопровождалась похожими песнями. А в некоторых станицах молодых водили в баню и после брачной ночи, но это бывало реже⁴⁰⁵. Однако в большинстве терских станиц посещение бани не относилось к числу свадебных обычаев. Этот обычай не существовал ни в гребенских, ни во многих других станицах.

В некоторых станицах, например, в Екатериноградской, в начале XX в. свадьба заканчивалась *тушением огня*. Гости собирались у родителей невесты, разжигали костер из соломы и прыгали через него до тех пор, пока солома не сгорала. Потом они шли к жениху и делали там то же самое⁴⁰⁶.

Подобный обычай существовал и в станице Приближной. Здесь гости перепрыгивали через костер, разложенный на улице рядом с двором жениха (овин жгли) и получали по стаканчику вина и по кусочку лежня⁴⁰⁷.

В станице Терской «овин жгли», когда свадьба подходила к концу. Посреди улицы складывали солому, камыш и т.п. и поджигали. Молодежь прыгала через костер⁴⁰⁸.

Некоторые обычаи, завершающие свадебный цикл, тоже существовали только в отдельных станицах. В станице Прохладной через неделю после свадьбы жених и его родственники шли к теще *на калачи*⁴⁰⁹. В станице Приближной через две недели после свадьбы устраивали *отводы* – родственники жениха шли к родителям невесты, благодарили их⁴¹⁰.

Похоронно-поминальная обрядность

Похоронная обрядность была значительно беднее свадебной. Смерть предвещали различные приметы и сны. Например, считалось, что строить во сне дом или видеть мокрое белье, или потерять во сне зуб – к смерти⁴¹¹, что видеть во сне, как уходит или уезжает кто-нибудь из близких – к его смерти. Если чудился звон церковного колокола или слышалась кукушка – это тоже считалось предзнаменованием чьей-то кончины. Когда курица кричит по-петушиному или воеет собака –

к смерти⁴¹². Если в доме чувствовался запах ладана, хотя в действительности его там не было – это тоже предвещало смерть⁴¹³. Если срывалась со стены и падала на пол икона, это было предзнаменованием смерти хозяина дома⁴¹⁴. Если мыши прогрызли одежду – кто-то умрет. Если тело умершего не окоченело, или если у него открыты глаза, или если гроб слишком длинный для него, или если гроб не успели сделать в течение одного дня – в доме будет еще один покойник⁴¹⁵.

В станице Бороздинской, когда начиналась агония, больному давали в руки зажженную свечу и начинали «голосить». Похороны обычно проходили на второй или третий день после смерти⁴¹⁶.

Похоронные обряды зависели от возраста, пола, имущественного положения, религиозной принадлежности. «Умерших маленьких детей хоронят как-то незаметно: поплачет немного мать, затем возьмут гробик, обитый цветным коленкором, и тихонько снесут в церковь, а оттуда торопливо на кладбище»⁴¹⁷. В случае смерти ребенка на поминки приглашали детей⁴¹⁸.

Если умирала молодая девушка, то ее одевали, как невесту, в белое платье, фату. Умершего молодого казака хоронили в черкеске. Это остаток так называемых похорон-свадьбы, распространенных у восточных славян, особенно у украинцев, и связанных с представлением о том, что на «том свете» умершие обязательно должны были иметь мужа или жену⁴¹⁹.

До похорон покойный лежал в гробу, на лавке, головой к иконам. Над ним читали Евангелие. Подставкой для книги в некоторых станицах служило положенное на стол сито, накрытое платком. Платок потом дарили чтице. На столике под иконами стояла свеча и *кутья* (*канун*). Кутью несли на кладбище и там раздавали. Гроб несли на полотенцах в церковь, там служили обедню, потом шли на кладбище. В станице Наурской, если умирала женщина, то гроб несли женщины, если мужчина – мужчины⁴²⁰. Шествие сопровождалось громким плачем, го- лосили все родственницы умершего.

После похорон устраивали поминальный обед. Обязательным блюдом был *канун*. В гребенских станицах эти поминки назывались «горячим столом». Поминки устраивали также на 9-й, 40-й день, через полгода, через год после смерти. До 40 дней в доме умершего горела лампада, считалось, что душа его еще на земле. Рядом с лампадой стоял стакан с водой, поверх лежали свечи крест-накрест. Говорили, что душа пьет воду. Через 40 дней оставшуюся воду выливали на кладбище. Считалось, что с этого дня душа умершего была уже на небе.

Все 40 дней после смерти покойного «отчитывали» в церкви, обедни служили также в те дни, когда устраивали поминки. Во второй половине

XIX в. умершего поминали едва ли не все жители его станицы. «Не говоря уже о расходах на самые похороны и необходимый обед для принимающих участие в похоронах, в день похорон делается обед для всех дармоедов станицы, для чего режут какое-нибудь крупное животное: быка, корову, кабана, овцу и т.п. Такой же обед делается на третий день, затем на девятый день, потом по прошествии 6 недель и, наконец, справляют годовщину»⁴²¹. Так проходили поминки в станице Прохладной, но приблизительно такими же они были и в других селах.

В гребенских станицах на поминальном столе стояли: «кутья пшеничная, кисель с сытой из меда пчелиного, виноградного или арбузного, щи с мясом (в постные же дни с конопляным маслом), с бураками и бобами, несколько сортов пирогов, начиненных капустою с мясом, тыквой, рисом и пшеном (просо) с сыром и другие, сладкий пирог с сушеным виноградом, яблоками и грушами, перелитыми пчелиным медом; чихирь на поминках льется рекой»⁴²².

Умерших поминали также на кладбищах в определенные дни. Через неделю после Пасхи была поминальная суббота, затем – так называемые *проводы*, или *родительская*, для которых в каждой станице, на каждом кладбище был установлен определенный день, когда там проходила церковная служба. Говорили, что умершие невидимыми стояли на кладбище со дня Пасхи до дня *проводов* в ожидании своих родственников. Если же за это время к ним никто не приходил, то они с плачем удалялись до следующего года. На кладбищах покойных поминали прямо на их могилах, часть еды (яйца, конфеты и т.п.) оставляли там же. Кроме Пасхи, на кладбища приходили и в другие праздники. Например, на Спас туда приносили освященные яблоки и оставляли их, особенно на могилах детей.

В станице Наурской в родительские субботы (на Фоминой неделе после Пасхи, перед Троицей и в Покровскую субботу) устраивали на кладбище общие поминки умерших. Здесь же проходила панихида⁴²³.

В станице Бороздинской на Фоминой неделе после Пасхи казаки отправлялись на кладбище, где служили панихиду, После этого там же съедали принесенный с собой обед⁴²⁴.

В гребенских станицах умерших поминали дважды в год: в день смерти и в день рождения⁴²⁵.

Календарные обряды

Рождество. Календарная обрядность терского казачества до настоящего времени остается недостаточно изученной, хотя несколько

небольших работ на эту тему было опубликовано. Как наиболее полную и обстоятельную можно отметить статью Е.М. Белецкой, Н.Н. Великой и В.Б. Виноградова. Она основана, главным образом, на полевых материалах, собранных авторами в гребенских станицах⁴²⁶.

Почти все календарные обряды были приурочены к датам религиозных праздников, которых было очень много. Важнейшими являлись Рождество, Новый год, Крещение, Масленица, Благовещение, Пасха, Троица и некоторые другие. О датах остальных праздников казаки узнавали в церкви. Праздничными днями считались воскресенья и многочисленные дни святых. В праздники нельзя было работать. Даже весной или летом, в разгар сельскохозяйственных работ, каждую субботу вечером, по удару церковного колокола, всякая работа прекращалась и возобновлялась только в понедельник.

Первые обряды, связанные с Рождеством, начинались накануне этого дня, когда готовили кутью из риса с медом или сахаром и с изюмом, но иногда из толченой пшеницы⁴²⁷. Вечером во многих станицах дети носили кутью – *вечерю* – своим родственникам, крестным, соседям. Их за это одаривали конфетами, орехами, яблоками. Крестные могли подарить рубашку, ткань на платье и т.п.⁴²⁸ В станице Екатериноградской вечерю носили только «хохлы», но не носили другие жители – это, видимо, украинский обычай⁴²⁹.

В этот вечер в станицах Александровской и Пришибской «кликали Мороза». Этот обычай был широко распространен у восточных славян. Перед ужином хозяин дома говорил: «Мороз, Мороз, иди до нас кутью ешь. Да не морозь наших телят, гусят, ягнят»⁴³⁰.

У терских казаков повсеместно на Рождество *Христа славили*, или *рождествовали*. Занимались этим чаще всего мальчишки от 8 до 15 лет, реже взрослые мужчины, еще реже мальчишки и девочки вместе. *Рождествовать* начинали рано утром или даже ночью, после полуночи. Группы из нескольких человек обходили дом за домом. Их повсюду пускали, они заходили в хату, пели тропарь «Рождество твое, Христе, Боже наш...». Приход группы *христославищиков* со звездой и песни, которые они исполняли, должны были напомнить хозяевам дома о рождении Христа, о звезде, которая возвестила царям-волхвам об этом и привела их в Вифлеем, о подарках, которые они принесли Христу. После исполнения песен хозяева одаряли детей конфетами, яблоками, орехами, калачами, деньгами⁴³¹. Если *рождествовали* взрослые, им могли поднести по стаканчику водки или вина, давали сало, колбасу, пирожки. Они потом продавали продукты, деньги делили. В некоторых станицах дети клеили из цветной бумаги большую звезду. Основой для нее иногда служило сито. Внутри звезды помещали свечу⁴³².

В каждом станице *рождествовало* обычно несколько групп, уходила одна, через некоторое время приходила другая. В станице Наурской к зажиточным казакам приходил с поздравлениями церковный хор⁴³³. В станице Екатериноградской, когда приходила первая группа мальчиков, хозяева расстилали шубу и сажали детей на нее – «чтобы куры лучше неслись»⁴³⁴. В станице Наурской детей рассаживали на пороге – «чтобы куры водились»⁴³⁵.

Вечером на Рождество девочки и девушки, реже взрослые женщины, шли колядовать. Они собирались небольшими группами, отдельно девушки, отдельно женщины. В некоторых станицах девушки, когда ходили колядовать, наряжались (ст. Ищерская, Прохладная, Наурская) цыганками, «малоросками», «джигитами», казаками (надевали штаны, черкеску), среди ряженных были также кузнец и «смерть с косой»⁴³⁶. В других станицах для колядования не рядились, надевали праздничную одежду. Колядовали в доме или во дворе, часто под окнами. Колядками называли песни религиозного содержания – «о дивном рождении» Христа. Во многих селах в этот день пели также и о распятии Христа. В песнях выражено народное представление об этих событиях, не всегда совпадающее с ортодоксальными христианскими взглядами.

Но были у терских казаков и колядки нерелигиозного содержания. Как считал В.И. Чичеров, «в составе русских колядок обнаруживаются только реалистическо-бытовые сюжеты», тогда как у других славянских народов, в том числе и украинцев, в рождественских и новогодних песнях нередко встречаются «христианско-религиозные образы»⁴³⁷. Одна из русских колядок была записана в станице Екатериноградской:

*Коляда, коляда,
Пришла коляда
Накануне Рождества.
Мы ходили, мы искали
Коляду святую,
Нашли коляду
У Петрова двора.
Петров-то двор —
Золотой тын*⁴³⁸.

Она почти дословно повторяет первую часть песни, которая была опубликована еще в 1838 г. и являлась, по мнению В.И. Чичерова, характерным типом русской величальной колядки⁴³⁹. В XIX в. подобные колядки бытовали в различных регионах России (в Новгородской, Псковской, Ярославской и др. губерниях)⁴⁴⁰.

Другая, не менее характерная русская обрядовая песня была отмечена в начале XX в. в станице Наурской, где во время святок ряженые пели «под окнами разные стишки языческого происхождения» и получали от хозяев вознаграждение. За ними бегали дети, «немилосердно крича: «Ой, Овсенька! / Скакал, скакал козлик...»»⁴⁴¹. Похожая по содержанию детская колядка была записана во Владимирской губернии⁴⁴². Подобные песни имели распространение и в других губерниях, но только в Центральной России и в Поволжье. «Овсень» не был известен ни на севере России, ни на Украине⁴⁴³, но являлся наиболее известной среднерусской рождественской или новогодней песней.

Содержание некоторых терских колядок сводилось к требованию вознаграждения. Одна из таких колядок станицы Прохладной:

*А я маленький мальчик,
Сел на столбик,
В дудочку играю,
Христа забавляю.
Открывайте сундучки,
Подавайте пяточки*⁴⁴⁴.

Так же пели и в станице Наурской, и в гребенских станицах⁴⁴⁵. Еще один пример подобной колядки ст. Екатериноградской:

*Колядин, колядин,
Я у батюшки один.
Дай мне маленький пирожок.
Пирожка мало –
Кусок сала*⁴⁴⁶.

В аналогичной колядке станицы Пришибской содержалась угроза увести быка, если не дадут пирожка⁴⁴⁷.

Хозяева дома давали колядующим деньги и различные продукты – хлеб, сало, колбасу, пирожки, пряники, конфеты и т.п. Одна из девушек несла мешок, в который складывала полученные продукты, потом их продавали, деньги делили. Иногда на второй день после Рождества девушки собирались, устраивали складчину, веселились.

В станице Пришибской, кроме того, исполняли на Рождество специальную сценку – «Пастушка». Исполнителями были два мальчика или две девочки – «пастушок» и «царь». Иногда они были одеты в обычную одежду, иногда «царь» надевал на голову бумажную корону, «пастушок» был в шапке, с палкой в руках, с сумкой через плечо. «Царь» проходил в комнату в святой угол, «пастушок» оставался у дверей,

они вели между собой диалог в стихах. «Пастушок» рассказывал, как ночью, когда его товарищи спали, а он стерег овец, прилетел ангел и сказал ему:

*– Не бойся, пастушок,
Бери свой посошок,
Товарищей буди
И в Вифлеем идите.*

Звезда привела их к Иосифу, деве Марии и младенцу Христу. В конце концов «царь» и «пастух» решали вместе помолиться Богу и пели «Рождество твое...»⁴⁴⁸. Эта сценка, видимо, имеет книжное происхождение.

Новый год. Накануне этого праздника, в «щедрый вечер», женщины, девушки, дети во всех станицах шли щедровать. Так же как в Рождественский вечер, они обходили дворы, пели щедровки, которые мало чем отличались от колядок, получали такое же вознаграждение.

Щедровать перед Новым годом – это, скорее украинский, чем русский обычай⁴⁴⁹. Точнее говоря, у украинцев, в отличие от русских, существовали особые песни – щедровки – сопровождавшие этот обряд. «В большинстве местностей русское население не разделяло песен соответственно их названиям по праздникам (к Рождеству, к Новому году, к Крещению); это отличает восприятие русскими своей новогодней поэзии от восприятия ее, например, украинцами, у которых колядка определяется как рождественская песнь, щедровка как новогодняя»⁴⁵⁰. На Тереке щедровки были известны не только в тех станицах, где жили выходцы с Украины, но и там, где большинство населения составляли русские, например, в станице Бороздинской и в станице Наурской, жители которых являлись потомками донских и волжских казаков⁴⁵¹. Но в станице Екатериноградской со смешанным населением щедровали только «хохлы».

В большинстве щедровок речь идет о Христе. Пример – щедровка из станицы Котляревской («Как сел Сус Христос да и вечерять»)⁴⁵². Но в отличие от колядок они часто имели припев:

*Щедрый вечер,
Добрый вечер,
Добрым людям
На здоровье*

Другие короткие щедровки сводились к требованию вознаграждения:

*Щедрик-ведрик
Дайте вареник...⁴⁵³.*

Они совпадают с щедровками, записанными на Украине⁴⁵⁴, откуда, видимо, и были занесены на Кавказ.

Еще один новогодний обряд также исполняли во многих, если не во всех, терских станицах. Ранним утром 1-го января группы мальчиков, реже взрослых мужчин, ходили «посевать». Они приносили с собой в карманах или в холщовой сумке зерно: пшеницу, кукурузу, подсолнух, просо. Со словами «Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю» они разбрасывали это зерно. Хозяева одаривали их. В.И. Чичеров отмечал «нехарактерность для русских обряда новогоднего засева», в то время как у украинцев он встречался часто⁴⁵⁵. Этот обряд имел распространение во многих терских станицах, включая и те, в которых казачество было преимущественно русским по происхождению (в станицах гребенских казаков, в станицах Котляревской, Александровской и других).

В станице Котляревской пели:

*А в поли, в поли
Сам господь ходил,
Деву Марию за руки водил.
Дева Мария Бога просила:
«Зароди, Боже, жито, пшеницу
Без куколя, без метлицы,
Чтобы были белые паляницы».*

Затем говорили: «Здравствуйте, с праздничком, с Новым годом, с новым счастьем, хозяйин с хозяйошкой»⁴⁵⁶. В станице Александровской пели иную песню:

*В поле, поле
Сам Господь ходит,
Ходит Илья
На Василя,
Носит пужку жительную,
Куда ни махнет –
Все жито растет,
И сюда махнет –
Пшеница растет.*

При этих словах «посевали» – разбрасывали зерно, потом пели дальше:

*Заряди, Боже,
Жито, пшеницу,
Всякую пшеницу.
С Новым годом,
С новым счастьем!*⁴⁵⁷

Илья, о котором идет речь, это, очевидно, Илья-пророк, ходит он «на Василя», т.е. в день святого Василия, иначе говоря, в первый день нового года. Что такое «пужка», которую носит Илья, информаторы не могут объяснить, но судя по всему, это уменьшительная форма слова «пуга», что значит, бич, кнут. Это слово употреблялось в южнорусских говорах, а также в украинском языке⁴⁵⁸. Таким образом, в песне говорится о том, что в первый день года Илья-пророк ходит по полю и машет кнутом. Там, где он машет, растет жито, пшеница.

В станице Пришибской исполнялись обе эти «засевалки», в некоторых вариантах их объединяли в одну песню. В отличие от Котляревской и Александровской станиц в Пришибской пели по-украински – жители этой станицы вели происхождение от «малороссийских казаков»⁴⁵⁹. Очень похожие «засевалки» были известны на Украине⁴⁶⁰, но имели распространение и среди русских⁴⁶¹. Записаны они и на Кубани.

В станице Екатериноградской «засевалка» начиналась словами «Се ликую, великую...». В ней говорилось о рождении Христа в Вифлееме, т.е. по своему содержанию она ближе к колядкам и первоначально, видимо, исполнялась на Рождество. Похожую песню и тоже на Новый год пели в гребенских станицах⁴⁶².

В некоторых станицах перед новым годом наряду с щедровками пели песню о Маланке (Мыланке). Канун Нового года совпал с днем преподобной Мелании, а первый день нового года – с праздником святого Василия, поэтому обычными персонажами предновогодних песен были Васыль и Маланка.

Эта песня также была распространена на Украине⁴⁶³ и на Кавказ попала вместе с украинскими переселенцами. Причем, если в станице Пришибской эту песню и пели по-украински⁴⁶⁴, то в Старогладковской и Червленной, старых гребенских станицах, где в середине XIX в. рядом с гребенскими казаками поселились выходцы с Украины, был записан русский вариант этой песни⁴⁶⁵. На Украине песни о Маланке были частью новогоднего обряда с определенным сюжетом и составом действующих лиц, с особыми костюмами и масками. У терских казаков ничего этого не было, у них осталась только песня.

Крещение. Святки были излюбленным временем для гадания, что также нельзя считать случайностью, поскольку, как полагают, «истоки

большинства форм гаданий восходят к установлению контактов с душами умерших, способных предсказывать будущее...»⁴⁶⁶. Гадали иногда в ночь перед Новым годом, но чаще – перед Крещением. Гадали обычно девушки, и основной темой гаданий было предстоящее замужество. Способы гадания в большинстве своем были такими же, как и во многих других местах. Например, бросали за ворота башмак: куда он упадет, в той стороне «судьба», туда девушка выйдет замуж. Если он упадет носком к воротам, то она замуж не выйдет. Или в 12 часов ночи приносили в дом петуха, ставили перед ним блюдо с водой, с зерном и зеркало. Если он подходил к воде, это значит, что муж будет пьяницей, если к зерну – работающий, если к зеркалу – «гуляющий». В станице Прохладной перед сном рядом с кроватью ставили кружку воды, предварительно «замкнув» ее. Кто ночью воды попросит, тот и жених. В некоторых селах девушка вечером, в темноте, отсчитывала восемь колец плетня, а девятый перевязывала лентой. Утром она смотрела – если перевязанный колечек был гладким, без коры, то муж ее будет бедным, если с корой – богатым. Или девушка приносила в дом охапку дров и потом с закрытыми глазами откладывала по два полена. Если в конце концов у нее оставалось два полена, она выйдет замуж, если одно – нет. Если оставшиеся полена с сучками, то муж будет у нее богатым, если нет, то бедным. Иногда девушки стояли под окнами соседей, особенно многодетных, и слушали, что они скажут. Если соседи говорили: «Уйди» или что-нибудь подобное, значит, девушка в этом году выйдет замуж, если «сиди» – нет. В других случаях девушки подходили к окнам соседей стучали и спрашивали: «Как моего жениха зовут?». Им отвечали. Все эти гадания по большей части были приурочены к ночи накануне Крещения⁴⁶⁷.

Праздником Крещения заканчивались святки. В этот день все жители сел и станиц отправлялись на реку. По свидетельству информаторов, зимы раньше были холоднее, чем сейчас, реки замерзали, поэтому во льду делали прорубь. Изо льда вырубали крест, украшали его и водружали рядом с прорубью. Возле проруби собиралось все население села или станицы. Казаки приходили в военной форме, с ружьями. Когда священник освящал воду, опуская в прорубь крест, они стреляли из ружей. Одновременно выпускали голубей, к ножкам которых были привязаны разноцветные ленточки. Святую воду приносили домой. В этот день с утра ничего не брали в рот до тех пор, пока не выпивали святой воды. Пучком сена ее разбрызгивали на стены, на разные вещи, обрызгивали скот. Мелом или углем рисовали крестики на воротах, на дверях, на стенах – все эти обычаи напоминают новогодние «очищающие» обряды. Освященную воду давали пить больным людям,

чтобы излечить их, и скоту, чтобы он не болел. Для того чтобы избавиться от глаза, надо было умываться святой водой.

Наконец, еще один обычай, связанный с освященной водой, соблюдали во многих станицах. В праздник Крещения к реке привозили тяжелобольных людей. После того как священник опускал свой крест в воду, их трижды окунали в специальную прорубь, потом заворачивали в шубу и увозили домой. Если река не замерзала, их просто с берега окунали в воду. Такой способ «лечения» применялся обычно в случае тяжелой болезни, если не помогали другие лекарства, если человек долго болел, не выздоравливая, но и не умирая. Как вспоминают информаторы, обычно купание в проруби помогало больному. Иногда купание в проруби применялось и для «профилактики». В станице Пришибской вспоминают одну женщину, отличавшуюся слабым здоровьем, которая каждый год на Крещение купалась в проруби. Этот обычай, хотя и связан с христианским праздником Крещения, вероятно, имеет более древние корни⁴⁶⁸.

Масленица. После Крещения в зимней календарной обрядности наступал перерыв, продолжавшийся вплоть до Масленицы, которая была последним зимним и одновременно первым весенним праздником. Из всего сложного и многообразного обрядового комплекса, включавшего в себя и поминовение умерших, и аграрный культ, и чествование молодоженов, к концу XIX – началу XX в. сохранились только отдельные обычаи. Празднование Масленицы продолжалось в одних станицах целую неделю (например, в станице Александровской), в других – только четыре дня, начиная с четверга. Это была мясопустная неделя, последняя перед Великим постом. На протяжении этой недели нельзя было есть мясо, но еще можно было употреблять в пищу молоко и молочные продукты. Масленица запомнилась информаторам обилием еды. Больше всего на Масленицу готовили вареники, блины, пирожки с сыром,

Почти повсеместно на Масленицу молодежь запрягала лошадей в сани, каталась. Дети катались на санках. Делали «карусель» – вбивали в землю столб, надевали на него колесо, прикрепляли к колесу длинный шест, к шесту – санки. С помощью трех палок колесо вращали, санки катились по кругу, на них трудно было удержаться. Катание на санях, на санках превращалось в развлечение детей и молодежи, хотя когда-то ему, возможно, приписывали магическое значение⁴⁶⁹. В станицах Пришибской и Наурской к Масленице были приурочены скачки⁴⁷⁰, которые в других станицах проводились позже, весной, обычно после Пасхи.

Большим своеобразием отличалась обрядность старейших групп терского казачества – гребенских и терско-семейных казаков. Некоторые календарные обряды существовали только в этих станицах и не были известны другим группам терского казачества. Это относится и к обрядовой масленичной игре в «города». Девушки с палками в руках становились на длинную скамейку – это был «город». На них нападали молодые казаки верхом на лошадях, девушки отбивались палками⁴⁷¹. Кому из казаков удавалось дотронуться до девушек, тот мог их поцеловать. Этот обычай немного напоминает «взятие снежного городка» – игру, известную разным группам казачества⁴⁷² (но неизвестную в большинстве терских станиц). И в том, и в другом случае название игры связано с городом. Но только у гребенских и терско-семейных казаков этот «город» не был построен из снега, что связано, видимо, с природными условиями Кавказа. Похожая обрядовая игра была известна и некоторым народам Кавказа, например, адыгам, но у них она была приурочена не к календарным праздникам, а к свадьбе. Впрочем, едва ли это является следствием заимствования, скорее можно предполагать их независимое появление у разных народов.

«Взятие снежного городка» было популярной обрядовой игрой в некоторых городах Поволжья и особенно – в Сибири, куда ее занесли, видимо, служилые люди⁴⁷³. Не исключено, что и на Кавказ эта игра была занесена из городов Поволжья. Известно, что в XVII в. в городе Терки служили стрельцы и городовые казаки, переведенные туда из других городов. Часть из них осталась на Кавказе и могла войти в состав гребенского и терско-семейного казачества. Календарная обрядность, таким образом, отражает особенности происхождения той или иной группы казачества.

Зимой, от святок до Масленицы, в селах и станицах игралось больше всего свадеб. После Масленицы, с началом Великого поста, свадьбы прекращались. Если кто-то из женщин зимой, до конца Масленицы, не выдавал замуж взрослую дочь или не женил сына, то в первый понедельник после Масленицы к ним приходила группа женщин, реже женщин и мужчин вместе, «вязать колодку», т.е. привязать к ноге или руке толстую палку. В качестве выкупа такая женщина должна была выставить угощение⁴⁷⁴. Реже колодку привязывали отцу девушки или самой девушке, если она до 20 лет не вышла замуж⁴⁷⁵. Иногда парню или девушке вместо колодки привязывали платок или прикалывали цветок. Этот обычай является характерным признаком украинской Масленицы, известен также на Кубани.

Наконец, еще один обычай исполнялся на Масленицу только в станице Пришибской – там водили *відмедя*. Кто-нибудь из мужчин наряжался

медведем – надевал две шубы, вывернутые мехом наружу. Рукава одной из них он надевал на ноги, на голову надевал шапку, лицо закрывал маской. «Медведя» подпоясывали веревкой, и другой человек водил его, погоняя кнутом. Они ходили по улицам, им подносили выпивку, «медведь» танцевал под гармонию, гонялся за детьми и за взрослыми. Если он кого-то ловил, тот должен был откупаться. В руках у «медведя» была длинная палка, он бил ею по лужам, обрызгивая прохожих⁴⁷⁶. На Масленицу у восточных славян рядились довольно редко в отличие от святок, поэтому неудивительно, что этот обычай зафиксирован только в станице Пришибской.

После Масленицы начинался семинедельный Великий пост. В этот период праздников почти не было. Один из немногих – Благовещение. Это был большой праздник, в этот день нельзя было работать, говорили, что на Благовещение даже птица гнезда не вьет, но какие бы то ни было народные обряды в этот день не совершали, во всяком случае, память о них не сохранилась.

К Пасхе начинали готовиться заранее. Именно к этому празднику все старались сшить новую одежду, за несколько дней до Пасхи убирали дом и Двор, готовили заранее пищу. Как говорят, на Пасху три дня даже печь не топили, неделю ничего не делали⁴⁷⁷. В чистый четверг перед Пасхой все купались «как к смерти», в этот же день ходили в церковь, приносили оттуда свечку, рисовали на воротах, окнах, дверях крестики, которые, вероятно, должны были предохранить дом, хозяйство от злых сил. В ночь на Пасху все взрослые были в церкви на всенощной. Возвратившись из церкви, разговлялись – ели сначала освященные в церкви продукты, потом все остальное. К Пасхе обязательно пекли куличи – *паски*, красили яйца, готовили разнообразные мясные блюда, особенно из свинины. С Пасхой были связаны многочисленные игры детей и молодежи. На Пасху, например, катали яйца – старались одним яйцом попасть в другое, если попадали, то выигрывали его⁴⁷⁸. На Пасху устраивали качели. Чаще всего они состояли из двух столбов с перекладиной, к которой привязывали веревку, на веревку устанавливали дощечку, на дощечку становились те, кто хотел кататься⁴⁷⁹. На Пасху молодежь водила хороводы. В конце XIX в. игры и хороводы воспринимались уже как простое развлечение молодежи, но в древности как полагают многие ученые, им придавалось магическое значение⁴⁸⁰. В станице Екатериноградской пели во время хоровода:

*Вниз по морю, морю синему
Плыло стадо лебединое...*⁴⁸¹

Различные варианты этой песни известны по всей России, вплоть до самых северных областей⁴⁸², но повсюду это была свадебная песня, а на территории КБР – хороводная. Хороводы продолжались в степи до Троицы.

Через неделю после Пасхи – на Красную горку или в ближайшие к ней дни (так называемые *проводы*, или *родительская*), поминали умерших – на кладбище проходила церковная служба. Туда же приносили куличи, яйца, мясо. После поминок часть еды оставляли на могилах, потом ее забирали нищие, цыгане⁴⁸³. В некоторых станицах на кладбищах были специальные места, предназначенные для поминок – большой двор со столом, за которым собирались все жители⁴⁸⁴.

Троица. В этот день молодежь впервые отправлялась в лес. Накануне Троицы из лесу приносили ветки клена, дуба, ясеня и ставили их в доме, во дворе, на воротах. Полы устилали душистыми травами – чабрецом, мятой и другими. Молодежь в этот день отправлялась в лес, играла в различные игры, пела, танцевала, там же и обедала. Обязательным блюдом для Троицы была яичница. Троичные песни уже почти забыты, но одна из них записана в станице Екатериноградской:

*А скоро, скоро Троица,
Зеленый лес покроется,
А скоро листья опадут,
А меня замуж отдадут*⁴⁸⁵.

В станицах Пришибской, Котляревской, Умахан-Юртовской девушки украшали ветку клена цветами, конфетами, лентами, несли ее к реке и бросали в воду⁴⁸⁶. В станице Умахан-Юртовской одна из девушек при этом била в медный таз⁴⁸⁷. В станице Котляревской эту ветку называли *вёснушкой*. Похожий обычай существовал и у кубанских казаков, но у них он был приурочен к дню Ивана Купалы⁴⁸⁸. Известен он был в разных вариантах и многим другим группам славян.

Во всех селах и станицах на Троицу девушки плели венки из цветов и пускали их по реке. В Пришибской и Котляревской вначале бросали в воду украшенную ветку, потом – венки. С помощью этих венков гадали. В станице Екатериноградской пели:

*...Чей веночек всплывёт, всплывёт, всплывёт,
Того милый вспомнёт...
Мой веночек потонул, тонул, тонул,
Верно, милый обманул*⁴⁸⁹.

Подобная песня, иллюстрирующая обряды и поверья, связанные с праздником Троицы, была известна и в станице Солдатской⁴⁹⁰, и в гребенских станицах⁴⁹¹. Такие же песни на Троицу пели и кубанские казаки⁴⁹². Она была известна также во многих русских селах далеко от Кавказа⁴⁹³.

Многие обряды, совершавшиеся на Троицу также очень близки к обрядности русского крестьянства. Например, в станицах Екатериноградской, Солдатской существовал обычай завивать и развивать венки⁴⁹⁴.

Но только в нескольких самых старых станицах существовал обычай вместе с венками вниз по Тереку пускать «корабли». В станице Курдюковской это была лодка красного цвета, в Червленной – маленькая модель корабля с мачтами и снастями, в Гребенской – просто доска⁴⁹⁵. Корабль украшали венком, на него помещали кукол в казачьих костюмах. Когда корабль спускали на воду, в него стреляли, стараясь утопить. Как отмечают в своей статье Е.М. Белецкая, Н.Н. Великая и В.Б. Виноградов, «в общерусской Троице ничего подобного нет»⁴⁹⁶, однако подобного обычая не существовало и в большинстве терских станиц. Он был записан лишь в нескольких гребенских и нижнетерских станицах. Как предполагают авторы упомянутой статьи, этот обряд «заставляет вспомнить гипотезу о новгородских ушкуйниках» как предках гребенских казаков⁴⁹⁷. Эта гипотеза остается до настоящего времени недоказанной, но обряд, точнее, сопровождавшая его песня действительно может служить свидетельством каких-то давних контактов казаков с жителями севера России. На сходство песни с былиной обратил внимание еще В.Ф. Миллер, который отметил, что «не представляя сходства в основном сюжете, архангельская былина и терская песня совпадают в некоторых характерных подробностях»⁴⁹⁸. В песне упоминается Марина Кайдаровна⁴⁹⁹, а героиней одной былины, записанной очень далеко от Кавказа, на Белом море, является Марина Кайдаловна⁵⁰⁰. Совпадает не только имя героини, но отчасти и содержание песни и былины: в песне Марина «царит-королюет» в некой «иной земле», на море, а в былине она княжит в городе Корсуне, тоже на море. В песне непогода заносит к этой земле корабль, в былине такая же непогода заносит к городу три корабля. В некоторых других русских былинах и песнях также фигурирует Мария Кайдаловна, но к песне гребенских казаков ближе всего именно беломорская былина, наиболее удаленная от нее географически. Едва ли это можно считать случайным совпадением. Скорее это проявление каких-то фольклорно-этнографических связей.

Осенью и в начале зимы праздников почти не было, если не считать престольные дни, которые в большинстве сел и станиц приходились

именно на этот период. В эти дни устраивались общественные трапезы. Часто столы накрывали под открытым небом, рядом с церковью. В этих обедах принимали участие не только жители данного села или станицы, но и гости из соседних сел и вообще все желающие.

В календарной обрядности и фольклоре терских казаков можно выявить как русские, так и украинские традиции. В этом отношении терское казачество не отличалось от крестьянства южной России, а также от донского и кубанского казачества. Как писал один из известнейших исследователей русского фольклора и обрядности В.И. Чичеров, в этих районах сосуществовали «русские и украинские колядки, среднерусский овсень и украинские щедрилки»⁵⁰¹. Это в полной мере можно отнести и к календарной обрядности и фольклору терских казаков.

Поскольку украинцы вошли в состав казачества очень многих станиц, то и украинские по происхождению обряды и фольклор имели очень широкое распространение на Тереке. Даже в старейших гребенских станицах наряду с русскими, казачьими обрядами и фольклором бытовали и украинские колядки, и щедровки, и «засевалки», и обычай вязать «колодку» на Масленицу.

Особым своеобразием отличалась календарная обрядность гребенских и нижнетерских казаков. Только у них существовала такая обрядовая игра как взятие города на Масленицу и пускание кораблей на Троицу. В других станицах этих обычаев не было.

Терское казачество сложилось из нескольких различных социальных и этнических групп, что привело к неоднородности его материальной и духовной культуры. В свадебной обрядности терских казаков можно выделить несколько вариантов. Один из них – обрядность гребенских казаков, которая отличалась от обрядности всех других групп восточнославянского населения Северного Кавказа отсутствием свадебного каравая и связанных с ним обрядов и песен. Кроме того, легко выявляются еще два варианта свадебной обрядности. Один из них имел распространение в станицах, населенных потомками донских и волжских казаков, однодворцев и отставных солдат, второй – в тех станицах, жители которых были украинскими переселенцами. Эти два варианта различались свадебной терминологией и фольклором, последовательностью совершения свадебных обрядов. Со временем различия между этими тремя вариантами свадебной обрядности стирались, они становились все более близкими.

Гетерогенность терского казачества отразилась и в его календарной обрядности. В ней (если не считать казаков кавказского происхождения) можно выделить как русские, так и украинские обряды и фольклор. Среди русских можно найти и северно-, и среднерусские обряды

и песни. Большинство календарных обрядов и обрядовых песен терских казаков имело близкие аналогии в обрядности русских и украинских сел Северного Кавказа и других регионов. Одна из масленичных игр (взятие города) старейших групп терского казачества – гребенских и терско-семейных казаков – обнаруживает сходство не с крестьянской обрядностью, а только с ритуалами других групп казачества и горожан. Казачество многих терских станиц имело смешанное происхождение, поэтому там встречались одновременно и русские, и украинские обряды и обрядовый фольклор.

В религиозном отношении терское казачество также не было единым, хотя православные составляли абсолютное большинство.

Примечания

1. Архив СПбИИ. Ф. 178, оп. 1. Д. 2241 Л. 1.
2. РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1649. Д. 1. Л. 18; 1652. Д. 1. Л. 5, 24.
3. Архив СПбИИ. Ф. 178, оп. 1. Д. 12185. Л. 3; Д. 12909. Л. 1–2 об.
4. Там же. Д. 12185. Л. 1.
5. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628. Д. 42. Л. 25.
6. Там же. Ф. 115. Оп. 1. 1646 г. Д. 1. Л. 58; Ф. 127. Оп. 1. 1631 г. Д. 1. Л. 108.
7. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеч. из Моск. глав. архива М-ва иностр. дел. Вып. 1. М., 1889. С. 79–80, 424.
8. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1644. Д. 1. Л. 81; Ф. 141. Оп. 1. 1628. Д. 35. Л. 28, 30.
9. Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. док. / выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. М., 1997 (далее – РЧО). С. 121.
10. Окладная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 год // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1893 г. С. 50.
11. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 71. Д. 1. Л. 1 об.
12. Там же. Л. 28.
13. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 7. Л. 86.
14. Там же. Д. 82. Л. 73.
15. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 71. Д. 1. Л. 1 об.
16. Там же. Д. 4. Л. 96.
17. Там же. Д. 13. Л. 284 об.

18. ПСЗРИ -1. Т. 12. С. 575 (№ 9308).
19. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 71. Д. 13. Л. 279 об.
20. *Юдин П.Л.* Из-за власти (Очерк из прошлого соединенного Гребенского казачества) //Сборник общества любителей казачьей старины. № 5. Владикавказ, 1912. С. 16–21.
21. *Дмитренко И.И.* Материалы к истории Терского казачьего войска // Терский сборник. Издание Терского областного статистического комитета / под ред. Г.А. Вертепова. В. 4. Владикавказ, 1897. С. 86–90.
22. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 124. Д. 39. Л. 356 об.-370.
23. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17 доп. Д. 82. Л. 74.
24. Там же. Л. 75 об.
25. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 10. Л. 37–38 об.; Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Т. X // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 115. М., 1903. С. 479–480.
26. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 124. Д. 27. Л. 176.
27. Материалы Екатерининской законодательной комиссии...Т. X. С. 464.
28. ПСЗРИ-1. Т. 19. С. 7 (№ 13401).
29. *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 254–255.
30. Пугачев на Кавказе // Русская старина. 1883. Т. XXXVII. С. 167–170.
31. *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества. (XVI–XVIII). Издание второе, исправленное и дополненное. СПб., 2002. С. 245.
32. АКАК. Т. 6. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 501, 516.
33. РГВИА. Ф. 644. Оп. 1. Д. 117. Л. 7 об.-9.
34. ПСЗРИ-2. Т. 7. С. 801 (№ 5698).
35. Там же. Т. 20. Ч. 1. С. 201 (№ 18739).
36. Там же. С. 213.
37. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. 210.
38. ПСЗРИ-2. Т. 20. Ч. 1. С. 214 (№18739).
39. РГВИА Ф. 1058. Оп. 1. Д. 230. Л. 140–142; Д. 232. Л. 146–147; Д. 238. Л. 7–8; Д. 239. Л. 30–30 об.
40. *Малявкин Г.* Станица Червленая Кизлярского отдела Терской области // Этнографическое обозрение. № 1. С. 121–122.
41. ПСЗРИ-2. Т. 20. Ч. 1. С. 197 (№ 18739).
42. Там же. Т. 31. Ч. 1. С. 817 (№ 30902).
43. Там же. Т. 45. Ч. 2. С. 151 (№ 48607).

44. Там же. Т. 45. Ч. 1. С. 628 (№ 48354).
45. Там же. С. 618.
46. Там же. С. 618–619.
47. Там же. С. 618.
48. Там же. С. 626.
49. Там же. С. 627.
50. Статмонографии... С. 447.
51. Там же. С. 448.
52. ПСЗРИ-2. Т. 45. Ч. 1. С. 626 (№ 48354).
53. Там же. С. 619.
54. Статмонографии... С. 159.
55. Там же. С. 208.
56. Там же. С. 209.
57. Там же. С. 210.
58. ПСЗРИ-2. Т. 45. Ч. 1. С. 620–621 (№ 48354).
59. Там же. С. 621–622.
60. Там же. С. 623.
61. Статмонографии... С. 457–458.
62. ПСЗРИ-2. Т. 45. Ч. 1. С. 624 (№ 48354).
63. Там же.
64. ПСЗРИ-3. Т. 11. С. 330 (№ 7782).
65. Там же. С. 345–346.
66. Там же. С. 347.
67. Там же. С. 349.
68. Там же. С. 337.
69. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 124. Д. 24. Л. 79.
70. Рассчитано по материалам: *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 152; РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 71. Д. 1. Л. 19–22.
71. Материалы Екатерининской... Т. X. С. 459.
72. Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Т. XII // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 134. СПб., 1911. С. 209.
73. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 572.
74. Материалы Екатерининской... Т. XII. С. 214.
75. Материалы Екатерининской... Т. X. С. 483–486.
76. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 600.
77. Там же. С. 783.
78. Там же. С. 600–601.
79. *Емельянов О.Б.* Предоставление земельных угодий казачьим общинам Терского левобережья в первой половине XIX в. // Вестник института ИАЭ. 2008. № 4. С. 73–79.

80. ПСЗРИ-2. Т. 20. Ч. 1. С. 223 (№ 18739).
81. Там же. С. 200.
82. *Максимов Е.* Терское казачье войско. Историко-статистический очерк // Терский сборник. В. 1. Приложение к Терскому календарю на 1891 г. Владикавказ, 1890. С. 82.
83. ПСЗРИ-2. Т. 44. Ч. 1. С. 353–354 (№ 46996).
84. Статмонографии... С. 183.
85. ПСЗРИ-2. Т. 44. Ч. 1. С. 354 (№ 46996).
86. Статмонографии... С. 184.
87. Там же. С. 7.
88. *Сосиев З.* Станица Черноярская // Терский сборник. В. 5. Владикавказ, 1903. С. 69.
89. Статмонографии... С. 27.
90. Там же. С. 50.
91. Там же. С. 334–335.
92. *Востриков П.А.* Станица Наурская, Терской области // СМОМПК. В. 33. Отд. 2. С. 209.
93. Статмонографии... С. 266.
94. Там же. С. 431.
95. *Бутова Е.* Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // СМОМПК. В. 7. Тифлис, 1889. С. 24.
96. Статмонографии... С. 387.
97. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 205.
98. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историк-этнографические очерки. М., 1974. С. 236.
99. Статмонографии... С. 24–25.
100. Там же. С. 334.
101. Там же. С. 217.
102. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 211.
103. Статмонографии... С. 185.
104. Там же. С. 51–52.
105. Там же. С. 295.
106. Там же. С. 335, 388–389.
107. *Елоев.* Станица Георгиевская // Терский сборник. В. 5. Владикавказ, 1903. С. 91–92.
108. *Сосиев З.* Указ. соч. С. 70.
109. Статмонографии... С. 441.
110. Там же. 113.
111. Там же. С. 52.
112. Там же. С. 336.

113. Там же. С. 267.
114. Там же. С. 52–53.
115. Там же. С. 113.
116. *Сосиев А.* Станица Екатериноградская. Историко-статистический очерк // Терский сборник. В. 5. Владикавказ, 1903. С. 25.
117. Статмонографии... С. 267–268.
118. Там же. С. 431.
119. Там же. С. 187.
120. *Афанасьев М.* Станица Терская // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. С. 105.
121. Там же. С. 430.
122. *Урусов С.М.* Станица Екатериноградская Терской области Моздокского отдела // СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. Отд. 2. С. 9.
123. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 230.
124. Статмонографии... С. 144.
125. Там же. С. 159–160.
126. *Сильвестров В.* Старогладковская // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 61.
127. Статмонографии... С. 269.
128. *Кузнецов И.Д.* Терские казаки и их рыбные промыслы. СПб., 1901. С. 25.
129. Статмонографии... С. 236–237.
130. Там же. С. 183.
131. Архив СБпИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 13781. Л. 1.
132. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века / подгот.: Н.Б. Голикова. М., 2004. С. 198; ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 1. Л. 5-5 об.
133. ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 1. Л. 5–7 об.
134. *Михайловский Г.П.* Исторические сведения о расколе среди терских (гребенских) казаков в XVIII столетии. Ставрополь, 1877. С. 3.
135. Там же. С. 1.
136. *Дмитренко И.И.* Материалы к истории Терского казачьего войска // Терский сборник. Издание Терского областного статистического комитета / по ред. Г.А. Вертепова. В. 4. Владикавказ, 1897. С. 79.
137. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 45. Л. 1112.
138. Там же. Л. 1113.
139. *Михайловский Г.П.* Указ. соч. С. 12.
140. Там же. С. 14–26.
141. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 143.

142. *Чернозубов Ф.* Побег в горы. (История одной раскольничьей обители у Шамиля). 1849–1859 // Русский архив. 1911. В. 10. С. 249.
143. *Великая Н.Н.* Указ. соч. С. 148.
144. Кавказский календарь на 1867 г. Тифлис, 1866. С. 325.
145. Старинные песни гребенских казаков // Терцы... С. 283.
146. Статмонографии... С. 383–384.
147. Там же. С. 384.
148. *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 194–195.
149. *Афанасьев М.* Указ. соч. С. 112.
150. Статмонографии... С. 384.
151. Там же. С. 245.
152. *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 201.
153. Статмонографии... С. 254.
154. *Афанасьев М.* Указ. соч. С. 112–113.
155. Статмонографии... С. 169–170.
156. Там же. С. 171.
157. Там же. С. 466.
158. РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 67.
159. Цит. по: *Михайловский Г.П.* Указ. соч. С. 11.
160. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 68. Л. 1103–1105 об.
161. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 / ред. Н.Ф. Дубровин. Т. 1. (февраль–июль 1726 г.) // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 55. СПб., 1886. С. 250–251.
162. КРО. Т. 2. С. 42.
163. Материалы Екатерининской... Т. X. С. 466.
164. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 10. Л. 38, 40.
165. Там же. Св. 71. Д. 1. Л. 22 об.
166. Там же. Св. 108. Д. 42. Л. 15.
167. ПСЗРИ-1. Т. 38. С. 1303 (№ 29682).
168. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 4; ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 57. Л. 7.
169. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 50. Л. 93–94.
170. ПСЗРИ-2. Т. 35. Ч. 2. С. 164 (№ 36204).
171. Там же. Т. 45. Ч. 2. С. 1 (№ 48531).
172. Статмонографии... С. 241, 242, 250.
173. Краткое географическо-статистическое описание Терского казачьего войска // Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / сост. А. Ржевуский. Владикавказ, 1888. С. 283.
174. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 604.

175. Статмонографии... С. 250.
176. *Афанасьев М.* Указ. соч. С. 111.
177. Статмонографии... С. 251.
178. Там же. С. 251.
179. *Афанасьев М.* Указ. соч. С. 111–112.
180. Статмонографии... С. 466.
181. *Гребенец Ф.С.* Указ. соч. С. 105–106.
182. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1646. Д. 1. Л. 262; Архив СПбИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2241. Л. 1.
183. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 412–426.
184. *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829. С. 80–81.
185. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 456. Л. 43 об.-44, 48 об.-49.
186. Там же. Д. 21. Л. 21–23.
187. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 195.
188. Статмонографии... С. 1–2, 40, 102, 139, 162, 214, 241, 381, 420.
189. Краткое географическо-статистическое описание Терского казачьего войска // Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / сост. А.Ржевуский. Владикавказ, 1888. С. 283.
190. Статмонографии... С. 1.
191. *Малявкин Г.* Указ. соч. № 2. С. 35.
192. *Заседателева Л.Б.* Указ. соч. С. 299–300.
193. *Малявкин Г.* Указ. соч. № 2. С. 34.
194. Статмонографии... С. 129.
195. *Пономарев Ф.* Из быта Кизляро-Гребенских казаков // Терцы... С. 224.
196. Статмонографии... С. 325.
197. *Сосиев З.* Указ. соч. С. 49.
198. Статмонографии... С. 409.
199. Там же. С. 376.
200. Статмонографии... С. 394; *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 224; *Семенов П.* Указ. соч. С. 186.
201. Там же. С. 273.
202. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 224.
203. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 249.
204. ПСЗРИ-1. Т. 15. С. 758 (№ 11299).
205. Статмонографии... С. 280–281.
206. Там же. С. 302.

207. *Елоев*. Указ. соч. С. 86.
208. Там же. С. 299.
209. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 22.
210. *Елоев*. Указ. соч. С. 86.
211. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 195.
212. Статмонографии... С. 407.
213. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 271.
214. *Бутова Е., Лысенко*. Станица Ищерская // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. С. 47.
215. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 281.
216. *Малявкин Г.* Указ. соч. № 2. С. 29.
217. Там же. С. 30.
218. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 242.
219. Статмонографии... С. 237.
220. *Попко И.Д.* Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Выпуск первый. Гребенское войско. СПб., 1880. С. 486.
221. Там же. С. 471.
222. Там же. С. 474.
223. Там же. С. 478.
224. Там же. С. 481.
225. Там же. С. 484.
226. *Пономарев Ф.* Из быта Кизляро-Гребенских казаков... С. 205–206.
227. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 22.
228. *Гребенец Ф.С.* Указ. соч. С. 47.
229. Там же. С. 31.
230. Статмонографии... С. 407.
231. *Сосиев А.* Указ. соч. С. 19.
232. *Афанасьев М.* С. 111.
233. *Сосиев А.* Указ. соч. С. 16–17.
234. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 22.
235. *Афанасьев М.* Указ. соч. С. 111.
236. Статмонографии... С. 402.
237. Там же. 460.
238. Там же. С. 459–460.
239. *Малявкин Г.* Указ. соч. № 2. С. 29–30.
240. *Сосиев З.* Указ. соч. С. 49, 51.
241. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 41.
242. *Малявкин Г.* Указ. соч. № 2. С. 134.

243. Там же. С. 1.
244. *Семенов П.* О народной медицине в станице Слепцовской Сунженского отдела Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. В. 16. Тифлис. С. 2.
245. Там же. С. 2–3.
246. Там же. С. 4.
247. Там же. С. 4–5.
248. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 55.
249. *Рогожин Т.* Нечто из верований, поверий и обычаев жителей ст. Червленной, Кизлярского отдела, Терской области // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. С. 66.
250. *Семенов П.* Указ. соч. С. 5–6.
251. *Гусев А.* Поверия, праздники, песни и сказки в ст. Ардонской. Терской области // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. С. 331.
252. *Семенов П.* Указ. соч. С. 193.
253. Там же. 6.
254. Там же. С. 194.
255. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 50–51.
256. *Востриков П.А.* Станица Наурская, Терской области // СМОМПК. В. 33. Отд. 2. С. 283.
257. «Педиатрия» по-екатериноградски // Живая старина. Нальчик, 1991. № 1. С. 144.
258. *Востриков П.А.* Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // СМОМПК. В. 37. Отд. 2. С. 31.
259. *Семенов П.* Указ. соч. С. 205.
260. Там же. С. 206.
261. *Бутова Е.* С. 55.
262. *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 295–296.
263. *Семенов П.* Указ. соч. С. 179.
264. Там же. С. 203.
265. ПМА. Сообщение Захарченко А.Т., р. 1909, ст. Екатериноградская.
266. *Семенов П.* Указ. соч. С. 191.
267. *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 298.
268. *Афанасьев М.* Станица Терская // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. С. 114.
269. Статмонографии... С. 407.
270. *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 296–297.
271. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 108. Д. 43. С. 34 об.
272. Там же. Св. 124. Д. 39. Л. 347–355.

273. Там же. Св. 108. Д. 43. Л. 35.
274. Там же. Св. 124. Д. 24. Л. 72.
275. Там же. Д. 39. Л. 356 об.- 370.
276. ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Ч. 2. Л. 295 об.
277. Статмонографии... С. 42, 79, 97,
278. Краткое географическо-статистическое описание ... С. 285.
279. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков. СПб., 1902. С. 4–5.
280. *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 304.
281. *Семенов П.* Указ. соч. С. 204.
282. *Кикоть В.* Описание ст. Умахан-Юртовской, Терской области, Кизлярского отдела // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. С. 77–78.
283. Статмонографии... С. 258.
284. Там же. С. 110.
285. ПМА. Сообщение Диденко Н.Н., р. 1911, г. Прохладный; Савченко В.М., р. 1915, ст. Приближная; Захарченко А.Т.
286. ПМА. Сообщение Кривцова А.А., р. 1899, ст. Приближная; Головки И.Д., р. 1912, Головки Е.В., р. 1921, г. Прохладный.
287. *Малявкин Г.* Указ. соч. № 1. С. 123.
288. Там же. С. 124.
289. Там же.
290. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 38.
291. ПМА. Сообщение Заньковой А.А., р. 1895, Старчеусовой А.Г., р. 1903, Кравцовой О.А., р. 1910, ст. Солдатская.
292. *Малявкин Г.* Указ. соч. С. 126–127.
293. *Семенов П.* Несколько страничек... С. 163.
294. *Головчанский С.Ф.* Станица Прохладная терской области Пятигорского округа // СМОМПК. В. 15. Тифлис, 1893. С. 4.
295. ПМА. Сообщение Захарченко А.Т.
296. *Караулов М.А.* Говор станиц бывшего Моздокского полка Терского казачьего войска. Варшава, 1900. С. 41–42.
297. *Семенов П.* Несколько страничек... С. 165.
298. Там же. С. 166.
299. Статмонографии... С. 415.
300. *Кикоть В.* Указ. соч. С. 79.
301. *Семенов П.* Указ. соч. С. 193; *Сосиев А.* Указ. соч. С. 19; *Еловев.* Станица Георгиевская // Терский сборник. В. 5. Владикавказ, 1903. С. 88; *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 188.
302. *Попко И.Д.* Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Выпуск первый. Гребенское войско. СПб., 1880. С. 471–484.

303. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 42.
304. *Малявкин Г.* Указ. соч. № 1. С. 116.
305. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 188.
306. Там же. С. 189.
307. ПСЗРИ-2. Т. 30. Ч. 1. С. 617–618 (№ 29713); РГВИА. Ф. 13454. Д. 152. Л. 6.
308. Там же. Т. 37. Ч. 2. С. 125–126 (№ 38718).
309. *Головчанский С.Ф.* Указ. соч. С. 4.
310. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 38. Л. 5–5 об.
311. Там же. Л. 12–12 об., 16, 108; РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 20. Л. 92–94.
312. ПМА. Сообщение Косовой У.П., р. 1910 г., ст. Александровская.
313. *Урусов С.М.* Станица Екатериноградская, Терской области, Моздокского отдела // СМОМПК. В. 33. Тифлис, 1904. Отд. 2. С. 12.
314. *Афанасьев М.* Указ. соч. С. 117.
315. *Малявкин Г.* Указ. соч. № 1. С. 130.
316. ПМА. Сообщение Зотова А.П., р. 1910 г., Зотовой Е.П., р. 1917 г., ст. Котляревская, Ятлова А.Н., р. 1909, ст. Солдатская.
317. ПМА. Сообщение Хауст М.И., р. 1894, г. Майский.
318. *Караулов М.А.* Говор гребенских... С. 37.
319. *Гребенец Ф.С.* Из быта гребенских казаков // СМОМПК. В. 40. Тифлис, 1909. Отд. 2. С. 13; *Караулов М.А.* Говор гребенских... С. 38, 63.
320. *Бутова Е.* Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа // СМОМПК. В. 15. Тифлис, 1893. С. 228; *Гребенец Ф.С.* Указ. соч. С. 13.
321. *Гусев А.* Поверия, праздники, песни и сказки в ст. Ардонской. Терской области // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. С. 332–333.
322. ПМА. Сообщение Кравцовой О.А., р. 1910 г., ст. Солдатская; Кравцова А.А., р. 1899, ст. Приближная.
323. *Кикоть В.* Указ. соч. С. 82; *Афанасьев М.* Указ. соч. С. 118; ПМА. Сообщение Красиной Л.В., р. 1916 г., г. Прохладный; Диденко В.А., р. 1906, г. Прохладный.
324. *Головчанский С.Ф.* Указ. соч. С. 7.
325. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 43; ПМА. Сообщение Васильевой А.Е., р. 1900 г., Зотова А.П., Зотовой Е.П., ст. Котляревская; Косовой У.П., Диденко В.А., Ятлова А.Н.; Роговенко У.Ф., р. 1904, ст. Приближная; Кошик М.Ф., р. 1904, г. Майский.
326. *Урусов С.М.* Указ. соч. С. 18–19.

327. Там же. С. 23–24; *Караулов М.А.* Говор гребенских... С. 38–39; *Гребенец Ф.С.* Указ. соч. С. 39–40.

328. *Пятирублев В.* Песни, поющиеся в той же станице // СМОМПК. Т. 15. Тифлис, 1893. С. 153.

329. Русские: народная культура (история и современность). Т. 3. Семейный быт. М., 2000. С. 116.

330. Там же. С. 119; *Кагаров Е.Г.* О значении некоторых русских свадебных обрядов // Известия Академии наук. 1917. Серия 6. № 11. С. 249.

331. *Караулов М.А.* Говор гребенских... С. 39.

332. *Головчанский С.Ф.* Указ. соч. С. 19.

333. ПМА. Сообщение М. А. Дроздовой М.А., р. 1904, с. Черниговское.

334. ПМА. Сообщение Кутаховой В.А., р. 1920, ст-ца Екатериноградская.

335. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 235; *Семенов П.* Песни, поющиеся в станице Слепцовской // СМОМПК. В. 15. Тифлис, 1893. С. 50–51; *Романов Л.* Свадебные песни, поющиеся в станице Терской, Владикавказского округа // СМОМПК. В. 15. С. 302.

336. *Водарский В.А.* Песни, записанные в Червленной и Старогладковской станицах Терской области в 1901 году // СМОМПК. В. 39. Тифлис, 1908. Отд. 2. С. 63.

337. *Габисова С.З.* Свадебные песни и обряды казаков Северной Осетии // Дарьял. 2012. № 4 // http://www.darial-online.ru/2012_4/gabisova.shtml.

338. *Головчанский С.Ф.* Указ. соч. С. 10–12.

339. *Караулов М.А.* Говор гребенских... С. 40.

340. *Головчанский С.Ф.* Указ. соч. С. 29.

341. *Пономарев Ф.* Указ. соч. С. 213.

342. ПМА. Сообщение Чабановой М.П., р. 1924, ст. Екатериноградская.

343. ПМА. Сообщение Поповой М.И., р. 1917, ст. Котляревская; *Гребенец Ф.С.* Указ. соч. С. 38–39.

344. ПМА. Сообщение Говоровой А.З., р. 1924, ст. Екатериноградская.

345. *Головчанский С.Ф.* Указ. соч. С. 26.

346. ПМА. Сообщение Кравцовой О.А., р. 1910, ст. Солдатская.

347. ПМА. Сообщение Дьяченко М.Н. и др.

348. *Мафедзев С.Х.* Адыги. Обычай, традиции (адыгэ хабзэ). Нальчик, 2000. С. 198; *Сабанчиева Л.Х.* Семья и семейная обрядность кабардинцев:

между традицией и модернизацией. Нальчик, 2015. С. 100; *Кучмезова М.Ч.* Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик, 2003. С. 117.

349. ПМА. Сообщение Халиной А.П., р. 1907, ст-ца Приближная.

350. *Бутова Е.* Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа // СМОМПК. В. 15. Тифлис, 1893. С. 249; ПМА. Сообщение Кошик М.Ф., р. 1904, г. Майский; *Габисова С.З.* Указ. соч.

351. *Гребенец Ф.С.* Из быта гребенских казаков // СМОМПК. В. 40. Тифлис, 1909. Отд. 2. С. 41; *Караулов М.А.* Говор гребенских... С. 39–40.

352. ПМА. Сообщение Головки И.Д., Головки Е.В.

353. ПМА. Сообщение Косовой У.П.

354. *Караулов М.А.* Говор гребенских... С. 40.

355. ПМА. Сообщение Васильевой А.Е., Усовой У.П., Головки И.Д., Головки Е.В., Ятлова А.Н., Савченко В.М., Хауст М.И.

356. *Караулов М.А.* Говор гребенских... С. 40; *Гребенец Ф.С.* Указ. соч. С. 43; ПМА. Сообщение Головки И.Д., Головки Е.В.

357. ПМА. Сообщение Долженко Н.С.

358. *Пономарев Ф.* Из быта кизляро-гребенских казаков // Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистический сведений о терском казачьем войске / составил войсковой старшина А. Ржевуский. Владикавказ, 1888. С. 205–230; *Караулов М.А.* Говор гребенских...; *Гребенец Ф.С.* Из быта гребенских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Далее – СМОМПК). В. 40. Тифлис, 1909. Отд. 2. С. 9–47.

359. ПМА. Сообщение Елисеевой В.Ф., р. 1904, ст. Приближная; Косовой У.П., Косяченко М.А.; Клевцов М.М., Клевцова Л.К. Станица Котляревская в прошлом и настоящем. Нальчик, 2015. С. 200.

360. *Габисова С.З.* Указ. соч.

361. ПМА. Сообщение Косовой У.П.

362. ПМА. Сообщение Диденко В.А., Головки И.Д., Головки Е.В.

363. ПМА. Сообщение Хауст М.И., Кошик М.Ф.

364. ПМА. Сообщение Старчеусовой А.Г., Зенковской В.Н., Мажар Т.В., р. 1953 г., Семеновко Н.В., р. 1960 г., ст. Солдатская.

365. Сообщение Заиченко А.Д., Поповой М.И., р. 1917, ст. Котляревская.

366. *Урусов С.М.* Указ. соч. С. 22; ПМА. Сообщение Елисеевой В.Ф., Тихоненко Е.М.

367. *Бондарь Н.И.* Традиционная культура кубанского казачества. Избранные работы. Краснодар, 1999. С. 109.

368. ПМА. Сообщение Зотова А.П., Зотовой Е.П., Диденко В.А., Старчеусовой А.Г., Говоровой А.З.

369. ПМА. Сообщение Гаврилиной Г.И.

370. *Геннеп А.*, ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М., 2002. С. 32.

371. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / отв. ред. К.В. Чистов. М., 1987. С. 406; Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988. С. 14, 40, 143.

372. *Гребенец Ф.С.* Указ. соч. С. 18.

373. Русские / отв. ред.: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 2003. С. 481.

374. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 38; *Гребенец С.Ф.* Указ. соч. С. 21, 22.

375. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 41; *Гребенец С.Ф.* С. 44.

376. Русские... С. 385–386.

377. *Гребенец С.Ф.* Указ. соч. С. 19.

378. Там же. С. 20, 44.

379. *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 202.

380. *Гребенец С.Ф.* Указ. соч. С. 30.

381. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 36.

382. *Гребенец С.Ф.* Указ. соч. С. 20–23, 45.

383. *Ткачев Г.А.* Станица Червленая. Исторический очерк. Выпуск первый. Владикавказ, 1912. С. 181.

384. ПМА. Сообщение Васильевой А.Е., р. 1900 г., ст. Котляревская; Халиной А.П., р. 1907, ст. Приближная; Диденко Н.Н.

385. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 38.

386. Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. М., 2011. С. 74, 310, 358.

387. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков... С. 40.

388. *Гребенец.* Указ. соч. С. 41.

389. ПМА. Сообщение Роговенко У.Ф.

390. *Гребенец Ф.С.* Указ. соч. С. 38.

391. ПМА. Сообщение Зотова А.П., Зотовой Е.П., Поповой М.И., р. 1917, ст. Котляревская; Усовой У.П.; Хауст М.И.; Думанской В.М., р. 1925, ст. Солдатская.

392. ПМА. Сообщение Козарез Н.Ф., р. 1927, Гордеевой З.Н., р. 1930, Самойленко У.П., р. 1922, ст. Александровская.

393. ПМА. Сообщение Говоровой А.З., р. 1924, ст. Екатериноградская; Пятирублев В. Указ. соч. С. 149.
394. ПМА. Сообщение Халиной А.П., р. 1907, ст. Приближная.
395. ПМА. Сообщение Головки Е.Д.
396. ПМА. Сообщение Дьяченко М.Н., Черкасовой М.П., Сорокиной П.Ф., Власенко А.Н., Федоровой М.Н., Долженко Н.С.
397. *Гребенец С.Ф.* Из быта гребенских казаков... С. 31.
398. *Головчанский С.Ф.* Указ. соч.; *Гусев А.* Указ. соч. С. 332. ПМА. Сообщение Храповой О.Е., р. 1911, ст. Солдатская; Кошик М.Ф.
399. *Головчанский С.Ф.* Указ. соч. С. 19, 26; *Васильков В.В.* Народные обычаи казаков станицы Бекешевской (Баталпашинского отдела, Кубанской области) // СМОМПК. В. 36. Тифлис. Отд. 2. С. 101–106; *Невская Т.А.* Традиционная и современная свадьба сельского населения Ставрополя // этнографическое обозрение. 1982. № 1. С. 94.
400. *Чистов К.В.* Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 227.
401. *Урусов С.М.* Указ. соч. С. 29–31.
402. *Головчанский С.Ф.* Указ. соч. С. 12; *Васильков В.В.* Указ. соч. С. 96; *Невская Т.А.* Указ. соч. С. 92.
403. ПМА. Сообщение Дьяченко М.Н., Черкасовой М.П., Сорокиной П.Ф., Власенко А.Н., Федоровой М.Н. Долженко Н.С.
404. ПМА. Сообщение Елисейевой В.Ф., Халиной А.П.
405. *Габисова С.З.* Указ. соч.
406. *Урусов С.М.* Указ. соч. С. 32–33.
407. ПМА. Сообщение Елисейевой В.Ф., Халиной А.П.
408. *Афанасьев М.* Указ. соч. С. 121.
409. ПМА. Сообщение Головки И.Д., Головки Е.В., Красиной Л.В.
410. ПМА. Сообщение Кривцова А.А., р. 1899, ст. Приближная.
411. *Семенов П.* Несколько страничек... С. 168.
412. Там же. С. 207.
413. *Рогожин Т.* Указ. соч. С. 67.
414. *Семенов П.* Несколько страничек... С. 176.
415. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 53; *Гусев А.* Указ. соч. С. 331.
416. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 51.
417. *Семенов П.* Указ. соч. С. 194.
418. *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 287.
419. *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 92.
420. *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 288.

421. Статмонографии. С. 466.
422. *Кулебякин И.* Гребенцы // Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / сост. А. Ржевуский. Владикавказ, 1888. С. 243.
423. *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 289–290.
424. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 41.
425. *Кулебякин И.* Указ. соч. С. 243.
426. *Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Виноградов В.Б.* Календарная обрядность терских казаков // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 51.
427. ПМА. Сообщение Хауст М.И., Сагайдак М.К., р. 1909, Олистратенко Д.К., р. 1913, г. Майский.
428. ПМА. Сообщение Хауст М.И., Сагайдак М.К., Олистратенко Д.К., Назаренко К.А., р. 1916, г. Майский; Красиной Л.В., Ятлова А.Н.
429. ПМА. Сообщение Захарченко А.Т.
430. ПМА. Сообщение Кошик М.Ф.
431. *Востриков П.А.* Станица Наурская. С. 276–277.
432. ПМА. Сообщение Чумаковой С.М., Кошик М.Ф., Сагайдак М.К., Олистратенко Д.К., Красиной Л.В., Савченко В.М., Ятлова А.Н.
433. *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 278.
434. ПМА. Сообщение Шатова П.Н.
435. *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 277–278.
436. ПМА. Сообщение Красиной Л.В., Головки Е.В.; *Бутова Е., Лысенко.* Указ. соч. С. 51.
437. *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря (очерк по истории народных верований) / Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XL. М., 1957. С. 144.
438. ПМА. Сообщение Кривко В.В., р. 1907, ст. Екатериноградская.
439. *Чичеров В.И.* Указ. соч. С. 123.
440. Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. М., 1989. С. 53–54, 61–62.
441. *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 279.
442. Обрядовая поэзия... С. 69–70
443. *Чичеров В.И.* Указ. соч. С. 117.
444. ПМА. Сообщение Красиной Л.В.
445. *Водарский В.А.* Песни, записанные в Червленной и Старогладковской станицах Терской области в 1901 году // СМОМПК. В. 39. Тифлис, 1908. Отд. 2. С. 73; *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 278.
446. ПМА. Сообщение Кривко В.В.

447. ПМА. Сообщение Назаренко К.А.
448. ПМА. Сообщение Чумаковой С.Н., Колодей М.Н.
449. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / отв. ред. К.В. Чистов. М., 1987. С. 382.
450. *Чичеров В.И.* Указ. соч. С. 115.
451. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 39; *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 280.
452. ПМА. Сообщение Мироненко О.Д., р. 1928, ст. Котляревская.
453. ПМА. Сообщение Головки Е.В.
454. Колядки та щедрівки: зимова обрядова поезія трудового року / упоряд., передмов. і примітки. О. І. Дей; ред. М. Т. Рильський. Київ, 1965. С. 523–527.
455. *Чичеров В.И.* Указ. соч. С. 70.
456. ПМА. Сообщение Мироненко О.Д.
457. ПМА. Сообщение Головченко Н.Г., р. 1921, г. Нальчик.
458. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. С. 399.
459. ПМА. Сообщение Чумаковой С.М., Кошик М.Ф., Хауст М.И., Сагайдак М.К., Олистратенко Д.К., Назаренко К.А.
460. Колядки та щедрівки... С. 538–539.
461. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Москва, 1865. Т. 1. С. 283–284.
462. *Водарский В.А.* Указ. соч. С. 73.
463. Колядки та щедрівки ... С. 576–594; *Яцимирский Б.М.* «Маланка» как вид святочного обрядового ряжения // Этнографическое обозрение. 1914. № 1–2. С.46–77.
464. ПМА. Сообщение М.К., Олистратенко Д.К.
465. *Водарский В.А.* Указ. соч. С. 72.
466. Там же. С. 160.
467. ПМА. Сообщение Красиной Л.В., Чабановой М.П., Сагайдак М.К., Олистратенко Д.К., Красиной Л.В., Говоровой А.З.
468. ПМА. Сообщение Кошик М.Ф., Колодей М.Н., Алехи Н.Д., Диденко Н.Н.
469. *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 44.
470. ПМА. Сообщение Кошик П.Т., Сагайдак М.К., Олистратенко Д.К.; *Востриков П.А.* Станица Наурская... С. 280–281.
471. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 39–40; *Пономарев Ф.* Из быта Кизлярско-Гребенских казаков... С. 225–229.

472. Русские: История и этнография / ред. И.В. Власова и В.А. Тишков. М., 2008. С. 589.
473. Соколова В.К. Указ. соч. С. 51–52.
474. ПМА. Сообщение Занько А.А., р. 1895, ст. Солдатская.
475. ПМА. Сообщение Хауст М.И., Сагайдак М.К, Олистратенко Д.К.
476. ПМА. Сообщение Колодей М.Н., Кошик М.Ф., Кошик П.Т., Сагайдак М.К., Олистратенко Д.К., Назаренко К.А.
477. ПМА. Сообщение Косовой У.П.
478. ПМА. Сообщение Зенковской В.Н., р. 1914, ст. Солдатская.
479. ПМА. Сообщение Савченко В.М., Ятлова А.Н.
480. Соколова В.К. Указ. соч. С. 117–118.
481. ПМА. Сообщение Говоровой А.З., Шевченко Е.Д.
482. Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба. М., 1985. С. 162–163.
483. ПМА. Сообщение Занько А.А.
484. ПМА. Вельчевой М.Д., р. 1923, ст. Екатериноградская.
485. ПМА. Сообщение Чабановой М.П.
486. ПМА. Сообщение Сагайдак М.К., Олистратенко Д.К.
487. Кикоть В. Описание станицы Умахан-Юртовской Терской области, Кизлярского отдела // СМОМПК. В. 16. Тифлис, 1893. С. 83.
488. Бондарь Н.И. Потопление Марыны/Марины (материалы к купальской обрядности на Кубани) // Дикаревские чтения (5). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 1999. С. 142–149; *Его же*. Календарные праздники и обряды Кубанского казачества. 2-е изд. Краснодар, 2011. С. 216–219.
489. ПМА. Сообщение Дьяченко М.Н, Черкасовой М.П., Сорокиной П.Ф., Власенко А.Н., Федоровой М.Н., Долженко Н.С.
490. ПМА. Сообщение Старчеусовой А.Г.
491. Панкратов Ф.С. Гребенцы в песнях. Владикавказ, 1895. С. 139.
492. Бондарь Н.И. Традиционная культура Кубанского казачества. Избранные работы. Краснодар, 1999. С. 102.
493. Соколова В.К. Указ. соч. С. 210.
494. ПМА. Сообщение Зенковской В.Н.; Урусов С.М. Указ. соч. С. 33.
495. Малявкин Г. Указ. соч. № 2. С. 115.
496. Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Указ. соч. С. 59.
497. Там же. С. 60.

498. *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. III. Былины и исторические песни. М.–Л., 1924. С. 268.
499. *Карпинский М.П.* Гребенские казаки и их песни // СМОМПК. В. 27. Тифлис, 1900. Отд. 4. С. 85.
500. Беломорские былины / записаны А. Марковым, предисл. В.Ф. Миллера. М., 1901. С. 429–433.
501. *Чичеров В.И.* Указ. соч. С. 117.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История становления терского казачества началась во второй половине XVI в. и продолжалась около трех веков. Процесс увеличения его численности был очень неравномерным. Периоды бурного роста чередовались с долгими годами затишья. Времена быстрого увеличения численности казачества совпадали с активизацией политики России на Кавказе – с Персидским походом Петра I, с русско-турецкими войнами времен Екатерины II, с усилением военных действий в 20-50 гг. XIX в. И само появление терского казачества во второй половине XVI в. не случайно, видимо, приходится на те годы, когда быстро развивались политические связи России с народами региона. Первые упоминания о гребенских казаках относятся к более позднему периоду – к XVII в. Терские и гребенские «вольные» казаки составляли единое войско. Кроме того, в городе Терки служили терские «жилецкие», а затем «беломестные» казаки.

В XVIII–XIX вв. формирование казачества осуществлялось государством, которое видело в нем опору своей власти на Кавказе. Петр I переселил на Кавказ донских казаков. С 1735 г. они жили в трех станицах на Тереке, недалеко от Кизляра. Еще в пяти станицах жили гребенские (и бывшие терские «вольные») казаки. Только в 70 гг. XVIII в. были основаны 11 новых станиц переселенных на Кавказ волжских и донских казаков. За последующий период с 1780 по 1823 – возникла только одна новая станица, а с 1823 по 1861 г. количество станиц увеличилось с 20 до 77. Это был этап наиболее активного формирования терского казачества, и он непосредственно был связан с Кавказской войной. Государству нужны были казаки как военная сила, поэтому в состав казачества были зачислены многие тысячи людей.

Большая часть станиц Терского казачьего войска появилась очень поздно, только в XIX в. В 1860 г. с образованием Терского казачьего войска была проведена граница, отделявшая это войско от Кубанского, и тем самым в основном завершилось формирование терского казачества. В последующие годы состав станиц, входивших в это войско, изменился незначительно, а численность казачества увеличивалась в основном за счет естественного прироста.

Если в конце XVI в. терскими казаками называли две небольшие группы – служилых казаков города Терки и «вольных» казаков, живших

на Тереке, то в конце XIX в. существовало многотысячное Терское казачье войско. Это войско было создано государством и служило государству.

Потомки первых терских казаков XVI–XVII вв. составляли незначительную часть терского казачества второй половины XIX – начала XX в. Предками большинства казаков Терского войска были донские, волжские, и «малороссийские» казаки, отставные солдаты, крестьяне, однодворцы. Среди терских казаков были не только русские, но и украинцы («малороссы»), осетины, кабардинцы, грузины, татары.

История формирования терского казачества тесно связана с историей народов Кавказа. С момента своего появления на Тереке не только казаки кавказского происхождения, но и все остальные (как служилые, так и вольные) становились союзниками и соратниками одних кавказских правителей и противниками других. Казаки были соседями многих народов Кавказа – кумыков, ногайцев, чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев. Их связывали как экономические, так и личные, дружеские отношения (куначество), что не исключало, однако, регулярно происходивших конфликтов, особенно обострившихся в XIX в.

Казаки изначально представляли собой особые социальные группы. И «вольные», и служилые казаки были профессиональными воинами, получавшими (в большинстве случаев) царское жалованье. Впоследствии казачество превращается в сословие, имевшее определенные права и обязанности, закрепленные юридически. Главной обязанностью казака была военная служба. Казачье сословие пользовалось рядом льгот – оно было освобождено от податей, поставки рекрут в армию и от денежного сбора на содержание земской полиции. Казаки имели сравнительно большие земельные наделы, хотя в этом отношении между отдельными станицами и между отдельными казачьими полками существовали значительные различия.

Социальные границы отделяли казачество от всех других групп населения империи. Эти границы не были непреодолимыми, но они полностью контролировались государством. Царскими указами в состав казачества зачислялись целые села и слободы. Сотни и тысячи крестьян, однодворцев, отставных солдат становились казаками. Точно так же целые станицы могли потерять свой статус и превратиться в села, а их жители – в крестьян или горожан.

Все это позволяет сделать вывод о том, что казачество не являлось этнографической группой: принадлежность к этническим общностям обычно определяется не государством. Границы между казачеством и другими сословиями были границами социальными, но их нельзя считать этническими или этнокультурными границами.

Социальная обособленность казачества выражалась и в характере его расселения. Каждое казачье войско имело свою территорию, свою землю, свои поселения – станицы. В большинстве станиц неказачье население было малочисленным, но там, где его было сравнительно много, оно нередко селилось отдельно от казачества. Так, в ряде станиц существовали особые слободки, в которых жили отставные солдаты.

Казачье самосознание было в первую очередь самосознанием сословным. Казаки противопоставляли себя, прежде всего, «мужикам», то есть крестьянам, а также ремесленникам и торговцам, проживавшим в станицах. Казачек никогда не выдавали замуж за иногородних. Казаки тоже не женились на девушках из других сословий. Не только браки между ними не допускались, но и общение ограничивалось. Например, для девушки-казачки считалось предосудительным даже просто разговаривать с иногородним. С точки зрения казаков, «мужики» составляли низшую социальную группу. В станицах считалось, что «мужик» – ругательное слово» и «наибольшее оскорбление – сказать казаку, что он не казак, а «мужик»¹.

Отмечалось даже сходство между традициями казачества и дворянства в том отношении, что казаки тоже придавали большое значение доблести и заслугам своих предков, древности рода, преданиям старины. Исходя из этого, они считали себя «существами какой-то высшей, привилегированной расы»². Казаки верили, «что самый дух казачества и все военно-казачьи способности приобретаются не столько воспитанием, сколько рождением, в силу наследственной передачи. По их мнению, казаки рождаются, а не делаются...»³. Представление казаков о своем особом происхождении, видимо, и привело их к мысли о том, что они отличаются от крестьян не только своим социальным статусом, но и своей этнической принадлежностью. Многие казаки не считали себя русскими. В том числе и терские казаки (например, жившие в станице Наурской потомки волжских и донских казаков, переселенных на Кавказ) не называли себя русскими, «в большинстве своем они называют себя просто казаками, не понимая значения слова; в данном случае они считают себя за отдельную национальность»⁴. То есть социальная, сословная идентичность стала восприниматься как этническая идентичность. И опять напрашиваются параллели с дворянством. Во многих странах высшие классы считали, что имеют иное происхождение, чем простой народ, и что социальное неравенство явилось следствием завоевания одного народа другим. Казаки придерживались похожих взглядов, но они пошли еще дальше. По их мнению, они не только происходили от другого народа или народов, но и оставались другим народом, отличающимся от русского. Социальные различия

понимались ими как национальные. Однако эта точка зрения не находила понимания у властей. Государство считало казаков особым сословием, но никак не народом.

Не только границы между казачеством и другими сословиями, но и границы между отдельными группами казачества (например, между терским и кубанским) устанавливались государством и им же неоднократно изменялись. Это касалось не только территориальных границ, но и самой принадлежности к той или иной группе казачества: терским казаком считался человек, служивший в Терском казачьем войске, а кубанским – соответственно, в Кубанском войске. Границы между Терским и Кубанским казачьими войсками были границами военно-административными, а не этнокультурными.

Внутри терского казачества существовали группы, которые различались языком, культурой и самосознанием, существовали этнокультурные границы, сохранением и регламентацией которых государство не занималось.

Прежде всего, от других групп казачества резко отличались казаки-осетины, кабардинцы, грузины, представители других народов. Примером могут служить станицы Черноярская и Новоосетинская – бывшие осетинские села. От того, что их жители были зачислены в казачество, они не перестали быть осетинами. От других казаков их отличали и язык, и материальная, и духовная культура. Естественно, что они помнили о своем происхождении, знали о нем и другие казаки. Казаки-грузины станицы Шелкозаводской жили настолько обособленно, что в их семьях долгое время женщины ни слова не понимали по-русски⁵. Татары, зачисленные в казачество и обосновавшиеся в станице Новогладковской, тоже жили замкнуто и «по своему домашнему укладу и обстановке» они не отличались от своих соседей-кумыков⁶.

С 1823 по 1860 г. казаками считались кабардинцы и абазины, проживавшие в станице Бабуковской, хотя они неоднократно обращались к начальству с просьбами исключить их из этого сословия, и в конечном счете их просьба была удовлетворена. Были и другие примеры службы горцев в казачьем войске.

Этнокультурная обособленность казаков кавказского происхождения не вызывает сомнения, однако и восточнославянское казачество Северного Кавказа не было этнически однородным. Особую группу составляли казаки-украинцы. Они проживали в нескольких терских станицах, таких, как станица Прохладная. Ее основали в конце XVIII в. крестьяне–«малороссы», ставшие впоследствии казаками. Жителями станиц Пришибской, Ардонской, Архонской и др. были «малороссийские казаки», переведенные в 30 г. XIX в. на Кавказ. Во многих других

терских станицах украинцы составляли значительную часть населения. В XIX в. тысячи украинских крестьян переселились в терские станицы и пополнили ряды казачества.

В конце XIX в. они еще сохраняли свой язык и традиционную культуру. Согласно переписи населения 1897 г., 9,8% терских казаков считали своим родным языком «малорусский», т.е. украинский. Так, в станице Шелкозаводской отмечалось, что язык казаков украинского происхождения «чисто малороссийский, хотя в последнее время у молодых казаков и казачек замечается стремление говорить ломанным великорусским языком с примесью малорусских слов и оборотов речи»⁷.

Жители станицы Прохладной говорили на украинском языке, хотя он и подвергся влиянию русского языка. Это подтверждается как свидетельством краеведов, так и сделанными в тот период записями свадебных песен. Еще 20–30 лет назад в речи старожилов города Прохладного было много украинизмов, а некоторые пожилые казачки из города Майского (бывшей станицы Пришибской) говорили скорее по-украински, чем по-русски. В станицах Екатериноградской и Солдатской, где потомки украинских крестьян составляли значительную часть казачества, украинский язык сохранялся еще в середине XX в.

Различиям в языке соответствовали и различия в фольклоре. Свадебные песни станицы Прохладной конца XIX в. – это явно украинские песни, они имеют большое сходство с песнями, записанными на Украине⁸. Не только свадебные, но и календарные песни (колядки, щедровки) терских казаков украинского происхождения были близки к украинским песням. В станице Пришибской были записаны песни о Маланке или Мыланке, полностью совпадающие с аналогичными украинскими песнями. В то же время для русского фольклора эти песни были чужды, и в большинстве терских станиц они не были известны.

Не только фольклор, но и обрядность казачества в разных станицах различалась в зависимости от этнического состава их населения. Существует очень подробное описание свадебной обрядности станицы Прохладной конца XIX в. По всем признакам, это была обычная украинская свадьба, такая же, как где-нибудь в Полтавской губернии. Помимо фольклора, украинской была вся терминология: название свадьбы и отдельных обрядов, всех свадебных чинов, свадебного деревца и т.п. Обряды и их последовательность полностью соответствовали украинской свадебной обрядности. Например, накануне свадьбы жених и невеста, празднично одетые, отправлялись приглашать гостей. Этот обычай характерен именно для украинской свадьбы. Он не был известен в русских селах, как и в большинстве терских станиц. Среди свадебных чинов в станице Прохладной важное место отводилось

світилке – младшей сестре или другой родственнице жениха, которая несла свечу во главе свадебной процессии. В тех станицах, где казачество было русским по происхождению, подобного персонажа на свадьбе не было⁹. Что касается других станиц с преобладанием украинского населения, то столь подробные описания их обрядности не сохранились, но имеющиеся материалы позволяют сделать вывод, что и в этих станицах в начале 20 в. еще сохранялись украинские обряды, украинская свадебная терминология и фольклор.

И материальная культура терских казаков украинского происхождения оставалась во многом такой же, какой была на их родине: «дома, надворные постройки, плуги, повозки, внутреннее убранство домов – все это имеет малорусский вид и характер. Даже пищу они едят ту же, что и прежде...»¹⁰.

Этнокультурные границы между казаками украинского и русского происхождения выражались и в некоторой обособленности этих групп. Казаки-украинцы часто жили в отдельных станицах. Если же они составляли только часть казачества станицы, то тоже проживали компактно и долгое время сохраняли свой язык и некоторые особенности культуры. Например, одну из частей («краев») станицы Солдатской занимали выходцы с Украины, которых называли «хохлами». То же самое относится к станице Екатериноградской. Переселенные в гребенские станицы казаки-«малороссы» жили в особых «выселках», располагавшихся совершенно в стороне от станицы, обыкновенно на большом «шляху»¹¹.

Этническая неоднородность терского казачества прекрасно осознавалась самими казаками, а также историками и краеведами конца XIX – начала XX в. Они писали, например, о том, что все казаки станицы Прохладной были «малороссами», а в станице Екатериноградской жили и «малороссы», и «великороссы»¹².

Русское по происхождению казачество также не было этнически единым. Внутри него выделяется, прежде всего, группа гребенских казаков. Их предки переселились на Кавказ еще в XVI–XVII вв. С 1725 г. они жили в 5 станицах на Тереке: Червленной, Шадринской, Старогладковской, Новогладковской и Курдюковской. Они составляли Гребенское войско, а позднее – гребенской казачий полк.

От других групп терского казачества гребенские казаки отличались, в первую очередь, своим говором. Говор гребенских казаков резко отличался от других русских говоров Северного Кавказа. На это еще в начале 20 в. обратил внимание М.А.Караулов. Исходя из особенностей гребенского говора, он сделал вывод о происхождении гребенских казаков не от донских, а от жителей Рязанского княжества и новгородских ушкуйников.

Советские ученые, занимавшиеся исследованием русских терских говоров, тоже отмечали различия между говором гребенских казаков и говорами других групп терского казачества. Об этом писала, например, Г.А. Яковлева: «Терские говоры имеют ярко выраженный южнорусский характер, в говоре гребенцов исследователи находят среднерусские черты»¹³. То есть, по своему языку гребенские казаки были ближе к населению центральной России, чем к казакам соседних станиц. Уже эти особенности говора делали границу между гребенскими казаками и другими группами терского казачества очень четкой.

Однако гребенских казаков отличали также и особенности их материальной и духовной культуры, в которой удивительным образом сочетались русская старина и кавказские заимствования, причем нередко они составляли единый комплекс. Так, в одном дворе могла находиться бревенчатая русская изба с высокой крышей и низкая сакля с плоской крышей. Гребенские казачки сочетали *бешмет*, напомилавший одежду народов Кавказа, с таким старинным русским головным убором как *сорока*. В других группах терского казачества и русские традиции сохранились хуже, и кавказских заимствований было меньше. В конце XIX – начале XX в. большинство терских казачек одевалось так же, как кубанские казачки, русские и украинские крестьянки Северного Кавказа и женщины во многих других регионах России. Только гребенские казачки (и казачки низовьев Терека) сохраняли старинный женский костюм, в других же станицах он был редкостью.

Традиционная обрядность гребенских казаков отличалась от обрядности других групп терского казачества. Это относится, в частности, к свадебным обрядам, которые отличались от обрядности всех других групп восточнославянского населения Северного Кавказа отсутствием свадебного каравая и связанных с ним обрядов и песен (его, видимо, заменяли пироги). Кроме того, у гребенских казаков после сватовства «до самого венчания мать жениха каждую субботу носит в дом невесты либо пирог, либо лепешку и непременно графин чихиря». В течение недели перед свадьбой у гребенских казаков невеста причитала, сидя в углу комнаты. В других терских станицах такого обычая не было. Свадебная обрядовая пища гребенских казаков также имела свои особенности. У них «вяленый на солнце сазан от глубокой старины составляет неотъемлемую принадлежность каждой свадьбы». В других станицах на Тереке рыба не входила в состав обязательной свадебной пищи.

Календарная обрядность гребенского казачества также отличалась от обрядов других терских станиц. Такая масленичная обрядовая игра как «взятие города» была зафиксирована только в гребенских и нижнетерских станицах. Там же существовал обычай пускать

«корабли» по Тереку на Троицу. В других терских станицах ничего подобного не было.

Ряд аналогичных примеров можно было бы продолжить, но и уже приведенных достаточно для того, чтобы подтвердить вывод о том, что гребенские казаки отличались от всех остальных групп терского казачества не только говором, но и традиционной культурой.

Следует отметить также, что гребенские казаки были старообрядцами. В некоторых других терских станицах тоже жили старообрядцы, но они составляли небольшую часть терского казачества. Религиозные различия, безусловно, способствовали обособленности гребенских казаков, а также сохранению у них архаичных форм материальной и духовной культуры. Все это позволяет выделить гребенских казаков в особую этнографическую группу внутри терского казачества. В состав этой группы входили не все казаки, проживавшие в гребенских станицах. Казаки украинского происхождения, казаки-грузины, казаки-татары, хотя и жили рядом с гребенскими казаками, но отличались от них своими этнокультурными характеристиками.

Гребенские казаки, не смирившись с тем, что крестьяне-«малороссы» и грузины были зачислены в казачество, долгое время отказывались признавать их равными себе. С точки зрения гребенских казаков, украинские переселенцы – это «неспособная к казачьей жизни и службе толпа мужиков-хохлов»¹⁴. Переселенцы, в свою очередь, считали гребенцов «азиатами»¹⁵. Их взаимная неприязнь усугублялась еще и религиозными различиями. Этнокультурные особенности также увеличивали социальную дистанцию между ними.

Уже говорилось, что украинские переселенцы, зачисленные в казачество, вынуждены были селиться на некотором расстоянии от гребенских станиц. Казаки станицы Червленной даже разделили свой земельный надел на две части, и одну из них отдали переселенцам, чтобы они могли образовать отдельную станицу, а не жить в Червленной¹⁶. Нетерпимость гребенских казаков доходила до того, что они запрещали переселенцам набирать воду из станичных колодцев своими ведрами. Им приходилось ждать, пока к колодцу подойдет кто-нибудь из гребенских казаков¹⁷.

Казаки трех нижнетерских станиц (Дубовской, Бороздинской и Каргалинской) в этнокультурном отношении занимали как бы промежуточное положение между гребенскими и другими терскими казаками. Их традиционная культура в чем-то была близка к гребенской (женский костюм, календарные обряды), но в чем-то отличалась от нее.

Возможно, что в будущем удастся выявить и другие этнографические группы в составе терского казачества. Не исключено, что такую

группу составляли, например, потомки волжских казаков, переселенных во второй половине XVIII в. на Кавказ и вошедших в состав терского казачества. Однако надо отметить, что их материальная и духовная культура не имела столь явных и очевидных этнических особенностей, как культура гребенских казаков. В конце XIX – начале XX в. одежда и пища, обрядность и фольклор потомков волжских казаков (станции Екатериноградская, Ищерская, Наурская, Мекенская, Галюгаевская, Калиновская и др.) мало отличались от соответствующих явлений культуры других групп терского казачества русского происхождения (потомков отставных солдат, однодворцев, крестьян). Не исключено, что первоначально такие различия существовали, однако впоследствии они сгладились в результате процессов этнической консолидации.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что казачество в XIX – начале XX в. являлось особым сословием и отделялось от других групп населения России социальными, но не этнокультурными границами и казачество не являлось этнической группой. Эти границы охранялись и контролировались в первую очередь государством. От кубанских и других казаков терское казачество отделяли военно-административные границы. Этнокультурные границы проходили внутри терского казачества и разделяли его на несколько групп: казаков кавказского происхождения, украинцев, гребенских казаков и других.

Этническая консолидация терского казачества привела к тому, что у всех терских казаков русского и украинского происхождения к концу XIX – началу XX в. выработались общие формы материальной и духовной культуры. Это касалось, например, одежды. Мужская одежда имела много общего во всех станицах – это понятно, поскольку военная форма казачества регламентировалась государством. Но и женский казачий костюм у всех терских казаков, кроме гребенских, был одинаковым. Постепенно сближались и другие компоненты материальной культуры – пища, планировка и конструктивные особенности жилища. Более существенные различия сохранялись в языке, фольклоре и обрядности, но и здесь происходили изменения. Украинские песни проникали в репертуар казаков русского происхождения и наоборот. В результате многие песни стали общими для большинства станиц. Это относится и к свадебным песням, и к колядкам, щедровкам и т.п. Те же процессы охватывали и обрядность.

Нетерпимость гребенских казаков по отношению к другим группам казачества также постепенно сглаживалась. Те и другие принимали участие в работе станичных сходов и станичных правлений. В станице Новогладковской даже выбрали одного из переселенцев в атаманы¹⁸.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что к концу XIX – началу XX в. процесс этнической консолидации терского казачества еще не был завершен. Следует отметить также, что этот процесс протекал не в рамках только терского казачества, а в рамках всего русского и украинского населения Северного Кавказа в целом. У него складывались общие формы хозяйства, материальной и духовной культуры, что было обусловлено как общностью природных и экономических условий, так и тесными связями различных групп восточнославянского населения региона, включавшего в свой состав терских и кубанских казаков, русских и украинских крестьян, а также горожан. Однако, как и в случае с терским казачеством, в масштабах Северного Кавказа процесс этнической консолидации русского и украинского населения к началу XX в. не был завершен.

На традиционную культуру казачества оказали влияние его контакты с народами Кавказа. Особенно сильным это влияние было в военной сфере. На протяжении нескольких веков казаки и соседние народы бывали и противниками, и союзниками. Это способствовало появлению у них одинаковых видов оружия и тактики боевых действий¹⁹. В XIX в. на вооружении казаков Кавказского линейного казачьего войска были: черкесский пистолет, черкесское ружье, черкесская шашка и черкесский кинжал²⁰. Причем соответствующие указы и постановления фиксировали необходимость именно такого оружия. Казачьи седла, чехлы для ружей и портупей тоже были сделаны по образцу черкесских. Строевых лошадей казаки чаще всего покупали у кабардинцев, ногайцев или чеченцев.

Военная форма казачества включала в свой состав черкеску, бешмет, «кавказский» пояс, ноговицы, бурку, башлык, папаху. Весь этот комплекс одежды целиком был заимствован у народов Кавказа. Он был хорошо приспособлен к условиям боевых действий.

Повседневная же одежда казаков испытала значительно меньшее влияние со стороны народов Кавказа. То же относится и к женской одежде. Женский *бешмет*, имевший распространение в некоторых терских станицах, является одним из немногих примеров этого влияния.

Кавказское происхождение, видимо, имеют сакли с плоской крышей в гребенских станицах, очаг в летней кухне с плетеным и обмазанным глиной дымоходом, а, возможно, и особая планировка гребенского жилища, в котором сени превратились в жилую комнату,

Кавказское влияние проявлялось и в том, что на стенах часто было развешено оружие: шашки, кинжалы, ружья, а также в том, что на сундуках или лавках складывались перины и подушки, а сами лавки застилались войлоком, а у зажиточных казаков даже коврами. Впрочем,

ковры имели распространение далеко не во всех станицах, а, главным образом, в тех, которые находились недалеко от дагестанских сел, где они, видимо, и приобретались²¹. Плетенные из хвороста хранилища для кукурузы в некоторых станицах – видимо, результат кабардинского влияния.

Хинкал, который готовили в нижнетерских станицах, явно был заимствован у народов Дагестана. Паста (*пастэ*) гребенских казаков – крутая пшеничная каша, заменявшая хлеб – имеет кабардинское происхождение. Трудно сказать, у какого именно народа переняли казаки способ приготовления сыра с применением сычужной закваски, но он имел у них тюркское название *бишлек*. То же относится к названиям еще нескольких известных казакам молочных продуктов – *каймак*, *айран*, *кумыс*, *курт*. Некоторые мясные блюда, получившие распространение у казаков – шашлык и каурма – видимо, имеют кавказское происхождение. Несколько блюд из винограда или изюма, видимо, появились у казаков под влиянием грузинской кухни – грузины жили в некоторых станицах и в Кизляре.

Влияние народов Кавказа на различные отрасли хозяйства терского казачества также не было одинаковым. Наиболее существенным оно было в скотоводстве, явно выраженным – в виноградарстве, и значительно менее заметным – в возделывании зерновых или в лесных промыслах, хотя лиманная система земледелия нижнетерских станиц и некоторые сорта зерновых имеют, очевидно, кавказское происхождение.

На скотоводство казаков оказали большое влияние соседние народы. Их породы крупного и мелкого рогатого скота были хорошо приспособлены к местным условиям. Способы его содержания также были близки к кавказским. Этому способствовало то обстоятельство, что пастухами в станицах нередко бывали калмыки или ногайцы. Казаки также пытались разводить лошадей знаменитой кабардинской породы, которые достались им в годы Кавказской войны в качестве военной добычи.

Если существовали серьезные препятствия в заимствовании элементов хозяйства и материальном культуре, то еще более сложным процессом было взаимовлияние в области духовной культуры. Особые трудности здесь создавали глубокие различия в языке и религии. Один из немногих примеров такого влияния такой мифологический персонаж казаков как *лобаста*. Это явно *алмасты* или *албасты*, известный многим народам Кавказа. Лезгинка была популярным в станицах танцем.

В семейных отношениях, помимо общих для многих народов патриархальных норм, можно отметить у казаков обычаи, напоминающие избегание.

Кавказское влияние более явно проявлялось у гребенских казаков, и было значительно слабее выражено у других групп, позднее переселившихся на Кавказ.

Примечания

1. *Востриков П.А.* Станица Наурская // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее – СМОМПК). Тифлис, 1904. Вып. 33. Отд. 2. С. 192; *Семенов П.* Несколько страничек из жизни казаков станицы Слепцовской Сунженского округа Терской области // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 16. Отд. 1. С. 169–170.

2. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. 1881. С. 212.

3. Там же. С. 368.

4. *Востриков П.А.* Указ. соч. С. 199.

5. Там же. С. 329.

6. *Гребенец Ф.С.* Новогладковская станица в ее прошлом и настоящем (Краткий историко-географический и статистический очерк // СМОМПК. Тифлис, 1915. В. 44. С. 96.

7. Там же. С. 375.

8. *Головчанский С.Ф.* Станица Прохладная Терской области Пятигорского округа // СМОМПК. Тифлис, 1893. В. 15. Отд. 1. С. 1–36.

9. Там же. С. 15.

10. Статмонографии... С. 375.

11. Там же. С. 235.

12. Статмонографии... С. 419; *Урусов С.М.* Станица Екатериноградская // СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. Отд. 2. С. 9.

13. *Яковлева Г.А.* Словарь русских Терских говоров. Нальчик, 1985. С. 6.

14. Статмонографии... С. 369.

15. Там же. С. 371.

16. *Малявкин Г.* Станица Червленая Кизлярского отдела Терской области. Этнографическое обозрение. 1891. № 2. С. 40–41.

17. Статмонографии... С. 371–372.

18. Там же. С. 373.

19. *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 240–243.

20. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 20. Ч. 2. С. 99 (№ 18739).

21. *Бутова Е.* Указ. соч. С. 7.

SUMMARY

The purpose of work is the determination of the status of the Tersky Cossacks and its changes from 16th to the beginning of the 20th century, definition of the place of this group among the nations of the North Caucasus. The main objectives consist in a research of history of formation of the Tersky Cossacks in the context of history of the North Caucasus, in identification of the internal structure of the community, the primary ethnocultural groups of which the Cossacks consisted, in studying of influence of the other nations of the Caucasus on material and spiritual culture of the Tersky Cossacks.

The research has an importance not only for history and ethnography of the Cossacks, but also for some theoretical problems of ethnography, such as a problem of ethnicity or of ethnic borders. Studying of history and the culture of the Cossacks is one of relevant problems of modern Russian ethnography and has not only a theoretical, but also a practical value. The Cossacks play now an active role in the life of Russian society, and in the past this role was even more important.

As a result of this research changes and additions have been made to a periodization of history of formation of the Tersky Cossacks, the periods of the most and the least active replenishment of the Tersky Cossacks community are allocated and their dependence on policy of Russia in the Caucasus is revealed, the complex structure of the Tersky Cossacks community is proved, the primary ethnocultural groups are revealed, ethnocultural ties of the Tersky Cossacks with other groups of the East Slavic population of the North Caucasus are recorded, the new facts of contacts of Cossacks and other nations of the Caucasus and their impact on ethnocultural development of the region are established.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдусаламов М.-П.Б.* Кумыкские феодальные владения в контексте русско-иранского противоборства на Кавказе в 50-х гг. XVII в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 172. С. 80–88.

2. *Абдусаламов М.-П.Б., Муртазаев А.О.* Роль Российских властей на Кавказе в урегулировании конфликтов в связи с конокрадством между кумыкскими владельцами и гребенскими казаками в XVIII в. (по материалам Кизлярского комендантского архива) // Исторические, филологические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 13–18.

3. *Абрамов Г.* Несколько исторических сведений о гребенских и терских казаках // Военный сборник. 1877. № 6. С. 272–279.

4. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.

5. *Акоева Н.Б.* Влияние модернизационных процессов на повседневную жизнь казачьего населения Юга России во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. ... д-ра ист. наук (07.00.02). Майкоп, 2012. 38 с.

6. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. СПб.: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842.

7. Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные А.А. Лишиным: в 3 т. Новочеркасск: Изд. Обл. правл. Войска Дон., 1891–1894.

8. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской академии наук: в 4 т. СПб.: в Тип. 2 отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836.

9. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. В 13 т. Тифлис: тип. Гл. упр. Наместника Кавк., 1866–1904.

10. Александрова М. Самашкинская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. частью, 1889. С. 88–89.

11. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865–1869.

12. *Афанасьев М.* Станица Терская Сунженского отдела, Терской области // СМОМПК. В. 16. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. частью, 1893. Отд. 1. С. 101–133.

13. *Ахмадов Ш.Б.* Кунаки // Вехи единства. Грозный, 1982. С. 102–110.

14. *Ахмадов Я.З.* Из истории складывания первого казачьего сообщества на Тереке // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2013. № 1 (18). История. С. 94–97

15. *Ахмадов Я.З.* Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. Грозный: Благотв. Фонд поддержки чеченской литературы, 2009. 422 с.

16. *Байбурун А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.

17. *Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И.* Русская свадьба: Свадеб. обряд на Верх. и Сред. Кокшеньге и на Уфтюсе (Тарног. р-н Вологод. обл.). М.: Современник, 1985. 390 с.

18. *Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Виноградов В.Б.* Календарная обрядность терских казаков // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 50–63.

19. *Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф.* Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период. Монография. Ставрополь: Ставролит, 2012. 296 с.

20. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеч. из Моск. глав. архива М-ва иностр. дел. Вып. 1: 1578–1613. М.: Унив. Тип., 1889. 584 с.

21. Беломорские былины / записаны А. Марковым, предисл. В.Ф. Миллера. М.: А.А. Левенсон, 1901. 618 с.

22. *Бентковский И.* Бабуковцы // Ставропольские губернские ведомости. 1879. № 50.

23. *Бентковский И.* Гребенцы // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1887. Кн. 3. М., 1887. Отд. 4. С. 1–33.

24. *Берберова Е.Г.* Особенности климатогеографической и социокультурной адаптации в условиях заселения и освоения Северного Кавказа // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1 (140). С. 109–112.

25. *Бирюков И.А.* Из истории волжского казачьего войска // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1914. № 1. С. 21–54.

26. *Бирюков И.* Несколько глав из истории Волжского казачьего войска // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1912. № 2–4.

27. *Боднева Н.А.* Становление и развитие системы семейного воспитания в терском казачестве (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. пед. наук (13.00.01). Белгород, 2008. 23 с.

28. *Болохина Н.И.* Проблема происхождения терского казачества в отечественной историографии // Вестник Дагестанского государственного университета. 2009. В. 4. С. 37–44.

29. *Бондарь Н.И.* Календарные праздники и обряды Кубанского казачества. 2-е изд. Краснодар: Традиция, 2011. 374 с.

30. *Бондарь Н.И.* Потопление Марыны/Марины (материалы к купальской обрядности на Кубани) // Дикаревские чтения (5). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 1999. С. 142–149.

31. *Бондарь Н.И.* Традиционная культура кубанского казачества. Избранные работы. Краснодар: КГТНОУ «Кубанский казачий хор», 1999. 148 с.

32. Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1988. 235 с.

33. *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981. 390 с.

34. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 284 с.

35. *Букановский Н.* Солдатская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. Гражд. частью, 1889. С. 126–128.

36. *Бурда Э.В.* Очерки о терском казачестве. Нальчик: Полиграф-сервис и Т, 2003. 213 с.

37. *Бурда Э.В.* Сборник пословиц и поговорок, примет и сказок, собранных по казачьим станицам Кабардино-Балкарии. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2016. 131 с.

38. *Бурда Э.В.* Терское казачество и Российское государство. XVI–XXI вв. История взаимоотношений. М.: Изд. Надыршин А.Г., 2015. 592 с.

39. *Бурда Э.В.* Терское казачье войско второй половины XVI – начала XX века. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2010. 224 с.

40. *Бурда Э.В.* Образование города Моздока и переселение волжских и донских казаков // Общество: философия, история, культура. 2013. № 2. С. 49–57.

41. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1–3. СПб., 1869.

42. *Бутова Е.* Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа // СМОМПК. В. 15. Тифлис, 1893. С. 227–289.

43. *Бутова Е.* Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // СМОМПК. В. 7. Тифлис: Тип. Канц. Главногонач. Гражд. частью, 1889. С. 3–156.

44. *Бутова Е., Лысенко.* Станица Ищерская // СМОМПК. В. 16. Тифлис: Тип. Канц. Главногонач. Гражд. частью, 1893. С. 37–56.

45. *Варивода Н.В.* Влияние миграционных процессов на хозяйственно-экономическое развитие терского казачества в пореформенный период // Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели. Материалы международного симпозиума, посвященного 20-летию КБНЦ РАН. Научный сборник. Нальчик, 2013. С. 86–90.

46. *Варивода Н.В.* Культурное взаимодействие терских казаков и кабардинцев во второй половине XVI–XIX веков // Контакты и взаимодействие культур. XI Конгресс антропологов и этнологов России: Сборник материалов. 2015. С. 293.

47. *Варивода Н.В.* Миграция восточнославянского населения на территорию центрального Предкавказья в XIX в.: основные тенденции и особенности // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик, 2014. С. 83–91.

48. *Варивода Н.В.* Процессы адаптации восточнославянского населения центрального Предкавказья в хозяйственно-экономической и культурной сферах в XVIII–XIX веках // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX вв.: направление и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей по материалам региональной научной интернет-конференции. Нальчик, 2015. С. 148–155.

49. *Варивода Н.В.* Терское казачество во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: состав, динамика численности, расселение // Материалы юбилейной международной научной конференции «Россия и Кавказ», посвященной 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова, 225-летию основания г. Владикавказ. Владикавказ, 2010. С. 35–40.

50. *Варивода Н.В., Кешева З.М., Березгов Б.Н.* Социокультурное взаимодействие восточнославянского населения Центрального Предкавказья и северокавказских народов в XVIII – начале XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. С. 169.

51. *Вартанов Г.* Станица Курдюковская // СМОМПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главногонач. Гражд. частью, 1889. С. 57–58.

52. *Васильев Д.С.* Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1986. 244 с.

53. *Васильков В.В.* Народные обычаи казаков станицы Бекешевской (Баталпашинского отдела, Кубанской области) // СМОМПК. В. 36. Тифлис: Канц. наместника на Кавказе, 1906. С. 80–148.

54. *Великая Н.Н.* К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир: ЗАО «Скорина», 2001. 192 с.

55. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону: ЗАО «Скорина», 2001. 279 с.

56. *Великая Н.Н., Белецкая Е.М.* Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). Армавир: АГПА, 2014. 231 с.

57. *Вертепов Г.А.* Хозяйственное положение низовьев реки Терека // Терский сборник. В. 6. Владикавказ: Тип. Терского обл. Правления, 1904. С. 13–53.

58. *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Эльбрус, 1982. 253 с.

59. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* О времени заселения гребенскими казаками левого берега Терека // История СССР. 1975. № 6. С. 160–164.

60. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* О месте первоначального расселения гребенских казаков // Советская этнография. 1972. № 3. С. 31–42.

61. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И.* О ранних этапах формирования терско-гребенского казачества // Первая общероссийская научно-практическая конференция «Казачество как фактор исторического развития России». СПб., 1999. С. 73–75.

62. *Водарский В.А.* Песни, записанные в Червленной и Старогладковской станицах Терской области в 1901 году // СМОМПК. В. 39. Тифлис: Канц. наместника на Кавказе, 1908. С. 57–80.

63. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М.: Наука, 1974. 275 с.

64. *Востриков П.А.* Станица Наурская, Терской области // СМОМПК. В. 33. Тифлис: Тип. Канц. Главного нач. Гражд. частью, 1904. С. 102–309.

65. *Востриков П.А.* Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // СМОМПК. В. 37. Тифлис: Канц. наместника на Кавказе, 1907. Отд. 2. С. 1–93.

66. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии Области и войска. Владикавказ, 1891–1914.

67. Высочайшие указы и повеления императора Петра I, данные правительствующему Сенату // Сборник Императорского русского

исторического общества. Т. 11. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1873. 565 с.

68. *Габисова С.З.* Свадебные песни и обряды казаков Северной Осетии // Дарьял. 2012. № 3–4 // http://www.darial-online.ru/2012_3/gabisova.shtml

69. *Гальцев В.С.* Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. XIX. Орджоникидзе, 1957. С. 101–114.

70. *Гапуров Ш.А., Бакашов А.В.* Восстание в Аргунском округе в 1860–1861 гг. // Вестник Академии наук Чеченской республики. Исторические науки. 2009. № 2 (13). С. 85–95.

71. *Гапуров Ш.А., Бакашов А.В.* Страницы истории освободительного восстания в Чечне в 1877 г. // Вестник Академии наук Чеченской республики. Исторические науки. 2011. № 1 (14). С. 101–107.

72. *Гарунов З.А.* Развитие скотоводства у русского населения Восточного Предкавказья во второй пол. XVIII – первой пол. XIX вв. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6–1. С. 1–7.

73. *Гарунова Н.Н.* Казачьи городки и крепости в низовьях Терека в XVII–XVIII вв.: мифы и реальность. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 162 с.

74. *Гарунова Н.Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. 275 с.

75. *Гарунова Н.Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2007. 58 с.

76. *Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д.* Российская имперская армия на Кавказе в XVIII веке: история кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала: АЛЕФ, 2011. 617 с.

77. *Геевский В.Н.* Шелководство по Тереку // Сборник сведений о Терской области. В. 1. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1878. С. 330–335.

78. *Геннеп А. ван.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит. 2002. 198 с.

79. *Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря». 1728 // История, география, этнография Дагестана в XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М.: Вост. лит., 1958. С. 60–118.

80. *Герберштейн С.* Записки о Московии: тип. В. Безобразова и К°. СПб., 1866. 230 с.

81. *Гильденштедт И.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.: Петерб. Востоковед., 2002. 505 с.

82. *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд. МГУ, 1982. 216 с.

83. *Голованова С.А.* Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект. Монография. Армавир: АГПА, 2014. 123 с.

84. *Голованова.* Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции (вторая половина XVI – конец XIX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук (07.00.02). М., 2005. 37 с.

85. *Головчанский С.Ф.* Станица Прохладная Терской области Пятигорского округа // СМОМПК. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. Гражд. частью, 1893. Вып. 15. Отд. 1. С. 1–36.

86. *Гребенец Ф.С.* Из быта гребенских казаков // СМОМПК. В. 40. Тифлис: Канц. наместника на Кавказе, 1909. Отд. 2. С. 9–47.

87. *Гребенец Ф.С.* Новогладковская станица в ее прошлом и настоящем (Краткий историко-географический и статистический очерк) // СМОМПК. В. 44. Тифлис: Канц. наместника на Кавказе, 1915. С. 77–116.

88. *Григорьев А.Ф.* Этническая картина мира гребенских казаков (на примере ритуально-обрядовых традиций и песенного фольклора). Ставрополь: Возрождение, 2011. 333 с.

89. *Гриценко Н.П.* Истоки дружбы (из истории экономических, культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд., 1975. 196 с.

90. *Гриценко Н.П.* Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Труды. Т. IV. Грозный: газ. «Грозн. рабочий», 1961. 191 с.

91. *Гришокина Н.Б.* Хозяйственная деятельность линейных казаков и ее отражение в мировоззрении и обрядовой культуре: конец XVIII в. – 1917 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). Карачаевск, 2015. 22 с.

92. *Губанов Г.П.* Хуторская жизнь в Терской области // СМОМПК. В. 33. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. Гражд. частью, 1904. Отд. 2. С. 35–101.

93. *Губарев Г.В.* Казачий словарь-справочник: в 4 т. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1968 (Репринтное воспроизведение. М.: Созида-ние, 1992).

94. *Гусев А.* Поверия, праздники, песни и сказки в ст. Ардонской. Терской области // СМОМПК. В. 16. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. частью, 1893. Отд. 1. С. 317–366.

95. *Гусев В.В.* История станиц Центрального Предкавказья в конце XVIII – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). Пятигорск, 2005. 24 с.

96. *Данилова Е.Н., Заседалева Л.Б.* Влияние традиций северокавказских народов на семью и семейный быт славянского населения Северного Кавказа // «APRIORI. Серия: Гуманитарные науки». WWW.APRIORI-JOURNAL.ru. № 5. 2016. С. 1–20.

97. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века: сборник документов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 785 с.

98. *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб.: Тип. К. Крайя, 1829. 463 с.

99. Дело по челобитным Муцала мурзы Черкасского // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1894 г. Кн. 3. М.: Универс. тип., 1894. С. 75–80.

100. *Дзагалов А.С.* Укрепления и казачьи станицы центра Кавказской линии и Владикавказского военного округа в 30–40-х годах XIX в. // Архивы и общество. Нальчик, 2009. № 11.

101. *Дзагалов А.С.* Формирование и переселение малороссийских казачьих полков на территорию Терской области. Сопоставление и сравнительный анализ архивных сведений // Український історичний збірник. Київ, 2007. Вип. 10. С. 95–102.

102. *Дзагалов А.С.* Обзор архивных и статистических источников по переселению украинцев в Терскую область (XIX – начало XX вв.) // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. Київ, 2005. Вип. 10. С. 245–264.

103. *Дзагалов А.С.* Патрикей Ницык как исследователь истории 1-го и 2-го Малороссийских казачьих полков // Український історичний збірник. Київ, 2011. Вип. 14. С. 205–215.

104. *Дзагалов А.С.* Переселение отставных солдат – выходцев из Украины на передовые рубежи Кавказской казачьей линии в 1860–61 гг. // Український історичний збірник. Київ, 2009. Вип. 12. С. 124–130.

105. *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа. Нальчик: КБГУ, 2007. 327 с.

106. *Дмитренко И.И.* Материалы к истории Терского казачьего войска // Терский сборник. Издание Терского областного статистического комитета / под ред. Г.А. Вертепова. В. 4. Владикавказ: Тип. Обл. правления, 1897. С. 53–126.

107. *Дмитриев В.А.* Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 58–68.

108. Донские дела. Кн. 1–5. // Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. Т. 18, 24, 26, 29, 34. СПб–Петроград: Тип. Гл упр. уделов., тип. Мин-ства земледелия, 1898–1917.

109. Дополнения к актам историческим собранные и изданные археографической комиссией: в 12 т., СПб.: Тип. Э. Праца, 1846–1875.

110. Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, изданная Н. Новиковым. Ч. XX. М.: Тип. Компании типографической, 1791. 442 с.

111. *Дубенский Д.* Конские породы, табуны и заводы Кавказа, их прошлое и настоящее. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1896. 52 с.

112. *Елоев.* Станица Георгиевская // Терский сборник. В. 5. Владикавказ: тип. Терского обл. правления, 1903. С. 76–94.

113. *Емельянов О.Б.* Земледелие в казачьих станицах Восточного Предкавказья в первой половине XIX века. Георгиевск, Новопавловск: Кировская районная тип., 2007. 66 с.

114. *Емельянов О.Б.* О производстве шелка в казачьих станицах терского левобережья в дореформенный период // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2009. № 2. С. 64–76.

115. *Емельянов О.Б.* Предоставление земельных угодий казачьим общинам терского левобережья в первой половине XIX века // Вестник института ИАЭ. 2008. № 4. С. 72–86.

116. *Емельянов О.Б.* Промысловое рыболовство в казачьих станицах терского левобережья в первые пореформенные годы XIX века // Археология и этнология Северного Кавказа. 2015. В. 4. С. 57–75.

117. *Емельянова Л.А.* О земледельческих занятиях казачества волжских станиц центрального Предкавказья в середине XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. В. 12. С. 54–59.

118. *Емельянова Л.А.* Развитие скотоводства и коневодства в волжских общинах Кавказского линейного казачьего войска в середине XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. В. 1. С. 27–32.

119. *Емельянова Л.А.* Хозяйственное развитие волжских станиц Кавказского линейного казачьего войска в контексте военно-политических процессов (1840–1864): автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). Ставрополь, 2012. 25 с.

120. *Ермолов А.П.* Записки Алексея Петровича Ермолова. 2 т. М.: изд. Н.П. Ермолова, 1865–1868.

121. *Заседателева Л.Б.* Восточные славяне на Северном Кавказе в середине XVI – начале XX века (динамика этнокультурных процессов): автореф. дис. ... д-ра ист. наук (07.00.07). М., 1996. 72 с.

122. *Заседателева Л.Б.* К истории формирования терского казачества // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 3. 1969 г. С. 53–65.

123. *Заседателева Л.Б.* Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI – XIX // Кавказский этнографический сборник. VIII. М., 1984. С. 38–64.

124. *Заседателева Л.Б.* Празднично-обрядовая культура и ее роль в идентификации славянского населения Северного Кавказа // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею доктора исторических наук, профессора Клавдии Ивановны Козловой. Сборник научных статей. М.: Изд. МГУ, 2012. С. 154–166.

125. *Заседателева Л.Б.* Социально-этнические аспекты семьи и брака у восточнославянского населения Северного Кавказа (XVII – начало XX века) // Проблемно-тематическое пространство и тематические границы современной этнологии. К юбилею доктора исторических наук, профессора Геннадия Евгеньевича Маркова. Сборник научных статей. М.: Изд. МГУ, 2013. С. 131–141.

126. *Заседателева Л.Б.* Соционормативные аспекты казачьей общины на Кавказе. Середина XVI – начало XX вв. // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сборник научных статей, посвященный 300-летию М.В. Ломоносова. М.: Изд. МГУ, 2011. С. 116–125.

127. *Заседателева Л.Б.* Специфика культурно-бытового уклада северокавказского казачества конца XIX – начала XX вв. // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 131–154.

128. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М: Изд. МГУ., 1974. 424 с.

129. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1991. 511 с.

130. *Зиновьева Т.* Закан-Юртовская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. частью, 1889. С. 82–84.

131. *Зубкова М.* Дубовская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. частью, 1889. С. 62–64.

132. *Идрисов Ю.М.* Тюменское владение между Волгой и Кавказом: рождение и гибель государства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 80–83.

133. *Иноземцева Е.И.* Казачество России в контексте крупномасштабной внешнеполитической акции Низового корпуса императорских

войск в юго-западном Прикаспии (1722–1735) // Вестник института ИАЭ. 1916. № 2. С. 13–19.

134. *Иноземцева Е.И.* Формирование нижнетерского казачества // Народы Дагестана. 2001. № 3. С. 23–27.

135. Исторические сведения о Гребенском казачьем полку // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1912. № 4. С. 27–54.

136. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. В 30 т. СПб.: Воен. тип. 1841–1862, 1900.

137. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик: Эль-фа, 2005. 904 с.

138. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.

139. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. 659 с.

140. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М.: ИВЛ, 1958. 367 с.

141. К истории русского казачества на Северном Кавказе в XVI в. // Советские архивы. 1989. № 1. С. 86–87.

142. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М.: Изд. Акад. наук, 1957.

143. Кавказ. В. 3. Европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик: Изд М. и В. Котляровых, 2010. 303 с.

144. Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб.: Изд. журн «Звезда», 2002. 549 с.

145. Кавказский календарь на 1867 г. Тифлис: Тип. Гл. управления, 1866. 625 с.

146. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении для чтения в войсках, семье и школе / сост. К.К. Абаза. СПб.: Изд. В. Березовский, 1899. 368 с.

147. Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. / под ред. Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова. Нальчик: Эль-фа, 1999. 327 с.

148. *Какаш и Тектандер.* Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Универс. тип., 1896. Кн. 2. Отд. 3. С. 1–54.

149. *Калоев Б.А.* Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. 1961. № 1. С. 41–53.

150. *Калоев Б.А.* Моздокские осетины. М.: Наука, 1995. 243 с.
151. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I–XII. М.: Книга, 1988–1989.
152. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков. СПб.: Тип. Акад. наук, 1902. 112 с.
153. *Караулов М.А.* Говор станиц бывшего Моздокского полка Терского казачьего войска. Варшава Тип. Варшавского учеб. окр., 1900. 50 с.
154. *Караулов М.А.* Терское казачество. М.: Вече, 2007. 320 с.
155. *Карачайлы И.* Горцы и казаки в XVIII веке: исторический набросок // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. / сост. Т.Ш. Биттирова. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 1996. С. 164–174.
156. *Карпинский М.П.* Гребенские казаки и их песни // СМОМПК. В. 27. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. частью, 1900. Отд. 4. С. 69–112.
157. *Касумов Р.М.* Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII века: дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). Махачкала, 1999. 188 с.
158. *Кидирниязов Д.С.* Взаимовлияние русского населения с северокавказскими народами в материальной и духовной сферах в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2016. № 1 (30). С. 62–67.
159. *Кидирниязов Д.С., Гарунов З.А.* Из истории формирования русского населения Терско-Кумского междуречья // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 67–70.
160. *Кикоть В.* Описание ст. Умахан-Юртовской, Терской области, Кизлярского отдела // СМОМПК. В. 16. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. частью, 1893. Отд. 1. С. 68–84.
161. *Киреев Ф.С.* Осетинский феномен в истории Терского казачьего войска // http://www.darial-online.ru/2003_5/kireev.shtml.
162. *Киржинова Ф.А.* Научное наследие Павла Львовича Юдина и его общественная деятельность в Терской области в 1910–1917 годах: автореф. ... канд. ист. наук (07.00.02). Нальчик, 2012. 26 с.
163. *Кириченко Н.* Ассинская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. частью, 1889. С. 22–38.
164. *Книевский С.А.* Самоуправление терского казачества XVI в. – 1917 г.: исторические корни и эволюция: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. 209 с.
165. *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества. (XVI–XVIII). Издание второе, исправленное и дополненное. СПб.: Историческая иллюстрация, 2002. 288 с.

166. *Козорезова П.* Александровская станица // СМОМПК. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. Гражд. частью, 1889. Вып. 8. С. 128.
167. Колядки та щедрівки: зимова обрядова поезія трудового року / упоряд., передмов. і примітки. О. І. Дей; ред. М. Т. Рильський. Київ: Наукова думка, 1965. 804 с.
168. *Корецький В.И.* Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. № 4, 1968 г. с. 120–130.
169. *Коркмасов М.* Кавказский художник князь Г. Гагарин. Махачкала: Дагест. Книжное изд., 1993. 128 с.
170. *Косвен М.О.* Описание гребенских казаков XVIII в. // Исторический архив, № 5. 1958. С. 181–183.
171. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М.: Изд. Вост лит., 1961. 260 с.
172. *Котов Ф.* Хожение купца Федота Котова в Персию. М.: Изд. Вост. лит., 1958. 111 с.
173. *Кравцов И.* Очерк о начале Терского казачьего войска. Харьков: Тип. И.М. Варшавчика, 1882. 80 с.
174. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов Т. 1–3. М.: Изд. Академии наук, 1954–1962.
175. Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М.: Наука, 1967. 356 с.
176. *Кузнецов И.Д.* Терские казаки и их рыбные промыслы. СПб.: Вестн. Казачьих войск, 1901. 31 с.
177. *Кулебякин И.* Гребенцы // Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / сост. А. Ржевуский. Владикавказ: Тип. Обл. правления, 1888. С. 231–257.
178. *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия. М.: Квадрига, 2010. 378 с.
179. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М.: Изд. Академии наук, 1963. 371 с.
180. *Кушева Е.Н.* О местах первоначального расселения гребенских казаков // Историческая география России XVIII в. Ч. II. Источники и их характеристика. М.: Ин-т истории СССР, 1981. С. 28–43.
181. *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. 555 с.
182. *Лашин М.* Пришибская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. Гражд. частью, 1889. С. 115–116.

183. *Лолаева А.В.* Особенности формирования осетинского казачества: автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). Владикавказ, 2008; 20 с.

184. *Лолаева А.В., Блиева З.М.* Начало формирования казачьих поселений из осетин // Вестник Северо-Осетинского Государственного университета. Общественные науки. 2014, № 3. С. 72–78.

185. *Лолаева А.В., Канукова З.В.* Перевод осетинских селений в статус казачьих станиц // Вестник Северо-Осетинского Государственного университета. Общественные науки. 2014, № 4. С. 108–110.

186. *Лолаева А.В.* Предпосылки возникновения осетинских казачьих станиц // Проблемы всеобщей истории и политологии: Сборник научных трудов. В. 4 / ред. Б.Г. Койбаев. Владикавказ, 2012.

187. *Лукьянов А., Иничкин Н.* Новогладковская станица // СМОМ-ПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главного нач. Гражд. частью, 1889. С. 58–60.

188. *Любов А.* Прохладная станица // СМОПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главного нач. Гражд. частью, 1889. С. 120–123.

189. *Магомадова Т.С.* Первые русские крепости в междуречье Террека и Сунжи в XVI–XVII вв. // Вестник академии наук Чеченской республики. 2010. № 2 (13). С. 106–113.

190. *Максимов Е.* Терское казачье войско. Историко-статистический очерк // Терский сборник. В. 1. Приложение к Терскому календарю на 1891 г. Владикавказ: Тип. Терского обл. Правления, 1890. Отд. 1. С. 1–168.

191. *Малявкин Г.* Станица Червленная Кизлярского отдела Терской области. Этнографическое обозрение. 1891. № 1. С. 113–136; № 2. С. 29–41.

192. *Марграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М.: С.В. Лепешкин, 1882. 288 с.

193. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М.: Яз. Славянских культур, 2007. 550 с.

194. *Марзоев И.Т.* История рода осетинских князей Таймазовых // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 584.

195. *Маркович Я.* Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 1. М.: Тип. В. Готье, 1859. 263 с.

196. *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начале XX в. М.: Наука, 1984. 216 с.

197. *Матвеев О.В.* Категория времени в устной истории кубанского казачества // Дикаревские чтения (5). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год.

Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар: ООО «Качество», 1999. С. 30–39.

198. Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Т. X // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 115. М.: Тип. М. Меркушева, 1903. 546 с.

199. Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Т. XII // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 134. СПб., 1911. 555 с.

200. Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII века). Ч. 1–3. /Документы к печати подготовил, предисловием и комментариями снабдил Г.Г. Пайчадзе). Тбилиси: Мецниереба, 1974–1979.

201. *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. III. Былины и исторические песни. М.–Л.: Гос. Изд., 1924. 351 с.

202. *Миллер Г.Ф.* О начале и происхождении казаков // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1760. Апрель. С. 291–334.

203. *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону: изд. Ростов. Унив. 1998. 510 с.

204. *Михайловский Г.* Исторические сведения о расколе среди терских (гребенских) казаков в XVIII столетии. Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1877. 27 с.

205. *Мужухоев М.Б., Плиев А.А.* Об одной попытке определения места первоначального расселения казаков // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. X. Грозный, 1976. С. 351–358.

206. *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. Нальчик: Эль-фа, 2000. 227 с.

207. Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. 587 с.

208. Народы России. Рисунки Е.М. Корнеева / ред.-сост. А. Панталева, вст. ст. Р. Алдонина. М.: Белый город, 2017. 95 с.

209. Народы России: Энциклопедия. М.: Большая рос. энцикл., 1994. 479 с.

210. *Нарожный Е.И.* Историко-географические реалии Нижнего Поволжья и Терско-Сулакского междуречья рукописной карты 1720-х гг. // Электронный научный журнал «APRIORI. Серия: Гуманитарные науки». APRIORI-JOURNAL.ru. № 5. 2016. С. 1–29.

211. *Нарожный Е.И.* О «гребенских казаках» А.И. Ригельмана из Татар-Тупова ущелья // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы третьей международной кубанско-терской научно-практической конференции. Армавир, 2002. С 24–26.

212. *Нарожный Е.И.* О «рязанской версии» И.Д. Попко и ранней истории казачества на Тереке (некоторые историко-археологические реалии) // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. Краснодар, 2003. С. 10–17.

213. *Невская Т.А.* Традиционная и современная свадьба сельского населения Ставрополя // Этнографическое обозрение. 1982. № 1. С. 89–100.

214. *Николаенко Н.Д.* Кавказское линейное казачье войско на защите южных рубежей России // Новый исторический вестник. 2004. № 11. С. 71–81.

215. *Николаенко Н.Д.* Эволюция линейных казачьих частей на территории Северного Кавказа и образование Кавказского линейного казачьего войска (30 гг. XVIII – 60 гг. XIX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). Ставрополь, 2008; 25 с.

216. *Ницык П.Д.* Бывшие военные поселения на Военно-грузинской дороге // Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / сост. А. Ржевуский. Владикавказ, 1888. С. 47–66.

217. Общие выводы относительно промысловых занятий в Терской области // СМОМПК. В. 8. Тифлис, 1889. С. 129–172.

218. Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. М.: Современник, 1989. 734 с.

219. Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 4 (167). М.: Универс. тип., 1893. С. 48–50.

220. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: А.С. Суворин, 1906. 528.

221. *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 299 с.

222. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. В 4 ч. СПб.: Академия наук, 1799.

223. Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска. Владикавказ, 1891–1914.

224. Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград, 2014.

225. *Палас П.-С.* Путешествия по южным провинциям Российской империи // *Аталиков В.М.* Наша старина. Нальчик: Эльбрус, 1996. С. 202–254.

226. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 59. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1887. 712 с.

227. *Панкратов Ф.С.* Гребенцы в песнях. Владикавказ: Тип. В.П. Просвирнина, 1895. 184 с.

228. «Педиатрия» по-екатериноградски // Живая старина. Нальчик, 1991. № 1. С. 144.

229. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXVIII. Терская область. СПб.: Тип. «Слово», 1905. 235 с.

230. Письма и бумаги императора Петра Великого. В 13 т. СПб.: Гос. тип., 1887–1918.

231. *Плющ А.* Станица Урухская // Терский сборник. В. 5. Владикавказ: тип. Терского обл. правления, 1903. С. 95–107.

232. *Подкатилин Р.* Зольская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. Гражд. частью, 1889. С. 117–120.

233. *Полиевктов М.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615–1640. (Посольства: Веревкина, Харитона, Феодосия, Никифора, Гегенева и Волконского). Тбилиси: Изд. Тбилисского унив. 1937. 483 с.

234. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 2. СПб.: изд. Археогр. комиссии, 1906. С. 303–532.

235. *Пономарев Ф. П.* Из быта кизляро-гребенских казаков // Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистический сведений о терском казачьем войске / Составил войсковой старшина А. Ржевуский. Владикавказ, 1888. С. 205–230.

236. *Пономарев Ф.П.* Материалы к истории Терских казаков. Малороссийский полк. // Терский сборник. В. 5. Владикавказ: тип. Терского обл. правления, 1903. С. 130–151.

237. *Пономарев Ф.П.* Материалы по истории Терского казачьего войска. 2-ой Малороссийский полк. // Терский сборник. В. 6. Владикавказ: тип. Терского обл. правления, 1904. С. 149–232.

238. *Попко И.Д.* Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Выпуск первый. Гребенское войско. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1880. 517 с.

239. Посольские книги по связям России с Ногайской ордой (1551–1561). Казань: Татарское кн. изд., 2006. 391 с.

240. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Даданскую землю (1639–1640 гг.) // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1887 г. Кн. 2. М.: Универс. тип., 1887. Отд. 1. С. 257–376.

241. *Потто В.А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1912. Т. 1 – 117 с. Т. 2 – 247 с.

242. *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 1–5. Ставрополь: Стрижамент, 1994.

243. Примечания на историю древней и нынешней России Г. Лекерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтинным. Т. 1. СПб.: Тип. Горного училища, 1788. 615 с.

244. *Прозрителев Г.Н.* Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. Ставрополь: Тип. Губерн. Правления, 1912. 23 с.

245. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 / ред. Н.Ф. Дубровин. В 8 Т. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886–1899.

246. Пугачев на Кавказе // Русская старина. 1883. Т. XXXVII. С. 167–170.

247. *Пятирублев В.* Наурская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. частью, 1889. С. 92–97.

248. *Пятирублев В.* Песни, поющиеся в той же станице // СМОМПК. Т. 15. Тифлис, 1893. С. 145–226.

249. *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978. 328 с.

250. *Рахаев Дж.Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг. Российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII в. М.: Универс. Д. Пожарского, 2012. 779 с.

251. *Ригельман А.* История или повествование о донских казаках. М.: Общ-во истории и древн., 1846. 154 с.

252. *Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще. М.: Общ-во истории и древн., 1847. 766 с.

253. *Рогожин Т.* Нечто из верований, поверий и обычаев жителей ст. Червленной, Кизлярского отдела, Терской области // СМОМПК. В. 16. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. частью, 1893. Отд. 1. С. 57–67.

254. *Романов Л.* Свадебные песни, поющиеся в станице Терской, Владикавказского округа // СМОМПК. В. 15. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. частью, 1893. Отд. 1. С. 302–303.

255. Российское казачество. Научно-справочное издание. М.: ОАО Можайский полигр. комб., 2003. 880 с.

256. Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. М.: Индрик, 2011. 775 с.

257. Русские / отв. ред.: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 2003. 827 с.

258. Русские: История и этнография / ред. И.В. Власова и В.А. Тишков. М.: АСТ: Олимп, 2008. 751 с.

259. Русские: народная культура (история и современность). В 5 т. М.: ИЭА, 1993–2002.

260. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.

261. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. документов / сост. В.Г. Гаджиев и др. М.: Наука, 1988. 355 с.

262. Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. док. / выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. М.: Изд. Вост. лит., 1997. 415 л.

263. *Сабеев П.* Новоосетинская станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. Гражд. частью, 1889. С. 110–111.

264. *Сампиев И.М., Акжиева С.И., Касымханов Р.К.* К вопросу о казачьей идентификации и самоидентификации // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. С. 178.

265. Сборник сведений о Терской области. В. 1. Владикавказ: Тип. Терского обл. Правления, 1878. 385 с.

266. Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 2. В. 1. Харьков: Тип. К.П. Счасни, 1890. 433 с.

267. *Северюков А.А.* Виноградарство и виноделие в низовьях р. Терек // Терский сборник. В. 5. Владикавказ: тип. Терского обл. правления, 1903. С. 268–297.

268. *Семенов П.* Несколько страничек из жизни казаков ст. Слепцовской // СМОМПК. В. 16. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. Гражд. частью, 1893. Отд. 1. С. 162–210.

269. *Семенов П.* О народной медицине в станице Слепцовской Сунженского отдела Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. В. 16. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. Гражд. частью, 1893. Отд. 2. С. 1–15.

270. *Семенов П.* Песни, поющиеся в станице Слепцовской // СМОМПК. В. 15. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. Гражд. частью, 1893. Отд. 1. С. 37–140.

271. *Семенов П.* Станица Слепцовская, Терской области, Владикавказского округа // СМОМПК. В. 5. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. Гражд. частью, 1886. Отд. 1. С. 172–208.

272. *Сень Д.В.* Источники по истории казачьего населения Дона и Северного Кавказа конца XVII – начала XVIII в.: проблемы поиска и

интерпретации // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 12 (74). С. 131–144.

273. *Сень Д.В.* Новые источники по истории казачества на Северном Кавказе конца XVII века // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2 (31). С. 47–51.

274. *Сильвестров В.* Старогладковская // СМОМПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. Частью, 1889. С. 61–62.

275. *Скрынников Р.Г.* Дворянское сословие в период смуты начала XVII в. // Вестник ВолГУ. Серия 4. Вып. 10. 2005 г. С. 167–171.

276. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М.: Соцэкгиз, 1958. 244 с.

277. *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 287 с.

278. *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 книгах. М.: Мысль, 1988–1895.

279. *Солонин Э.В.* Казачество Северо-Восточного Кавказа в XVI–XIX вв.: социально-экономическое, военно-политическое и культурное развитие: автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). Пятигорск, 2008. 25 с.

280. *Сопов А.В.* Проблемы происхождения и становления казачества Юга России: автореф. дисс. ... канд. ист. наук (07.00.07). Майкоп, 1999. 31 с.

281. *Сопов А.В.* Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // Вестник Московского университета. Серия 8: История. Вып. 4. 2008. С. 66–85.

282. *Сопов А.В., Заседателева Л.Б.* Динамика статуса казачества // Электронный научный журнал «Apriori». Серия: гуманитарные науки. WWW.APRIORI-JOURNAL.ru. 2015. № 3. С. 1–10.

283. *Сопов А.В., Сопов М.А.* Казачество: этнический и социальный статус // Электронный научный журнал «Apriori». Серия: гуманитарные науки». WWW.APRIORI-JOURNAL.ru. 2014. № 2. С. 1–9.

284. *Сосиев А.* Станица Екатериноградская. Историко-статистический очерк // Терский сборник. В. 5. Владикавказ: тип. Терского обл. правления, 1903. С. 1–29.

285. *Сосиев З.* Станица Черноморская // Терский сборник. В. 5. Владикавказ: тип. Терского обл. правления, 1903. С. 30–75.

286. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века / подгот.: Н.Б. Голикова. М.: Древлехранилище, 2004. 416 с.

287. Список населенных мест Терской области (по данным к 1-му июля 1914 г.). Владикавказ: Тип. Терского обл. Правления, 1915. 459 с.

288. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ: Тип. Терского обл. Правления, 1881. 470 с.

289. Статистический ежегодник. Обзор Терской области за 1905 г. // Терский календарь на 1907 г. Владикавказ: Терский обл. стат ком., 1907. 430 с.

290. *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989. 286 с.

291. *Суздальцева И.А.* Основные направления хозяйственной деятельности нижнетерского казачества в XVIII – первой половине XIX в. // Региональная история: методология, источники, историография. Сборник научных трудов третьих Международных Усмановских чтений. Уфа, 2016. С. 142–144.

292. *Сухоруков П.* Приближная станица // СМОМПК. В. 8. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. Гражд. Частью, 1889. С. 113–115.

293. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. В 5 кн. М.: Московский ун-тет, 1769–1848.

294. Терская область. Список населенных мест по сведениям 1874 года. Тифлис: Тип. Гл. упр. Наместника Кавказского, 1878. 84 с.

295. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / сост. А. Ржевуский. Владикавказ: Тип. Терского обл. Правления, 1888. 288 с.

296. *Ткачев Г.А.* О казачьем землепользовании: доклад, читанный на учредительном общеказачьем съезде в гор. Петрограде 7–19 июля 1917 г. Владикавказ: Войсковое правление Терского казачьего войска, 1917. 20 с.

297. *Ткачев Г.А.* Где было древнее аграханское войско? Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 37 с. (Извлечено из № 226, 229, 230 и 232 «Тер. вед.» за 1910 г.).

298. *Ткачев Г.А.* Гребенские, терские и кизлярские казаки. Книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и командах Владикавказ: Войсковой штаб Терского казачьего войска, 1911. 238 с.

299. *Ткачев Г.А.* Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1911. 156 с.

300. *Ткачев Г.А.* Искаженная история (по поводу статей г. Гассиева) // Терские ведомости. 1909. № 111.

301. *Ткачев Г.А.* Казаки и туземцы. В Терской области. По поводу толков о казачьем многоземельи и забижении туземцев. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1910. 37 с.

302. *Ткачев Г.А.* Ст. Александрийская (Жопай). Бывшее казенное селение Александрия // Сборник общества любителей казачьей старины. № 5. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1912. С. 23–38.

303. *Ткачев Г.А.* Станица Червленая. Исторический очерк. В. I. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1912. 223 с.

304. *Ткаченко Т.А.* Влияние государства на эволюцию социальной структуры терского казачества в XVII–XVIII вв.: этапы и особенности: автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). Пятигорск, 2005. 25 с.

305. *Тотоев М.С.* Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе // Известия Северо-осетинского Научно-исследовательского института. Т. XII. Дзауджикау, 1948. С. 137–178.

306. *Трепавлов В.В.* История ногайской орды. М.: Изд. Вост. лит, 2001. 751 с.

307. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877. Ко дню юбилейного празднования 3-го октября 1881 г. / сост. С. Писарев. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1881. 52, 16 с.

308. *Трут В.П.* Истребить поголовно. Как организовать расказачивание // Родина. 2004. № 5. С. 95–97.

309. *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-фа, 2000. 240 с.

310. *Тхамокова И.Х.* «Трехстенный городок» и его место в истории Северного Кавказа // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 352–362.

311. *Тюменцев О.* Начальный этап восстания И.И. Болотникова и вольное казачество // Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. В. 2. Ростов-на-Дону, 2008. С. 33–52.

312. *Тютюнина Е.С.* Нальчане – основатели станицы Зольской // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы восьмой международной кубанско-терской научно-практической конференции. Армавир, 2012. С. 114–119.

313. Украинцы / отв. ред.: Н.С. Полищук, А.П. Пономарев. М.: Наука, 2000. 534 с.

314. *Урусов С.М.* Станица Екатериноградская Терской области Моздокского отдела // СМОМПК. В. 33. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. Гражд. частью, 1904. Отд. 2. С. 1–34.

315. *Утевская О.Н., Новикова О.Ю., Атраментова Л.А., Дибирова Х.Д., Балановский О.П., Кузнецова М.А., Захарова Т.А., Почешихова Э.А., Чухряева М.И.* Генетические портреты четырех групп казачества: анализ гаплогрупп Y-хромосомы // IX конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 552–553.

316. *Утевская О.Н., Чухряева М.И., Схалыхо Р.А., Дибирова Х.Д., Теучеж И.Э., Агджоян А.Т., Атраментова Л.А., Балановская Е.В., Балановский О.П.* Происхождение основных групп казачества по данным

о полиморфизме Y-хромосомы // Вісник Одеського національного університету. Біологія. 2015. Т. 20. Вип. 2(37). С. 61–69.

317. *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М.: Изд. Академии наук, 1957. 259 с.

318. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987.

319. *Харламов П.К.* Казаки. Париж: Издатель Е.Т. Гетьман, 1956. 31 с.

320. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб.: Императорская тип., 1809. 597 с.

321. *Христианович В.* Сельскохозяйственные районы Кабарды. Воронеж: ЦИК, 1926. 214 с.

322. *Чекменев С.А.* Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII – и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967. 352 с.

323. *Чежулаев Н.Д.* Разрыв шамхала Адиль-Гирея с русскими властями, его причины и последствия // Вестник института ИАЭ. 2006. № 1. С. 26–36.

324. *Чернозубов Ф.Г.* Очерки терской старины. Из смутного времени. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1912. 26 с.

325. *Чернозубов Ф.Г.* Побег в горы. (История одной раскольничьей обители у Шамиля). 1849–1859 // Русский архив. 1911. В. 10. С. 249–261.

326. *Чистов К.В.* Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 223–230.

327. *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря (очерк по истории народных верований) / Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XL. М. Изд. Академии наук, 1957. 235 с.

328. *Шавров Н.Н.* Описание кавказского шелководства. Тифлис: тип. Канцелярии Главнокомандующего гражд. ч. на Кавказе, 1891. 320 с.

329. *Шенников А.А.* Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.: Наука, 1987. 139 с.

330. *Шереметев П.С.* Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. М.: Синод. Тип., 1914. 416 с.

331. *Штедер.* Дневник путешествия в 1781 году от крепости Моздок во внутренние области Кавказа // *Аталиков В.А.* Наша старина. Нальчик: Эльбрус, 1996. С. 179–202.

332. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия (Извлечения из сочинения Турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. В. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 287 с.

333. Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / отв. ред. К.В. Чистов. М.: Наука, 1987. 556 с.

334. *Юдин П.Л.* Астраханский губернский архив и его материалы: [читано 2 июля 1911 г. на заседании Терского общества любителей казачьей старины]. Б.м., 1911. 48 с. (Извлечено из № 147, 148 и 149 «Тер. вед.» за 1911 г.)

335. *Юдин П.Л.* Была ли Андреевка колыбелью Терцев // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 10. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1914. С. 35–42.

336. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе (из прошлого кавказского казачества) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 13. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1915. С. 94–141.

337. *Юдин П.Л.* Из-за власти (очерк из прошлого соединенного Гребенского казачества) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 9. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1912. С. 37–62.

338. *Юдин П.Л.* Из-за старой веры (к истории религиозных движений в Гребенском казачестве) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 13. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1915. С. 5–33.

339. *Юдин П.Л.* Материалы Кизлярского архива // Сборник общества любителей казачьей старины. № 6. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1912. 31 с.

340. *Юдин П.Л.* Очерки смутного времени на Кавказе // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1914. № 5. С. 7–68.

341. *Юдин П.Л.* Первое появление казаков на Кавказе (мысли и факты) // Терские ведомости. № 178–179. 1912.

342. *Юдин П.Л.* Первые казаки на кавказском рубеже // Терские ведомости. № 4. 1913.

343. *Юдин П.Л.* Первые поселения Гребенцов // Терские ведомости. № 7. 1913.

344. *Юдин П.Л.* С Волги на Терек (К истории заселения Поволжья и Кавказа) // Русский архив. Т. XXXIX. 1901. С. 531–544.

345. *Юдин П.Л.* С Хопра на Кавказ // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 11, 1914. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления. С. 5–63.

346. *Юдин П.Л.* Состав казачьих войск на Кавказе в 1767 г. // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 4, 1914. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, С. 5–19

347. *Юдин П.Л.* Терцы и их восточные соседи // Записки Терского общества любителей казачьей старины. №8, 1914. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления. С. 3–60.

348. *Юрченко И. Ю.* Проблемы исследований раннего этногенеза северокавказского казачества в контексте новейших генетических исследований // Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия, международная научно-практическая конференция. Пенза-Баку, 2011. С. 21–27.

349. *Яковлева Г.А.* Словарь русских терских говоров. Нальчик: Изд. КБГУ, 1985. 148 с.

350. *Яковлева Г.А.* Русские терские казачьи говоры Северного Кавказа. Нальчик: Полиграфсервис, 2000. 126 с.

351. *Яцимирский Б.М.* «Маланка» как вид святочного обрядового ряжения // Этнографическое обозрение. 1914. № 1–2. С. 46–77.

352. *Barrett T.M.* At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. Boulder, Colorado: Westview Press, 1999. 243 p.

353. Description ethnographique des peuples de la Russie / par T. de Pauly. St. Petersburg, 1862. 290 p.

354. *Güldenstädt J.A.* Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, hrgg. von P.S. Pallas. St. Petersburg: Bey der Kayserl. Akademie der Wissenschaften, 1787–1791.

355. Scènes, paysages, mœurs et costumes du Caucase dessiné d'après nature par le prince Grégoire Gagarine. 5 Livraison. Paris, 1845.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею

ГААО – Государственный архив Астраханской области

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края

КРО – Кабардино-русские отношения

ПМА – Полевые материалы автора

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РДО – Русско-дагестанские отношения

РЧО – Русско-чеченские отношения

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен

Кавказа

СПБНИИ – Санкт-Петербургский институт истории РАН

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Северной Осетии-Алании

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Изучение истории и традиций терского казачества	19
Изыскания XVIII – начала XX в.	19
Исследования советского и постсоветского периодов	46
Глава 2. Становление терского казачества и народы Северного Кавказа	105
Терские и гребенские казаки со второй половины XVI в. до 1722 г.	105
Появление терско-семейного и терско-кизлярского казачества (1722–1763 гг.)	148
Волжские и донские казаки на Кавказе (1763–1818 гг.)	163
Пополнение состава казачества за счет других групп населения (1818–1860 гг.)	172
Численность и состав терского казачества в 60-гг. XIX – начале XX в.	185
Глава 3. Система жизнеобеспечения: адаптация к природной и этнокультурной среде	217
Из истории хозяйства терского казачества	217
Земледелие	221
Скотоводство	240
Другие отрасли хозяйства	247
Поселения и жилище	264
Одежда	280
Пища	294
Глава 4. Общественный и семейный быт: многообразие традиций	323
Управление и самоуправление казачества	323

Особенности землепользования и хозяйственные функции общины	331
Религиозные верования	341
Структура семьи и внутрисемейные отношения	349
Обряды жизненного цикла	361
Календарные обряды	386
Заключение	419
Summary	431
Список основной литературы	432
Список сокращений	457

Научное издание

Тхамокова Ирина Хасановна

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
(XVI – начало XX в.)

Макет и техническое редактирование
А.В. Гергоковой

Подписано к размещению 25.12.17
Формат 60x84 1/16. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 26,7. Заказ 201

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: 8 (8662) 42-46-97
E-mail: kbigi@mail.ru